Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

На правах рукописи

КАНИЩЕВ Владимир Валерьевич

Жизненные траектории офицеров провинциальных гарнизонов Русской императорской армии в военно-революционную эпоху 1914-1922 гг.: просопографический анализ

Научная специальность 5.6.1. Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук,
профессор
Мизис Ю.А.

Тамбов - 2026

Оглавление

Введение…… 4
Глава 1. Социально-профессиональный облик кадровых офицеров Русской императорской армии провинциальных гарнизонов Воронежской, Курской и Тамбовской губерний накануне Первой мировой войны…… 84
1.1. Возраст и происхождение…… 84
1.2. Военное образование…… 111
1.3. Служебный путь…… 132
Глава 2. Судьбы офицеров провинциальных гарнизонов в годы Первой мировой войны (1914-1916 гг.) …..…… 155
2.1. Количественные характеристики служебного пути в первые годы мировой войны…… 155
2.2. Участие кадровых офицеров в боевых действиях……... 188
2.3. Участие офицеров в вопросах бытовой повседневности в условиях фронта……..... 229
2.4. Служба и жизнь в тылу…… 248
2.5. Особенности социально-профессионального облика и боевого пути офицеров военного времени (по материалам полков Тамбовской губернии) …… 267
Глава 3. Выбор жизненной позиции кадровыми офицерами и офицерами военного времени в период Революции 1917 г. и Гражданской войны 1918-1922 гг.…… 293
3.1. Количественные характеристики служебного пути офицеров в 1917-1922 гг.…… 294
3.2. Продолжение службы и изменения политических настроений офицеров фронта весной 1917 – зимой 1918 гг.…… 325
3.3. Положение тылового офицерства в 1917 – начале 1918 гг.…… 356

3.4. Факторы и мотивы включения бывших офицеров Русской императорской армии в Гражданскую войну…… 380
3.5. Типы офицеров военно-революционного времени…… 426
Заключение……... 464
Список использованных источников и литературы……..… 470
Приложения……..…… 520

Введение

Актуальность темы исследования. В истории Отечества офицерство всегда играло заметную роль и вызывало особое отношение в обществе. Вместе с тем, наряду с известными историческими личностями военных деятелей, зачастую, безликой оставалась масса представителей офицерского корпуса. Наилучшими образцами описаний биографий простых офицеров остаются художественные произведения, такие как «Война и мир», «Хождения по мукам», «Белая гвардии» или «Горячий снег». При всей глубине осмысления событий, яркости изложения судеб персонажей, умении выдающихся писателей представить своих героев как типичных представителей определенных слоев общества эти произведения имеют все же субъективный характер.

Особый интерес в этой связи вызывает изучение последнего поколения офицеров Русской императорской армии, прошедшего через испытания Первой мировой войны и революционной эпохи. Оценка их жизненных траекторий в течении столетия пережила немало сложных переплетений политико-идеологических и научных подходов.

В советское время, наряду с осуждением защитников царской власти, контрреволюционных «золотопогонников», изучался боевой опыт командиров Первой мировой войны, уважительно оценивалась верность профессии офицеров, вступивших в Красную Армию. В эмигрантской среде переживание горечи поражения в Гражданской войне, воспевание благородства «господ офицеров» сочеталось с научным стремлением разобраться в причинах неудач белых армий. В перестроечном СССР и постсоветской России наметилась тенденция на признание Гражданской войны национальной трагедией, а бывших «царских» офицеров жертвами этой войны. В последнее десятилетие наблюдается перемещение историографического маятника в срединное положение: отказ от идеализации или резкого осуждения «царского» офицерства, заметный переход к

объективному его изучению на основе широкого круга разнообразных исторических источников.

Однако, на данный момент так и не дана объективная оценка социально-профессиональных критериев офицерского корпуса позднего имперского периода. Так, не учитываются различные факторы, определяющие степень эффективности организационно-командного уровня офицерства, степени его подготовленности к принципиальной новой не только по масштабам, но и по уровню технологий войне. Малоизученным остается поведение конкретных офицеров на поле боя. В недостаточной степени уделяется внимание психологическим аспектам формирования первоисточников, в которых упоминаются поступки офицеров с позиции явно субъективных оценок. Немаловажным остается умение исследователей отделять понятия героизма от безрассудной лихости и безнадежностью положения, которые в реалиях зачастую доминировали над героическим началом. Это же касается и более взвешенных оценок тяжелого военно-политического выбора, который делали многие офицеры, находясь на историческом переломе.

Ввиду вышесказанного следует отметить, что историки зачастую недостаточно используют современные методы и технологии. В частности, мало учитывается то, что электронные Базы данных, сформированные на основе массовых источников, созданных разными авторами, имевших целью только констатацию биографических фактов, позволяют более объективно и четко «измерить» жизненные траектории больших групп людей, особенно применительно к бурной военно-революционной эпохе.

Степень изученности темы. Говоря об исследованиях обозначенной проблемы, сразу отметим, что работ, специально посвященных истории русского офицерства всей первой четверти XX в., совсем немного. Поэтому мы в первую очередь учитываем общие труды по истории периода в целом, в которых относительно широко рассматривались роль и место офицеров в военно-революционных событиях 1914-1922 гг. Для нас эти труды важны тем, что они дают возможность понять предпосылки деятельности конкретных

офицеров Русской императорской армии в военно-революционный период и в какой-то мере наиболее общие изменения коллективного портрета офицерства.

Историографический анализ мы построили по проблемно-хронологическому принципу. Советскую историографию невозможно рассматривать без сопоставления с современной ей эмигрантской исторической литературой и работами зарубежных историков, которые отражали различные идеологические и научные тренды. Нынешнее состояние изучения темы во многом связано с возвратом к обсуждению на новом уровне проблем, которые давно были сформулированы зарубежными русскими и иноязычными авторами. Нами было выделено несколько проблемных блоков, нашедших свое отражение в изучении данной темы на разных этапах.

Классовый и социально-профессиональный состав офицерства.

Понятно, что большая часть работ историков касалась отдельных сюжетов и периодов в большой истории офицерства России начала XX в. Один из центральных сюжетов, который привлекал внимание еще дореволюционных историков, был вопрос о социальном составе русского офицерства в начале XX в.

Интересны наблюдения П.А. Режепо, подготовившего цикл работ об офицерском вопросе в начале XX века, в которых обратил особое внимание на такие характеристики офицеров, как возраст и зависимость от него при продвижении по службе и нормального ее несения[1].

В основе советской исторической науки лежали ленинские высказывания о состоянии царской армии в период мировой войны и революции. Прежде всего, обратим внимание на принципиальное ленинское положение о том, что государства везде, в том числе и в России, готовили десятки тысяч офицеров для осуществления террора против пролетариата[2].

---

[1] Режепо П. А. Статистика генералов. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1903. 124 с.; он же. Статистика полковников. СПб.: «Столичная тип.» С.Х. Золотухина, 1905. 30 с.; он же. Офицерский вопрос. СПб.: Русская скоропечатня, 1910. 35 с.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 40. М.: Изд-во Политич. лит-ры, 1974. С. 56-58.

Конечно, В.И. Ленин не располагал конкретными данными о социально-политическом облике российского офицерства. Его оценки этого состава были умозрительно идеологизированными и очевидно политизированными. В марте 1917 г. лидер большевиков писал о смене в годы Первой мировой войны заскорузлого дворянства и гнилого чиновничьего командного состава русской армии свежим буржуазным, разночинским, мелкобуржуазным[1]. В этой фразе мы видим положительный контекст в оценке офицеров из буржуазной среды. Но осенью 1917 г. он осуждал буржуазное офицерство, которое стало корниловским[2].

В годы Гражданской войны В.И. Ленин перешел к крайне резким оценкам офицерства. Он считал его социальной опорой Белого движения, называл бешеным в своей ненависти к рабочим и крестьянам. Говоря о белогвардейских политических режимах, лидер большевиков связывал их с «полным разгулом офицеров, помещичьих сынков»[3]. Ленинские оценки офицерства легли в основу советской историографии, вынуждая историков подстраиваться под них. Но этот процесс не начался, как говорится, сиюминутно, при жизни самого В.И. Ленина.

В ранней советской литературе явно предлагались классовые оценки состава офицеров царской армии. Так, М.И. Ахун и В.А. Петров прямо писали, что офицеры в подавляющем большинстве были представителями господствующих классов буржуазно-помещичьего государства[4].

В самой первой крупной работе о русской армии периода мировой войны А.М. Зайончковского прозвучала мысль о том, что армия выступила на войну с недостаточно подготовленными дивизиями, корпусами, армиями и фронтами, но это не относилось к личным качествам офицеров[5]. Однако даже

---

[1] Там же. Т. 31. С. 15.
[2] Там же. Т. 34. С. 294-295.
[3] Там же. Т. 39. С. 47, 244.
[4] Ахун М. И., Петров П. В. Царская армия в годы Империалистической войны. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и СС.-поселенцев, 1929. С. 20.
[5] Зайончковский А. М. Первая мировая война. 1914-1918. М.: Огиз – Гос. воен. изд-во, 1931. 455 с.

такая обтекаемая и косвенная оценка не могла долго «удержаться» в советской исторической литературе.

В историографии 1960-1980-х гг. доминировали схематические положения И.И. Минца о роли и месте офицерства в революционных событиях 1917 г., которые он наиболее развернуто изложил в своей 3-томной монографии[1]. Состав офицерства он называл буржуазно-помещичьим. В главах, посвященных Февральской революции в городах и действующей армии, И.И. Минц привел много конкретных фактов о поведении офицеров в ходе революции и в первые послефевральские дни. В целом он оценивал это поведении либо как контрреволюционное, либо трусливое (желание уклониться от борьбы). И.И. Минц изложил факты признания офицерами Временного правительства определенных проявлений гибкости командиров в отношениях с солдатами в первые дни после Февраля. Но все-таки главным для него оставался классовый подход, который особо проявился в оценке противодействия офицеров работе солдатских комитетов.

Применительно к последующим месяцам 1917 г. И.И. Минц придерживался той же схемы классового противостояния буржуазно-помещичьей верхушки офицеров и солдат, следования мелкобуржуазных низов офицерства за соглашательскими партиями. При этом академик подчеркивал склонность офицерства прибегать при первой возможности, начиная с июльских дней, к репрессиям и контрреволюционным действиям. Приводя отдельные факты поведения офицеров во время Октябрьской революции и первые послереволюционные месяцы, И.И. Минц делал упор на сопротивление офицерства установлению Советской власти и демократизации армии.

Ради историографической объективности, стоит заметить, что И.И. Минц в одной из последних своих работ несколько скорректировал свои прежние упрощенные схемы. Так, он по-прежнему говорил о том, что в

[1] Минц И. И. История Великого Октября: в 3 т. М.: Наука, 1967-1973.

феврале 1918 г. армия была ослаблена контрреволюционной деятельностью части офицеров, которые покидали свои воинские части и уходили в Киев или на Дон[1]. Применительно к весенним месяцам много писал об организационно-технических сложностях назначения военных комиссаров на местах, но ни слова не произнес о контрреволюционных позициях офицеров[2].

Далее опять-таки возвращался к советским схемам. В ответ буржуазным авторам, которые видели первые успехи Красной Армии в привлечении военспецов, И.И. Минц только отчасти признавал их роль в наведении порядка в Красной Армии. Большую роль он приписывал младшим и средним командирам из рядовых и унтер-офицеров[3].

Отдельно обсуждался вопрос об изменениях в социальном составе за годы Первой мировой войны. Л.М. Спирин писал о том, что среди штаб-офицеров выросло число представителей буржуазии, а основная масса прапорщиков военного времени происходила из средней и мелкой буржуазии, учителей, служащих[4]. Примерно такую же оценку социального состава русской армии давал Д.А. Гаркавенко: верхние этажи военно-иерархической лестницы занимали дворяне, офицеры военного времени занимали должности только младших командиров[5].

В советской литературе наиболее широкую характеристику социально-профессионального облика российского офицерства конца XIX - начала XX в. дал П.А. Зайончковский[6]. Вопросы численного и социального состава офицерского корпуса Русской армии затрагивали Л.Г. Бескровный и А.П. Карелин. В целом они признавали демократизацию состава офицеров в

[1] Минц И. И. Год 1918-й. М.: Наука, 1982. 576 с.
[2] Там же. С. 522.
[3] Там же. С. 529.
[4] Спирин Л. М. В.И. Ленин и создание советских командных кадров // Военно-исторический журнал. 1965. № 4. С. 3-16.
[5] Гаркавенко Д. А. Партия, армия и флот в Февральской революции: Воен. работа большевистской партии в период подготовки и проведения Февральской буржуазно-демокр. революции 1917 г. Л.: [б. и.], 1972. С. 53.
[6] Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX - XX столетий, 1881-1903. М.: Мысль, 1973. 371 с.

пореформенный период. И все-таки А.П. Карелин предложил термин «одворянивание» применительно к среднему и высшему офицерству[1].

Особое место в историографии нашей темы занимает монография В.Д. Поликарпова, который обратился к вопросу о военной контрреволюции в России начала XX в. Для нашего исследования важно, что его книга охватывает период от 1905 г. и до начала Гражданской войны, дает возможность понять, что контрреволюционность многих офицеров в 1917 г. была предопределена их действиями на «внутреннем фронте» в карательных экспедициях 1905-1907 гг. При этом мы учитываем то, что монография В.Д. Поликарпова некоторое время «побыла в опале», в целом ее концепция осталась марксистской. С первых строк книги автор представлял офицеров как носителей навыков эксплуататоров в военном деле[2]. На многих страницах своей книги В.Д. Поликарпов проводил мысль о том, что офицеры царской армии с классовых позиций всегда были готовы бороться с революционным движением.

Из таких социологических построений правоверные советские историки выводили политический раскол офицерства, особо подчеркивая, что большинство генералов и штаб-офицеров относилось враждебно к революционным массам[3].

Крупные произведения эмигрантской литературы по военно-революционной тематике мы решили рассмотреть после работ советского периода. Они создавались в отличной от советской политико-идеологической среде, а также ограниченных возможностях работы с источниками периода 1917-1922 гг.

В эмигрантской литературе наиболее интересными и точными были и остаются общие характеристики и яркие зарисовки настроений и поведения офицерства на отдельных отрезках военно-революционной эпохи, данные

---

[1] Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. 238 с.; Карелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979. 304 с.

[2] Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России, 1905-1917. М.: Наука, 1990. С. 26-27.

[3] Ионин А. М. Деятельность КПСС по подготовке военных кадров. М.: Воениздат, 1976. С. 35-37.

А.И. Деникиным, часть из которых признавалась даже советской историографией[1]. Конечно, большой генерал не мог видеть судьбы представителей основной массы офицерства, но его профессиональные оценочные высказывания, отличавшиеся образностью и глубиной, позволяют в принципе понять политический и жизненный выбор отдельных групп офицеров. Большой знаток русской армии считал ненужным доказывать то, что громадное большинство офицерского состава было лояльно по отношению к идее монархизма и к личности государя. Позднейшие эволюции военачальников-монархистов Деникин объяснял карьерными соображениями, малодушием, желанием удержаться у власти. Более редким явлением он называл крушением идеалов, переменой мировоззрения или мотивами государственной целесообразности[2].

При изучении фундаментальной работы о мировой войне Н.Н. Головина мы учли не только общие оценки состояния Русской армии и ее офицеров в годы той войны, но отдельные сюжеты, связанные с фронтовой психологией и моральным обликом офицеров, их настроениями в период падения царского правительства[3].

Подробно о судьбах офицеров как жертв Революции 1917 г. Н.Н. Головин писал на многих страницах своей 1-й книги о Русской контрреволюции[4]. В целом во всех 12-ти книгах этой работы Н.Н. Головин дал широкую характеристику социально-психологического состояния офицерства в период Революции 1917 г. и начала Гражданской войны. Он исходил из того, что к началу революции русское рядовое офицерство не носило ни сословного, ни классового характера. Более того, он утверждал, что большинство младших офицеров и юнкеров 1917 г. вышло из крестьянства. В условиях тяжелой войны офицерство, по мнению Н.Н. Головина, стало представлять собой

---

[1] Деникин А. И. Очерки русской смуты: [В 5-ти т.] Париж; Берлин: J. Povolozky & C°; Слово, Медный всадник, 1921-1926.
[2] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. Париж: J. Povolozky & C°, 1921. С. 10-11.
[3] Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж: Т-во объединённых издателей, 1939. Т. II. С. 180-181.
[4] Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Париж: [б. и.], 1937. Ч. I. 168 с.

группировку не классового, а социально-психологического характера[1]. В 1917 г. это обособление усилилось, что отразилось на отношениях офицеров к солдатам. После Корниловского выступления произошло окончательное «расцепление» между этими «долженствующими частями Армии»[2].

Н.Н. Головин одним из первых писал, что после Корниловского мятежа офицерство, исстрадавшееся и загнанное, находилось всецело в руках озверевших солдатских масс[3]. Отдельно он заметил, что офицеры, состоявшие в запасных войсках, находились в плену у солдат этих частей[4]. Ко всему этому добавилось тяжелое материальное положение офицеров в конце 1917 г.[5] Н.Н. Головин много писал о том, что несправедливые гонения, которым подверглось офицерство со стороны солдат и большей части революционной демократии, оттолкнули его от революции. В настроениях офицерства произошел перелом в сторону забвения отрицательных сторон «старого режима», свергнутая Царская власть превращалась в символ Великой России. Деспотизм, жестокость большевистской власти и позорный Брестский мир усилили эту тенденцию[6].

В этой ситуации, как считал Н.Н. Головин, офицерство под воздействием профессиональной симпатии и чувства «самосохранения» тянулось к военным вождям[7]. Вокруг них собирались патриотично и действенно настроенные младшие офицеры Действующей армии, которых он назвал лучшими офицерами[8]. Оригинальны рассуждения Н.Н. Головина о том, что монархические настроения добровольцев не имели реставрационных мотивов. В отличие от старого кадрового офицерства, реставрационный монархизм не притягивал к себе массы молодого офицерства, которое

---

[1] Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Париж: [б. и.], 1937. Ч. 2. Кн. 3. С. 99; он же. Ч.5. Кн.12. С. 72.
[2] Там же. Ч. 1. Кн. 2. С. 133.
[3] Там же. С. 117.
[4] Там же. Ч. 2. Кн. 3. С. 28.
[5] Там же. Ч. 1. Кн. 2. С. 149.
[6] Там же. Ч. 3. Кн. 5. С. 63-64.
[7] Там же. С. 16.
[8] Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Париж: [б. и.], 1937. Ч. I. Кн. 1. С. 81; он же. Кн.2. С. 41, 63.

составляло основу добровольческих формирований. У него символом веры продолжала оставаться Великая Россия[1].

П.Н. Милюков в «История второй русской революции» основное внимание обращал на зависимость положения офицерства в 1917 г. от политической ситуации в стране. Он признавал, что развал армии и падении дисциплины начались до революции, но главную роль в этом процессе сыграла агитация против войны революционного времени[2]. Во 2-м и 3-м выпусках книги П.Н. Милюков постоянно писал о нарастании неповиновения солдат офицерам во время похода Корнилова на Петроград. После корниловщины, по его словам, отношения солдат и офицеров испортились и вообще слово офицер осенью 1917 г. стало бранным и вызывало враждебность. Итогом такой ситуации П.Н. Милюков называл неспособность офицеров организовать противодействие большевикам в Петрограде и Москве[3].

Типичным образцом эмигрантской литературы о русской армии предвоенного и военного времени можно признать сочинение А.А. Керсновского. Мы согласны с теми историками, которые считают это произведение больше очерками, нежели фундаментальным трудом по военной истории. 4-й том его книги наполнен характеристиками довоенного офицерства, а также подпрапорщиков, прапорщиков, офицеров из интеллигенции и полуинтеллигенции военного времени. Эти красивые зарисовки в определенной степени полезны для понимания судеб групп офицеров в военно-революционную эпоху[4].

В одной из крупнейших эмигрантских работ по истории Революции 1917 г., в книге Г.М. Каткова о Февральской революции и ее последствиях речь идет об изменениях социального состава нового контингента офицеров с подчеркиванием того, что офицерская карьера перестала быть прерогативой

---

[1] Там же. Ч. 3. Кн. 6. С. 84-85, 89.; он же. Ч. 5. Кн. 11. С. 99.
[2] Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1. София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921. С. 84-85.
[3] Там же. Т. 1. Вып. 2. С. 264-265, 279-280; он же. Вып.3. С. 302.
[4] Керсновский А. А. История русской армии. [В 4-х т.] Т. 4. М.: Голос, 1994. 368 с.

высших классов. Оригинально звучала мысль о том, что для офицеров военного времени патриотизм означал присягу родине, а не государю[1]. Эта мысль существенно отличается от позиций советской историографии, которая сознание офицеров представляла сугубо с классовых позиций. Вслед за Н.Н. Головиным Г.М. Катков много писал о тяжелой атмосфере в Петрограде после Февральской революции вследствие ожесточенности солдат против офицеров[2].

В 1990-2000-е гг. однобокое изображение старой русской армии и ее офицерского корпуса позволили преодолеть работы С.В. Волкова по истории русской армии, в том числе и первой четверти XX в.[3] Для нашего исследования особое значение имеют собранные этим историком обширные базы данных об офицерстве. Обработка таких мега-данных с помощью математико-статистических методов и информационных технологий в перспективе может стать важным направлением изучения истории Гражданской войны[4].

Мы использовали не только факты биографий изучаемого нами круга лиц, но и учитывали называемые С.В. Волковым факторы офицерского поведения в годы Революции и Гражданской войны.

В начале 1990-х гг. С.В. Волков привел достаточно убедительные данные о снижении в офицерском корпусе начала XX в. числа дворян и увеличении процента выходцев из бывших «податных сословий». Накануне и в ходе Первой мировой войны эта тенденция продолжила расти, и офицерский корпус всё больше соответствовал составу населения страны[5].

Среди работ 2000 - начала 2010-х гг. выделим докторскую диссертацию и монографии И.Н. Гребенкина о боевом и жизненном пути русских офицеров в период Первой мировой войны и революционных событий 1917-1918 гг. Этот историк пишет о неоднородности офицерского корпуса периода мировой

---

[1] Катков Г. М. Февральская революция. М.: Центрполиграф, 2006. С. 46.
[2] Там же. С. 280.
[3] Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 367 с.; он же. Белое движение в России: организационная структура (Материалы для справочника). М.: [б. и.], 2000. 368 с.; он же. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога: в 2 т. М.: ФИВ, 2012.
[4] Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. // URL: https://swolkov.org/.
[5] Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 367 с.

войны в качественном отношении, выделяет такие группы, как наиболее боеспособный и профессионально пригодный элемент, основная масса офицерского корпуса его «серый» фон, не обладавшая необходимой подготовкой, опытом, достаточной мотивацией для их совершенствования; заметная часть офицерства, не сумевшая проявить себя в боевых условиях, либо изначально стремившаяся избежать фронтовой службы и дискредитировавшая образ офицера в глазах солдатской массы и общества в целом[1].

Другой современный историк В.Н. Суряев на основе конкретных данных о процентном содержании представителей различных сословий Российской империи в структуре армии кануна Первой мировой войны опроверг стереотипное мнение о невозможности построения военной карьеры лицам, не имевшим дворянского происхождения[2].

Для понимания социально-профессионального облика офицерства 1910-х гг. необычайный интерес представляет статья социолога А.Б. Рахманова, который количественно измерил не только возраст, образовательный, сословный, национальный состав, но и «скорость подъема» офицеров. Офицерский корпус РИА он рассмотрел в рамках концепции рациональной бюрократии М. Вебера как смешение традиционного и легального типов господства. По мнению А.Б. Рахманова, это обусловило синтез противоречивых оснований социальной мобильности в офицерском корпусе: образования, сословности, национальности, боевых заслуг[3].

---

[1] Гребенкин И. Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914-1918 гг. Рязань: Ред.-изд. центр РГУ им. С. А. Есенина, 2010. 398 с.; он же. Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914-1918 гг.: автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Рязань, 2011; он же. Долг и выбор: Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914-1918 гг. М.: АИРО-XXI, 2015. 528 с.

[2] Суряев В. Н. Офицеры Русской Императорской армии. 1900-1917. М.: Русская панорама, 2012. 272 с.; Он же. «...Не дворянское звание делало офицером, а офицерское звание делало дворянином». Сословное происхождение русского офицерства начала XX века // Военно-исторический журнал. 2017. № 4. С.4-10; Он же Структура русского офицерского корпуса накануне Первой мировой войны // Российская история. 2017. № 6. С.114-128.

[3] Рахманов А. Б. Социальная мобильность в царстве Марса: российская императорская армия в 1912 году // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 162-186.

Увеличение возможностей служебного продвижения офицеров в годы Первой мировой войны и особенно после Февральской революции как проявление социальной мобильности представил Д.Г. Симонов[1].

Среди работ последних десятилетий о составе офицерского корпуса Русской армии упомянем также книгу А.М. Лушникова, содержащую характеристику изменений национального, образовательного, сословного состава офицерства за длительный исторический период, в т.ч. начала XX в.[2], а также диссертацию А.В. Гайворонской о социокультурном облике одной из групп российских офицеров[3].

Для понимания социального облика офицеров интерес представляют работы о подготовке офицеров и кадровой политике российского государства начала XX в. В 2000-2010-е гг. в ряде статей на основе изучения правил приема в военные учебные заведения и отдельных высказываний военных и государственных деятелей России начала XX в. звучат утверждения о сохранении традиций в вопросах обучения и продвижения офицеров по службе, особенно протекционизма при назначении на высшие должности[4].

В последние годы стали появляться специальные работы о подготовке офицеров в годы мировой войны. Наряду с известным из советской историографии тезисом о демократизме прапорщиков военного времени в них проявляется другой «крен»: утверждения о снижении качества профессиональной подготовки офицеров[5]. Некоторые историки особо говорят

---

[1] Симонов Д. Г. Социальная мобильность офицерского корпуса Русской армии во время Первой мировой войны Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 3. С. 103-117.

[2] Лушников А. М. Армия, государство и общество: система военного образования в социально-политической истории России (1701-1917гг.). Ярославль: Яросл. гос. техн. ун-т, 1996. 151 с.

[3] Гайворонская А. В. Социокультурный облик офицеров Кубанского казачьего войска (1860 -1914 гг.): автореф. дис. …канд. ист. наук. Краснодар, 2013.

[4] Гребенкин А. Н. Правила приема в военно-учебные заведения Российской империи в 1863-1917 гг. // Вестник гуманитарного и муниципального управления. 2013. №1. С. 53-60; Курдюк А. А. О порядке назначения должности генералов и офицеров русской армии в начале XX века // Вестник Военного университета. 2007. Май. С. 81-86; Порошин А. А. Из истории аттестования офицеров в Русской армии // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. История. Международные отношения, вып. 1. С.46-49.

[5] Аракелова М. П., Загоруйко М. В. Влияние событий Первой мировой войны и Февральской революции 1917 г. на формирование офицерского корпуса // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2011. № 2. С.87-101; Волков С. В. Выпуск офицеров из военных училищ и школ прапорщиков в годы Первой мировой войны (анализ количественных данных) // Вестник ПСТГУ. 2014. Вып. 5. С. 34-45; Константинов С. В., Оськин М. В. Русские офицеры военного времени. 1914-1917 гг. // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 107-111.

об актуальности изучения патриотического воспитания русского офицерства начала XX в.[1]

В современной историко-политологической литературе сохраняется утверждение о том, что в русской армии уже со второй половины XIX в. шла борьба «традиционалистов» и «модернизаторов», право-монархически настроенной части офицерства с либерально и демократически настроенными кругами офицерского корпуса[2]. Однако такие рассуждения обычно не подкрепляются достаточным количеством фактического материала.

К мнению О.М. Михайленка отчасти примыкает и позиция А.Ю. Фомина, который, рассматривая место офицерства в публичной политике начала XX в., критикует взгляды П.А. Зайончковского, В.Д. Поликарпова и некоторых современных историков, дававших категоричные оценки преобладанию контрреволюционности и монархизма в настроениях русской армии того времени. А.Ю. Фомин признает новые подходы И.Н. Гребенкина о преобладании в офицерской среде не монархизма, а конформизма, вместе с тем не соглашается с тезисом коллеги о пассивной лояльности властям[3].

Психология офицера-комбатанта и героизма в годы Первой мировой войны.

Отдельного внимания заслуживает сюжет о психологии офицера-комбатанта. Один из основоположников изучения военно-психологической тематики Н.Н. Головин лишь в самом общем виде сформулировал мысль о том, что главным в изучении боя должно стать изучение деятельности и свойств человека как бойца[4].

В советской литературе преобладали высокопарные идеологизированные рассуждения о героизме в защите социалистического

---

[1] Симашенков П. Д. Деятельность органов власти по укреплению морального духа офицеров русской армии в межвоенное десятилетие (1905–1914 гг.). Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 181 с.

[2] Михайленок О. М. Российская государственность и вооруженные силы в 1861-1914 гг.: историко-политологический аспект: автореф. дис. …канд. полит. наук. М., 1997. С. 22.

[3] Фомин А. Ю. Российское офицерство и публичная политика политические взгляды военнослужащих в отражении военной печати: 1906–1914 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2022. С. 5-8.

[4] Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне: в 2 т. Париж: Т-во объединённых издателей, 1939. Т. 1. 211 с., Т. 2. 246 с.

Отечества. Наиболее типичными в этом смысле были труды военного педагога и психолога генерала Д.В. Волкогонова[1].

В современной научной литературе вопросы героизма стали рассматриваться в первую очередь как социально-психологическое явление. Наиболее крупным исследованием такого типа считается монография В.В. Серебрянникова «Социология войны»[2]. Среди работ историков постсоветского времени наиболее ценны специальные исследования Е.С. Сенявской о психологии комбатанта[3]. Интересным дополнением исследований Е.С. Сенявской стала работа П.Г. Култышева об историко-антропологическом подходе к облику воинов русской армии[4].

Вопросы о взаимодействии человеческого фактора и деятельности военных структур, личностно-психологических качеств воинов, роли офицеров как организаторов солдатской жизни в годы Первой мировой войны на широком фактическом материале показал А.Б. Асташов[5].

В 11-м томе «Истории России» в 1-й книге отметим стремление В.П. Булдакова и его соавторов избежать однозначных оценок офицерства: признание смягчения уровня сословно-психологической отчужденности генералов и офицеров, офицеров и солдат во время войны; наличие положительных примеров во взаимоотношениях солдат и офицеров, сохранение демонстративного бодрячества офицеров до конца войны, нормальность полинациональности и поликонфессиональности офицерской среды[6]. Особенно обратим внимание на наличие специального параграфа о

---

[1] Волкогонов Д. А. Феномен героизма. О героях и героическом. М.: Политиздат, 1985. 263 с.
[2] Серебрянников В. В. Социология войны. М.: Науч. мир, 1997. 397 [1] с.
[3] Сенявская Е. С., Сенявский А. С., Жукова Л. В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 422 с.; Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 232 с.
[4] Култышев П. Г. Русская армия в Первой мировой войне. Историко-антропологический аспект: автореф. дис. …канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2010.
[5] Асташов А. Б. Русский фронт в 1914 - начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 740 с.
[6] История России: в 20 томах. Т. 11. Империя, война, революция. 1914 – 1917 годы. Кн. 1: От войны к краху империи. М.: Наука, 2024. С. 94, 350, 383, 584 и др.

военной обыденности, в том числе и офицерского быта. В работах такого масштаба данный сюжет не рассматривался вовсе[1].

С позиций социальной истории весьма реалистичным выглядит объяснение поведения офицеров в 1917 г. чисто житейскими, нежели политическими обстоятельствами. В частности, А.В. Шубин пишет о том, что в условиях революции офицеры, которые во время войны могли сорваться на солдатах, теперь начали ссылаться на более объективные проблемы неповиновения – плохое питание, приказы идти в бессмысленные атаки и др.[2]

Политическое размежевание офицеров в период Революции 1917 г.

Как и в наиболее крупных трудах, в отдельных монографиях, диссертациях, статьях одним из основных подходов было и остается определение обстоятельств и конкретных проявлений размежевания старого офицерства в революционных событиях 1917 г.

Советская трактовка отношения офицеров к Февральской революции и последующим военно-революционным событиям 1917 г. и последующих лет была изначально предопределена указанными выше оценками В.И. Ленина, а также большевистской партийной печати периода революции.

Газета «Правда» от 10 марта 1917 г. сообщала: «В Петербурге революционные войска победили без офицеров …Только после победы офицерство стало присоединяться к революции». К 10 марта произошло «повсеместное присоединение офицерства к революции», которое газета связывала с хлопотами буржуазии, желавшей взять революцию под свой контроль[3]. Прежде всего, в этих фразах видно проявление примитивного пропагандистского клише о буржуазии, возглавившей в начале марта 1917 г. контрреволюцию. При непредвзятом подходе очевидно, что офицерство к буржуазии в прямом марксистском смысле слова заметного отношения практически не имело. Другое дело, что радикальные революционеры всех

[1] Там же. С. 347-361.
[2] Шубин А. В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 г. М.: ООО Родина Медиа, 2014. С.301.
[3] Правда. 1917. 10 марта.

своих противников называли буржуями. Для нашей темы это важно учитывать в связи с тем, что многие солдаты под воздействием подобной пропаганды стали воспринимать офицеров не как командиров, а как классовых врагов. Впоследствии именно такого рода оценка офицеров как сторонников буржуазии в 1917 г., а затем в Гражданской войне легла в основу советской историографии.

Справедливости ради нужно отметить, что в советской историографии взгляд на офицерство 1917 г. не был однозначным.

Один из первых историков Гражданской войны в широком ее понимании как единства событий 1917-1920 гг. А.И. Агишев писал об изначальной контрреволюционности генералитета из помещиков. При этом отдельно говорил о колеблющейся мелкобуржуазной и интеллигентской части офицерства армии[1]. Он согласился со словами А.И. Деникина, произнесенными в июне 1917 г., о готовности части рядового офицерства нести свои обязанности, другой части плыть по течению, третьей части ползти на брюхе перед вождями революции. Но в целом А.И. Агишев считал офицерство мелкобуржуазной массой, которое в период революции «спряталось в свою скорлупу», проявило своеобразное офицерское дезертирство[2].

Классический набор оценок русской армии и ее судьбы в эпоху войн и революций сформировался в «Истории гражданской войны в СССР». Авторы 1-го тома этого труда утверждали, что Первая мировая война расшатала офицерство как кастовую группу, пошел процесс демократизации офицерства. Но в бурные дни Февральской революции, офицеры, по мнению авторов книги, потерялись, и только при поддержке союза офицеров заняли в 1917 г. контрреволюционную позицию[3].

---

[1] Агишев А. И. Очерки истории гражданской войны. 1917-1920 гг. Л.: Гос. изд-во, 1925. С. 28.
[2] Там же. С. 35-37.
[3] История гражданской войны в СССР. Т. 1. Подготовка Великой пролетарской революции. (От начала войны до начала окт. 1917 г.) [Текст] / Под. ред. М. Горького и др.; Сост.: А. Л. Берман, В. А. Быстрянский, М. Горький и др. Москва.: История гражданской войны, 1935. С. 35, 279-280.

Некоторые подвижки в освещении роли офицерства как контрреволюционной силы в трудах общего характера стали появляться после выхода в свет в 1957 г. 3-го тома «Истории гражданской войны в СССР», испытавшего влияние «оттепели». В рецензии на это издание в журнале «Коммунист» Г.А. Голиков высказал мысль о том, что «противника нужно представлять реально, а не абсолютно анонимно»[1]. Как будет сказано дальше, такой же более-менее трезвый подход проявился в то время и в высказываниях некоторых историков о необходимости конкретно изучать роль офицерства в Гражданской войне. Однако уже в 1964 г. в работе харьковского историка И.Л. Шермана прозвучала критика чрезмерного увлечения освещением политики контрреволюции[2]. В последующие десятилетия такое увлечение явно не проявлялось.

Вслед за И.И. Минцем большинство историков 1960-1980-х гг. поддерживало положение об изначально контрреволюционной позиции большинства офицерства в годы Революции 1917 г. и Гражданской войны[3]. Авторы историографического очерка о революционном движении в армии констатировали изученность классового и политического размежевания внутри офицерского корпуса в самых общих чертах[4].

Типичной для 1970-х гг. была позиция историка М.А. Иовлева, который хотя и отмечал полевение части офицеров под влиянием войны, все-таки считал, что большинство генералов и штаб-офицеров враждебно отнеслось к свержению самодержавия. Только большая часть офицеров военного времени и «прогрессивно настроенные» кадровые офицеры встретили Февральскую

---

[1] Голиков Г. А. Об изучении истории Октябрьской революции // Коммунист. 1960. № 10. С. 90.

[2] Шерман И. Л. Советская историография гражданской войны в СССР (1920-1931 гг.). Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1964. С. 47.

[3] Великий Октябрь и защита его завоеваний. М.: Наука, 1987. Т.1. С. 98, 116-119 и др.; Городецкий Е. Н. Рождение советского государства. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1987. С.29, 79: Демократический фронт накануне Великого Октября. М.: Мысль, 1982. С. 14, 98; Иоффе Г. З. Великий Октябрь и эпилог царизма. М.: Наука, 1987. С. 42, 124; Исторический опыт трех российских революций. Коренной поворот в истории человечества. М.: Политиздат, 1987. Т.3. С. 122-123, 403-404 и др.; Спирин Л. М. Россия в 1917 г. М.: Мысль, 1987. С. 113-115.

[4] Миллер В. И., Протасов Л. Г. Революционное движение в армии // Советская историография социалистической революции. М.: Наука, 1981. С. 175.

революцию восторженно, а «наиболее сознательная» небольшая прослойка пошла за большевиками[1].

Большой знаток историографии Гражданской войны В.Д. Поликарпов упоминал о том, что в проспекте первоначально намечавшейся 16-томной «Истории гражданской войны» предполагались тома, посвященные состоянию контрреволюционных сил в 1917 г. и в самой Гражданской войне. Но в связи с утверждением в середине 1930-х гг. официального мнения о том, что история контрреволюции не заслуживает внимания советских историков, замысел редакции многотомного издания остался нереализованным[2]. Интересно отметить, что В.Д. Поликарпов не соглашался с теми историками, которые утверждали о резком «полевении» большинства офицерства в годы Первой мировой войны[3].

Отдельной темой советской историографии был вопрос об отношении большевиков к офицерам. В целом офицеры рассматривались просто как объект воздействия большевиков в период Революции 1917 г. Это было обязательным моментом в общих работах по революционной истории, таких как подготовленный ИМЛ труд об историческом опыте трех российских революций[4]. В работах по истории Военно-революционных комитетов и Красной Гвардии в период Октябрьской революции офицеры представлялись главной контрреволюционной силой в процессе установления Советской власти[5].

Л.Г. Протасов стремился преодолеть сугубо классовый подход к источникам об офицерах, на основе конкретных источников показал невысокую степень демократизации офицерского состава накануне Революции 1917 г. и соответственно малую политическую ангажированность

---

[1] Иовлев М. А. Деятельность Коммунистической партии по подготовке и укреплению военных кадров в годы Великой Отечественной войны. М.: Знание, 1976. 48 с.
[2] Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России. 1905-1917. М.: Наука, 1990. С. 9, 25.
[3] Там же. С. 354-355.
[4] Исторический опыт трех российских революций. Т. 3. С. 175.
[5] Цыпкина Р. Г. Военно-революционные комитеты в Октябрьской революции: (По материалам губерний Центр. пром. р-на Урала и Поволжья). М.: Наука, 1980. С. 43, 99, 107; Павлова И. В. Красная Гвардия в Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1983. С. 19-22, 55.

офицеров в революционный период. Нам представляется убедительным его положение о том, что утверждение о демократичности и революционности массы офицерства было надуманно идеологами «эсеро-меньшевизма»[1]. Будучи большим знатоком тыловых гарнизонов Московского военного округа, Л.Г. Протасов писал о том, что офицерство запасных полков в большинстве своем состояло из кадровых офицеров, которые воплощали монархистские традиции в армии[2].

В свое время мы высказали солидарность с оценками воронежского историка Н.В. Михайлова, который в 1996 г. сказал о работах Л.Г. Протасова: хотя они и были написаны в русле общепринятой официозной трактовки, но уже в 1960-1970-е годы отличались новизной постановки ряда вопросов, широтой источниковой базы[3].

И все-таки в ряде работ даже советского периода по истории русской армии в 1917 г. признавалась не только контрреволюционная позиция офицерства, но и участие его отдельных представителей в поддержке революции, иногда просто демократические настроения офицеров[4]. Отдельно отметим, слова авторов коллективной историографической монографии о «белом деле», которые, оценивая книгу Л.М. Спирина «Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.)», очень удачно выразились,

---

[1] Протасов Л. Г. Войска в центральной России в 1917 году (численность, состав, комплектование, положение) // Источниковедческие работы. Выпуск 4. Тамбов: Пролетарский светоч, 1975. С. 41-67; Он же. К истории борьбы эсеров за армию в 1917 г. // Непролетарские партии России в трёх революциях. Сб. статей. Отв. ред. К. В. Гусев. М.: Наука, 1989. С. 167-172; Он же. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. 191 с.

[2] Протасов Л. Г. Войска в Центральной России в 1917 г. С. 162.

[3] Михайлов Н. В. Общественно-политические процессы в гарнизонах Воронежской и Тамбовской губернии (март-октябрь 1917 г.): автореф. дис… канд. ист. наук. Воронеж, 1996. С. 10; Канищев Вл. В. Офицерство российской императорской армии в работах Л.Г. Протасова // Чичеринские чтения. «Революционный 1917 год»: поиск парадигм общественно-политического развития мира: материалы международной научной конференции, 13-15 октября 2017 г. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2018. С. 24-39.

[4] Буравченков А. А. В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. Киев: Выща шк., 1988. 141 с.; Гакаев Ж. Ж. Большевики в борьбе за солдатские гарнизоны в Октябрьской революции. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1987. С. 11-12, 25, 41; Кузьмина Т. Ф. Революционное движение солдатских масс накануне Октября. По материалам Моск. воен. окр. М.: Наука, 1978. С. 22, 45, 54, 140, 154; Соболев Г. Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. С. 82-94, 100 и др.

сказав о спокойной тональности автора в оценке белого движения как особом историографическом явлении того времени[1].

Специфические оценки кадрового офицерства в 1980-е гг. стали появляться в литературе, посвященной городским средним слоям эпохи российских революций. Речь шла о поддержке офицерами как частью этих слоев Февральской революции и первых революционных преобразований весны 1917 г.[2] В специальной статье В.П. Булдаков признавал переход некоторых офицеров на сторону революционного пролетариата[3]. А.Л. Литвин, изучая поведение средних слоев городов Поволжья в годы Гражданской войны, отметил присутствие старых офицеров в обоих противоборствующих лагерях[4]. Такой же подход к оценке поведения офицеров в годы Октябрьской революции и гражданской войны на Украине предложили Г.В. Бондаренко и В.А. Шейчук[5].

В поздней советской историографии заметно новым шагом к реалистическому показу офицеров как «живых» деятелей эпохи Революции 1917 г. стала монография Г.З. Иоффе о «белом деле». Автор впервые заявил, что офицерские организации весны 1917 г. как средства идейной подготовки сил контрреволюции были немногочисленны[6]. В работе, посвященной крупнейшим фигурам политической борьбы 1917 г., Г.З. Иоффе специально рассмотрел вопрос о личностных мотивах поведения офицеров в условиях этой борьбы[7]. Он избегал упрощенного показа провала корниловщины. При освещении подготовки корниловщины автор упоминал конкретные действия

---

[1] Бордюгов Г. А. Белое дело: идеология, основы, режимы власти: Историограф. очерки / Г.А. Бордюгов, А.И. Ушаков, В.Ю. Чураков. М.: Рус. мир, 1998. С. 18.

[2] Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и сред. гор. слои / [Булдаков В.П., Иванов А.Е., Иванова Н.А., Шелохаев В.В.]. М.: Мысль, 1981. 304 с.

[3] Булдаков В. П. Об эволюции политического сознания средних городских слоев в ходе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую // Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. Межвузовский сборник научных трудов. М.; Тамбов: ТГПИ, 1984. С. 35.

[4] Литвин А. Л. Средние городские слои Поволжья в годы гражданской войны // Городское средние слои в Октябрьской революции и Гражданской войне. Межвузовский сборник научных трудов. М.; Тамбов: ТГПИ, 1984. С. 16-17.

[5] Бондаренко Г. В., Шийчук В. А. К вопросу о роли и участии промежуточных городских слоёв в Октябрьской революции и гражданской войне на Украине // Городское средние слои в Октябрьской революции и Гражданской войне. Межвузовский сборник научных трудов. М.; Тамбов: ТГПИ, 1984. С. 139-145.

[6] Иоффе Г. З. «Белое дело» Генерал Корнилов. М.: Наука, 1989. С. 53-55.

[7] Иоффе Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М.: Наука, 1995. 236 с.

десятков офицеров, показал неоднозначные последствия для офицеров участия в заговоре генерала Л.Г. Корнилова. С одной стороны, историк утверждал, что многие генералы и офицеры в результате корниловщины потеряли авторитет и попадали под подозрения солдат, с другой, - писал об общем для многих офицеров нежелании спасать опостылевшее им Временное правительство[1].

В исследованиях современных историков мы также отметили неоднозначность суждений по данному вопросу. В.М. Войнов утверждал, что социальное происхождения было определяющим фактором в восприятии офицерами Февральской революции: «офицеры военного времени приняли ее без колебаний, кадровое офицерство было настроенным в основном промонархически[2]». В диссертации С.А. Беляева речь идет о роли армии в подавлении революционного движения Центрально-Черноземных губерний, в частности, о роли офицеров как усмирителей и «страдальцах» в ходе революционных событий. К сожалению, автор неравномерно рассмотрел эту роль, сделав упор на события Первой российской революции и намного меньше осветив соответствующие процессы 1917 г.[3] И.В. Варзаков подчеркивает тот факт, что в годы мировой войны офицерство вобрало в себя большую часть отечественной интеллигенции и это явилось одной из предпосылок Февральской революции 1917 г. и краха самодержавия[4]. А.С. Шестопалова не признает бытовавшее в 1917 г. в общественном сознании представление о русском офицере как контрреволюционере, буржуе, слуге, считая, что такое мнение было подготовлено критической кампанией против

[1] Иоффе Г. З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М.: Наука, 1989. С. 152, 200.
[2] Войнов В. М. Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918-1920 гг.) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 51.
[3] Беляев С. А. Дислокация воинских частей и их участие в революционных событиях на территории Центрального Черноземья в начале XX столетия: 1900 - октябрь 1917 гг.: автореф. дис. …канд. ист. наук. Курск, 2003. 26 с.
[4] Варзаков И. В. Комплектование командного состава отечественных вооруженных сил в 1861-1920 гг. (сухопутные войска): автореф. дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 2012. 32 с.

офицерства на страницах отечественной периодики до Первой мировой войны[1].

По мнению И.Н. Гребенкина, основная масса офицеров на фронте и в тылу с воодушевлением встретила известия о политическом перевороте, но после Февраля раскол в рядах офицеров был неизбежен. Консервативные настроения объединяли всех офицеров, отвергавших демократические нововведения в армии и ратовавших за восстановление дисциплины. Офицерская молодежь сохраняла верность воинскому долгу и патриотический настрой. Проправительственное и демократическое направления в поведении офицерства имели разные мотивы - от карьерных целей до сознательного выбора в пользу социалистических партий[2].

Очень интересно представил разнообразие позиций российского офицерства в период Февральской революции автор специальной монографии на эту тему В.Л. Кожевин, который выступил против крайних оценок поведения офицеров в этот период. Он считал, что в памяти офицерства долго оставалась Первая российская революция[3]. Интересно утверждение этого историка о том, что Первая мировая война интенсивно стирала грань между кадровым офицерством и офицерами военного времени[4].

Некоторые утверждение В.Л. Кожевина звучат недостаточно убедительно по причине малого фактического основания. В частности, это относится к утверждениям о широком недовольстве офицерами-немцами, усилении в офицерской среде в период мировой войны тяги к внутриполитическим проблемам и критического отношения к царю[5]. При этом В.Л. Кожевин противоречит сам себе, говоря, что «великое множество» офицеров восприняло отречение царя как личную драму и вместе с тем

---

[1] Шестопалова А. С. Образ офицера в сознании российской общественности после свержения самодержавия // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 52. С. 29-32.

[2] Гребенкин И. Н. Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914-1918 гг.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Рязань, 2011. С. 34-35.

[3] Кожевин В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. унта, 2011. С. 50.

[4] Там же. С. 105.

[5] Кожевин В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. унта, 2011. С. 114-121.

утверждая, что большинство офицеров признало новую власть. Мы считаем убедительным высказывание этого историка о том, что в период Февральской революции офицеры вели себя ситуативно, не имея определенного выбора политической позиции. Особенно убедительно звучат слова В.Л. Кожевина о том, что «левый марш» офицеров в 1917 г. не удалось превратить в массовое движение и командный состав армии продолжал придерживаться традиционных образцов поведения русского офицерства[1].

О.И. Савченко, изучив исторические судьбы офицеров-артиллеристов Русской армии, пришел к выводу, что после Февральской революции 1917 г. лишь немногие офицеры примкнули к левым силам, поскольку прежней системой военной службы они были воспитаны в духе консервативных ценностей[2].

Применительно к Октябрьской революции, как констатировала даже поздняя советская историография, большинство офицеров выступило против социалистической революции[3]. Более разнообразные оттенки в настроениях и поведении офицеров после большевистского переворота пытаются найти современные историки.

И.Н. Гребенкин считает, что большинство офицерства безучастно отнеслось к падению Временного правительства, хотя и не могло приветствовать приход к власти большевиков. Сопротивление большевистскому восстанию со стороны военных имело скорее характер изолированных выступлений, нежели организованной борьбы. Очевидной тенденцией среди представителей офицерства в первые месяцы Советской власти было желание уклониться от прямого участия в Гражданской войне[4].

В качестве отдельного историографического сюжета мы изучили степень исследованности вопроса о месте и роли офицерства в военно-

---

[1] Там же. С. 224.
[2] Савченко О. И. Исторический выбор и судьбы офицеров-артиллеристов Русской Императорской армии: 1917-1941 гг.: автореф. дис. …канд. ист. наук. СПб., 2005. 25 с.
[3] Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1981. С.114.
[4] Гребенкин И. Н. Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914-1918 гг.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Рязань, 2011. С. 37-38.

революционных событиях 1917-1922 гг. в губерниях Центрального Черноземья.

В 1920-1950-е гг. этот вопрос рассматривался в типичном для советской историографии контексте сопротивления офицеров борьбе трудящихся под руководством большевиков за установление и упрочение Советской власти[1].

Даже в новаторской для своего времени работе Л.Г. Протасова офицеры в большей мере рассматриваются как борцы с солдатскими выступлениями. Хотя в целом этот автор оценивал политические позиции офицеров гарнизонов Центрального Черноземья как неопределенные[2].

Только в 1990-2020-е гг. стали появляться работы, авторы которых пытались разносторонне рассмотреть роль бывших офицеров в военно-революционных событиях 1917-1922 гг.

Так, в монографии В.В. Канищева и Ю.В. Мещерякова раскрыты мотивы и обстоятельства участия большой группы офицеров в тамбовском антисоветском восстании в июне 1918 г. При этом авторы обращали внимание на то, что одна часть бывших офицеров поддержала восстание с сознательных антисоветских позиций, другая – чисто ситуативно[3]. Несколько позже Ю.В. Мещеряков показал конкретные проявления сопротивления офицеров установлению советской власти в разных городах и уездах Тамбовской губернии. При этом автор просто констатировал факты, не давая им классовой оценки[4].

---

[1] Алексеев В. Н. Октябрь и гражданская война в центральной черноземной области. Воронеж: изд. и тип. кн-ва "Коммуна", 1932. 107 с.; Андреев В., Кулаев Г. Октябрьская революция и Гражданская война в Тамбовской губернии. Тамбов: [б. и.], 1927. 48 с.; Борьба за Воронеж. Статьи и очерки к 20-летию освобождения Воронежа от белых банд / под ред. комиссии обкома ВКП(б). Воронеж: Воронежское областное книгоиздательство, 1939. 220 с.; Воронков И. Г. Большевики Воронежа в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Воронеж: Кн. изд-во, 1957. 95 с.; Глебов Л. Д. Борьба большевиков за установление и упрочение советской власти в Курской губернии (март 1917 г. - декабрь 1918 г.). Курск: Областное книгоиздательство, 1952. 175 с.; Иванов А. П. Установление Советской власти на Тамбовщине. Тамбов: Тамб. правда, 1958. 61 с.; Соболев П. Н. Подготовка к социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской области. Воронеж: Кн. изд-во, 1955. 151 с.

[2] Протасов Л. Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. 191 с.

[3] Канищев В. В., Мещеряков Ю. В. Анатомия одного мятежа. Тамбовское восстание 17-19 июня 1918 г. / В. В. Канищев, Ю. В. Мещеряков; ТГУ им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1995. 294 с.

[4] Мещеряков Ю. В. Тамбовская губерния в начальный период советской власти. Октябрь 1917 - август 1918 г. Тамбов: «Пролетарский светоч», 2012. 423 с.

Но все-таки в Центральном Черноземье и в 2000-е гг. появлялись работы с традиционным подходом к освещению контрреволюционных позиций офицеров в 1917 г. Мы имеем в виду уже упоминавшуюся диссертацию С.А. Беляева[1].

Наиболее крупной работой последних лет с немалым вниманием к вопросу об офицерах гарнизонов Центрального Черноземья является совместная монография М.Е. Разинькова и О.М. Морозовой, в которой офицерам посвящен специальный параграф[2]. В первую очередь авторы отметили, что практически все города региона, где располагались гарнизоны, провели в марте 1917 г. «праздник революции», в котором офицеры приняли самое деятельное участие. Весной 1917 г. офицеры вошли в органы революционного управления: Советы рабочих и солдатских депутатов, гарнизонные советы, комитеты общественной безопасности. При этом значительная часть тыловых офицеров была за то, чтобы осуществить свой военный долг. Надежды на «сознательное офицерство» во время корниловского мятежа и усиления крестьянского движения нарастали, но офицеры гарнизонов ЦЧО спокойно отнеслись к корниловскому выступлению и солидаризировались с Временным правительством. Вместе с тем авторы монографии признали готовность офицеров к контрреволюционным действиям в конце октября 1917 г. Они обратили специальное внимание на то, что офицерские собрания Воронежа организовали сопротивление местным большевикам при установлении советской власти в городе, которое дошло до вооруженного столкновения и гибели нескольких офицеров.

Единственной сравнительно крупной современной работой по истории Гражданской войны в Центрально-Черноземном регионе, в которой в заметной мере упоминается участие офицеров в военно-революционных событиях 1917-1921 гг., является книга о ходе этих событий в Курской

[1] Беляев С. А. Дислокация воинских частей и их участие в революционных событиях на территории Центрального Черноземья в начале XX столетия (1900 – октябрь 1917гг.): автореф. дис. …канд. ист. наук. Курск, 2023.
[2] Разиньков М. Е., Морозова О. М. Социально-политический диалог в России (1917-1918 гг.): Тенденции, механизм, региональные особенности. М.: Квадрига, 2021. С. 468-470.

губернии. Авторы специально не анализируют вопрос о роли офицеров в процессах установления и укрепления советской власти в губернии. Вместе с тем они приводят многочисленные факты контрреволюционной деятельности офицеров в периоды 1917-1918 гг. и поддержки белой армии в 1919 г. В единичной мере упоминаются бывшие царские офицеры, перешедшие на службу советскому государству[1].

Для нашей темы особенно интересен анализ поименных списков офицерского состава 31-й артиллерийской бригады, дислоцировавшейся в конце XIX - начале XX в. в Белгороде, в социокультурном аспекте, который провел И.Т. Шатохин[2].

Истории отдельных частей Курского гарнизона посвящена специальная статья В.В. Коровина по истории 173-го Каменецкого и 174-го Роменского полков на начальном этапе мировой войны. Особо отметим созвучный с нашими подходами вывод коллеги о необходимости изучать разные судьбы офицеров полков в итоге этой войны и последующих военно-революционных событиях[3].

Говоря о региональных аспектах изучения эпохи Первой мировой войны, обратим внимание на заметную группу диссертаций последних лет, посвященных влиянию войны на жизнь Дальнего Востока России[4]. Это историографическое явление представляется «экзотическим» при учете того, что недостаточно изучено влияние той войны на общество Центральной России, в том числе на офицеров, вышедших из его рядов.

Оценив разнообразные рассуждения историков о политическом поведении и настроениях офицеров в период Революции 1917 г., мы

---

[1] Емельянов С. Н. Курский край в Гражданской войне 1917-1921 гг.: очерк военно-политической истории / С.Н. Емельянов, А.В. Зорин, А.Г. Шпилев. Курск: Полстар, 2013. 528 с.

[2] Шатохин И. Т. Военная интеллигенция в Курской губернии в конце XIX - начале XX вв. // Белогорье. Краеведческий альманах. Вып.1. Белгород: Изд-во БелГУ, 1999. С. 30-35.

[3] Коровин В. В. 173-й Каменецкий и 174-й Роменский пехотные полки в первый год Великой войны // Русин. 2014. № 3 (37). С. 81.

[4] Агапов В. Л. Дальневосточная пресса и Первая мировая война: автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Владивосток, 2021. 42 с.; Виноградов П. В. Военно-техническое сотрудничество России с союзниками в годы Первой мировой войны: дальневосточное направление: автореф. дис. ...д-ра исторических наук. Владивосток, 2023. 40 с.; Яковлев А. Н. Деятельность администрации Приамурского края в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2025. 26 с.

подчеркиваем, что они не могут дать четкого результата без определения политических позиций массы конкретных офицеров. Примерно то же самое приходится учитывать и при анализе литературы по истории Гражданской войны, в которой также видно разнообразие оценок причин и обстоятельств включения или невключения бывших офицеров в противоборствующие лагери российского общества 1918-1922 гг., но недостаточно фактического материала о поведении конкретных офицеров.

Проблема насильственных действий по отношению к офицерам в революционный период 1917 г.

Обращаясь к теме насилия солдат над офицерами отметим, что распространенность фактов этого насилия признавали даже такие советские историки, как В.Д. Поликарпов. При этом он делал упор на справедливость классовой ненависти солдатской массы. По его словам, после свержения самодержавия сразу проявилась классовая рознь в отношениях солдат и офицеров, что стало причиной расправ над ненавистными командирами. Положение офицеров стало зависеть от отношения солдат, что озлобило их и породило стремление к восстановлению старых порядков[1].

В диссертации Н.В. Михайлова рассмотрена сторона офицерских судеб в 1917 г., связанная с унижениями и даже избиениями офицеров солдатами, а также неудачности попыток офицеров участвовать в общественно-политических организациях революционного времени[2].

Современный историк С.А. Солнцева в первую очередь пишет о насилии по отношению к офицерству со стороны революционного государства, особо обращает внимание на грандиозную чистку командного состава армии, которая продолжалась в течение всего 1917 г. Государственная власть обрушилась прежде всего на генералитет, а солдаты дополнили ее действия

[1] Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России. 1905-1917. М.: Наука, 1989. С. 130-131.
[2] Михайлов Н. В. Общественно-политические процессы в гарнизонах Воронежской и Тамбовской губернии (март-октябрь 1917 г.): автореф. дис. …канд. ист. наук. Воронеж, 1996.

стихийной революционной чисткой остальных уровней офицерства снизу, придав ей всеобъемлющий, радикальный характер[1].

Среди самых новых крупных трудов, посвященных эпохе Первой мировой войны и Революции 1917 г., важно учесть положения 11-го тома 20-томной «Истории России», которые оценивают роль и место офицеров в военно-революционных событиях. В обеих книгах тома получили развитие взгляды одного из его редакторов В.П. Булдакова, первоначально изложенные в монографии о «Красной смуте» и развитые в последующих работах. В частности, в совместной работе В.П. Булдакова и Т.Г. Леонтьевой насилие над офицерами объясняется как результат «столкновения культур», как прорыв из рамок бюрократической государственности традиционалистского «буйства охлоса»[2].

Во второй книге особый интерес представили наблюдения о том, что отношения солдат и офицеров дошли до точки кипения уже в самом начале 1917 г.; многочисленные факты насилия солдат над офицерами февраля-марта 1917 г. волнообразно повторились в последующие месяцы; офицеры не верили в возможность вести солдат в наступление на фронте и не могли поднять их на атаки в летних и осенних боях; большинство офицеров проявило пассивность в период «корниловщины», а в итоге оказалось не готовым к сопротивлению установления Советской власти в столицах и на местах[3].

Говоря о работах В.П. Булдакова, мы не можем «пройти мимо» существенного историографического факта, связанного с критикой булдаковской концепции Революции 1917 г. группой Санкт-Петербургских историков. Не вдаваясь в общие рассуждения, в частности, обратим внимание на близкие нашей теме высказывания критиков В.П. Булдакова по вопросу о

---

[1] Солнцева С. А. Без царя в голове. Социальная модернизация русской армии в период войны и революции (февраль - ноябрь 1917 г.): М.: Издательский дом «Российское военно-историческое общество»; Пятый Рим, 2020. С. 42-44, 50, 59-61.

[2] Булдаков В. П. Красная смута Природа и последствия революционного насилия. М.: Росспэн, 1997. 373 с.; Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. 1917 год. Элиты и толпы. Культурные ландшафты русской революции. М.: «ИстЛит», 2017. 624 с.

[3] История России: в 20 томах. Т. 11. Империя, война, революция. 1914 – 1917 годы. Кн. 2: От развала империи к Гражданской войне. 2024 С. 104-108, 354-380, 400-417, 566-584 и др.

революционном насилии над офицерами, точнее на отсутствие конкретных высказываний по этому вопросу[1].

Обратим внимание петербургских коллег на базу данных, подготовленную тамбовскими историками для геоинформационной системы «Погромы в городах России в феврале 1917 – августе 1918 годов», в которой упомянуто не менее 15 прямых и косвенных фактов насилия солдат и горожан над офицерами в Петрограде в феврале – октябре 1917 г.[2] Особенно напомним петербургским коллегам о том, что уже 27 и 28 февраля в Петрограде имели место факты убийства солдатами двух офицеров Волынского полка, убийства толпой рабочих и матросов одного и ранения двух офицеров крейсера «Аврора». Эти факты давно были опубликованы в работах петроградских и ленинградских историков[3].

Факторы и мотивы выбора офицерами жизненной позиции во время Гражданской войны.

Говоря об общих работах по истории российского офицерства начала XX в., мы уже указывали на изначальную неоднозначность оценок белого офицерства. Добавим наблюдения из специальных работ по этому периоду.

Первые белогвардейские авторы восхищались боевым духом добровольцев, воевавших в условиях тяжелого материального положения Добровольческой Армии. Одним из первых в таких тонах писал доброволец А.А. Суворин.[4] Практически в то же время, что и Суворин, но не столь упрощенно, писал о мотивах белых офицеров публицист В.В. Волин[5].

В 1920-е гг. ещё не появился жёсткий идеологический запрет на изучение представителей контрреволюции. Возможным было даже издание в

---

[1] Ключевые проблемы Русской революции в историографии сегодняшнего дня: сборник материалов конференции / Отв. редактор д-р ист. наук, проф. В. В. Калашников; под ред. канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. 311 с.

[2] ГИС и БД «Бунтарские события в городах России в феврале 1917 – августе 1918 годов». // URL. https://ineternum.ru/bunt/.

[3] Заславский Д. О., Конторович В. А. Хроника февральской революции. Т.1. Петроград, 1924. С. 26-28; Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957. С. 19.

[4] Суворин А. А. Поход Корнилова. 2-е изд. Ростов н/Д: Новый человек, 1918. С.VIII-XVI.

[5] Волин В. В. Дон и Добровольческая армия: Очерки недавнего прошлого. Ростов н/Д: Б.А. Суворин, 1919. С. 4.

Советской России серии воспоминаний «белых» генералов с их оценкой как «достойных» врагов. Д.А. Фурманов в предисловии к воспоминаниям генерала Я.А. Слащева писал о том, что Красная Армия «имела перед собой не случайный сбор и не военный кисель, а организованного опытного, часто отважного и решительного, прекрасно обеспеченного врага, имеющего богатейший заморский опыт»[1].

Стремление разобраться в разнообразии выбора военно-политической позиции в Гражданской войне первоначально проявляли советские политработники и красные командиры. С.И. Гусев в работе 1921 г. утверждал, что большинство кадровых офицеров были контрреволюционерами. Но при этом он отмечал их высокую квалификацию. С другой стороны, как считал С.И. Гусев, офицеры военного времени из разных слоев общества не желали идти в ряды армии буржуазии, вступали в ряды «классовой армии пролетариата». Особо он говорил о тех, кого гражданская война застала на территории пролетарской диктатуры, кто как бы оказался «в плену» у пролетариата. С.И. Гусев признавал, что пролетариат силой мобилизовывал в свои ряды офицеров и заставлял служить. Но при этом считал, что польза от их опыта и знаний больше, чем от изменничества[2]. К сожалению, С.И. Гусев, как и многие другие советские авторы, постепенно переходили к упрощенным оценкам. В 1925 г. он писал, что уже осенью 1918 г. большинство офицеров служило в Красной Армии добросовестно и получило признание бойцов[3].

А.И. Агишев писал о том, что после октября 1917 г., когда сотни офицеров бежали к Корнилову, десятки тысяч выжидали или покорно шли на перепись к большевикам. Колчаковщину он считал скоротечной вспышкой активности остатков старого офицерства, а в деникинском лагере усматривал

[1] Слащев Я. А. Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний / Я. Слащов С предисл. Дм. Фурманова. М.; Л.: Гос. изд., 1924. С.14.
[2] Гусев С. И. Уроки гражданской войны. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гос. изд-во, 1921. С. 10, 29-30.
[3] Гусев С. И. Гражданская война и Красная армия: сборник военно-теоретических и военно-политических статей (1918-1924). М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 38.

сложный переплет кулацко-казачьих и шовинистически-националистических настроений[1].

А.И. Егоров писал о том, что основная масса офицеров после прихода к власти большевиков устремилась к очагам контрреволюции, по своим настроениям была монархистской. Но все-таки немалая часть офицеров осталась с пролетариатом, честно отдавая ему знания и опыт[2].

К разряду работ, авторы которых однозначно обращали внимание на бывших офицеров как врагов революции, следует отнести книгу Г.В. Ладохи. Он писал, что офицерское пополнение первых белых отрядов Юга России составили те, чьи кровные интересы были задеты революцией, кто в Советском движении видел восстание черни. При этом историк признавал, что они были великолепно вооружены, отряды их представляли прекрасно организованные боевые единицы[3].

В 1920-е гг. имели место и образчики совершенно примитивной оценки белых офицеров, как профессиональных вояк, готовых к грабежам[4].

Нестандартный для советской историографии подход в период «оттепели» продемонстрировал известный советский военный деятель А.И. Тодорский, указавший на поверхностный характер оценок белых генералов в мемуарах М.Д. Бонч-Бруевича. Тодорский писал: «Не следует наших врагов изображать людьми безвольными, невежественными, глупыми. Если бы они были таковыми, то стоило бы так затягивать борьбу с ними, да и велика ли честь Красной Армии разгромить таких противников»[5].

В период «оттепели», как выразились П.И. Гришанин и В.Д. Зимина, исследование социальной базы Белого движения стало приближаться к научному анализу фактического материала[6]. Однако это приближение явно затянулось, и «массы» белого офицерства в 1960-1980-е гг. не изучались.

---

[1] Агишев А. И. Указ. соч. С. 86-87.
[2] Егоров А. И. Разгром Деникина (1919 г.). М.: ГИЗ, 1931. С. 41.
[3] Ладоха Г. В. Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар: Буревестник, 1923. С. 72.
[4] Буйский А. А. Борьба за Крым и разгром Врангеля. М.; Л.: Гиз, 1928. С. 43.
[5] Цит. по: Поликарпов В. Д. Указ. соч. С. 26.
[6] Гришанин П. И., Зимина В. Д. «Падения» и «взлеты» Белого движения в отечественной историографии. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2008. С. 45.

На закате советской эпохи свою оценку офицерского выбора в условиях Гражданской войны дал Ю.А. Поляков, который среди побудительных мотивов борьбы белогвардейцев назвал убеждение в том, что большевики хотят разрушить Россию, её государственность, культуру; ненависть к солдатам, срывающим с них золотые погоны; обиду за лишение доставшегося дорогой ценой звания генерала или полковничьего звания; потерю больших или малых состояний; крах привычного уклада, крушение личных перспектив. Самым главным он называл «общее неприятие революции, были личные мотивы, а логика борьбы вела их дальше и дальше»[1].

Проблема изучения офицерского выбора была затронута и представителями русской эмиграции. В своей крупной исторической работе П.Н. Милюков попытался объяснить поведение офицерства в период Гражданской войны. В первую очередь он рассмотрел разнообразие отношений офицеров к службе в Красной Армии. Первоначально старое офицерство сторонилось Красной Армии, ожидая скорого падения большевиков. По убеждению на сторону советской власти перешло немного офицеров. Однако введение привычной строгой дисциплины примирило их со службой в такой армии. При этом часть старых офицеров втайне надеялась на сохранение армии для внутреннего переворота. Согласимся с утверждением П.Н. Милюкова, что большинство бывших офицеров после Октябрьской революции составляли «средние люди», которые занимались продолжением профессии и спасением семьи[2].

Говоря о включении офицеров в антибольшевистское движение, П.Н. Милюков сформулировал некоторые положения, которые вошли в эмигрантскую, а затем современную историческую литературу: в Белое движение вступало «оскорбленное и униженное офицерство»; 80% белых офицеров было монархистами, но первоначально молчало и прислушивалось;

[1] Поляков Ю. А. Гражданская война в России (поиски нового видения) // История СССР. 1990. № 2. С.109.
[2] Милюков П. Н. Россия на переломе: Большевистский период русской революции. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Париж: [б. и.], 1927. С. 171-173.

молодые офицеры отличались патриотизмом и готовностью к жертве за родину[1]. Оценивая в целом поведение офицеров в годы Гражданской войны, П.Н. Милюков утверждал, что в ходе войны происходила утрата духа добровольчества, моральный упадок офицеров. Он особо отмечал, что первоначальным настроением эвакуированного в Крым офицерства была деморализация и даже готовность к миру с большевиками. Но П.Н. Врангелю при поддержке правого офицерства удалось на некоторое время навести порядок[2].

В постсоветской историографии появилось немало работ, в которых рассматривается широкий спектр факторов и мотивов выбора офицерами военно-политической позиции в Гражданской войне. Эти факторы и мотивы можно условно сгруппировать как социально-экономические, профессионально-правовые, общеполитические, военно-политические, социально-психологические, ситуативные.

Прежде всего речь велась о конкретных материальных вопросах. С одной стороны, историки стали говорить о резком ухудшении условий жизни и буквально бедствовании части офицеров в первые месяцы после Октябрьской революции и соответственно надежде поправить материальное положение участием в белом движении. С другой стороны, в историческую литературу вернулся тезис эмигрантских историков о материальных стимулах вступления царских офицеров в Красную Армию[3].

В частности, В.Г. Медведев прямо пишет, что вступление в Красную Армию с достаточно «сытым» по тем временам пайком для военспецов, зачастую при сохранении на прежнем месте жительства семьи в материальном отношении было «комфортнее», чем тяжелая кочевая жизнь на фронтах и в тылах малообеспеченных белых армий. На этом фоне меркантильные

---

[1] Там же. С. 3, 57-60.
[2] Там же. С. 210-212, 220-221.
[3] Войнов В. М. Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918-1920 гг.) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 52; Волков Е. В. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период гражданской войны. Монография. Иркутск: Сарама, 2005. С. 35-36; Шувалов А. А. Командный состав Красной Армии и Белого движения в годы Гражданской войны (октябрь 1917 - конец 1920 года): автореф. дис. …канд. ист. наук. Брянск, 2007. С. 15-16.

причины вряд ли могли быть существенными при включении «старых» офицеров в антисоветскую борьбу[1].

Интересную характеристику связи профессионального положения офицеров с контрреволюционностью с позиций социальной антропологии предложил Ф.И. Минюшин, который писал, что в период Революции 1917 г. и Гражданской войны к «профессиональной» агрессивности офицеров Российской армии добавилась социальная агрессия. Своего рода контрагрессия (контрреволюционность в марксистской терминологии), связанная с утратой социального статуса и опасениями за собственную жизнь, которой угрожали революционные люди[2].

К профессионально-правовым факторам, повлиявшим на выбор бывшими офицерами антисоветской позиции, историки в первую очередь относят послеоктябрьское лишение офицеров должностей, прав и привилегий[3]. Советская историография постоянно использовала тезис о профессиональной востребованности офицеров в сражавшихся армиях Гражданской войны. Применительно к красным командирам этот тезис обрёл форму выражения из известного фильма «есть такая профессия родину защищать». Конечно, в советской идеологии имелась ввиду социалистическая Родина.

И.Н. Гребенкин считает, что значительная часть офицерства, сохраняя верность профессиональным принципам, готова была с лояльностью принять Советскую власть как основу новой российской государственности, хотя и не разделяла ее внутриполитических и идеологических установок[4]. Постепенный переход военных профессионалов к активному сотрудничеству с Советской властью, по его словам, являлся следствием тех изменений, которые

---

[1] Медведев В. Г. Белое движение как феномен российской истории // История и современность. 2018. № 1. С. 33.

[2] Минюшев Ф. И. Социальная антропология. М.: Междунар. ун-т бизнеса и упр., Братья Карич, 1997. 188 с.

[3] Базанов С. Н. Борьба за власть в российской армии на фронтах Первой мировой войны (октябрь 1917 г. - февраль 1918 г.): автореф. дис. … д-ра исторических наук. М., 2004. С. 48; Войнов В. М. Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918-1920 гг.) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 52; Шувалов А. А. Указ. соч. С. 15-16.

[4] Гребенкин И. Н. Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914-1918 гг.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Рязань, 2011. С. 38.

претерпевал в их представлениях образ большевизма как политического явления: летом 1917 г. большевики олицетворяли силы анархии, в начале 1918 г. они представляли российское правительство, которое приступило к решению государственных задач[1].

Интересный аспект в профессиональных мотивах перехода бывших царских офицеров на службу советскому государству отметил К.Б. Назаренко, который назвал следствием воспитания офицерства в духе конформизма отношение к военной службе как к ремеслу, в определенной степени, выработку психологии ландскнехта. Поэтому при внезапном падении политического режима кадровое офицерство без большого сопротивления перешло на службу новому режиму[2].

Особого внимания заслуживает комплексная оценка ценностного мира офицеров Добровольческой армии, данная Р.М. Абинякиным. По его мнению, этот мир сочетал жесткую корпоративность, амбициозно-мессианское самовосприятие, деформированно-религиозный фатализм, экстремистскую агрессивность, безрассудно-романтический авантюризм, демонстративную переоценку и смену прежних идеалов. Характеризуя социально-мировоззренческие особенности офицерского корпуса Добровольческой армии, Р.М. Абинякин представил его как уникальное маргинальное сообщество, не имевшее перспектив дальнейшего развития[3].

Ряд авторов затронул такой интересный аспект маргинальности как активного переходного состояния, который выразился в переходах офицеров между воющими армиями. Особенно интересно вопрос об изменах ряда командармов Красной Армии рассмотрел А.В. Ганин, который указал на

---

[1] Гребенкин И. Н. Революция и контрреволюция: офицерский облик // От противостояния идеологий к служению идеалам: российское общество в 1914-1945 гг.: сб. ст. / под ред. М. Ю. Мягкова, К. А. Пахалюка. М.: Новый хронограф, 2016. С. 181.

[2] Назаренко К. Б. Вооруженные силы и становление Советского государства // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2013. Т. 15. С. 150.

[3] Абинякин Р. М. Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение 1917-1920 гг.: автореф. дис. …канд. ист. наук. Орел, 2000. 23 с.

многогранность данного явления и необходимость избегать упрощенной оценки этих людей[1].

М.Е. Разиньков попытался выяснить причины военного коллаборационизма рядового и младшего офицерского состава РККА и антибольшевистских войск. При этом он писал о том, что сдавшиеся в плен интегрировались в армию бывшего противника и упорно сражались[2].

Новым моментом в историографии офицерства периода Гражданской войны стало указание в ряде работ на существенное значение ситуативности выбора военно-политической позиции, особенно в зависимости от территории нахождения конкретного офицера на момент окончания Первой мировой войны. И.Н. Гребенкин прямо пишет, что большинство офицеров не стремилось к прямому участию в Гражданской войне и впоследствии вовлекалось в нее ситуативно[3]. С.И. Константинов утверждает, что дислокация гарнизонов русской армии по стране стала первопричиной того, как сложилась судьба того или иного офицера в годы Гражданской войны[4]. Интересное объяснение роли ситуативности применительно к Югу Европейской России начала 1918 г. предложил Р.Г. Гагкуев. Характеризуя ситуацию этого времени в регионе, он указал на необходимость преодоления офицерами «красного барьера» (заградительных мер советских органов) для пополнения рядов добровольцев. С другой стороны, историк обращал внимание на то, что по мере освобождения белыми ряда советских территорий там начинались мобилизации и соответственно рост офицерского пополнения белых армий на Юге России с весны 1918 г.[5]

---

[1] Ганин А. В. Измена командармов. Представители высшего состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917-1922 гг. М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2020. С. 782-783.

[2] Разиньков М. Е. Причины военного коллаборационизма рядового и младшего офицерского состава в регулярных формированиях РККА и антибольшевистских сил 1918-1920 гг.// Трагедия войны. Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века / Отв. ред. К. А. Пахалюк. М.: Издательский дом «Российское военно-историческое общество», Яуза-каталог, 2021. С. 67.

[3] Гребенкин И. Н. Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914-1918 гг. С. 40.

[4] Константинов С. И. Трагедия офицерского корпуса Белых армий на Востоке страны // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный Альманах. Екатеринбург: Белая Россия, 1996. № 1. С. 20.

[5] Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917-1920 гг. М.: Посев, 2012. С. 380-381.

Г.А. Бордюгов и его соавторы в монографии, обобщившей изучение истории Гражданской войны в 1990-е г., подчёркивали важность начала изучения внутренней мотивации белогвардейцев[1]. Отметим, что такой подход был не столько началом, сколько возвращением к положениям эмигрантской и ранней советской историографии.

О внутренней мотивации офицеров, вступивших в Белое движение, отметим высказывания В.П. Федюка. Он одним из первых в современной историографии вернулся к утверждениям о том, что на первые призывы белых вождей откликнулась лишь ничтожная часть офицерства, в первую очередь молодежи, объединенной не столько сознательными мотивами, сколько отчаянием[2]. В.П. Федюк, характеризуя эволюцию политических взглядов белого офицерства, писал, что на начальном этапе войны они отличались крайней неопределенностью, шли не дальше отрицания большевизма, но постепенно возвращались на монархические позиции. По его мнению, это взгляды были не легитимизмом, а тягой к сильной диктаторской власти, к монархии как символу великого прошлого. В.П. Федюк также утверждал, что большая часть офицеров, выступавших после Октября с оружием в руках против Советской власти, боролась с анархией и развалом, которые она ассоциировали с революцией, а молодая часть действовала в основном под влиянием ложной романтики и книжных представлений об офицерской чести[3].

А.В. Венков в своих работах возвратился к высказываниям А.И. Деникина и П.Н. Милюкова о явном преобладании в Добровольческой армии офицеров-монархистов, а также напомнил известные старинные выражения о том, что «офицерская душа – монархистка», «мое право единоличного командования зиждется на моем подчинении единоличному вождю»[4].

---

[1] Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти: Историогр. очерки. М.: Рус. мир, 1998. С. 218.

[2] Белые армии, черные генералы: Мемуары белогвардейцев / [Сост., вступ. ст. и примеч. В. П. Федюка]. - Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1991. С. 7.

[3] Там же.

[4] Венков А. В. Антибольшевистское движение на юге России на начальном этапе Гражданской войны. Ростов н/Д.: Науч.-метод. центр «Логос», 1995. 128 с.; Его же. А. В. Антибольшевистское движение на юге России (1917-1920 гг.): автореф. дис. … д-ра ист. наук. Ростов н/Д., 1996. 34 с.

В.Н. Самусенко пишет о том, что воинский долг, воспитанный в дореволюционных военно-учебных заведениях, кадровые русские офицеры честно исполняли во всех войнах[1].

С.И. Константинов также в духе эмигрантской литературы заявил, что монархизм младших офицеров, составлявших большинство офицерского корпуса, преувеличивается. Он считает, что большинство этих офицеров было вне политики[2].

Мы уже отмечали наличие в крупных работах указаний на резкий всплеск патриотизма в офицерской среде после подписания Советской Россией «похабного» Брестского мира. Этот сюжет заметно проявился и в специальных работах последних десятилетий[3].

Обратим внимание на яркую фразу историка В.В. Кулакова о состоянии офицеров после Брестского мира: «поруганное и выброшенное на улицу офицерство составляло главные кадры сознательных и воинственно настроенных противников большевизма»[4]. В.Г. Воинов пишет о том, что для офицерства, стоявшего за войну до победного конца, подписание Брестского мира олицетворялось с поражением, с капитуляцией перед врагом, для некоторых служило доказательством того, что большевики являлись германскими шпионами[5]. Отметим оригинальность попытки А.В. Венкова оценивать офицеров Добровольческой Армии как людей охранительной, патриотической направленность как «пассионариев»[6].

---

[1] Самусенко В. Н. Исторический опыт деятельности военно-учебных заведений России второй половины XIX - начала XX века по формированию морально-боевых качеств офицерских кадров: автореф. дис. …канд. ист. наук СПб., 2005. С. 21.

[2] Константинов С. И. Офицерский корпус белых армий Урала и Сибири в Гражданской войне. С. 214-215.

[3] Иоффе Г. З. «Белое дело» и генерал Корнилов. С. 234; Базанов С. Н. Борьба за власть в российской армии на фронтах Первой мировой войны (октябрь 1917 г. - февраль 1918 г.). С. 42-43, 48-49; Марченко Г. В. Российское офицерство в годы революционных потрясений и Гражданской войны: моральный и политический выбор // Управленческое консультирование. 2017. № 11. С. 141-143.

[4] Кулаков В. В. История военного и государственного строительства белых властей Юга России 1917-1920 гг.: автореф. дис. …д-ра ист. наук. М., 2005. 47 с.

[5] Воинов В. Г. Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918 1920 гг.) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 54.

[6] Венков А. В. Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны, С. 55-61.

Интересные аспекты формирования патриотических чувств у офицеров белых армий отметил А.Ф. Самойлов: чрезмерное упование на высокие идеалы патриотизма, априори присущие русскому офицерству, отсутствие механизма обуздания зоологической жестокости, поразившей белое офицерство по ходу Гражданской войны на белом Юге России[1]. О.А. Постникова чрезмерное восприятие идеалов патриотизма, характерное для русского офицерства, отнесла к отрицательному опыту властных структур Вооруженных сил Юга России[2].

Интересный аспект проявления «великорусского патриотизма» показал А.С. Пученков, который говорит о массовом исходе антибольшевистских настроенных офицеров в Украинскую Державу, воспринимавшуюся в начале 1918 г. как центр борьбы с большевиками, а затем переходе их на более «привлекательный» Дон. При этом историк оговаривается, что Украина зачастую служила перевалочным пунктом для офицеров, пробиравшихся из РСФСР на Дон, к Деникину[3].

Историки обращают внимание и на то, что патриотизм толкал офицеров не только в Белую, но и Красную Армию. Особо это проявилось в феврале 1918 г., когда многие офицеры приняли участие в обороне советского Петрограда от наступления германских войск.

При этом восприятие большевиков как спасителей России, по мнению некоторых историков, носило более широкий характер, нежели только в борьбе с немцами. С.И. Константинов формулировал это следующим образом: большевики защищают хотя бы и красную, но Россию, а их противники находятся в зависимости от иностранных правительств. Далее он обратил внимание на то, что заметное влияние на патриотические слои офицерства оказала листовка РВС Восточного фронта «К офицерам Колчака», в которой

---

[1] Самойлов А. Ф. Воспитание офицеров белых армий Юга России в духе любви к отечеству: историческое исследование (ноябрь 1917- ноябрь 1920 гг.): автореф. дис. …канд. ист наук. М., 2004. С. 19.

[2] Постникова О. А. Деятельность властных структур по нравственному воспитанию офицеров Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (ноябрь 1917 - март 1920 гг.): автореф. дис. …канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 11.

[3] Пученков А. С. Антибольшевистское движение на Юге и Юго-Западе России (ноябрь 1917 - январь 1919 гг.): идеология, политика, основы режима власти: автореф. дис. …д-ра ист. наук. СПб., 2014. С. 9, 29.

верховный правитель обвинялся в продажности французским и английским банкирам[1].

Г.В. Марченко пишет о восприятии частью офицеров большевиков как единственной политической силы, которая сможет объединить государство и защитить страну от внешних угроз[2]. Среди особых военно-политических факторов, позволивших части бывших царских офицеров перейти на сторону Красной Армии, историк указывает на освобождение их от верности воинской присяге после свержения самодержавия.

Очень сильным социально-психологическим мотивом вступления бывших офицеров в Белую армию, по мнению историков, стало чувство унижения, ощущение опасности за собственную жизнь, которое они испытывали в условиях революционного насилия над «золотопогонниками». У данной проблемы историки видят и оборотную сторону, проявившуюся не в унижении, а, напротив, в авторитете у солдат, доверительном избрании некоторых офицеров солдатскими комитетами на командные должности[3].

Давний вопрос о мотивах офицеров, вступавших в Добровольческую Армию, продолжил разрабатывать А.В. Бугаев, который писал, что в ноябре 1917 г. на юг прибыли те офицеры, кто и собирался. А потом на Дон стали пробираться поодиночке люди «второй волны». Это были офицеры, покидавшие свои части и распадающийся фронт, не желавшие попасть под расстрел или реквизицию советских властей[4].

Редкие сюжеты о социально-психологическом облике бывших офицеров, оказавшихся в конце Гражданской войны под контролем Советской власти, рассматривает Р.М. Абинякин[5].

---

[1] Константинов С. И. Офицерский корпус белых армий Урала и Сибири в Гражданской войне // Россия и Урал в годы войны и мира. XX век: к 60-летию со дня рождения Н. Н. Попова: сборник научных статей. Екатеринбург: Издательство Изд-во Уральского университета (УрГУ), 2006. С. 225.

[2] Марченко Г. В. Российское офицерство в годы революционных потрясений и Гражданской войны: моральный и политический выбор // Управленческое консультирование. 2017. № 11. С. 143, 145-146.

[3] Морозова О. М. Человек в условиях гражданской войны: антропология российского вооруженного конфликта. 1917-1920 гг.: автореф. дис. …д-ра. ист. наук. Р-н/Д, 2012. С. 46.

[4] Бугаев А. В. Очерки истории гражданской войны на Дону (февраль 1917 г. – февраль 1918 г.). Ростов н/Д.: [б. и.], 2010. С. 119.

[5] Абинякин Р. М. Бывшие офицеры на воинском учете РККА в 1920-е гг. Ученые записки Орловского государственного университета. 2023. № 4 (101). С. 7-12; Он же. Настроения

Психологическое состояние белых офицеров в тот же период оценили А.И. Ушаков и В.П. Федюк, которые писали о гнетущем впечатлении на офицерство Вооруженных сил Юга России, которое породили поражения конца 1919 – начала 1920 г. и вместе с тем рост надежд на очередного сильного вождя, в данном случае П.Н. Врангеля[1].

В современной российской науке, особый интерес представляет специальный параграф второй книги 12-го тома 20-ти томной «Истории России», специально посвященный офицерству старой армии на службе у большевиков и в Белой армии[2]. Автор параграфа О.М. Морозова обобщила свои прежние наблюдения и оценки коллег предпосылок и мотивов выбора офицерами одного из лагерей Гражданской войны. Такой подход был не случаен. Еще в своей докторской диссертации О.М. Морозова заметила, что вопрос о предпосылках выбора в пользу антибольшевистского лагеря практически еще не получил научной постановки в силу стереотипа о его естественности и предопределенности[3].

По ее мнению, для многих офицеров старой армии первым шагом в РККА было избрание в различные солдатские комитеты и на командные должности благодаря их авторитету у солдат. Интересным представляется утверждение о том, что одной из предпосылок вступления офицеров царской армии в Красную армию была инерционность большинства политически индифферентного офицерства. Паек, жалование, приверженность месту службы, вера в непрочность власти большевиков и соответствующая готовность военных специалистов своей службой сохранять армию для будущей России. Помимо этих первоначальных обстоятельств и мотивов О.М. Морозова отмечает, что в дальнейшем «старым» офицерам импонировали

бывших белых офицеров в советском плену (по материалам Орловского концентрационного лагеря в 1920 г.) // Славянский сборник. Материалы XV Всероссийских (с международным участием) Славянских чтений. Орел: Изд. А. В. Воробьев 2024. С. 95-105. Он же. Освобождение бывших офицеров из советских концентрационных лагерей в 1920-1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № 3. С. 139-146.

[1] Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг Ноябрь 1919 - ноябрь 1920. М.: АИРО-XX, 1997. С. 31-35.

[2] История России: в 20 томах. Т.12. Гражданская война в России. 1917-1922 годы. Кн. 2: Власть. Экономика. Общество. Культура. М.: Наука, 2024. С. 516-518.

[3] Морозова О. М. Человек в условиях гражданской войны: антропология российского вооруженного конфликта. 1917-1920 гг.: автореф. дис. …д-ра. ист. наук. Р-н/Д, 2012. С. 46-47.

меры большевиков по укреплению вооруженных сил, а для неудачников перспективы карьеры в РККА. В параграфе справедливо учтены некоторые социальные параметры, важные для создания коллективного портрета офицеров, особенно возраст и семейное положение[1].

Говоря об обстоятельствах вступления бывших офицеров в Белую армию, О.М. Морозова обратилась к давним высказываниям Н.Н. Головина о том, что незавидное материальное положение белого офицерства делало самыми последовательными борцами под белым флагом неимущих офицеров в большинстве своем до революции приписанных к крестьянам. Этот слой людей, по словам самой О.М. Морозовой, отличался приглушенной политизированностью, но в целом имел взгляды антибольшевистской направленности. При этом в годы Гражданской войны монархические настроения среди белого офицерства возрождались. Однако традиционно высокие для офицерства слова Долг и Честь, по словам О.М. Морозовой, постоянно вступали в парадоксальное взаимодействие, толкая офицеров на поступки, противоречащие этим понятиям[2].

К сожалению, многие положения рассмотренного параграфа большого труда подкрепляются единичными примерами и высказываниями современников. Они требуют обоснования более широкой фактической базой.

Политика советского и белых правительств в отношении бывших офицеров.

В советской историографии вопрос о привлечении старого офицерства на сторону Советской власти в работах в первую очередь рассматривался в классовом ключе как ликвидация господства буржуазно-дворянского офицерского корпуса.

Со стороны политработников первых лет советской власти, особенно «левых коммунистов», звучали слова о том, что военные специалисты как

[1] История России: в 20 томах. Т.12. Гражданская война в России. 1917-1922 годы. Кн. 2. Власть. Экономика. Общество. Культура. М.: Наука, 2024. С.516.
[2] Там же. С. 517-518.

выходцы из верхов старого общества опасны, склонны к предательству, но их нужно привлекать на сторону Советов[1]. В работах советских авторов высказывалась мысль об использовании офицеров демократизированной к 1917 г. армии для создания Красной Армии[2].

Характерным проявлением противоречий советской историографии можно считать оценки Н.И. Шатагина. С одной стороны, он утверждал, что Декрет СНК от 27 декабря 1917 г. об уравнении всех военнослужащих в правах и упразднении всех воинских чинов и званий, вырвал армию из-под влияния контрреволюционного командования, способствовал её очищению от враждебных Советской власти генералов и офицеров. С другой стороны, будучи верным классовому подходу, историк писал о том, что многие офицеры сразу после Октябрьской революции перешли в лагерь контрреволюции, часть офицеров выжидала, сознательные выходцы из мелкой буржуазии и интеллигенции под контролем комиссаров повернули в сторону революции[3]. Совершенно в духе формулировок послевоенных лет Н.И. Шатагин утверждал об изменении позиции части офицеров после «вероломного нападения германских империалистов» на Советскую республику в сторону готовности защищать ее[4].

Данью сталинскому времени было непременное упоминание Н.И. Шатагиным критики Троцкого за преклонение перед военспецами[5]. Это порождало еще одно противоречие. Ранее историк положительно оценил роль комиссаров Красной Армии в перевоспитании офицеров. Но при этом как бы забыл о том, что Л.Д. Троцкий был начальником этих комиссаров, а В.И. Ленин фактически поддерживал председателя РВС в спорах с «военной оппозицией». Вместе с тем профессионализм историка в отдельных сюжетах

---

[1] Армия империализма и армия революции: Война империалистическая и война революционная. Петроград.: Петрогр. сов. рабочих и красноарм. депутатов, 1919. 40 с.

[2] Кляцкин С. М. На защите Октября; Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917-1920. М.: Наука, 1965. 475 с.; Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства, 1917-1918. М.: Наука, 1987. 349 с.; История гражданской войны в СССР. Т. 3.

[3] Шатагин Н. И. Организация и строительство Советской армии в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918-1920 гг.) М.: Воениздат, 1954. С. 25, 49, 52.

[4] Там же. С. 50.

[5] Там же. С. 158-159.

брал верх над идеологическими схемами. В частности, продуктивными для дальнейшего изучения оказались подсчеты Н.И. Шатагина количества и состава офицеров, вступивших в Красную Армию. Он назвал цифру в 100 тысяч человек, большинство из которых служило во Всевобуче и военкоматах. Из 30 тысяч бывших офицеров, находившихся в действующей армии, большинство служило в штабах[1].

В «Истории гражданской войны» упор был сделан на объяснение мудрой политики большевиков и советского государства в отношении старых офицеров. Как утверждали авторы издания, революционная власть понимала их воспитание в буржуазном духе, но с помощью комиссаров помогла офицерам стать на путь верного служения новому строю, ценила тех, кто честно служил в Красной армии[2].

В 1970-1980-е гг. принятие старого офицерства на советскую службу во многих работах освещалось как часть борьбы Коммунистической партии и Советского государства за привлечение буржуазных специалистов к социалистическому строительству[3]. А.В. Ушаков вообще включил бывших офицеров, принявших участие в защите завоеваний Октября, в разряд демократической интеллигенции[4].

При этом в советской историографии признавалось, что наряду с идеологическим контролем и идейным убеждением в деле привлечения военных специалистов на сторону Советской власти использовалось и материальное поощрение[5].

---

[1] Шатагин Н. И. Организация и строительство Советской армии в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918-1920 гг.) М.: Воениздат, 1954. С. 224.

[2] История гражданской войны. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3. С. 379, 380; там же. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 4. С. 44, 211, 394.

[3] Кузнецов Ю. С. Вовлечение интеллигенции в социалистическое строительство (1917-1925 гг.) На материалах парт. орг. Белоруссии. Минск: Беларусь, 1982. С. 12-14; Литвинова В. П., Шейков В. Н. Привлечение буржуазных специалистов к обороне и хозяйственному строительству в УССР// Вопросы истории СССР. Харьков: Вища шк., 1983. Вып. 28. С.16-17; Федюкин С. А. Октябрь и интеллигенция: из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М.: Наука, 1972. С. 21-22.

[4] Ушаков А. В. Демократическая интеллигенция периода трех российских революций. М.: Просвещение, 1985. С. 142-143.

[5] Быков М. А. Деятельность Коммунистической партии по привлечению старых военных специалистов к строительству Вооруженных Сил Советского государства. (Ноябрь 1917 - 1920 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1978. С. 12.

Современные историки стали шире смотреть на политику советского государства в отношении военных специалистов.

Изучая начальный период истории Красной Армии, И.И. Стрекалов писал о том, что командные должности в частях РККА, защищавших Петроград от германских войск, занимали бывшие офицеры русской армии, желавшие остаться на военной службе, но избегавшие участия в Гражданской войне против соотечественников. Вероятность измены военспецов в войсках завесы была маловероятна. Для офицеров русской армии германский солдат был не меньшим, а может быть, и большим, врагом, чем для большевиков[1].

В развитие положений о правильности политики большевиков и советского государства в отношении офицеров, вступивших в Красную Армию, Г.В. Марченко, в частности, пишет о продуманной кадровой и информационно-пропагандистской работе советских органов по привлечению офицеров в Красную Армию для защиты Отечества от иностранных интервентов[2].

Широко рассматривает политику советского государства в отношении бывших офицеров Генерального Штаба В.В. Каминский[3]. Советское законодательство октября-декабря 1917 г., по его словам, было направлено на окончательное сокрушение служебного статуса русского офицерского корпуса. Уже политическое обвинение командного состава царской армии в «контрреволюционности» ставило его в положение «вне закона». Введение выборного начала в армии лишило комсостав какой-либо реальной власти.

На материальном положении русского офицерства существенно сказалось ноябрьское «Положение о демократизации армии», в соответствии с которыми отстраненные и оставшиеся невыбранными лица комсостава получали содержание, положенное рядовому составу, а увольняемым и

---

[1] Стрекалов И. И. Строительство Красной армии в войсках завесы (март - октябрь 1918 года). автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 2004. С. 17-19.

[2] Марченко Г. В. Российское офицерство в годы революционных потрясений и Гражданской войны: моральный и политический выбор // Управленческое консультирование. 2017. № 11. С. 145-146.

[3] Каминский В. В. Офицеры Русской Императорской Армии в корпусе «красного» Генерального Штаба. Персональный состав, служебная занятость, специфика личных судеб (1918-1945 гг.): биографический справочник. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2018. Т. 1. 800 с.

уволенным в отставку офицерам пенсия за службу не предусматривалась[1]. С другой стороны, этот историк делает заключение о том, что офицеры Генштаба в ходе большевистской демобилизации армии материально не пострадали. Он называет демобилизацию армии в ноябре 1917 – январе 1918 гг. мероприятием, которое косвенным образом содействовало привлечению этой группы офицеров на службу в РККА[2].

С.С. Войтиков подчеркивает тот аспект темы, который показывает, что высшее советское военное руководство не чинило препятствий руководителям центральных и главных управлений военного ведомства в оставлении ценных сотрудников на работе в военном наркомате. Особенно интересен специальный параграф о выпускниках Академии Генштаба 1917 г. на советской службе[3].

М.В. Фоменко обратил особое внимание на приказ Высшего Военного Совета от 21 марта 1918 г. об отмене выборного начала в Красной Армии, что открывало широкий доступ бывшим генералам и офицерам в ее ряды. Далее историк констатировал, что «военспецы» доказали свой профессионализм и обеспечили победы Красной Армии на полях сражений[4].

А.А. Шувалов утверждает, что центральный военный аппарат красных был организован лучше, чем у белых, имел четкое разграничение функций, что позволило произвести учет офицеров, мобилизовать их в армию, изымать из тыловых учреждений и направлять в действующую армию, а военный аппарат контрреволюции с аналогичными задачами не справился[5]. При этом он признает, что советское государство проводило неоднозначные меры по привлечению офицеров императорской армии на свою сторону: обеспечение верности бывших офицеров советской власти осуществлялось с помощью института заложников, политического контроля комиссаров над военспецами,

---

[1] Каминский В. В. Указ. Соч. С. 68-69.
[2] Там же. С. 72-73.
[3] Войтиков С. С. Строительство центрального военного аппарата Советской России (1918 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2011. 24 с.
[4] Фоменко М. В. Центральные органы управления Вооруженными Силами Советского государства в октябре 1917 - августе 1923 гг.: автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 2008. С. 22.
[5] Шувалов А. А. Указ. соч. С. 20-21.

карательной политики за несоблюдение дисциплины, преступления и предательство, повышения материального уровня[1].

И.В. Варзаков считает, что советскому государству удалось наладить четкую систему мобилизации и нейтрализовать оппозиционные настроения офицеров, призываемых в Красную Армию, тогда как для белогвардейцев переход от добровольчества к мобилизациям обернулся существенным ослаблением Белого движения. В целом в вопросах эффективности использования командных кадров большевики также продемонстрировали превосходство над антисоветским лагерем[2]. Можно сколько угодно говорить об устарелости таких оценок, но они подтверждают неоспоримый факт военной победы Красной Армии, которая была невозможна без грамотных командиров.

Политика белых правительств в отношении бывших кадровых офицеров оценивается неоднозначно. Наиболее интересна в этом отношении обширная монография Р.Г. Гагкуева. С одной стороны, он пишет о заметной степени недоверия белых правительств Юга России к офицерам, прибывшим с территории Советской России. С другой стороны, говорит о масштабной социальной политике Врангеля, которая даже предполагала помощь семьям кадровых офицеров[3].

Проблема борьбы за офицерство противоборствующих сторон Гражданской войны на Севере и выбора позиции некоторыми конкретными офицерами изучается во многих работах В.И. Голдина[4].

В некоторых работах историков рассматривается фактор мобилизации офицеров в зависимости от территории проживания. Так, Г.В. Марченко

---

[1] Шувалов А. А. Указ. соч. С. 20-21.

[2] Варзаков И. В. Комплектование командного состава отечественных вооруженных сил в 1861-1920 гг. (сухопутные войска): автореф. дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 2012. С. 18.

[3] Гагкуев Р. Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917-1920 гг. М.: Посев, 2012. С. 386-388, 500.

[4] Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на русском Севере. М.: Изд-во МГУ, 1993. 200 с.; Голдин В. И., Журавлев П. С., Соколова Ф. Х. Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск: Солти, 2005. 350 с. Голдин В. И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы: монография. Мурманск: МГГУ, 2012. 333 с.

пишет о тысячах принудительно призванных в Красную Армию офицерах[1]. Применительно к мобилизациям в белые армии в литературе чаще речь идёт об их ограниченных возможностях, особенно в связи с недоступностью для белых территории Центральной России, где после мировой войны проживали многие офицеры[2].

Вопросы численного и качественного состава офицеров старой армии в противоборствующих сторонах.

Одной из важных тем всех периодов историографии Гражданской войны был вопрос о численности и составе бывших офицеров в рядах Красной и Белых армий.

Первые работы с попытками количественного анализа распределения офицеров среди воющих армий, мотивов и причин их выбора «белых» или «красных» появились уже в годы Гражданской войны. В частности, в 1919 г. статистический очерк подготовил «персонаж» одной из наших выборок бывший штабс-капитан 173-го пехотного Каменецкого полка, к концу мировой войны подполковник, а с начала 1918 г. политработник Донской армии Я.М. Лисовой. Он изучил судьбы офицеров Генерального штаба императорской армии, поступивших в Добровольческую армию, и установил, что к концу 1918 г. в эту армию прибыло около 10% прежнего состава генштабистов. При этом, судя по его общим расчетам, у белых оказалось меньше Генштабистов, чем у красных[3].

Эмигрантский историк и общественный деятель Н.Н. Рутыч, также изучив данные об офицерах Генерального штаба, определил, что 20% из них оказались у красных и 50% – у белых[4].

В работах современных российских историков данные о распределении генштабистов в Красной и Белой армии также заметно разнятся. В.В.

---

[1] Марченко Г. В. Российское офицерство в годы революционных потрясений и Гражданской войны: моральный и политический выбор. С. 145.
[2] Гагкуев Р. Г. Указ. соч. С. 315.
[3] Лисовой Я. М. Генеральный штаб (статистический очерк по данным к I декабря 1918 г.) // Донская волна (Ростов н/Д.). 1919. №. 9 (37). С. 11-14.
[4] Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: материалы к истории Белого движения. М.: Regnum: Российский архив, 1997. С. 8, 10.

Каминский говорит о примерном равенстве бывших офицеров Генштаба во враждовавших армиях[1]. Иные данные приводит в своей монографии А.В. Ганин, подчеркивая заметное преобладание «Белых генштабистов». При этом он оговаривается, что «точная численность различных категорий выпускников академии на период Гражданской войны неизвестна и вряд ли может быть установлена»[2].

Другими словами, даже в обсчетах ограниченного круга известных по документам офицеров Генерального штаба выявились весьма разные цифры.

В связи с этим обратим внимание на работу Е.Ю. Сергеева, который относил офицеров Генштаба Русской императорской армии к военной элите с европейским качеством профессиональных знаний[3]. Приведенные выше цифры о разделении генштабистов по лагерям Гражданской войны говорят о том, что их социальная элитарность перестала в этот период играть существенную роль, а профессиональные знания были востребованы и красными, и белыми.

Понятно, что более сложным с точки зрения состояния источниковой базы является определение численности всех офицеров воюющих армий «смутного времени». Мы решили ограничить внимание наиболее признанными в литературе подсчетами. Так, А.Г. Кавтарадзе посчитал, что 70-75 тысяч бывших офицеров (30% от общей численности офицерского корпуса 1917 г.) оказались на службе в Красной Армии, около 100 тысяч (ок. 57%) служили у белых. Остальные от участия в Гражданской войне уклонились[4].

Для нашей работы общероссийские данные о числе офицеров противоборствовавших лагерей Гражданской войны важны для того, чтобы определить типичность или нетипичность таких соотношений в изученных нами выборках.

---

[1] Каминский В. В. Указ. соч. С. 12-13.
[2] Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М.: Русский путь, 2013. 880 с.
[3] Сергеев В. В. "Иная земля, иное небо…". Запад и военная элита России. (1900-1914 гг.). М.: ИВИ, 2001. 282 с.
[4] Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917-1920 гг. М.: Наука, 1988. С. 117.

Вопрос о социальном составе офицеров на службе в Красной и Белой армиях в советской историографии долгое время освещался с упрощенных классовых позиций. Это были зачастую общие рассуждения без проведения конкретных расчетов. Даже в не совсем типичной для советской историографии книги Л.М. Спирина о классах и партиях в Гражданской войне главным образом обращалось внимание на дворянский и буржуазный состав белых офицеров и их монархические настроения[1].

Для целей нашего исследования особый интерес представляет анализ современными историками конкретных показателей социального состава офицерства по целому ряду стратификационных критериев. В частности, по мнению Р.М. Абинякина, доля кадровых офицеров в офицерском корпусе Добровольческой армии в 1920 г. составляла менее 10%. Дворяне в совокупности с выходцами из чиновно-офицерской среды не превышали 36%. При этом подчеркнуто, что в Красной Армии этот показатель был на 10% больше[2].

Оригинальный анализ послужных списков, наградных листов и кратких записок 1080 «белых» офицеров, проведенный Н.Н. Романишиной показал, что более 50% этого круга офицеров составили выходцы из крестьян и мещан. Общий социальный состав «белых» армий она назвала «разночинским», а не «буржуазно-помещичьим». Но самым прочным ядром всех «белых» вооружённых сил, по ее словам, являлось военное сословие - офицерство и казачество[3].

Мы уже отмечали заявления авторов некоторых крупных работ о стремлении части офицерства избежать или выйти из участия в Гражданской войне. Хотелось бы обратить внимание на более развернутые высказывания историков по этому вопросу.

---

[1] Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917-1920 гг.). М.: Мысль, 1967. С. 288.
[2] Абинякин Р. М. Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение 1917-1920 гг.: автореф. дис. …канд. ист. наук. Орел, 2000. 23 с.
[3] Романишина В. Н. Социальный состав и идеология Белого движения в годы гражданской войны в России, 1917-1920 гг.: автореф. дис. …канд. ист. наук, М., 2001. 23 с.

Так, еще в 1920-е гг. Н.Е. Какурин привел выдержки из разведсводок о состоянии офицерства белых армий, которое боится фронта, переутомлено боями, стремится приспособится в тылу. «Отбросив» классовый подход советского автора, позволим утверждать, что он верно уловил настроения многих бывших офицеров, которые не хотели служить не только белым, но и красным[1].

Г.З. Иоффе специально писал о разложение колчаковских офицеров, их желании отсидеться в тылу[2].

Интересно сформулировал оценку поведения офицеров в первые месяцы после Октябрьской революции В.Ж. Цветков: «офицеры, убежденные в собственной безопасности от большевиков, не торопились снова брать в руки винтовку»[3].

В.П. Федюк отмечал, что уклонение от участия в Гражданской войне было вполне сознательной позицией офицерства, которая отражала нежелание связываться с непредсказуемой по последствиям затеей в то время, когда авторитет приказа уже не был непререкаемым для большей части офицерства[4].

При этом некоторые историки возвращаются к давно известной мысли о сложности сохранения офицерами нейтралитета в период Гражданской войны. Так, В.Г. Воинов прямо пишет, что, испытывая по отношению к себе подозрительность и недоверие со стороны советской власти, подвергаясь беспричинным арестам, взятию в заложники, заключению в концентрационные лагеря, даже нейтрально настроенные офицеры превращались в ярых противников новой власти.[5]

Первые опыты создания коллективных портретов отдельных групп офицеров.

---

[1] Какурин Н. Е. Как сражалась революция. М.: Изд-во политич. лит-ры, 1990. Т. 1. С. 151.
[2] Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М.: Мысль, 1983. С. 223.
[3] Цветков В. Ж. Белые армии Юга России. 1917-1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии. Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). Кн. 1. М.: Посев, 2000. С. 6.
[4] Федюк В. П. Белые. Антибольшевистское движение на юге России, 1917-1918 гг. М.: АИРО-XX, 1996. С. 15.
[5] Воинов В. Г. Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918 1920 гг.) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 54.

В советской историографии редчайшим образцом изучения относительно массовых выборок и социологической обработки данных об офицерстве Белой и Красной армий был анализ А.Г. Кавтарадзе нескольких сотен послужных списков офицеров-руководителей Добровольческой армии и высшего командного состава РККА. Но эти выборки не затрагивали основные массы офицерства[1].

В 1990 г. Ю.А. Поляков особое внимание обратил на то, что терминология истории Гражданской войны, называвшая белых офицеров и генералов палачами и карателями, должна стать более спокойной и объективной[2].

Оценивая историографию 1990-х гг. Г.А. Бордюгов, А.И., Ушаков, В.Ю. Чураков, подчеркнули, что в это время произошло резкое увеличение интереса к персоналиям, в основном это были работы о предводителях белых армий, в специальных справочных публикациях появились статьи о десятках белых офицеров[3]. Для нашего исследования особенно интересен призыв этих авторов к изучению белого движения в зависимости от регионов, к созданию научных биографий и концепций участников белого движения[4].

В качестве особых подходов к историко-биографическому жанру назовем работы А.В. Ганина, П.А. Новикова, Д.И. Петина, Г.И. Хипхенова, в которых публикации документов личного происхождения сочетаются с научным анализом жизни и деятельности авторов документов в контексте исторической эпохи[5]. Такие исследования важны для понимания внутренних

---

[1] Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917-1920 гг. М.: Наука, 1988. 276 с.
[2] Поляков Ю. А. Гражданская война в России (поиски нового видения) // История СССР. 1990. № 2. С. 103.
[3] Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Указ. соч. С. 240, 253 и др.
[4] Там же. С. 273.
[5] Ганин А. В. "Несколько раз ходил... в Советский Союз партизанить". Генерал Новиков между красными и белыми // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 3 (30). С. 48-115; он же. «Теперешние события надо взвешивать в масштабе десятилетий, столетий…» Офицер в революции (по дневникам штабс-капитана Василия Цейтлина) // Родина. 2015. № 3. С. 110-115; Ганин А. В., Новиков П. А., Хипхенов Г. И. «Я с броневиком иду в наступление…». Походные заметки русского офицера Чехословацкого корпуса подполковника Б. Ф. Ушакова. Январь-июнь 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. №4 (23). С. 226-267; Петин Д. И. Феномен офицера в революции сквозь призму истории эмоций: к осмыслению советской автобиографии бывшего колчаковца А. Е. Бурдукова // Новейшая история России. 2025. Т. 15. № 3. С. 770-784.

мотивов поведения других офицеров, находившихся в аналогичных ситуациях, а, главное, для подготовки отдельных «этюдов» к коллективному портрету большой группы офицеров.

Редким образцом создания коллективного портрета определенной группы офицеров периода Первой мировой войны посредством просопографического анализа можно назвать статью А.Ю. Саблина о начальниках Омской школы подготовки прапорщиков пехоты[1].

Согласимся и с В.Ж. Цветковым, который призывал изучать не только количественный и «качественный» состав (отношение к военной службе вообще и к службе в рядах белой армии в частности, дисциплина, боевая подготовка, взаимоотношения офицерства и нижних чинов и т.д.), сам представил немало фактов боевых биографий белых офицеров не только из высших командиров[2].

Однако и в настоящее время главным образом изучаются судьбы только высших военных и идейных руководителей Белого движения.

Применительно к изученной нами группе офицеров провинциальных гарнизонов мы выявили три специальные работы. В.В. Каминский посвятил статью военному пути А.Я. Яновского, офицера 173-го Каменецкого полка (до 1914 г. Курск), участника Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войны, в конечном итоге генерал-майора Советской армии[3]. Р.А. Абасалиев написал о генерале А.Г. Вачнадзе, который перед Первой мировой войной служил в Курске, а в начале 1917 г. был последним военным комендантом города Петергофа, после Февральской революции вышел в отставку, много лет прожил в Тифлисе[4]. Интересный аспект биографии не раз

---

[1] Саблин А. Ю. Коллективный портрет начальника Омской школы подготовки прапорщиков армейской пехоты // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2021. Т. 6. № 1. С. 22-29.

[2] Цветков В. Ж. Белые армии Юга России. 1917-1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии. Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). Кн. 1. М.: Посев, 2000. 167 с.; Он же. Белое дело в России. 1919 год: формирование и эволюция политических структур Белого движения в России / В. Ж. Цветков. М.: Посев, 2009. 635 с; Он же. Белое дело в России: 1920-1922 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Яуза, Якорь, 2019. 1052 с.

[3] Каминский В. В. Александр Яковлевич Яновский: 41 год в боевом строю // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2015. № 2. С. 66-77.

[4] Абасалиев Р. А. Военные коменданты Петергофа // Нева. 2007. № 4. С. 262-268.

упомянутого нами полковника Я.М. Лисового как коллекционера и военного историка затронула А.Н. Еремеева[1].

При изучении иностранной литературы мы обратили главное внимание на работы с характеристиками роли и места офицеров русской армии в военно-революционных событиях 1914-1918 гг. Сразу бросилось в глаза преобладание обобщенных оценок и недостаточность конкретных фактов об офицерах в этих работах.

Американский историк А.К. Уайлдмен, автор солидной монографии «Конец русской императорской армии», по большей мере писал об общем смысле классовых противоречий в русской армии, антагонизме между офицерами и солдатами как образованными и необразованными общественными слоями[2]. В специальной русскоязычной статье он обратил внимание на невозможность офицеров нормально управлять армией в условиях отсутствия законности в России в 1917 г.[3]

Конкретнее выглядит монография израильского историка М. Майзеля, который специально изучал офицеров Генерального штаба русской армии. По его мнению, эти офицеры были вовлечены в политику в 1914 г. Вместе с тем он затрагивал вопрос о позициях всего офицерства. По словам М. Майзеля, в период Февральской революции политикой занималось высшее руководство армии, а остальная часть офицерства была далека от политики и служила инструментом сначала для защиты царя, затем для отказа от его защиты. Потом она растворилась в массе бунтующих толп[4].

Наиболее интересными для целей нашего исследования стали работы американского историка П. Кенеза, который еще в 1970-е гг. писал:

---

[1] Еремеева А. Н. «Дабы сохранить воспоминания о переживаемых событиях»: у истоков формирования музейных и архивных коллекций по истории революции и гражданской войны // Кубань в эпоху великих потрясений. 1917-1920 гг. // Фелицынские чтения - XIX. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Краснодар: Изд-во Вика-Принт, 2017. С. 45-48.

[2] Wildman, Allan K. The end of the Russian Imperial army. Princeton (N. J.): Princeton univ. press, Cop. 1987. XV, 443 c.

[3] Уайлдман А. К. Армия и вопрос о законности власти в России // Отечественная история. 1994. № 2. С. 19-30.

[4] Mayzel M. Generals and revolutionaries. The Russian Generals Staff During the Revolution: A Study of the Transformation of Military Elite. Osnabruck: Biblio, 1979. P. 58, 74-78.

«Советские историки не опубликовали ничего о социальном составе офицерского корпуса несмотря на то, что их архивы содержат богатый материал по этому вопросу»[1].

Проведя собственные исследования места русского офицерства в Гражданской войне в монографии, изданной недавно на русском языке, П. Кенез дал немало конкретных оценок данного вопроса[2]. Он считает, что несмотря на быстрое принятие офицерами революционных изменений весны 1917 г., перспективы удачного сотрудничества с новым режимом сначала были туманными. С одной стороны, офицеров недолюбливали социалистические лидеры Советов. С другой стороны, на офицерство вылилась старая ненависть слуг к господам, крестьян к помещикам, с первых дней революции солдаты не повиновались, а иногда и убивали своих офицеров, таких случаев становилось все больше и больше. В 1917 г., по словам П. Кенеза, офицеры еще не стали контрреволюционерами. Они не хотели полного возвращения к самодержавию, лишь отрицали порядок, рожденный революцией. Офицеры были настолько истощены, желали конца войны при любом раскладе, первыми воспользовались возможностью, предоставленной большевиками, покинуть армию, вернуться к своим семьям и остаться в покое. Весной 1918 г. многие офицеры осознали, что невозможно позволить себе роскошь «нейтралитета» во время Гражданской войны и пополнили ряды Добровольческой армии.

Отметим также некоторые книги и статьи зарубежных авторов, которые, скажем так, стали для нас дополнительным историографическим обоснованием важности изучения офицеров как личностей, их социально-психологического облика.

У.А. Розенберг в 1960-е гг. писал о патриотизме белого офицерства, его ущемленном национальном чувстве, которое отодвинуло на задний план

[1] Цит. по: Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России. С. 184.
[2] Кенез П. Полная история Белого движения. М.: Родина, 2021. 650 с.

классовые соображения[1]. Позже этот историк говорил о том, что участие офицеров в Гражданской войне на стороне белых превратилось в борьбу за коллективное выживание[2].

Интересным представляется призыв американского историка М. Левина в изучении Гражданской войны обращать внимание не только на классы, но и национальности, бюрократию, партии, социальный состав армий, поскольку с обеих сторон имели место не чисто классовые построения, а коалиции разных сил, что и предопределило непредсказуемость войны[3].

Заметим также, что в зарубежной, как и в российской историографии, устойчивым является тезис о том, что на стороне белых армий оказалось большинство традиционного консервативного офицерства[4].

Отдельное внимание мы уделили статье американского историка Дж. Бушнелла, который изучил русское офицерство на основе анализа художественного произведения, повести «Поединок» А.И. Куприна, высказал мысль о том, что в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, царские офицеры придерживались моделей поведения, несовместимых с их военной миссией. Он обращал внимание на всеобщее пьянство, увлечение азартными играми, ненависть к военной службе, казнокрадство военных начальников, презрение к гражданским лицам и т.д. На основе этих ограниченных литературных фактов американский историк сделал вывод о том, что к 1914 г. эффективность работы офицеров вполне могла снизиться до уровня 1904 г.[5]

Однобокость такого подхода американского историка позволяет понять монография нашего коллеги по Тамбовскому государственному университету

---

[1] Rosenberg W.A. Denikin and the Antibolshevik Movement in South Russia. Amherst Mass, Amherst College Press, 1961. 80 p.

[2] Розенберг У. Г. Революция и контрреволюция: синдром насилия в Гражданской войне в России, 1918-1920 // Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии. 2019. Т. 7. С. 76.

[3] Левин М. Гражданская война: динамика и наследие // Гражданская война в России: перекресток мнений; [Отв. ред. Ю. А. Поляков, Ю. И. Игрицкий]. М.: Наука, 1994. С. 255.

[4] Эдельман Дж. Историческое значение русской Гражданской войны // Гражданская война в России: перекресток мнений. М.: Наука, 1994. С. 365.

[5] Bushnell John S. The Tsarist Officer Corps, 1881-1914: Customs, Duties, Inefficiency // American Historical Review. V. 86. P. 753-770, 777.

А.И. Иванова, посвященная образу офицера в русской литературе[1]. Прежде всего, литературовед пишет о том, что негативные представления о русском офицере в отечественной литературе начала XX в. в сознании массового читателя сформировались не без влияния повести А.И. Куприна «Поединок», но и повестей С.Н. Сергеева-Ценского «Бабаев» и Е.И. Замятина «На куличках». При этом А.И. Иванов обращает внимание на то, что еще до Первой мировой войны против очернения русской армии выступила военная пресса, повесть А.И. Куприна не без оснований оценивалась как «злостно тенденциозный памфлет на военных». Опираясь на другие литературно-критические исследования, в частности, большую специальную статью К.И. Чуковского, А.И. Иванов, на наш взгляд, справедливо говорит в том, что облик русского офицера в литературе до Первой мировой войны нуждается не столько в оправдании, сколько в более глубоком осознании, осмыслении его психологии.

Для нас важен еще один аспект работы А.И. Иванова, связанный с его оценкой русской литературы времен Первой мировой войны, которая начала показывать русского офицера без излишней идеализации и без очернительства, а главное изображать его в деле, которому он учился. Ценно и то, что литературовед ставит вопрос, который постоянно волнует и историков, вопрос о соотношении кадрового офицерства и всех офицеров периода мировой войны, многие из которых представляли другую армию, армию с другой психологией.

Наше внимание привлекла также оценка А.И. Ивановым исследований о «человеке воюющем», к делению офицеров на несколько групп, в частности, на «воинов по призванию» и «воины по долгу». Ценно то, что в А.И. Иванов увидел в литературе военных лет и такую проблему, как изменение отношений солдата и офицера в послереволюционной армии, появление случаев жестокости по отношению к офицерам.

---

[1] Иванов А. И. Первая мировая война в русской литературе 1914 – 1918 гг.: Монография. Тамбов: Изд. ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. 484 с.

Обращение к работе А.И. Иванова лишний раз свидетельствует о том, что работы российских исследователей в неидеологизированной атмосфере глубже проникают в суть дела просто в силу лучшего понимания русской жизни.

Подводя итоги историографического анализа, заметим, что к настоящему времени в работах российских и зарубежных авторов накопилось немало глубоких и тонких, но нередко противоречивых оценок роли и места офицеров русской армии в военно-революционных событиях 1914-1922 гг.

Одним из путей развития изучения темы и преодоления отдельных противоречий в ее освещении представляется введение в научный оборот массовых источников, которые позволили бы конкретнее определить социально-профессиональный облик офицерства начала XX в., расширить объем фактов непосредственного участия их отдельных представителей в событиях Первой мировой войны, Революции 1917 г., Гражданской войны 1918-1922 гг., выявить мотивы выбора офицерами конкретных форм поведения в этих событиях. В конечном итоге было важным создать коллективные портреты разных групп офицеров в их историческом развитии и построить типологию офицерства военно-революционного времени.

Исходя из состояния историографии, мы определили объект, предмет, хронологические и географические рамки, цель и задачи нашего исследования.

Объект исследования: офицеры провинциальных гарнизонов Русской императорской армии.

Предмет исследования: конкретные судьбы групп и отдельных офицеров кадрового состава гарнизонов Воронежской, Курской и Тамбовской губерний, в сравнительном контексте с офицерами тамбовского происхождения в частях Русской Императорской армии и офицерами военного времени, на примере полков из Тамбовской губернии, в военно-революционных процессах 1914-1922 гг. В количественном отношении это

около 2,5 тысяч человек, типичных представителей офицерского корпуса дореволюционной армии.

Хронологические рамки исследования 1914-1922 гг. определяются кануном Первой мировой войны и полным окончанием Гражданской войны на территории бывшей Российской империи. Для определения некоторых характеристик изучаемых офицеров (возраста, времени окончания учебных заведений, служебной карьеры, участия в войнах и контрреволюционных акциях) мы погружались в предшествующие времена. Мы сознательно не рассматривали офицерские судьбы после Гражданской войны. Только констатировали факты отъезда в эмиграцию или проживания в Советской России.

Географические рамки исследования: первоначально определены границами Воронежской, Курской и Тамбовской губерний, поскольку здесь располагались сравнительно большие гарнизоны основных родов сухопутных войск, что позволяет сделать типологическую выборку для тщательного просопографического анализа более тысячи офицерских биографий. В ходе изучения боевых судеб офицеров в период Первой мировой войны мы расширили географию исследования на все фронты, где сражались представители нашей выборки, на все другие места, где служила в тылу другая часть изученного круга офицеров. Для нашей темы особенно существенно то, что в годы Гражданской войны через территории Воронежской, Курской, Тамбовской губерний проходили различные фронты, что давало офицерам большие, чем в глубоких тылах, возможности выбора между красными, белыми, казаками и украинскими войсками. Приходилось учитывать и то, что Гражданская война «разбросала» представителей изученного нами круга людей по всей российской Евразии. Некоторые офицеры в период этой войны «оперировали» на сопредельных территориях (Польша, Турция, Китай).

Цель исследования: создание коллективного портрета нескольких когорт офицеров русской армии в условиях Первой мировой войны, революционного периода 1917 г. и Гражданской войны.

Задачи исследования:

- выявление широких пластов массовых персонифицированных источников и определение их информационного потенциала для установления типичных и исключительных черт представителей изучаемых выборок;

- создание оптимальной структуры электронных таблиц для установления общих признаков социально-профессионального облика и микро-исторических проявлений уникальных судеб отдельных офицеров;

- изучение специфических обстоятельств военно-революционного времени, которые втягивали массы офицерства в бурный водоворот суровых событий;

- понимание роли офицерства в революционных событиях 1917 г. и в процессах разложения старой армии;

- выработка косвенных подходов к выяснению мотивов выбора конкретными офицерами линии поведения в «смутное» время в условиях предопределенной нехватки источников личного происхождения;

- построение типологии различных офицерских групп военно-революционного периода.

Источниковая база. Поскольку наше исследование имеет целью создание коллективного портрета конкретных групп офицеров в первую очередь потребовалась информация о кадровом составе воинских частей и военных учреждений. Первоначально мы основывались на данных Адрес-календарей и памятных книг Воронежской, Курской и Тамбовской губерний[1].

[1] Памятная книжка Воронежской губернии... на 1914 г. Воронеж: Изд. Воронежского ГСК. 1914. 704 с; Курский адрес-календарь. 1914-й год. Курск: Электрическая Типо-Литография Губернского Правления. 1914. [1], 11, 490 с.; Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии на 1914 год. Тамбов: Электрическая Типо-Литография Губернского правления, 1914. [1], IX, LXIII, 727, 67, 62, 46 с.

В целях пополнения исходных данных мы привлекли информацию справочно-биографических изданий, а также различные документальные публикации, содержащие биографические комментарии и справки[1].

Особую группу справочных документов составили списки офицеров по чинам и должностям. В частности, мы широко использовали списки генералов, полковников, подполковников и капитанов по старшинству, изданные в 1910-е гг. Они являлись своего рода биографическими справками о службе офицеров.

Особым «подспорьем» для современного историка стали специализированные, квалифицированно подготовленные Интернет-ресурсы. Авторы сайтов «Офицеры РИА» и «grwar.ru», многих статей Википедии и т.п. объединили обширные и разнообразные опубликованные первичные справочно-библиографические данные о тысячах офицеров.

Создатели сайтов по истории русской императорской армии периода Первой мировой войны «облегчили» жизнь историкам, включив в справки об отдельных офицерах материалы об их службе, подвигах и наградах в военный период.

Обращение к другим обширным ресурсам интернета дало возможность пополнить сведения о некоторых офицерах на конец 1922 г. Но и эти массивы оказались неполными. Так, многочисленные публикации данных о жертвах политических репрессий 1930-х гг. позволяют только установить факт проживания конкретного офицера в Советской России после Гражданской войны, сведения только о последних занятиях перед арестом, часто без

---

[1] Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769-1920. Биобиблиографический справочник. М.: Русскій міръ, 2004. 928 с.; Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. М.: Нева, ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 671 с.; Волков Е. В. Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. М.: Рус. путь, 2003. 236 с; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / Гл. ред. С.С. Хромов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 704 с; Клавинг В. В. Гражданская война в России: Белые армии / В. Клавинг. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 637 с.; Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. Материалы к истории Белого движения. Москва, [Париж]: Рос. арх., Regnum, 1997. 295 с.; Шмаглит Р. Г. Белое движение, 900 биографий крупнейших представителей русского военного зарубежья: [энцикл. биограф. справ.]. М.: Зебра Е, 2006. 346 с.

указания на «золотопогонное» прошлое. В нашем исследовании это стало важным фактом для определения отсутствия эмиграции из СССР.

Важными представляются издания типа Книг Памяти. Для нас огромную пользу оказали материалы Воронежской книги памяти Великой войны 1914-1918 годов, в которой на основе очень широкого круга опубликованных и архивных источников представлены сведения о погибших на фронтах и вернувшихся с войны, в т.ч. об офицерах, оказавшихся после Революции 1917 г. в Красной и Белой армиях, на гражданской службе. Среди упомянутых в книге оказалось около 20 офицеров нашей базы данных, служивших в Воронежской губернии накануне Первой мировой войны[1].

С другой стороны, с источниковедческой точки зрения важным оказался отрицательный результат анализа Книги памяти воинов РККА Курской губернии периода Гражданской войны. Среди 650 персонажей этой книги не оказалось ни одного офицера, проходившего службу в Красной армии на территории Курской губернии в 1914 г.[2] При сопоставлении с другими источниками это дало основания для утверждения о том, что представители этой группы в очень малой степени вступили в Красную Армию и самоотверженно сражались в ее рядах.

Важное источниковедческое наблюдение позволило сделать изучение недавно опубликованных приказов по Вооруженным силам Юга России о чинах военных и гражданских за январь-август 1920 г.[3] В именном указателе этого издания, содержащем сведения о чинах Русской Армии, мы выявили только семь представителей нашей выборки кадровых офицеров. Хотя в

---

[1]Воронежская книга памяти Великой войны 1914-1918 годов [Текст] / сост. А. И. Григоров. Преимущественно город Воронеж, Воронежский и Павловский уезды Воронежской губернии, Борисоглебский уезд Тамбовской губернии: вернулись с великой войны / сост. А. И. Григоров. М.: Московский Изд. Дом, 2014. 562 с..; Воронежская Книга Памяти Великой войны 1914-1918 годов. Указатели к I-му тому и Приложению. А.И. Григоров. // URL: https://genealog-grigorov.ru/grigorov_istorik_genealog_voronezhskaya_kniga_pamyati_1914-1918/grigorov_istorik_genealog_voronezhskaya_kniga_pamyati_v.i_1914-1918_index_kak_iskat.html (дата обращения: 24.07.2025).

[2] Бугров Ю. А., Лагутич М. С. Курская книга памяти РККА. Гражданская война 1917 – 1922 гг. // URL: https://old-kursk.ru/book/book_mem1919/index.html (дата обращения: 28.07.2025).

[3] Приказы Вооруженным силам Юга России о чинах военных и гражданских (январь–август 1920 г.). Т.1-2. / составители: А.В. Ефимов, А.П. Сенин. М.: Институт Наследия, 2025.

других источниках мы установили факты службы в рядах Русской Армии в 1920 г. примерно 50 офицеров изученной нами выборки.

При всей значимости справочно-биографических публикаций в наибольшей мере мы опирались на подробные биографические данные офицеров, которые содержатся в официальных делопроизводственных документах, связанных с прохождением службы. Особенно тщательного анализа требуют делопроизводственные документы военного времени, сосредоточенные в Российском государственном военно-историческом архиве (далее РГВИА). Для целей нашей работы громадное значение имеют полковые списки по старшинству, которые содержат подробные социальные и служебные данные конкретных офицеров с изменениями по годам.

Данные этих списков мы сопоставляли с указанными выше справочными материалами, другими опубликованными и архивными документами. Особенно это относилось к поиску сведений об офицерах после 1917 г., когда составление полковых списков прекратилось.

Особо отметим журналы боевых действий, которые представляют собой уникальную подборку информативных данных, не подверженных предвзятой идеологической и эмоциональной окраске.

В первую очередь мы изучили журналы полков 7-й, 10-й и 44-й пехотных дивизий, согласно географическим рамкам исследования. Мы также изучили журналы пехотных дивизий, сформированных в начале мировой войны, в состав которых были направлены некоторые офицеры нашей кадровой выборки. Специально отметим, что по некоторым полкам журналы сохранились вплоть до осени 1917 г., что позволило изучить факты биографии некоторых офицеров наших выборок, связанные с периодом революции.

Интересным фактом можно признать отсутствие единого требования по ведению данных журналов. Они заполнялись в контексте происходящих событий, что позволяет на их основе сформировать наиболее объективную картину боевых действий и фронтового быта каждого из полков, а главное, непосредственной роли офицерского состава в этих процессах.

Важными нюансами источниковедческого анализа журналов являются выявление полного или частичного их наличия за рассматриваемый период, роли субъективного фактора, связанного с личными качествами каждого из полковых адъютантов (литературный стиль, темперамент и т.п.), влияющими на точность и полноту заполнения данного вида источников.

В частности, интерес вызывают высказывания самих современников о полноте информации журналов военных действий. При изучении десятков журналов мы выявили редкий случай замечания со стороны командира 235-го Белебеевского пехотного полка, полковника А.И. Соболева по отношению к полковому адъютанту, поручику М.З. Ахаткину: «…Записи следует делать подробнее»[1]. Оба офицера были представители нашей выборки кадровых офицеров.

Этот и подобные факты подчеркивают справедливость высказывания С.Г. Нелиповича о том, что содержание журналов существенно зависело от добросовестности офицера-составителя. Вместе с тем мы согласились с призывом коллеги к тому, что это «уникальное явление» в историографии Первой мировой войны еще ждет своего исследователя[2].

Учитывая немалую широту журналов военных действий, мы посчитали возможным обратиться к сравнительному анализу материалов о фронтовой и около-фронтовой действительности полков, в которых служили представители нашей выборки кадровых офицеров.

Дополнительные сведения персонального характера мы извлекали из наградных документов, в которых, помимо общих данных, могла содержаться подробная информация о заслугах конкретного офицера.

Для изучения роли и места офицеров в революционных событиях были изучены специфические документы 1917 г., широко опубликованные в сборниках документов историко-революционной тематики[3]. Содержащиеся в

[1] РГВИА. Ф. 2848. Оп. 2 Д. 53. Л. 7.
[2] Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. 1914 / С.Г. Нелипович. 2-е изд., испр. М.: Квадрига, 2019. С. 7.
[3]Великая Октябрьская социалистическая революция: Хроника событий. [40 лет. 1917-1957]: В 4 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957-1961; Великая Октябрьская социалистическая революция: хроника событий, 11 января

этих сборниках рапорты, донесения, приказы командиров разных уровней о состоянии войск отразили политические настроения в армии, отношения солдат и офицеров, участие офицеров в деятельности армейских комитетов и других общественных организаций. Редко прямо, а чаще косвенно (в связи с упоминанием отдельных воинских частей и организаций) эти документы сообщают факты о воздействии революционных событий на конкретных офицеров наших выборок.

Помимо сборников документов общероссийского характера для нашего исследования интересные факты о судьбах офицеров провинциальных гарнизонов содержат региональные документальные хроники и сборники о периоде революции 1917 г. и Гражданской войны[1].

Отложившиеся в РГВИА протоколы полковых комитетов позволили получить определенное представление об участии офицеров в принятии решений боевого и политического характера летом – осенью 1917 г.

Среди документов 1917 г., сохранившихся в местных архивах (главным образом в Государственном архиве Тамбовской области, в значительно меньшей мере в архивах Воронежа и в очень малой степени в архивах Курска) для нашей темы интерес представили фонды советских исполкомов, в которых собраны документы различных революционных организаций.

- 5 марта 1918 г. [составители К.М. Первухина и др.]; отв. ред. В.Д. Поликарпов. М.: Наука, 1986. 510 с.; Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. 1914 - февраль 1917. Сборник документов / Под ред. д-ра ист. наук проф. А.Л. Сидорова; сост.: Г.В. Богданов, Л.Б. Леонидов, Т.С. Федорова. М.: Наука, 1966. 467 с.; Революционное движение в русской армии. 27 февраля - 24 октября 1917 г. Сборник документов / Под ред. д-ра ист. наук Л.С. Гапоненко. М.: Наука, 1968. 621 с.; Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. - март 1918 г.: Сб. док. Отв. сост. Е.П. Воронин. М.: Наука, 1973. 458 с.; 1917. Разложение армии. Авт.-сост. В. Л. Гончаров. М.: Вече, 2010. 496 с.

[1] Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии (1917-1918 годы) Сборник документов / [Предисл. канд. ист. наук В.С. Александрова, с. 3-21]. Тамбов: Б. и., 1957. 292 с.; Борьба за Советскую власть на Белгородщине. Март 1917 г. - март 1919 г.: (сборник документов и материалов) / сост.: Ю.И. Гончаренко, Н.Н. Брежнев. Белгород: [Архивный отд. исполкома Белгор. обл. Совета депутатов трудящихся], 1967. 379 с.; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии: Сборник документов и материалов / [Ред. коллегия: канд. ист. наук А. Н. Литвиненко (пред.) и др.]. Курск: Кн. изд-во, 1957. 511 с.; Курск в революции: Сборник материалов по истории Октябрьской революции в Курском крае. Курск: [б. и.], 1927. 127 с.; Лавыгин Б.М. 1917 год в Воронежской губернии. Воронеж, 1928; Летопись революционной борьбы в Курской губернии. Курск: Книгоиздательское товарищество при Курском губкоме РКП(б), 1923. 38 с.; 1917-1957: Статьи, воспоминания, очерки / [Ред. коллегия: Т. И. Архипова (отв. ред.) и др.]. Курск: Кн. изд-во, 1957. 439 с., Хроника революционных событий Тамбовской губернии, 1917-1918 / сост. П. Крошицкий и С. Соколов. Тамбов, 1927.

Применительно к периоду Гражданской войны, помимо идеологизированных документальных сборников советского времени,[1] мы обратили внимание на современные тематические публикации об отдельных событиях 1918-1922 г. Особая ценность второй группы публикаций состоит в том, что в них в примечаниях представлены сотни биографических справок офицеров, в том числе представителей наших выборок[2].

Отдельные прямые или косвенные факты биографий офицеров наших выборок были выявлены в региональных публикациях документов периода Гражданской войны[3].

Для целей нашего исследования особое значение имело изучение опубликованных списков Генерального штаба РККА и лиц с военным образованием, состоящих на службе в РККА, которые стали издаваться с марта 1918 г. В списках 1918-1922 гг. нам удалось выявить наличие в рядах Красной армии нескольких десятков офицеров наших выборок.

Среди архивных документов периода Гражданской войны в первую очередь изучались хранящиеся в ГАРФ документы НКВД, которые были связаны с контролем советской власти над бывшими офицерами, особенно служившими в советских учреждениях или попавшими в разряд «бывших».

---

[1] Гражданская война: материалы по истории Красной Армии/ [РСФСР]. Т.2. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. 226 с.; Из истории гражданской войны в СССР. Сб. документов и материалов. Тт. 1-3. М.: Сов. Россия, 1960-1961; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.). Сб. док. в 4-х тт. М.: Воениздат, 1971; Красная книга ВЧК: в 2 т. М.: Госиздат, 1990.

[2] Восточный фронт адмирала Колчака / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д.и.н. С.В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2004. 651 с.; Зарождение добровольческой армии / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д.и.н. С.В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2001. 638 с.; Красный террор в годы Гражданской войны / Сост., вступ. ст. Ю. Фелыптинского, Г. Чернявского - 3-е изд., доп. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. 432 с.; От Орла до Новороссийска. /сост., науч. ред., предисл. и коммент. С.В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2004. 620; Поход на Москву / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии доктора исторических наук С.В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2004. 735 с.

[3] Дни грозовые. Воронежская организация КПСС в годы гражданской войны (1918-1920 гг.). Документы и материалы. Воронеж: Воронежское книжное изд-во, 1960. 276 с.; Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1967. 359 с.; Гражданская война в Тамбовской губернии в воспоминаниях её свидетелей и участников: сборник документов и материалов; под общ. ред. В.Л. Дьячкова. Тамбов: Издательство Першина Р.В., 2020. 608 с.; Курская губерния в годы Первой мировой войны: Сборник документов и материалов / ред. кол.: В.Л. Богданов (гл. ред.) [и др.]. Курск: ИП Афанасьева Е.А., 2018. 520 с.

В Российском государственном военном архиве, Центральном архиве Министерства обороны были изучены дела о прохождении службы в Красной армии отдельных офицеров наших выборок.

Некоторое дополнение информации дало изучение военкоматов Тамбовской губернии, в которых находились на учете бывшие офицеры.

Важная информация о бывших офицерах, находившихся под контролем Советской власти, содержится в Тамбовском губернском и уездных отделах управления (региональных подразделениях НКВД). Особенно интересны первичные списки «бывших», в число которых попадали и некоторые «царские» офицеры.

Документы воронежских архивов, важные для выявления судеб офицеров Воронежского гарнизона, в достаточной мере представлены в уже упомянутой Воронежской Книге Памяти войны 1914-1918 годов.

В Государственном архиве Курской области документы, отразившие судьбы офицеров региона в период Гражданской войны, сохранились буквально в единичном числе.

Особую роль в нашем исследовании сыграли материалы прессы. Прежде всего, мы учли то обстоятельство, что с начала мировой войны в газетах и журналах возникли новые рубрики – «Война» (в большинстве изданий), «Военные известия» и другие. В них публиковались крупные статьи и корреспонденции, посвящавшиеся событиям войны. Журналы «Разведчик» и «Нива» широко освещали события с театра военных действий. Эти издания сообщали информацию об убитых, раненых, больных офицерах и оказавшихся на лечении в различных городах Российской империи.

В местных газетах военного периода редко встречаются сведения о жизни и деятельности офицеров, служивших в тылу. В губернских ведомостях Воронежской, Курской, Тамбовской губерний сведений об офицерах тамошних гарнизонов, ушедших на фронт и оставшихся в тылу, мы практически не нашли. В епархиальных ведомостях, не часто, но все-таки встречается информация с печальными известиями о похоронах на родине

погибших на фронте офицеров, об участии офицеров тыла в некоторых общественных мероприятиях.

Особое внимание мы уделили местным газетам периода Революции 1917 г. и Гражданской войны. В этих газетах нечасто, но упоминаются факты участия офицеров в различных заметных событиях того времени. В несколько большей мере в советских губернских и уездных газетах встречаются упоминания о службе бывших офицеров в различных организациях и учреждениях.

Очень редким источником для нашего исследования оказались такие документы личного происхождения непосредственных представителей наших выборок, как дневники, воспоминания и письма.

Пожалуй, наиболее ценным из этих источников можно считать дневник бывшего офицера Тамбовского гарнизона штабс-капитана В.М. Цейтлина, который велся с 1914-1918 гг. Этот документ важен для нашего исследования с точки зрения отражения в нем нескольких эпох: довоенного периода, Первой мировой войны, Революции 1917 г., начала Гражданской войны. Мы постарались учесть тонкое замечание А.В. Ганина о том, что этот дневник имел какие-то последующие правки, в связи с чем в нем видна высокая степень зрелости суждений автора, нетипичная для современника событий такого масштаба[1]. Указанное А.В. Ганиным «послезнание» мы оцениваем уже как воспоминания, которые имеют иную степень субъективизма. Но как раз мудрый взгляд «с высоты времени» позволяет глубже проследить эволюцию взглядов офицера, разобраться в причинах его перехода в Красную армию.

Небольшой фрагмент воспоминаний белогвардейского полковника С.Л. Капнина (до мировой войны поручика 31-й артбригады в Белгороде) о боях Добровольческой армии под Курском и Орлом 1919 г. интересен не столько

[1] Цейтлин В. М. Дневник штабс-капитана. 1914–1918 / под редакцией А.В. Ганина; подготовка текста, вступительная статья, комментарии, приложения А. В. Ганина. М.: Фонд «Связь эпох», Воевода, 2021; Ганин А. В. «Теперешние события надо взвешивать в масштабе десятилетий, столетий…». Офицер в революции (по дневникам штабс-капитана Василия Цейтлина) // Родина. 2015. № 3. С. 110.

фактами об этих событиях, сколько изложением своих эмоций и рассуждений о причинах неудач белых войск в этих боях.

Отдельного внимания заслуживают воспоминания и дневники офицеров, не попавших в наши выборки, но близких нашим фигурантам по происхождению и служебному пути. В частности, мы имеем в виду воспоминания С.В. Вакара[1] и дневники Б.Ф. Ушакова[2].

По существу содержания к воспоминаниям можно отнести рапорт от 5 августа 1921г., составленный командиром 25-го пехотного Смоленского полка генерал-майором В.М. Новиковым на имя главнокомандующего Русской армией генерала П.Н. Врангеля. На семи листах генерал Новиков подробно излагал свою историю[3]. Конечно, трудно доверять рапорту военного человека, который не мог спокойно «с высоты времени» вспоминать о событиях давних лет, а писал о бурных боевых делах недавних месяцев и дней. Более того, мы должны были учитывать личный характер В.М. Новикова. Вместе с тем наряду с рапортом опубликованы сопутствующие документы того же времени, которые позволяют хоть как-то проверить достоверность материала, изложенного в рапорте.

Помимо воспоминаний, дневников и подобных им личностных документов самих представителей наших выборок удалось выявить немало упоминаний о них в воспоминаниях других лиц. По понятным причинам большая часть таких воспоминаний принадлежала офицерам-сослуживцам по одной из белых армий, которым удалось опубликовать свои мемуары за рубежом.

Так, в мемуарах А.Л. Маркова проведено немало интересных фактов о преподавателях и выпускниках Воронежского кадетского корпуса, часть

---

[1] Вакар С. В. Наша генерация, рожденная в конце прошлого столетия. М.: [б. и.], 2000. 196 с.

[2] Ганин А. В., Новиков П. А., Хипхенов Г. И. «Я с броневиком иду в наступление…» Походные заметки русского офицера Чехословацкого корпуса подполковника Б.Ф. Ушакова. Январь-июнь 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 4 (23). С. 226-267.

[3] Ганин А.В. "Несколько раз ходил... в Советский Союз партизанить". Генерал Новиков между красными и белыми // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 3 (30). С. 48-115.

которых оказалась в изучаемой нами когорте[1]. Несколько упоминаний о фигурантах нашей выборки кадровых офицеров содержится в воспоминаниях воспитанников Полтавского кадетского корпуса[2]. Полезные сведения о Чугуевском пехотном училище, где прошли подготовку десятки фигурантов наших выборок, дал выпускник этого училища Альмендингер[3]. Он же вспомнил некоторые факты периода Гражданской войны о видном деятеле белого движения А.В. Корвин-Круковском, служившем в 1914 г. в Воронеже[4].

Применительно к воспоминаниям о периоде Гражданской войны, изданным вскоре после ее окончания, с источниковедческой точки зрения важна оговорка белого генерала Б. Штейфона, который издал свои воспоминания в Белграде в конце 1920-х гг.: «не зная, где находятся многие лица, о которых упоминается в настоящем изложении, я воздерживаюсь называть фамилии полностью»[5]. Частое упоминание только инициалов офицеров белых армий мы встретили еще в целом ряде воспоминаний. И все же некоторые интересные для нашей темы факты в мемуарах белогвардейцев удалось выявить.

В воспоминаниях А.П. Богаевского о 1918 г. на ряде страниц даны характеристики известного артиллерийского офицера Д.Т. Миончинского (до войны служил в 31-й артбригаде в Белгороде)[6]. Н.В. Голицын вспоминал о конной атаке Новоархангельских улан в октябре 1919 года[7]. В возрожденном полку оказалось несколько офицеров, служивших в нем еще до мировой войны в Воронеже. Уроженец Тамбова П.С. Махров, в 1919-1920 гг. начштаба ВСЮР, по долгу службы знавший многих офицеров, вспоминал и об отдельных представителях нашей выборки или их родственниках, что давало

---

[1] Марков А. Л. Кадеты и юнкера: русские кадеты и юнкера в мирное время и на войне. Буэнос-Айрес: Изд-во обще-кадетского об-ния в Сан-Франциско, 1961. 302 с.

[2] Сборник воспоминаний бывших питомцев корпуса, изданный Объединением бывших воспитанников Полтавского кадетского корпуса Париж, 1965. 242 с.

[3] Альмендингер В. Чугуевское военное училище // Военная Быль. Январь 1971. № 108.

[4] Альмендингер В. Симферопольский офицерский полк, 1918-1920. Лос-Анджелес: Изд-во автора, 1962. 43 с.

[5] Штейфон Б. Кризис добровольчества. Белград: [б. и.], 1928. 131 с.

[6] Богаевский А. П. Воспоминания генерала А. П. Богаевского 1918 год: "Ледяной поход". Нью-Йорк: Изд-во «Музея белого движения» Союза первопоходников, 1963. 150 с.

[7] Голицын Н. В. Конная атака Новоархангельских улан в октябре 1919 года // Возрождённые полки русской армии в Белой борьбе на Юге России. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф 2002. С. 407-408.

какие-то косвенные сведения о судьбе изучаемых нами офицеров[1]. Некоторые интересные для нас данные об офицерах Северного фронта 1917 г. мы извлекли из дневника генерала А.П. Будберга[2].

Весьма интересными для нашего исследования оказались воспоминания корнета Г.А. Римского-Корсакова, попавшего в годы мировой войны на службу в 6-й запасной кавалерийский полк в Борисоглебске Тамбовской губернии. Мемуарист описал судьбы целого ряда кадровых офицеров и офицеров военного времени из наших баз данных в революционных событиях 1917 – начала 1918 г.[3]

Редкими, но ценными как взгляд с другой идейной стороны, оказались факты упоминаний офицеров нашей выборки в воспоминаниях советских деятелей, служивших с ними в годы Первой мировой и Гражданской войн.

Удивительно, но факт, что ставший «насквозь» советским генералом А.А. Игнатьев без всякого идейного подхода оценивал известных ему офицеров из нашей когорты. Особенно это относится к характеристике «ярого врага» Советской власти И.Р. Довбор-Мусницого, однокашника Игнатьева по академии[4].

В начале 1930-х гг., когда было еще возможно издание относительно искренних, идеологически мало «причесанных» мемуаров, вышли воспоминания солдата Первой мировой войны В. Падучева, в которых он очень интересно, по-человечески без классового подхода оценил своего командира-артиллериста Г.И. Афанасьева, который включен в нашу базу данных как офицер 7-й артбригады.[5]

---

[1] Махров П. С. В Белой армии генерала Деникина. Записки нач. штаба Главнокомандующего Вооруж. Силами Юга России. Под ред. Н. Рутыча. СПб.: Logos, 1994.

[2] Дневник Барона Алексея Будберга. 1917 год // Архив русской революции. М.: Русский архив, 1991. Т.12. С. 197-290.

[3] «В Петрограде революция! Поздравляю, господа!..»: из воспоминаний Г. А. Римского-Корсакова // Россия 1917 года в эго-документах. Воспоминания / [авт.-сост.: Н. В. Суржикова (науч. ред.) и др.]. М.: РОССПЭН, 2015. С. 115-126.

[4] Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986. 752 с.

[5] Падучев В. Записки нижнего чина. 1916 год. М.: Моск. т-во писателей, тип. 1-й артели Сов. печатник,1931. С. 69-70.

«Крупицы» фактов о судьбах изученных нами офицеров мы выявили в региональных сборниках воспоминаний участников Октябрьской революции и Гражданской войны, которые обычно имели заголовок «За власть Советов». В частности, интересны происходившие из самой офицерской среды воспоминания о жизни и настроениях демобилизовавшихся офицеров в первые месяцы 1918 г., в частности, будущего советского журналиста С.В. Евгенова и военкома Тамбовского уезда М. Колосова[1].

Среди личностных документов сотен офицеров наших выборок мы выявили только одну подборку писем, написанных на фронте Первой мировой войны поручиком 26-го пехотного Могилевского полка В.П. Зверевым и адресованных в Воронеж, где он служил в довоенное время. Содержание писем интересно тем, что автор описывал не только собственные фронтовые впечатления и настроения, но и рассказывал о своих сослуживцах и земляках-фронтовиках. Письма были опубликованы еще в 1916 г. и не подвергались советской цензурной обработке[2].

Мы использовали в тексте диссертации те произведения художественной литературы, которые, во-первых, созданы современниками событий, во-вторых, отразили типичные образы людей и событий, связанных с нашей темой.

Немало характерных зарисовок о настроениях офицеров, только что вернувшихся весной 1918 г. с мировой войны в Тамбов мы нашли в романе Б.Д. Дальнего (бывшего офицера, жил в советское время в Тамбове и Курске) и произведениях тамбовского писателя Н.Е. Вирты[3].

Нам известны работы других писателей о событиях военно-революционного периода 1914-1922 гг. в черноземных губерниях. Но они в большинстве своем написаны не современниками событий и не могут быть

---

[1] За власть Советов. (Сборник воспоминаний участников борьбы за установление Советской власти на Тамбовщине). Тамбов: Пролетарский светоч, 1957. С. 64-65; Колосов М. Из воспоминаний о 18-ом годе // Путь борьбы. Вып. 1. Тамбов: Коммунист, 1922. С. 31-39.

[2] Поручик В. П. Зверев // В дни войны. Вестник Воронежских организаций военного времени. Воронеж: Типо-Лит. В.Д. Колесникова, 1916. С. 3-13.

[3] Дальний Б. Д. Романтическая история. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1965. 175 с.; Вирта Н. Е. Избранные произведения: в двух томах. Воронеж: Худож. лит., Т. 2. 1973.

историческими источниками. Даже известные рассказы А.И. Солженицына «Эго» и «На краях» о событиях Тамбовского восстания 1920-1921 гг., в которых действует реальный штабс-капитан Павел Тимофеевич Эктов, нельзя считать историческими документами. В 1921 г. будущему писателю было всего три года и писал он свои произведения десятилетия спустя, к тому же, на основе малодоступных для него исторических источников. С другой стороны, взрослый современник Гражданской войны в Воронежской губернии Андрей Платонов ярко описал коммунистический Чевенгур, но совсем не интересовался белым офицерством.

Отметим также то, что во введении диссертации мы рассмотрели литературоведческие работы, в которых имеется анализ отражения «исторической правды» в художественных произведениях о Первой мировой войне.

Состояние источниковой базы с ее неизбежными недостатками и противоречиями предопределило построение методологии работы на междисциплинарных подходах исторической, общественных и точных наук, современных информационных технологиях.

Используя принцип объективности, мы пытались избежать крайних отрицательных оценок «царских» офицеров советской историографией и романтизации героев белого движения, характерной для многих работ 1990-2000-х гг. Мы солидарны с призывом Р.Г. Гагкуева «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону…»[1]. Для достижения научной объективности мы стремились к изучению широкого круга разнообразных источников официального и личного происхождения, к их постоянной взаимной верификации. При этом приходилось вырабатывать оптимальность субъективных предположений в обстоятельствах нехватки источников.

[1] Гагкуев Р. Г. «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону…» // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2024. Т. 9. № 1. С. 8.

Методологическая основа. Использование принципа историзма в данной работе проявилось в намерении точно учитывать быстрое и бурное развитие событий военно-революционного времени. Такой учет был необходим для реализации главного требования просопографии: выявление исторических изменений существенных черт коллективного портрета избранной группы людей.

Понятие просопография как подход мы представляем в широком смысле: от сбора биографических данных, формирования на их основе баз данных до описания «коллективной биографии» и построения типологии ее отдельных персонажей. В определенной мере мы сравниванием с историко-социологическим когоротным анализом (изучением динамики жизненного пути конкретной группы людей по определенному общему признаку). В нашем случае таким признаком было место службы на начальный момент исследования.

Принцип системности в нашей работе мы стремились реализовать, помня призыв коллег изучать облик офицеров как синтез сословного происхождения, образования, национальности, боевых заслуг.

Создание электронных таблиц (баз данных) позволило количественно четко обсчитать общие и особенные показатели социально-профессионального облика выбранных групп офицеров и определить корреляционные связи между этими показателями в точных цифрах в противовес упрощенным словесным рассуждениям «больше-меньше».

Основным методом систематизации изученных источников стало формирование электронных таблиц в формате Microsoft Excel. (см. приложения 1 и 2). Мы сознательно избрали эту программу, которая оптимальна для решения задач нашего конкретного исследования.

Для создания коллективного портрета (с элементами просопографии) российских офицеров были сформированы три массива данных в формате электронных таблиц с данными периода 1914-1922 гг.:

- кадровые офицеры, служившие в гарнизонах Воронежской, Курской, Тамбовской губерний (типичные великорусские губернии со всеми родами сухопутных войск);

- офицеры тамбовского происхождения, служившие в воинских частях по всей России (в состоянии пополнения);

- офицеры военного времени, служившие в воинских частях, формировавшихся на территории Тамбовской губернии, но происходившие из самых разных регионов России.

В итоге все три набора данных, в которых в общей сложности содержится около 2,5 тысяч записей об отдельных офицерах, дополняют друг друга типичными сведениями общероссийского характера.

Главным методом обработки материалов таблиц стал просопографический подход. Одним из первых образцов применения такого подхода мы посчитали работу Ю.Ю. Юмашевой[1]. Особое внимание мы обратили на новую монографию Юлии Юрьевны, в которой широко обобщен материал о методах и технологиях анализа коллективных портретов различных групп населения в отдельные периоды истории[2].

Подходы социальной психологии и военно-исторической антропологии позволили определить влияние на судьбы офицеров настроений, общественного мнения, разнообразных эмоций военно-революционной эпохи.

Среди конкретно-исторических методов мы специально обращались к историко-генетическому и историко-сравнительному методам. Первый из них был необходим для определения таких корней офицеров, как происхождение, место и время учебы, служебная карьера, боевой и контрреволюционный опыт до 1914 г. Второй метод дал возможности сравнить особенности жизненных и служебных путей кадровых офицеров и офицеров военного времени.

---

[1] Юмашева Ю. Ю. Опыт создания и анализа базы данных по высшему командному составу советских вооружённых сил в период Великой отечественной войны 1941-1945 гг. // Метод в историческом исследовании. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной школы-семинара. Минск, 1991. С. 164-166.

[2] Юмашева Ю. Ю. Очерки просопографии: История. Теория. Исследования: монография / Ю.Ю. Юмашева. М.: Директ-Медиа, 2026. 456 с.

Научная новизна исследования. Новизна нашей работы проявилась в первом опыте создания коллективных портретов нескольких групп офицеров провинциальных гарнизонов Русской императорской армии в кризисную историческую эпоху.

В ходе исследования в научный оборот введены широкие пласты разнообразных источников. В первую очередь это относится к выявлению и подробному анализу списков по старшинству, полковых журналов, наградных документов и данных о потерях армии как массовых исторических источников. Обычно историки извлекают единичные факты из этих источников. Мы использовали десятки тысяч документальных свидетельств этих источников как факты биографии около 2,5 тысяч офицеров.

Новаторским подходом стала верификация сведений интернет-ресурсов, содержащих факты биографий офицеров русской армии. Мы не просто использовали важные для нас биографических факты, размещенные на этих ресурсах, а постоянно стремились проверять достоверность «пестрой» информации интернета свидетельствами из опубликованных печатных источников и архивных документов.

Во многом новым для исторических исследований по избранной теме стало создание электронной базы данных для четкого анализа историко-биографической информации.

Важной частью работы стал сбор и анализ микро-исторических данных, раскрывающих примеры поведения конкретных персонажей в экстремальных условиях, что помогает понять многочисленные детали фронтовой и около фронтовой повседневности. Изучение подобных исторических граней в определенном смысле способствует расширению представления о причинах побед и неудач русской армии на фронтах Первой мировой войны.

Совершенно новым моментом для работ о жизненных судьбах офицеров Русской императорской армии стало обобщенное распределение их по типам революционного времени. Такой подход считается венцом

просопографических исследований. Он пока еще крайне редко используется в исторической литературе для характеристики больших групп общества.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическое значение своей работы мы видим в конкретизации понятия просопография применительно к большим группам офицеров. С теоретической точки зрения важной представляется апробация технологии создания и анализа электронных баз данных по изучаемой теме.

С точки зрения практического значения диссертации мы надеемся на то, что для коллег историков полезной станет наша апробация просопографического метода, а конкретный материал о судьбах сотен офицеров русской армии пригодится на разных уровнях преподавания истории и будет просто интересен читающей публике.

Положения, выносимые на защиту:

1. Выявленный массив разнообразных биографических данных нескольких тысяч офицеров провинциальных гарнизонов Русской императорской армии оказался достаточным для создания адекватных коллективных портретов нескольких групп офицеров военного-революционного периода.

2. Анализ социально-профессиональных показателей изученных выборок кадровых офицеров и офицеров военного времени показал их типичность и позволил делать широкие выводы о возрастном, сословном, образовательном, национальном, религиозном составе, боевом опыте всего корпуса офицеров провинциальных гарнизонов Русской армии накануне 1914 г.

3. Применительно к изученным выборкам установлено преобладание офицеров средних возрастов, представителей всех сословий, со средним военным или гражданским образованием, славянских национальностей и православной веры, с отсутствием у большинства боевого опыта до начала Первой мировой войны.

4. В годы Первой мировой войны большая часть изученного круга офицеров, несмотря на разные условия фронтовой и тыловой службы, достойно выполняла профессиональный долг, заслуженно получала новые чины и боевые награды и пережила мировую войну.

5. В последний период мировой войны избранные группы офицеров в первую очередь продолжали оставаться комбатантами, находясь при этом в заметной зависимости от революционных процессов, в меньшей мере являлись их сознательными участниками, в большей мере – объектами революционного влияния.

6. Анализ факторов и мотивов выбора бывшими офицерами позиций в Гражданской войне показал в большей мере ситуативность этого выбора, существенную зависимость от житейских обстоятельств и в меньшей степени от сознательного идейного выбора.

7. Изучение отдельных типологических групп офицеров периода Гражданской войны выявило преобладание противников Советской власти как более активных и более отразившихся в источниках офицеров. Идейных сторонников большевиков мы практически не выявили. Особый подтип составили офицеры, которые выбрали службу в Красной Армии как сохранение профессии и возможности проживания в родных местах. Наибольшая часть изученных офицеров отнесена к представителям «среднестатистического» типа революционного времени, действовавшего по обстоятельствам.

Апробация результатов исследования. Материалы диссертационного исследования были представлены в выступлениях на 9 международных и 8 всероссийских научных конференциях. Результаты исследования были опубликованы в 43 работах, из которых 1 монография, 25 статей в изданиях, входящих в перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Соответствие шифру специальности. Диссертация соответствует шифру специальности 5.6.1. Отечественная история, в частности пунктам: 2. Предпосылки формирования, основные этапы и особенности развития российской государственности (офицерский корпус рассматривается как элемент российской государственности начала XX в.); 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов (прослежены судьбы офицеров в губерниях Центрального Черноземья в контексте взаимоотношений власти и общества в кризисный период истории); 7. История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности (офицеры гарнизонов Центрального Черноземья рассмотрены как специфическая социально-профессиональная группа своего региона); 17. Личность в российской истории, ее персоналии. История российских элит (в работе были проанализированы личности конкретных офицеров, их жизненные пути в начала XX в. и внутренние мотивы выбора позиции в сложных социально-политических условиях).

Структура диссертации выполнена в соответствии с поставленной целью и задачами, выстроена в соответствии с принципами логической последовательности и связи сюжетов в рамках исследования. Работа состоит из введения, трех глав, включающих 13 параграфов, заключения, перечня использованных источников, литературы и приложений.

Глава 1. Социально-профессиональный облик кадровых офицеров Русской императорской армии провинциальных гарнизонов Воронежской, Курской и Тамбовской губерний накануне Первой мировой войны

1.1. Возраст и происхождение

Характеристику социально-профессионального облика офицеров мы решили начать с показателя времени рождения, который дает возможность для вычисления сроков продвижения офицеров по службе, а, главное, для выяснения возраста в поворотные моменты жизни.

Таблица 1. Возраст кадровых офицеров гарнизонов Воронежской, Курской, Тамбовской губерний в 1914 году

Возрастные группы	Количество упоминаний	% от известных
19-23 (родились в 1890-е гг.)	49	4,7
24-33 (родились в 1880-е гг.)	426	40,2
34-43 (родились в 1870-е гг.)	284	26,8
44-53 (родились в 1860-е гг.)	214	20,2
54-63 (родились в 1850-е гг.)	82	7,8
65 (родились в 1840-е гг.)	2	0,02
Всего известно	1057	100,0
Неизвестно	94	8,8

Составлено по: РГВИА. Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб – и обер-офицеров. Коллекция; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Произведенные подсчеты показали типичное для армейских структур распределение офицеров по возрастным группам. Самой большой оказалась группа офицеров в возрасте от 24 до 33 лет, превысившая 40% известных по возрасту лиц. Офицеры в возрасте от 34 до 53 лет составили 47%. Очень

молодые офицеры до 23 лет в наших подсчетах не превысили 5%. Для мирного времени было обычным продолжение службы заметной группы возрастных офицеров (около 8%).

Полученные результаты можно сопоставить с опубликованными П.А. Зайончковским статистическими сведениями о возрастном составе некоторых групп офицеров. В частности, не выглядит необычным наличие в нашей базе данных об офицерах старше 60 лет. П.А. Зайончковский приводил сведения о том, что в начале XX в. обычным явлением было наличие бригадных командиров в возрасте 65-72 лет, полковых – 62-63 лет[1].

Он также приводил статистику возрастных групп офицеров одной из дивизий, в соответствии с которой в этой воинской части состояли офицеры от 19 лет. В нашей выборке также не оказалось офицеров с известной датой рождения моложе этого возраста.

Самым старшим офицером выборки являлся управляющий Воронежским интендантским вещевым складом подполковник Сергей Иванович Никольский 69 лет[2].

В случайной выборке тамбовских уроженцев также был 19-летний поручик В.В. Сохранский. С другой стороны, в этой выборке оказался «сверх возрастной» генерал К.У. Арапов, которому в 1914 г. было 83 года[3].

Введенные в базу данных сведения о времени окончания военного училища позволяют вычислить возраст вступления в офицерскую службу. Как отмечают исследователи истории офицерского образования в России, при всем разнообразии правил поступления в российские военные и юнкерские училища минимальный возраст поступления устанавливался в 16 лет. При 2-3 летнем периоде учебы большинство юнкеров могли заканчивать училища до 20 лет. Но, поскольку эти правила разрешали поступать в училища лицам до

[1] Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 193.
[2] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1515. Л. 1 об.
[3] Там же. Д. 153. Л. 2 об.

24 лет, разброс значений возраста окончания училища был относительно большим[1].

Большинство офицеров изученной когорты (около 85%) завершали учебу в «нормальные» 20-24 года. Слишком молодые выпускники училищ составляли 5%. «Великовозрастные» выпускники насчитывали 9-10%.

У штабс-капитана 174-го пехотного Роменского полка Г.В. Шульца при не совсем точной дате рождения получился возраст окончания училища в 14 лет. Дата рождения взята из базы данных «Жертв политического террора в СССР»[2] и может быть не точной. Конечно, он был на несколько лет старше.

Более реалистичным выглядит факт окончания в 17 лет Николаевского инженерного училища будущим генералом Н.Я. Ждановичем. Во-первых, это было в 1874 г., в условиях завершения реформы армии, но с еще сохранившимися традициями ранней записи в офицеры. Во-вторых, Н.Я. Жданович, видимо, был способным офицером, в 25 лет окончил Николаевскую академию Генерального штаба и, неслучайно, стал генералом[3].

Помимо «молодых да ранних» мы выделили группу офицеров, получивших общее военное образование в возрасте более 30 лет. Таковыми оказались выпускник Одесского пехотного юнкерского училища в 31 год, в 1914 г. капитан 27-го пехотного Витебского полка М.В. Лозик[4], Тифлисского военного училища в 32 года, в 1914 г. подпоручик 28-го пехотного Полоцкого полка В.Н. Богородицкий[5]. Своего рода рекордсменом стал Ф.С. Гольцев, который окончил Казанское пехотное юнкерское училище в 39 лет, через 6 лет после окончания училища в возрасте 45 лет он был поручиком 25-го пехотного Смоленского полка[6].

---

[1] Гребенкин А. Н. Правила приема в военно-учебные заведения Российской империи в 1863-1917 гг. // Вестник государственного и муниципального управления. 2013. № 1. С. 53-60.
[2] Открытый список. // URL: https://ru.openlist.wiki/Шульц_Глеб_Владимирович_(1889) (дата обращения: 20.04.2024).
[3] Список генералам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е января 1913 г. С.-Петербург: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1913. С. 384.
[4] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 880. Л. 6 об.
[5] Там же. Д. 910. Л. 22 об.
[6] Там же. Д. 1019. Л. 34 об.

Для объяснения возрастного состава изученного круга офицеров мы решили использовать статистические данные известного исследователя офицерского вопроса в русской армии П.А. Режепо[1].

По данным П.А. Режепо, колебания в возрастном составе всего корпуса генералов русской армии наблюдались в интервале 92-55 лет. В нашей выборке этот показатель оказался в диапазоне 65-48 лет. Меньший разброс, вероятно, связан с небольшим размером нашей выборки. Вместе с тем среди изученной нами группы генералов оказалось пять человек, чей возраст был ниже общероссийского значения. В 1914 г. командиру 7-й артиллерийской бригады А.Е. Горбачевичу было 46 лет[2], начальнику Моршанского гарнизона генерал-майору Н.М. Ремезову - 49 лет[3], начальнику штаба 5-го армейского корпуса генерал-майору В.О. Бенесскулу - 50 лет[4], начальнику Воронежского кадетского корпуса генерал-майору М.И. Бородину - 51 год[5], командиру 1-й бригады 44-й пехотной дивизии генерал-майору Д.П. Троцкому - 52 года[6]. Мы не может дать точного объяснения этим цифрам. Позволим только предположить, что наши данные 1914 г. в сравнении с данными П.А. Режепо самого начала XX в. (его книга вышла в 1903 г.) отразили некоторое омоложение генералитета русской армии. Исследователь социальных процессов в армии А.Б. Рахманов на основе данных 1912 г. вычислил долю генералов моложе 50 лет в 19,3%[7].

П.А. Режепо обращал главное внимание на физическое и умственное развитие высших офицеров и на этой основе утверждал, что период полного умственного развития в сочетании с наибольшей физической бодростью

---

[1] Режепо П. А. Офицерский вопрос в начале XX века. // URL: https://militera.lib.ru/science/vs17/04.html?ysclid=mpffugvvhi23221079 (дата обращения: 20.04.2024).
[2] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 879. Л. 1 об.
[3] Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 г. Петроград: Военная типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. С. 924.
[4] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 14271. Л. 14 об.
[5] Там же. Д. 11363. Л. 1 об.
[6] Список генералам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е июля 1913 г. С.-Петербург: Военная типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. С. 794
[7] Рахманов А. Б. Указ. соч. С. 164.

приходится на 35-45 лет. Сохранение этих драгоценных качеств офицеров после 45 лет он считал счастливым исключением[1].

Рассчитав статистику возрастов полковников, П.А. Режепо получил среднюю цифру в 49,8 года[2]. В нашей базе данных средний возраст полковников и подполковников составил около 50 лет. Полагаем, что небольшое превышение общероссийского показателя связано с тем, что в изученных гарнизонах служила сравнительно большая для данной выборки группа уездных воинских начальников в возрасте свыше 50 лет – 25 человек.

Уже упоминавшийся 69-летний подполковник Сергей Иванович Никольский, вполне вероятно, мог управлять вещевым складом. Большого умственного напряжения и тем более физической подготовки не требовала служба других возрастных интендантов и воинских начальников.

Мы предполагаем, что весьма непростым было нахождение в пехотном строю 58-летнего подполковника 174-го пехотного Роменского полка В.Е. Скалицкого[3], 56-летнего подполковника 39-го пехотного Томского полка Н.Б. Семенова[4] и 55-летнего подполковника А.Я. Картвелова из 40-го пехотного Колыванского полка[5]. Для сравнения заметим, что подполковник 173-го пехотного Каменецкого полка И.Н. Фредерикс в возрасте 56-лет в 1913 г. вышел в отставку, хотя продолжал фигурировать в официальных документах[6].

Самым старшим накануне войны среди подполковников-кавалеристов нашей выборки оказался 52-летний А.А. Зубовский, служивший в 6-м запасном кавалерийском полку[7]. Тяжесть службы для кавалериста «перевалившего за 50» подчеркивает тот факт, что в возрасте 55 лет скончался

---

[1] Режепо П. А. Указ соч.
[2] Там же.
[3] Список подполковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 15-е мая 1913 г. С.-Петербург: Военная типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. С. 173.
[4] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1194. Л. 4 об.
[5] Список подполковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 15-е мая 1913 г. С.-Петербург: Военная типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. С. 605.
[6] Там же. С. 174.
[7] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 525. Л. 2 об.

подполковник А.А. Гоштовт, несший службу во 2-м запасном кавалерийском полку[1].

В нашей базе данных оказалось 453 капитана, ротмистра, штабс-капитана и штабс-ротмистра. Их средний возраст определился в 39 лет.

Среди капитанов пехоты выявилось 17 офицеров свыше 50 лет. В их числе оказались А.Н. Новицкий из 26-го пехотного Могилевского полка[2], Н.И. Глембоцкий и М.В. Лозик из 27-го пехотного Витебского полка[3], В.Г. Суходубовский из 175-го пехотного Батуринского полка[4], которым в 1914 г. исполнилось 55 лет. Отметим также и то, что в кавалерийских частях изученных гарнизонов числилось трое ротмистров, «засидевшихся» в чине до 51-52 лет.

Общую характеристику возрастного состава офицеров воинских частей и учреждений трех губерний конкретизируют материалы микроанализа отдельных гарнизонов и частей. Для этой цели мы выбрали сравнительно небольшой белгородский гарнизон, состоявший из двух артиллерийских частей и сравнительно большой тамбовский гарнизон, включавший пехотные, кавалерийские и артиллерийские части, а также несколько военных учреждений.

Результаты анализа белгородского гарнизона показали, что подавляющие две трети известных по возрасту здешних офицеров на начало 1914 г. находились в возрастном интервале 25-45 лет. Возрастных офицеров старше 45 лет в этом гарнизоне было почти втрое меньше. Интересно, что выявился абсолютно точный баланс между молодым пополнением (офицерами в возрасте 25 лет) и кадрами, служба которых подходила к завершению (офицерами старше 55 лет) – по 4 человека. Самым молодым в нашей выборке оказался подпоручик 31-й артиллерийской бригады А.В. Барковский (22 года), а самым возрастным стал его непосредственный

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 561. Л. 1 об. - 2.
[2] Там же. Д. 225. Л. 8 об.
[3] Там же. Д. 880. Л. 5 об., 6 об.
[4] Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Составлен по 1-е ноября 1912 г. С.-Петербург: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1912. С. 37.

начальник, командир бригады А.С. Софиано (60 лет). Подчеркнем оптимальность возрастного состава артиллерийских частей, в которых «лихость и безрассудная храбрость», допустимые в кавалерийских и пехотных частях, должны были уступать место точному расчету. В связи с этим перевес количества офицеров среднего и умеренного числа зрелого возраста над «молодежью» выглядит обоснованным. Особо отметим, что основная масса офицеров-белгородцев имела типичный возраст окончания училищ в 20 лет.[1]

В большом тамбовском гарнизоне (263 офицера) распределение возрастных показателей было примерно таким же. Некоторым отличием было заметное преобладание очень молодых офицеров (до 25 лет) над старыми (свыше 55 лет) – 32 человека против 9.

Возраст окончания общих военных учебных заведений большинством тамбовских офицеров был типичным. Небольшое исключение в смысле молодого возраста поступления после учебы в офицеры составил полковник 7-го запасного кавалерийского полка А.В. Попов, который окончил Пажеский корпус в возрасте 17 лет[2]. Этот возраст, впрочем, был типичным для выпускников этого учебного заведения в XIX в. (Попов - выпуск 1889 г.). А капитан И.И. Иванов, который окончил училище в 36 лет, был абсолютной крайностью для тамбовской выборки.

В последующих главах нашей работы мы увидим, как не просто было оставаться в строю возрастным офицерам в условиях военно-революционного времени.

---

[1] Канищев В. В. Социально-профессиональный облик офицеров Белгородского гарнизона в 1914 г.: общее и особенное // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. №4. С. 724-732.

[2] Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1914 г. С.-Петербург: Военная типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. С. 1318.

Таблица 2. Сословное происхождение офицеров гарнизонов Воронежской, Курской и Тамбовской губерний на 1914 г.

Сословие	Абс. число	%
Дворяне	573	49,7
Мещане	134	11,6
Крестьяне	78	6,8
Почетные граждане	54	4,7
Духовенство	35	3,0
Купцы	20	1,7
Казаки	7	0,6
Иностранные граждане	1	0,1
Неопределенные по сословию	176	15,3
Неизвестные	73	6,4

Составлено по: РГВИА. Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб – и обер-офицеров. Коллекция; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Несмотря на то, что в начале XX в. сословное происхождение постепенно утрачивало свое традиционное значение в обществе, в официальных документах, в том числе в полковых списках офицерского состава, данная характеристика могла присутствовать.

Большинство персоналий нашей базы данных (почти 80%) указывали точно свое происхождение. Так, 573 офицера нашей выборки указали себя выходцами из дворянского сословия. Интересно, что в процентном отношении они составили чуть менее половины учтенных офицеров. Другое дело, что реально их могло быть больше. Кто-то попал в разряд неопределенных по сословию, у кого-то сословие в документах не указано.

На втором после дворян месте оказались выходцы из мещан – 134 человека (около 11,5%). Крестьянских детей оказалось 78 (почти 7%). Сословие почетных граждан было представлено 54 офицерами (около 5%). Представителей духового сословия оказалось 35 (3%). Из купеческой среды вышли 20 офицеров (менее 2%). В незначительной степени (менее 1%) оказалось представлено казачество – семь человек и особое сословие –

иностранный гражданин – один офицер: Иван Дмитриевич Дик, ротмистр из 7-го запасного кавалерийского полка, у которого в графе сословие было записано просто – иностранец[1].

В разряд неопределенных по сословию главным образом попали офицеры, которые указали, скажем так, профессиональное происхождение - дети чиновников – 92 чел., офицерские дети – 59 чел.

Поскольку в базе оказалось много детей офицеров и чиновников мы рассматриваем их особо, как показатель отхода на второй план сословного происхождения и большего значения для этих людей профессии отца. Понятно, что определенная часть этих людей могла быть по сословию дворянами, но предпочитала вместо сословия указывать профессиональный статус отца. Дело могло быть и в том, что получение дворянства в наследство в России было сложным процессом. Оно не предоставлялось детям чиновников и офицеров, родившихся до получения отцом дворянского звания.

Мы изучили специально биографии отцов-генералов и получили небольшие, но характерные результаты. Так, отец братьев-офицеров Глеба и Евгения Ипатьевичей Афанасьевых Ипатий Федорович Афанасьев получил чин полковника, дававшего звание потомственного дворянина в 1894 г., а генерала по выходу в отставку в 1901 г.[2] Глеб и Евгений родились соответственно в 1886 и 1888 гг., т.е. прав на потомственное дворянство на основании сословия отца не имели, но могли гордиться и указывать в документах генеральское звание родителя.

Отцом подпоручика Николая Валентиновича Кондакова был Валентин Ильич Кондаков, получивший звание полковника в 1893 г., а генерал-майора в 1906 г.[3] Сам же Н.В. Кондаков родился в 1892 г., на службу поступил в 1910-е гг., имел полное право называть себя генеральским сыном, при этом мог и не быть дворянином.

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2221. Л. 3 об.

[2] Генералитет российской императорской армии и флота. // URL: http://rusgeneral.ru/gen/a/gen_a630b.html (дата обращения: 06.11.2023).

[3] Список Генералам по старшинству. Составлен по 6-е января 1907 года. С.-Петербург: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1907. С. 918.

Штабс-ротмистр 7-го запасного кавалерийского полка Александр Андреевич Немирович-Данченко, указал, что является сыном генерал-майора Андрея Афанасьевича Немировича-Данченко[1]. Несмотря на то, что Александр родился в 1878 г., два года спустя получения отцом звания полковника[2], он предпочел указать не дворянское происхождение, а заслуженный чин отца.

Приведенные факты ясно показывают, что только сословное происхождение в начале XX в. перестало быть в офицерской среде определяющим «маркером». Но все же большая часть офицеров продолжала подчеркивать именно дворянское, привилегированное происхождение.

Особенно стоит отметить офицеров, которых мы отнесли к категории неопределенных по сословию, с единичными и уникальными случаями упоминания. Применительно к ним как раз и интересны подробности, которые позволяют понять разнообразие красок коллективного портрета офицеров.

Так, у штабс-капитана 27-го пехотного Витебского полка Константина Сергеевича Ахмед-Бекова в полковом списке было записано, что он происходит из потомственных беков Елизаветпольской губернии[3]. Мы знаем, что слово бек у тюркских народов означало – господин повелитель и, по сути, являлось дворянским титулом. Тем не менее, нам показалось интересным обратить внимание на подобную формулировку сословного происхождения и отнести ее в категорию не определенные по сословию, а не просто дворяне.

Интересными оказались формулировки, которые можно было бы соотнести с категорией – иностранный подданный, если бы не оговорки в записях. У поручика Германа Эмильевича Гальбрейтера из 40-го пехотного Колыванского полка фигурирует запись – бывший Баварский подданный[4]. Аналогичной выглядит запись в списке по старшинству 7-й артиллерийской бригады, в котором поручик Петр Найденович Пашич числится как бывший

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2221. Л. 9 об.
[2] Список Генералам по старшинству. Составлен по 1-е января 1891 года. С.-Петербург: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1891. С. 877.
[3] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 880. Л. 14 об.
[4] Там же. Д. 3024. Л. 22 об.

Сербский подданный[1]. У ротмистра 4-го запасного кавалерийского полка Ивана Григорьевича Николи имеется запись – из принятых в русское подданство Бессарабской губернии.[2]

Данные факты не позволяют определить их как иностранных подданных и, в то же время, причислить к какому-либо сословию внутри Российской империи.

Еще одну группу офицеров составили люди с совершенно неопределенным типом сословной принадлежности. Так, у подполковника Александра Павловича Савицкого из 28-го пехотного Полоцкого полка было записано – из граждан Гродненской губернии[3], а у его сослуживца, поручика Григория Дмитриевича Заица – из граждан Варшавской губернии[4]. С подобной формулировкой мы столкнулись и у штабс-ротмистра 16-го уланского Новоархангельского полка М.Ф. Прыганова – из граждан Нюландской губернии[5]. К этой же группе мы также отнесли штабс-ротмистра А.И. Сорокина из 6-го запасного кавалерийского полка[6], поручика 28-го пехотного Полоцкого полка Ф-П.М. Олексеевича[7], штабс-капитана 26-го пехотного Могилевского полка А.Л. Преториуса[8], двух офицеров 39-го пехотного Томского полка, штабс-капитана А.Л. Гипона[9] и подпоручика Н.Т. Семенова[10], у которых в служебных документах была сделана запись – из граждан.

В случае со штабс-ротмистром Алексеем Гуцуровичем Тибиловым из 17-го уланского Новомиргородского полка мы столкнулись с примером национального подхода в определении «сословной принадлежности». Запись в полковом журнале «из осетин» является ярким тому доказательством[11].

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 879. Л. 17 об.
[2] Там же. Д. 762. Л. 5 об.
[3] Там же. Д. 910. Л. 3 об.
[4] Там же. Л. 18 об.
[5] Там же. Д. 916. Л. 7 об.
[6] Там же. Д. 525. Л. 6 об.
[7] Там же. Д. 910. Л. 19 об.
[8] Там же. Д. 225. Л. 22 об.
[9] Там же. Д. 1194. Л. 17 об.
[10] Там же. Л. 31 об.
[11] Там же. Д. 13304. Л. 5 об.

Весьма колоритно смотрится происхождение капитана 173-го пехотного Каменецкого полка Андрея Ивановича Чебана, у которого стоит отметка – из царан[1]. В переводе с молдавского царане – это земледельцы, по сути, крестьяне[2].

Интересная формулировка фигурирует у поручика 27-го пехотного Полоцкого полка Дмитрия Косьмича Теренина, у которого стоит отметка – не причислен к обществу[3]. У его сослуживца капитана Семена Ефимовича Дулина было записано – из сельских обывателей[4].

У поручика 31-й артиллерийской бригады Александра Ивановича Воробьева записано, что он является сыном подпрапорщика[5], но поскольку звание являлось унтер-офицерским, отнести А.И. Воробьева к офицерским детям мы посчитали невозможным.

Еще одним «колоритным пятном» можно выделить штабс-капитана Георгия Гиссоевича Дзугаева из 26-го пехотного Могилевского полка, у которого упоминается, что он сын потомственного почетного старшины Терской области[6].

У подпоручика Александра Николаевича Данилова из 173-го пехотного Каменецкого полка[7] и поручика Аркадия Семеновича Лисицына из 26-го пехотного Могилевского полка[8], в происхождении указывается профессия отца – сын ремесленника.

Также с родом занятий их родителей были сопряжены записи у еще пяти офицеров нашей выборки. В случае с капитаном Константином Константиновичем Теляковым из 173-го пехотного Каменецкого полка в записи была сделана отметка – внук придворного сокольничего[9].

---

[1] РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 336. Л. 20 об.-21.
[2] Большой энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 1470.
[3] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 880. Л. 22 об.
[4] Там же. Л. 7 об.
[5] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7440-В.
[6] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 225. Л. 24 об.
[7] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7448-Д.
[8] Там же Ф. 408. Оп. 1. Д. 225. Л. 33 об.
[9] Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 51910.

Удивительным является сам факт упоминания в источнике начала XX в. записи о данном чине, которого уже не существовало в придворной иерархии.

Подпоручик Евгений Александрович Ярошко из 174-го пехотного Роменского полка[1] и полковник Николай Дмитриевич Костицын из Тамбовского интендантского вещевого склада[2], были записаны как дети военных врачей.

Аналогичная принадлежность к детям из системы здравоохранения была зафиксирована у двух поручиков 40-го Колыванского пехотного полка, Николая Яковлевича Борисова[3] и Ивана Варфоломеевича Карнаухова[4], в записях, которых отмечено – сын фельдшера.

Помимо этого, у 73 офицеров нашей выборки не удалось установить их сословное происхождение. Мы полагаем, что такой показатель с удельным весом в 6,4% не может дать большую погрешность в наших общих выводах о сословиях избранного круга офицеров. С другой стороны, установление в нашей выборке такой группы ценно с источниковедческой точки зрения для понимания того, что документы «смутного времени» всегда отличались недостаточной сохранностью и полнотой. Также отметим, что в условиях изменения социальной структуры общества часть офицеров сама не могла точно себя идентифицировать.

Изученная группа офицеров гарнизонов Воронежской, Курской, Тамбовской губернии по показателю сословности при сравнении с общероссийскими данными выглядит весьма типичной. Она несколько отличается от данных П.А. Зайончковского, составленных по материалам 1895 г.: тогда преобладала доля привилегированных сословий, особенно дворян (67%), выходцев из духовенства – 6%, почетных граждан - 5%, купцов - 2%, но в нашей выборке (напомним 1914 г.) оказалась заметно большая доля

[1] РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7549-Я.
[2] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Костицын_Николай_Дмитриевич (дата обращения: 10.12.2023).
[3] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3024. Л. 18 об.
[4] Там же. Л. 21 об.

мещан и крестьян, удельный вес которых П.А. Зайончковским исчислялся в 7 и 3 % соответственно[1].

Наши данные получились намного ближе к данным о сословном составе офицерского корпуса РИА в 1912 г., высчитанным А.Б. Рахмановым: дворяне - 54,33%, почетные граждане – 13,67%, лица духовного звания – 3,65%, лица купеческого звания – 3,34%, лица из податных сословий – 24,81%[2].

Среди представителей дворянского сословия, оказавшихся в нашей выборке, как и во всем российском дворянстве, были выходцы из старинных и относительно молодых родов, а также заметная доля получивших российское дворянство инородцев и иностранцев.

В первую очередь мы обратили внимание на то, что среди изученного круга офицеров крайне редко встречались прямые указания на происхождение из княжеских, графских и баронских фамилий.

Мы не ставили перед собой задачу тщательного изучения генеалогий наших фигурантов. Поэтому при отсутствии прямых фактов высказываем только предположения. Возможно, к русским княжеским родам могли относиться капитан 175-го пехотного Батуринского полка Евгений Георгиевич Звенигородский[3], штаб-ротмистр 2-го запасного кавалерийского полка Анатолий Николаевич Потемкин[4], поручик 6-го запасного кавалерийского полка Павел Петрович Ростовский[5], капитан 7-й артиллерийской бригады Дмитрий Николаевич Чулков[6].

Предполагаем, что к графским родам принадлежали подполковник Николай Андреевич Шереметьев, служивший в 1914 г. в 31-й артиллерийской бригаде[7], Константин Николаевич Игнатьев (ротмистр 4-го запасного

---

[1] Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX. 1881-1903. М.: Мысль. 1973. С. 204-205.
[2] Рахманов А. Б. Указ. соч. С. 172-173.
[3] Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Составлен по 1-е ноября 1912 г. С.-Петербург: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1912. С. 1318.
[4] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 561. Л. 5 об.
[5] Там же. Д. 525. Л. 8 об.
[6] Там же. Д. 879. Л. 8 об.
[7] Список подполковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 15-е мая 1913 г. С-Петербург: Военная типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. С. 454.

кавалерийского полка)[1], Константин Александрович Орлов (капитан 26-го пехотного Могилевского полка)[2], Василий Николаевич Паскевич (поручик 28-го пехотного Полоцкого полка)[3], Николай Яковлевич Ушаков (подполковник 10-го мортирного артиллерийского дивизиона)[4], Георгий Николаевич Ушаков (поручик 39-го пехотного Томского полка)[5] и Виктор Иванович Шувалов (капитан 174-го пехотного Роменского полка)[6].

Титул барона точно был указан у генерал-лейтенанта Анатолия Александровича Будберга, который накануне войны служил начальником управления 3-й отдельной кавалерийской бригады в Воронеже[7] и подпоручика 27-го Витебского пехотного полка Александра Адольфовича фон-Клейста[8].

Мы решили отметить и то, что среди представителей изученной когорты кадровых офицеров были представители незнатных, но старинных русских родов. Для дальнейшего изучения мы предположили, что в годы Революции 1917 г. и Гражданской войны они оставались преданными защитниками царской России.

Самые древние корни среди изученного круга офицеров предположительно 11 человек имели: полковник 26-го пехотного Могилевского полка Александр Александрович Агарков[9], штабс-капитан того же полка Виктор Дмитриевич Булгаков[10], штабс-ротмистры 7-го запасного кавалерийского полка Владимир Алексеевич Воробьев[11] и Валентин Александрович Лихарев[12], а также его брат Георгий Александрович, поручик 7-й артиллерийской бригады[13], капитан Курского артиллерийского склада

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 762. Л. 7 об.
[2] Там же. Д. 225. Л. 11 об.
[3] Там же. Д. 910. Л. 15 об.
[4] Список подполковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 15-е мая 1913 г. С-Петербург: Военная типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. С. 1127.
[5] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1194. Л. 25 об.
[6] Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Составлен по 1-е ноября 1912 г. С.-Петербург: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1912. С. 364.
[7] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 916. Л. 1 об.
[8] Там же. Д. 880. Л. 29 об.
[9] Там же. Д. 225. Л. 1 об.
[10] Там же. Л. 17 об.
[11] Там же. Д. 2221. Л. 4 об.
[12] Там же. Д. 2221. Л. 8 об.
[13] Там же. Д. 879. Л. 22 об.

Глеб Львович Чертов[1], а также четыре офицера по фамилии Наумов. Почти 70 человек из нашей выборки принадлежали к русским дворянским родам XV-XVI вв.

Как и во всей императорской армии, в нашей когорте оказалось немало офицеров, выходцев из дворянских родов присоединенных к Русскому государству территорий.

Особенно заметно была группа офицеров, происходивших из польско-литовского-малороссийского дворянства. Мы сознательно не стали конкретизировать принадлежность офицеров к отдельным «ветвям» этой большой группы. Для нас важно было почеркнуть, что более 60 потомков дворян некогда враждебной России Речи Посполитой готовы были служить в русской армии.

В этой группе офицеров предположительно были представители знатных родов западной части Российской империи. Так, к графскому роду мог относиться поручик 31-й артбригады Дмитрий Тимофеевич Миончинский[2]. Возможно, к графам принадлежал капитан 7-й артиллерийской бригады Владимир Адамович Гарбовский[3].

Семеро фигурантов нашей выборки принадлежали к неславянским инородческим дворянским родам Российской империи. Так, из грузинских князей происходил Михаил Георгиевич Химшиев, штабс-ротмистр 6-го запасного кавалерийского полка[4]. Возможно, к грузинскому княжескому роду принадлежал поручик 40-го пехотного Колыванского полка Валериан Порфирьевич Лоладзе[5]. Предположительно из среды грузинского дворянства происходил капитан 39-го пехотного Томского полка Константин Николаевич Габаев[6].

---

[1] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 52157. Л. 1 об.
[2] Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и ВСЮР. М.: Изд-во ООО «АСТ», ООО «Астрель», АНО «Редакция альманаха “Российский архив”», 2002. С. 208-209.
[3] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 879. Л. 11 об.
[4] Там же. Д. 525. Л. 6 об.
[5] Там же. Д. 3024. Л. 21 об.
[6] Там же. Д. 1194. Л. 11 об.

Другие дворянские кавказские роды, вероятно, представляли армянин Артемий Степанович Селиков (капитан 31-й артбригады)[1], осетин Михаил Фомич Томаев (подпоручик 173-го пехотного Каменецкого полка)[2].

Знатным было молдавское происхождение подполковника 10-го мортирного артиллерийского дивизиона Виктора Ивановича Абаза[3].

Относительно разнообразно обстояло дело с офицерами, происходившими из немецких дворян. Часть из них относилась к остзейским немцам, которые оказались в российском подданстве, часть к выходцам из дворян германских государств, поступивших на российскую службу. Задачей нашего исследования не является детализация вопроса о корнях офицеров немецкого происхождения. С достаточной степенью точности мы отнесли к бывшим немецким дворянам 15 офицеров, фамилии которых носили приставку фон.

В качестве примеров можно привести подпоручика 28-го пехотного Полоцкого полка Бориса Альфредовича фон Вирена[4] и его отца, полковника Воронежского дисциплинарного батальона Альфреда Николаевича фон Вирена[5], которые были представителями потомственного дворянства Эстляндской губернии.

В городе Кирсанове Тамбовской губернии в 3-м запасном кавалерийском полку в чине ротмистра служил барон Михаил Сергеевич фон Нольде-Старченко[6], являвшийся выходцем из дворян Курляндской губернии, а подполковник 173-го пехотного Каменецкого полка из Курска Эдуард Станиславович фон-дер-Остен-Сакен[7] относился к дворянскому роду, представлявшему Радомскую губернию.

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Селиков_Артемий_Степанович (дата обращения: 06.05.2024).
[2] Там же. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Томаев_Михаил_Фомич (дата обращения: 06.05.2024).
[3] Там же. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Абаза_Виктор_Иванович (дата обращения: 05.05.2024).
[4] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 910. Л. 25 об.
[5] Там же. Д. 413. Л. 2 об.
[6] Там же. Д. 787. Л. 3 об.
[7] Там же. Д. 14444. Л. 2 об.

Еще несколько представителей нашей выборки носили немецкие дворянские фамилии. Среди них были и носители очень знатных фамилий. Представителем российского дворянского рода (Полтавская губерния) графов Келлеров был подпоручик 28-го пехотного Полоцкого полка Владимир Васильевич Келлер[1]. Ротмистр 4-го запасного кавалерийского полка барон Николай Иосифович Мантейфель-Цеге[2] представлял линию дворян Курляндской губернии, правда родился в Рязанской губернии.

Кроме того, в нашей когорте оказалось несколько офицеров, которые, судя по фамилиям, происходили из западноевропейских дворян, оказавшихся на русской службе и впоследствии причислявшихся к губерниям Российской империи. К французским дворянам можно отнести полковника (в конце 1913 г. уволен в отставку с производством в генерал-майоры) 7-го запасного кавалерийского полка барона Владимира Андреевича Боде[3], преподавателя Воронежского кадетского корпуса, полковника Павла Николаевича Скалона[4], штабс-ротмистра 2-го запасного кавалерийского полка Петра Павловича Бедо[5], к сербским дворянам - подполковника 2-го запасного кавалерийского полка Константина Ивановича Цветиновича[6] и поручика 27-го пехотного Витебского полка Георгия Дмитриевича Юлинца[7], к норвежским дворянам – поручика 4-го запасного кавалерийского полка Александра Николаевича Багговута[8], к шотландским дворянам – подполковников 16-го уланского Новоархангельского полка Сергея Сергеевича Фаминцына[9] и Григория Юрьевича Лермонтова[10], итальянским дворянам – подполковника 40-го пехотного Колыванского полка Степана Осиповича Пизани[11] и штабс-

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 910. Л. 26 об.
[2] Там же. Д. 762. Л. 6 об.
[3] Генералитет российской императорской армии и флота. // URL: http://rusgeneral.ru/gen/b/gen_b874b.html (дата обращения: 06.05.2024).
[4] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11363. Л. 1 об.
[5] Там же. Д. 561. Л. 7 об.
[6] Там же. Л. 2 об.
[7] Там же. Д. 880. Л. 18 об.
[8] Там же. Д. 762. Л. 12 об.
[9] Там же. Д. 13304. Л. 1 об.
[10] Там же. Д. 13304. Л. 2 об.
[11] Там же. Д. 3024. Л. 5 об.

ротмистра 6-го запасного кавалерийского полка Николая Ивановича де-Парма[1], валахского – поручика 17-го уланского Новомиргородского полка Бориса Николаевича Малама[2].

Среди 20 выходцев из купеческого сословия мы выявили только двух офицеров, которые происходили из сколько-нибудь известных родов. Да и то предположительно.

На известном сайте, посвященном русской императорской армии, опубликованы воспоминания правнука капитана Д.Ф. Тимофеева (в 1914 г. служил в 21-й мортирном артиллерийском дивизионе в родном городе Курске). Мемуарист сообщает о том, что его прапрадед купец 2-й гильдии Фёдор Прокопьевич Тимофеев имел собственные доходные дома, гостиницу, булочную, трактирное заведение, чайную и столовую с постоялым двором и номерами, кафельный завод, а также свой дом в Киеве и «некое торговое заведение» в Москве[3]. Конечно, все эти факты трудно проверить. Мемуарист сообщает о неких разрозненных архивных документах, которые использовались им, но никак на них не ссылается. Даже если мы признаем, реально высокую зажиточность Ф.П. Тимофеева, придется констатировать, что это единственный факт такого рода для представителей нашей выборки из рядов купечества.

Еще одним фактом происхождения из среды известных на местном уровне купцов мы признали упоминания о крупных владельцах мельниц, саратовских купцах Кирилловых[4]. Возможно, к этому роду относился поручик 26-го пехотного Могилевского полка М.С. Кириллов, у которого в служебных документах было указано: сын купца, уроженец Саратовской губернии[5].

Наличие всего лишь двух упоминаний происхождения офицеров из семей крупных предпринимателей лишний раз говорит об упрощенном,

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 525. Л. 5 об.
[2] Там же. Д. 13304. Л. 8 об.
[3] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Тимофеев_Дмитрий_Федорович (дата обращения: 08.05.2024).
[4] Летопись Саратовской губернии. // URL: https://elsso.ru/cont/his/226.html (дата обращения: 08.05.2024).
[5] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 225. Л. 31 об.

сугубо идеологическом использовании в советской историографии тезиса о буржуазном характере российского дореволюционного офицерства.

Среди родителей наших офицеров нам не удалось выявить известных представителей сословия почетных граждан.

Среди выходцев из духовенства наиболее известного отца имел капитан Воронежского дисциплинарного батальона К.А. Соболев[1]. Андрей Степанович Соболев являлся протоиереем Пятницкой церкви Воронежа, членом Правлений духовного училища и семинарии, членом губернских строительных и ревизионных комиссий, преподавал во 2-м Воронежском Александровском женском училище[2].

Ярким представителем духовенства уездного уровня был отец капитана Тамбовского управления местной бригады И.А. Сцепенского[3]. Отец офицера служил в уездном городе Острогожске Воронежской губернии. Один из местных мемуаристов вспоминал, что к числу наиболее признаваемых и почитаемых священников города относился святой отец, Алексей Сцепенский, «чья импозантная фигура с посохом и в камилавке заставляла всех при встрече давать ему почтительно дорогу»[4].

Большинство представителей духовенства в нашей офицерской когорте являлись сыновьями простых приходских сельских священников[5].

Еще раз подчеркнем, что подробное изучение сословного происхождения кадровых офицеров образца 1914 г. было предпринято для того, чтобы понять их последующее поведение в военно-революционных условиях. Этой же цели был посвящен и анализ национально-религиозного облика офицеров нашей выборки.

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 413. Л. 3 об.

[2] Древо. Открытая православная энциклопедия. // URL: https://drevo-info.ru/articles/23878.html (дата обращения: 08.05.2024).

[3] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11943. Л. 2 об.

[4] Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы. // URL: https://vgulage.name/books/melentev-m-m-moj-chas-i-moe-vremja/?ysclid=lvxiwexyjf32165996 (дата обращения: 08.09.2024).

[5] Канищев Вл. В. Вместо сана – чин: уроженцы тамбовской губернии, офицеры императорской армии из духового сословия // Тамбов в прошлом настоящем и будущем: материалы XI (XXIII) Всероссийской научной конференции, посвященной 385-летию Тамбова. [отв. ред.: А.Ю. Ильин]. Тамбов: Изд-во Тамбовский полиграфический союз (ТПС), 2021. С. 282-285.

Такой анализ мы предприняли с целью выяснить роль национально-религиозного фактора в судьбах офицеров в период войны России с Германией и Австро-Венгрией, в революционную эпоху разгула национальных и религиозных предрассудков, когда этот личностный социально-демографический показатель мог иметь существенное значение.

Поскольку в изученных нами биографических материалах оказалось недостаточно четких сведений о религиозном и национальном происхождении представителей данной когорты, было решено определить этот показатель экспертным путем по сочетанию фамилий, имен, отчеств. Сразу оговоримся о том, что мы не могли уверенно опираться на данные о вероисповедании изучаемых офицеров, указанные в их довоенных служебных документах. В условиях военно-революционного времени они могли менять веру, имена и отчества и т.д.

Необходимы и другие оговорки. В частности, среди людей со славянскими фамилиями, именами и отчествами могло быть какое-то количество католиков и лютеран с общеевропейскими именами и отчествами от них (Александр, Антон, Михаил, Петр и т.п.). Соответственно число православных несколько преувеличено. Напротив, в числе людей со славянскими фамилиями (польскими, украинскими, белорусскими), и неправославными именами и отчествами (Владислав, Казимир, Станислав и т.п.) могли быть не только католики и лютеране, но и православные, которых нужно было бы включить в первую группу.

К третьей группе мы отнесли лиц с западноевропейскими фамилиями (главным образом немецкими), но православными именами и отчествами. Понятно, что не все эти люди были крещены в православие. В гражданских документах они могли просто представлять свои имена и отчества на русский лад.

Некоторые важные для нашей темы дополнительные сведения говорят о том, что среди офицеров с немецкими фамилиями были фактически обрусевшие люди. Так, специальное исследование офицеров Тамбовского

гарнизона с немецкими фамилиями показало, что у четверых из них были жены православного исповедания, которые, естественно, общались с мужьями на русском языке. Главное состояло в том, что последующие события Первой мировой войны показали преданность этой группы офицеров русской армии, 11 из 13 человек воевали на фронте против германских или австрийских войск[1].

В качестве дополнительного примера можно упомянуть офицера-уроженца Тамбовской губернии, сына бывшего тамбовского губернатора, подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка Александра Владимировича фон-дер Лауница. Он не просто числился православным, но и был воспитан в русском духе. Один из преемников его отца на посту тамбовского губернатора Н.П. Муратов писал о В.Ф. фон-дер Лаунице: «Несмотря на свое немецкое происхождение и большую остзейскую родню, это был чистейший русак, не знавший немецкого языка и ненавидевший немцев»[2]. В этом контексте понятно, почему Александр фон-дер Лауниц героически сражался против германских войск и погиб в самом начале мировой войны[3].

В разряд ФИО «западноевропейские, неправославные» мы включили людей с западноевропейскими фамилиями (опять-таки главным образом немецкими) и неславянскими именами-отчествами (Карл, Фридрих, Эдуард и т.п.). Вероятно, среди них могли быть крещенные в православие, не изменившие свои имена в военных документах, но обычно такие имена сохраняли сторонники католичества и протестантизма.

К пятой группе отнесены офицеры с явно восточными фамилиями, но православными именами и отчествами, к шестой группе – офицеры, у которых хотя бы один элемент ФИО имел восточное происхождение.

---

[1] Канищев В. В. Немцы тамбовского гарнизона в 1914 г. и их судьбы в Первой мировой войне // Геродот Science. 2020. №1. С. 52-55.

[2] Муратов Н. П. Записки тамбовского губернатора / Н.П. Муратов; Упр. культуры и архивного дела Тамб. обл., Тамб. гос. Ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: ОАО «Тамбовская типография «Пролетарский светоч», 2007. С. 28.

[3] Зайцов А. А. Семеновцы в 1914 году. Гельсингфорс: тип. акц. о-во Литера, 1936. С. 10.

Таблица 3. Национально-религиозный состав кадровых офицеров гарнизонов Воронежской, Курской, Тамбовской губерний

ФИО	Количество упоминаний
1.Славянские, православные	976/84.5%
2.Славянские, неправославные	67/6%
3.Западноевропейские, православные	53/4.5%
4.Западноевропейские, неправославные	52/4.5%
5.Восточные, православные	2/0.2%
6.Восточные, неправославные	5/0.3%

Составлено по: РГВИА. Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб – и обер-офицеров. Коллекция; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Наши экспертные данные во многом совпадают с опубликованными в работах коллег показателями религиозного состава российского офицерства начала XX в.: более 80% - православные, 4-13% - католики, 5-15% - лютеране, 1% - представители мусульман, грузин, армян, других иноверцев[1]. При этом статистика Российской империи к русским относила великороссов, украинцев и белорусов. В 1912 г. среди генералов Русской императорской армии русские составляли 86,48% (среди штаб-офицеров – 85,84%, среди обер-офицеров – 86,7%), немцы – 6,55% (3,26 и 2,61%), поляки – 3,33% (6,28 и 5,71%), татары – 1,39% (0,57 и 0,56%), кавказцы – 1,29%[2].

А.Б. Рахманов, рассчитал, что превосходные шансы на успешную карьеру офицеров определенных национальностей можно объяснить либо тем, что они обладали профессиональными (квалификация, дисциплинированность, доблесть и т.д.) и / или политическими качествами (лояльность и т.д.) на уровне выше среднего по офицерам армии, либо тем, что командование проводило политику по их продвижению, либо тем, что существовала комбинация этих двух факторов. Особым случаем он считал карьеру офицеров из числа поляков, латышей и кавказцев, чья карьера, как показывают значения индикатора по всей армии, была затруднена[3].

[1] Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 196-199.
[2] Рахманов А. Б. Указ. соч. С. 176.
[3] Там же. С.172.

Офицеры-поляки, по расчетам А.Б. Рахманова, сделанным на общероссийском материале, имели прекрасные шансы на карьеру в инженерных войсках, шансы, близкие к стандартным – в Управлениях воинских начальников, плохие – в остальных трех родах войск.

Наши данные о славянах-неправославных, главным образом поляках по национальным признакам в фамилиях, именах и отчествах, только частично совпали с утверждениями А.Б. Рахманова.

По имеющимся ограниченным данным об инженерных войсках (в изучаемых гарнизонах был только один саперный батальон, 23-й, дислоцированный в Моршанске Тамбовской губернии) трудно судить о типичности или уникальности судеб офицеров этого рода войск из поляков – в выборке оказался всего один, Станислав Станиславович Миневский в нормальном для поручика возрасте 26 лет[1]. Забегая вперед, отметим, что в конце мировой войны он опять-таки в нормальном для следующего звания возрасте 29 лет был штабс-капитаном[2].

Нельзя сделать широких выводов и о воинских начальниках польского происхождения, которых в выборке кадровых офицеров представлено двое. Их воинские судьбы были весьма разными. Относительно подполковника Исидора Адамовича Пилсудского (судя по имеющимся данным, однофамильца, но не близкого родственника будущего президента Польши) удалось выяснить, что до службы в уездном городе Фатеже Курской губернии он в возрасте 51 года в том же чине подполковника служил окружным воинским начальником в Финляндии, в городе Улеаборге[3]. Смеем предположить, что перевод из Санкт-Петербургского округа из небольшого, но все-таки европейского города, в русскую глубинку был некоторым понижением. Другой воинский начальник с польскими корнями полковник

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 785. Л. 6 об.
[2] Там же. Д. 13205. Л. 6 об.
[3] Список подполковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 15-е мая 1913 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. С. 206.

Леопольд Иосифович Томашевский начинал карьеру в пехотной службе, после русско-японской войны стал уездным воинским начальником[1].

В целом карьеру двух поляков, дослужившихся до званий старших офицеров и остававшихся в немалом возрасте на «хлебных» и «тихих» местах, можно признать успешной.

В пехоте, кавалерии и артиллерии карьера большинства офицеров, предположительно поляков, была заметно ограниченной. Только 10 из примерно 60 человек, т.е. около шестой части дослужились до чинов подполковников и полковников. Как мы увидим дальше, во всей когорте кадровых офицеров подобные звания получил каждый пятый, преимущественно русский офицер.

Возможно допустить, что сложности карьерного пути проявились в судьбе поляка или белоруса, Владислава Андреевича Ельяшевича, офицера 25-го пехотного Смоленского полка, 52-х лет, который с 1913 г. состоял под следствием и находился в психиатрической лечебнице[2].

Наиболее заметной группой «засидевшихся» в чинах офицеров с польскими корнями были капитаны и ротмистры в возрасте 40 и более лет – 16 человек. Особенно заметными в этой группе были Иван Помпеевич Гермашев-Бубелло, капитан 174-го пехотного Роменского полка, которому в 1914 г. был 51 год (возможно на это повлияло его 2-х годичное пребывание в запасе)[3] и Франц Владиславович Матушевский, 173-го пехотного Каменецкого полка, которому в это же время было 53 года[4]. Отметим также капитанов Сигизмунда-Цирила Осиповича Квецинского, 45 лет, из 40-го пехотного Колыванского полка[5] и Яна-Карла Алоизиевича Дзенциоловского, 47 лет, из 28-го пехотного Полоцкого полка[6].

---

[1] Список подполковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 15-е мая 1913 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. С. 38.
[2] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1019. Л. 8 об.
[3] Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Составлен по 1-е ноября 1912 г. С.-Петербург: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1913. С. 312.
[4] Там же. С. 119.
[5] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3024. Л. 9 об.
[6] Там же. Д. 910. Л. 4 об.

«Хваленая» благополучность офицеров с немецкими корнями в нашей выборке в противовес наблюдениям А.Б. Рахманова оказалась заметно ограниченной. Даже выходцы из знатных родов Мантейфелей[1] и Остен-Сакенов надолго «застряли» в чинах ротмистра и капитана (подполковника Эдуард Станиславович получил только в мае 1914 г., просидев в капитанах почти 10 лет)[2].

Самым заметным «камнем преткновения» для сравнительно многих офицеров с немецкими корнями стал чин капитана или ротмистра. Помимо уже упомянутых представителей немецкой знати таких оказалось еще около 15 человек. Своего рода рекордсменом в этой группе являлся капитан 28-го пехотного Полоцкого полка Максимилиан-Мариан Альфонсович Вэльке, которому в 1914 г. было 50 лет[3].

В итоге получилось, что из примерно 80 офицеров нашей выборки с немецкими корнями удачную для своего возраста карьеру сделали не более 55 человек. Почти треть из этой группы офицеров оказалась в рядах относительных «неудачников».

Как считает А.Б. Рахманов, офицеры-кавказцы имели отличные шансы в артиллерии, не имели никаких шансов в инженерных войсках и располагали плохими шансами в прочих трех родах войск[4].

Количество офицеров-кавказцев, попавших в нашу выборку, невелико для широких обобщений. Можно только сказать, что у шести представителей этой группы были самые разные служебные судьбы с точки зрения их успешности в предвоенный период.

Звание штабс-капитана для офицера 27-го пехотного Витебского полка К.С. Ахмед-Бекова в его 34 года было закономерным с учетом окончания училища в 1905 г.[5], как и офицеров 26-го пехотного Могилевского полка Г.У.

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 762. Л. 6 об.
[2] Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Составлен по 1-е ноября 1912 г. С.-Петербург: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1913. С. 268; РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 14444. Л. 2 об.
[3] Там же. Д. 910. Л. 5 об.
[4] Рахманов А.Б. Указ. соч. С.172.
[5] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 880. Л. 14 об.

Итриянца и Г.Г. Дзугаева, окончивших училище в том же году.[1] А вот другой штабс-капитан с русской фамилией Захаров и явно армянскими именем и отчеством Нахапет Касперович, служивший перед мировой войной в Воронеже в 25-м пехотном Смоленском полку, имел немалый для этого звания возраст – 39 лет[2].

Поручики 7-й артиллерийской бригады И.Б-С. Гаджибеков[3] и 40-го пехотного Колыванского полка В.П. Лоладзе[4] в 1914 г. находились в вполне обычном для этого звания возрасте 26 лет.

Очевидно одно, что никто из офицеров-кавказцев нашей выборки, даже в относительно немалые возраста и принадлежность к знатным родам, не поднялся выше чина штабс-капитана в довоенное время.

Среди штабс-капитанов и штабс-ротмистров славянско-православной группы было установлено всего 11 офицеров в возрасте свыше 40 лет, остававшихся в этом звании.

Среди славян, православных в чинах капитанов и ротмистров в возрасте свыше 40 лет находилось – 110 человек, что составляет более половины офицеров этих чинов. Среди поляков, как уже отмечалось, таких было относительно меньше – около трети их национальной группы, а среди немцев – вообще около 20%.

Подполковников и полковников славянско-православного происхождения по удельному весу (более 20%) от всех офицеров этой группы было заметно больше, чем среди поляков и немцев, где они составляли около шестой части своих групп.

Особенно внушительным было преимущество славян-православных среди генералов нашей выборки. Из 20 человек только одного можно причислить к немцам. Это был уже упоминавшейся барон А.А. Будберг, который сохранил немецкую фамилию, но был крещен в православие[5].

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 225. Л. 24 об.
[2] Там же. Д. 1019. Л. 17 об.
[3] Там же. Д. 879. Л. 20 об.
[4] Там же. Д. 3024. Л. 21 об.
[5] Там же. Д. 916. Л. 1 об.

Таким образом специальное изучение возрастного, социально-профессионального, национального и конфессионального состава конкретной выборки кадровых офицеров с помощью количественных методов позволило доказать типичность нашей выборки в сравнении со всей совокупностью довоенных офицеров Русской императорской армии. Микро-исторический подход дал возможность на общем фоне показать исключительные фигуры офицеров, неизбежно, как в любой социальной среде, возникавшие в силу необычного сочетания житейский факторов.

1.2. Военное образование

В данном параграфе рассмотрено среднее и высшее военно-специальное образование выборки кадровых офицеров изучаемых нами губернских гарнизонов.

Таблица 4. Среднее военно-специальное образование офицеров гарнизонов Воронежской, Курской и Тамбовской губерний на 1914 г.

Артиллерийские, кавалерийские, «общевойсковые» и пехотные училища				
Статус - Юнкерское	**Кол-во**	**Статус - Военное**	**Кол-во**	**Всего**
Чугуевское пехотное юнкерское училище	98	Чугуевское военное училище	14	112
Одесское пехотное юнкерское училище	94	Одесское военное училище	4	98
Елизаветградское кавалерийское юнкерское училище	52	Елизаветградское кавалерийское училище	46	98
-	-	3-е Александровское военное училище (Александровское военное училище)	23/63	86
Казанское пехотное юнкерское училище	78	Казанское военное училище	6	84
-	-	2-е Константиновское училище (Константиновское	29/54	83

		артиллерийское училище)		
-	-	1-е Павловское военное училище (Павловское военное училище)	32/46	78
Московское пехотное юнкерское училище	14	Московское военное училище, Алексеевское военное училище	18/44	76
Киевское пехотное юнкерское училище	31	Киевское военное училище	39	70
Тифлисское пехотное юнкерское училище	51	Тифлисское военное училище	5	56
Тверское кавалерийское юнкерское училище	49	Тверское кавалерийское училище	7	56
Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище	33	Санкт-Петербургское военное училище, Владимирское военное училище	9/7	49
-	-	Николаевское кавалерийское училище	43	43
Виленское пехотное юнкерское училище	37	Виленское военное училище	5	42
-	-	Михайловское артиллерийское училище	39	39
Варшавское пехотное юнкерское училище	17	-	-	17
-	-	Николаевское инженерное училище	12	12
Иркутское пехотное юнкерское училище	5	Иркутское военное училище	1	6
Новочеркасское казачье юнкерское училище	2	-	-	2
Рижское пехотное юнкерское училище	2	-	-	2
Пехотное юнкерское училище	1	-	-	1
Гельсингфорсское пехотное юнкерское училище	1	-	-	1
ИТОГО	565	ИТОГО	546	1107
Прочие учебные заведения				
Пажеский корпус				3
Морской корпус				1
Баварское военное, артиллерийское и инженерное училище				1
Иные формы образования				
Экзамен на прапорщика запаса				7
Не удалось установить				
Неизвестно				29
ИТОГО				**1152***

Составлено по: РГВИА. Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб – и обер-офицеров. Коллекция; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

*Примечание. Число выпускников превышает общее количество офицеров из нашей базы данных на одного человека, поскольку у генерала от кавалерии Александра Ивановича Литвинова в списке по

старшинству указано окончание двух учебных заведений: 3-го Александровского военного училища и Михайловского артиллерийского училища[1].

Анализируя количественный состав выпускников училищ юнкерского и военного статуса, мы обнаружили относительный паритет с разницей в 21 человек в пользу юнкерского образования. Тем не менее, надо учитывать и тот факт, что статус некоторых училищ в ходе реформ военного образования был изменен, а некоторые лишь меняли формулировки в названии заведения.

Данные таблицы отличаются от цифр уровня общего военного образования российских офицеров начала XX в., которые привел П.А. Зайончковский: выпускников военных училищ – 55-60%, юнкерских – 40-45%[2]. Вероятно, это объясняется большей долей выпускников юнкерских училищ в провинциальных гарнизонах.

География обучения офицеров нашей выборки была настолько обширна, о чем свидетельствует окончание ими не только столичных заведений Санкт-Петербурга и Москвы, но и училищ в самых разных регионах страны от Сибири до Царства Польского, от Гельсингфорса до Закавказья. Данные показатели отразили широкий общероссийский миграционный образовательный процесс, ставший характерным с конца XIX века.

Большинство офицеров выборки окончили военное учебное заведение в городе Чугуев, при чем подавляющее большинство из них выпустились из стен училища, имевшего юнкерский статус.

Среди кавалеристов самым популярным оказалось училище расположенное в Елизаветграде, так называемая «Славная Южная Школа»[3]. В данном случае имел место баланс выпускников с разницей в 6 человек в пользу юнкерского формата.

Константиновское училище в нашей выборке имело в два раза больше выпускников, чем Михайловское, но стоит оговориться, что лишь с 1894 г. оно

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 14271. Л. 1 об.
[2] Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX – XX столетий. М.: Мысль, 1973. С. 170.
[3] Незабываемое прошлое Славной Южной Школы. 1865-1965. Исторический очерк Елисаветградского кавалерийского училища с воспоминаниями питомцев Школы к столетию со дня основания училища. // Под редакцией Генерального штаба полковника С.Н. Ряснянского. Нью-Йорк: Издание Объединения бывших юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища, 1965. 239 с.

стало носить профильный артиллерийский статус, а следовательно, и выпускников для данного рода войск оказалось значительно меньше от общего количества, превосходя «михайловцев» всего на 15 человек.

Интересно выглядит статистика по Киевскому училищу, поскольку выпускников в статусе военного училища оказалось больше, чем юнкерского.

Отдельно мы хотели бы упомянуть об Александровском и Павловском училищах, которые имели привилегированный статус и могли выпускать молодых офицеров в различные рода войск. Собственно говоря, поэтому в типах учебных заведений в таблице мы условно упомянули об «общевойсковом» статусе некоторых училищ.

Подробнее нам бы хотелось остановиться на училищах, которые ввиду малого количества выпускников имеют особенный колорит в нашей базе данных.

Расположенное в столице Царства Польского Варшавское пехотное юнкерское училище «делегировало» в нашу выборку 17 офицеров. Возможно, это количество оказалось бы больше, но в 1887 г. училище было упразднено.

Небольшое количество выпускников Николаевского инженерного училища – 12 офицеров, также добавило колорита в нашу выборку. Большая часть из них в количестве семи человек, служили в 23-м саперном батальоне, дислоцировавшемся в уездном городе Тамбовской губернии Моршанске.

Расположенное в Сибири Иркутское училище окончили шесть офицеров, причем пятеро в формате юнкерского и один в статусе военного. Ввиду такого малого количества мы хотели бы обратить внимание на каждого персонально, тем более их распределение было весьма любопытным.

В 1906 г. из стен училища выпустился Константин Константинович Александров, который для дальнейшего прохождения службы был направлен в 39-й пехотный Томский Его Императорского Высочества Эрцгерцога

Австрийского Людвига-Виктора полк, дислоцировавшийся в городе Козлове Тамбовской губернии[1].

В 1907 г. училище окончили Александр Александрович Кузьмин и Иван Иванович Баландин и оба были отправлены в 26-й пехотный Могилевский полк, расположенный в губернском городе Воронеже[2].

Выпустившиеся в 1909 г. Вячеслав Митрофанович Новиков и Александр Викентьевич Крушевский по распределению попали в 25-й пехотный Смоленский генерала Раевского полк, также находившийся в Воронеже[3].

Шестым и единственным воспитанников Иркутского училища в военном статусе оказался Василий Тимофеевич Тимофеев, распределенный в 1913 г. в 174-й пехотный Роменский полк, базировавшийся в городе Курске[4].

У двух представителей нашей базы данных «за плечами осталось» Новочеркасское Казачье юнкерское училище, которое в 1888 г. окончил будущий директор Воронежского Князя Михаила Павловича кадетского корпуса генерал-майор Матвей Илларионович Бородин[5] и подполковник Михаил Иванович Похлебин, состоявший в Управлении 3-й отдельной кавалерийской бригады, в конце 1913 г. переведенный во 2-ю гренадерскую дивизию[6].

Также двух офицеров делегировало в ряды армии Рижское пехотное юнкерское училище, которое просуществовало всего двадцать лет. Его выпускниками были, полковник Донат Леонович Спокойский-Францевич[7], служивший в 1914 г. в управлении интендантского вещевого склада в Тамбове и Фатежский уездный воинский начальник, подполковник Исидор Адамович Пилсудский[8].

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1194. Л. 21 об.
[2] Там же. Д. 225. Л. 27 об., 28 об.
[3] Там же. Д. 1019. Л. 32 об., 33 об.
[4] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Иркутское_военное_училище (дата обращения: 18.11.2023).
[5] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11363. Л. 1 об.
[6] Там же. Д. 900. Л. 1 об.
[7] Список полковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е ноября 1907 г. С.-Петербург: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1907. С. 1029.
[8] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1428. Л. 79 об.

Необычно выглядит запись о военном образовании у подполковника Воронежского интендантского продовольственного магазина (на 1914 г.) Георгия Яковлевича Кудрича[1], у которого было зафиксировано просто – пехотное юнкерское училище.

Единственным выпускником пехотного юнкерского училища в городе Гельсингфорсе, просуществовавшем всего пятнадцать лет, был уездный воинский начальник из Старого Оскола подполковник Константин Александрович Брайкевич, с февраля 1914 г. произведенный в полковники и переведенный на аналогичную должность в город Золотоноша[2].

В категорию выпускников прочих учебных заведений мы решили отнести трех представителей одного из самых элитных учебных заведений того времени Пажеского корпуса. Ими оказались, числящийся в 7-м запасном кавалерийском полку в Тамбове, а по факту штаб-офицер при Главном Управлении Государственного коннозаводства Александр Владимирович Попов[3], Спасский уездный воинский начальник, подполковник Александр Николаевич Савельев[4] и старший адъютант штаба 44-й пехотной дивизии капитан Николай Николаевич Мартынов[5].

Весьма необычным выглядит окончание Морского училища начальником 7-й пехотной дивизии генерал-лейтенантом Александром Михайловичем Бутаковым[6].

Однако самым колоритным оказалось военное образование исполняющего делами смотрителя Курского продовольственного магазина, отставного полковника артиллерии Гуго Рудольфовича фон Эзенвейна[7],

---

[1] Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Составлен по 1-е июня 1909 г. С.-Петербург: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1909. С. 199

[2] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1428. Л. 71 об.

[3] Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1914 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. С. 1318.

[4] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11958. Л. 1 об.

[5] Список Генерального Штаба. Исправлен по 1-е июня 1914 года. (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. С. 598.

[6] Список генералам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е января 1913 г. С.-Петербург: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1913. С. 171.

[7] Курский адрес-календарь 1914-й год. Курск: Электрическая Типо-Литография Губернского Правления, 1914. С. 173.

который оказался выпускником Баварского военного, артиллерийского и инженерного училища[1]. Уникальные страницы его биографии будут упомянуты в дальнейших оценках профессионального облика наших героев.

У нескольких персонажей из нашей базы данных дорога к офицерскому званию пролегла не через юнкерские или военные училища, а путем выдержки экзаменов на чин прапорщика.

Так, в 1904 г. выдержал экзамен на чин прапорщика запаса при штабе 36-й пехотной дивизии Алексей Федорович Протасов. Звание подпоручика было присвоено ему в 1911 г. и на начало 1914 г. он состоял на службе при Управлении Тамбовского уездного воинского начальника[2].

Федор Петрович Власов из 39-го пехотного Томского полка выдержал экзамен на чин прапорщика запаса в 1905 г., а чин подпоручика был присвоен ему спустя шесть лет в декабре 1911 г.[3] Вместе с ним, в том же 1905 г., аналогичные испытания прошли Николай Тимофеевич Семенов и Александр Филимонович Лазицкий, правда последующее звание подпоручика было присвоено им в 1912 г.[4]

Экзамен на прапорщика запаса, проходивший при штабе 62-й пехотной дивизии, в 1905 г. выдержал Василий Тимофеевич Соколов, а в 1912 г. ему было присвоено звание подпоручика в 28-м пехотном Полоцком полку[5].

Константин Александрович Неелов из 26-го пехотного Могилевского полка также в 1905 г. прошел экзамен на прапорщика запаса при штабе Варшавского укрепленного района и также в 1912 г. заслужил звание подпоручика[6].

Как под копирку, в 1905 г., выдержав испытание при штабе 18-й пехотной дивизии, прапорщиком запаса стал Тимофей Никитич Губар. В 1912 г. его произвели в подпоручики и к началу 1914 г. он числился младшим

---

[1] Список подполковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е марта 1909 г. С.-Петербург: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1909. С. 100.
[2] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11944. Л. 2 об.
[3] Там же. Д. 1194. Л. 30 об.
[4] Там же. Д. 1194. Л. 31 об.
[5] Там же. Д. 910. Л. 26 об.
[6] Там же. Д. 225. Л. 39 об.

офицером 40-го пехотного Колыванского полка, а с началом войны он был переведен в 65-й пехотный запасный батальон там же в Моршанске[1].

В силу объективных причин не удалось определить уровень военного образования у 29 представителей нашей выборки. Однако, на наш взгляд, данные цифры не являются критичными, поскольку представляют всего лишь 2,5% от общего числа изученных нами персоналий и укладываются в нормы математической погрешности.

Как отмечает А.Н. Гребенкин, традиции организации учебной работы военных училищ в целом позволяли сообщить будущему офицеру сумму знаний, вполне достаточную для того, чтобы он не только справлялся с обязанностями субалтерн-офицера, но и смог продвинуться по службе как минимум до командира полка[2].

Материалы нашей выборки подтвердили этот тезис целым рядом фактов достижения поста комполка выпускниками военных училищ без окончания академий. При этом несколько офицеров в период до Первой мировой войны заняли должности выше командира полка.

Выпускник Николаевского кавалерийского училища Евгений Захарьевич Корбут через 20 с лишним лет после окончания училища, в 1895 г. стал командиром 48-го драгунского Украинского полка. Затем он поднялся до должности командира 2-й бригады 12-й кавалерийской дивизии. В 1910-1913 гг. в Воронеже занимал должность начальника бригады кавалерийского запаса[3].

Петр Андреевич Тихонович, закончивший в 1878 г. 2-е военное Константиновское училище, в самом начале XX в. вступил в должность командира 1-го Финляндского стрелкового полка. В 1910 г., получив звание

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3024. Л. 27 об.-28.
[2] Гребенкин А. Н. Военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса (2-я половина XVII – начало XX в.). дис. … д-ра. ист. наук. Орел, 2017 С. 506.
[3] Список генералам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е июля 1913 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. С. 273.

генерал-майора, был назначен командиром 1-й бригады 7-й пехотной дивизии[1].

Иван Николаевич Епанешников, выпускник 2-го военного Константиновского училища 1872 г., из казаков, с 1906 г. командовал Оренбургским 3-м казачьим полком, а с 1907 г. Оренбургской казачьей конно-артиллерийской бригадой[2].

Алексей Семенович Софиано, окончивший в 1873 г. 2-е военное Константиновское училище, в 1909 г. стал командиром 11-й артиллерийской бригады, а в 1912 г. - командиром 31-й артиллерийской бригады[3].

Николай Митрофанович Ремезов, из выпускников 3-го Александровского военного училища, с 1907 г. служил командиром 220-го пехотного резервного Епифанского полка, а с 1908 г. - командиром 7-го гренадерского Самогитского полка. В январе 1914 г. ему было присвоено звание генерал-майора, и он был назначен командиром 2-й бригады 10-й пехотной дивизии[4].

Павел Флорович Максимов стал командующим 59-й артиллерийской бригадой буквально в первые дни мировой войны с 18 июля 1914 года[5].

Ипполит Алексеевич Еропкин, который окончил Тверское кавалерийское юнкерское училище в 1872 г., в 1906 получил должность командира 27-го драгунского Киевского полка, в 1907 г. был назначен командиром 2-й бригады 15-й кавалерийской дивизии, а в вскоре начальником 1-й бригады кавалерийского запаса[6].

Немалая группа из числа изученных кадровых офицеров до мировой войны получила должность командира полка.

---

[1] Список генералам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е июля 1913 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. С. 602.
[2] Там же. С. 347.
[3] Там же. С. 541.
[4] Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. С. 924.
[5] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 14221. Л. 58 об.
[6] Список генералам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е июля 1913 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. С. 331.

Из выпускников 2-го военного Константиновского училища до должности командира полка поднялись Митрофан Емельянович Пржилуцкий, который с 1911 г. стал командиром 28-го пехотного Полоцкого полка[1], а Александр Александрович Подымов с 1913 г. возглавил 173-й пехотный Каменецкий полк[2].

Мы выявили также двух выпускников 1-го Павловского военного училища дослужившихся до командиров полков: Генриха Александровича Койшевского (выпуск 1878 г., командир 26-го пехотного Могилевского полка с 1912 г.)[3] и Михаила Григорьевича Пацевича (выпуск 1886 г., командир 39-го пехотного Томского полка с 1913 г.)[4].

Командирами дислоцированных в регионе кавалерийских полков становились главным образом питомцы Николаевского кавалерийского училища: Альфред Федорович Керн с 1909 г. командовал 3-м запасным кавалерийским полком[5], Николай Николаевич Дренякин - с 1910 г. 17-м уланским Новомиргородским полком[6], Николай Васильевич Желтухин - с 1911 г. 4-м запасным кавалерийским полком[7], Сергей Григорьевич Лишин - с 1911 г. 6-м запасным кавалерийским полком[8], Вячеслав Александрович Константинов - с 1912 г. 16-м уланским Новоархангельским полком[9].

По образному выражению историков А.А. Михайлова и С.А. Филюка, юнкерские училища стали теми воротами, через которые в офицерский корпус проникали выходцы из недворянской среды[10].

Некоторые историки считают, что выпускникам юнкерских училищ, не обладавшим хорошей подготовкой и почти не имевшим шансов на получение

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 910. Л. 1 об.
[2] Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1914 г. С-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. С. 672.
[3] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 225. Л. 1 об.
[4] Там же. Д. 1194. Л. 1 об.
[5] Там же. Д. 787. Л. 1 об.
[6] Там же. Д. 13251. Л. 1 об.
[7] Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1914 г. С-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. С. 485.
[8] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 525. Л. 1 об.
[9] Там же. Д. 916. Л. 3 об.
[10] Михайлов А. А., Филюк С. О. Реформы российских военно-учебных заведений в 1860-е годы. Альтернативные проекты и итоги // Военно-исторический журнал. 2011. № 6. С. 35.

высшего военного образования, было трудно сделать хорошую карьеру - потолком для большинства из них была должность ротного командира в пехоте и чин капитана[1].

В нашей выборке три четверти выпускников юнкерских училищ действительно не поднялись выше звания капитана. Но были и существенные исключения: 3 выпускника таких училищ стали генералами, около 20 полковниками, более 30 подполковниками.

Генерал-лейтенантом стал выпускник Тверского кавалерийского юнкерского училища 1872 г. Ипполит Алексеевич Еропкин[2].

До звания генерал-майора дослужились Михаил Михайлович Длусский, выпускник Виленского пехотного юнкерского училища 1875 г.[3] и Виктор Леонтьевич Темников, выпускник Казанского пехотного юнкерского училища 1877 г.[4]

Будущий генерал-майор Матвей Илларионович Бородин в 1888 г. окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище. Полученных в юнкерском училище знаний при недолгой службе в войсках хватило для успешного окончания Николаевской академии Генерального штаба уже в 1894 г. Судя по всему, М.И. Бородин был способным к учебе и обучению других человеком. Не случайно уже с 1895 г. он находился на военно-педагогической работе и в итоге стал директором Воронежского кадетского корпуса[5].

Мы выявили, что среди выпускников провинциальных юнкерских училищ было несколько офицеров, до Первой мировой войны дослужившихся до командиров полков. Адам-Викентий-Фелициан Александрович Мокржецкий, ставший в 1912 г. командиром 40-го пехотного Колыванского полка, окончил Виленское пехотное юнкерское училище[6].

---

[1] Гребенкин А. Н. Правила приема в военно-учебные заведения Российской империи в 1863-1917 гг. // Вестник государственного управления. 2013. № 1. С.58-59.
[2] Список генералам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е июля 1913 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. С. 331.
[3] Там же. С. 807.
[4] Там же. С. 707.
[5] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11363. Л. 1 об.-2.
[6] Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1914 г. С-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. С. 562.

Иосиф Михайлович Волочкович, с 1907 г. был командиром 2-го запасного кавалерийского полка, имея образование Тверского кавалерийского юнкерского училища[1].

Михаил Григорьевич Писанко, командовавший на начало 1914 г. 174-м пехотным Роменским полком, с марта 1914 г. назначенный командиром 24-го пехотного Симбирского полка, окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище[2].

Таким образом, работа с конкретными базами данных показывает в очередной раз необходимость осторожного подхода к любым обобщениям, не основанным на количественных показателях.

При рассмотрении уровня образования офицеров разных родов войск выяснилось, что военные училища окончили 99% артиллеристов, 51% - кавалеристов и 35% - пехотинцев.

Первые два показателя практически полностью совпали с общероссийскими данными, приведенными В.Н. Суряевым[3]. Процент кавалерийских офицеров – выпускников военных училищ в нашей выборке оказался выше, чем по России в целом. Думается, что это связано с размещением в черноземных губерниях сравнительно большого количества кавалерийских частей.

Одним из проявлений «нелинейного» хода офицерских судеб стали факты, скажем так, службы не по профилю.

Известно, что такие столичные учебные заведения, как Александровское и Павловское военные училища готовили офицеров разных военных специальностей. Большой «разброс» военных специальностей на 1914 г. оказался у выпускников 3-го Александровского военного училища: 6 – артиллерия, 6 – пехота, 1 – кавалерия, 1 - саперный батальон, 4 – Воронежский кадетский корпус, 5 – уездные воинские начальники.

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 561. Л. 1 об.
[2] Там же. С. 688.
[3] Суряев В. Н. Структура русского офицерского корпуса накануне Первой мировой войны // Российская история. 2017. № 6. С.125.

Среди выпускников Александровского военного училища (без номера) явно преобладали офицеры пехоты - 45 человек. К 1914 г. 12 человек стали артиллеристами, 4 – саперами, 2 – преподавателями Воронежского кадетского корпуса.

Из 78 выпускников 1-го военного Павловского, а позже Павловского военного училища 45 человек к 1914 г. были пехотными офицерами, 18 – артиллеристами, 3 – саперами. Штабс-капитан М.А. Бекман, подпоручики Г.В. Меньшиков и Н.Н. Эсмонт, вероятно, были подготовлены в училище к службе в саперном батальоне[1].

Нельзя назвать «непрофильными» 6 выпускников Павловского военного училища, ставших впоследствии преподавателями Воронежского кадетского корпуса. От них требовалась разносторонняя военная подготовка.

Специального пояснения требует попадание выпускников престижного военного училища в конвойные команды и дисциплинарные батальоны, нестроевые военные учреждения. Полковник А.Н. Вирен в 1914 г. находился на службе в Воронежском дисциплинарном батальоне в силу возраста (56 лет в 1914 г.)[2]. Вероятно, также по годам, а не по образованию (47 лет в 1914 г.) на службе в управлении в Воронежском интендантском вещевом складе оказался полковник Н.Н. Семенов[3], а его сверстник подполковник П.Н. Иванов – в Дмитриевском управлении уездного воинского начальника[4]. Полковники В.И. Дмитриев в Управлении корпуса интендантов 5-го армейского корпуса[5] и Н.Д. Костицын из управления интендантского вещевого склада в Тамбове[6], также выпускники 1-го военного Павловского училища, в интендантах оказались не случайно, поскольку после училища окончили профильную академию.

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 785. Л. 5 об., 8 об., 9 об.
[2] Там же. Д. 413. Л. 2 об.
[3] Там же. Д. 223. Л. 1 об.
[4] Там же. Д. 1428. Л. 51 об.
[5] Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1914 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. С. 994.
[6] Там же. С. 1240.

Понятно, почему 15 из 29 выпускников 2-го военного Константиновского училища (до 1894 г. по сути общевойскового) служили в артиллерии, пехоте, кавалерии. Можно понять и факты того, что пять выпускников этого престижного военного учебного заведения стали впоследствии преподавателями Воронежского кадетского корпуса, также шестеро – уездными военными начальниками, трое офицерами штабов общевойсковых армий.

Четко выдерживали свой профиль Михайловское и Константиновское артиллерийские училища. Все выпускники первого из них служили в артиллерии. Среди 54 офицеров, окончивших другое училище, по специальности в 1914 г. служил 51 человек. Двое выпускников этого училища стали преподавателями Воронежского кадетского корпуса. Трудно объяснить судьбу «константиновца» капитана В.С. Катрухина, который в 33 года в 1914 г. был офицером отдела по квартирному довольствию в Воронеже[1].

Из 43 выпускников столичного Николаевского кавалерийского училища 7 служили в 1914 г. вне кавалерии. При этом вполне логичным выглядит переход пятерых офицеров на преподавательскую работу в Воронежский кадетский корпус. Несколько необычным был служебный путь полковника А.К. Дьяков (в 1914 г. служил в 31-й артиллерийской бригаде)[2]. Более непонятен путь капитана В.Н. Арсеньева, который накануне войны в возрасте 35 лет состоял на службе в управлении Воронежского интендантского вещевого склада[3].

Среди 12 представителей нашей выборки, окончивших Николаевское военное инженерное училище, 7 офицеров оказались в 23-м саперном батальоне. Помимо них, Н.Я. Жданович окончил впоследствии Николаевскую академию Генерального штаба и в 1907 г. стал командиром 2-й бригады 7-й

---

[1] Памятная книжка Воронежской губернии на 1914. Воронеж: Типо-Литография Губернского Правления, 1914. С. 29.
[2] Список полковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е марта 1913 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. С. 638.
[3] Памятная книжка Воронежской губернии на 1914. Воронеж: Типо-Литография Губернского Правления, 1914. С. 29.

пехотной дивизии[1]. Выпускник того же училища и той же академии Н.М. Константинов в 1914 г. состоял начальником Воронежского отдела по квартирному довольствию войск[2]. Полковник Андрей Генрихович Рачинский «на старости лет» (в 1914 г. 55 лет) служил Богучарским уездным воинским начальником в Воронежской губернии[3]. В стенах Воронежского кадетского корпуса с 1907 г. офицером-воспитателем продолжил службу в чине подполковника Георгий Валентинович Лепельтье[4].

Близкие к показателю Николаевского инженерного училища по степени «разброса» выпускников дало Московское военное училище. В 1914 г. из 18 человек 12 служили в пехоте, 3 – в артиллерии, 1 – в Воронежском кадетском корпусе, 1 - в Воронежском дисциплинарном батальоне, 1 - в управлении интендантского вещевого склада. При этом двое последних были участниками русско-японской войны и, возможно, по этой причине получили спокойные должности.

Единичными случаями службы не по профилю представлены выпускники некоторых столичных пехотных училищ. Так, все 9 выпускников Санкт-Петербургского пехотного училища накануне Первой мировой войны служили в пехоте. Пехотными офицерами в это время были 26 из 33 офицеров нашей выборки, окончивших Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище. Среди остальных 7 офицеров по причине возраста занимали спокойные места в управлениях уездных воинских начальников. При этом Тамбовскому уездному воинскому начальнику И.К. Краучунасу[5] и его коллеге по должности в Моршанском уезде И.Ф. Новикову[6] было почти по 60 лет.

---

[1] Список генералам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е января 1913 г. С.-Петербург: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1913. С. 384.
[2] Памятная книжка Воронежской губернии на 1914. Воронеж: Типо-Литография Губернского Правления, 1914. С. 29.
[3] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11972. Л. 1 об.
[4] Там же. Д. 11363. Л. 7 об.-8.
[5] Там же. Д. 11944. Л. 1 об.
[6] Там же. Д. 11951. Л. 1 об.

В разряд «непонятных» по служебному пути выпускников Санкт-Петербургского пехотного училища попал штабс-капитан В.А. Мерцалов, который в 1914 г. служил в конвойной команде в городе Козлове[1].

Явно преобладающей категорией выпускников Алексеевского военного училища были пехотные офицеры – 38 из 44 человек. Только четверо стали артиллеристами, двое – саперами.

Из 14 выпускников Московского пехотного юнкерского училища в 1914 г. вне пехоты служили только три уездных воинских начальника в возрасте 58-60 лет.

В еще большей мере профиль военного образования выдерживали выпускники провинциальных пехотных и кавалерийских училищ.

Чугуевское пехотное юнкерское училище окончило 98 фигурантов нашей выборки. Только пятеро из них на 1914 г. оказались вне пехоты. Подполковник Н.Ф. Гугнин (в 1914 г. 52 года) служил в Воронежском дисциплинарном батальоне[2]. Подполковник С.И. Никольский (в 1914 г. 59 лет) служил в управлении Воронежского интендантского вещевого склада[3]. Полковник Д.Т. Гладкий (в 59 лет) занимал должность уездного воинского начальника в Борисоглебске[4]. Его коллеги полковник И.Е. Покровский (в 58 лет) находился на аналогичной должности в Липецке[5], а полковник В.В. Каплинский (49 лет) возглавлял Задонское уездное воинское управление[6].

Среди 52 выпускников Елизаветградского кавалерийского юнкерского училища только четверо в 1914 г. не служили в конных войсках: полковник В.Г. Владимиров[7] и поручик Н.А. Агафонов[8] служили пехотными офицерами. При этом первый из них окончил еще и Николаевскую академию Генерального штаба и по понятным причинам мог служить в любых войсках. Помимо них

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1351. Л. 1 об.
[2] Там же. Д. 413. Л. 2 об.
[3] Там же. Д. 1515. Л. 1 об.
[4] Там же. Д. 11945. Л. 3 об.
[5] Там же. Д. 1351. Л. 23 об.
[6] Там же. Д. 8794. Л. 1 об.
[7] Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1914 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. С. 186.
[8] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1194. Л. 27 об.

на 1914 г. в должности уездного воинского начальника в Кирсанове состоял полковник С.Н. Ермолов (53 года)[1], а подполковник А.А. Журавлев находился при управлении интендантского вещевого склада в Тамбове[2].

Все 46 офицеров, окончивших Елизаветградское училище после преобразования служили исключительно в кавалерии.

Из 94 офицеров, получивших образование в Одесском пехотном юнкерском училище, лишь четверо накануне мировой войны служили «не по специальности». Не совсем прямой жизненный и служебный путь получился у ротмистра И.Г. Николи, который происходил «из принятых в подданство», окончил училище в необычные для этого 27 лет и в итоге в 51 год состоял на службе в 4-м запасном кавалерийском полку[3]. Непонятен и факт того, что 24-летний поручик И.М. Дрожжин служил в Воронежском дисциплинарном батальоне[4]. Полковник И.П. Васильев в 54-летнем возрасте находился на должности уездного воинского начальника в Землянске[5], а полковник А.В. Иванов в свои 50 лет служил на той же должности в Лебедяни[6].

В выборке обобщенно представлены 56 выпускников Тифлисского пехотного юнкерского и военного училища. Практически все они в 1914 г. служили в пехотных войсках. Непонятным было служебное положение штабс-капитана Б.П. Докукина, который числился офицером Тамбовского военного лазарета[7].

Из 56 питомцев Тверского кавалерийского училища вне кавалерии проходили службу в 1914 г. только 4 офицера. Штабс-капитан Н.В. Хлюстов[8]

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11947. Л. 1 об.
[2] Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии. 1914 г. Тамбов: Электрическая Типо-Литография Губернского Правления, 1914. С. 36.
[3] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 762. Л. 5 об.
[4] Там же. Д. 413. Л. 5 об.
[5] Там же. Д. 11975. Л. 4 об.
[6] Там же. Д. 1351. Л. 21 об.
[7] Там же. Д. 15880. Л. 30 об.
[8] Там же. Д. 1194. Л. 14 об.

и поручик Н.М. Ваганов[1] стали пехотными офицерами, а подпоручики И.И. Бочарников[2] и К.А. Сварчевский[3] – артиллеристами.

Разнообразные и необычные «путевки в жизнь» выдали Киевское и Казанское училища.

Киевское пехотное училище в юнкерском и военном статусе представлено в выборке 70 офицерами. Подавляющее большинство из них оказались в пехоте, но несколько интересных примеров заслуживают особого внимания. Так, в 7-м запасном кавалерийском полку служил штабс-ротмистр С.Н. Купчинский (видимо переведен по ранению в русско-японскую войну)[4]. Капитан Г.Г. Мартынов оказался на службе в Воронежском дисциплинарном батальоне, вероятно, по причине возраста (49 лет в 1914 г.)[5], а капитан В.А. Затонский в 38 лет оказался на должности делопроизводителя Острогожского уездного воинского начальника, также имея инвалидность после русско-японской войны[6].

Большинство выпускников военного заведения Казани стали пехотинцами. Но некоторых судьба «разбросала» в самые разные «стороны». Подпоручик С.А. Воронин стал сапером[7]. Н.Е. Варфоломеев был сразу выпущен подпоручиком в 7-ю артиллерийскую бригаду[8], а Б.Н. Березкин стал подпоручиком 31-й артиллерийской бригады в Белгороде[9]. Шестеро офицеров разных возрастов к 1914 г. несли службу в управлениях уездных воинских начальников. Не совсем понятно, почему сравнительно много – 8 выпускников училища – оказались востребованными в конвойных командах и дисциплинарных батальонах.

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3024. Л. 21 об.
[2] Там же. Д. 988. Л. 41 об.
[3] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Сварчевский_Кирилл_Александрович (дата обращения: 14.04.2024).
[4] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2221. Л. 7 об.
[5] Там же. Д. 413. Л. 2 об.
[6] Там же. Д. 11978. Л. 1 об.
[7] Там же. Д. 785. Л. 10 об.
[8] Там же. Д. 879. Л. 23 об.
[9] Там же. Д. 988. Л. 40 об.

Полученные результаты, представленные в таблице 4, показывают преобладание выпускников провинциальных юнкерских и военных училищ над столичными выпускниками – примерно на 15%. Воспитанники военных училищ формировались как личности не только в стенах своих учебных заведений. Курсанты столичных училищ имели больше возможностей знать политическую жизнь. Они нередко стояли в караулах во время важных государственных мероприятий, участвовали в столичных парадах. В годы учебы они могли приобщаться к высоким культурным ценностям. Столичная среда создавала условия для формирования важных и полезных в будущем связей в обществе.

Воспитанники провинциальных военных училищ имели больше возможностей знать жизнь простого народа. В будущую военно-революционную эпоху умение общаться с простыми людьми, многие из которых вскоре стали солдатами или активными участниками революционных событий, по-житейски могло оказаться очень важным.

Таблица 5. Высшее военное образование офицеров гарнизонов Воронежской, Курской, Тамбовской губерний на 1914г.

Название 1	**Кол-во**	**Название 3**	**Кол-во**	**Всего**
Николаевская академия Генерального штаба	27	Императорская Николаевская военная академия	5	32
Михайловская артиллерийская академия	7	-	-	7
Николаевская инженерная академия	4	-	-	4
Александровская военно-юридическая академия	1	-	-	1
Интендантская академия	1	-	-	1
ВСЕГО				45
Неизвестно				2
Не учились или не окончили				1114

Составлено по: РГВИА. Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб – и обер-офицеров. Коллекция; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Как мы видим из данных таблицы, подавляющее большинство офицеров нашей выборки не имела высшего академического военного образования. Кроме того, у двух ее представителей данный показатель точно определить не удалось.

По количеству выпускников, как и следовало ожидать, самой популярной оказалась Николаевская академия Генерального Штаба, сменившая за время своего существования несколько названий.

Подробнее нам хотелось бы остановиться на выпускниках академий, представленных в ограниченном или даже единичном количестве.

Среди присутствующих в нашей базе данных офицерах артиллерийских частей у семи значилось окончание Михайловской артиллерийской академии. Из ее стен выпустился командующий расположенной в Тамбове 7-й артиллерийской бригады, генерал-майор Александр Евстафьевич Горбачевич, а также его подчиненные, подполковник Аристарх Аристархович Квиткин и капитан Аркадий Иосифович Клиппель[1]. В Белгородском гарнизоне служили четыре офицера из 31-й артиллерийской бригады, также окончившие Михайловскую артиллерийскую академию: полковник Лев Федорович Андреев[2], поручики Петр Капитонович Карасев[3], Борис Николаевич Румянцев[4] и Николай Николаевич Вишневский[5].

Из стен Николаевской инженерной академии в разные годы выпустились два офицера 23-го саперного батальона, расположенного в городе Моршанске: полковник Александр Васильевич Вехновский и подполковник Викентий Христианович Шитц[6]. Кроме того, в Курском отделе по квартирному довольствованию войск проходил службу Илья Михайлович

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 879. Л. 1 об., 5 об., 11 об.
[2] Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1914 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. С. 337.
[3] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Михайловская_артиллерийская_академия (дата обращения: 19.11.2023).
[4] Там же. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Румянцев_Борис_Николаевич (дата обращения: 19.11.2023).
[5] Там же. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Михайловская_артиллерийская_академия (дата обращения: 19.11.2023).
[6] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 785. Л. 1 об.

Колосов, также являвшийся выпускником данной академии[1] и в той же структуре в Воронеже службу в 1914 г. нес Виктор Сергеевич Катрухин, имевший академическое инженерное образование[2].

Единичными примерами окончания специализированных академий стали генерал-майор Павел Павлович Апрелев, окончивший Александровскую военно-юридическую академию[3], и полковник Николай Дмитриевич Костицын, прошедший обучение в Интендантской академии[4].

Таблица 6. Сословный состав учащихся военных учебных заведений - будущих офицеров гарнизонов Воронежской, Курской, Тамбовской губерний

Социально-профессиональные группы	Учебные заведения		
	Юнкерские училища	Военные училища	Академии
Дворяне	230	334	37
Крестьяне	60	15	1
Купцы	14	5	-
Почетные граждане	36	17	-
Мещане	90	40	-
Дети офицеров	22	38	-
Дети чиновников	45	46	5
Духовенство	28	5	-
Казаки	6	1	1
Другие (дети врачей, фельдшеров, осетин, подпрапорщика, серб., подданный, из царан, ремесленник, потом.почет.старш., обыватель)	5	7	1

Составлено по: РГВИА. Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб – и обер-офицеров. Коллекция; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Как и следовало ожидать, большинство дворян и детей офицеров, являлись выпускниками военных училищ. Представители других сословий в

[1] Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1914 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. С. 220.
[2] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Катрухин_Виктор_Сергеевич (дата обращения: 14.04.2024).
[3] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 47608. Л. 1. Об.
[4] Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1914 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. С. 1240.

большей мере заканчивали училища в юнкерском статусе. Исключение составили дети чиновников, которые в равной мере обучались в тех и других учебных заведениях.

Совершенно очевидно, что наибольшую часть выпускников военных академий также составили представители дворянства. В качестве уникальных примеров мы можем привести упомянутых ранее Н.Д. Костицына, который был сыном врача, П.К. Карасева, происходившего из крестьян, и М.И. Бородина, имевшего казацкие корни.

Наиболее важным наблюдением параграфа стало то, что среди изученной группы кадровых офицеров сложилось естественное сочетание выпускников юнкерских и военных училищ, столичных и провинциальных военно-учебных заведений – выходцев из разных слоев российского общества. Вместе с тем в нашей когорте, как и в Русской армии в целом, среди выпускников военных академий по-прежнему заметно преобладали представители дворянского сословия.

1.3. Служебный путь

Важнейшими показателями служебного пути офицеров являются продвижение по чинам, получение наград и конкретный боевой опыт.

Поскольку вопрос о связи движения по чинам с возрастом офицеров мы уже рассматривали в первом параграфе данной главы, отметим только главную характеристику этого процесса.

В целом наши данные о соотношении возрастов и чинов близки к приведенным в литературе общероссийским показателям. Большая часть когорты попала в группу лиц, получавших очередные звания раз в 4-8 лет, т.е. несколько медленнее среднего срока. Заметно меньшее число офицеров поднималось в чинах раз в 1-4 года. В исторической литературе факты

замедленного движения офицеров от чина к чину в мирное время отмечаются как обычное явление[1].

Таблица 7. Соотношение чинов и сословно-профессионального происхождения офицеров гарнизонов Воронежской, Курской, Тамбовской губерний (по данным на 1914 г.)

Происхождение/звания	Генералы	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Итого
Дворяне	21	158	394	573
Духовенство	-	8	27	35
Казаки	2	1	4	7
Крестьяне	-	3	75	78
Купцы	-	2	18	20
Мещане	-	7	127	134
Почетные граждане	-	4	50	54
Дети офицеров	-	4	52	56
Дети чиновников	-	13	83	96
Остальные	-	3	23	26
Неизвестно	-	7	65	72
Всего	23	210	918	1151

Составлено по: РГВИА. Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб – и обер-офицеров. Коллекция; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Результаты анализа представленных в таблице связей чинов кадровых офицеров нашей выборки с их сословно-профессиональным происхождением наглядно показали сохранение широких карьерных возможностей для выходцев из дворянского сословия.

Почти все генералы происходили из дворян за исключением двух генералов из казаков, что являлось вполне закономерным для выходцев из профессионального военного сословия. Среди штаб-офицеров опять-таки преобладали дворяне по сословию – 75% от всех старших офицеров. Напомним, что во всей нашей выборке дворян было около половины. Среди

[1] Зайончковский П. А. Указ. соч. С.193-194.

обер-офицеров дворяне составляли менее 50% от всех младших офицеров изученной когорты.

Внутри самой дворянской группы генералы и штаб-офицеры составляли около 30%. Понятно, что большинство представителей этой привилегированной группы должно было пройти обер-офицерские чины, которые по законам устройства армии всегда преобладали.

В числе офицеров-выходцев из других сословий только среди представителей духовенства имелась заметная доля штаб-офицеров – чуть более 25%. Но это могла быть «игра малых цифр» – 9 полковников и подполковников из 35 представителей указанного сословия.

Среди представителей других сословно-профессиональных групп, в т.ч. выходцев из офицерской среды заметное большинство составляли обер-офицерские чины.

К числу ярких исключительных примеров мы отнесли Александра Федоровича Галактионова, крестьянина по сословию, в 1914 г. полковника 39-го пехотного Томского полка[1], также крестьянина, но, судя по всему, с необычными прибалтийскими корнями, полковника Ивана Казимировича Краучунаса, Тамбовского уездного воинского начальника[2] и мещанина Ефима Тимофеевича Карабана, полковника 25-го пехотного Смоленского полка[3].

В случайной выборке тамбовских по происхождению офицеров из 10 генералов, девять человек были выходцами из дворянства и только один - Дмитрий Петрович Кадомский происходил из духовного звания[4].

В этой выборке также выявились нечастые случаи достижения высоких званий выходцами из «низких сословий». В довоенное время звание подполковника смогли получить мещане Тамбовской губернии Владимир Андреевич Андреев (196-й пехотный Инсарский полк)[5], Михаил Васильевич

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1194. Л. 2 об.
[2] Там же. Д. 11944. Л. 1 об.
[3] Там же. Д. 1019. Л. 2 об.
[4] Там же. Д. 253. Л. 1 об.-2.
[5] Там же. Д. 1197. Л. 2 об.

Васильев (157-й пехотный Имеретинский полк)[1], Дмитрий Матвеевич Чудин (10-й гренадерский Малороссийский полк)[2].

Еще одним показателем успешности карьерного движения мы посчитали количество и «скорость» получения наград. При этом мы имели в виду только ордена, включая иностранные, но не считали различные юбилейные медали и памятные знаки.

Мы специально не стали рассчитывать число наград на «душу» одного офицера. Все-таки у представителей наших выборок были разные по продолжительности и военному опыту служебные пути. Представим только некоторые характерные, на наш взгляд, наблюдения.

Прежде всего отметим, что в когорте офицеров трех губерний только у 7 офицеров из 1151 наличие наград оказалось неизвестным. Другими словами, мы имеем почти полные данные по этому показателю профессионального облика.

Мы посчитали принципиально важным отметить, что около 500 представителей этой выборки наград до 1914 г. не заслужили. Это понятно для периода редких и непродолжительных войн. Однако главной причиной было преобладание в выборке молодых офицеров в званиях подпоручиков и поручиков. Большинство из них окончили училища уже после русско-японской войны, где можно было отличиться и быть награжденным не зависимо от служебной выслуги. В межвоенные годы они просто не успели заслужить свои первые награды.

Сравнительно большое число наград – от 7-9 – получило всего 10 человек. Среди них явно выделялись генералы, которые провели на службе более 35 лет или около того: генерал-лейтенанты А.М. Бутаков[3], Ф.А.

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1448. Л. 13 об.-14.
[2] Там же. Д. 890. Л. 4 об.
[3] Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е мая 1890 г. С.-Петербург: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1890. С. 601; Список генералам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е июля 1913 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. С. 176.

Волошинов[1] и А.А. Будберг[2], генерал-майора Н.Я. Жданович[3], и А.С. Софиано[4], генерал от кавалерии А.И. Литвинов[5].

Другую подгруппу заслуженных орденоносцев составили немолодые офицеры, отличившиеся в период русско-японской войны: 57-летний полковник 7-й артиллерийской бригады Владимир Васильевич Иванов[6], 47-летний полковник штаба 7-й пехотной дивизии Иосиф Романович Довбор-Мусницкий[7], 45-летний полковник 25-го пехотного Смоленского полка Петр Иванович Дмитриевский[8].

Особая наградная судьба сложилась у полковника Николая Михайловича Иванова. В 1914 г. он в возрасте 56 лет служил в Усмани уездным воинским начальником. По имеющимся данным, в войнах не участвовал, заслужил шесть разнообразных наград, в том числе австрийский и бухарский ордена[9].

В дополнительных данных случайной выборки тамбовских офицеров закономерно наибольшее число наград получил самый возрастной и много повоевавший К.У. Арапов, имевший 16 орденов, 5 из которых были иностранными[10]. Генерал Б.М. Петрово-Соловово заслужил 11 орденов, в т.ч.

---

[1] Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1899 г. С.-Петербург: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1899. С. 202; Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 года. Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. С. 267.

[2] Генералитет российской императорской армии и флота. // URL: http://rusgeneral.ru/gen/b/gen_b1223.html (дата обращения: 29.05.2024).

[3] Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1899 г. С.-Петербург: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1899. С. 288; Список генералам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е июля 1913 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. С. 378.

[4] Список генералам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е июля 1913 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. С. 541.

[5] Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е мая 1890 г. С.-Петербург. 1890: Военная Типография (в здании Главного Штаба), С. 681; Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 года. Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. С. 119.

[6] Список полковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е ноября 1907 г. С.-Петербург: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1907. С. 823; РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 879. Л. 1 об.

[7] Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1914 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. С. 415.

[8] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1019. Л. 1 об.

[9] Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 50961.

[10] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Арапов_Константин_Устинович (дата обращения 09.05.2024).

4, имевших иностранный статус[1]. Командир Собственного Его Императорского Величества Сводного пехотного полка генерал В.А. Комаров был награжден 9 орденами, 1 из которых был иностранный[2]. Однако самым фантастическим набором наград обладал последний комендант Зимнего дворца Владимир Николаевич Воейков, у которого помимо 7 отечественных наград было еще 17 иностранных знаков отличия[3]. При этом стоит отметить, что кроме К.У. Арапова никто из упомянутых генералов не принимал участия в военных кампаниях, а число наград напрямую зависело от прохождения их службы в «хороших» местах и должностях.

Другую часть тамбовских заслуженных орденоносцев составили «боевые» командиры средних лет и чинов. Полковник пехотинец Виктор Григорьевич Есипов до мировой войны к 53 годам заслужил 5 орденов. Дело было не только в длительной службе, но в участии в русско-японской войне 1904-1905 гг.[4]. Полковнику Георгию Николаевичу Венецкому в 1914 г. было на десять лет меньше. К этому времен он имел 6 орденов, 3 из них за бои русско-японской войны[5]. Капитан Савостьянов Федор Николаевич в таком же возрасте на начало мировой войны заслужил 7 наград, в т.ч. Георгиевское оружие и 4 ордена были получены во время русско-японской войны[6].

При обобщении данных о «скорости» получения наград мы исходили из того, что награды офицеры мирного времени получали несколько реже, чем звания. Вполне реалистично предположение о том, что многие офицеры

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Петрово-Солово_Борис_Михайлович (дата обращения: 09.05.2024).

[2] Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1900 г. С.-Петербург: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1900. С. 823; Список генералам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е июля 1908 г. С.-Петербург: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1908. С. 825; Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 г. Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. С. 484.

[3] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Воейков_Владимир_Николаевич (дата обращения: 09.05.2024).

[4] Список капитана по старшинству. Часть первая. Составлен по 1 января 1905 г. С.-Петербург: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1905. С. 210; РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 264. Л. 1 об.

[5] Список подполковникам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1906 г. С.-Петербург: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1906. С. 742; РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 277. Л. 1об.

[6] Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Составлен по 1-е ноября 1912 г. С.-Петербург: Военная Типография (в здании Главного Штаба). 1913. С. 712; РГВИА. Ф.408. Оп. 1. Д.1 3042. Л. 6 об.-7; Исмаилов Э. Э. Золотое оружие с надписью "За храбрость". Списки кавалеров 1788-1913. М. 2007.

начала XX в., не прошедшие военные кампании и не имевшие большой выслуги, вообще не имели наград. Это соответствует справочным данным о наградной системе Русской императорской армии накануне Первой мировой войны[1].

Среди известных по числу наград наименьшую группу составили те, кто получал их быстрее, чем за 5 лет. Треть награжденных офицеров получила свои ордена в среднем за период 5-10 лет. Но большинство изученной группы офицеров награждалось очень редко – в период свыше 10 лет.

Подсчеты доли известных награжденных офицеров по разным родам войск показали небольшой разброс цифр (в интервале 10-20%). Высокой оказалась доля награжденных среди офицеров управлений воинских начальников (более 50%). Это лишнее подтверждение того, что на такие военно-чиновные должности назначали опытных и заслуженных офицеров. С другой стороны, сравнительно немалой была доля офицеров – быстрых получателей наград в пехоте и особенно в артиллерии. Главным объяснением в данном случае могут быть факты, связанные с участием офицеров в военных кампаниях конца XIX– начала XX в.

Поскольку боевые награды всегда были стимулами офицерской службы, несложно предположить, что неизбалованные орденами офицеры тыловых гарнизонов Воронежской, Курской, Тамбовской губерний особо стремились к наградам в годы Первой мировой войны.

Таблица 8. Опыт военных кампаний офицеров гарнизонов Воронежской, Курской, Тамбовской губерний на 1914 г.

Название кампании	Количество участников
Франко-прусская война 1870-1871 гг.	1
Хивинский поход 1873 г.	1
Средняя Азия 1875-1876 гг.	1

[1] Трофимов Н. Н. Высочайшие награды: Наград. правила, выс. утв. 1 авг. 1898 г., с последовавшими в 1900, 1904, 1908, 1909, 1912 и 1915 гг. доп., необходимые извлеч. из т. I, III и IX Свода законов, циркуляры, разъяснения и пр. Петроград: Неофиц. изд., 1916. [8], 164 с.

Кампания 1880 г. и Русско-японская война 1904-1905 гг.	1
Русско-турецкая война 1877-1878 гг.	18
Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и Русско-японская война 1904-1905 гг.	8
Китайский поход 1900-1901 гг. и Русско-японская война 1904-1905 гг.	5
Русско-японская война 1904-1905 гг.	209 (26 в сражениях не были)
Не известно	36
Не участвовали	871

Составлено по: РГВИА. Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб – и обер-офицеров. Коллекция; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Результаты таблицы продемонстрировали, что подавляющее большинство офицеров (871 человек) нашей выборки не имело боевого опыта накануне Первой мировой войны. По объективным причинам не удалось установить наличие боевого опыта еще у 36 офицеров. Эту погрешность базы данных можно считать не большой, всего 3% от общей совокупности.

Самым ярким примером вновь оказался, упомянутый ранее, фон Эзенвейн Гуго Рудольфович, который согласно имеющимся данным, принимал участие во франко-прусской войне 1870-1871 гг.[1], видимо проходя действительную военную службу по призыву в прусскую армию.

Не менее колоритно выглядело участие в Хивинском походе 1873 г. Николая Львовича Буренина, который в 1914 г. в чине генерал-майора занимал должность начальника курского артиллерийского склада[2].

На просторах Средней Азии в походах побывал и Иван Николаевич Епанешников в 1875-1876 гг.[3]. Скорее всего речь идет о военной экспедиции с целью покорения Кокандского ханства. В 1914 г. он занимал должность инспектора артиллерии 5-го армейского корпуса и, разменяв вторую половину шестого десятка, вряд ли готовился к применению боевого опыта в возможной войне.

[1] Список подполковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е марта 1909 г. С.-Петербург: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1909. С. 100.
[2] Список генералам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е июля 1913 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. С. 471.
[3] Там же. С. 347.

В числе участников кампаний XIX в. мы хотели бы упомянуть Павловского уездного воинского начальника Воронежской губернии, полковника Владимира Николаевича Масленникова, который, будучи еще в чине прапорщика принял участие в кампании 1880 г. (скорее всего речь идет о завоевании Туркестана и походе в Ахал-Теке в 1880-1881 гг.). Будучи в чине капитана, он участвовал в русско-японской войне 1904-1905 гг., где получил ранение и был причислен к 3-му классу раненых, что, вероятно, и привело его на данную тыловую должность[1].

Участниками русско-турецкой войны 1877-1878 гг. оказались 26 офицеров нашей выборки, восемь из них, «спустя четверть» века приняли участие в войне с Японией.

В первом военном конфликте России в XX в. приняли участие 5 офицеров. В Китайском походе русской армии 1900-1901 гг. по подавлению восстания ихэтуаней (или «боксерского» восстания) участвовали: старший штаб-офицер 26-го пехотного Могилевского полка, полковник Александр Александрович Агарков[2], штабс-ротмистр 6-го запасного кавалерийского полка Валериан Аполлонович Баркалов[3], подполковник 31-й артиллерийской бригады Леонид Степанович Островский[4], капитан 174-го пехотного Роменского полка Алексей Матвеевич Федоров[5] и капитан Курского артиллерийского склада Глеб Львович Чертов[6]. Позже они стали участниками русско-японской войны.

Помимо них в орбиту войны на Дальнем Востоке (их первый опыт на войне) оказались втянуты еще 209 офицеров, правда, как минимум у 26 из них было отмечено, что в сражениях они не участвовали.

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11979. Л. 1 об.
[2] Там же. Д. 225. Л. 1 об.
[3] Там же. Д. 525. Л. 7 об.
[4] Список подполковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 15-е мая 1913 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. С. 1424.
[5] Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Составлен по 1-е ноября 1912 г. С.-Петербург: Военная Типография (в здании Главного Штаба). 1913. С. 1273.
[6] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 52157. Л. 6.

По мнению П.А. Зайончковского, в ходе русско-японской войны в составе офицерского корпуса обнаружились существенные недостатки: слабая подготовка высшего звена генералитета, отсутствие должного командного опыта у значительной части начальников дивизий и командиров корпусов, а также слабые познания как в теории, так и в современном состоянии военного дела. Перед военным министерством была поставлена задача ликвидировать эти недочеты. К началу Первой мировой войны кое-что в этом направлении было сделано. Принимались, в частности, меры к повышению уровня знаний командиров корпусов и начальников дивизий. Однако общий уровень военных знаний у основных категорий офицерского корпуса (исключая командиров корпусов) изменялся медленно. Так, командиров полков с высшим военным образованием в 1903 г. было 29,8%, а в 1914-м – 39%; начальников дивизий соответственно – 56,5% и 63,2%; командиров корпусов – 57,1% и 90,1%. Принимались также меры по омоложению офицерского корпуса. Если в 1903 г. среди командиров корпусов 67% было старше 60 лет, то в 1914 г. их осталось 10%, среди командиров полков в 1903 г. около половины (49,2%) были старше 50 лет, а в 1914 г. эта категория составляла 27,7%. В меньшей степени изменения коснулись командиров рот, возраст которых был довольно почтенен. Несколько сократилась продолжительность периода пребывания офицеров в этой должности[1].

Более 550 чел. (почти половина выборки) в силу своего возраста могли бы участвовать в войнах последней трети XIX – начала XX в. Но в их подробных биографиях нет данных о боевом опыте. Мы не вправе утверждать, что эти офицеры, находившиеся на службе в данный период, уклонялись от участия в военных действиях. Российская армия располагалась на огромных просторах, часть офицеров могла служить вдали от фронтов.

[1] Зайончковский П. А. Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной // Вопросы истории. 1981. № 4. С. 21-29.

Число неизвестных по факту участия в военных кампаниях до 1914 г. составило 36 офицеров (примерно 3% от изученного круг лиц).

В дополнительно изученной группе офицеров тамбовского происхождения военный опыт имела примерно пятая часть, что совпадает с показателем основной выборки. Примерно еще треть офицеров потенциально по возрасту могла бы участвовать в войнах периода последней трети XIX – начала XX в., но, видимо, служила «не в тех местах». Половина офицеров с тамбовскими корнями по возрасту не попала на русско-японскую войну.

Экзотическим «явлением» представляется боевая судьба уже не раз упоминавшегося генерала К.У. Арапова, которые участвовал еще в Венгерском походе 1849 г. и Крымской войне, продолжал числиться на военной службе вплоть до Первой мировой войны, в ходе которой вряд ли мог приходиться боевой опыт более чем полувековой давности.

Участие в кампаниях и походах некоторых офицеров выглядит весьма колоритно, правда этот опыт вряд ли можно считать пригодным, учитывая его большую давность. Некоторые офицеры, имея отношение к русско-японской войне, не могли «похвастаться» реальным боевым опытом, оставаясь участниками, приписанными к дальневосточной армии, но не вступавшими в сражения. Накануне грядущего «апокалипсиса Европы», русская императорская армия не обладала достаточным количеством командного состава, закаленного в боях, а следовательно реальный опыт предстояло приобретать на полях сражений – кровью.

Забегая вперед, скажем, что наиболее очевидным представляется влияние опыта русско-японской войны на артиллерийских командиров, успешно руководивших войсками в годы Первой мировой войны.

Самым ярким представляется служебный путь Всеволода Порфирьевича Гололобова, который в ходе русско-японской войны получил звание штабс-капитана. Через несколько лет стал капитаном. Накануне Первой мировой войны командовал батареей. Уже за три месяца боев получил звание подполковника за «отличия в делах», а в 1915 г. опять-таки «за отличия в

делах» стал полковником, затем командиром дивизиона. В 1917 г. В.П. Гололобов заслужил звание генерал-майора и должность командира артиллерийской бригады[1].

Леонид Степанович Островский, начинавший русско-японскую войну штабс-капитаном, в ходе боев получил чин капитана (1904 год). После войны дослужился до подполковника и получил должность командира батареи. В период Первой мировой войны стал полковником, командиром дивизиона. В 1917 он удостоился звания генерал-майора[2].

Вероятно, что участие в русско-японской войне помогло засидевшемуся с 1890-х годов капитану Юрию Михайловичу Шейдеману получить в 1905 г. звание подполковника, а в послевоенные годы стать командиром горной батареи, затем полковником по званию. В Первую мировую войну Ю.М. Шейдеман вступил в качестве командира мортирного артиллерийского дивизиона. В ходе войны получал назначения на должность командующего артбригадой, инспектора артиллерии армейского корпуса, инспектора артиллерии армии, командира армейского корпуса тяжёлой артиллерии особого назначения (ТАОН). В 1915-1917 гг. «за отличия в делах» получил звания генерал-майора, а затем генерал-лейтенанта[3].

Героически сражался на русско-японской войне подполковник Владимир Васильевич Иванов. Будучи на передовой, он получил контузию, был в 1905 г. награжден Золотым Георгиевским оружием, в том же году за боевые отличия получил звание полковника. После войны командовал батареей, затем дивизионом, в 1914 г., еще до войны, получил звание генерал-майора за отличие с назначением командиром артиллерийской бригады, во главе которой воевал два года. Возможно, с учетом возраста (59 лет) в октябре

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Гололобов_Всеволод_Порфирьевич (дата обращения: 20.05.2024).
[2] Там же. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Островский_Леонид_Степанович (дата обращения: 20.05.2024).
[3] Там же. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Шейдеман_Юрий_Михайлович (дата обращения: 20.05.2024).

1916 г. назначен инспектором артиллерии 38-го армейского корпуса, т.е. все-таки оставался востребованным[1].

Другой довоенный генерал-артиллерист, Алексей Семенович Софиано, имевший командный опыт русско-японской войны, но до 1914 г. уволенный в запас, в 1915 г. был возвращён на службу и назначен командующим артиллерийской бригадой. И ему возраст (в 1916 г. – 62 года) не позволил служить в строю. В самом конце 1916 г он был назначен в резерв чинов[2].

Предположим, что опыт русско-японской войны позволил нескольким офицерам артиллеристам в годы Первой мировой войны стать полковниками. Об этом говорит стремительность их служебного пути.

Эспер Иванович Башинский в чине поручика участвовал в крупнейших сражениях русско-японской войны под Мукденом и Ляояном, был произведён в штабс-капитаны. Накануне мировой войны получил звание капитана, оставался старшим офицером батареи. Но уже в октябре 1914 г. стал командиром батареи, а в марте 1915 г. - командиром 5-го тяжёлого артдивизиона. После тяжелого ранения и контузии возвратился в строй, в 1917 г. вновь получил должность командира артиллерийского дивизиона[3].

Иосиф Давыдович Ахшарумов в ходе русско-японской войны получил звание поручика. Через несколько лет после войны стал штабс-капитаном. В 1915 г. получил звание капитана «за отличия в делах», был назначен командиром батареи. В 1916-1917 гг. последовательно получил чины подполковника и полковника[4].

Леонид Дмитриевич Андреев в боях русско-японской войны участвовал в звании штабс-капитана. В 1907 г. получил чин капитана. В начале Первой мировой войны стал командующим батареей. Уже в 1914 г. «за отличия в

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Иванов_Владимир_Васильевич_1 (дата обращения: 20.05.2024).
[2] Там же. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Софиано_Алексей_Семенович (дата обращения: 20.05.2024).
[3] Там же. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Башинский_Эспер_Иванович (дата обращения: 20.05.2024).
[4] Русские Балканы. // URL: https://russianserbia.com/show_person?id=931 (дата обращения: 20.05.2024).

делах» был произведен в подполковники. В 1915 г. стал полковником. В 1916 г. Л.Д. Андреев был назначен командиром дивизиона[1].

Александр Федорович Высоцкий в годы русско-японской войны сражался в чине капитана. Вскоре после войны получил чин подполковника и должность командира батареи. В первые годы мировой войны проявил отличие в боях и был произведен в полковники, стал командиром дивизиона[2].

Виктор Иванович Абаза принимал участие в сражениях русско-японской, командуя батареей в чине капитана. За отличие получил звание подполковника (1905). Званием полковника за отличие на фронте удостоился в 1914 г. В ноябре 1914 г. был назначен командующим дивизионом. На этой должности в чине полковника служил до конца войны[3].

Пожалуй, самым стремительным был служебный путь молодого участника русско-японской войны Владимира Сергеевича Рождественского, который тогда являлся подпоручиком. Затем произошел быстрый для мирного времени переход в званиях: поручик в 1906 г., штабс-капитан - 1910 г. На начальном этапе войны он становится капитаном, а вскоре он был произведен в подполковники и назначен командиром мортирного артиллерийского дивизиона[4].

Менее убедительными в сравнении с артиллеристами, но достаточно вероятными представляются предположения о влиянии опыта русско-японской войны на пехотных командиров. Особенно это применимо к офицерам, поднявшимся в годы Первой мировой войны до генеральских званий.

Самым ярким примером мы посчитали служебный путь Петра Ивановича Дмитриевского, который в годы русско-японской войны в чине подполковника служил штаб-офицером для поручений при

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3132. Л. 32 об.
[2] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Высоцкий_Александр_Федорович (дата обращения: 20.05.2024).
[3] Википедия. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Абаза,_Виктор_Иванович (дата обращения: 20.05.2024).
[4] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Рождественский_Владимир_Сергеевич (дата обращения: 20.05.2024).

штабе Квантунской области (в Порт-Артуре) затем стал начальником штаба 4-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады. За оборону Порт-Артура был награждён Золотым Георгиевским оружием. После войны служил начальником штаба 10-й пехотной дивизии. В 1906 гг. был произведён в полковники. С 1912 г. П.И. Дмитриевский командовал 25-м пехотным Смоленским полком, с которым отправился на фронт Первой мировой войны. В 1915 г. был назначен командиром бригады, получил чин генерал-майор. Затем последовательно служил начальником штаба дивизии, армейского корпуса, а с лета 1917 г. командующим сводной пограничной пехотной дивизией[1].

Сергей Ильич Богданович в ходе русско-японской войны был произведён в полковники и назначен начальником штаба дивизии. После войны служил штаб-офицером при управлении 55-й пехотной резервной бригады. С 1910 г. являлся командиром 27-го Витебского пехотного полка. С 1914 г. был участником Первой мировой войны, в 1915 г. произведён в генерал-майоры. В том же году как командир награждён Георгиевским оружием: «За то, что в бою 27 августа 1914 года, под городом Томашевым, командуя полком, входившим в состав левого участка дивизии, лично руководя боем, овладел важнейшим участком противника на Майданском массиве». Затем занимал должности генерала для поручений при командующем 10-й армией и начальника штаба 3-го Сибирского армейского корпуса[2].

Капитан Иосиф Романович Довбор-Мусницкий участвовал в русско-японской войне с 3 февраля 1904 г. в качестве обер-офицера для особых поручений штаба 1-го Сибирского армейского корпуса. В 1904 г. получил звание подполковника. В послевоенные годы занимал крупные штабные посты, получил чины полковника (1908 г.) и генерал-майора в ходе Мировой

[1] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Дмитриевский_Петр_Иванович (дата обращения: 20.05.2024).
[2] Там же. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Богданович_Сергей_Ильич (дата обращения: 20.05.2024); РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14807. Л. 122 об.

войны. В годы Первой мировой войны был командиром стрелкового полка, генералом для поручений при командующем 1-й армией, командующим двух дивизий, начальником штаба 1-й армии, командиром армейского корпуса. В 1917 г. получил звание генерал-лейтенанта[1].

Вряд ли без опыта русско-японской войны смогли за 10 с небольшим лет продвинуться в полковники поручики и подпоручики начала XX в.

Подпоручик Николай Васильевич Жолнир-Жолниржевский звание поручика получил в ходе русско-японской войны, а штабс-капитана в 1909 г. за выслугу лет, и также за выслугу в 1913 г. – капитана. Как участник Первой мировой войны в 1915 г. удостоен чина подполковника «за отличия в делах». В 1916 г. стал полковником, а в 1917 г. был назначен на должность командира пехотного полка[2].

Очень стремительным был служебный путь Михаила Андреевича Звягина, который только в 1902 г. был выпущен из юнкеров в подпоручики. Во время русско-японской войны стал поручиком «за отличия в делах против японцев». Звание штабс-капитан получил в 1909 г. Участвуя в Первой мировой войне, в 1914 г. получил чин капитана «за отличия в делах», в 1915 г. – подполковника, опять-таки «за отличия в делах», в 1916 г. – полковника, в 1917 г. стал командиром пехотного полка[3].

Михаил Лаврентьевич Касюра русско-японскую войну встретил в чине поручика. В ходе боев заслужил чин штабс-капитана (1905). Капитаном он стал в 1909 за выслугу лет. Как участник Первой мировой войны в 1915 г. получил звание подполковника «за отличия в делах», в конце 1916 г. упоминается в чине полковника[4].

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Довбор-Мусницкий_Иосиф_Романович (дата обращения: 20.05.2024).

[2] Там же. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Жолнир-Жолниржевский_Николай_Васильевич (дата обращения: 20.05.2024).

[3] Википедия. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Звягин,_Михаил_Андреевич (дата обращения: 20.05.2024).

[4] Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Составлен по 1-е ноября 1912 г. С.-Петербург: Военная Типография (в здании Главного Штаба). 1913. С. 1369; РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14812. Л. 311 об.; там же. Ф. 3073. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

Алексей Михайлович Лавров отправился на русско-японскую войну в звании поручика. Уже в 1904 г. получил чин штабс-капитана. В 1908 г. стал капитаном. К началу Первой мировой войны оставался в том же чине в 173-м пехотном Каменецком полку. Участник мировой войны. В начале боевых действий «совершил поход в Восточную Пруссию в составе армии генерала Самсонова, где одно время командовал своим полком». С остатками полка пробился из германского окружения, сохранил знамя, как старший из оставшихся в строю офицеров получил приказ вновь сформировать полк. Несмотря на тяжелую болезнь, капитан А.М. Лавров закончил формирование полка и только после этого отбыл на лечение. В 1914 г. был представлен к званию подполковника «за отличия в делах». Вернулся в полк, а в 1915 г. стал полковником[1].

Вероятно, благодаря участию в русско-японской войне сравнительно быстро звание капитана получил Алексей Владимирович Корвин-Круковский (штабс-капитаном был с 1902 г.). Весной 1914 г. получил чин подполковника. В годы Первой мировой войны заслужил «за отличия в делах» звание полковника, в 1915 г. назначен начальником Саратовской школы прапорщиков[2].

Владимир Федорович Карпов стал штабс-капитаном в первый год русско-японской войны. Звание капитана получил «вовремя», в 1908 г. Участвуя в Первой мировой войне, в 1915 г. заслужил чин подполковника («за отличия в делах»), был назначен командиром батальона. В 1916 г. В.Ф. Карпов был произведен в полковники, в 1917 г. стал командиром пехотного полка[3].

Тем не менее, перечисленные офицеры составили примерно десятую часть персонажей нашей базы данных – участников русско-японской войны.

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Лавров_Алексей_Михайлович (дата обращения: 20.05.2024).

[2] Там же. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Корвин-Круковский_Алексей_Владимирович (дата обращения: 20.05.2024).

[3] Канищев В. В. «Смутная биография» в «Смутное время». Боевой путь бывшего офицера Русской императорской армии В.Ф. Карпова от Мировой к Гражданской войне // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 140-144.

Трудно сказать, насколько типично это число, ясно одно, что большая часть офицеров, как показывает военная действительность, не смогли стать большими командирами.

В качестве специфического опыта не вполне считающегося боевым, мы решили отметить факты участие офицеров изученных гарнизонов в подавлении волнений революции 1905-1907 гг. Условно мы назвали это контрреволюционным опытом.

Считаем важным учесть эту сторону биографий изучаемой группы офицеров в данной работе, поскольку она не могла не проявиться в военно-революционную эпоху 1914-1922 гг.

Вполне можно предположить, что крестьяне трёх губерний, призванные на Первую Мировую войну, помнили те воинские части, которые в 1905-1907 гг. участвовали в усмирении и наказании сельских бунтарей. Ясно, что такие солдаты воспринимали всех офицеров этих воинских частей как людей чуждых, что, конечно, сказалось во фронтовой жизни и особенно в революционных событиях 1917-1918 гг.

Мы не ставили задачей специально точно выяснить участие офицеров нашей когорты в подавлении народных выступлений периода Первой российской революции. Только отобрали некоторые убедительные факты.

Особенно отметим участие офицеров 6-го запасного кавалерийского полка, который дислоцировался в Борисоглебске Тамбовской губернии, и который участвовал в подавлении крестьянских волнений 1905-1906 гг. в окрестных селах. В полку продолжали служить в 1914 г. не менее пяти представителей нашей выборки. Понятно, что они могли остаться в памяти «поротых» крестьян Борисоглебского уезда.

Другие офицеры нашей когорты к 1914 г. также имели подобный силовой опыт.

Заметным было участие в этом процессе 7-го запасного кавалерийского полка, дислоцировавшегося в Тамбове. Уже весной первого года революции представители полка участвовали в аресте и сопровождении в губернскую

тюрьму участников забастовки учащихся средних учебных заведений города. Арестованным и наблюдавшей публике особо запомнился один из офицеров сопровождения, очень грубо обращавшийся с задержанными молодыми людьми и девушками[1].

В хронике революционных событий 1905 г. сравнительно часто упоминается участие этого кавалерийского полка в подавлении крестьянских волнений в разных частях Тамбовской губернии[2].

Мы обратили внимание на семерых офицеров, которые служили в полку в 1905 г. и оставались здесь на службе на 1914 г. Конечно, они помнили об участии в подавлении крестьянских выступлений и соответственно понимали то, что это запомнили те, кого они усмиряли. Все эти «классовые» чувства и настроения могли породить конфликты между офицерами и солдатами из тамбовского «простонародья», которые в годы мировой войны призывались на службу в 7-й запасной кавалерийский полк.

Особое внимание мы обратили на штабс-ротмистра этого полка Н.В. Дьякова, который был помещиком Тамбовской губернии[3] и по определению лицом, заинтересованным в недопущении новых крестьянских волнений.

Особым обстоятельством стало то, что офицеры 7-го кавалерийского полка в 1906 г. прошли испытание во время восстания собственных солдат в самом Тамбове, которые проявили недовольство условиями службы и конкретными офицерами. Мы не стали специально изучать обстоятельства восстания. Отметим только факты, которые говорят о том, что офицеры полка растерялись и были не готовы подавлять его. С другой стороны, выслужившиеся командиры приобрели злопамятное недоверие солдат. Отдельно заметим, что артиллеристы Тамбовского гарнизона вообще отказались стрелять в восставших[4].

---

[1] 1905. Хроника революционных событий Тамбовской губернии. Тамбов: Тип. "Пролетарский Светоч", 1925. С. 21, 22.

[2] Там же. С. 25, 27 и др.

[3] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2221. Л. 5 об.

[4] Свиридов А. И. Восстание 7-го запасного кавалерийского полка в Тамбове // Вопросы исторического краеведения Тамбовской области. Тамбов. 1986. С. 14-15.

«Контрреволюционный опыт» имели и воронежские кавалеристы, о чем в немалой мере речь идёт в хронике революционных событий этой губернии[1]. Вполне вероятно, что усмирители служили во 2-м и 4-м запасных кавалерийских полках, которые и в 1914 г. продолжали оставаться в Острогожском и Бобровском уездах Воронежской губернии.

Большинство полков изученных гарнизонов не принимали участие в подавлении волнений периода Первой русской революции. Поэтому контрреволюционность офицеров в 1905-1907 гг. не следует преувеличивать. Но о ней нельзя и забывать, поскольку, как мы увидим в дальнейшем, те же части и те же офицеры приняли участие в подавлении крестьянских и других выступлений в 1917 г. Возможно предполагать и то, что боязнь отмщения за 1905 г. толкнула кого-то из офицеров в «белый» лагерь периода Гражданской войны.

К сожалению, нам удалось выявить минимальное количество описательных свидетельств о профессиональных качествах представителей изучаемого круга офицеров Воронежской, Курской и Тамбовской губерний.

Среди выявленных интересны характеристики преподавателей Воронежского кадетского корпуса, включенные в книгу воспоминаний одного из выпускников этого начального учебного заведения А. Маркова[2].

В частности, мемуарист дал характеристику подполковников Михаила Клавдиевича Паренаго и Николая Иосифовича Садлуцкого.

Первого Марков назвал гордостью корпуса и запечатлел его таким образом: «Крепкий и бравый, с лихо закрученными русыми усами и бородкой под Генриха IV, Паренаго, как воспитатель и педагог, стоял на большой высоте этого трудного дела и умел внушить кадетам своего отделения горячую к себе любовь и глубокое уважение, не прибегая для этого ни к строгостям, ни к

[1] Степынин В. А. Хроника революционных событий в деревне Воронежской губернии. 1861-1917 гг. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. 1977. С. 42, 106, 113, 120, 131 и др.
[2] Марков А. Кадеты и юнкера. Буэнос-Айрес, 1961. // URL: http://www.kadet.ru/library/litera/Markov.htm (дата обращения 09.05.2024).

панибратству. Говорил он всегда медленно, с расстановкой и мы его слушали всегда с напряженным вниманием, не пропуская ни одного слова»[1].

Садлуцкого автор воспоминаний характеризовал следующим образом: «Жизнерадостный холостяк, человек добродушный и веселого характера, он чрезвычайно щепетильно относился к нуждам и интересам своих кадет, весьма о них заботился он сумел внушить своим воспитанникам любовь и уважение к армии и службе в ней»[2].

Косвенным подтверждением высокого уровня профессионализма Н.И. Садлуцкого можно считать окончание им столичного 1-го военного Павловского училища, а также достижения звания подполковника в возрасте до 40 лет.

Специфическим был профессионализм М.К. Паренаго, который первоначально окончил Александровское военное училище. Некоторое время служил в расквартированном в Воронеже Скопинском резервном батальоне. Затем получил образование в Центральном училище техники рисования барона Штиглица. Вполне закономерно он служил офицером-воспитателем и преподавателем рисования Воронежского кадетского корпуса. До 40 лет сумел получить звание подполковника, до которого не добиралось большинство строевых офицеров[3].

Своеобразно военно-профессиональные качества проявлялись у будущего генерала Николая Митрофановича Ремезова, который до войны занимал разные должности. По окончании 3-го военного Александровского училища он несколько лет прослужил пехотным офицером, а затем был назначен офицером-воспитателем 4-го Московского кадетского корпуса. В этой должности дослужился до звания подполковника. Благодаря его, как это сейчас принято называть, деятельности по военно-патриотическому воспитанию, Н.М. Ремезов был известен не только в военных кругах Москвы,

---

[1] Марков А. Кадеты и юнкера. Буэнос-Айрес, 1961. // URL: http://www.kadet.ru/library/litera/Markov.htm. (дата обращения: 13.05.2024).
[2] Там же. (дата обращения: 13.05.2024).
[3] Воронежская энциклопедия. // URL: https://vrnency.ru/vol-2/ve-2-p/b-00053-p?ysclid=lw59rudd6f277642654 (дата обращения: 13.05.2024).

но и во всем московском обществе. И все же он больше отличился как боевой командир. Во время русско-японской войны за мужество и героизм подполковнику Ремезову было присвоено звание полковника и орден святого Станислава 2-й степени с мечами. В 1907 г. он был назначен командиром 220-го пехотного резервного Епифанского полка, затем 7-го гренадерского Самогитского полка. В 1914 г. Н.М. Ремезову в возрасте 49 лет было присвоено звание генерал-майора. Он получил новое назначение командиром 2-й бригады 10-й пехотной дивизии[1].

В случайной выборке офицеров-уроженцев Тамбовской губернии описание личных качеств встречается у будущего генерала, героя Первой мировой войны, боевого летчика Ивана Степановича Стрельникова. В книге В.М. Ткачева, который накануне войны был его непосредственным начальником, приводятся упоминания о поручике И.С. Стрельникове, который судя по тексту был весьма прямолинеен и открыто выражал свое недовольство в отношении начальства, не проявлявшего должного внимания к вопросам содержания аэропланов и подготовке взлетно-посадочных полос[2].

Еще один офицер из «тамбовской» выборки, генерал-майор Дмитрий Павлович Колосовский, был удостоен характеристик со стороны своих подчиненных во время строительства Гродненской крепости, которое началось в 1912 г. Так, один из его подчиненных, штабс-капитан Л.Б. Ястржембский охарактеризовал Д.П. Колосовского: «как очень энергичного человека и хорошего фортификатора». Известный русский, а впоследствии советский военачальник А.А. Свечин назвал Д.П. Колосовского: «Слишком опытный в крепостном строительстве военный инженер»[3].

Обобщая материалы главы, отметим, что в целом источники позволили нам определить достаточно типичные показатели социально-

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Ремезов_Николай_Митрофанович (дата обращения: 13.05.2024).

[2] Ткачев В. М. Крылья России. Воспоминания о прошлом русской военной авиации. 1910-1917. Спб: Гуманитарный издательский центр «Новое культурное пространство». 2007. С. 231-232.

[3] Цит. по. Лютик Д. В. Неизвестная крепость Российской империи. Историческая реконструкция событий: [монография] / Д. В. Лютик, С. А. Пивоварчик, А. Р. Семенчук; науч. ред. В.И. Калинин. Гродно: ЮрСаПринт. 2014. С. 100.

профессионального облика из нескольких выборок кадровых офицеров. Важнейшим для понимания дальнейшего жизненного пути изученных групп кадровых офицеров в военно-революционный период явились данные о наличии только у части из них боевого и «контрреволюционного» опыта до 1914 г. К сожалению, выявленные документы не позволяют охарактеризовать профессиональные качества большинства изученного круга людей. Однако это не имеет принципиального значения для нашей темы, поскольку реальное их проявление могло быть только в условиях войны и выражалось в конкретных действиях на фронте и в тылу.

Глава 2. Судьбы офицеров провинциальных гарнизонов в годы Первой мировой войны (1914-1916 гг.)

В названии главы мы сознательно не указываем регионы службы, поскольку в ходе событий военного времени офицеры изучаемого нами круга перемещались по различным фронтам и тыловым территориям. Кроме того, с данной главы в работу добавляются данные об офицерах военного времени, пополнявших кадровые части, которые ушли на фронт из Тамбовской губернии. Сознательно выделен период до 1917 г., время, когда бурные революционные события еще не оказывали прямого влияния на армию.

2.1. Количественные характеристики служебного пути в первые годы мировой войны

Материалы созданных нами баз данных кадровых и офицеров военного времени позволили изучить конкретные проявления участия избранного круга лиц в Первой мировой войне и количественно достаточно четко обсчитать их.

Таблица 9. Соотношение возраста и характера участия в Первой мировой войне кадровых офицеров Воронежской, Курской, Тамбовской губерний

Возраст /Военная судьба	Фронт	Фронт -тыл	Фронт-тыл-фронт	Тыл	Тыл-фронт	Тыл-фронт-тыл	Нет	Неизвестно	Всего
19-23	23	15	2	2	6	1	-	1	50
24-33	122	125	2	57	103	10	1	5	425
34-43	80	85	1	60	49	2	1	6	284
44-53	42	48	4	77	32	-	-	7	210
54-63	17	12	-	38	6	1	2	2	78
св.63	-	-	-	-	1	-	-	1	2

Неизвестно	48	18	-	11	20	3	-	2	102
Всего	332	303	9	245	217	17	4	24	1151

Составлено по: РГВИА. Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб – и обер-офицеров. Коллекция; Ф. 16196. Особое делопроизводство по сбору и регистрации сведений о выбывших за смертью или за ранами, а также пропавших без вести воинских чинах, действующих против неприятельских армий (1914-1918); Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат); Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Описывая характер участия офицеров нашей выборки в войне, мы делаем некоторые пояснения. Фронтовиками мы посчитали офицеров, находившихся непосредственно на передовой. Поскольку в истории нам известна масса примеров объявления фронтовиками всех участников той или иной войны, мы подчеркиваем, что имеем в виду только участников боевых действий. В категорию тыловых офицеров, помимо находившихся в глубоком тылу, мы включили офицеров, служивших на штабных должностях дивизий, корпусов, армий и военных округов, а также проходивших службу в обозных и других вспомогательных прифронтовых подразделениях.

Прежде всего, данные, представленные в таблице 9, показывают практически полный объем информации об участии представителей нашей выборки в мировой войне. Доля лиц с неизвестной военной судьбой составила немногим более 2%. Соответственно, можно точно говорить об участии в войне 1127 из изученных 1151 человек.

Учитывая малую вероятность уклонения от военной службы кадровых офицеров, мы предполагаем, что какая-то их часть не попала в изученные нами источники. Вполне вероятно, что эти люди не попали в списки убитых, раненых, пленных или без вести пропавших, списки получивших награды или новые воинские звания и должности, а после роспуска императорской армии оказались «на гражданке» и выбыли совсем из поля зрения военных учреждений.

Выявлено, что 4 человека из изученных Адрес-календарей 1914 г. в мировой войне участия не приняли. Мы определяем эти факты как явные источниковые казусы. Так, полковник В.А. Боде попал в Адрес-календарь Тамбовской губернии 1914 г., вероятно потому, что справочник составлялся

до декабря 1913 г., когда этот офицер был уволен в отставку по возрастному цензу (ему было 57 лет) с мундиром и с производством в генерал-майоры[1]. Более печальные казусы произошли с числившимися в том же Адрес-календаре ротмистром 3-го запасного кавалерийского полка А.В. Заркевичем, который умер в январе 1914 г.[2], и поручиком 7-го запасного кавалерийского полка Н.В. Фомичевым, умершим в мае 1914 г.[3] Аналогичные казусы имели место в биографии одного из воронежских офицеров. А.А. Гоштовт умер в 1913 г., но в 1914 г. продолжал числиться подполковником 2-го запасного кавалерийского полка в Острогожске[4].

Мы сознательно включили в таблицу графы, которые отразили разные формы характера участия, затем их сочетания и, наконец, процентные показатели пребывания на фронте или в тылу представителей нашей выборки. Это разнообразие показывает, что даже в условиях войны у кадровых офицеров возможны были варианты в выборе жизненного пути.

Таблица со всей определенностью показывает, что 76% фигурантов базы данных кадровых офицеров в той или иной мере побывали на фронте. Почти 30% весь период 1914-1916 гг. находились на фронте. Только в тылу провели войну до конца 1916 г. немногим более 20% изученного круга лиц. В отдельном параграфе мы рассмотрим вопрос об офицерах-тыловиках.

В принципе несложно объяснить движение офицеров, начавших войну в тылу, а позже оказавшихся на фронте. В первую очередь с большой долей вероятности можно объяснить пребывание в тылу необходимостью для формирования полков и батальонов развернутых при начале мобилизационных мероприятий, для которых выделялись кадровые офицеры регулярных частей.

В качестве примера можно привести полковника А.И. Соболева из 27-го пехотного Витебского полка, который с началом мобилизации был

[1] Генералитет российской императорской армии и флота. // URL: http://rusgeneral.ru/gen/b/gen_b874b.html (дата обращения: 22.05.2024).
[2] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 51087. Л. 3 об.
[3] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2221. Л. 12 об.-13.
[4] Там же. Д. 561. Л. 1 об.-2.

откомандирован на формирование нового 235-го пехотного Белебеевского полка, командиром которого он стал с 18 июля 1914 г.[1] Полковник Б.Н. Яхонтов возглавил 244-й Красноставский пехотный полк, в который его перевели из 40-го Колыванского пехотного полка с первого дня мобилизации[2].

Воронежские капитаны из 25-го пехотного Смоленского полка Г.П. Волков, А.Т. Лубянский, В.А. Роде и А.В. Сыченко со дня мобилизации убыли в формируемый на базе их части 233-й пехотный Старобельский полк[3].

Для выяснения обстоятельств перемещения некоторых офицеров с фронта в тыл мы специально изучили связь этих фактов с данными о ранениях и болезнях. Выяснилось, что почти 100 человек вернулись в тыл после ранения или болезни и продолжили там службу. Еще 12 офицеров были прикомандированы к обозным частям, нахождение которых на передовой установить сложно.

В качестве типичной представим военную биографию А.Л. Жмурина, служившего до войны подполковником в 31-й артиллерийской бригаде в Белгороде. В 1915 г. за отличия «в делах» боевой артиллерист получил звание полковника, но вскоре «за ранами» был отправлен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа, а в 1916 г. возглавил дивизион 1-й запасной артиллерийской бригады[4].

Специальный анализ соотношения характера участия в войне с возрастами кадровых офицеров подтвердил очевидную связь двух показателей. Из таблицы 9 хорошо видно, что более половины офицеров 10-летних возрастных групп в общем интервале 19-53 года провели войну на фронте.

Неожиданно высоким оказался процент побывавших на фронте офицеров в возрасте свыше 53 лет – около трети всей выборки кадровых офицеров. Конечно, нужно конкретно изучать местонахождение этих

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2190. Л. 2 об.-3; там же. Д. 15289. Л. 1 об.
[2] Там же. Д. 3024. Л. 2 об.-3.
[3] Там же. Д. 9412. Л. 5 об.-7; там же. Д. 14221. Л. 10 об.-12.
[4] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Жмурин_Александр_Львович (дата обращения: 25.05.2024).

участников войны, среди которых было немало командиров, служивших далеко от окопов. Так, генерал-лейтенант И.Н. Епанешников с февраля по август 1915 г. состоял в резерве чинов при штабе Двинского военного округа[1]. Полковник В.И. Дмитриев на 1916 г. служил в штабе 6-й армии[2]. Генерал-лейтенант А.И. Литвинов в возрасте 61 года, начал войну в составе 5-го армейского корпуса, а с ноября 1914 г. возглавил 1-ю армию вместо П.К. Ренненкампфа. Конечно, он бывал на передовой, подтверждением чему служит награждение орденом святого Георгия 4-й степени[3].

Но даже исполнение командных обязанностей, не связанных с постоянным нахождением на передовой, было напряженным делом для возрастных офицеров. Полковник А.С. Монвиж-Монтвид, 55 лет, начал войну командиром дивизиона 7-й артиллерийской бригады. Постоянно находился близко к линии фронта. Был контужен в январе 1915 г., но оставался в строю, по меньшей мере, до августа 1916 г.[4]

Командир 26-го пехотного Могилевского полка Г.А. Койшевский как минимум до начала 1915 г. (до 56 лет) командовал полком, который вел тяжелые бои. Но уже с августа 1915 г. состоял в резерве чинов при штабе Двинского военного округа[5].

А.-В.-Ф.А. Мокржецкий мужественно воевал как командир 40-го пехотного Колыванского полка, был ранен, назначен в резерв Минского военного округа, а затем начальником 91-й бригады государственного ополчения (в 1915 г. - 59 лет)[6].

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Епанешников_Иван_Николаевич (дата обращения 25.05.2024).

[2] Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е августа 1916. Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1916. С. 118.

[3] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Литвинов_Александр_Иванович (дата обращения 25.05.2024).

[4] Там же. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Монвиж-Монтвид_Александр_Станиславович (дата обращения 25.05.2024).

[5] Там же. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Койшевский_Генрих_Александрович (дата обращения: 25.05.2024).

[6] Там же. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Мокржецкий_Адам-Викентий-Фелициан_Александрович (дата обращения: 25.05.2024).

П.А. Тихонович (в 1914 г. - 56 лет) начал войну командиром 1-й бригады 7-й пехотной дивизии, был награжден Георгиевским оружием за отличия. В январе-августе 1915 г. являлся командующим 26-й пехотной дивизией. Но «за болезнью» был переведен в резерве чинов при штабе Двинского военного округа. Однако в ноябре 1916 г. назначен командующим вновь созданной 128-й пехотной дивизией. Судя по всему, даже в не фронтовых условиях служба для 59-летнего человека была нелегкой, в 1917 г. он умер[1].

Подполковник В.В. Весич также в 56 лет отправился на фронт в составе своего 174-го пехотного Роменского полка. Воевал отважно. Заслужил за отличия звание полковника. Несмотря на ранение, до 1916 г. оставался в полку[2].

Д.И. Малукалов на 1914 г. подполковник, командир батальона 26-го пехотного Могилевский полка, в 1915 г. был ранен, вернулся в строй, в самом начале 1917 г. в 56 лет заслужил Георгиевское оружие и звание полковника[3].

Подполковник Н.М. Барсов начал войну командиром батальона 25-го Смоленского пехотного полка, уже в 1914 г. был ранен. В 1915 г. награжден Георгиевским оружием. В 1916 г. произведен в полковники. В том же году был ранен, остался на поле сражения, где был взят в германский плен. В это время ему было 57 лет[4].

56-летний полковник М.Г. Писанко еще до войны был назначен командиром 24-го пехотного Симбирского полка, в августе 1914 г. вступил во главе полка в боевые действия в Восточной Пруссии, уже в первых боях был дважды ранен[5].

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Тихонович_Петр_Андреевич (дата обращения: 25.05.2024).
[2] Русская армия в Первой мировой войне. // URL: http://www.grwar.ru/persons/person/10718 (дата обращения: 29.-5.2024).
[3] Там же. // URL: http://www.grwar.ru/persons/person/12790 (дата обращения: 29.05.2024).
[4] Там же. // URL: http://www.grwar.ru/persons/person/10520 (дата обращения: 29.05.2024).
[5] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Писанко_Михаил_Григорьевич (дата обращения: 29.05.2024).

С большой долей вероятности, можно предполагать, что какая-то часть возрастных офицеров (свыше 50 лет) физически была не в состоянии участвовать в войне и покинула армию до ее окончания.

Так, генерал-майор А.А. Будберг, 57 лет, служивший в 1914 г. в Воронеже, в управлении 3-й отдельной кавалерийской бригады, в июне 1914 г. был уволен в отставку с производством в генерал-лейтенанты. Осенью 1916 г. был возвращен на службу и состоял в резерве чинов при штабе Киевского военного округа, но летом 1917 г. был снова уволен в отставку[1]. У других пожилых офицеров, получивших в годы войны отставку, состояние здоровья не указано. Но возрастные данные позволяют предполагать невозможность нести военную службу даже в тылу: генерал-лейтенанту И.Н. Епанешникову, как мы уже упоминали, накануне войны был 61 год, носителю того же звания Н.Л. Буренину – 63 года, еще одному генерал-лейтенанту Н.Я. Ждановичу – 57 лет, полковнику Ф.Е. Войцеховскому – 60 лет.

Интересно заметить, что немалый возраст некоторых командиров был заметен более молодым сослуживцам. Полковник Б.В. Геруа, которому в 1916 г. было 40 лет, вспоминал, что осенью того года на командование полком на Юго-Западном фронте его благословил «старик-артиллерист» генерал Иванов[2]. Возможно, он имел ввиду уже упоминавшегося Владимира Васильевича Иванова, командующего 25-й артиллерийской бригадой, которому тогда было 59 лет. Вероятно, именно с учетом возраста в октябре 1916 г. В.В. Иванов был назначен инспектором артиллерии 38-го армейского корпуса, с апреля 1917 г. состоял в резерве чинов при штабе Минского военного округа, а осенью того же года уже находился в Тамбове, где жила семья и откуда он уходил на фронт[3].

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 13304. Л. 1 об.; Потемкин Е. Л. Высшие чины Российской империи (22.10.1721 - 02.03.1917). Биографический словарь. М.: Б.и., 2019. Т.1. С. 281; Генералитет российской императорской армии и флота. // URL: http://rusgeneral.ru/gen/b/gen_b1223.html (дата обращения: 29.05.2024).

[2] Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни: в 2 т. Т. 2. Париж: «Танаис», 1970. С. 12.

[3] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php?title=Иванов_Владимир_Васильевич_1 (дата обращения: 29.05.2024).

Но все-таки возраст не всегда играл определяющую роль. Среди сравнительно молодых офицеров, вышедших в отставку без указания на ранения, в нашей базе данных оказались полковник Н.К. Шпейер, 49 лет[1], капитан В.Р. Былинский, которому в 1914 г. был 41 год (находился в тылу, в отставку вышел по болезни)[2]. Еще моложе был штабс-капитан К.К. Машков, который с фронта в 1916 г. был уволен в отставку в возрасте 36 лет. При этом причина не уточнялась, а данные о ранениях отсутствовали[3].

Очевидными предстают высокие проценты пребывания в тылу всю войну офицеров в зависимости от возраста. При всем уважении к воинским заслугам офицеров старше 54 лет отметим, что более половины из них не побывали на фронтах Первой мировой войны. Специально обстоятельства службы в тылу в годы этой войны мы рассмотрим в отдельном параграфе.

Дополнительно мы решили привести данные об офицерах тамбовского происхождения. В выявленной на данный момент случайной выборке среди 270 человек оказалось только 16, которые в 1914-1918 гг. не числились ни на фронте, ни в тылу. Эти цифры в очередной раз подтверждают, что большинство офицеров образца 1914 г. приняли участие в Первой мировой войне.

Таблица 10. Соотношение возраста и военной судьбы кадровых офицеров Воронежской, Курской, Тамбовской губерний

Возраст /военная судьба	Цел	Болен	Ранен	Погиб	Умер	Плен	Выбыл по неизвестным причинам	Пропал без вести	Нет	Неизвестно	Всего

[1] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Шпейер_Николай_Карлович (дата обращения: 29.05.2024).
[2] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Былинский_Вячеслав_Ромуальдович (дата обращения: 29.05.2024).
[3] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 10057. Л. 10 об.

19-23	22	5	11	7	2	1	-	-	-	2	50
24-33	132	23	168	30	19	24	7	4	2	16	425
34-43	107	11	93	22	14	12	3	1	1	18	284
44-53	103	19	41	7	14	10	3	-		13	210
54-63	40	2	15	7	5	1	1	-	1	6	78
св.65	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2
Неизвестно	30	6	24	13	9	12	3	-	-	5	102
Всего	435	66	353	86	63	60	17	5	4	62	1151

Составлено по: РГВИА. Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб – и обер-офицеров. Коллекция; Ф. 16196. Особое делопроизводство по сбору и регистрации сведений о выбывших за смертью или за ранами, а также пропавших без вести воинских чинах, действующих против неприятельских армий (1914-1918); Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат); Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Примечания: показатели военной судьбы посчитаны по последнему значению.

В первую очередь отметим высокую степень полноты сведений по данному показателю. Неизвестных по характеру участия в войне в выборке оказалось менее 6%.

Для выявления судеб офицеров-участников большой войны мы в первую очередь решили выяснить, скажем так, степень выживаемости персонажей нашей выборки. Расчеты показали, что 40% этих офицеров остались полностью «целы», т.е., судя по нашим документам, не были убиты, ранены или больными в результате пребывания в воюющей армии. К ним предположительно можно добавить некоторую часть офицеров, чья судьба оказалась неизвестной к концу 1916 г.

Точное число безвозвратных потерь (погибших, умерших от ран, умерших в годы войны по другим причинам) от общей численной изученной совокупности офицеров составило 13%. Сюда можно добавить почти такое же число офицеров с неопределенной судьбой: неизвестные вообще по военной судьбе, попавшие в плен без данных о возврате, пропавшие без вести.

Мы провели сравнение своих данных с представленными в литературе сведениями о потерях среди офицеров русской армии в годы мировой войны. Известный советский демограф Б.Ц. Урланис писал, что на 100 офицеров количество убитых составляло 8,29 человека[1].

[1] Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 510-511.

Современный исследователь И.В. Варзаков пишет, что утверждения о гибели большей части офицеров не имеют под собой достаточных оснований. По его расчетам, основанным на анализе источников, безвозвратные потери кадрового русского офицерства в Первой мировой войне составили порядка 35%[1]. Наши данные, которые также основаны на совершенно конкретных источниках, свидетельствуют о погибших и неизвестных по военной судьбе около 25% представителей типичной выборки кадрового офицерства. Наши цифры, как и данные других историков, отличаются от «абстрактных» подсчетов демографов, полученных без учета конкретных исторических документов.

Если к числу безвозвратных потерь и неизвестных по судьбе добавить данные о больных и раненых, то показатель пострадавших на войне офицеров, изученной нами группы составит примерно 60%.

Мы специально показали в таблице различные варианты сочетаний военных судеб. Так, соотношение убитых и раненых у офицеров нашей когорты равняется 1 к 4.

Для уточнения многогранности военных судеб наших офицеров мы решили привести, скажем так, необычные факты гибели и смерти некоторых из них, в том числе от не боевых причин.

Общеизвестно, что во время Первой мировой войны массово были применены отравляющие газы. В нашей выборке оказалось несколько офицеров, пострадавших от германских газовых атак. Полковник 21-го Сибирского стрелкового полка Н.А. Троицкий в июне 1915 г. умер от удушливых газов[2]. От отравления газами в сентябре 1916 г. умер капитан 173-го пехотного Каменецкого полка И.А. Разумов[3]. Еще несколько известных нам офицеров получили несмертельные отравления и считались ранеными. В следующем параграфе мы подробнее рассмотрим фронтовые обстоятельства,

---

[1] Варзаков И. В. Комплектование командного состава отечественных вооруженных сил в 1861-1920 гг. (сухопутные войска): автореф. дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 2012. С. 22.

[2] РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7529-Т.

[3] Там же. Номер ящика. 7510-Р.

в которых воинские части с офицерами нашей выборки подвергались газовым атакам.

Штабс-капитан А.В. Каменев из 234-го пехотного Богучарского полка[1] и капитан В.Д. Бурский из 21-го мортирного артиллерийской дивизиона[2] умерли в период пребывания на фронте от кровоизлияния в мозг.

От кишечных заболеваний умерли на фронте зауряд-полковник 247-го пехотного Мариупольского полка П.П. Козминский (от дизентерии)[3] и полковник 23-го саперного батальон А.В. Вехновский (от паратифа)[4]. К сожалению, распространение инфекций во фронтовых условиях было заметным явлением. А вот смерть от рака уже в сентябре 1914 г. капитана 233-го пехотного Старобельский полка Г.П. Волкова сложно напрямую связать с еще недолгими военными действиями[5]. Хотя, конечно, у 51-летнего человека фронт мог спровоцировать быстрое развитие тяжелого заболевания.

В изученной группе офицеров было выявлено два факта смерти в плену: поручик 28-го пехотного Полоцкого полка П.А. Давидович умер 3 января 1915 г. Из-за невнятно внесенных в карточку записей можно предположить, что смерть наступила в следствии раны, полученной в бедро[6]. Также в плену скончался капитан 40-го пехотного Колыванского полка Л.И. Томс[7].

Совершенно особый случай явила судьба корнета А.Е. Гейбовича из 14-го гусарского Митавского полка, который утонул в сентябре 1914 г.[8] Однако эта гибель не покажется странной для молодого офицера, если учесть, что утонул он во время боевой переправы через большую реку Висла в начале крупной Варшавско-Ивангородской операции.

При сопоставлении фронтовой судьбы с возрастами офицеров выяснилась, казалось бы, неожиданная закономерность: повышение уровня

[1] РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7464-К.
[2] Там же. Номер ящика. 7435-Б.
[3] Там же. Номер ящика. 7470-К.
[4] Там же. Номер ящика. 7438-В.
[5] Там же. Номер ящика. 7440-В.
[6] Там же. Номер ящика. 7448-Д.
[7] Там же. Номер ящика. 7528-Т.
[8] Там же. Номер ящика. 7443-Г.

выживаемости от младших возрастов к старшим возрастным группам. Но если вспомнить раннее приведенные факты обратной пропорции возраста и пребывания на фронте, то будет понятна высокая выживаемость возрастных офицеров.

Понятны и высокие показатели потерь молодых офицеров, которые в первых рядах сражались на передовой.

Факты гибели и смерти офицеров старше 53 лет требуют конкретного объяснения. Пример печальной судьбы генерала-майора П.А. Тихановича мы уже приводили. Подполковник В.Н. Лебедев оказался на фронте в возрасте 54 лет в составе своего 25-го пехотного Смоленского полка. Уже в декабре 1914 г. по болезни (грыжа паха) был отправлен в госпиталь, но вернулся на передовую и был убит в бою в марте 1916 г.[1] Подполковник И.В. Копытов воевал на передовой в составе 27-го пехотного Витебского полка, погиб в начале 1915 г.[2] Ему было более 55 лет. 56-летний А.Я. Картвелов начал войну командиром батальона 40-го пехотного Колыванского полка. В боях лета 1915 г. был дважды ранен, долго лечился. В начале 1916 г. с учетом состояния здоровья был признан ограниченно годным к несению строевой службы в войсках в военное время. В марте 1916 г. был назначен командиром 25-го Кавказского обозного батальона военного времени. Однако вскоре умер от ран[3].

Для широкого представления судеб людей в военных условиях мы обратили определенное внимание на не старых офицеров (до 50 лет), которые перенесли различные заболевания, казалось бы, напрямую не связанные с участием в военных действиях.

Боевые причины болезней – травм можно только предполагать у поручика 12-й отдельной саперной роты М.Д. Ершова[4] и капитана 23-го

---

[1]РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 4598-Л; там же. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1198. Л. 143 об.

[2] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2754. Л. 2 об.-3.

[3] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Картвелов_Александр_Яковлевич (дата обращения: 29.05.2029).

[4] РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7368-Е.

саперного батальона Е.И. Смирнова[1], у которых был зафиксирован перелом ног.

Капитан 26-го пехотного Могилевского полка Ф.П. Духовский перенес операцию геморроя[2]. Поручик 243-го пехотного Холмского полка В.А. Мощен серьезно заболел на фронте бронхитом[3]. В.А. Семенихин, штабс-ротмистр 4-го гусарского Мариупольского полка, испытал проявления простатита[4]. У штабс-капитана 234-го пехотного Богучарского полка В.Ф. Пахаловича на фронте был установлен катар желудка и малокровие[5], а у полковника С.В. Волкова из 233-го пехотного Старобельского полка за годы войны, помимо правосторонней паховой грыжи и желудочного заболевания колита, выявились еще и сердечные проблемы – миокардит[6].

В базе данных упоминается 60 фактов, связанных с пребыванием ее «фигурантов» в плену. Стоит отметить, что обстоятельства попадания в него описывались в картотеках потерь с разной степенью полноты. Мы посчитали интересным обратиться к разнообразию вносимых записей в бюро учета потерь перед конечной формулировкой – плен. При чем практически всегда указывалась сторона, пленившая конкретного офицера. В нашем случае на печати значились Австрия или Германия.

Приведем несколько необычных примеров с неясными формулировками судьбы пленных. У одного офицера – поручика П.А. Булгакова в карточке было указано возвращение из плена[7]. Хотя куда именно возвратился Петр Андреевич Булгаков установить так и не удалось. У капитана Н.К. Порохина было записано «вернулся лично»[8]. Его судьба по возвращении на родину также остается не выясненной.

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3258. Л. 3 об.
[2] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7452-Д.
[3] Там же. Номер ящика. 7492-М.
[4] Там же. Номер ящика. 7397-С.
[5] Там же. Номер ящика. 7390-П.
[6] Там же. Номер ящика. 555-В; там же. Номер ящика. 7360-В.
[7] Там же. Номер ящика. 7434-Б.
[8] Там же. Номер ящика. 7507-П.

В ряде случаев указывалась запись – оставлен на боле боя, плен, выявлена у упомянутого капитана гренадерской артиллерийской бригады Н.К. Порохина, штабс-капитана 235-го пехотного Белебеевского полка М.Г. Осецкого[1], штабс-капитана 236-го пехотного Борисоглебский полка В.А. Мазина[2].

В данных о потерях у нескольких офицеров причины пленения указаны в связи с ранением или контузией: Ф.И. Шеметилло, поручик 244-го пехотного Красноставского полка[3], В.А. Вусович, подполковник 28-го пехотного Полоцкого полка[4].

У ряда офицеров причиной попадания в плен стали конкретные фронтовые обстоятельства. Единая формулировка «будучи окружен противником остался в окопе и попал в плен» записана у трех сослуживцев по 236-му пехотному Борисоглебскому полку, подполковника Яна-Карла Алойзевича Дзенциловского[5] и штабс-капитанов, В.Ф Мерецкого[6] и Е.Е. Козаченко[7], которые оказались плененными в одном бою в июле 1915 г.

При этом у большинства офицеров перед окончательным упоминанием о плене употреблялись сочетания: «пропал без вести», «оставлен на поле боя», «оставлен на поле сражения».

Интересно, но факт пропадания без вести среди офицеров нашей выборки, без определения их дальнейшей судьбы в годы войны, был выявлен в биографиях только у 5 человек. Так, герой 40-го пехотного Колыванского полка штабс-капитан Н.И. Есипов пропал без вести в ходе боя у деревни Близники в апреле 1915 г. Однако, несмотря на это, через год ему было присвоено звание капитана и на начало 1917 г. он продолжал числиться в списках полка в статусе – пропавшего без вести[8]. Подпоручик 233-го

[1] РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7499-О.
[2] Там же. Номер ящика. 7485-М.
[3] Там же. Номер ящика. 7542-Щ.
[4] Там же. Номер ящика. 7441-В.
[5] Там же. Номер ящика. 7449-Д.
[6] Там же. Номер ящика. 7489-М.
[7] Там же. Номер ящика. 7469-К.
[8] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11167. Л. 7 об.-8.

пехотного Старобельского полка А.В. Нечаев «канул в Лету» 18 июля 1915 г. в районе деревни Жабин, о чем и была сделана соответствующая запись[1]. Через семь дней, 25 июля, в бою у деревни Сухтенцы, пропал без вести его боевой товарищ штабс-капитан А.А. Ольшевский[2]. Капитан 25-го пехотного Смоленского полка П.Н. Стоянов, пропавший без вести 20 ноября 1914 г. в бою у деревни Дужа-Мержанчка, продолжал числиться в списках своего полка[3]. Так же ничего не известно о поручике 39-го пехотного Томского полка А.В. Шелехове, который пропал без вести 27 июля 1915 г. в боях у деревни Новая Куписка, но числился в полку на начало 1916 г.[4]

Отдельно мы хотели бы отметить не совсем понятные данные о бывшем капитане 27-го пехотного Витебского полка С.Е. Дулине, который после ранения в августе 1914 г. убыл из полка на лечение, после чего числился в полковых списках на 1916 и 1917 г. как командированный в штаб Главнокомандующего армиями сначала Северо-Западного, а позже Западного фронта. При этом в обоих случаях фигурировала одна и таже дата: «с 21 января 1915 г.». Помимо этого, нами была обнаружена карточка, в которой сообщалось, что капитан Дулин пропал без вести в крепости Новогеоргиевск[5]. Если учитывать тот факт, что крепость пала в августе 1915 г., остается непонятным как С.Е. Дулин мог находится на штабной должности до 1917 г. Впрочем, данная ситуация наглядно иллюстрирует противоречивость в данных об учете потерь, смене мест службы и прочих нюансах в условиях большой войны.

В особую категорию мы включили офицеров, у которых в документах имелась формулировка «выбыл по неизвестным причинам». Таковых оказалось 17 человек.

---

[1] РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7495-М.
[2] Там же. Номер ящика. 7498-О.
[3] Там же. Номер ящика. 7524-С; там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3310. Л. 6 об.-7.
[4] Там же. Номер ящика. 7542-Щ; там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3025. Л. 21 об.-22.
[5] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2190. Л. 6 об. – 7; там же. Д. 2754. Л. 7 об.-8; там же. Д. 10057. Л. 12 об.-13; там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7452-Д.

Несколько человек «объявилось» в источниках 1917 г. Полковник 540-го Сухиничского полка И.И. Селиванов, считавшийся выбывшим по неизвестным причинам на лечение в Анапу, упоминается в связи с драматическими революционными событиями как генерал-майор, командир того же полка, который был избит солдатами на митинге в июне 1917 г.[1] Подполковник С.А. Шишковский, начавший войну в составе 25-го пехотного Смоленского полка, «исчез» по той же причине. Весной 1916 г. был определен по 3-й категории 1-го разряда здоровья, с определением для службы в тылу. В полковых документах 58-го пехотного запасного полка, находившегося в Воронеже, на 2 января 1917 г. было зафиксировано, что подполковник С.А. Шишковский числится командиром 4-го батальона уже с 24 апреля 1916 г.[2] В этом нет ничего удивительного по той простой причине, что его бывший полк до войны находился там же.

В случайной выборке офицеров тамбовского происхождения, как и в «основной» базе данных, установлена высокая степень полноты информации. Только относительно трех человек информация не позволяет установить факты участия в Первой мировой войне.

Применительно к одному человеку установлен факт неучастия в войне. Штабс-капитан Александр Петрович Плетнев, возможно, в войне участия не принял из-за полученной травмы в мирное время[3]. Два офицера вышли в отставку накануне или в годы Первой мировой войны.

Как и в «основной» базе данных, самой большой – 100 человек, т.е. почти половина выборки офицеров тамбовского происхождения – оказалась группа раненых и больных, оставшихся живыми к концу войны. Здесь же сравнительно большой (почти 40 человек) оказалась группа офицеров, судя по документам, прошедших войну без ранений и болезней.

---

[1] РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7517-Р; там же. Номер ящика. 7397-С; там же. Ф. 3037. Оп. 1. Д. 33. Л. 3.
[2] Там же. Номер ящика. 7543-Ш; там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 10482. Л. 3 об.-4.
[3] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 273. Л. 17.

Напротив, почти такое же количество составили офицеры, убитые на фронте или умершие от ранений и болезней, приобретенных на фронте. В процентном измерении это число составляет менее 20%, что в очередной раз опровергает версию об огромных потерях кадровых офицеров в годы Первой мировой войны.

Сравнительно большим в выборке офицеров с тамбовским происхождением оказалось число попавших в плен – более 40 человек. В процентном отношении это было в два с лишним раза больше, чем в базе данных офицеров гарнизонов Воронежской, Курской и Тамбовской губерний. Мы объясняем это тем, что в «тамбовскую» выборку попали в основном офицеры фронтовых пехотных полков, у которых вероятность попадания в плен была сравнительной высокой.

В группе пленных выявлен факт смерти в плену. В картотеке бюро учета потерь в Первой мировой войне имеется сообщение о смерти в германском плену в 1916 г. подполковника Николая Николаевича Мошкалова[1].

Уникальными являлись упоминания печальных фактов самоубийств в военные годы офицеров тамбовского происхождения. Так, подпоручик 33-го пехотного запасного батальона Михаил Николаевич Воскресенский 25 февраля 1915 г. покончил жизнь самоубийством[2]. Капитан Сергей Иванович Нарцисов, служивший в Кавказском обозном батальоне, в мае 1916 г. застрелился в г. Хое (Персия)[3].

Установлен и один факт покушения на самоубийство. Он связан именем штабс-капитана 11-го гренадерского Фанагорийского полка Ильи Митрофановича Сушкова, который в апреле 1916 г тяжело ранил себя в голову, покушаясь на самоубийство. Затем он был отправлен в госпиталь для нервнобольных в Москве[4].

---

[1] РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. без номера. Ящик. 7488-М.
[2] Там же. Ф. 408. Оп.1. Д. 1673. Л. 10 об.-11; там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. без номера. Ящик. 7441-В.
[3] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат) Шкаф. без номера Номер ящика. 7494-М.
[4] Там же. Номер ящика. 7525-С; там же. Номер ящика. 7400-С.

Таблица 11. Соотношение движения званий в годы Первой мировой войны и сословно-профессионального состояния кадровых офицеров Воронежской, Курской, Тамбовской губерний (1-ое новое звание)

Сословно-профессиональные группы/звания	Генералы	Полковник	Подполковник	Капитан, ротмистр	Штабс-капитан, штабс-ротмистр, подъесаул	Поручик	Нет	Неизвестно	Итого
Дворяне	17	34	70	81	100	44	207	20	573
Духовенство	-	2	5	3	6	7	12	-	35
Казаки	-	-	1	-	2	-	4	-	7
Крестьяне	-	1	11	11	16	6	27	6	78
Купцы	-	1	1	3	8	2	5	-	20
Мещане	3	3	9	19	28	16	50	6	134
Почетные граждане	-	1	5	13	7	7	18	3	54
Дети офицеров	2	1	2	13	9	8	18	3	56
Дети чиновников	3	7	14	8	15	9	34	6	96
Остальные	-	3	2	4	4	1	11	1	26
Неизвестно	-	2	11	8	9	6	31	5	72
Всего	25	55	131	163	204	106	417	50	1151

Составлено по: РГВИА. Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб – и обер-офицеров. Коллекция; Ф. Печатные издания. Высочайшие приказы о чинах военных. Приказы армии и флоту. Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Таблица 12. Соотношение движения званий в годы Первой мировой войне и сословно-профессионального состояния кадровых офицеров Воронежской, Курской, Тамбовской губерний (2-е новое звание)

Сословно-профессиональные группы/звания	Ген-майор	Полковник	Подполковник	Капитан, ротмистр	Штабс-капитан, штабс-ротмистр	Нет	Неизвестно	Общий итог
Дворяне	1	15	21	27	17	467	25	573
Духовенство	-	-	1	2	2	29	1	35
Казаки	-	1	-	1	-	5	-	7

Крестьяне	-	3	3	2	-	61	9	78
Купцы	-	-	1	2	1	16	-	20
Почетные граждане	-	1	4	1	2	43	3	54
Мещане	-	4	10	12	4	96	8	134
Дети офицеров	-	-	3	4	-	45	4	56
Дети чиновников	-	4	4	5	4	68	11	96
Остальные	-	-	-	-	1	25	-	26
Неизвестно	-	1	2	3	1	58	7	72
Всего	1	29	49	59	32	913	68	1151

Составлено по: РГВИА. Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб – и обер-офицеров. Коллекция; Ф Печатные издания. Высочайшие приказы о чинах военных. Приказы армии и флоту. Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Особым явлением любой войны всегда было ускоренное по сравнению с мирным временем движение офицеров в званиях. Заметная часть представителей нашей выборки обычный для мирных условий интервал получения очередного чина в 4 года в 1914-1916 гг. преодолевала за год, получив одно-два новых знания. Даже если учитывать не получивших новых званий и неизвестных по этому показателю, все равно выходит, что более половины офицеров нашей выборки – 684 из 1151 человек – в годы войны получили хотя бы одно повышение. Среди них как минимум 170 человек (около 15% от всей выборки) за военное время получили по 2 новых звания.

Даже среди фронтовиков не все участники боевых действий получили повышения в званиях. Из 876 человек – офицеров из нашей базы данных, проведших какое-то время на фронте, 285 точно не получили повышения в звании к концу 1916 г. или оказались неизвестными по этому показателю.

Конечно, какую-либо закономерность в движении званий уловить непросто. И все-таки полученные данные говорят о том, что больше шансов продвинуться имели младшие офицеры, воевавшие на передовой.

Среди 169 подпоручиков и корнетов новое звание получили 119 фигурантов базы данных (72%). При этом 32 офицера, начинавших войну подпоручиками, к концу 1916 г. дослужились до штабс-капитанов. Среди них было выявлено пять человек, оказавшихся к 1917 г. в чине капитана: артиллеристы Н.С. Хаборский из 21-го мортирного артиллерийского

дивизиона[1], К.В. Коре из 13-й артиллерийской бригады[2], И.И. Грабилин из 3-й артиллерийской бригады[3] и пехотинцы Б.К. Новиков из 174-го пехотного Роменского полка[4] и В.К. Никифоров из 244-го пехотного Красноставского полка[5].

Из 300 довоенных поручиков, представленных в базе данных, 70% в военное время стали штабс-капитанами или штабс-ротмистрами, 59 из них получили второе повышение, в большинстве случаев капитана или ротмистра. М.П. Щепетильников[6], поручик 40-го пехотного Колыванского полка, Л.К. Линко, поручик 313-го пехотного Балашовского полка[7] и И.И. Горновский, поручик 7-й артиллерийской бригады[8], к концу 1916 г. даже стали подполковниками.

Из 229 штабс-капитанов и штабс-ротмистров новое звание в военные годы получил 161 офицер (70% от довоенного числа). 46 бывших штабс-капитанов и штабс-ротмистров заслужили в этих годы еще одно повышение. При этом штабс-капитаны К.-И.Г. Кюке из 39-го пехотного Томского полка[9], Н.В. Жолнир-Жолниржевский из 175-го пехотного Батуринского полка[10] и В.З. Наумов из 27-го пехотного Витебского полка[11], смогли последовательно получить звания капитана, подполковника, а затем шагнули еще и в полковники.

В 1914 г. в изученных гарнизонах служили 226 капитанов и ротмистров. В 1914-1916 гг. немногим более половины из них удалось стать подполковниками. Из них 29 человек заслужили чин полковника. Особо заметим, что это высокое звание не заслужил ни один ротмистр, что лишний

---

[1] Государственная публичная историческая библиотека. // URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/53695#mode/inspect/page/167/zoom/5 (дата обращения: 07.06.2024).
[2] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 57063. Л. 3.
[3] Там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27365. Л. 48-48 об.
[4] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14836. Л. 233.
[5] Там же. Д. 14807. Л. 79 об.
[6] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11167. Л. 4 об.
[7] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14846. Л. 360.
[8] Там же. Д. 14805. Л. 68 об.
[9] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11168. Л. 2 об.-3.
[10] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14844. Л. 12.
[11] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 10057. Л. 4 об.

раз говорит о пониженной роли кавалерии в Первой мировой войне. При этом подчеркнем, что большинство ротмистров нашей выборки несли службу в запасных кавалерийских частях и, не побывав на фронте, не имели возможности дорасти до полковников.

Понятно сравнительно редкое продвижение вверх по служебной лестнице у подполковников (55 человек из 122 довоенных) и особенно у полковников (20 из 87 человек стали генерал-майорами). Из 16 генерал-майоров 1914 г. звание генерал-лейтенанта за годы войны получили 5 человек; все 6 генерал-лейтенантов, как и 2 генерала от кавалерии нашей выборки остались в своих званиях (либо продолжая службу, либо находясь в отставке).

Анализ связи продвижения в званиях с сословным происхождением (см. табл. 11-12) показал наибольшую карьерную успешность представителей недворянских сословий. Среди получивших новые звания в годы Первой мировой войны этот показатель составил около 50% выборки, а среди выходцев из крестьян, мещан, купцов, почетных граждан он равнялся 60 и более %.

При определении сословного статуса тех офицеров, которые в 1914-1916 гг. дважды обрели новые чины, 22% составили мещане, по 15% – выходцы из служащих и почетных граждан, 14% – выходцы из духовенства, по 13% – дворяне и дети офицеров, 10% – крестьяне.

Единственный случай получения генеральского чина как второго за войну связан с именем Я.Л. Старчинского, происходившего из мещан Варшавской губернии, воевавшего в составе 27-го пехотного Витебского полка, а позже переведенного на должность командира 60-го пехотного запасного полка в Тамбове. Невысокое происхождение, польская национальность, принадлежность к римско-католическому вероисповеданию в годы войны не стали препятствиями для продвижения способного и храброго офицера (имел награду – орден св. Георгий 4-й степени)[1].

[1] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Старчинский_Яков_Людвигович (дата обращения: 07.06.2024).

Конечно, особая успешность представителей мещанства требует специального объяснения. Предполагаем, что это было связано с извечным стремлением людей из городского среднего класса подняться вверх. Война давала для этого особый шанс. В сравнении с «господами» выходцы из мещанства больше были готовы на риск, а в сравнении с крестьянами имели большую образованность и, соответственно, возможность получить высокий офицерский чин.

Помимо движения в чинах особым моментом в боевой судьбе офицеров является получение немалого в сравнении с мирным временем числа наград.

Для нашей работы важно специально отметить то, что в годы войны награды в основном были результатом сознательного выбора героического поведения. И, конечно, большое количество наград не могло быть случайным явлением. Материалы нашей базы данных свидетельствуют о том, что за вычетом не получивших наград и неизвестных по данному показателю офицеров ордена и наградное Георгиевское и Аннинское оружие получило около 85% изученной группы офицеров.

При этом немалая часть офицеров получила совершенно необычное для мирного времени число наград – 5 и более. Таковых оказалось больше 150 человек или примерно 13% нашей выборки.

Наиболее заслуженными кавалерами стали, полковник 25-го пехотного Смоленского полка В.Н. Яхонтов, который к концу 1916 г. заслужил 8 наград, две из которых были английские[1], и поручик 7-й артиллерийской бригады Д.С. Муханов, который за год с небольшим (погиб в сентябре 1915 г.) так же заслужил 8 боевых наград[2].

Несколько меньшей редкостью оказались четыре офицера, награжденные 7-ю наградами. В их числе были И.И. Грабилин, поручик, затем

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3310. Л. 2 об.-3; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14810. Л. 880; там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27436. Л. 94.
[2] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3128. Л. 12 об.-13; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14844. Л. 617 об.

штабс-капитан, капитан 3-й артиллерийской бригады[1], прошедший те же чины офицер 174-го пехотного Роменского полка Н.А Зенюк (одной из наград был английский военный крест)[2], капитан 243-го пехотного Холмского полка И.П. Шулицкий, у которого один орден был сербский[3], и подпоручик А.А. Бутлер, дослужившийся до штабс-капитана 21-го мортирного артдивизиона[4].

Материалы сугубо тамбовской выборки дополнительно свидетельствуют о том, что значительная часть офицеров-участников Первой мировой войны получила боевые награды. Из 100 человек этой выборки с данными о наградах только один точно не был награжден. Понятен факт того, что большинство представителей и этой выборки получило по 1-2 ордена. С другой стороны, относительно большой представляется группа офицеров, заслуживших 4-6 наград – 32 человека или треть выборки. Особенно отметим тех, кто был удостоен шести наград (звания указываем на 1914 г.). Среди них оказались уже упоминавшиеся представители знатных фамилий поручик 37-го пехотного Екатеринбургского полка Ефим Васильевич Кугушев[5] и подпоручик лейб-гвардии Финляндского полка Петр Федорович Ушаков[6].

Мы попытались особо проверить преданность России офицеров некоторых национально-религиозных групп, у которых в годы войны могли проявится антироссийские настроения и желание перейти на сторону врагов.

Имеющиеся факты говорят о том, что почти все известные нам офицеры немецкого происхождения проявили преданность российской армии в сражениях против германских и австрийских войск.

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 14807. Л. 364, 367; там же. Д. 14808. Л. 21; там же. Д. 14809. Л. 204, 207; там же. Д. 14810. Л. 742; там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27380. Л. 10.

[2] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14805. Л. 151; там же. Д. 14806. Л. 176; там же. Д. 14808. Л. 124; там же. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 446. Л. 38 об.; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14844. Л. 12 об.; там же. Д. 14846. Л. 20 об., 337.

[3] Там же. Ф. 409. Д. 8288. ЛЛ. 3 об.-4.

[4] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14807. Л. 373 об., 408 об., 410; там же. Д. 14809. Л. 470 об.; там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26994. Л. 20 об.; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14832. Л. 551; там же. Д. 14844. Л. 557.

[5] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3031. Л. 19 об.-20; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14846. Л. 63 об., 65; там же. Д. 14865. Л. 103-103 об.

[6] Там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26746. Л. 85 об., 95 об.; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14809. Л. 188 об., 189; там же. Д. 14811. Л. 452; там же. Д. 14846. Л. 579 об.

Трагической оказалась судьба барона фон-Клейста Александра Адольфовича, подпоручика 27-го пехотного Витебского полка, который буквально в начале войны умер от ран 5 августа 1914 г. При этом в другом источнике зафиксировано, что он погиб в бою 16 августа 1914 г.[1] Известны факты гибели офицеров: упомянутого ранее поручика 40-го пехотного Колыванского полка Людвига Ивановича Томса (умер в плену), успевшего заслужить пять боевых наград, а также мечи и бант к двум довоенным орденам[2]; Александра Павловича Гросмана, подпоручика 23-го саперного батальона (заслужил шесть наград)[3]; подпоручика 39-го пехотного Томского полка Леонида Вильгельмовича Мельмана (заслужил шесть орденов)[4]; Георгия Ивановича Верблюнера, штабс-капитана 40-го пехотного Колыванского полка (кавалера трех орденов)[5]; Александра Осиповича Гольденталя, капитана 26-го пехотного Могилевского полка (кавалера четырех орденов)[6]; Карла Ивановича Кикана, капитана 234-го пехотного Богучарского полка (кавалера двух орденов)[7]; капитана 233-го пехотного Старобельского полка Витольда Адамовича Роде (кавалера двух орденов)[8]; подпоручика 40-го пехотного Колыванского полка Анатолия Александровича Нельдихена (погиб в ноябре 1914 г., получил один орден)[9].

Помимо уже упоминавшегося кавалера семи наград подпоручика А.А. Бутлера к офицерам с особо заметной героической судьбой вплоть до конца войны можно отнести поручика 39-го пехотного Томского полка И.М Фохта, который к концу 1916 г. заслужил шесть наград и звание капитана[10], штабс-

---

[1] РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7468-К. Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2190. Л. 25 об.-26.
[2] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7528-Т; Ф. 408. Оп. 1. Д. 11167. Л. 7 об.-8.
[3] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 13205. Л. 12 об.-13.
[4] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11168. Л. 30 об.-31.
[5] Там же. Д. 3024. Л. 11 об.-12.
[6] Там же. Д. 3116. Л. 8 об.-9.
[7] Там же. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1188. Л. 105 об.; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания Д. 14831. Л. 56 об; там же. Д. 14832. Л. 175 об.
[8] Там же. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1188. Л. 186; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания Д. 14810. Л. 31 об., 458.
[9] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3024. Л. 29 об.-30.
[10] Там же. Д. 11168. Л. 15 об.-16.

капитана 40-го пехотного Колыванского полка Ф.О. Брахмана, который был дважды ранен, возвращался в строй, получил четыре награды, звание капитана. Как уже отмечалось, он пропал без вести весной 1916 г.[1] Также подпоручика 15-го саперного батальона А.Ю. Лутца, кавалера четырех наград[2], поручика 233-го пехотного Старобельского полка Б.Ф. Рейхарта[3], поручика 31-й артиллерийской бригады О.В. Пфейффера[4] и Ф.Ф. Блюма, капитана 26-го пехотного Могилевского полка[5] также обладателей четырех наград.

Полковник 33-й артиллерийской бригады Ю.М. Шейдеман стал кавалером трех орденов и получил звание генерал-майора[6]. Столько же наград заслужил Б.Ф.-Я. Вицке, подпоручик 21-го мортирного артиллерийского дивизиона[7]. Бывший капитан 7-й артиллерийской бригады А.А. Биркенберг, в годы мировой войны на фронте награжден орденами Анны 2-й степени и Владимиром 4-й степени (оба с мечами), а также представлен к чину подполковника[8]. Капитан той же бригады А.И. Клиппель на фронте мировой войны за два года заслужил орден Владимира 4-й степени с мечами и бантом и был произведен в подполковники в январе 1915 г.[9]

Упоминавшийся ранее барон Ю.В. Рихтер во время Первой мировой войны находился не в окопах, а в составе 3-го железнодорожного батальона. Тем не менее проявил себя достойно: был представлен к трем орденам: Анны 3-й степени, Станислава 3-2-й степеней[10].

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11167. Л. 7 об.-8.
[2] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14827. Л. 402 об.; там же. Д. 14831. Л. 481; там же. Д. 14834. Л. 271 об.; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Лутц_Александр_Юльевич (дата обращения: 15.06.2024).
[3] РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26988. Л. 592 об.-593; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14829. Л. 136.
[4] Там же. Д. 14828. Л. 410, 412; там же. Д. 14832. Л. 474 об.; там же. Д. 14836. Л. 549 об.
[5] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3116. Л. 13 об. - 14.
[6] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14806. Л. 188 об.; там же. Д. 14834. Л. 305 об.; там же. 14836. Л. 544-544 об.
[7] Там же. Д. 14807. Л. 373 об., 408 об., 410.
[8] Там же. Ф. 2048. Оп. 2. Д. 115. Л. 413 об.; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14810. Л. 116 об.
[9] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3128. Л. 5 об.-6.
[10] Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 65862. Л. 2 об.

Штабс-капитан 7-й артиллерийской бригады А.В. фон Климан, воюя в составе своей бригады, получил три ордена, причем один из них, орден святого Владимира 4-й степени, врученный 24 апреля 1915 г., был связан с довоенными заслугами Александра Владимировича[1].

Поручик К.А. Зейфарт, воевавший в составе 59-й артиллерийской бригады, был представлен к орденам Анны 4-2-й степеней, а также к награде с мечами и бантом к имеющемуся Станиславу 3-й степени[2]. Уже упоминавшейся М.-М.А. Вэльке в течение двух лет мировой войны достойно воевал в составе своего довоенного полка, получил отравление газами в 1916 г., был награжден орденами Анны и Станислава 2-й степени с мечами[3]. Поручик 27-го пехотного Витебского полка П.П. Юррэ был ранен. После выздоровления весной 1915 г. переведен в запасный батальон. Успел получить ордена Анны 4-3-й степеней[4]. Очень похожей оказалась боевая судьба подпоручика того же полка Л.П. Лизнарда, который в Первую мировую войну был ранен, переболел катаром легких, а потом был зачислен в 60-й пехотный запасной батальон в Тамбове. Награжден орденом[5].

Подполковник 173-го пехотного Каменецкого полка П.Э. фон-Бидерман был награжден двумя орденами, позже попал в плен, а в начале 1917 г. был представлен к Золотому Георгиевскому оружию[6]. Капитан 27-го пехотного Витебского полка А.Н. Энгель также оставался в списках полка, несмотря на раннее попадание в плен[7]. Штабс-капитан 243-го пехотного Холмского полка А.Л. Гипон в годы войны попал в плен в ноябре 1914 г., но позже был

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3128. Л. 25 об.
[2] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14810. Л. 171, 458, 459 об.; там же. Д. 14829. Л. 135 об.
[3] Там же. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1190. Л. 42; там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 1119. Л. 3 об.-4.
[4] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 13256. Л. 60 об.; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14805. Л. 59-59 об.
[5] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2754. Л. 22 об.-23.
[6] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7430-Б; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14805. Л. 150 об.; там же. Д. 14806. Л. 176; там же. Д. 14847. Л. 571.
[7] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 10057. Л. 12 об.-13.

представлен к трем наградам[1]. Похожей была судьба штабс-капитана 313-го пехотного Балашовского полка Н.Г. Берга, который на фронте был ранен и попал в плен летом 1915 г. Приказ о его награждении был подписан в декабре 1916 г.[2]

Скудные сведения сохранились о боевом пути упомянутого ранее барона Э.А. Остен-Сакена. Известно, что он был на фронте в составе 329-го пехотного Бузулукского полка и получил ранение. Был награжден орденом святого Станислава 2-й степени, остался подполковником. Последняя запись, сделанная в полковом журнале и в карточке по ранению дает не совсем понятные представления о его дальнейшей судьбе[3]. Относительно подполковника 174-го пехотного Роменского полка Э.К. Герандли известно о пребывании на фронте и получении одного ордена в составе 132-го пехотного Бендерского полка[4]. Сведения на конец войны и последующие годы не выявлены. Совершенно неизвестна военная и послевоенная судьба ротмистра 4-го запасного кавалерийского полка Н.И. Мантейфеля-Цеге и капитана 27-го пехотного Витебского полка А.И. Фигельзона.

Некоторые сомнения в лояльности к России могут вызвать факты военной биографии подпоручика 28-го пехотного Полоцкого полка В.В. Келлера, который уже 15 августа 1914 г. попал в плен. Позже он был представлен к ордену святой Анны 4-й степени (Аннинскому оружию). В какой-то мере это сомнение рассеивается информацией об участии В.В. Келлера в Гражданской войне в России. Вряд ли предатель мог вернуться, чтобы воевать за бывшую родину[5].

---

[1] РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7443-Г; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14809. Л. 435 об.; Д. 14812. Л. 288, 716 об.

[2] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7429-Б; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14846. Л. 105 об.

[3] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 14444. Л. 2 об.-3; там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7417-Л.

[4] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14809. Л. 51.

[5] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7466-К; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14805. Л. 59 об.; Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква К (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/ Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf. С. 297 (дата обращения: 11.04.2025).

Среди представителей «случайной» тамбовской выборки также оказалось несколько самоотверженных и героических офицеров с немецкими корнями.

В самом начале войны погиб уже упоминавшийся представитель обрусевшего немецкого рода А.В. фон-дер Лауниц, подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка[1].

Г.Х. Флиггер, начавший войну в звании поручика 37-го пехотного Екатеринбургского полка, в ноябре 1914 г. был ранен, к 1916 г. заслужил пять наград и был повышен в звании[2]. Подполковник К.Р. Рихтер из 149-го пехотного Черноморского полка в годы мировой войны получил только один орден, но воевал до конца 1916 г., был ранен в ноябре месяце, после чего переведен в запасные части.[3] Упоминаемый ранее К.О. фон-Тизенгаузен за годы войны был дважды контужен и представлен к трем боевым наградам. В результате полученных ранений он был переведен в 3-й сводно-гвардейский запасной батальон и в марте 1917 г. награжден еще одним орденом[4].

Трудно усомниться в преданности русской армии поручика 38-го пехотного Тобольского полка, а затем 242-го пехотного Луковского полка Е.Н. Крузе, который в апреле 1915 г. попал в австрийский плен, но до этого заслужил пять орденов[5].

Наши данные во многом подтвердили довоенное высказывание А.А. Брусилова о немецких офицерах в русской армии, которых он характеризовал как людей верных и преданных своему долгу патриотов[6].

---

[1] Зайцов А. А. Семеновцы в 1914 году. Гельсингфорс: тип. акц. о-во Литера, 1936. С. 10.
[2] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3031. Л. 18 об.-19.
[3] Там же. Д. 11044. Л. 2 об.-3.
[4] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7527-Т; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14809. Л. 313 об., 398; там же. Д. 14828. Л. 288; там же. Д. 14856. Л. 368.
[5] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14809. Л. 205; там же. Д. 14810. Л. 100 об., 153; там же. Д. 14812. Л. 288 об., 717; там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7475-К.
[6] Брусилов А. А. Мои воспоминания: Воспоминания. Мемуары. Мн.: Харвест, 2003. С. 53.

Так же мы уделили внимание офицерам, причисленным к группе славян, которые по историческим мотивам могли иметь антирусские настроения, но героически воевали на западных фронтах русской армии.

Некоторые из них погибли в первые месяцы войны, при этом успев отличиться. Так, капитан 7-й артиллерийской бригады Владимир Адамович Гарбовский был убит в декабре 1914 г. у д. Залесье Варшавской губернии. Посмертно ему были присвоены три знака отличая[1]. Капитан 243-го пехотного Холмского полка Михаил Феликсович Поляновский в ноябре 1914 г. получил ранение под Краковом, продолжил воевать, но погиб в мае 1915 г., посмертно был награжден двумя орденами и повышен в звании до подполковника[2].

Также два ордена, но за более короткий срок (до середины октября 1914 г., когда был ранен, а затем скончался от ран) заслужил посмертно штабс-капитан 173-го пехотного Каменецкого полка Вячеслав Всеволодович Вуич[3]. Полковник 234-го пехотного Богучарского полка Владислав Адальбертович Бутвилович был смертельно ранен в январе 1915 г. на территории Гродненской губернии[4]. Отметим, что он начинал войну капитаном. Штабс-капитан 233-го пехотного Старобельского полка Игнатий Станиславович Михневич умер от ран в марте 1915 г., заслужив один орден (посмертно)[5]. По той же причине в июле 1915 г. ушел из жизни штабс-ротмистр Кабардинского конного полка Вольдемар Константинович Соколовский. За несколько месяцев войны он получил два ордена и последовательно звания ротмистра и подполковника (посмертно)[6].

---

[1] РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1535. Л. 1 об.-2; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14805. Л. 68 об.; там же. Д. 14809. Л. 385 об.

[2] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7506-П; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14828. Л. 256 об.; там же. Д. 14835. Л. 481 об.

[3] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7441-В; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14805. Л. 152 об.; там же. Д. 14806. Л. 177.

[4] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7435-Б.

[5] Там же. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1188. Л. 137; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14810. Л. 588 об.

[6] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7521-С; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14806. Л. 106 об.; там же. Д. 14828. Л. 270 об.

Пожалуй, наиболее героической и трагической выглядит судьба братьев Моисеенко, служивших в 27-м пехотном Витебском полку. Константин Адамович в 1914 и 1915 гг. дважды был контужен, возвращался в строй и все-таки в 1916 г. умер от ранений. При этом он заслужил пять наград, мечи и бант к имеющимся орденам и звание полковника. Четыре награды и мечи к имеющимся орденам заслужил его брат Владимир Адамович. В кампаниях 1914-1916 гг. был контужен, но к началу 1917 г. оставался в строю[1].

Показателем честной и отважной военной службы в рядах русской армии офицеров из поляков, литовцев, западных украинцев и западных белорусов можно посчитать факты получения немалого числа наград за время Первой мировой войны. Помимо уже упоминавшегося кавалера семи орденов Н.А Зенюка среди оставшихся живыми к концу войны назовем полковника, а затем генерал-майора И.Р. Довбор-Мусницкого (кавалера шести наград, одна из которых была иностранная)[2], капитана 7-й артиллерийской бригады И.И. Горновского (кавалер шести наград)[3], поручика 313-го пехотного Балашовского полка Л.К. Линко (заслужил шесть наград, и звания штабс-капитана, капитана и подполковника)[4], подпоручика 31-й артиллерийской бригады К.А. Сварчевского (после ранения в августе 1914 г. продолжил воевать, получил шесть наград и звание поручика)[5], поручика 3-го Кавказского мортирного артиллерийского дивизиона В.А. Озерецковского (кавалера шести наград)[6], подполковника, затем полковника 27-го пехотного Витебского полка и, наконец, генерал-майора, командира 60-го запасного пехотного полка Я.Л.

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 10057. Л. 5 об.-6, 10 об.-11.

[2] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Довбор-Мусницкий_Иосиф_Романович (дата обращения: 21.06.2024); РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27429. Л. 17.

[3] РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14805. ЛЛ. 68 об., 69; там же. Д. 14812. Л. 177 об., 614 об.; там же. Д. 14846. Л. 705, 707.

[4] Там же. Д. 14808. Л. 43; там же. Д. 14809. Л. 433; там же. Д. 14810. Л. 236; там же. Д. 14812. Л. 231 об.; там же. Д. 14833. Л. 327 об.; там же. Д. 14846. Л. 360.

[5] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7516-Р; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14806. Л. 217; там же. Д. 14807. Л. 7; там же. Д. 14810. Л. 153 об.; там же. Д. 14812. Л. 109 об.; там же. Д. 14828. Л. 255; там же. Д. 14833. Л. 280 об.

[6] Там же. Д. 14806. Л. 228 об.; там же. Д. 14808. Л. 16 об.; там же. Д. 14810. Л. 357 об., 920; там же. Д. 14812. Л. 220; там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27248. Л. 21.

Старчинского (кавалера пяти наград)[1], капитана, дослужившегося до полковника 174-го пехотного Роменского полка В.Б. Рубаха (кавалера пяти наград)[2], капитана, затем подполковника 26-го пехотного Могилевского полка К.Ф. Солоневича (кавалера пяти наград)[3], подпоручика 25-го пехотного Смоленского полка К.И Олекши (кавалера пяти наград)[4], капитана 39-го пехотного Томского полка Б.Л. Фричинского (получил за войну четыре награды, дослужился до полковника)[5], поручика 23-го саперного батальона С.С. Миневского (получил четыре награды и звание штабс-капитана)[6], поручика 236-го пехотного Борисоглебского полка Ф.-П.М. Олексеевича (кавалера четырех наград)[7], подполковника 26-го пехотного Могилевского полка Б.М. Абрамовича (кавалера трех наград)[8].

Весьма драматичной была военная судьба В.-И.И. Шимановского, поручика 244-го пехотного Красноставского полка, который в 1915 г. пропал без вести, позже было установлено, что оказался в германском плену, но его трудно заподозрить в измене, поскольку он заслужил шесть наград[9].

Поручик 25-го пехотного Смоленского полка М.В. Крох попал в плен в 1915 г. Однако до этого он воевал доблестно, получив четыре награды[10]. Примерно то же самое можно сказать о поручике 40-го пехотного Колыванского полка В.Л. Донброво, который отважно воевал до весны 1915 г., заслужил четыре ордена. Он, вероятнее всего, выбыл из строя по причине двух ранений[11].

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11457. Л. 1 об.-2.
[2] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14805. Л. 150; там же. Д. 14809. Л. 467 об.; там же. Д. 14810. Л. 1042 об.; там же. Д. 14836. Л. 505 об.; там же. Д. 14846. Л. 628.
[3] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3116. Л. 12 об.-13.
[4] Там же. Д. 3310. Л. 12 об.-13.
[5] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11168. Л. 6 об.-7.
[6] Там же. Д. 13205. Л. 6 об.-7.
[7] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14807. Л. 360; там же. Д. 14830. Л. 479; там же. Д. 14844. Л. 761 об.; там же. Д. 14846. Л. 229 об.
[8] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3116. Л. 3 об.-4.
[9] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7542-Ш; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14810. Л. 681 об., 1054 об.; там же. Д. 14812. ЛЛ. 715 об., 900; там же. Д. 14827. Л. 145 об.; там же. Д. 14846. Л. 157.
[10] Там же. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1188. Л. 100; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14808. Л. 183; там же. Д. 14810. Л. 596 об.; там же. Д. 14827. Л. 91; там же. Д. 14832. Л. 481.
[11] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 10807. Л. 5 об.-6.

Теоретически вопросы могут возникнуть к биографиям только двух офицеров из группы западных славян, которые попали в плен в самом начале войны и не были отмечены никакими знаками отличая впоследствии. Речь идет о капитане 244-го пехотного Красноставского полка С.-Ц.О. Квецинском[1] и капитане 313-го пехотного Балашовского полка М.Ф. Каринковском[2]. Впоследствии они оба совсем исчезают из доступных нам документов.

Среди кавказцев, оказавшихся в нашей выборке, всех можно признать достойными и самоотверженными воинами. Так, ярко проявил себя уже упоминавшийся Г.Г. Дзугаев, который начал войну в составе 26-го пехотного Могилевского полка, а продолжил в автомобильных частях, был ранен, заслужил пять наград, дважды получил повышение в званиях. И в 1916 г. в «нормальные» для этого чина 38 лет стал подполковником[3]. Не менее храбро проявил себя грузинский князь М.Г. Химшиев, участник еще русско-японской войны 1904-1905 гг., служил в 1914 г. штабс-ротмистром 6-го запасного кавалерийского полка в Борисоглебске Тамбовской губернии, в сентябре 1914 г. оказался на фронте в Ингушском конном полку. Воевал князь героически, что позволило ему заслужить четыре знака отличая и чин ротмистра[4]. Четыре ордена и звание штабс-капитана получил бывший поручик 40-го пехотного Колыванского полка, переведенный по мобилизации в 244-й Красноставский полк, В.П Лоладзе[5]. По три ордена заслужили подполковник 17-го уланского Новомиргородского полка А.Г. Тибилов[6] и поручик 234-го пехотного Богучарского полка Г.У. Итриянц, который за годы войны стал подполковником[7]. Штабс-капитан 25-го пехотного Смоленского полка Н.К. Захаров получил за годы войны всего две награды и звание капитана. Но был

[1] РГВИА. Ф.16196. Оп. 1. Д. 1192. Л. 20; там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7465-К.
[2] Там же. Номер ящика. 7464-Д.
[3] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3116. Л. 16 об.-17; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14833. Л. 421 об.; там же. Д. 14834. Л. 41; там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27374. Л. 3 об.; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14844. Л. 416.
[4] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14810. Л. 164; там же. Д. 14811. ЛЛ. 655 об., 667; там же. Д. 14836. Л. 551.
[5] Там же. Д. 14809. Л. 205; там же. Д. 14811. Л. 204; там же. Д. 14812. Л. 288 об.; там же. Д. 14836. Л. 473 об.
[6] Там же. Д. 14807. Л. 373; там же. Д. 14810. Л. 251 об.; там же. Д. 14836. Л. 442 об.
[7] Там же. Д. 14809. Л. 430; там же. Д. 14810. Л. 458 об., 874 об.

ранен уже в сентябре 1914 г, пробыл в госпитале, а затем был направлен в 58-й пехотный запасной полк, а оттуда в управление уездного воинского начальника в Валуйки[1]. Поручик И.-Б.С. Гаджибеков из 7-й артиллерийской бригады был награжден одним орденом и удостоен звания штабс-капитана за совсем короткий срок пребывания на войне. В августе 1914 г. он был контужен, вернулся в строй, но в ноябре того же года получил перелом обеих ног[2].

Специальное внимание к офицерам нерусского, неславянского происхождения в первую очередь показало сплоченность изученных групп офицеров русской армии вне зависимости от национальности и религиозной принадлежности, мизерность даже предполагаемых фактов измены офицеров немецкого, польского и другого инородческого и иноверческого происхождения.

Важным результатом изучения конкретных военных судеб не совсем типичных офицеров в очередной раз показало значимость микро-исторического подхода. Десятки фактов биографий офицеров немецкого, славянского неправославного, кавказского происхождения показали их принципиальную общность с боевыми судьбами сотен их сослуживцев славянского православного происхождения.

Представленные в параграфе количественные данные показали типичные и редкие проявления судеб кадровых офицеров в годы мировой войны, относительно невысокие проценты безвозвратных потерь в их составе, заметный уровень героизма, а также заслуженного и быстрого роста в чинах.

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3310. Л. 6 об.-7; там же. Д. 10482. Л. 8 об.-9.
[2] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 234-Б; там же. Номер ящика. 7419-С; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14805. Л. 70.

2.2. Участие кадровых офицеров в боевых действиях

На фронт уже в начале войны ушли все кадровые части, располагавшиеся в Воронежской, Курской и Тамбовской губерниях. Понятно, что большинство офицеров отправлялись на фронт со своими частями или включались во вновь развернутые воинские формирования. Это обстоятельство в определенной мере осложнило наши поиски данных о боевых путях таких офицеров. И все-таки источники позволили выявить фронтовые судьбы подавляющего большинства из них.

Иначе обстояла ситуация в кавалерийских полках. Из семи полков, дислоцированных до войны на территории трех изученных губерний, на фронт были сразу же направлены два уланских полка – 16-й и 17-й. Пять запасных полков всю войну оставались на своих прежних местах. Соответственно, большинство их офицеров продолжало службу в тылу.

Тем не менее, определенная часть офицеров-кавалеристов из запасных полков попала на фронт. Из нашей выборки таковых оказалась 16 человек. Это были сравнительно молодые офицеры (до 40 лет), вероятнее всего, откомандированные на фронт с маршевыми эскадронами.

Так же на фронт попадали некоторые офицеры из частей, подразумевавших службу в тылу. Среди них можно выделить штабс-капитанов Н.В. Вылежинского, который до войны служил в конвойной команде в Курске[1], и В.В. Вышинского, служившего в 1914 г. в Воронежском дисциплинарном батальоне[2].

Еще одним ярким примером является судьба офицера-воспитателя Воронежского кадетского корпуса капитана Н.К. Порохина, которого мы упоминали ранее. Несмотря на его преподавательский статус, с началом войны

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1428. Л. 85 об.-86.
[2] Там же. Д. 3401. Л. 3 об.-4.

он отправился в действующую армию и воевал в составе 1-й гренадерской артиллерийской бригады[1].

От штабных дел к героическим подвигам рвались многие молодые офицеры. Так, поручик А.П. Колтынюк, который до войны был прикомандирован к штабу 5-го армейского корпуса в Воронеже, на фронте вновь вернулся в состав своей 10-й артиллерийской бригады. Несмотря на ранение, до 1917 г. оставался в строю, дослужился до звания капитана и получил шесть наград[2].

Особое внимание обратим на проявления «добровольчества» среди офицеров, которые по возрасту могли бы «остаться в стороне» от войны. Так, из отставки оправился на фронт 58-летний подполковник 174-го пехотного Роменский полка В.Е. Скалицкий. В ноябре 1914 г. он был зачислен в находившийся на фронте 319-й пехотный Бугульминский полк и, по меньшей мере, до августа 1916 г. числился в нем. Судя по тому, что наград за это время он не получил, вероятно, в боевых действиях не участвовал[3]. Возможно, по собственному желанию возвратился в строй (правда оставаясь в тылу) 62-летний генерал-лейтенант И.А. Еропкин[4]. Был призван на службу 56-летний полковник С.Г. Макроплио (успел побывать на фронте)[5]. Вместе со своим 174-м пехотным Роменским полком на фронт отправился 55-летний подполковник П.А. Гудима, получил ранение и заслужил две боевые награды[6]. Возглавивший с началом войны 243-й пехотный Холмский полк 52-летний полковник А.Ф. Галактионов получил контузию в апреле 1915 г. и заслужил

[1] РГВИА. Д. 11363. Л. 8 об.-9; там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7507-П.
[2] Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 49998; там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 9786. Л. 8 об.-9.
[3] Русская армия в Первой мировой войне. // URL: http://www.grwar.ru/persons/person/10056 (дата обращения: 23.06.2024).
[4] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Еропкин_Ипполит_Алексеевич (дата обращения: 23.06.2024).
[5] Русская армия в Первой мировой войне. // URL: http://www.grwar.ru/persons/person/11223 (дата обращения: 23.06.2024); РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 10450. Л. 1 об.-2.
[6] РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1188. Л. 43; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14805. Л. 150; там же. Д. 14806. Л. 176.

четыре награды[1]. С декабря 1914 г. 51-летний генерал-майор В.О. Бенескул возглавил 51-ю пехотную дивизию[2]. Наверное, мог бы остаться в тылу или быть подальше от передовой 50-летний генерал-майор Н.М. Ремезов, перед войной начальник гарнизона Моршанска. Но в октябре 1914 г. он отравился на фронт в качестве начальника 35-й пехотной дивизии. Воевал мужественно. Заслужил Георгиевское оружие, а в 1916 г. погиб во время личного осмотра боевых позиций[3].

Общеизвестный факт патриотического подъема в начале Первой мировой войны в наших материалах нашел весьма ограниченное подтверждение. Наиболее прямое упоминание патриотических чувств мы нашли в воспоминаниях юнкера Чугуевского пехотного училища В. Альмендингера: «Отъезд наших старших, мобилизация, объявление войны и вообще все происходившее вокруг нас сильно изменило жизнь в лагере. Кто из нас не помнит патриотический подъем, охвативший в те дни всю Россию. Тихая, спокойная лагерная жизнь окончилась»[4]. Для нашей темы важно отметить то, что на момент начала войны в Чугуевском училище проходили обучение около 20 офицеров военного времени, попавшие затем на службу в полки, дислоцированные в Тамбовской губернии. Вероятно, эти воспитанники Чугуевского училища также были охвачены общими чувствами.

Настроения начала войны интересно отразились в письмах поручика В.П. Зверева, который в 1914 г. служил в 26-м пехотном Могилевском полку в Воронеже, а с момента мобилизации был переведен во вновь формируемый 234-й пехотный Богучарский полк.

Жаждая включения в боевые действия в августе 1914 г., он писал из Варшавы домой в Воронеж: «Страшно много бумажной работы …Мы

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 246. Л. 1 об.-2; там же. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1189. Л. 44; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14808. Л. 20 об.; там же. Д. 14810. Л. 42; там же. Д. 14832. Л. 197 об.; там же. Д. 14836. Л. 476.

[2] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 14442. Л. 1 об.-2.

[3] Там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26970. Л. 57 об.-58; там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7511-Р.

[4] Военная быль. // URL: http://lepassemilitaire.ru/chuguevskoe-voennoe-uchilishhe-v-almendinger/ (дата обращения: 23.06.2024).

недовольны: думали воевать, а приходится заниматься, караулить, считать». Почти два месяца спустя он сообщал: «До середины ноября жили в городе, ходили в гостиницу, где играли в биллиард и слушали музыку, потом в «цукерню», где пили кофе с пирожным. Теперь об всем забыли, близость к передовой, целый день слышна пушечная стрельба»[1].

Желание подвигов отразилось в воспоминаниях сослуживца полковника П.Д. Крашенинникова по 1-му уланскому полку И.А. Скальского, который в воспоминаниях писал о своем командире: «Человек уже не молодой. Бесхитростный и добродушный, он очень любил поговорить, и в разговорах был очень откровенен. Полковник обожал чай и пил его, мне кажется, весь день. Полковник Крашенинников жаждал событий и геройских поступков, а на фронте царила тишина». Речь шла о периоде, когда Петр Дмитриевич продолжал служить в 17-м уланском Новомиргородском полку, направленном на фронт из Воронежа. По словам мемуариста, П.Д. Крашенинников очень хотел получить орден Святого Владимира 3-й степени, с мечами на шею, но армия бездействовала. Сам Крашенинников так отзывался о вверенном ему новом полку: «Вот теперь я получил полк. Да какой полк! Один из лучших! Самый боевой!» И.А. Скальский отмечал, что он не скупился на награды для солдат. Сам он на фронте в 1916 г. получил Высочайшее благоволение императора за боевые отличия. В апреле 1917 г. П.Д. Крашенинников был назначен в резерв чинов при штабе Двинского военного округа. Вожделенный Владимирский орден он все-таки получил в мае 1917 г. уже от Временного правительства[2].

Как отмечает современный историк П.Г. Култышев, изучивший антропологический аспект истории Русской армии в Первой мировой войне, молодые офицеры отправлялись на войну, как на очередные увлекательные манёвры, наивно полагая, что война может окончиться без их участия.

---

[1] Поручик В. П. Зверев // В дни войны. Вестник Воронежских организаций военного времени. Воронеж: Типо-Лит. В.Д. Колесникова, 1916. С. 6-11.

[2] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Крашенинников_Петр_Дмитриевич (дата обращения: 23.06.2024).

Столкновение с хорошо обученным и вымуштрованным немецким солдатом заронило в души офицеров роковое сомнение в собственных солдатах. Офицер, сомневающийся в силе солдата, в первую очередь не верит в себя как в командира, способного управлять уставшим и разочарованным солдатом[1].

Как известно, мобилизация лета 1914 г. сопровождалась не только патриотическими настроениями мобилизованных, но и их буйным поведением в ходе отправки на фронт. В частности, всероссийскую известность приобрел случай в Кирсанове Тамбовской губернии, где уездный воинский начальник ударил запасного, чем спровоцировал бунт мобилизованных. Офицер едва успел спастись[2].

Это был персонаж нашей базы данных полковник С.Н. Ермолов. Его начальство из этой ситуации сделало типично «свойский» вывод. Приговором Московского военно-окружного суда ему был назначен арест на три месяца с 26 декабря 1914 г. Наказание полковник отбыл на тамбовской гауптвахте, после чего, с июня 1915 г. его перевели из Кирсанова, но на аналогичную должность в Новоузенск Самарской губернии[3].

Особую сторону начального периода мировой войны подметил офицер 7-й артиллерийской бригады В.М. Цейтлин. В записях октября-ноября 1914 г. поручик Цейтлин в своем дневнике часто подчеркивал, что боевые условия положительно повлияли на дисциплину и подготовку солдат и офицеров. Так, 16 октября было записано: «На стрельбах мирного времени было интересно стрелять, но разве можно сравнить со стрельбами на войне. Тут весь горишь, чувствуешь, что плохо и тебе, и другим будет, если проморгаешь»[4].

Но подобные бравые настроения по мере раскручивания «маховика войны» менялись на переживания о гибели близких людей. Так, поручик В.П. Зверев, узнав 27 ноября 1914 г. о гибели своего земляка Сережи Попова, с

---

[1] Култышев П. Г. Русская армия в Первой мировой войне. Историко-антропологический аспект: автореф. дис. …канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2010. С. 26, 30.
[2] Беркович А. Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. Т. 23. М., 1947. С. 35.
[3] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1351. Л. 15 об. - 16; там же. Д. 2668. Л. 3 об.-4.
[4] Жарский А. П., Михайлов А. А., Шептура В. Н. Первая мировая война в неопубликованных воспоминаниях В.М. Цейтлина, офицера Российской императорской и Красной армий // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 99.

грустью писал: «всегда с иголочки одетый, милый, способный, богатый человек»[1]. Возможно, имелся в виду служивший до войны в Воронеже поручик Сергей Тихонович Попов, который погиб в ноябре 1914 г.

Обычным явлением стали сообщения в газетах о похоронах офицеров, погибших на фронтах войны. «Тамбовские епархиальные ведомости» в начале ноября 1914 г. сообщили об отпевании уже упоминавшего подпоручика А.В. фон-дер Лауница, который погиб в августе 1914 г.[2]

5 февраля 1915 г. газета «Русское слово» написало о торжественном погребении в Тамбове скончавшегося от фронтовых ран поручика Константина Николаевича Дьякова[3]. Примерно в это время «Курские епархиальные ведомости» посвятили статью памяти павших офицеров 31-й артиллерийской бригады, в том числе из довоенного кадра: ее командира полковника П.И. Дросси и поручика В.В. Хламова. Газета сообщила о литургии в Белгороде на 40-й день гибели этих офицеров[4].

Газета «Русское слово» сообщила о том, что в Тамбове 23 апреля 1915 г. было торжественно погребено тело скончавшегося от ран капитана К.Н. Леонова[5], который в 1914 г. служил офицером 27-го пехотного Витебского полка, а с началом войны был переведен в 235-й пехотный Белебеевский полк.

В характерной для того времени форме была сделана запись в газете «Архангельск» от 1915 г.: «Штабс-капитан Николай Владимирович Вылежинский убит в бою 10 июля, о чем с душевным прискорбием извещает сестра всех знавших покойного. Заутренняя обедня и панихида в четверг, 23-го сего июля в Троицко-Кузнеческой церкви. Начало в 9 часов утра»[6]. До войны Н.В. Вылежинский служил офицером в курской конвойной команде.

На страницах журнала «Искры» была описана процедура прощания с генерал-майором Н.М. Ремезовым: «7-го ноября на Братском кладбище

---

[1] Зверев В. П. Указ. соч. С.12
[2] Тамбовские епархиальные ведомости. 1914. 5 ноября.
[3] Русское слово. 1915. 5 февраля.
[4] Курские епархиальные ведомости. 1915. 1-8 февраля.
[5] Русское слово. 1915. 24 апреля.
[6] Архангельск. 1915. 22 июля.

совершено погребение известного боевого генерала Н.М. Ремезова, убитого 30-го октября при осмотре позиции разрывной пулей. Генерал Ремезов хорошо известен был не только военным кругам Москвы, но и московскому обществу. Он был учредителем многих спортивных кружков и сам руководил делом постановки физического развития детей в учебных заведениях. Его высокую красивую фигуру с левой рукой на черной перевязи вследствие раны, полученной в Русско-японскую войну, знала буквально вся Москва. Покойный происходил из литературной семьи. Его отец известный публицист М.Н. Ремезов – был одним из основателей и пожизненным редактором журнала «Русская мысль». Отпевание тела героя состоялось в церкви Самогитского полка (в Покровских казармах), которым он до войны долгое время командовал. Храм был переполнен почитателями памяти покойного. При отпевании изволила присутствовать Её Императорское Высочество Великая Княгиня Елизавета Федоровна, командующий войсками Московского военного округа И.И. Мрозовский и другие высшие представители военной власти. Когда гроб с телом почившего был вынесен из храма, войска взяли на-караул, а военный оркестр заиграл «Коль славен». Гроб был поставлен на лафет, и печальная процессия направилась к Братскому кладбищу. На Тверской улице покойному генералу пришлось еще раз встретиться с врагом. Как раз в это время в нескольких санитарных автомобилях везли раненых турок и последние с любопытством смотрели на огромную процессию и на молодцеватых бравых солдат, сопровождавших тело генерала. Генерал Ремезов погребен на Братском кладбище на том самом месте, которое он сам лично выбрал еще при жизни»[1].

Суровость траурных мероприятий была крайним проявлением общественной атмосферы военного времени. Между этим явлением и быстро ушедшим всеобщем патриотическим подъемом находился целый спектр

[1] Искры. Иллюстрированный журнал. 1916. 13 ноября.

фронтовых настроений, который отразился в журналах военных действий пехотных и кавалерийских полков.

Мы посчитали целесообразным обратиться к анализу материалов о фронтовой и около-фронтовой действительности путем сравнения записей, сделанных полковыми адъютантами, а также общих и конкретных событий, происходивших на передовой и с отходом в резерв.

Важными нюансами в нашем анализе являются: полное или частичное наличие журналов военных действий за рассматриваемый период, а также роль субъективного фактора, связанного с личными качествами каждого из полковых адъютантов (литературный стиль, темперамент и т.п.), влияющими на точность и полноту заполнения данного вида источников. Дополнением к журналам послужили факты, извлеченные из документов о награждении Георгиевскими регалиями, где подробно описывалось время, место и характер совершенного подвига.

В принципе известно, что в российской военно-бюрократической традиции фиксация подвига и представление героя к награде были не всегда совпадавшими вещами. Нередки факты отсутствия награждения за отдельные подвиги, зафиксированные в полковых журналах, и, напротив, известны награждения за «невеликий» героизм, особенно военных начальников. Вот эта сторона военной истории очень мало изучена.

Мы учитывали, что журналы боевых действий заполнялись непосредственными участниками и свидетелями конкретных военных событий практически ежедневно, как говорится, по горячим следам боев. Наградные листы и приказы о награждениях создавались намного дольше. Особенно долго готовились документы на награждение знаками святого Георгия. Как показывают некоторые выявленные нами факты, порой такие документы в окончательном виде появлялись через 1-2 года после совершения подвига.

В источниковедческом контексте взглянем на часто цитируемые слова знаменитой певицы Н.В. Плевицкой, которая в годы Первой мировой войны

поступила санитаркой во фронтовой лазарет: «Лежит передо мной изувеченный неизвестный человек, и никаких чинов-орденов у него нет. Он, видишь ты, не герой, а свою жизнь отдает отечеству одинаково со всеми главнокомандующими и героями»[1]. Эта цитата в очередной раз должна напомнить историку о субъективности определения героизма. Формально героями оказались те, чьи подвиги отразились в полковых журналах, армейских донесениях и сводках, наградных листах и приказах. Поэтому мы оговариваемся, что можем изучать только те факты героизма, которые отразились в исторических источниках.

Первые дни начала войны и мобилизационные мероприятия сохранились на страницах журналов 26-го Могилевского и 40-го Колыванского пехотных полков. Они описывались достаточно лаконично и по-военному выдержанно, а иногда с одной и той же формулировкой на несколько дней, как в журнале 26-го Могилевского полка с 20 по 23 июля: «…все работы выполнены согласно мобилизационных записок и дневников»[2]. Тем не менее, адъютант 40-го Колыванского полка за описанием общих рутинных мероприятий не забыл привести пример патриотических чувств, имевших место 20 июля: «Часов в 11 утра устроенная городом манифестация с пением народного гимна и с портретом Государя Императора подошла к канцелярии полка. К манифестантам вышел К-р полка и когда пение гимна было окончено, обратился к ним с речью. Речь К-ра полка была проста, но в ней выразилось глубокое понимание создавшегося положения и была проникнута высоким патриотическим чувством. Речь была встречена манифестантами восторженно и многократное «Ура» громко разносилось по городу. Скоро манифестанты ушли, и работа продолжилась»[3].

Подобные записи подтверждаются и в газетных изданиях. Так, в «Курских епархиальных ведомостях» мы встретили сообщения о крестном

[1] Цит. по: Яковлев Н. Н. 1 августа 1914.М.: Молодая гвардия, 1974. С. 39.
[2] РГВИА. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 131. Л. 2.
[3] Там же. Ф. 2654. Оп. 2. Д. 144. Л. 3-3 об.

ходе горожан 26 июля 1914 г. в расположения 173-го Каменецкого и 174-го Роменского пехотных полков как патриотической поддержке офицеров и солдат перед отправкой на фронт[1]. Несколько позже эта газета опубликовала Слово архиепископа Белгородского Никодима, произнесенное при отбытии на фронт 31-й артиллерийской бригады и 69-й тяжелой артиллерийской бригады[2].

Для изучения микро-исторических аспектов непосредственного участия офицеров в боевых действиях, в частности, интересны журналы 28-го пехотного Полоцкого полка, которые содержат описания боев на Юго-Западном фронте в Галиции.

В описании боя при деревне Гопке 15 августа 1914 г. отмечалось, что небольшая горсть австрийцев зашла, пользуясь лесом, во фланг и начала почти в упор стрелять по нашей артиллерии. Эта атака была отбита командиром батареи капитаном 7-й артбригады Радецким и подпоручиком 28-го полка Е.В. Кологривовым, которые личным примером увлекли за собой прикрытие, бросились в штыки и «совершенно всех уничтожили». При чем были убиты два австрийских офицера, один из них лично подпоручиком Кологривовым[3].

Н.Н. Радецкий был представлен к ордену св. Георгия 4-й ст. и был награжден им почти через 1,5 года[4]. Подпоручик Евгений Кологривов, скорее всего, был награжден орденом св. Анны 4-й ст. с надписью за храбрость (т.к. это была его первая награда) только в январе 1915 г.[5]

Уже на следующий день полк вел бой при деревне Пеняны 16 августа 1914 г. В полковом журнале говорится о решительных и мужественных действиях командира 1-го батальона капитана М.В. Юновича: ввиду характера местности и значительных сил противнику отчасти удалось войти в деревню, но действием огня наших пулеметов, 3-й роты, и частью 2-й роты, наступление от деревни было остановлено. Деревня запылала, и стало заметно, что

[1] Курские епархиальные ведомости. 1914. 1-8 августа.
[2] Там же. 1914. 22 августа.
[3] РГВИА. Ф.2642. Оп. 1. Д. 147. Л. 1 об.
[4] Там же. Ф.400. Оп.126. Д. 159. Л. 1.
[5] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14805. Л. 59 об.

противник вновь потянулся в восточном направлении на деревню Ратычев. Тогда капитан Юнович приказал 3-й роте отойти на высоту северо-западнее оврага между деревнями Пеняны и Ратычев, а 4-й роте войти в деревню Пеняны, занять ее и укрепиться на западной окраине деревни. Движение обеих рот было произведено одновременно с выдвижением на названную высоту рот 2-го батальона, посланного на усиление 1-го батальона[1]. Капитан Юнович не успел стать кавалером наград, полученных в сражениях Первой мировой войны, поскольку уже через десять дней погиб в бою у деревни Тарноватка[2].

В тот же день проявил героизм и штабс-капитан Л.А. Анисимов. После ранений капитана А.М. Корженицкого (скончался в тот же день)[3] и штабс-капитана С.Е. Васильева, Анисимов принял командование на себя, перешел в наступление и под действием огня с постоянным прицелом наших цепей противник был выбит из занятых им окопов и стал отходить в направлении деревни Жерники. В этом бою помимо Анисимова особенно отличились подпоручики Н.Д. Петров, Б.В. Усенко и К.А. Адамович[4].

В описании действий 28-го Полоцкого полка в качестве арьергарда 7-й пехотной дивизии 20-21 августа под деревней Теребин зафиксировано: «ввиду захвата противником переправы у Веркбовице и возникновения угрозы тылам правого фланга 28-го полка немедленно была выдвинута рота под начальством подпоручика Кологривова, которая выбила противника с переправ и сожгла мосты, обезопасив, таким образом, правый фланг полка». В период описываемых событий особенно отличился «решительными организаторскими способностями» капитан штаба 5-го армейского корпуса, прикомандированный к 28-му полку, Н.П. Лесевицкий [5]. Этот факт особенно интересен тем, что он относится к штабному офицеру, которых армейское общественное мнение обычно относило к сидевшим вдали от передовой.

---

[1] РГВИА. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 147. Л. 3-3 об.
[2] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. без номера. Ящик. 7547-Ю.
[3] Там же. Ф.16196. Оп. 1. Д. 1189. Л. 116.
[4] Там же. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 147. Л. 3 об.
[5] Там же. Л. 6, 7.

В описании отбития обоза при деревне Линденау 31 августа 1914 г. вновь упоминается командир 1-го батальона штабс-капитан Л.А. Анисимов, который сначала провел грамотную разведку, лично выяснил у местных жителей количество и состав войск противника, а затем быстро выдвинулся по дороге из деревни Липовец в Линденау. Сам Анисимов пошел с передними дозорами, выйдя за гребень, он произвел рекогносцировку совместно с прапорщиком Савеловым – командиром 1-й роты. Анисимовым было приказано всем ротам рассыпаться в цепь, куда и выехали с двумя пулеметами. 1-й батальон быстро двинулся вперед, занял гребень и открыл частый огонь из ружей и пулеметов по кавалерии и артиллерии врага, которые служили прикрытием огромного обоза. Неожиданность такого огня так ошеломила противника, что, сделав несколько выстрелов, враг в панике бежал за деревню. В это время по нему был открыт огонь из 2-х наших орудий, а потом всей батареей. Когда снаряды стали рваться вдали от деревни, 1-й батальон быстро двинулся вперед, но в деревне был обстрелян занявшими пехотинцами противника, которых огнем заставили сдаться. По занятию деревни в наши руки попало 6 скорострельных орудий и одна мортира[1].

В наградном листе с представлением Л.А. Анисимова к ордену св. Георгия 4-й ст. итоги боя были представлены более конкретно и весомо: взято 7 орудий, 56 пленных и 405 повозок[2].

В описании командиром 28-го Полоцкого полка боевой рекогносцировки 15-го ноября и сражения у поселка Щерцова отмечалось, что противнику был нанесен большой урон, несмотря на численное превосходство. Были особенно отмечены геройские действия ротных командиров подпоручиков Льва Лосиевского и Степана Монастырева. Оба офицера фигурируют в списке награжденных орденом св. Анны 3-й ст. от 27 апреля 1915 г.[3]

---

[1] РГВИА. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 147. Л. 8.
[2] Там же. Ф.408. Оп.12. Д. 290. Л. 88 об.-89.
[3] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14808. Л. 367.

В целом, в выявленных журналах 28-го Полоцкого полка представлены описания 5 сражений августа – ноября 1914 г. При этом остались неизвестными журналы за сентябрь-октябрь 1914 г.

Из 11 офицеров, чьи подвиги были зафиксированы в полковых журналах боевых действий, мы выявили факты награждений 8 человек. С другой стороны, мы выявили наградные листы и приказы по армии с описаниями подвигов офицеров, которые не нашли отражения в журналах боевых действий соответствующих полков того периода.

Так, журнал военных действий 25-го пехотного Смоленского полка сохранил описания военных событий с 9 по 13 августа 1914 г. Однако указаний на подвиги офицеров полка в источнике не оказалось[1].

Вместе с тем, сохранился приказ о награждении орденом св. Георгия 4-й ст. капитана 25-го пехотного Смоленского полка Н. Осиковского за то, что в бою 26 августа 1914 г. у д. Тарноватки он взял с боя с вверенной ему ротой неприятельский пулемет, перебив прислугу и взяв в плен офицера-пулеметчика[2].

Наградные листы и приказы по армии позволили выявить факты награждений офицеров Витебского и Могилевского полков, у которых не сохранились журналы боевых действий за 1914 г., либо в них отсутствовали описания офицерских подвигов. Кроме того, данные материалы позволили установить факты героического поведения офицеров штаба 7-й пехотной дивизии.

Подполковник 27-го Витебского полка Станислав Калишек, был удостоен Георгиевского оружия: «за то, что 12 октября 1914 года в лесном бою под п. Варкой, командуя 6-ю ротами и 4-мя пулеметами, своими энергичными действиями способствовал общему успеху боя тем, что отбивал все попытки противника в продолжение двух дней отрезал весь отряд от переправы у п.

[1] РГВИА. Ф. 2639. Оп. 1. Д. 271.
[2] Там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 181. Л. 3.

Варки, что оказало большое влияние на общий ход боя и привело к отступлению немцев»[1].

Георгиевским оружием был награжден временно командующий 27-м Витебским полком, полковник Виктор Яхонтов: «за то, что в боях под Видавою с 15-го по 18 ноября 1914 года с 2 батальонами и батареей оборонял позицию на фронте д. Подуле-Грабно и, несмотря на обход с обоих флангов, упорной обороной позиции дал возможность остальной части полка, сбитого с позиции, благополучно отойти»[2].

Такой же награды был удостоен Александр Мордвинов из 26-го Могилевского полка: «за то, что, командуя в чине подпоручика 5-й ротой при наступлении полка 18 августа 1914 года на д. Рахане (в районе Лащова), когда был ранен командир 8-й роты, вследствие чего эта рота, потеряв начальника, смешалась и начала отступать, подпоручик Мордвинов, по собственной инициативе, остановил людей этой роты, восстановил порядок и, приняв роту под свою команду, продолжал, во главе 5-й и 8-й рот под убийственным огнем, наступление. Атаковал упомянутую деревню и, выбив из нее противника, удержал ее до конца боя, несмотря на пожар и ожесточеннейший огонь, будучи при этом контужен»[3].

Временно командующий 26-м пехотным Могилевским полком, подполковник Семен Рыбаков, также заслужил Георгиевское оружие «За храбрость»: «за то, что в бою под Видавою с 15 по 18 ноября 1914 г., находясь с батальоном и батареей в отдельном отряде, выдержал ряд упорнейших боев. Будучи обойденным с правого фланга, упорно держался на своих позициях, чем дал возможность своему полку благополучно отойти. Перед отходом произвел атаку, чем обеспечил себе легкий отход»[4].

Еще один храбрец из 26-го пехотного полка, Иван Григорьев, заслужил Георгиевское оружие: «за то, что, будучи в чине поручика, в бою у д. Рогузьно

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 12. Д. 290. Л. 3.
[2] Там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 181. Л. 2 об.
[3] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 1485. Л. 454 об.-455.
[4] Там же. Л. 449.

17-го ноября 1914 года, когда к вечеру обнаружилось наступление густых колонн противника на участке 1-го и 4-го батальонов полка, он, получив приказание передвинуться со взводом пулеметов на участок 1-й роты, которой грозила наибольшая опасность от огня неприятельских пулеметов и наступающих колонн, своими самоотверженными и блестящими действиями заставил замолчать пулеметы противника, а затем перенес свой огонь на наступающих немцев и задержал их, ведя огонь почти в упор, чем дал возможность под его прикрытием благополучно отойти ротам 1-го батальона и вывезти пулеметы, сам же был при этом тяжело ранен»[1].

Их однополчанин, штабс-капитан Федор Колесников, совершил свой подвиг чуть позже остальных товарищей, но был представлен к награде значительно раньше: «за то, что 7-го декабря 1914 года во время наступления полка на д. Езержец, под убийственным огнем противника, за выбытием из строя батальонного командира, приняв командование батальоном и приведя его в порядок, лихой атакой занял две линии неприятельских окопов и, отразив контратаки немцев, удержал взятые с боя позиции, а на другой день (8 декабря) вновь повел батальон в атаку и, выбив противника из окопов (за д. Езержец), был тяжело ранен в голову и вынесен на перевязочный пункт[2].

Артиллеристы 7-й дивизии не отставали от пехотинцев. Михаил Васютович заслужил орден св. Георгия 4-й ст.: «за то, что, состоя в рядах 7 артиллерийской бригады в чине капитана, в бою 20 ноября 1914 г. у дер. Мала Мержончка и кол. Дужа Мержончка, командуя 6 батареей и получив приказание стать на позицию для отражения натиска противника, двигавшегося густыми колоннами в образовавшейся на фланге дивизии прорыв, быстро выехал на открытую позицию на расстоянии 800 шагов от неприятеля и, руководя действиями батареи, в упор расстреливал противника, пытавшегося не только с фланга охватить дивизию, но и захватить саму батарею. Несмотря на явную опасность для жизни, данную задачу выполнил

[1] РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14851. Л. 452 об.
[2] Там же. Д. 14836. Л. 153-153 об.

успешно и тем дал возможность спокойно отойти частям дивизии на новую позицию»[1].

Офицеры штаба 7-й пехотной дивизии не отсиживались в тылу передовых частей. Они также шли вперед и находились в гуще сражения.

Начальнику штаба 7-й пехотной дивизии Генерального Штаба, полковнику Иосифу Довбор-Мусницкому, был вручен орден св. Георгия 4-й степени: «за то, что во время рекогносцировки частями дивизии 12 августа 1914 года в направлении Корчмин-Корчов и Махнувек-Стае предложенными им мерами и его личной рекогносцировкой расположения неприятеля под сильным шрапнельным и ружейным огнем, явно подвергая свою жизнь опасности, и сделанным им распоряжением, по собственному почину, не только выручил дивизию и в частности 26 полк из тяжелого положения, но и способствовал поражению противника»[2].

Офицер 7-й пехотной дивизии, Всеволод Ступин, получил Георгиевское оружие: «за то, что в боях 14-го, 15-го, 16-го августа 1914 года, под пос. Лащевым, будучи назначен исправляющим должность начальника штаба авангарда 7-й пехотной дивизии, под ружейным и артиллерийским огнем, правильно оценив обстановку, в большей мере содействовал начальнику авангарда в достижении успеха»[3].

Начальник 7-й дивизии, генерал-лейтенант Сергей Михно, стал обладателем Георгиевского оружия: «за то, что, будучи назначен на 19-е августа 1914 года начальником арьергарда для прикрытия отхода 5-го армейского корпуса на новую линию сосредоточения к г. Грубешову, блестяще выполнил эту задачу, отбив все атаки австрийцев и отбросив их на пушечный выстрел от своей позиции, после чего 5-й корпус получил полную возможность спокойно и в порядке отойти, не оставив неприятелю трофеев»[4].

---

[1] РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14839. Л. 110 об.
[2] Там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 181. Л. 88 об.
[3] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14807. Л. 132 об.
[4] Там же. Л. 118 об.

Он же стал и георгиевским кавалером, заслужив орден св. Георгия 4-й ст.: «за участие его с тремя полками своей дивизии в боях 13-го и 14-го октября 1914 года у Боже и Боска Вола с целью оказать помощь гренадерскому корпусу, находившемуся в трудном положении, и за выручку сего последнего от грозившей ему опасности быть обойденным»[1].

Уже упомянутый нами Всеволод Ступин, будучи назначенным исправлять должность штаб-офицера для поручений при Главнокомандующем армиями Северного фронта, генерального штаба, стал кавалером ордена св. Георгия 4-й ст.: «за то, что, состоя старшим адъютантом штаба 7-й пехотной дивизии, 9-го ноября 1914 года у д. Подуле руководя действиями самостоятельного отряда в составе 2-х батальонов и 6-ти орудий, имевшей задачу обеспечить дивизию от противника, вышедшего ей в тыл, умелыми и искусными действиями, пренебрегая явной опасностью, под действенным огнем и несмотря на сильный натиск значительных сил германцев, не только отразил все их атаки, но перейдя в наступление нанес им сильное поражение, чем выручил дивизию от угрожавшей ей опасности быть окруженной»[2].

Говоря об участии наших офицеров в военных действиях кампании 1915 г., мы обратили особое внимание на центральную проблему, связанную с «Великим отступлением», принципиально отличавшуюся от наступательных действий 1914 г.

Согласно журналам 25-го Смоленского полка, майские дни проходили относительно спокойно. Наиболее запоминающимися стали 27 и 28 мая, когда добровольно в плен сдались сначала один, а потом два немецких солдата[3]. Какое уж тут отступление от немцев! Первый летний месяц описывается спокойно, а основное движение на фронте начинается 29 июня.

---

[1] РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14794. Л. 530 об.
[2] Там же. Д. 14835. Л. 347.
[3] Там же. Ф. 2639. Оп. 1. Д. 273. Л. 1 об.

Согласно записям в журнале 26-го полка, майские и июньские дни прошли относительно спокойно. Тем не менее почти каждый день упоминалось о перестрелках и потерях в нижних чинах. В мае на фронте 26-го полка можно выделить эпизод, произошедший 23-го числа, когда в районе окопа № 5 после немецкой стрельбы начался пожар, и бойцы 16-й роты под командой капитана Лакатоша стали его тушить, последний был ранен разрывной пулей[1].

Такая же картина наблюдалась в описании майских и июньских дней на позициях 28-го Полоцкого полка. Только в ночь с 29 на 30 июня, как записано в журнале 27-го полка, началось усиление ружейного и пулеметного огня по позициям соседнего 28-го Полоцкого полка, а в 3 часа ночи начался мощный артиллерийский огонь по окопам, занимаемым казаками. После артподготовки казаки оставили позиции, и немцы моментально заняли их. В сложившейся ситуации командир 27-го полка полковник Чеглов незамедлительно отдал приказ о контратаке половине 5-й роты под командованием капитана Моисеенко-младшего (старший брат в это время был в Тамбове на излечении) и 7-й роты под командой штабс-капитана Ахмед-Бекова. В результате атаки был восстановлен контроль над окопами. 30 июня при поддержке огня артиллерии немцы вновь перешли в наступление. Основной удар противник предпринял на позиции соседнего 28-го Полоцкого полка, занимавшего Шафранские бугры. По приказу командира 27-го полка роты получили приказ поддержать 28-й полк. Рота под командованием капитана Мередиха была отправлена к д. Плевки. В ходе боя прапорщик Скрылев увидел белый флаг над окопами Полоцкого полка. После этого немецкие войска без сопротивления стали занимать Шафранские бугры. В ходе боя командир 7-й роты 27-го полка штабс-капитан Ахмед-Беков был ранен. Другие роты 27-го полка, совместно со 2-м батальоном 25-го Смоленского полка, получили

[1] РГВИА. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 134. Л. 8-8об.

приказ перейти в контратаку. Однако «смоленцы» отложили атаку, и ночью роты вынуждены были отойти назад[1].

В записях 28-го полка, сделанных в ночь с 29 на 30 июня, речь шла о возможности большого немецкого наступления и о мерах по его противодействию. Было усилено наблюдение за позициями противника и выслана группа разведчиков под командой поручика Ершова.

Начиная с 4 часов утра, немцы открыли ураганный артиллерийский огонь по позициям полка. Особенно тяжело пришлось ротам 2-го батальона, позиции которого были практически стерты, после чего противник установил контроль над сопками (в журнале 27-го полка «Шафранские бугры»)[2]. Интересно, что в этих записях отсутствует упоминание о белых флагах и сдаче позиций, а также говорится об отсутствии помощи со стороны 27-го полка.

В записи, сделанной в 25-м полку 30 июня, упоминается момент, когда два батальона Полоцкого полка оставили свои позиции. При попытке отбить деревню Круша погибли два подпоручика, еще три офицера Смоленского полка были ранены[3].

Во время отхода 28-го полка 7 июля поручик Ершов получил приказ взорвать мосты на реках Нарев и Писа[4].

Наибольшие потери «могилевцы» понесли 12–13 июля, когда немцы под прикрытием огня артиллерии перешли за реку Нарев и начали усиливать наступление. В ходе боев в числе раненых оказался командир отдельного батальона капитан Лакатош[5].

Во время боя 14 июля для выяснения ситуации на фронте в штаб 26-го Могилевского полка прибыл капитан 7-й артиллерийской бригады Попов, который лично убедился в том, что роты полка удерживают занимаемые позиции, и уезжая сказал: «Я доложу об этом корпусному командиру», при

[1] РГВИА. Ф. 2641. Оп. 1. Д. 149. Л. 11-13.
[2] Там же. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 150. Л. 5 об -7об.
[3] Там же. Ф. 2639. Оп. 1. Д. 273. Л. 7об.-8.
[4] Там же. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 152. Л. 4.
[5] Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 135. Л. 7-7 об.

этом он добавил: «Произошло какое-то обидное недоразумение»[1]. Видимо, в штаб корпуса поступило сообщение об отступлении полка, которого по факту не было.

Журнал Могилевского полка сообщал, что 17 июля во время поддержки 2-го батальона был ранен командир 15-й роты капитан Солоневич[2].

Однако особый героизм в те дни проявил полковник 26-го Могилевского полка Д.И. Малукалов, который с 13 по 17 июля вел бои на р. Нарев у деревни Осетно-Зарузинская: «будучи со своим батальоном начальником самого опасного и ответственного боевого участка, блестяще отбил 5 повторных яростных атак втрое превосходящего в силах противника, веденных на его участках не только с фронта и флангов, но и с тыла. Несмотря на явную опасность для жизни и большие потери в ротах батальона, доблестно выдержал оборону в течении 5 суток, не уступив противнику ни пяди земли и нанеся ему большие потери»[3], за что и был представлен к Георгиевскому оружию.

19 июля 5-я рота того же полка под командой капитана Широких ценой больших потерь восстановила ходы сообщения с 40-м Колыванским полком[4]. Капитан был представлен к Георгиевскому оружию, правда в наградном документе от февраля 1917 г. будет фигурировать дата боя с 13 по 17 июля[5].

В ходе боя 25 июля немцы вновь перенесли удар на 28-й Полоцкий полк, и над его окопами вновь появился белый флаг, после чего часть солдат начала убегать. Находившийся неподалеку капитан Наумов (не понятно, о ком идет речь, так как и в 27-м, и в 28-м полку в тот момент были капитаны однофамильцы) открыл огонь по бегущим солдатам, а затем с криком «Ура!» со своей учебной командой выбил немцев и занял окопы «полочан». Кроме того, было захвачено в плен 6 немцев, которых отправили в штаб[6].

---

[1] РГВИА. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 153. Л. 1 об.-3об.
[2] Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 135. Л. 10.
[3] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14856. Л. 330 об.-331.
[4] Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 135. Л. 12.
[5] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14851. Л. 451-451 об.
[6] Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 149. Л. 12-13об.

В боях 25 и 27 июля штабс-капитан 25-го Смоленского полка В.М. Новиков проявив лучшие офицерские качества был представлен к Георгиевскому оружию за то, что: «исполняя должность Начальника Штаба боевого участка, будучи послан начальником участка, подвергая свою жизнь явной опасности, приводил в порядок пришедшие в замешательство части, лично направлял их и располагал для восстановления боевого порядка, принял по собственной инициативе меры против охвата противником фланга участка, лично установил прерванную связь с соседним участком и благодаря верной оценке обстановки и своей самоотверженной деятельности, которой он не прекратил несмотря на полученную тут же контузию, способствовал удержанию позиции войсками своего боевого участка»[1].

28 июля 27-й Витебский полк укреплял новые позиции, а на следующий день противник после артиллерийского обстрела перешел в атаку и смял позиции соседних полков, которые в беспорядке стали отступать. Ввиду сложившейся угрозы для флангов была получена команда на отход, что привело к драматической ситуации. В районе д. Леснево немцы подошли почти к самому штабу полка, но, благодаря стремительной атаке 14-й роты, которую повел вперед полковой адъютант штабс-капитан Бобин, враг был отброшен. На следующий день, 30 июля, полк отступал, постоянно преследуемый противником. Только благодаря действиям командира полка полковника Чеглова, который собрал «в кулак» 1-ю и 7-ю роты, а также учебные команды 27-го и 28-го полков, бросился на противника, удалось беспрепятственно отойти на новые позиции[2].

30 июля в бою у деревни Леснево офицер 27-го Витебского полка А.Е. Бобин: «будучи послан командиром полка для связи с начальником правого боевого участка, не доезжая 60-70-ти шагов увидел, что сообщение с этим боевым участком отрезано немцами, угрожавшими флангу и тылу полка, по собственной инициативе схватил отходившие в резерв 14-ю и 15-ю роты,

[1] РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26947. Л. 6 об.
[2] Там же. Д. 26947. Л. 15 об.-17об.

увлекая их личным примером беззаветной храбрости повел в атаку на немцев, по совершенно открытой местности под убийственным огнем противника, и ударом в штыки выбил, заняв их позиции и укрепился, чем содействовал уничтожению опасного прорыва немцев во фланг и тыл отряда»[1]. За проявленный героизм Аркадий Ефимович был представлен к Георгиевскому оружию.

В первые дни августа подразделениям 27-го полка пришлось отбивать окопы, брошенные 37-м Екатеринбургским полком. Но, выбив из них немцев, «витебцы» не смогли закрепиться, засыпанные градом снарядов. В этих условиях полковник Чеглов лично повел 3-й батальон в атаку и при поддержке присоединившихся к ним 1-го и 2-го батальонов выбил немцев из д. Бартечки, заняв ее. В результате решительных действий командира полка и храбрости многих офицеров полку удалось немного упрочить положение[2].

После тяжелых и продолжительных боев 27-й полк отошел в резерв, получил пополнение, а 6 августа принял в расположении командира 5-го армейского корпуса генерал-лейтенанта П.С. Балуева, который благодарил полк и господ офицеров за боевую службу, а командира полка даже расцеловал. На следующий день полк посетил командир дивизии С.Д. Михно, который вручил кресты и медали, пожалованные воинам полка[3].

В ночь с 1 на 2 сентября для ликвидации прорыва с бивака был поднят 1-й батальон под командой полковника Старчинского, которому быстро удалось остановить противника, вернуть контроль над оставленной деревней и занять позиции. 2 сентября немцы начали наступать по всему фронту. Маневрируя силами личного состава, полковник Старчинский, периодически переходя в контратаки, начал отводить свой батальон. На следующий день стратегическая инициатива переходила из рук в руки, и казалось, что

[1] РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14836. Л. 153.
[2] Там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26947. Л. 18-19 об.
[3] Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 149. Л. 20-20 об.

оставленные позиции вновь будут возвращены и удержаны, но к 11 часам ночи был получен приказ отходить за р. Вильна и сжечь за собой мост[1].

6 сентября, уже на новых позициях, 27-й полк совместно с частями 10-й пехотной дивизии вел тяжелый бой с превосходящими силами противника. Отходя и контратакуя, подразделения полка старались удержаться на позициях. На страницах журнала запечатлены фамилии офицеров, наиболее активно проявлявших себя в этих тяжелых условиях: полковник Старчинский, подполковник Вольбек, капитан Идзиковский. Взаимодействуя с 25-м Смоленским полком, капитан Наумов и прапорщик Стефанский со своими подразделениями получили приказ поддержать «смоленцев», так как, по словам их же офицера, поручика Богдановича, много солдат последнего набора и они крайне не стойки в бою. Но, несмотря на все усилия, командиру 2-го батальона капитану Наумову так и не удалось поднять 1-й и 3-й батальон Смоленского полка. В конечном итоге части 25-го полка под общей командой поручика Богдановича, прикрываемые ротами 27-го полка, начали отходить в резерв. По приказу подполковника Вольбека, 5-я рота поручика Пенчальского и 6-я рота прапорщика Давыдова заполнили пустоты в обороне и, используя выгодную позицию, наносили немцам сильное огневое поражение. Эти действия потеснили противника и позволили укрепиться на занятых позициях. После боя особой похвалы за решительные действия были удостоены командир 2-го батальона капитан Наумов и многие младшие офицеры. Несмотря на локальный успех, 8 сентября полк вновь вел тяжелый бой и в итоге вынужден был отойти и занять новые позиции, а еще через сутки, 9 сентября, отступление продолжилось[2].

Адъютантом 28-го Полоцкого полка также были внесены записи о ходе того боя. 6 сентября ввиду оперативной необходимости несколько рот полка

[1] РГВИА. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 150. Л. 1-2об.
[2] Там же. Л. 4-8.

под командой капитана Бойко и поручика Абаносимова оказали поддержку частям 25-го и 27-го полков[1].

14 сентября начальником штаба 7-й пехотной дивизии полковником Беловским была поставлена задача 1-му батальону полковника Старчинского атаковать деревню Путяты. Две атаки, предпринятые в течение дня, не возымели успеха. Понеся большие потери, роты батальона получили приказ укрепиться на местах[2].

Такая же участь постигла и подразделения 28-го полка. 14 сентября совместно с 27-м полком «полочане» начали наступление на деревню Путяты. Основная нагрузка легла на батальон капитана Бойко, который не смог пробиться сквозь ураганный артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь, отступил к лесу южнее деревни и окопался там[3].

17 сентября командир 27-го полка полковник Чеглов получил приказ вступить в командование всем правым боевым участком дивизии в составе 25-го и 27-го пехотного полков и начать активные наступательные действия в районе деревни Черемшица. В ночь на 18 сентября 1-й и 2-й батальоны под командой полковника Старчинского и подполковника Вольбека приступили к выполнению поставленной задачи. В результате героической штыковой атаки удалось занять значительную часть немецких позиций. Но при этом 1-й батальон потерял практически всех офицеров. Поручик 2-й роты Мазур был ранен, капитан 3-й роты Идзиковский контужен, капитан 4-й роты Алексеев убит в штыковой схватке. В ротах не было младших офицеров, что привело к некоторой дезорганизации, позволившей немцам подтянуть резервы и отбить часть занятых позиций. Несмотря на это, нижние чины, воодушевляемые лично командиром батальона, держались крепко. На поддержку 1-му батальону были выдвинуты резервы. Атаку возглавил капитан Моисеенко, и

[1] РГВИА. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 154. Л. 3-4.
[2] Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 150. Л. 8 об.-9.
[3] Там же. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 154. Л. 6 об.-7.

войска, ворвавшись в окопы, смогли потеснить оттуда немцев. Однако удар в тыл немцам, который наносил 26-й Могилевский полк, не принес успеха.

Усилив 1-й и 2-й батальоны подкреплениями из учебных команд в 3 часа дня, ведомые доблестными командирами Старчинским и Моисеенко части ударом в штыки выбили немцев с занимаемых позиций и обратили их в бегство по всему фронту. После этого боя 19 сентября полк отошел в резерв, а 25 сентября командир дивизии прибыл в расположение полка и вручил Георгиевские кресты, пожалованные Государем Императором[1].

Основными операциями кампании 1916 г. стали бои у озера Нарочь и большое летнее наступление Юго-Западного фронта. Записи в полковых журналах вновь продемонстрировали серьезные различия в стиле их заполнения, а серьезное приращение фактов вновь дали «георгиевские» наградные документы.

5 марта командир 5-й батареи 7-й артиллерийской бригады капитан Ахшарумов, находясь в передовом окопе 5-й роты корректировал огонь своей батареи, благодаря чему было уничтожено два немецких пулемета[2].

За бой 8 марта у деревни Занарочь к Золотому Георгиевскому оружию был представлен штабс-капитан 25-го Смоленского полка Александр Безобразов, который: «личным примером увлекая роту на немецкие укрепления, под губительным огнем пулеметов, переправился по вязкой, по пояс грязи, через поток и со штыковым боем ворвался в укрепление, коим и овладел, взяв 42 нижних чина и пулемет. При преследовании противника был ранен»[3]. В тот же день были отмечены: командующий 25-м Смоленским полком, подполковник Мироновский, его подчиненный штабс-капитан Новиков и еще несколько офицеров. Из 26-го Могилевского полка высокую оценку заслужили капитан Щербаков и штабс-капитан Рудин[4].

---

[1] РГВИА. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 150. Л. 10 об.-14.
[2] Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 139. Л. 4 об.
[3] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14851. Л. 593 об.
[4] Там же. Л. 9.

В тяжелые часы боя 9 марта особенное мужество и распорядительность проявили: штабс-капитан 25-го Смоленского полка Новиков, командир 2-го батальона 26-го Могилевского полка капитан Щербаков и начальник пулеметной команды того же полка подполковник Лакатош[1].

15 апреля были отмечены решительные действия подполковников Лакатоша и Малукалова в бою у деревни Стаховцы[2]. В тот же день в журнале 27-го Витебского полка были отмечены действия капитана 7-й артиллерийской бригады Афанасьева, который в трудный момент поддержал огнем артиллерии действия полка по продвижению вперед. Чуть позже, капитан Афанасьев, совместно с полковником Радецким доблестно вели огонь по противнику[3].

В ходе большого Луцкого наступления в бою с 18 по 23 июня была отмечена контратака 2-го батальона 27-го Витебского полка под командованием подполковника К.А. Моисеенко, который был смертельно ранен во время выполнения поставленной задачи[4].

21 июня благодаря энергичным действия 14-й и 5-й рот 27-го полка под общим командованием подполковника Наумова, под сильным огнем противника, была взята высота 101,1[5].

24 июня в бою у деревни Злочевка, вновь были отмечены действия подполковника 26-го Могилевского полка Лакатоша и его 2-го батальона: «лихим ударом в штыки отбросили превосходящие силы противника к их исходному положению». После чего отличился штабс-капитан Рудин, командовавший 4-м батальоном, и также сумевший отразить атаку противника[6].

В тот же день в бою у деревни Дубовые Корчмы подпоручик 28-го Полоцкого полка Константин Вишневский: «занимая с ротой выдвинутое

[1] РГВИА. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 139. Л. 10.
[2] Там же. Л. 21 об.
[3] Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 153. Л. 15, 19.
[4] Там же. Д. 155. Л. 2-3.
[5] Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Л. 6 об.
[6] Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 141. Л. 6-6 об.

вперед положение в промежутке между 28-м пехотным Полоцким и 21-м Сибирским стрелковым Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полками и заметив, что после сильного ураганного огня немцы двинулись густыми цепями в атаку, с исключительным мужеством, хладнокровием и распорядительностью руководя действиями роты, позволил противнику приблизится на 50-60 шагов, а затем, открыв ожесточенный ружейный и пулеметный огонь, стал в упор расстреливать наступавшего противника и, расстроив его, с криком «ура» бросился вперед, увлекая своей беззаветной храбростью, в контратаку нижних чинов, которые бросились на врага в штыки. Немцы бежали, бросали ружья и сдавались в плен; приостановив наступление противника, подпоручик Вишневский, несмотря на большие потери, преследовал врага, причем был смертельно ранен и вскоре скончался на отбитом у противника участке, кровью запечатлев свой геройский подвиг»[1]. Посмертно офицер был представлен к ордену Святого Георгия Победоносца 4-й степени.

В бою 8 июля на реке Липе в районе деревень Голятынь Дольный и Голятынь Горный, среди отличившихся офицеров, вновь звучали знакомые фамилии подполковника Щербакова и штабс-капитана Рудина[2].

В описании подвига офицера 25-го Смоленского полка М.П. Енькова сообщалось: «в бою 11 июля 1916 г. у деревни Галичане, командуя 3 батальоном названного полка, под сильнейшим огнем противника, совместно с командой разведчиков, с целью усиленной рекогносцировки расположения и группировки сил противника, стремительно атаковал и занял окопы его; преследуя отступающего врага, с бою занял д. Галичане и поджог склады боевых припасов и продовольствия, причем было взято 4 пулемета и 87 пленных»[3].

[1] РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14836. Л. 656-656 об.
[2] Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 142. Л. 7.
[3] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14865. Л. 131 об.

Изучение журналов полков второй очереди (233-й Старобельский, 234-го Богучарский, 235-й Белебеевский, 236-й Борисоглебский, входили в 59-ю пехотную дивизию), где служили десятки офицеров нашей выборки, позволило дополнить журналы боевых действий «базовых» полков, а также уточнить некоторые историографические положения.

В современной исторической литературе, скажем так, еще остаются в цене высказывания историков, особенно эмигрантских, об отдельных событиях Первой мировой войны самого общего свойства, без опоры на первичные источники. Мало того, они характеризуются нечеткостью. Такого рода утверждения предают забвению действия простых солдат и офицеров, которые честно и героически выполняли свой долг и не могут отвечать перед историей за просчеты своих больших командиров.

Одним из ярких примеров подобного рода является заявление А.А. Керсновского о том, что 59-я пехотная дивизия «ничем себя не проявила», но участвовала в Виленских боях и Нарочском наступлении[1]. Не совсем ясно, что подразумевал этот автор, рассуждая, что дивизия не проявила себя, хотя участвовала в крупных сражениях. Но главное состоит в том, что Керсновский и подобные ему авторы, делая широкие обобщения, не обращали внимание на действия солдат и офицеров, непосредственных участников всех этих операций и боев. Изученные нами журналы как раз говорят о том, что они воевали стойко и героически, мужественно переживали конкретные тяготы военного времени.

Общеизвестно, что полки второй очереди формирования вступали в боевых действия позже кадровых. Изученные нами 233-й Старобельский и 234-й Богучарский полки впервые участвовали в серьезных боях в начале 1915 г. у деревни Воля Шидловская[2]. В журнале Старобельского полка подробно описан ход боя 21 января 1915 г и его итог: роты смогли занять вторую линию

[1] Керсновский А. А. История русской армии. [В 4-х т.]. Т. 4. М.: «Голос», 1994. С. 200.
[2] Таранный лобовой удар германцев. Кровавая битва у Воли Шидловской, январь 1915 г. // Битва Гвардий URL: https://btgv.ru/history/great-war/восточный-рубеж/1915/ramming-frontal-blow-of-the-germans-the-battle-of-the-will-of-shidlovskaya-january-1915/ (дата обращения: 1.05.2024).

окопов противника, понесли потери до 50 % своего состава[1]. Богучарскому полку вообще пришлось отойти, хотя некоторые части подошли к противнику до 50-ти шагов[2].

В таких тяжелых сражениях заметными оказались потери офицеров, в том числе изучаемого нами круга. В Старобельском полку в числе раненых оказались капитан А.В. Сыченко, штабс-капитан В.Я. Переверзев, поручик А.А. Ольшевский[3]. Поручик В.Ф. Штенгер в журнале числился убитым, но по другим данным пропал без вести и затем выявился в плену[4]. Мы сознательно обратили внимание на этот факт. Он показывает необходимость проверки свидетельств о судьбах конкретных офицеров, поспешно зафиксированных в полковых журналах.

Заметные потери понес и офицерский корпус Богучарского полка: были убиты капитан В.А. Бутвилович и поручик В.П. Зверев, ранены командир полка, полковник А.А. Агарков, капитан А.Е. Гудиш, контужен, но остался в строю штабс-капитан Н.С. Вышинский[5]. Тяжесть боя подтверждает тот факт, что ранен был даже командир полка.

Пример обратного свойства представил журнал военных действий Старобельского полка в ходе так называемого Луцкого сражения в начале июня 1916 г. Данные, записанные в журнале, повествуют о том, что полк фактически вел обычную окопную позиционную жизнь, не участвуя в гуще событий[6].

235-й Белебеевский полк в 1916 г. составе 1-го армейского корпуса в ходе Нарочской операции понес колоссальные потери. В частности, в журнале военных действий было зафиксировано, что 5-го марта во время одной из многочисленных атак пал геройской смертью командир 1-го батальона

---

[1] РГВИА. Ф. 2846. Оп. 1 Д. 33. Л. 2-4.
[2] Там же. Ф. 2847. Оп. 1 Д. 13. Л. 3-6.
[3] Там же. Ф. 2846. Оп. 1 Д. 33. Л. 2-4.
[4] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Ящик. 7544-Щ.
[5] Там же. Ф. 2847. Оп. 1. Д. 13. Л. 6-6 об.
[6] Там же. Д. 44. Л. 5.

подполковник Д.Н. Никитин, который до войны служил в 27-м пехотном Витебском полку[1].

В качестве примеров из базы данных об офицерах из Тамбовской губернии мы хотели остановится на нескольких персоналиях, удостоенных за годы войны нескольких георгиевских наград.

Поручик Лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады Е.Н. Сумароков был удостоен Георгиевского оружия за бои 12 и 13 октября 1914 г., в которых: «находился в передовых окопах в 450 шагах от неприятеля под действительным ружейным и пулеметным огнем, своевременно указывая цели и давал настолько точные указания для направления огня 1 и 3 батареям по окопам австрийцев, что те немедленно покидали их, а наша пехота занимала». За бой с 19 по 21 августа 1915 г. он был представлен к ордену Святого Георгия Победоносца 4-й степени: «при наступлении нашей пехоты, командуя взводом артиллерии и находясь на наблюдательном пункте в передовых цепях и подвергаясь явной опасности, развивал такой действительный огонь, что заставил замолчать одну из неприятельских батарей и привлек на себя огонь остальных батарей и этим содействовал успеху продвижения и действий нашей пехоты. 20-го же августа, не прерывая ведения стрельбы, вступил в командование одной из рот, в которой убыли все офицеры, что грозило замешательством»[2].

Офицер 317-го пехотного Дрисского полка Л.С. Мещеряков заслужил Георгиевское оружие за бой 15 декабря 1914 г.: «получив приказание поддержать с ротой части соседнего полка, отходившие под натиском германцев, бросился вперед на превосходного в силах противника, опрокинул его штыковым ударом и занял его окопы, после чего отразил атаку подошедших к противнику подкреплений и взял в плен 1 офицера и 7 нижних чинов». В бою 23 мая 1915 г. он заслужил орден Святого Георгия Победоносца 4-й степени: «командуя 1-м батальоном на высоте 477, взял после горячего боя

[1] РГВИА. Ф. 2848. Оп. 2 Д. 62. Л. 3.
[2] Там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27058. Л. 9; там же. Д. 27367. Л. 86.

3 лини упорно обороняемых австрийцами окопов и захватил с боя один действующий пулемет»[1].

Генерал-майор Николай Николаевич Азарьев заслужил Георгиевское оружие, возглавляя 4-ю Туркестанскую стрелковую дивизию на Кавказском фронте: «23 апреля 1915 года, на Ольтинском направлении сбил турок с занимаемой ими укрепленной позиции и, несмотря на крайнее упорство турок, с неослабной энергией и настойчивостью, подвергая неоднократно свою жизнь явной опасности, продолжал наступление, которое привело к последовательному занятию еще 2-х тыловых позиций турок и поспешному их отступлению на 20 верст назад». Практически через год, он был представлен к ордену Святого Георгия Победоносца 4-й степени: «получив 6-го января 1916 года задачу энергично преследовать на фронте Тортум-гель-Лесковский перевал отступающих турок и прекрасно изучив, с опасностью для жизни, личными разведками впереди лежащую местность и расположение противника, повел свою дивизию в наступление крайне умело, энергично преследуя со многими упорными боями две турецких дивизии с пограничными батальонами; прикрывая фланг Кавказской армии, в период времени с 7-го января по 10-е февраля 1916 года, неоднократно подвергая жизнь опасности, преодолевал доблестными боями своей дивизии упорство врага и тем решительно содействовал победоносным действиям в операции по овладению Эрзерумом не только 2-му Туркестанскому армейскому корпусу, но и всей Кавказской армии»[2].

Офицер 165-го пехотного Луцкого полка Алексей Семенович Булаткин заслужил орден Святого Георгия Победоносца 4-й степени в бою 7 октября 1915 г.: «под сильным огнем противника, командуя 4-мя пулеметами, огнем их ослабил пулеметный и ружейный огонь неприятельского редута, что позволило нашим войскам овладеть им». В ходе летнего наступления Юго-Западного фронта 20 июня 1916 г.: «командуя 10 ротою, при атаке сильно

[1] РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14810. Л. 139 об.; там же. Д. 14812. Л. 905 об.
[2] Там же. Д. 14827. Л. 108; там же. Д. 14832. Л. 242.

укрепленной неприятельской позиции, под убийственным ружейным и пулеметным огнем и огнем противоштурмовых орудий, воодушевив своих подчиненных личным примером храбрости и мужества, преодолев три полосы проволочных заграждений, ворвался в окопы противника и, после короткой штыковой схватки, овладел ими, захватил свыше 100 человек пленных»[1].

Однако наиболее яркими, на наш взгляд, являются подвиги офицера 1-го Сибирского стрелкового полка, причисленного к 6-му корпусному авиационному отряду Ивана Степановича Стрельникова, который в ноябре 1914 г. заслужил Георгиевское оружие: «когда все виды связи с Верховным Главнокомандующим и Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта со 2 и 5 армиями были утрачены, получив распоряжением доставить во что бы то ни стало Командующему 5-й армией приказание чрезвычайной важности Верховного Главнокомандующего, вылетел на аэроплане при исключительно неблагоприятных атмосферных условиях и неоднократно обстреливаемый противником, установил прерванную связь и доставил приказание, а возвращаясь обратно, пройдя около 300 верст, ориентировал в положении дел на фронте 2 и 5 армий». В январе 1916 г. Иван Степанович: «неоднократно подвергая свою жизнь несомненной опасности, под огнем артиллерии противника, при крайне трудных атмосферных условиях, произвел в высшей степени ценную воздушную, фотографическую съемку позиций неприятеля на фронте всей армии»[2].

Богатыми на факты являются журналы военных действий 16-го уланского Новоархангельского полка, которые сохранились за октябрь-декабрь 1915 г., июль-декабрь 1916 г. и январь-февраль 1917 г. В этом полку воевали на конец 1916 г. более 30 офицеров, служивших в нем в Воронеже накануне войны[3].

---

[1] РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14851. Л. 173; там же. Д. 14867. Л. 232.
[2] Там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 530. Л. 36-36 об; там же. Д. 2198. Л. 44 об.
[3] Там же. Ф. 3589. Оп. 1. Д. 19, 23-25, 30.

Простой контент-анализ записей о фронтовой жизнедеятельности показал явное преобладание упоминаний о нахождении полка в резерве над записями об участии в боевых действиях. Прямые указания на пребывание в резерве упоминаются как минимум 16 раз. К этому следует добавить около 10 упоминаний других явно небоевых действий (проведение тренировочной езды, учебных тревог, парадов, праздников)[1]. Прямое упоминание участия в боевых действиях зафиксировано в 5 записях полкового журнала. В какой-то мере к боевым записям можно отнести 6 случаев участиях офицеров полка в разведке, охране боевых позиций[2].

Невеликая боевая активность проявилась и в записях о военных судьбах конкретных офицеров полка. Дважды упомянут как участник боевых действий только подполковник Ставицкий, который как опытный «вояка» даже стал временным командиром полка[3].

Свидетельством совершения боевого подвига можно назвать запись от 14 ноября 1915 г. о награждении орденом Св. Георгия 4-й степени ротмистра Наумова[4].

В числе раненых в боях офицеров данного полка в журнальных записях есть только одно упоминание о штабс-ротмистре Логинове (1 января 1917 г.)[5].

Предполагаем, что малая боевая активность, отразившаяся в журнальных записях конкретного кавалерийского полка второй половины 1915 – начала 1917 г., была результатом общего изменения задач применения кавалерии в боевых операциях после первых месяцев войны.

При этом, как мы увидим дальше, общие потери оказались в 16-м уланском полку выше, чем в 17-м уланском полку, а также среди бывших однополчан, оказавшихся в годы войны в других полках. Все эти факты о фронтовой судьбе бывших воронежских кавалеристов призывают

---

[1] РГВИА. Ф. 3589. Оп. 1. Д. 19. Л. 1-1 об., 2, 4-4 об., 5-5 об., 6; Д. 23. Л. 1, 3-3об.; Д. 24. Л. 1-1 об., Д. 25. Л. 1-3; Д. 30. Л. 1-2.
[2] Там же. Д. 19. Л. 1-1об., 2, 4 об., 5 об.; Д. 24. Л. 1 об. Д. 25. Л. 3; Д. 30. Л. 1.
[3] Там же. Ф. 3589. Оп. 1. Д. 19. Л. 1, 4-4 об.
[4] Там же. Д. 25. Л. 2.
[5] Там же. Д. 30. Л. 1.

«идиллически» воспринимать слова историка А.В. Лужбина о том, что кавалерия своим боевым духом, безумно лихими конными атаками, пешими вылазками на проволочные заграждения, подкрепила нравственный подъем всей армии и своей самоотверженной деятельностью подала пример другим родам войск, которые, в свою очередь, и решили исход кампании 1916 г.[1] Мы видим, что в разных кавалерийских полках боевая напряженность была не одинаковой.

Конечно, на материалах нескольких полков невозможно делать выводы относительно армии в целом. Но, полагаем, что материалы нескольких полков достаточны для понимания механизма оценки героизма, умелых командных действий и наградной практики в поздней Русской императорской армии. В ходе исследования, в частности, выяснилось, что подробные описания подвигов содержались только в наградных листах и приказах о награждении орденом Св. Георгия и Георгиевским оружием. В приказах о награждении другими орденами отсутствовали подробные данные о героических действиях награжденного.

Выявленные источники позволяют характеризовать боевую деятельность не только «окопных» офицеров, но и некоторых высших командиров, служивших до 1914 г. в гарнизонах Воронежской, Курской и Тамбовской губерний. У них сложились разные военные судьбы, в которых проявились и инертность, и героизм.

Мы уже упоминали долгое пребывание на фронте возрастного генерал-лейтенанта А.И. Литвинова. Добавим несколько свидетельств о его службе в годы войны. Генерал П.И. Залесский в своих послевоенных «поучениях», характеризуя А.И. Литвинова как командующего 1-й армией (наряду с Эвертом, Главнокомандующим Западным фронтом), писал, что они «не обнаружили никаких талантов, кроме способностей к канцелярскому

[1] Лужбин А. В. Кавалерия Юго-Западного фронта Первой мировой войны: автореф. дис. …канд. ист. наук. СПб., 2004.

сидению», «не сделали больше того, что делали и их предшественники, т.е. отступали, деморализуя этим войска и разоряя население»[1].

Ротмистр П.П. Ишеев, побывавший в штабе 1-й армии в Варшаве, написал, что А.И. Литвинов «в сравнении с ген. Ренненкампфом, был спокойный, флегматичный старик, сидевший все больше в своей комнате и никогда к войскам не выезжавший»[2]. Наряду с этим мемуарист отмечал факты частого посещения командармом армейских лазаретов[3]. Возможно, поэтому военный врач Кравков в своем дневнике 17 ноября 1914 г. в положительном контексте записал о назначении Литвинова командующим армией[4].

С другой стороны, в нашей работе упомянуты факты непосредственного пребывания генерала в боевых частях.

При всех неоднозначных оценках непреложным является факт, что генерал А.И. Литвинов оставался в должности командующего 1-й армией вплоть до апреля 1917 г. и, видимо, был терпим начальством, хотя ему было 64 года.

Ф.А. Волошинов еще в мае 1914 г. в возрасте 62 лет был уволен в отставку с поста командира 44-й пехотной дивизии, стоявшей в Курске, с производством в генералы. Однако после начала войны вновь был принят на службу. Был назначен командующим 82-й пехотной дивизией, занимал пост до ноября 1914 г. В ходе Галицийской битвы дивизия была разбита австро-венгерскими войсками, и Ф.А. Волошинов был уволен от должности[5]. В данном случае очевидно, что преклонный возраст мог повлиять на руководство боевой деятельностью.

Совсем невеликий для большого командира возраст (44 года) проявился в военной судьбе командира 174-го Роменского пехотного полка полковника В.Г. Владимирова. Он вступил в войну с вверенной ему частью уже в конце

---

[1] Залесский П. И. Возмездие (Причины русской катастрофы). Берлин: «PRESSE», 1925. С. 191.
[2] Ишеев П. П., князь. Осколки прошлого. Воспоминания 1889-1959. Нью-Йорк: [б. и.], 1960. С. 103.
[3] Там же. С. 109.
[4] Кравков В. П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М.: Вече, 2014. С. 88-89.
[5] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Волошинов_Федор_Афанасьевич (дата обращения: 22.09.2024).

июля 1914 г., а 1 августа возглавил Торговицкий отряд, который приступил к укреплению позиций для активной и пассивной обороны под Луцком[1]. Судя по всему, воевал и командовал полком он достойно. В марте 1915 г. был награжден Георгиевским оружием, в апреле за «отличия в делах» 1914 г. был произведен в генерал-майоры, а в октябре назначен командиром бригады 35-й пехотной дивизии[2].

Определенная часть фронтовых офицеров в силу различных обстоятельств 1915-1916 гг. оказалась на службе в штабах разного уровня. В данном параграфе мы обратили внимание на тех офицеров, которые находились в резерве штабов прифронтовых округов. Позже отдельно рассмотрим судьбы тех, кто продолжил штабную службу в тыловых частях.

Упомянутый выше генерал-майор В.Г. Владимиров с января 1916 г. состоял в резерве чинов при штабе Киевского военного округа, в самом конце года был назначен начальником штаба 5-го ополченского корпуса. После Февральской революции он не утратил доверие командования и получил в апреле 1917 г. назначение на должность начальника штаба 24-го армейского корпуса[3].

Полковник 27-го пехотного Витебского полка С.И. Белопольский весной 1914 г. был переведен в 37-й пехотный Екатеринбургский полк. С началом мобилизации назначен командиром 241-го пехотного Седлецкого полка. Но уже в конце 1914 г. был отчислен от должности с назначением в резерв чинов при штабе Двинского Военного округа, затем был командиром обозного батальона, тылового запасного участка Юго-Западного фронта[4].

Его бывший сослуживец полковник А.И. Соболев в начале войны был назначен командиром 235-го Белебеевского полка. В 1915 г., возможно, после

---

[1] Коровин В. В. Куряне на Юго-Западном фронте (лето-осень 1914 года)// Армия, общество, человек в Первой мировой войне: материалы Всероссийской науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Брусиловского прорыва. Курск, 17 июня 2016 г. / под ред. В.Л. Богданова. Курск, 2016. С. 9.

[2] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Владимиров_Владимир_Григорьевич (дата обращения: 22.09.2024).

[3] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Владимиров_Владимир_Григорьевич (дата обращения: 22.09.2024).

[4] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2190. Л. 2 об.-3; там же. Д. 3031. Л. 2 об.-3; там же. Д. 15126. Л. 1 об.-2; Русская армия в Первой мировой войне. // URL: http://www.grwar.ru/persons/person/9924 (дата обращения: 14.08.2024).

болезни, оказался в резерве чинов при штабе Двинского военного округа. Возраст был не совсем преклонный – 49 лет[1].

Капитан 7-й артиллерийской бригады Б.В. Мельников в 1915 г. попал в резерв при штабе Двинского военного округа после тяжелой контузии[2].

Полковник С.В. Волков в годы Первой мировой войны получил назначение командиром 233-го пехотного Старобельского полка. Летом 1916 г. был отчислен от должности «за болезнью» с назначением в резерв чинов при штабе Двинского военного округа[3].

Е.П. Бирюков, который в 1914 г. был полковником, за время войны, оставаясь в том же чине, по должности поднялся до командира 40-го Сибирского стрелкового полка. В 1916 г. был отчислен от должности с назначением в резерв чинов при штабе Одесского военного округа[4].

Непростой путь прошел кавалерист В.В. Тархов. После тяжелого ранения он был направлен на излечение в Москву. По выздоровлении вернулся в свой 6-й запасной кавалерийский полк с припиской «годен к службе в действующей армии на нестроевых должностях». В ноябре 1916 г. Тархов был командирован в распоряжение дежурного генерала Западного фронта в Минск, где был зачислен во 2-й жандармский эскадрон[5].

Сложный путь с довоенной штабной службы через фронт и, наконец, вновь на штабную службу прошел И.Р. Довбор-Мусницкий. Перед войной он служил в Воронеже начальником штаба 7-й пехотной дивизии. В ноябре 1914 г. отправился на фронт в качестве командира 14-го Сибирского стрелкового полка. В дальнейшие годы войны состоял генералом для поручений при

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 15289. Л. 1 об.-2; там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7521-С; Список полковникам по старшинству. Составлен по 1 августа 1916. Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1916. С. 117.

[2] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3128. Л. 5 об.-6.

[3] Там же. Д. 14221. Л. 10 об.-11; Список полковникам по старшинству. Составлен по 1 августа 1916. Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1916. С. 35. РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7440-В; Русская армия в Великой войне. // URL: http://www.grwar.ru/persons/person/7489 (дата обращения: 22.09.2024).

[4] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 10057. Л. 2 об.-3; Русская армия в Великой войне. // URL: http://www.grwar.ru/persons/person/9172 (дата обращения: 26.09.2024).

[5] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 15207. Л. 8 об.-9.

командующем 1-й армии, был командующим 123-й пехотной дивизии, а затем 38-й пехотной дивизии. Но в январе 1917 г. вновь вернулся на штабную работу: назначен и.д. начальника штаба 1-й армии. При этом нужно отметить, что воевал он достойно, на войне получил звание генерал-майора, заслужил орден Св. Георгия 4-й степени и Георгиевское оружие[1].

Особый интерес вызывает боевой путь В.В. Ступина, который перед войной служил капитаном в штабе 7-й дивизии, расположенной в Воронеже. В ходе войны, оставаясь на штабных должностях, постоянно оказывался на передовой и проявляя не только «канцелярские», но и реальные командирские навыки, поднялся до звания полковника и получил 5 боевых наград до 1917 г., две из которых – орден св. Георгия 4-й степени и Георгиевское оружие. Кроме того, Всеволод Васильевич был тяжело ранен в ноябре 1914 г., но смог продолжить службу[2].

Обычным явлением армейской жизни был переход возрастных офицеров на почетные должности в генералы и в инспекторы.

Мы уже приводили пример генерал-майора В.В. Иванова, который в 60 лет с должности командира 25-й артиллерийской бригады в 1916 г. был переведен на «тихую» для артиллериста должность инспектора артиллерии 38-го армейского корпуса.

Командир фронтовой 100-й артиллерийской бригады Н.Ф. Высоцкий в 1916 г. получил звание генерал-майора. Но вскоре вступил в должность инспектора артиллерии 32-го армейского корпуса. Возможно, это было связано с возрастом – 58 лет[3].

Труднее объяснить путь с фронта на инспекторскую службу А.Е. Горбачевича, который в 1914 г. отправился воевать во главе своей 7-й артиллерийской бригады, а в 1915-1917 гг. служил инспектором артиллерии 5-го армейского корпуса. В 1915 г. ему было «всего» 49 лет. В том же году он

---

[1] Русская армия в Великой войне. // URL: http://www.grwar.ru/persons/person/463 (дата обращения: 26.09.2024).
[2] Русская армия в Великой войне. // URL: http://www.grwar.ru/persons/person/2437 (дата обращения: 26.09.2024).
[3] Там же. // URL: http://www.grwar.ru/persons/person/4239 (дата обращения: 26.09.2024).

был произведен в генерал-лейтенанты «за отлично-усердную службу», успел заслужить три награды. Возможно, перевод на «легкую» службу был связан с ранением[1].

Примерно такой же путь проделал полковник Николай Николаевич Дренякин из 17-го уланского Новомиргородского полка, который был ранен в августе 1914 г. Спустя некоторое время он был определен на должность при штабе 6-й армии[2].

Особую группу составили офицеры, которые «резко» выросли в чинах и командных должностях, при этом оставаясь в строю.

Полковник В.А. Константинов ушел на фронт Первой мировой войны во главе своего 16-го уланского Новоархангельского полка. Уже в 1914 г. был ранен. Но вернулся в действующую армию уже на должность командира 2-й бригады 16-й кавалерийской дивизии, оставался в строю до 1917 г., получил звание генерал-майора, заслужил 3 награды[3].

Ф.В. Идзиковский в 1914 г., служа в Тамбове, был еще только капитаном 27-го пехотного Витебского полка. В начале войны командовал ротой и батальоном в своем полку, награжден Георгиевским оружием за боевое отличие. В 1915 г. стал уже полковником, а в 1917 г. командовал 408-м пехотным Кузнецким полком, а затем 26-м пехотным Могилевским полком[4].

Также служивший перед войной капитаном в Витебском полку Д.Н. Никитин с объявлением мобилизации был переведен в 235-й пехотный Белебеевский полк. В этом полку получил чин подполковника «за отличие в делах». В 1916 г. погиб, посмертно произведен в полковники[5].

Судя по изученным источникам, наиболее героичной была военная биография М.Д. Васютовича, который, служа в Тамбове, был капитаном и

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3128. Л. 1 об.-2; Русская армия в Великой войне. // URL: http://www.grwar.ru/persons/person/1020 (дата обращения: 26.09.2024).

[2] Русская армия в Великой войне. // URL: http://www.grwar.ru/persons/person/4510 (дата обращения: 26.09.2024).

[3] Русская армия в Великой войне. // URL: http://www.grwar.ru/persons/person/1497 (дата обращения: 27.09.2024).

[4] Там же. // URL: http://www.grwar.ru/persons/person/6740 (дата обращения: 27.09.2024).

[5] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 15289. Л. 4 об.-5; там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7495-М.

занимал вовсе не боевую должность заведующего хозяйственной частью 7-й артиллерийской бригады. В начале мировой войны он стал на фронте командиром дивизиона 10-й артиллерийской бригады, получил звания подполковника, а затем и полковника, заслужил 3 награды. Несмотря на ранение, оставался в строю[1].

Подполковник С.П. Скрябин из командиров батареи 7-й артиллерийской бригады за время мировой войны поднялся до командующего дивизионом 59-й артиллерийской бригады. За военную доблесть получил чин полковника и 3 награды[2].

Н.Н. Радецкий в 1914 г. был капитаном той же 7-й артиллерийской бригады. В начале войны он уже числился подполковником, а в 1915 г. получил чин полковника. С 1916 г. являлся командиром 10-го легкого мортирного артиллерийского дивизиона. За время войны стал Георгиевским кавалером[3].

И.Н. Соловцов, который в 1914 г. был капитаном 28-го Полоцкого полка, в 1915-1916 гг. последовательно стал подполковником и полковником. В августе 1916 г. возглавил Старобельский полк[4].

Отдельное внимание мы обратили на группу офицеров, которые во время Первой мировой войны находились в частях обеспечения войск. Капитан П.Ф. Бойко до войны служил в Воронеже в Управление корпуса интендантов 5-го армейского корпуса. На войне он занимал должности командира транспорта 5-го и 43-го армейских корпусов. По понятным причинам в боях не участвовал. Ранений не имел, но все-таки получил 2 награды. Однако остался капитаном[5].

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3128. Л. 6 об.-7; там же. Д. 9786. Л. 3 об.-4; Русская армия в Великой войне. // URL: http://www.grwar.ru/persons/person/13223 (дата обращения: 27.09.2024).

[2] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 14221. Л. 58 об.-59; Русская армия в Великой войне. // URL: http://www.grwar.ru/persons/person/7918 (дата обращения: 27.09.2024).

[3] Русская армия в Великой войне. // URL: http://www.grwar.ru/persons/person/5606 (дата обращения: 27.09.2024).

[4] Там же. // URL: http://www.grwar.ru/persons/person/7830 (дата обращения: 27.09.2024).

[5] Памятная книжка Воронежской губернии на 1914 г. Воронеж: Типо-Литография Губернского Правления, 1914. С. 25; РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14810. Л. 1015 об.; там же. Д. 14862. Л. 36 об.

Е.Г. Зосимович в 1914 г. также служил в Воронеже в штабе 7-й пехотной дивизии. На фронте находился в дивизионном обозе. В боях, судя по всему, не был, но продвинулся из штабс-капитанов в капитаны и заслужил 3 небоевые награды[1]. Его воронежский сослуживец Л.М Бахман(ов) с 1916 г. проходил службу в том же обозе, но до этого успел принять участие в боях 1914-1915 гг., за что и заслужил боевые знаки отличая. Ранений не имел, остался в звании капитана[2].

«Около фронтовой путь» имел А.Г. Пауль, который до войны являлся ротмистром 2-го запасного кавалерийского полка. На фронте он служил при штабе 12-й армии, занимал должность командира нестроевой роты и обоза. Ранений не имел, но получил чин подполковника и 3 небоевых ордена[3].

С другой стороны, совершенно объяснима прифронтовая служба И.Н. Фредерикса на 1914 г. подполковник в отставке (ранее служил в Курске в 173-м пехотном Каменецком полку). Во время войны он вернулся на службу, теперь в качестве сотрудника управления Красного Креста Юго-Западного фронта. В конце 1916 г. ему было 59 лет[4].

Эти примеры интересны тем, что показывают особенность судеб формально фронтовых, но фактически не воевавших офицеров.

Массовые источники военного времени, особенно полковые журналы и наградные документы, позволили ярко представить конкретные проявления фронтовой и около фронтовой службы избранной когорты офицеров. Мы постарались представить переход офицеров кадра от бравых настроений первых недель мировой войны к суровой боевой повседневности.

---

[1] Памятная книжка Воронежской губернии на 1914 г. Воронеж: Типо-Литография Губернского Правления, 1914. С. 25; РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14807. Л. 264; там же. Д. 14810. Л. 905, 906.

[2] Памятная книжка Воронежской губернии на 1914 г. Воронеж: Типо-Литография Губернского Правления, 1914. С. 169; РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 18322. Л. 1 об.-2.

[3] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 561. Л. 3 об.-4; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14809. Л. 191 об.; там же. Д. 14811. Л. 81 об.; там же. Д. 14831. Л. 532.

[4] Список подполковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 15-е мая 1913 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. С. 174; РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Ящик. 3781-Ч.

Документы позволили достаточно четко показать разнообразие проявлений фронтовой жизни, связанное с неравномерным участием отдельных полков в разных сражениях в разные годы войны. Результаты контент-анализа журналов одного из полков позволили точно представить соотношение участия полка в боевых действиях и нахождения в резерве.

При всех различиях в степени участия изученной группы офицеров в боевых действиях можно уверенного говорить о заметном уровне героизма известных нам кадровых офицеров. Вместе с тем, выявились некоторые особенности действия наградной системы, связанные, с одной стороны, с затяжкой и путаницей в документах о наградах, с другой стороны, с не совсем убедительными фактами награждений офицеров около фронтовых штабов и частей обеспечения войск.

2.3. Участие офицеров в вопросах бытовой повседневности в условиях фронта.

Как правило, при изучении истории той или иной войны основной упор делается на анализ боевых действий, соотношение сил противоборствующих сторон, а также различных факторов политического и экономического характера. При этом, весьма широкий спектр вопросов, связанных с небоевой повседневностью в условиях фронтовой жизни, довольно часто остается не изученным. В материалах полковых журналов военных действий рассматриваемых частей нам удалось поднять обширный пласт данных, связанных с около боевыми реалиями. Полученные данные были разделены на несколько проблемных блоков, при анализе которых появилась возможность определить общие и особенные аспекты участия офицеров в небоевой повседневной фронтовой жизни.

Одной из основных проблем в условиях ведения войны, безусловно, является снабжение войск провиантом, поскольку это серьезно влияет на

поведение солдат и их взаимоотношения с офицерами. Ввиду этого данный блок был поставлен на первое место.

Как мы и ожидали, степень отражения данного вопроса в каждом из полков имела свои особенности или не отмечалась вовсе.

По имеющимся данным 28-го пехотного Полоцкого полка на начальном этапе войны проблем с питанием не возникало. 31 июля говорилось об организации большого привала для раздачи из походных кухонь обеда, который был заварен ещё в Ковеле[1]. 6 августа во время большого привала в деревне Стенжаричи пища была приготовлена в походных кухнях: «Люди были хорошо и сытно накормлены»[2]. 11 августа тот же адъютант зафиксировал в журнале полка, что по прибытии в населённый пункт Жиховицы пища из ротных кухонь была «тотчас роздана нижним чинам»[3]. Не оплошала полковая кухня и 25 августа на привале в деревне Мионичин Грубешовского уезда Холмской губернии, где солдатам была роздана горячая пища[4]. Возможно, по мере развития наступления и отрыва от тылов такая проблема начинала развиваться, но упоминаний о ней в осенне-зимний период в данном полку не было.

Напротив, ситуация с питанием, описываемая в 40-м Колыванском полку, носила диаметрально противоположный характер по сравнению с «полоцкими пехотинцами». 23 сентября 1914 года в журнале было зафиксировано, что обозы отстали и пищи никакой не было. На следующий день, во время перехода в селение Сладков, положение стало просто отчаянным: «Кухонь не было. Дождь лил как из сита с утра и голодные нижние чины мокли и зябли. У города Янова сделали, пройдя город, большой привал и солдаты бросились копать чужую картошку и ломать заборы и плетни на костры. Приказания плохо помогают в таких случаях для примера прибегают к более серьёзному способу – рукоприкладству». Ожидаемые кухни не

[1] РГВИА. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 145. Л. 7 об.
[2] Там же. Л. 14 об.-15.
[3] Там же. Л. 22 об.
[4] Там же. Л. 40.

догнали полк и на следующий день. Положение немного облегчила армейская выручка. Во время совершаемого марша был встречен транспорт 19-го армейского корпуса и командованию удалось уговорить их чиновника поделиться 620 пудами хлеба, чему «радовались как манне небесной». В тот же день было закуплено мясо у местного населения: «Резали свиней по 65 рублей за штуку и варили в котелках. Поели, и стало легче у всех на душе, ибо обозов перестали уже ждать»[1].

25 января 1915 г., по донесению поручика Верди, 233-й полк пребывал в окопах в продолжении 48-ми часов с огромными лишениями. Воду и пищу можно было доставать с опасностью для жизни, так что люди и офицеры были голодными[2].

Конечно, в тяжелом 1915 году было не до «кулинарных изысков» и, как упоминалось ранее, записи полковых журналов были насыщены преимущественно боевыми сюжетами. После стабилизации фронта картина вновь стала меняться.

28 февраля 1916 года в 173-й пехотный Каменецкий полк на смотр прибыл командир дивизии. Были сделаны мелкие замечания, касающиеся снаряжения и внешнего вида людей («истомлённый и “невеселый” вид»), и приказано обратить внимание на кухню[3]. Позднее в подразделении участились случаи заболевания куриной слепотой и даже цингой. Командование приняло решение давать военнослужащим больше зелени, сеять лук, собирать щавель для «острого супа». Также скорректировали время приёма пищи: раздавать обед «в нормальное время 11 час. и вечером ужин, а не рано утром и поздно вечером, как было до сих пор»[4].

По-прежнему, не было жалоб на организацию питания в 28-м Полоцком полку. В период с 17 по 19 июня 1916 года, во время переброски подразделения на Юго-Западный фронт, в походных кухнях готовился

[1] РГВИА. Ф. 2654. Оп. 2. Д. 144. Л. 32-32 об.
[2] Там же. Ф. 2846. Оп. 1 Д. 33 Л. 5
[3] Там же. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 34. Л. 51-51 об.
[4] Там же. Д. 36. Л. 18-18 об.

нижним чинам обед, который и раздавался во время продолжительных стоянок на станциях[1].

Особое внимание на питание обратил адъютант 39-го Томского полка 22 октября 1916 года, в день полкового праздника: «Помимо поздравительных телеграмм был устроен молебен и обед с улучшенной для солдат пищей»[2].

Не менее острой проблемой в условиях фронта являлись вопросы медицинского обеспечения. Здесь также стоит отметить, что степень освещения данной стороны вопроса выглядела не одинаково. Мы постарались выделить наиболее яркие показательные примеры из полковой жизни нашей выборки.

Во время перехода в село Бялу 23 сентября 1914 года адъютантом 40-го Колыванского полка было записано: «Ночь была холодная, сыро и шёл снег. Несколько человек заболело, но приходилось наблюдать и такие сцены – под идущим снегом у костров стоят совершенно голые солдаты и вытряхивают из нижнего белья насекомых в огонь. А насекомых завелось у всех нижних чинов порядочно, да и господа офицеры не могут сказать, что у них добра этого мало»[3].

22 ноября 1915 года в журнале 39-го Томского полка сообщалось, что в ротах началась прививка противотифозной сыворотки[4].

Предпринимаемые меры по борьбе с «мелкими вредителями» подробно описал адъютант 173-го Каменецкого полка. Согласно его записям, начавшаяся с 9 февраля 1916 года дезинфекция белья и одежды нижних чинов производилась следующим образом: в землянку складывались шинели, шаровары, рубахи верхние и нижние, словом всё, что на солдате. На полу раскладывали два или три горна, где зажигалась сера. Платье выдерживалось 4-5 часов. Двери плотно закрывались. После такой операции несколько нижних чинов, надев противогазы, вытаскивали обмундирование на воздух.

[1] РГВИА. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 160. Л. 4-4 об.
[2] Там же. Ф. 2653. Оп. 2. Д. 241. Л. 22-22 об.
[3] Там же. Ф. 2654. Оп. 2. Д. 144. Л. 31 об.-32.
[4] Там же. Ф. 2653. Оп. 2. Д. 236. Л. 24.

Появлявшееся в расположении начальство периодически встречалось с полуголыми солдатами, выползавшими из землянок и отдававшими им честь. Как иронично сообщалось в журнале, «Панков [дивизионный врач] утверждает, что после 3-х часов действия газа насекомые большей частью подохли, а оставшиеся в живых “были при смерти”. Солдаты говорят, что и после 5 часов было много живых, причём насекомые расползлись, и те, у кого их не было, получили»[1].

Определённые успехи в борьбе со вшами зафиксированы в том же полку 29 марта 1916 года после завершения дезинфекции аппаратом «Геольс». Кроме того, благодаря длительной стоянке в городе Якобштадт, «все роты и команды успели помыться в банях Союза городов и перевязочного отряда Государственной Думы, где им по мере надобности выдавалось чистое бельё в обмен оставленного грязного, так что насекомых было сравнительно мало»[2].

Вопросы организации быта в изученных документах описывались довольно часто. В качестве примеров можно привести несколько разнообразных сюжетов.

Из первого же журнала военных действий Старобельского полка, который описывает период от начала мобилизации до 3-го сентября 1914-го года, известно, что ротные командиры после разбивки занимались поиском квартир для прибывающих. 19-го июля нижние чины, прибывающие в полк, который формировался в городе Воронеже, были расположены в отдельных комнатах 1-й мужской гимназии[3].

Адъютант 40-го Колыванского полка 13 сентября 1914 года фиксировал, что, несмотря на холодную осеннюю погоду, нижним чинам приходилось стирать бельё и купаться самим прямо в ручьях[4]. Неудивительно, что в декабре 1914 года во время опроса офицеров подразделения на предмет улучшения

[1] РГВИА. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 34. Л. 37 об.-39 об.
[2] Там же. Д. 35. Л. 20-21.
[3] Там же. Ф. 2846. Оп. 1 Д. 6 Л. 1.
[4] Там же. Ф. 2654. Оп. 2. Д. 144. Л. 28.

быта нижних чинов командиром дивизии генерал-майором Гавриловым было решено устроить в деревне баню[1].

Журнал военных действий 234-го пехотного Богучарского полка также повествует о фронтовых жилищах. 9 октября 1915 года 1-й сводный батальон прибыл в распоряжение полковника Волкова и расположился в лесу в землянках, вырытых немцами[2].

В предпраздничные дни Рождества 1915 года в расположении 174-го Роменского полка велись плановые занятия и осуществлялись работы по устройству землянок для расквартирования солдат[3].

О том, как русский солдат может приспособить малопригодное место для лагеря, подробно записал адъютант 28-го Полоцкого полка. С 16 на 17 мая 1916 года подразделение заняло лес, назначенный ему для бивака, к северу от деревни Любовша. «Поразительная чаща, отсутствие дорожек для пешеходов и дорог для обозов, немедленно же заставило приступить роты к улучшению своего места бивака. Дружно закипела работа и через два - три дня место, занятое полком в лесу, трудно было узнать: в правильном порядке разбиты были палатки, расчищены дорожки, поставлены везде указатели дорог и прочее. На этом устроенном нашими собственными силами и средствами биваке полочане простояли конец мая и почти первую половину июня»[4].

Красочное описание обустройства бани зафиксировано на страницах журнала 173-го Каменецкого полка 24 июня 1916 года: «Наша баня (Всероссийского Земского Союза) не могла всё ещё наладиться. Сначала искали сарай – не нашли; потом материала – не разрешили взять брёвна из разорённого сарая, потом три дня не привозили палатку. Наконец палатку привезли, вырыли колодец для воды, сделали скамейки и всю обстановку, но мыться уже не пришлось, только полицейская команда да 2 роты 2 батальона

[1] РГВИА. Ф. 2654. Оп. 2. Д. 145. Л. 8 об.
[2] Там же. Ф. 2847 Оп. 1 Д. 43. Л. 9.
[3] Там же. Ф. 2788. Оп. 1. Д. 52. Л. 5.
[4] Там же. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 160. Л. 2-2 об.

успели вымыться до ухода. Баня вышла отличная, даже париться было можно, хотя большой пар получить трудно»[1].

Организации бытовых условий, согласно канонам православия, придавался сакральный характер, о чём свидетельствует запись от 30 июля 1916 года, сделанная в 27-м Витебском полку: «в присутствии командира бригады генерал-майора М.К. Войцеховского были освещены построенные церковь, штабной барак и баня»[2].

Нами были обнаружены упоминания, связанные с проведением траурных мероприятий и организацией похорон, погибших в боях офицеров.

В журнале 40-го Колыванского полка упоминалось, что 4 января 1915 г. состоялись похороны капитана Григорьева, подпоручиков Дьякова и Рюмина, а также прапорщика Соколова: «Гробы с телами погибших героев были вынесены на руках товарищей, а выстроенный около могил полк отдал почившим последние военные почести. Акт погребения совершил священник 39 Томского полка отец Георгиевский, один из лучших друзей почившего старого Колыванца капитана Григорьева. Несколько дней спустя вокруг могил была устроена ограда и поставлены дубовые кресты»[3]. Печальная запись появилась 13 февраля в журнале 39-го Томского полка. В ней сообщалось о гибели его командира Михаила Григорьевича Пацевича. Готовилась отправка тела на родину в Воронежскую губернию, для чего в Минск был командирован штабс-капитан Вишневский для покупки гроба и венка от офицеров полка[4].

Однако самые многочисленные упоминания небоевого характера были связаны с организацией и проведением разнообразных праздников церковного и светского характера: Рождества, Крещения, Вербного Воскресенья, Пасхи, Троицы, дня рождения Государя Императора и дня его коронации, дней рождения Государыни Императрицы и Цесаревича, Дня Георгиевских кавалеров, Нового года, а также полковых праздников и смотров, а также

[1] РГВИА. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 36. Л. 37-37 об.
[2] Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 155. Л. 18 об.-19.
[3] Там же. Ф. 2654. Оп. 2. Д. 145. Л. 18 об.-19.
[4] Там же. Ф. 2653. Оп. 2. Д. 237. Л. 20.

вручению наград. Практически все они сопровождались визитами высокопоставленных особ и, нередко, представителей Императорской фамилии. Такие торжества проходили, как правило, в формате молебнов и военных парадов. Помимо этого, проводились всевозможные игры, спортивные соревнования, концерты и спектакли, цирковые и костюмированные представления.

Уже 22 августа 1914 года нам встретилась запись, сделанная на страницах журнала 40-го пехотного Колыванского полка. Упоминалось о проведении молебна по случаю прошедшего полкового праздника, а также о вручении приехавшим командиром корпуса наград в виде разноцветных ленточек нижним чинам и господам офицерам, что повысило настроение служащих[1].

День 28 сентября 1914 года был описан в 26-м Могилевском полку в связи со встречей Великого Князя Николая Михайловича, который от имени государя императора благодарил всех за прошлую лихую боевую службу в пределах австрийской империи и желал новых ратных подвигов[2].

26 ноября 1914 года ко дню Георгиевских кавалеров в журнале 40-го Колыванского полка было отмечено, что после панихиды по погибшим был отслужен молебен в честь праздника. У многих на глазах были слезы, а командующий 1-й бригады 10-й пехотной дивизии генерал-майор Ф. В. Бутков провозгласил царскую здравицу и, побеседовав с доблестными остатками полка, «пропустил нижних чинов поротно»[3].

Достойное внимания событие имело место в том же 40-м Колыванском полку. 10 декабря 1914 года, когда полк выходил из расположения в поселении Блоне, его догнал командующий 1-й армии А.И. Литвинов, приказал остановиться и вызвать наиболее отличившихся в боях, которых наградил георгиевскими крестами, затем раздал по пять медалей на роту, поблагодарил

[1] РГВИА. Ф. 2654. Оп. 2. Д. 144. Л. 17 об.-18.
[2] Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 131. Л. 16 об.
[3] Там же. Ф. 2654. Оп. 2. Д. 144. Л. 60 об.

колыванцев за доблестную боевую службу и приказал полку тронуться. По словам полкового адъютанта, на полк такое внимание командующего армией произвело сильное впечатление[1].

В декабре 1914 года 27-й пехотный Витебский полк был удостоен чести подготовить почетный караул для встречи Великого Князя Андрея Владимировича. Обращаясь к солдатам и офицерам, великий князь произнес слова благодарности от государя императора, сказав: «Это ведь тот самый пятый корпус, который единственный во всей армии дерется с начала войны до сих пор без отдыха», – после чего пропустил караул мимо себя церемониальным маршем[2].

Оставаясь верными принципам православия, как основы российской государственности, следуя традиционному русскому народному укладу, войска встретили свое первое фронтовое рождество. В журнале 27-го Витебского полка есть запись о проведении утром 25 декабря 1914 года литургии. В расположение полка приезжал командующий 7-й пехотной дивизии генерал-лейтенант С.Д. Михно, который поздравил с праздником нижних чинов и офицеров[3]. В 39-м Томском полку аналогичные ритуалы выполнить не удалось ввиду плохих погодных условий, что тоже отражено в журнале[4]. В первый день нового 1915 года в 27-м Витебском полку была проведена литургия и отслужен молебен[5].

В 39-м Томском полку 14 мая 1915 года упоминается проведение молебна по случаю царского дня, а уже 18 мая началась подготовка к смотру. Смотр прошел 22 мая, а после состоялся офицерский завтрак за общим столом в саду[6].

В качестве примера можно привести визит Великого Князя Георгия Михайловича 29 августа 1915 года в штаб 5-го армейского корпуса,

---

[1] РГВИА. Ф. 2654. Оп. 2. Д. 145. Л. 5 об.
[2] Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 145. Л. 25-25 об.
[3] Там же. Л. 26-26 об.
[4] Там же. Ф. 2653. Оп. 2. Д. 231. Л. 131.
[5] Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 145. Л. 27.
[6] Там же. Ф. 2653. Оп. 2. Д. 233. Л. 13 об, 16 об.-17, 19.

отметившегося военным парадом, после которого представитель императорской фамилии лично вручал нижним чинам Георгиевские кресты. 27 этих наград достались солдатам 39-го Томского полка[1].

Визит Его Императорского Величества Николая II с Наследником престола Цесаревичем Алексеем в сопровождении свиты и главнокомандующего армиями Северного фронта генерал-адъютанта Н.В. Рузского к частям 21-го армейского корпуса 2 октября 1915 года был упомянут в журнале 173-го Каменецкого полка. При этом Государь Император обратился к частям корпуса со словами: «Счастлив был увидеть доблестный 21-й корпус впервые после того, как Я вступил в командование доблестными нашими армиями. Ценю вашу беззаветную преданность и верную боевую службу Отечеству и Мне и выражаю вам за неё Мою самую глубокую сердечную благодарность. Спасибо Вам, Мои молодцы»[2]. После чего Николай II с наследником проехали мимо полков корпуса на автомобиле под восторженные крики «ура!».

22 октября 1915 года в 39-м Томском полку отмечался полковой праздник: «С утра начали поступать поздравительные телеграммы. После построения к 11 часам к полку было принесено знамя из штаба полка. Ровно в 12 часов дня начался молебен. Приехал начальник дивизии со штабом. По окончании молебна начальник дивизии произнес здравицу в честь Государя Императора, Наследника Цесаревича, Государыни императрицы, командира полка, господ офицеров и молодцов нижних чинов»[3].

По случаю торжественного вручения георгиевских крестов нижним чинам 8 ноября 1915 года солдатам 26-го Могилевского полка производилась раздача подарков, а после были устроены состязательные игры на призы. Нижние чины выступали на площадках, где пели, декламировали, играли на гармониях и т.д.: «Праздник прошел очень оживленно»[4].

---

[1] РГВИА. Ф. 2653. Оп. 2. Д. 234. Л. 91-91 об.
[2] Там же. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 31. Л. 10-12 об.
[3] Там же. Ф. 2653. Оп. 2. Д. 235. Л. 62 об.-64.
[4] Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 137. Л. 2.

В ноябрьские дни 1915 года в журналах 26-го Могилевского[1] и 39-го Томского полков упоминалось об организации молебна по случаю дня Георгиевских кавалеров 26 ноября[2].

В журнале 16-го уланского Новоархангельского полка от 26 ноября 1915 г. записано, что сборный эскадрон Георгиевских кавалеров полка под командой ротмистра Кублицкого выступил в штаб 4-го кавалерийского корпуса, где участвовал в параде по случаю праздника св. Великомученника и Победоносца Георгия[3].

В списках пехотных полков 59-й дивизии постоянно встречаются записи о регулярных смотрах. На них часто присутствовали Великие Князья, генералы, иногда даже части дивизии посылались на Высочайший смотр.

Из многочисленных записей об участии полков в различных смотрах мы выделили факты, отразившие заметную роль в этих мероприятиях кадровых офицеров нашей выборки.

30-го ноября 1915 г. в место назначения отправилась рота Богучарского полка, предназначенная на Высочайший смотр при офицерах, среди которых был командир роты штабс-капитан Г.У. Итриянц[4].

Празднование дня тезоименитства Государя 6 декабря 1915 года нашло отражение на страницах журналов 26-го Могилевского[5], 27-го Витебского[6] и 40-го Колыванского полков[7], упоминалось проведение церковных служб и парадов. Интересно, что этот же день был отмечен в 173-м Каменецком полку в контексте полкового праздника без упоминания именин Императора[8].

События праздничных дней уходящего 1915 года были зафиксированы в журналах 26-го Могилевского, 27-го Витебского и 39-го Томского полков. «Витебский» адъютант описал Сочельник и Рождество следующим образом:

---

[1] РГВИА. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 137. Л. 4.
[2] Там же. Ф. 2653. Оп. 1. Д. 236. Л. 26.
[3] Там же. Ф. 3589. Оп. 1. Д. 19. Л. 8.
[4] Там же. Ф. 2847. Оп. 1 Д. 17. Л. 9
[5] Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 137. Л. 4
[6] Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 151. Л. 1 об.
[7] Там же. Ф. 2654. Оп. 2. Д. 152. Л. 1 об.
[8] Там же. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 32. Л. 11-1 об.

«Канун праздника Рождества Христова, занятия не производились. Вечером была отслужена вечерня. Утром отслужена была обедня и молебен, после которого состоялся церковный парад. Вечером елка в собрании и товарищеский ужин. Днем состоялись полковые и ротные развлечения нижних чинов с призами и подарками»[1]. В 26-м Могилевском полку утром 25 декабря в полковой церкви были отслужены обедня и молебен, а после обеда были организованы под навесом увеселения для нижних чинов. Вечером для нижних чинов была устроена елка[2].

26 декабря 1915 года в 26-м Могилевском полку утром был устроен молебен, после которого прибывшими уполномоченными от Воронежского союза Юго-западной железной дороги были розданы подарки. После обеда для нижних чинов был устроен маскарад, за лучшие оригинальные костюмы были выданы призы, под навесом устроено увеселение для солдат. 27 декабря занятий в полку не было по случаю праздника[3].

По записям адъютанта 39-го Томского полка мы узнаем, что «25 декабря уполномоченными из города Козлова были привезены для нижних чинов подарки». С 26 по 28 декабря 1915 года для всех батальонов полка была устроена елка, и состоялись спектакли[4].

Новогодние и крещенские праздники наступившего 1916 года были подробно описаны в журнале 26-го Могилевского полка. Согласно русской традиции, новогодние праздники отмечались декадой. Так, в период с 1 по 10 января упоминалось о проведении в полку церковных служб, наградных мероприятий, а также череде солдатских спектаклей, которые поротно устраивались ежедневно[5].

В 27-м Витебском полку было упомянуто о молебне и товарищеском ужине в офицерском собрании, а также устроенных развлечениях для нижних чинов с раздачей призов по случаю наступившего 1916 года. Крещенское

[1] РГВИА. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 151. Л. 2.
[2] Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 137. Л. 13.
[3] Там же. Л. 13 об.
[4] Там же. Ф. 2653. Оп. 2. Д. 236. Л. 39-41.
[5] Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 138. Л. 1-2 об.

водосвятие 6 января упоминалось в контексте проведения молебна и крестного хода на Иордань на реке Нарочь: «Полк был выстроен шпалерами от места бивака… до места водосвятия. В 12 часов парад окончился»[1]. Аналогичные мероприятия по случаю Крещения Господня состоялись в 173-м Каменецком полку на реке Дубна[2] и в 26-м Могилевском полку, где после литургии был совершен крестный ход на реку Узлянка и состоялось водосвятие[3].

Новый 1916 год офицеры 39-го Томского полка встретили за ужином в офицерском собрании на фольварке Вателевице[4]. На следующий день адъютантом была сделана запись о молебне в церкви деревни Дрозды и параде по случаю Нового года 1 января 1916 года. 6 января у «томцев» было совершено водосвятие, окропление землянок батальонов и церковный парад[5].

В январские дни 1916 года 173-й Каменецкий полк с подарками посетили члены Государственной Думы[6].

Как сообщалось в 26-м Могилевском полку традицией в новогодние праздники было устройство спектаклей для солдат. Чтобы охватить максимальное количество зрителей, они устраивались поротно. 19 января в том же полку при посещении его командиром корпуса генерал-лейтенантом П. С. Балуевым после раздачи подарков солдатам для них проводились игры и развлечения с ряжеными[7].

Еще один немаловажный сюжет, требующий внимания – это занятия спортом. В записях 26-го Могилевского полка конца января – начала февраля 1916 года упоминаются систематические занятия спортом. Мы имеем основание утверждать, что речь велась не об утренней гимнастике согласно уставу, а о спортивных развлечениях, поскольку они описывались в контексте

[1] РГВИА. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 152. Л. 1-1 об.
[2] Там же. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 34. Л. 3.
[3] Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 138. Л. 1 об.-2.
[4] Там же. Ф. 2653. Оп.2. Д. 236. Л. 39-41.
[5] Там же. Д. 237. Л. 1-3.
[6] Там же. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 34. Л. 1-1 об.
[7] Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 138. Л. 1-4 об.

досуга. В журнальных записях это фиксировалось так: «После обеда игры и спорт»[1].

3-го февраля 1916-го года был назначен Царский смотр. Сборным батальоном на смотре командовал командир Богучарского полка подполковник И.Н. Соловцов[2].

В феврале 1916 года командир 27-го Витебского полка полковник Чеглов был награжден орденом святого Георгия 4-й степени, после чего офицерам в землянке офицерского собрания был организован чай, а нижним чинам устроены развлечения с подарками и призами[3].

На страницах журнала 173-го Каменецкого полка было великолепно описано начало Великого Поста, предшествующего главному христианскому празднику Пасхе. 24 февраля 1916 года началось говение полка: «До этого времени батюшка не мог начать, так как еще не приехал из Курска нижний чин, командированный за вином, просфорами и прочим. Говели по две роты вместе. Для 1-го батальона нашли в дер. Выльцаны просторный сарай; очистили его; украсили вешками елей, устроили для батюшки помост, вроде амвона, окруженный сосновыми и еловыми ветками. Вместо запрестольного образа — крест из еловых веток. Стены сарая, против помоста, закрыли палатками, над помостом сделали тоже из палаток навес, чтоб не задувало ветром из щелей свечи, не сорилось сверху. Говение рот заключалось в том, что с вечера служилась всенощная, и люди исповедовались, а утром – обедня и причащение. Таким образом, успели отговеть почти всем полком»[4].

В мартовские дни 1916 года многие подразделения принимали участие в Нарочской операции, к которой было обращено повышенное внимание, и повседневная сторона жизни оставалась без внимания. Однако с окончанием боев и в ожидании большого праздника адъютанты нескольких полков не упустили случая сделать соответствующие записи об этом.

---

[1] РГВИА. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 138. Л. 4 об.-6.
[2] Там же. Ф. 2847. Оп. 1 Д. 42. Л. 6-7
[3] Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 152. Л. 3-3 об.
[4] Там же. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 34. Л. 48-49 об.

В 173-м Каменецком полку отмечалось, что 3 апреля 1916 года, в день Вербного воскресенья, прошло богослужение и занятий в ротах не проводилось. Через два дня в большом сарае у штаба полка начали обустраивать церковь для богослужений страстной и пасхальной недели[1].

Предпраздничные дни нашли отражение в журнале 40-го Колыванского полка, где упоминалось о проведении всенощной 7 и 8 апреля 1916 года, а также о выносе плащаницы и ее погребении после утрени 9 апреля, наконец, об обедне и причастии для говевших. Сами пасхальные мероприятия, прошедшие 10 апреля, были описаны скромно[2].

Более красочно постарался описать ход праздничных событий с 9 на 10 апреля 1916 года «историограф» 173-го Каменецкого полка: «Пасхальную ночь желающие провели по-христиански. Заутреня была ниже во дворе фольварка Новоселье, сделали полукруглую загородку из елок, увешанных фонариками и в 12 час. ночи отслужили утреню». Кроме того, по случаю пасхальных праздников в полку раздавались подарки от Курской губернии, которые были привезены членом Государственной думы Г.А. Шечковым[3].

Однако самая патетичная запись сделана в апреле 1916 года адъютантом 28-го Полоцкого полка: «Подошел наконец и день большого праздника, день светлых переживаний. Седые герои, честные труженики полочане встретили его скромно, по-позиционному, но так, как и подобает доброму христианину». Сообщалось о проведении пасхальной заутрени, обряда христосования и обмена приветствиями[4].

Интересные аспекты пасхальных торжеств обнаружились в журнале 26-го Могилевского полка по случаю пасхальной седмицы в апреле 1916 г. - после раздачи подарков делегацией из тыла: «Игры, спорт»[5].

Интересным представляется описание вручения нового знамени Богучарскому полку. 16 апреля 1916 г. штабс-капитан А.А. Парусов,

[1] РГВИА. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 35. Л. 24, 27.
[2] Там же. Ф. 2654. Оп. 2. Д. 156. Л. 2 об.
[3] Там же. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 35. Л. 31 об.-32 об.
[4] Там же. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 158. Л. 17-17 об.
[5] Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 139. Л. 18 об.

командированный в город Минск за знаменем, привез его в полк[1]. 29 апреля состоялась церемония освящения знамени. Среди прочих офицеров вместе с командирами присутствовали адъютанты 233-го пехотного Старобельского полка, штабс-капитан Б.Ф. Рейхардт, и 235-го пехотного Белебеевского полка, штабс-капитан М.З. Ахаткин[2].

Майские дни 1916 года, которые были насыщены царскими и религиозными праздниками, были интересно описаны в журналах двух полков.

Так, в записях 26-го Могилевского полка упоминалось о прощании с командиром дивизии генерал-лейтенантом С.Д. Михно (по случаю отъезда), молебне по случаю дня рождения государя императора 6 мая, проведении солдатских спектаклей, игр и спортивных мероприятий, а также праздновании Вознесения Господня и Троицы[3].

Подробно описал майские дни и адъютант 27-го Витебского полка, сообщая об играх, цирковых представлениях, парадах в честь дня рождения императора, его коронования и дня рождения его супруги Александры Федоровны. Кроме того, сообщалось о праздновании дня Святой Троицы[4].

Активная фаза наступления Юго-Западного фронта в июне-июле 1916 года, известная как «Брусиловский прорыв», вновь «отвлекла» полковых адъютантов от небоевой повседневности. Тем не менее 15 июля в журнале 27-го Витебского полка был упомянут парад 30 июля в честь дня рождения цесаревича Алексея[5].

С 12 августа 1916 года в журнале 27-го Витебского полка начались систематические упоминания о проведении кинематографических сеансов для солдат и офицеров[6]. Позже данный вид досуга будет фиксироваться и в

[1] РГВИА. Ф. 2847. Оп. 1. Д. 43. Л. 15.
[2] Там же. Л. 16-17.
[3] Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 140. Л. 2-7.
[4] Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 154. Л. 1-4 об.
[5] Там же. Д. 155. Л. 15 об., 18 об.-19.
[6] Там же. Д. 157. Л. 3-4.

журналах других полков, а в 1917 году станет одной из самых распространённых форм развлечения.

Любопытный сюжет воскресного времяпрепровождения описан в журнале 173-го Каменецкого полка от 4 сентября 1916 года: «С утра богослужение, а затем под руководством офицеров футбол, городки, кошки-мышки. Сражение мешками с соломой, сидя на параллельных брусьях и пр.»[1].

Нередко солдаты по сыновьему относились к «отцам-командирам», умудряясь во фронтовых условиях оказывать знаки внимания своему начальству. День 5 октября 1916 года был ознаменован почти одинаковыми событиями в 39-м Томском и 173-м Каменецком полках. «Томичи» провожали своего командира полковника Григорьева: «был поднесен от офицеров томцев подарок - полковой альбом»[2], а «каменцы» прощались с генералом Кулешиным: «от нижних чинов Адамович, Яров и Антипов преподнесли икону: серебряный складень “Дорогому отцу-командиру”, причем Адамович сказал речь. От офицеров полковник Обольянинов поднес полковой жетон»; после этого состоялся «оживленный обед в новом собрании, построенном в 5 дней поручиком Шатуновым и “роскошно” декорированный елями и хризантемами»[3].

Пожалуй, одним из самых ярких и масштабных по насыщенности программы стал полковой праздник в 173-м Каменецком полку в начале декабря 1916 года. Здесь загодя шли репетиции музыкантов, балалаечников и двух хоров песенников. В день торжества была устроена открытая сцена, установлен призовой столб, качели, организованы другие развлечения для нижних чинов. Праздник состоялся 6 декабря и совпал с днём тезоименитства Императора[4].

В журнале 16-го уланского полка имеются записи об устройстве елок в конце 1916 г. 24 декабря была устроена для нижних чинов елка, на которой

[1] РГВИА. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.
[2] Там же. Ф. 2653. Оп. 2. Д. 241. Л. 15-15 об.
[3] Там же. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 38. Л. 15.
[4] Там же. Д. 39. Л. 16-17.

всем раздавались сладости, затем показан спектакль. 31 декабря 1916 г. в манеже состоялась полковая елка. Во время мероприятия была произведена раздача подарков, присланных Воронежским Дамским комитетом. После этого для нижних чинов были устроены различные состязания на призы, игры и другие развлечения[1].

«Могилевским» адъютантом было упомянуто празднование Рождества 1916 г.[2], а «колыванцы» отметили 28 декабря свою 118-ю годовщину[3].

Встреча Нового 1917 года по церковному канону была зафиксирована в журнале Витебского полка[4].

В журнале Старобельского полка было описано, как в 1917 г. полком был встречен Новый год. Благодаря тому, что полк находится в армейском резерве, офицеры полка почти все были свободны. Встреча Нового года состоялась почти всем офицерским составом полка, за исключением нескольких офицеров от 2-го и 3-го батальонов, расположенных в районе производимых этими батальонами работ. Встреча была устроена в одном из бараков, который трудами офицеров был декорирован предметами солдатского вооружения[5].

Несмотря на все трудности фронтовой жизни, солдаты и офицеры находили возможность поддерживать нормальные человеческие отношения, сохраняя принципы боевого братства. Невзирая на неустроенность фронтовой жизни, они старались привнести элементы мирного времени в окопные будни: устраивали праздники, увеселительные мероприятия и проводили спортивные состязания.

По понятным причинам в полковых журналах не могли отразиться рассуждения офицеров политического характера. Вообще источников периода 1914-1916 гг., отразивших какие-либо «сомнительные» политические взгляды кадровых офицеров нашей выборки, мы почти не выявили.

---

[1] РГВИА. Ф. 3589. Оп. 1. Д. 25. Л. 3 об.
[2] Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 145. Л. 9.
[3] Там же. Ф. 2654. Оп. 2. Д. 162. Л. 9 об.
[4] Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 159. Л. 4.
[5] Там же. Ф. 2846. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.

Относительно интересным оказался факт из эмигрантских воспоминаний, в которых автор сообщает о том, что во время мировой войны он находился в одном госпитале со штабс-капитаном 173-го Каменецкого полка С.С. Измайловым. Мемуарист писал, что в спорах в госпитале по одной из антивоенных книг Мопассана (название не указано) о ее политизированности Измайлов успокаивал спорщиков. Он не возражал против высказывания одного из офицеров, что писатель проповедует социализм, анархизм, подстрекательство к восстаниям, но спокойно высказался, что солдаты этого не поймут[1].

Интересен фрагмент уже называвшихся нами воспоминаний солдата В. Падучева об упоминавшемся «лихом» командире батареи Г.И. Афанасьеве: «Глеб - кадровый офицер, политикой никогда не занимался и, однако, он не монархист. В своей компании, за стаканом чая, он посмеется над Пуришкевичем и Марковым вторым, возмутится постановкой дела на фронте и в тылу, скажет, что «так нельзя», что после войны обязательно должны быть реформы, что должен быть настоящий парламент»[2].

Полагаем, что редкость такого рода свидетельств закономерна. Наличие в офицерской среде каких-либо определенных политических взглядов до февраля 1917 г. было крайне редким явлением, впоследствии преувеличенным советской историографией. В большей мере политические настроения офицеров нашли свое отражение в советской художественной литературе.

Материалы параграфа позволили конкретизировать представления о состоянии небоевой жизни на фронте: частые задержки с доставкой провианта, нередко низкого качества, сложности с поиском квартир и устройства землянок, недостатки в медицинском и санитарном обеспечивании войск.

В месте с тем офицеры и солдаты находили возможность поддерживать нормальные человеческие отношения, сохраняя принципы боевого братства.

---

[1] Арамалиев В. В. В дыму войны: Записки вольноопределяющегося (1914-1917). М.: Молодая Гвардия, 1930. С.166-167.
[2] Падучев В. Указ. соч. С. 63.

Невзирая на неустроенность фронтовой жизни, они старались привнести элементы мирного времени в окопные будни: устраивали праздники, увеселительные мероприятия, проводили спортивные состязания.

2.4. Служба и жизнь в тылу

Наиболее крупной группой офицеров, которая провела службу в тылу в годы Первой мировой войны, являлись офицеры запасных кавалерийских полков. В нашей выборке оказалось 5 таких частей, дислоцированных в Воронежской и Тамбовской губерниях. Простейшие расчеты показали, что из 120 офицеров 1914 г. до конца 1916 г. в своих полках продолжали службу 69 человек, т.е. более половины довоенного состава. При этом в четырех из пяти полков на прежнем месте осталась большая часть офицеров.

Нужно учесть факты отправки кавалерийских офицеров из наших частей в другие запасные кавполки и иные воинские части. За вычетом только что упомянутых 69 человек, а также упомянутых ранее 26 кавалеристов-фронтовиков получается, что места службы в тылу сменили 25 человек.

Пребывание почти 80% из изученного круга кавалерийских офицеров в тыловых частях в наибольшей мере было обусловлено уже отмечавшимся снижением роли кавалерии в боевых действиях Первой мировой войны. Но все-таки потребность в запасных полках оставалась, и офицеры этих полков выполняли необходимые обязанности. В частности, в биографической справке Н.Н. Федорова, штабс-ротмистра 7-го запасного кавалерийского полка прямо сказано: «В 1914 году в течение недолгого времени участвовал в боях; далее, вплоть до осени 1917 года, на фронте не был, а находился в г. Тамбов, занимаясь подготовкой кадров нижних чинов кавалерии». В конце ноября 1916 г. он переводился в запасной конный полк пограничной стражи, но через некоторое время возвратился в Тамбов[1].

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 10658. Л. 7 об.-8; там же. Д. 10660. Л. 6 об.-7; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Федоров_Николай_Николаевич_4 (дата обращение: 17.10.2024).

Понятным явлением был перевод тыловых кавалеристов на службу в другой запасной полк или иную ведомственную часть в возрасте за 40 лет. В числе таковых был Н.М. Ганский (41 год), служивший в 1914 г. в управлении 2-й бригады кавалерийского запаса в Тамбове, в годы войны оказавшийся в Сызрани в составе 1-го запасного кавалерийского полка[1]. В тот же полк, как новое место службы, еще до войны (летом 1913 г.) был переведен М.А. Книпер, который до этого проходил службу в чине штабс-ротмистра 3-го запасного кавалерийского полка в Кирсанове и согласно Адрес-календарю на 1914 г., продолжал числится в нем (тогда ему было 36 лет)[2].

Командир 7-го кавалерийского полка генерал-майор П.П. Апрелев в 1914 г., еще до начала войны, был переведен из Тамбова в Воронеж на должность начальника 1-й бригады кавалерийского запаса, в которой и находился до конца войны. Накануне войны ему было 49 лет[3].

Понятно и то, почему П.Н. Подревский, полковник 6-го кавалерийского запасного полка в Борисоглебске, в период войны попал на службу в Кавказский запасной кавалерийский дивизион, а позже фигурировал в резерве чинов при штабе Кавказского военного округа. Ему было 52 года[4]. В таком же возрасте сослуживец Подревского подполковник М.И. Пиотровский оказался в тыловом Заамурском конном полку[5].

---

[1] Список ротмистрам армейской кавалерии по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1913 г. С.-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. С. 136; Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии. 1914 г. Тамбов: Электрическая Типо-Литография Губернского Правления, 1914. С. 30; РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 9220. Л. 4 об.-5.

[2] Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии. 1914 г. Тамбов: Электрическая Типо-Литография Губернского Правления, 1914. С. 271; РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 787. Л. 5 об. 6; там же. Д. 9220. Л. 4 об.-5.

[3] Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии. 1914 г. Тамбов: Электрическая Типо-Литография Губернского Правления, 1914. С. 30; РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 47608; Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 г. Петроград: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1914. С. 824; Список генералам по старшинству. Составлен по 10-е июля 1916 г. Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1916. С. 107; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Апрелев_Павел_Павлович (дата обращения: 17.10.2024).

[4] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 525. Л. 1 об.-2; там же. Д. 1440. Л. 1 об.-2; Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е августа 1916 г. Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1916. С. 82.

[5] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 525. Л. 2 об.-3; там же. Д. 15207. Л. 2 об.-3.

Столько же лет было подполковнику В.С. Попову, который был переведен из 7-го в 8-й запасной кавалерийский полк[1].

Возрастом и служебным опытом можно объяснить перемещение еще до войны 46-летнего подполковник А.Ф. Бурдукова из 3-го кавалерийского запасного полка в ремонтную комиссию Кавказского района[2]. Возрастом (47 лет) и травматическим повреждением, полученным еще на довоенных маневрах, можно объяснить переход ротмистра 7-го кавалерийского полка И.Д. Дика на совершенно не типичную для кавалериста должность делопроизводителя канцелярии этапного хозяйственного отдела штаба 5-й армии[3].

Сложно объяснить перемещения в тыловых кавалерийских частях офицеров моложе 40 лет: штабс-ротмистра М.М. Костенко (38 лет) из 6-го запасного кавалерийского полка, стоявшего в Тамбовской губернии, в запасной конный полк пограничной стражи, который дислоцировался в с. Каменка соседней Пензенской губернии[4]; штаб-ротмистра Г.Н. Есипова (34 года) из 3-го запасного кавалерийского полка (Кирсанов Тамбовской губернии) во 2-й запасной кавалерийский полк в Острогожск Воронежской губернии[5]; Н.Д. Филонова (34 года), штабс-ротмистра из 6-го запасного кавалерийского полка, в запасной Заамурский конный полк[6].

Сложнее всего объяснить пребывание в тылу 27-летнего поручика А.А. Врочинского, который до конца 1916 г. нес службу на прежнем месте, в управлении 1-й бригады кавалерийского запаса в Воронеже, и даже получил одну награду, а также звание штабс-ротмистра[7].

Необычной выглядит и судьба 24-летнего корнета И.А. Петрушкова, который служил в 16-м уланском Новоархангельском полку, но позже

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2221. Л. 1 об.-2; там же. Д. 13050. Л. 1 об.-2; там же. Д. 11258. Л. 1 об.-2.
[2] Там же. Д. 787. Л. 2 об.-3; там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 48161; там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1651. Л. 1 об.-2; там же. Д. 2503. Л. 1 об.-2; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Бурдуков_Андрей_Федорович (дата обращения: 17.10.2024).
[3] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2221. Л. 3 об.-4.
[4] Там же. Д. 525. Л. 5 об.-6; там же. Д. 15207. Л 6 об.-7.
[5] Там же. Д. 15207. Л. 9 об.-10.
[6] Там же. Д. 15207. Л. 9 об.-10.
[7] Там же. Д. 9790. Л. 7 об.-8.

перевелся во 2-й запасной кавалерийский полк. Уланы ушли на фронт, а молодой офицер всю войну прослужил в тылу[1].

Не совсем понятен и факт того, что 38-летний А.Н. Мордовин, штабс-ротмистр 4-го кавалерийского запасного полка в Боброве Воронежской губернии, в годы войны «слез» с коня и нес службу в тыловой 54-й пешей Орловской дружине[2].

Не совсем понятным оказался перевод ротмистра И.И. Сасиновского, который служил в 7-м запасном кавалерийском полку в Тамбове. Буквально в начале войны, 30 августа 1914 г., в возрасте 42 лет был уволен по болезни с зачислением в запас конного отделения по Тульской губернии[3].

Совсем далеко завела судьба 52-летнего П.С. Трилицкого, подполковника 3-го кавалерийского запасного полка. В начале 1914 г. он оказался на должности Семипалатинского уездного воинского начальника[4].

Понятно, что служившие в тылу офицеры-кавалеристы в большинстве своем оказались живыми-невредимыми. Среди фронтовых офицеров из «наших» запасных кавалерийских частей потери также были относительно невеликими – 7 человек, в т.ч. 2 убитыми и умершими. Это было намного меньше в процентном отношении в сравнении с рассмотренными в предыдущем параграфе уланскими полками, которые практически в полном составе ушли на фронт. Напомним, что там общие потери составили более половины довоенного офицерского состава.

Не очень понятны обстоятельства, ставшие причиной смерти от паралича сердца, Н.В. Желтухина, полковника 4-го запасного кавалерийского полка в не совсем преклонные 50 лет. Возможно предположить последствия участия в русско-японской войне, которые имели скрытое проявление[5].

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 13304. Л. 14 об.-15; там же. Д. 15207. Л. 11-12 об.
[2] Памятная книжка Воронежской губернии на 1914 г. Воронеж: Типо-Литография Губернского правления, 1914. С. 102; РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 9402. Л. 2 об.-3.
[3] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2221. Л. 3 об.-4.
[4] Там же. Д. 787. Л. 2 об.-3; там же. Д. 6395. Л. 1 об.-2.
[5] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Желтухин_Николай_Васильевич (дата обращения: 20.10.2024); РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Ящик. 7456-Ж.

Еще труднее объяснить обстоятельствами военного времени факты смерти тылового офицера кавалериста А.В. Заркевича, ротмистра 3-го запасного кавалерийского полка. Мы знаем, что в 1914 г. ему было 39 лет. Возможно, причиной стало нервное расстройство, полученное в результате судебного разбирательства в конце 1913 г.[1]

Совершенно необычной, хотя понятной применительно к кавалеристу, стала судьба ротмистра С.П. Можарова, который в ходе тыловой службы в 6-м кавалерийского запасного полку в Борисоглебске был ранен ударом лошади в грудь[2].

Как уже отмечалось, все довоенные пехотные полки губернии ушли на фронт и сражались вплоть до окончания боевых действий русской армии в Первой мировой войне. Но все-таки некоторые офицеры пехотинцы провели все военные годы в тылу в запасных полках или военных учреждениях.

Так, три офицера 26-го пехотного Могилевского полка капитан С.А. Гинсбург, штабс-капитан А.Л. Преториус, поручик Н.В. Рубцов продолжили службу в Воронеже, но теперь уже в 58-м и 59-м запасных пехотных полках. При этом только первому из них было более 40 лет, остальные были значительно моложе[3].

В Тамбове остался служить бывший поручик 28-го пехотного Полоцкого полка Н.Н. Быстрин. Всю войну он находился в составе 60-го запасного полка, хотя ему было всего 28 лет. Можно предположить какую-то роль в этом процессе отца офицера землевладельца Тамбовской губернии Н.К. Быстрина, «организовавшему» сыну 3-ю категорию годности к службе[4].

Также один офицер-пехотинец провел службу в годы войны в губернском городе Курске. Подпоручик М.Д. Стрижевский перебрался из ушедшего на фронт 174-го пехотного Роменского полка в 21-й пехотный

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 787. Л. 4 об.-5; там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 51087. Л. 6; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Заркевич_Александр_Васильевич (дата обращения: 20.10.2024).
[2] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3514. Л. 3 об.-4.
[3] Там же. Д. 225. Л. 11 об., 22 об., 35 об.; там же. Д. 12707. Л. 1 об., 2 об.; там же. Д. 10482. Л. 14 об.-15.
[4] Там же. Д. 11457. Л. 6 об.-7; там же. Д. 10057. Л. 23 об.-24.

запасной полк[1]. Его нахождение в запасном полку в 24 года объяснить трудно. Можно только предположить, что он, как представитель дворянского рода, Стрижевских имел определенные связи.

Немалая группа офицеров 40-го Колыванского пехотного полка продолжила службу в Моршанске в 65-м запасном пехотном полку. Вполне понятно, нахождение на тыловой службе 52-летнего командира запасного полка полковника М.А. Лелюхина. Намного сложнее объяснить пребывание в тылу в течение 1914-1916 гг. бывших сослуживцев, а в это время подчиненных Лелюхина 34-летнего подпоручика Т.Н. Губара, 24-летнего подпоручика М.И. Белкина, 23-летнего подпоручика А.И. Наседкина[2]. Принимая во внимание, что подпоручик Белкин был уроженцем Моршанска, мы можем так же предположить использование неких связей, позволивших ему остаться на службе «в домашних условиях».

Повышенное внимание мы обратили на службу подпоручика Наседкина, который в 1916 г. был произведен в поручики и награжден орденом святого Станислава 3-й степени. Однако вряд ли такой неопытный офицер мог быть востребован для подготовки новобранцев на фронт. Просматривается возможность наличия у него «нужных связей». Но в документах Тамбовской губернии влиятельных Наседкиных не нашлось. Единственным намеком на существование таких связей могло быть происхождение молодого офицера из сословия потомственных почетных граждан. Поиск известных Наседкиных среди представителей данного сословия в ресурсах всемирной сети результатов не дал. Хотя известно, что такого рода информация широко распространена в Интернете. Дальнейшие поиски особых связей стали бессмысленными после того, когда выяснилось, что на начало 1917 г. поручик А.И. Наседкин фигурировал в списках «родного» 40-го полка, а летом 1917 г.,

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 15396. Л. 5 об.-6.
[2] Там же. Д. 9474. Л. 1 об.-2, 2 об.-3, 3 об.-4.

по разным данным, был ранен и пропал без вести[1]. Другими словами, служил он честно.

Очень интересным представляется факт одновременного прохождения службы в годы войны в Москве в 20-м запасном полку четырьмя бывшими офицерами 173-го пехотного полка, в 1914 г. стоявшем в Курске. Возможно, это как-то связано с тем, что 17 июля 1914 г. полковник 173-го полка Н.К. Горновский был назначен командиром 20-го запасного пехотного батальона, развернутого затем в полк. Он мог «подтянуть» туда своих бывших сослуживцев штабс-капитана М.П. Макавеева (34 года), поручиков П.К. Шустова (28 лет), И.И. Харланова и Н.Л. Макарова (26 лет)[2].

Трое наших «фигурантов» из 39-го пехотного Томского полка также провели службу в военные годы в тылу. Капитан А.О. Бех - 37 лет, с момента мобилизации был направлен в 64-й пехотный запасной батальон там же в Козлове, а позже оказался в 62-м пехотном запасном полку в Нижнем Новгороде[3]. Аналогичная траектория движения по службе была у поручика А.Д. Шорникова, которому на начало войны было 27 лет[4] и подпоручика Н.Т. Семенова, которому в 1914 г. было 34 года[5].

Логичным выглядит пребывание в запасном полку Г.Г. Аринкина, который до войны в 44 года дослужился до капитана 27-го пехотного Витебского полка, а в Первой мировой служил в Екатеринославле, в 228-м пехотном запасном полку, где его опыт реально мог быть востребован в подготовке солдат-призывников[6].

Несколько пехотных офицеров нашей выборки попали в тыл после ранений и в силу возрастных причин. Я.Л. Старчинский, который был в 1914 г. командиром роты 27-го пехотного Витебского полка в чине подполковника, до 1915 г. воевал в составе своего полка в том же чине и должности. Тогда же

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 9474. Л. 2 об.-3; там же. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Ящик. 7494-М; там же. Ящик. 7417-Л. Л. 898.
[2] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11339. Л. 1 об.-2, 3 об.-4, 4 об.-5.
[3] Там же. Д. 3025. Л. 7 об.-8; там же. Д. 16482. Л. 5 об.-6.
[4] Там же. Д. 3025. Л. 20 об.-21; там же. Д. 16482. Л. 9 об.-10.
[5] Там же. Д. 3024. Л. 24 об.-25; там же. Д. 16482. Л. 11 об.-12.
[6] Там же. Д. 880. Л. 9 об.-10; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14844. Л. 664 об.

за отличие в боях получил чин полковника. Хотя еще в 1914 г. он получил ранение, только в 1916 г., в 54 года, Старчинский оказался в тылу, стал командиром 60-го пехотного запасного полка. К концу года дослужился до генерал-майора[1].

М.Е. Пржилуцкий в 1914 г. в Тамбове командовал 28-м пехотным Полоцким полком, имел звание полковника. Выступил с полком на фронт в самом начале мировой войны. Но в 1915 г. стал начальником 17-й пехотной запасной бригады в Перми. Возможно, на перевод в тыловую часть повлиял возраст – 51 год[2].

Вероятно, возраст также стал причиной перевода в тыловую часть Д.И. Юшенова. В 1914 г. он являлся старшим офицером 28-го пехотного Полоцкого полка, полковником. В годы войны стал командиром 61-го пехотного запасного полка. В 1915 г. ему было 53 года[3].

Некоторая часть довоенных офицеров-пехотинцев попала на службу в военные учреждения. В.О. Секержицкий в 1914 г., в возрасте 55 лет, служил подполковником 26-го пехотного Могилевского полка, но уже в январе был переведен на должность Борзненского уездного воинского начальника, а позже на аналогичную должность в Конотоп, заслужил две награды и был произведен в полковники[4]. Полковник Г.Г. Еремеев, которому в 1914 г. был 51 год, во время войны из находившегося в Тамбове управления местной бригады был переведен на должность Одесского уездного воинского начальника. В 1916 г. он заслужил орден святого Владимира 3-й степени[5].

Показательна военная судьба М.В. Слободина, в 1914 г. капитана 40-го пехотного Колыванского полка. С началом мобилизации он был зачислен в 244-й пехотный Красноставский полк, развернутый из кадра 40-го полка, но уже в январе 1915 г. он переместился в глубочайший тыл, став

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 10057. Л. 3 об.-4; там же. Д. 11457. Л. 1 об.-2; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Старчинский_Яков_Людвигович (дата обращения: 21.10.2024).
[2] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 910. Л. 1 об.-2; там же. Д. 2339. Л. 2 об.-3.
[3] Там же. Д. 910. Л. 1 об.-2; там же. Д. 11458. Л. 1 об.-2.
[4] Там же. Д. 225. Л. 5 об.-6; там же. Д. 1405. Л. 48 об.-49; там же. Д. 6573. Л. 1 об.-2; там же. Д. 6577. Л. 1 об.-2; там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 52754. Л. 3 об.
[5] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1351. Л. 1 об.-2; там же. Д. 9846. Л. 1 об.-2.

квартирмейстером Ташкентского военного училища. Судя по всему, выполнял свои обязанности добросовестно и умело, получил к 1917 г. звание подполковника и одну награду. Специально обратим внимание на возраст – 44 года в 1914 г., вроде бы еще боевой, но на фоне некоторых других офицерских примеров нередкий для тыловиков[1].

Один из более возрастных офицеров (в 1914 г. 50 лет) М.А. Лобис, до войны служивший в Воронеже в 25-м пехотном Смоленском полку, в военное время оказался в 5-м этапном батальоне на должности командира (с 18 июля 1914 г.) и начальника этапного участка военной дороги (с 16 августа 1914 г.). Судя по известным нам источникам, наград в годы войны не заслужил[2].

А вот 28-летний К.П. Бишоф, до войны поручик 39-го пехотного Томского полка, «умудрился» накануне войны перевестись в конвойную команду, да еще в Петербурге, а за годы войны получить одну награду и чин штабс-капитана. Перевод молодого офицера в столицу вполне можно объяснить уже упоминавшимся вероятным происхождением из семьи почетных граждан, крупных петербургских предпринимателей[3].

Приходится констатировать и печальную судьбу некоторых пехотных офицеров, служивших во время войны только в тылу.

Так, поручик Я.К. Федоров, который до 1914 г. служил в Тамбове в 27-м пехотном Витебском полку, во время войны остался служить в том же городе, но только в 60-м запасном пехотном полку. В 1915 г. в возрасте 32 лет он умер «по болезни»[4].

В тылу в годы Первой мировой войны оказалась определенная часть артиллерийских офицеров из нашей выборки. Все кадровые части,

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3024. Л. 10 об.-11; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14810. Л. 30.

[2] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 9412. Л. 4 об.-5; там же. Д. 1937. Л. 1 об.-2.

[3] Там же. Д. 1194. Л. 26 об.-27; Высочайшие приказы 1914. Алфавит Высочайшим приказам 1914 года: [помесячно]. СПб., 1914. С. 219. Государственная публичная историческая библиотека России. // URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/19490-alfavit-vysochayshim-prikazam-1914-goda-s-1-go-po-31-e-maya-1914#mode/inspect/page/1/zoom/6 (дата обращения: 26.10.2024); РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2626. Л. 1 об.-2; там же. Д. 9661. Л. 1 об.-2.

[4] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 880. Л. 21 об.-22; там же. Д. 2190. Л. 20 об.-21; там же. Д. 9382. Л. 4 об.-5; там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика. 7532-Ф.

находившиеся на 1914 г. в Белгороде, Курске, Тамбове, сразу ушли на фронт, но некоторые офицеры по разным обстоятельствам продолжили службу в тылу.

Несколько возрастных курских артиллерийских офицеров во время войны были востребованы на службе в местном артскладе. Подполковник Е.И. Буколов (47 лет) продолжил службу в этом военном учреждении[1]. Полковник Н.П. Дроздовский (55 лет) был переведен на складскую службу из 31-й артиллерийской бригады. В начале 1915 г. он умер и был похоронен в Курске на Никитском кладбище[2]. Капитан Г.В. Бородаевский (42 года) из 21-го мортирного артиллерийского дивизиона в годы войны оказался на том же складе[3].

По понятным причинам в тылу и в годы войны оставались учреждения, которые, как и запасные воинские части, были необходимыми элементами армейской инфраструктуры. Службу в них в основном продолжали офицеры довоенного периода. Вместе с тем, заметным было количество перемещавшихся по тылам офицеров таких военных учреждений.

Особенно крупными такие перемещения были в Воронежском дисциплинарном батальоне, управлениях и штабах воинских соединений, из которых в другие части перешло большинство кадровых офицеров довоенного времени.

В частности, А.Н. Вирен, служивший в довоенное время подполковником в Воронежском дисциплинарном батальоне, в 1916 г. был командирован в штаб Казанского военного округа. В годы войны он получил

---

[1] Курский адрес-календарь. 1914-й год. Курск: Электрическая Типо-Литография Губернского Правления, 1914. С. 172; Курский адрес-календарь. 1915-й год. Курск: Электрическая Типо-Литография Губернского Правления, С. 163.

[2] Курский адрес-календарь. 1914-й год. Курск: Электрическая Типо-Литография Губернского Правления, 1914. С. 255; Курский адрес-календарь. 1915-й год. Курск: Электрическая Типо-Литография Губернского Правления, 1915. С. 163; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Дроздовский_Николай_Павлович (дата обращения: 27.02.2025).

[3] Курский адрес-календарь. 1914-й год. Курск: Электрическая Типо-Литография Губернского Правления, 1914. С. 171; Курский адрес-календарь. 1915-й год. С. 164; Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1916 год. Курск: Электрическая Типо-Литография Губернского Правления, 1916. С. 129; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Бородаевский_Григорий_Валерианович (дата обращения: 27.02.2025).

звание полковника и одну награду[1]. Вряд ли такое передвижения можно считать большим для брата приближенного ко двору адмирала Р.Н. Вирена. Скорее, в этом случае пребывание в тылу предопределил возраст Альфреда Николаевича, в 1916 г. – 57 лет.

Некоторые тыловики за годы войны получили крупные повышения в чинах и должностях. Н.Н. Семенов с должности начальника управления Воронежского интендантского вещевого склада переместился на должность помощника окружного интенданта Московского военного округа, а в 1917 г. был произведен в генерал-майоры[2].

Довоенный начальник управления интендантского вещевого склада в Тамбове полковник Д.Л. Спокойский-Францевич в годы войны стал начальником бригады государственного ополчения, был произведен в зауряд-генерал-майоры, а весной 1917 г., после освобождения от должности, вновь переименован в полковники[3].

Белгородский уездный воинский начальник генерал-майор В.Л. Темников в ноябре 1914 г. попал в Москву на должность начальника 1-го Московского распределительного эвакуационного пункта, а затем стал начальником Харьковской местной бригады[4].

А.И. Богородицкий, 41 года, служивший в 1914 г. капитаном конвойной команды в Воронеже, в период войны оставался там же. Возможно, такой служебный опыт не был востребован на фронте[5].

Поручику А.Н. Воскресенскому в 1914 г. было 29 лет. Но он оказался не на фронте вместе со своим 17-м уланским Новомиргородским полком, а всю войну провел в тылу на службе в Симбирском кадетском корпусе[6].

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 413. Л. 2 об.-3; там же. Д. 3401. Л. 1 об.-2; там же. Д. 6556. Л. 1 об.-2.

[2] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Семенов_Николай_Николаевич_1 (дата обращения: 27.02.2025).

[3] Там же. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Спокойский-Францевич_Донат_Леонович (дата обращения: 27.02.2025); Генералитет российской императорской армии и флота. // URL: http://rusgeneral.ru/spisok_nogen.html#s3 (дата обращения: 27.02.2025).

[4] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Темников_Виктор_Леонтьевич (дата обращения: 27.02.2025); РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 10399. Л. 1 об.-2.

[5] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11985. Л. 1 об.-2; там же. Д. 8786. Л. 1 об.-2.

[6] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1255. Л. 6 об.-7; там же. Д. 14442. Л. 217 об.

26-летний поручик П.А. Волоцкой по неясным причинам из расположенного в Моршанске 23-го саперного батальона в мае 1914 г. был зачислен в запас инженерных войск по Вологодскому уезду. Но с объявлением мобилизации был призван в 6-й запасной саперный батальон, находившийся в Петрограде. При этом получил в тылу звание штабс-капитана и даже 3 награды[1].

Сравнительно редкими оказались факты выхода в отставку после возвращения в тыл.

Так, поручик Г.С. Дубов из 40-го пехотного Колыванского полка был ранен в ноябре 1914 г., два года числился в списках полка, находясь в Крыму на излечении и только в ноябре 1916 г. было возбуждено ходатайство об увольнении его от службы ввиду болезни[2]. А вот в отношении его сослуживца по полку штабс-капитана Д.С. Марченкова, который был ранен в феврале 1915 г., данная процедура была запущена уже в августе 1916 г.[3]

Сложный путь от отставки к отставке прошел полковник Л.А. Кричинский, который до марта 1914 г. служил полковником 3-го запасного кавалерийского полка в Кирсанове Тамбовской губернии. Затем в возрасте 56 лет был отправлен в отставку с производством в генерал-майоры. Но с началом войны он оказался востребованным и в октябре 1914 г. был назначен командующим 147-й пешей Воронежской дружиной народного ополчения, а в марте 1915 г. начальником 78-й бригады Государственного ополчения. В январе 1916 г. был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени «за отлично-усердную службу и труды, понесённые во время военных действий»[4]. Поэтому его освобождение от должности начальника бригады и очередную отправку в отставку мы связываем с возрастом, который приближался к 60-ти годам.

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 14271. Л. 76 об.-77; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Волоцкой_Павел_Аполлонович (дата обращения: 27.02.2025).
[2] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11167. Л. 22 об.-23.
[3] Там же. Л. 9 об.-10.
[4] Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 50963. Л. 4; Генералитет российской императорской армии и флота. // URL: http://rusgeneral.ru/gen/k/gen_k1476a.html (дата обращения: 01.03.2025).

Два офицера нашей выборки, которые вернулись с фронта, умерли в тылу. Относительно штабс-капитана 192-го пехотного запасного полка П.И. Кременицкого можно только предположить влияние фронтового ранения, полученного в декабре 1914 г. Умер он в мае 1916 г. от разрыва сердца на квартире под Москвой[1]. Данных о ранении вернувшего с фронта в тыл капитана В.П. Ходолея мы не имеем. Известно только, что он в декабре 1915 г. умер от рака желудка[2].

В тылу, по разным причинам, умерло еще несколько офицеров выборки.

Капитан К.К. Теляков из 20-го пехотного запасного батальона умер от кровоизлияния в мозг. Вряд ли этот случай можно связывать с какими-либо «потрясениями» на тыловой службе. Да и было капитану 49 лет[3].

М.М. Васильев до 1916 г. служил полковником, начальником 191-й пешей Тамбовской дружиной. В марте 1916 г. он умер от туберкулеза в одном из земских лазаретов Тамбова в возрасте 60 лет[4].

Вероятно, возраст был главной причиной печальной судьбы двух уездных воинских начальников. Подполковнику И.И. Розову, Нижнедевицкому уездному начальнику, ушедшему из жизни в феврале 1915 г., было 58 лет[5]. Его коллеге по должности Ф.И. Темперову, генерал-майору, Воронежскому уездному воинскому начальнику на момент смерти в марте 1916 г. было 63 года. Конечно, на здоровье пожилого офицера могли сказаться прежние военные нагрузки. Он был участником еще русско-турецкой войны 1877-1878 гг.[6]

Поскольку у запасных полков не могло быть журналов боевых действий, приходится обращаться к другим источникам, отразившим их повседневную жизнь и службу офицеров в тылу. В частности, интересны представления

---

[1] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 52990. Л. 2 об.-3; там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Ящик. 7473-К.
[2] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Ящик. 7536-Х.
[3] Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 51910. Л. 3 об.
[4] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Ящик. 7359-В.
[5] Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 51922. Л. 5 об.
[6] Там же. Д. 52664. Л. 2-3.

офицеров к повышению в звании. В этих документах дается описание заслуг как основание для такого представления.

Так, в представлении командира 7-го запасного кавалерийского полка подполковника Сокальского дано описание ротмистра Николая Владимировича Дьякова, который, командуя с 1914 г. 4-м эскадроном полка, «проявил массу энергии, знания, честности и аккуратности, вследствие чего эскадрон был всегда в образцовом порядке, на всех смотрах занимал головное место среди эскадронов полка, что неоднократно вызывало похвалы со стороны высших начальствующих лиц. В дни революции, находясь безотлучно в эскадроне и слившись с солдатами душой, предостерег их от возможных ошибок и заблуждений, благодаря чему эскадрон и в настоящее время в полном порядке. Во время взрывов снарядов 19-го августа 1916 года бывшем в Тамбове на ипподроме несмотря на то, что конюшня все время находилась под осколками, летящими от взрывов, весь наряд был в порядке, благодаря распорядительности и находчивости Ротмистра ДЬЯКОВА, ни одна лошадь, ни один человек не был ранен, хотя крыша была пробита с потолком в нескольких местах»[1]. Приказом Временного правительства по армии и флоту от 1 октября 1917 г. ротмистр Дьяков был произведен в подполковники[2].

Интересным источником для изучения офицеров-тыловиков стали воспоминания бывшего корнета Г.А. Римского-Корсакова, поступившего в 1916 г. на службу в 6-й запасной кавалерийский полк в Борисоглебске Тамбовской губернии. Для нас существенно то, что мемуарист дал характеристики постоянных и прикомандированных офицеров. Из числа кадровых офицеров 6-го кавалерийского полка Г.А. Римский-Корсаков назвал Н.А. Де-Парма и С.-Н.Л. Паевского[3].

Особенно ценными оказались редко встречающиеся в мемуарах упоминания офицеров маршевых эскадронов, которые числились в своих

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1007. Л. 4.
[2] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14872. Л. 5.
[3] «В Петрограде революция! Поздравляю, господа!..» Из воспоминаний Г. А. Римского-Корсакова // Россия 1917 года в эго-документах. Воспоминания / [авт.-сост.: Н. В. Суржикова (науч. ред.) и др.]. М.: РОССПЭН, 2015. С. 117.

фронтовых полках, но реально подолгу находились в запасных частях, занимаясь формированием маршевых эскадронов. Среди упомянутых были корнеты К.Э. Хосроев из 7-го гусарского полка, А.А. Хакман из 11-го драгунского Рижского полка, А.-Ц.К.-Л.-П. Шашкевич из 11-го гусарского Изюмского полка[1].

Г.А. Римский-Корсаков дал редкие для источников военного времени «живые» взвешенные характеристики личных и служебных качеств офицеров тыла. При этом молодой мемуарист взвешенно писал о достоинствах и недостатках своих сослуживцев. Так, Н.И. Де-Парма он назвал идеалом для солдат, который провинившихся наказывал тяжелым кулаком, но при этом был заботливым командиром эскадрона[2].

О подполковнике Паевском заместителе командира полка по хозяйственной части Римский-Корсаков говорил как «хитром поляке», хранившем запасы на всякий случай и умевшим удовлетворить интересы полка[3].

Интересны также сведения об офицере военного времени, корнете С.М. Гусакове, который как человек с высшим юридическим образованием служил делопроизводителем полкового суда[4]. Этот факт свидетельствует о разумном подходе командиров к использованию подготовленных людей, с учетом их гражданской специальности.

Все факты и рассуждения данного параграфа мы привели для того, чтобы показать сложную объяснимость конкретных военных судеб офицеров, невозможность определить некоторые факторы их службы в военное время.

Как мы уже отмечали, факты каких-либо политических разговоров в офицерской среде с участием изучаемого нами круга лиц были редким явлением.

---

[1] Россия 1917 года в эго-документах. Воспоминания. С. 395-398.
[2] Там же. С. 118.
[3] Там же. С. 123.
[4] Там же. С. 400.

Применительно к тыловым частям мы выявили факт косвенного влияния революционной агитации на тылового офицера. Так, 30 ноября 1916 г. прокурор Острогожского окружного суда Д.В. Волконский сделал представление прокурору Харьковской судебной палаты Б.Н. Смиттену по факту революционной агитации прапорщика 184-го пехотного запасного полка Е.А. Петрова среди солдат того же полка. В это время в полку числился подполковник А.П. Лубянский, который должен был знать своего революционно настроенного сослуживца-офицера. Но нам неизвестно, служил ли контуженный на фронте Лубянский реально или только числился в списках полка[1].

С другой стороны, атмосферу в тылу накаляли хамские действия отдельных офицеров. В частности, широкий резонанс вызвал поступок Козловского уездного воинского начальника полковника Нелюбова, который буквально накануне Февральской революции на глазах у публики матерно ругал новобранцев, одного даже избил. Мы не знаем политических взглядов этого офицера, но совершенно ясно, что он являл собой образец традиционного «старорежимного» офицера-хама[2].

Офицерская жизнь в тылу, помимо официальных документов военного ведомства и местных властей, находила свое отражение в различных печатных изданиях.

Так, «Тамбовские губернские ведомости» в декабре 1914 г. сообщали, что на встрече царя Николая II в Тамбове помимо прочих присутствовал в качестве члена Губернской ученой архивной комиссии генерал от кавалерии Е.З. Корбут[3].

В отличие от фронтовых офицеров, которые, как уже отмечалось, периодически делали перед своими однополчанами доклады о текущих боевых делах, опытные офицеры тыла выступали с докладами по крупным

[1] Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. 1914 - февраль 1917. Сборник документов. М.: «Наука», 1966. С. 235-236.
[2] Жизнь Тамбовской провинции. С. 33-34, 42.
[3] Тамбовские епархиальные ведомости. 1914. 13 декабря.

теоретическим вопросам военного дела. Так, в октябре 1914 г. та же тамбовская газета сообщала о докладе генерала Н.Я. Ждановича на заседании ученой архивной комиссии на тему «Военное искусство австро-германских войск по опыту современной войны». Автор публикации отмечал грамотность, четкость и внятность речи и особо «возвышенный патриотизм и глубокую религиозность» докладчика[1].

Одним из каналов взаимодействия фронта и тыла были публиковавшиеся в газетах письма фронтовых воинских частей с поздравлениями земляков с крупными праздниками. В качестве образца мы избрали опубликованные в «Воронежских губернских ведомостях» поздравления жителей Воронежской губернии с Рождеством 1917 г. от 26-го Могилевского пехотного полка[2]. Для нашей темы важно отметить, что в этом полку на тот момент служило шесть офицеров довоенного состава полка, призванных на фронт из Воронежа.

Из газетных публикаций становится известным то, что тыловые части широко отмечали свои полковые праздники. Один из ярких фактов в июле 1916 г. представили «Тамбовские епархиальные ведомости», которые подробно описали праздник 268-го запасного полка. В Борисоглебске, где располагался полк, праздник отмечался в общегородском масштабе. В этом полку служили примерно 30 офицеров тамбовского происхождения. Мы не знаем, присутствовал ли на этом мероприятии бывший полковник 25-го пехотного Смоленского полка (Воронеж) подполковник Т.Г. Славянов, который до начала 1916 г. командовал 268-м полком. Но известно, что на праздник были приглашены офицеры 6-го запасного кавалерийского полка, в котором на тот момент служило около десятка представителей нашей базы данных кадровых офицеров[3].

[1] Тамбовские епархиальные ведомости. 1914. 25 октября.
[2] Воронежские епархиальные ведомости. 1917. 26 февраля.
[3] Тамбовские епархиальные ведомости. 1916. 18 июня.

Мы не ставили специальной задачи выяснить, почему столь много тамбовчан оказалась на службе в тыловом запасном полку, расположенном в Тамбовской губернии. Но одно обстоятельство бросилось в глаза. Среди приглашенных на праздник был действительный статский советник, директор Борисоглебской Александровской гимназии Федор Иванович Заркевич. Несложно было установить, что он являлся отцом прапорщика Сергея Федоровича Заркевича[1]. Дальнейшее изучение связей офицеров полка показало, что прапорщик Сергей Арсеньевич Долгов был сыном гласного Борисоглебского уездного земского собрания[2], а прапорщик Петр Иванович Каверин сыном бывшего Борисоглебского городского головы[3].

Деликатный вопрос о службе офицеров из знатных семей в тылу в военный период прослеживается по материалам других запасных полков Тамбовской губернии.

По списку офицеров 60-го запасного пехотного полка, дислоцированного в Тамбове, в первую очередь вопрос возник относительно представителя знатного тамбовского дворянского рода зауряд-прапорщика Николая Федоровича Салтыкова[4]. Мы не стали погружаться в его генеалогические корни. Достаточно отметить, что в период Первой мировой войны тамбовским губернатором был А.Н. Салтыков. Несколько других представителей рода также занимали видные посты в губернских учреждениях.

Весьма интересным примером тыловой службы в «домашних условиях» мы посчитали факты о прапорщике 60-го запасного полка Александре Васильевиче Давыдове, который являлся братом председателя Тамбовской губернской земской управы Ю.В. Давыдова и племянником Тамбовского губернского предводителя дворянства князя Н.Н. Чолокаева. Сын А.В.

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11087. Л. 44 об.-45; Хронос. // URL: https://hrono.ru/biograf/bio_z/zarkevichfeiv.php?ysclid=m7q27xexo9408021550 (дата обращения: 01.03.2025).
[2] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11087. Л. 49 об.-50; Памятная книжка Тамбовской губернии на 1916 год. Тамбов: Электрическая Типо-Литография Губернского правления, 1916. С. 43.
[3] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11087. Л. 51 об.-52; Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии 1914 г. Тамбов: Электрическая Типо-Литография Губернского правления, 1914. С. 166.
[4] РГВИА. Ф. 408.Оп. 1. Д. 9382. Л. 7 об.-8.

Давыдова Степан в своих воспоминаниях сообщал о том, что отец в начале мировой войны был мобилизован, служил в Тамбове в запасном полку, командовал полковыми писарями. Характерными для тылового офицера были некоторые бытовые черты, указанные мемуаристом. Его отец в военное время снимал частную квартиру, наезжал в имение, офицерскую шинель надевал только на праздничные дни, носил пустую кобуру[1].

Кроме того, мы не могли не обратить внимание на судьбу прапорщика 3-го запасного кавалерийского полка из Кирсанова Евгения Николаевича Ремезова, который являлся сыном генерал-майора Николая Митрофановича Ремезова. Ранее упоминалось о героической службе и гибели прославленного генерала, а вот сын, судя по имеющимся данным, провел годы войны в тылу[2].

Подводя итоги параграфа, подчеркнем то обстоятельство, что судьбы офицеров тыловых частей по понятным причинам отличались от боевого пути (в прямом смысле этого слова) офицеров-фронтовиков. Но все-таки они не были одномерно простыми. Мы приводили цифры о том, что часть тыловиков по разным причинам побывала на фронте, а часть фронтовиков оказалась по своим причинам в тылу.

Пребывание в тылу кавалерийских офицеров отчасти объяснялось снижением роли кавалерии в боевых действиях. Но все-таки в большей мере проявлялась их профессиональная востребованность в подготовке кавалеристов в запасных полках. На персональном уровне выявились упоминания офицеров маршевых эскадронов, которые числились в своих фронтовых полках, но реально подолгу находились в запасных частях, занимаясь формированием маршевых эскадронов.

Пехотинцы и артиллеристы реже оставались в тылу. В целом очевидно, что выполняли необходимые для тыловых гарнизонов обязанности. Вместе с тем, у некоторого числа офицеров, особенно запасных пехотных полков,

[1] Давыдов С. А. Записки старого взрывника. М.: Изд-во ГПИБ, 1992. С. 3.
[2] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3142. Л. 40 об.

выявились родственные и служебных связи, которые могли повлиять на нахождение в тылу воюющей армии.

У некоторых тыловиков жизненный путь в военное время оказался вполне успешным, они, не воюя, выросли в чинах и получили награды. Напротив, имели место драматические и трагические судьбы офицеров, служивших вдали от фронта, а также факты смерти в тылу вернувшихся с фронта офицеров.

2.5. Особенности социально-профессионального облика и боевого пути офицеров военного времени (по материалам полков Тамбовской губернии)

При изучении этой когорты офицеров мы делали упор на изучение их отличий от кадровых офицеров, стремясь конкретизировать положения работ историков, раннее изучавших специфические черты офицеров военного времени.

В первую очередь мы решили определить возрастной состав нового пополнения офицерского корпуса, сопоставив его с сословной принадлежностью.

Таблица 13. Соотношение возраста и сословия офицеров военного времени полков Тамбовской губерний

Возрастные группы	**Дворяне**	**Духовенство**	**Казаки**	**Крестьяне**	**Купцы**	**Мещане**	**Почетные граждане**	**Дети офицеров**	**Дети чиновников**	**Остальные**	**Неизвестно**	**Всего**
17-23 (родились в 1890-е гг.)	63	26	12	137	8	73	22	7	27	8	4	387
24-33 (родились в 1880-е гг.)	33	17	1	114	7	42	15	2	17	5	2	255
34-43(родились в 1870-е гг.)	1	-	-	28	-	-	2	-	1	-	1	33

44-53 (родились в 1860-е гг.)	1	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	3
54-63 (родились в 1850-е гг.)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
65 (родились в 1840-е гг.)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Неизвестно	2	-	-	1	-	1	-	-	1	-	6	11
Всего	100	43	13	282	15	116	39	9	46	13	13	689

Составлено по: РГВИА. Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб – и обер-офицеров. Коллекция; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Таблица показала, что возрастной состав офицеров военного времени, если не принципиально, но заметно отличался от возрастных показателей кадровых офицеров. По понятным причинам в обеих выборках преобладали молодые люди до 33 лет. Но среди кадровых офицеров они составляли 42%, а среди офицеров военного времени на 50% больше. При этом самые молодые офицеры до 23 лет в первой выборке насчитывали менее 5%, а во второй - 56%. Эти цифры можно объяснить тем, что именно молодые люди с образованием были наиболее подходящими кандидатами для зачисления в школы прапорщиков.

С самого начала войны вводилась ускоренная подготовка и соответственно ранние выпуски в военных училищах. Несколько человек очень невысоких возрастов попали и в нашу выборку офицеров военного времени, оказавшихся на службе в полках Тамбовской губернии. В частности, это явление оказалось особо заметным в 3-м кавалерийском запасном полку, который дислоцировался в Кирсанове. В 1914 г. в него были направлены 17-летние выпускники Елизаветградского кавалерийского училища, прапорщики Б.А Бадаев и Е.Н. Машкин, а также 15-летний выпускник Тверского кавалерийского училища прапорщик С.И. Псурцев[1].

Такое явление отражено в мемуарной литературе. В частности, юнкер Чугуевского училища В. Альмендингер рассказывал в своих воспоминаниях о переменах, случившихся в военное время в училище: сокращении отпуска для

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3142. Л. 25 об., 26 об., 33 об.

выпускников и ускоренном курсе обучения, особенно юнкеров 1-го специального класса, которые ускоренно проходили курс 2-го специального класса и через несколько месяцев уже становились офицерами[1].

Мы специально выбрали именно эти воспоминания, поскольку в нашей выборке оказалось 13 офицеров, закончивших Чугуевское военное училище в 1914-1916 гг., и, судя по их небольшим возрастам на момент выпуска, прошедшим ускоренную подготовку: В.В. Лайкевич – 18 лет[2], В.М. Абашидзе[3], А.М. Кабацкий[4], С.П. Пальцевич – 19 лет[5], В.А Воскресенский[6], И.Д. Рягузов[7], Е.И. Столяров[8], В.В. Хоменко – 20 лет[9], Н.А. Бирюков[10], Т.Е. Бурый[11], А.М. Караулько – 21 год[12], А.Х Борисенко[13], С.З. Казарин-Тимонин – 23 года[14].

В базу данных вошли еще 10 офицеров военного времени, получивших первое звание в 18 лет. При этом 4 из них закончили военные училища, 6 – школы прапорщиков.

Таблица 14. Места окончания военных учебных заведений офицерами военного времени полков Тамбовской губернии

Учебные заведения и другие пути к званию	**Кол-во**
Школы прапорщиков	*303*
в т.ч.	
5-я Моск. шк. прап.	30
2-я Моск. шк. прап.	20

[1] Альмендингер В. Чугуевское военное училище // Военная Быль. Январь 1971. № 108. Статьи из Парижского журнала «Военная быль» (1952-1974) Обще-кадетское объединение под редакцией А.А. Геринга. // URL: http://lepassemilitaire.ru/chuguevskoe-voennoe-uchilishhe-v-almendinger
[2] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11168. Л. 74 об.-75.
[3] Там же. Л. 73 об.-74.
[4] Там же. Д. 10057. Л. 48 об.-49.
[5] Там же. Д. 11167. Л. 35 об.-36.
[6] Там же. Л. 16 об.-17.
[7] Там же. Д. 10057. Л. 71 об.-72.
[8] Там же. Д. 11167. Л. 61 а.
[9] Там же. Д. 11168. Л. 72 об.-73.
[10] Там же. Д. 10057. Л. 34 об.-35.
[11] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11167. Л. 30 об.-31.
[12] Там же. Д. 10057. Л. 51 об.-52.
[13] Там же. Л. 81 об.-82.
[14] Там же. Д. 11167. Л. 28 об.-29.

4-я Моск.шк. прап.	14
2-я Киев. шк. пр.	11
Военные училища	*257*
В т.ч. Елизаветградское кав. уч.	36
Николаевское кав. уч.	31
Александровское воен. уч.	24
Чугуев. воен. уч.	23
Алексеевское инж. уч.	22
Вилен. воен. уч.	20
Владимирское воен. уч.	17
Иркут. воен. уч.	17
Тверское кав. уч.	17
Киевское воен. уч.	15
Казан. воен. уч.	14
Другие пути	*56*
В т.ч. за боевые отличая	33
Из вольноопределяющихся	9
Испытание на звание прапорщика	9
Произведен в прапорщики	2
Экзамен на прапорщика	3
Неизвестно	*73*

Составлено по: РГВИА. Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб – и обер-офицеров. Коллекция; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Документы сохранили достаточно полные данные об учебе и других путях получения офицерского звания в военное время представителей нашей выборки. 10-процентное значение неизвестных по показателю места учебы или заслуг считаем вполне допустимым для документов военного времени.

Большую часть новых офицеров составили выпускники школ прапорщиков – 303 человека или 44% нашей выборки.

География мест их учебы была весьма широка. Значительная часть из них закончила Московские школы прапорщиков – 64 человека. Кроме того, прапорщики, попавшие в тамбовские полки, прошли подготовку в военных учебных заведениях (помимо упомянутых в таблице) Вильно, Владимира, Иркутска, Казани, Киева, Одессы, Омска, Ораниенбаума, Оренбурга, Пскова,

Петергофа, Саратова, Ташкента, Твери, Телави, Тифлиса. Мы сознательно конкретизировали географию мест учебы, дабы подчеркнуть широту представительства членов нашей когорты, в значительной мере отражающую типичные общероссийские процессы. Практически в воинских частях Тамбовской губернии периода Первой мировой войны оказались выпускники почти всех российских школ прапорщиков.

Конечно, офицерское образование в военное время, как мы уже отмечали, не могло быть полноценным в сравнении с кадровыми офицерами. Тем не менее, следует отметить, что около 40% «вновь испеченных» офицеров полков из Тамбовской губернии все-таки окончили военные училища. При этом некоторые из них поступили на учебу до войны и прошли немалую первоначальную подготовку. Среди них, как и в мирные годы, выделялись выпускники столичных училищ: Николаевского кавалерийского училища – 31 человек, Александровского военного училища – 24 человека, Алексеевского инженерного училища – 22 человека, а также популярных среди довоенных кадровых офицеров провинциальных училищ: уже упомянутого Чугуевского военного училища – 23 человека, Елизаветградского кавалерийского училища – 36 человек.

В качестве «экзотического» примера военного образования назовем бывшего студента Императорского училища правоведения, выпускника Пажеского корпуса 1915 г. Ю.Ф. Милеева, который после учебы в столь элитном заведении, был направлен в 3-й запасной кавалерийский полк (Кирсанов Тамбовской губернии)[1].

33 офицера (5% выборки) вообще получили звание прапорщика без какой-либо учебы «за боевые отличия».

Нельзя не обратить внимания на группу прапорщиков, получивших звание непонятным образом – «из вольноопределяющихся» или вообще в графе военное образование указано – нет.

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3142. Л. 36 об.-37.

Таблица 15. Места окончания гражданских учебных заведений офицерами военного времени полков Тамбовской губерний

Центр России (Александров, Алексин, Белгород, Белев, Бирюч, Бобров, Богородицк, Борогодск, Борисоглебск, Болхов, Брянск, Варнавин, Владимир, Воронеж, Дмитриев, Дорогобуж, Епифань, Звенигород, Калуга, Карачев, Козлов, Коломна, Кострома, Курск, Ливны, Макарьев, Моршанск, Москва, Обоянь, Орел, Орехово-Зуево, Острогожск, Путивль, Ржев, Рославль, Рыльск, Рязань, Смоленск, Суджа, Тамбов, Тверь, Торжок, Трубчевск, Тула, Шуя. Ярославль).	158
Белорусские, Украинские, Молдавские губернии (Ананьев, Балты, Барановичи, Белая Церковь, Богодухов, Васильков, Витебск, Волконск, Гадяч, Гродно, Екатеринослав, Елизаветград, Житомир, Исмаил, Киев, м. Златополе, Кобрин, Кременчуг, Лубны, Минск, Могилев, Мстиславль, Николаев, Никополь, Немиров, Ново-Александрия, Новогрудков, Одесса, Ольгополь, Острог, Пинск, Пирятин, Полтава, Рогачев, Севастополь, Сумы, Тирасполь, Умань, Харьков, Чаусы, Чернигов, Чугуев, Шостка, Ялта).	88
Северо-Запад (Архангельск, Боровичи, Вологда, Гатчина, Новгород, Петроград, Псков, Тотьма, Царское Село).	50
Поволжье (Арзамас, Астрахань, Аткарск, Вольск, Вятка, Елабуга, Казань, Кузнецк, Мензелинск, Н. Новгород, Пенза, Ростов Великий, Самара, Сарапул, Саратов, Симбирск, Сызрань, Царицын, Чебоксар, Чистополь)	44
Запад, включая Прибалтику (Августов, Белосток, Валькомир, Варшава, Вильно, Келец, Лович, Луга, Люблин, Митава, Паневежис, Сандомир, Сенно, Сувалки, Томашов, Ревель, Рига, Трокай, Холм, Юрьев).	42
Сибирь (Ачинск, Благовещенск, Верхнеудинск, Енисейск, Ирбит, Иркутск, Красноярск, Курган, Мариинск, Новониколаевск, Омск, Тобольск, Томск, Тура, Хабаровск, Чита).	32
Урал (Бузулук, Екатеринбург, Златоуст, Камышлов, Красноуфимск Оренбург, Пермь, Стерлитамак, Уфа, Челябинск).	17
Юг (Владикавказ, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, Ставрополь, Таганрог, Усть-Медведицкая).	12
Закавказье (Александрополь, Баку, Кутаис, Тифлис, Эривань).	9
Средняя Азия и Казахстан (Верный, Семипалатинск, Скобелев, Ташкент).	5

Составлено по: РГВИА. Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб – и обер-офицеров. Коллекция; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Как видно из таблицы, внушительный географический размах имеет показатель мест довоенной учебы будущих прапорщиков в гражданских учебных заведениях. Преобладание лиц, окончивших военные заведения в Центральной России, определяется высокой насыщенностью региона такими заведениями, а также большой численностью населения в губерниях Центра. Конечно, сказывались и такие факторы, как больший патриотизм

великороссов и православных в сравнении с другими народами империи, большее доверие властей к русским офицерам.

С этой точки зрения понятно и 2-е место группы городов белорусских, украинских и молдавских губерний.

Сравнительно немалое число выпускников учебных заведений Северо-Запада, прежде всего, объясняется большим количеством будущих прапорщиков, обучавшихся в Санкт-Петербурге (Петрограде) и его пригородах. Но и еще 14 городов этого в целом великорусского региона дали образование будущим офицерам военного времени.

Видимо, не отказывались от службы в качестве офицеров русской армии и жители западных губерний Российской империи, включая Прибалтику и Царство Польское.

Остальные регионы России по показателю гражданской учебы представлены в нашей базе данных прапорщиков заметно меньше. Причинами этого мы полагаем меньшую плотность населения территорий к Востоку от Центра, меньшую насыщенность их учебными заведениями.

Наименьшие показатели Юга Европейской России, Закавказья и Средней Азии, возможно, объясняются тем, что жители этих территорий в значительной своей части попадали в казачьи и национальные воинские части.

Отдельно отметим города, где получали гражданское образование сравнительно большое количество будущих офицеров военного времени (более 5 человек): Варшава, Вильно, Воронеж, Казань, Киев, Курск, Москва, Нижний Новгород, Одесса, Орел, Петроград, Полтава, Саратов, Тамбов. Понятно лидерство Москвы и Петрограда, где были подготовлены соответственно 48 и 36 офицеров выборки, а также Киева – 20 фактов и Варшавы – 11 фактов. С другой стороны, добавим к нашим подсчетам Читу – 4 случая, что немного по общероссийским меркам, но очень необычно для Сибири.

В целом география мест получения будущими офицерами военного времени гражданского образования свидетельствует, что в полки из

Тамбовской губернии попали представители очень многих регионов страны, что лишний раз подчеркивает типичность представителей нашей выборки прапорщиков военного времени.

Удалось выяснить уровень гражданского образования 622 офицеров военного времени (90% от всей совокупности). Наиболее существенно то, что большая часть будущих прапорщиков имела образование среднее и выше среднего – 364 чел. (почти 60% от числа известных по гражданскому образованию). Особенно подчеркнем заметную долю лиц со средним специальным и законченным или незаконченным высшим образованием (источники не всегда позволяют определить степень завершенности учебы в университетах) – 25% от всех изученных прапорщиков полков Тамбовской губернии.

Немалая группа будущих прапорщиков с неполным средним образованием, вероятно, объясняется нехваткой потенциальных офицеров со средним и более высоким образованием. Более того, в изученной группе офицеров оказалось около 20% людей с начальным училищным и неопределенным домашним образованием. Получается, что в условиях нехватки офицеров приходилось готовить или производить в прапорщики лиц с невысоким уровнем гражданского образования.

Особо следует сказать о выпускниках кадетских корпусов, которых в базе данных оказалось более 30 человек. Почти все они попали в офицеры военного времени после окончания военных училищ уже в годы войны. Их в полной мере нельзя назвать кадровыми офицерами. Но следует подчеркнуть, что по сравнению с гражданскими они имели большую подготовку и нацеленность на офицерскую службу. С другой стороны, они почти не имели опыта взрослой гражданской жизни и были относительно далеки от нижних чинов.

Но все-таки и в этой группе были интересные исключения. Нашлись выпускники кадетских корпусов, которые сразу не пошли по военной линии и стали офицерами только в годы мировой войны. Так, будущему офицеру 40-

го пехотного Колыванского полка. Е.В. Седову в 1914 г. было уже 30 лет. Суворовский кадетский корпус он явно закончил намного раньше. Только в 1915 г. Седов завершил обучение в 3-й Тифлисской школе прапорщиков[1]. Н.К. Киселев, 1873 года рождения, окончил 4-й Московский кадетский корпус еще в XIX в. В 1916 г. после окончания опять-таки Московской, но теперь 4-й Московской школы прапорщиков он попал на службу в 27-й пехотный Витебский полк. На тот момент ему было уже 43 года[2]. Видимо, военные органы вынуждены были привлекать в ряды офицеров даже возрастных людей, но имевших первоначальную офицерскую подготовку.

Следует учитывать факты отказа некоторых солдат с определенным уровнем образования поступать в школы прапорщиков. В.Д. Поликарпов в предисловии к воспоминаниям будущего советского генерал-лейтенанта из офицеров военного времени М.Н. Герасимова привел красноречивый рассказ о том, что в одном из запасных полков требовалось по разнарядке послать в школу прапорщиков трех нижних чинов с четырехклассным образованием. Один из отобранных командиром полка солдат отказался ехать в школу прапорщиков. Но во всем полку не нашли третьего солдата с четырьмя классами школы. И «отказнику» ехать в школу прапорщиков приказали[3].

В итоге рассмотрения сюжета можно утверждать, что наши материалы подтверждают известный тезис историографии о немалой доле хорошо образованных людей среди офицеров военного времени.

И все-таки, как видно из таблицы 14, более 50 человек (8%), известных по показателю пути продвижения в офицеры, попали в офицерский корпус без окончания военно-учебных заведений, в лучшем случае, сдав экзамен на звание прапорщика.

Данные выборки во многом совпадают с показателями источников пополнения офицерского корпуса Центральной России к 1917 г.,

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11167. Л. 46 об.-47.
[2] Там же. Д. 10057. Л. 76 об.-77.
[3] Герасимов М. Н. Пробуждение. М.: Воениздат, 1965. С. 4.

определенными в свое время Л.Г. Протасовым[1]. Наши подсчеты во многом совпали с этими показателями. Как в целом по войскам Московского округа, так и среди известных по источнику продвижения в прапорщики представителей нашей выборки преобладали офицеры, вышедшие из школ прапорщиков – 53,9% и 49,2% соответственно. Несколько большей в изученной нами группе офицеров военного времени оказалась и доля выпускников военных училищ 1914-1916 гг. – 37,3 % против 33,9% в войсках всего Московского военного округа. Почти полностью совпали процентные показатели пополнения офицерского корпуса выходцами из нижних чинов: 9,1% у нас и 10,1% у Л.Г. Протасова.

Приведенные цифры об источниках пополнения офицерства в период мировой войны в очередной раз показали типичность офицеров нашей выборки.

Возвращаясь к таблице 13, отметим, что наша выборка позволила подтвердить известный тезис о большой доле представителей непривилегированных сословий среди офицеров военного времени. Самой большой оказалась доля выходцев из крестьян (около 40%).

Конечно, не все крестьяне нашей выборки в начале XX в. оставались земледельцами. В свое время, изучая офицеров – уроженцев Тамбовской губернии, было выявлено определенное количество прямых и особенно косвенных данных об офицерах, происходивших непосредственно из деревенской среды (редкие сведения о проживании в селе, упоминания об учебе в сельской местности)[2].

В базе данных прапорщиков косвенные сведения о сельском крестьянском происхождении выявлены применительно к 8 представителям нашей выборки: трое окончили расположенные в сельской местности учительские семинарии и школы, один – среднее сельскохозяйственное

[1] Протасов Л. Г. Войска в Центральной России (численность, состав, комплектование, положение) // Источниковедческие работы. Вып.4. Тамбов, 1975. С. 161.
[2] Вл. В. Канищев. «От недр своих». Крестьяне Тамбовской губернии в офицерском корпусе русской армии периода Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2022. № 12. С. 66-73.

училище, трое указали окончание сельских церковно-приходских и народных (земских) школ в сельской местности, двое - сельские училища.

Нужно учесть, что так называемое домашнее образование в конце XIX – начале XX в., как правило, было распространено в сельской местности. Поэтому, исходя из материалов нашей базы данных прапорщиков, мы обосновано предполагаем сельское происхождение еще нескольких десятков человек. С учетом этого максимально к прапорщикам-селянам можно отнести 80 человек, а в нашей базе данных крестьянами по сословному происхождению было 282 человека. Как минимум 190 из них с детства жили и учились в городах.

Конечно, крестьяне, учившиеся в городах, уже не были селянами в полном смысле этого слова. В исторической науке признанным стало положение о том, что в пореформенный период российской истории место жительства и занятие человека всё меньше зависели от его сословия. Это в значительной мере относилось и к крестьянам, которые перебирались в города и обретали там неземледельческие занятия. Вероятно, из семей таких ещё крестьян по сословию происходили будущие офицеры, которые первоначально окончили городские учебные заведения.

Если учесть, что доля мещан в российском обществе начала XX в. была в 5 раз меньше крестьянской, их долю в 17% в нашей выборке также можно признать показателем высокого стремления в ряды офицеров, на что мы уже обращали внимание, говоря о кадровых офицерах из среды мещанства.

Продолжая идти по пути сравнения доли сословий в российском обществе и в конкретной выборке, то получается, что 15-процентная доля дворян в изученной группе офицеров военного времени была относительно большой. По этой логике следует признать немалым и удельный вес выходцев из духовенства, купцов и почетных граждан.

Интересным моментов нашего анализа сословного состава изучаемой группы является наличие в ней «пестрой» части людей, которые идентифицировали себя не по сословному, а по профессиональному принципу

как сыновья офицеров, чиновников, учителя, артиста, провизора, явно людей городских профессий.

В целом анализ сословного состава прапорщиков военного времени наряду с анализом образовательного уровня позволяет сделать заключение о городском социально-профессиональном облике, большей в сравнении с сельскими жителями готовности к сложной офицерской службе. Вместе с тем, в этом главным образом крестьянско-мещанском составе видна большая связь со средними и низшими слоями общества в сравнении с кадровыми офицерами со значительными долями выходцев из дворянства, духовенства, купечества, почетных граждан.

Таблица 16. Соотношение характера участия в войне и судеб в 1914-1916 гг. офицеров военного времени из полков Тамбовской губернии

Состояние	**Тыл**	**Тыл-фронт**	**Фронт**	**Фронт-Тыл**	**Фронт-тыл-фронт**	**Неизвестно**	**Общий итог**
Болен	1	1	23	1	-	-	26
Болен-ранен	-	-	2	-	1	-	3
Выбыл по неизвестным причинам	-	1	5	1	1	-	8
Неизвестно	3	1	146	1	-	2	153
Выбыл до войны (отставка, смерть)	-	-	3	-	-	-	3
Отправлен в училище	-	-	-	-	1	-	1
Отравлен газами	-	-	2	-	-	-	2
Плен	-	-	25	-	-	-	25
Пропал без вести	-	-	19	-	-	-	19
Ранен	-	5	172	22	3	-	202
Ранен- плен	-	-	3	-	-	-	3
Ранен-болен	-	-	2	-	-	-	2
Ранен-оставлен на поле боя	-	-	1	-	-	-	1
Ранен-пропал без вести	-	-	1	-	-	-	2
Убит	-	-	55	-	-	-	55
Умер	1	-	1	-	-	-	2
Умер от перитонита	-	-	1	-	-	-	1
Умер от ран	-	-	16	-	-	-	16
Умер от туберкулеза	-	-	1	-	-	-	1
Умер от тифа	-	-	1	-	-	-	1

Ушиблен	-	-	1	-	-	-	1
Цел	41	6	92	22	1	1	163
Общий итог	46	14	572	47	7	3	689

Составлено по: РГВИА. Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб – и обер-офицеров. Коллекция; Ф. 16196. Особое делопроизводство по сбору и регистрации сведений о выбывших за смертью или за ранами, а также пропавших без вести воинских чинах, действующих против неприятельских армий (1914-1918); Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат); Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Весь боевой путь до конца 1916 г. прошли на фронте более 80% представителей данной выборки офицеров. Если к ним добавить тех, кто провел на фронте часть своей военной службы, доля воевавших «вновь испеченных» офицеров составляет около 93%. Этот показатель вполне объясним тем, что офицеров военного времени и готовили для того, чтобы пополнить воюющий офицерский корпус и заменить выбывших кадровых офицеров.

И все-таки без малого 7% офицеров военного времени всю службу в 1914-1916 гг. провели в тылу. Еще 2% отправились на фронт после службы в тыловых частях. Наоборот, 8% вернулись с фронта в тыл. Интересно, что из 47 человек этой группы только 23 отправились в тыл по ранению. Только 2 офицера военного времени выбыли в тыл по неизвестной причине. Но 22 человека отправились с фронта в тыл, будучи, по нашим сведениям, целыми-невредимыми.

Мы сознательно представили в таблице разные комбинации военных судеб данной группы офицеров, чтобы показать их неоднозначность.

Особое внимание мы уделили тем 4 офицерам, кто попал с фронта в тыл и вновь вернулся в зону военных действий.

В.Л. Карчинский в 1914 г. после получения звания прапорщика был направлен на фронт в 27-й пехотный Витебский полк. Был ранен, после оказался в 60-м пехотном запасном батальоне. В конце 1916 г. он вновь оказался на фронте в составе 1-й Инженерной рабочей дружины[1].

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 10057. Л. 46 об.-47; там же. Ф. 409. Д. 2823.

П.Д. Шаренко в 1916 г. завершил учебу в Казанском военном училище, а на фронте оказался в 27-м пехотном Витебском полку. В декабре 1916 г. «убыл по болезни», но позже вновь оказался на фронте, где в июле 1917 г. был контужен[1].

К.Ю. Журомский «почти» кадровый офицер (окончил Киевский кадетский корпус и в 1914 г. Елизаветградское кавалерийское училище) сначала оказался в 6-м запасном кавалерийском полку, затем был направлен во фронтовой 7-й уланский Ольвиопольский полк. Выбыл из него по неизвестной причине, но в январе 1916 г. был отправлен в действующую армию из Тамбова[2].

К.Н. Клечковский за боевые отличая в ноябре 1914 г. был произведен в прапорщики, а после по одним данным командирован в Виленское военное училище, по другим отправлен в 1-ю Петергофскую школу прапорщиков (так в документах). Возвратившись на фронт, воевал в составе своего полка и был ранен 5 марта 1916 г. в ходе проведения Нарочской операции[3].

Анализ выживаемости выборки офицеров военного времени в первую очередь показал очень высокий процент лиц, неизвестных по фронтовой судьбе на конец 1916 г. – почти четверть от всей совокупности. Это оказалось в процентном отношении почти вчетверо больше, чем у представителей ранее рассмотренной выборки кадровых офицеров. Возможно, это объясняется некоторым снижением интенсивности и масштабности сражений с осени 1915 г. Отметим, что по сравнению с операциями в кампании 1914 г. и тяжелыми боями периода «Великого отступления» лета 1915 г. уровень боевой активности в последующие периоды войны на русско-германском и русско-австро-венгерском фронтах заметно снизился.

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 10057. Л. 78 об.-79; там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Ящик. 7541-Щ.

[2] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 15207. Л. 133 об.-134; там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Ящик. 7455-Ж; там же. Номер ящика. 7368-Е .

[3] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2190. Л. 47 об.-48; там же. Д. 10057. Л. 56 об.-57; там же. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1190. Л. 123 об.

Удивительно, что число офицеров военного времени, оставшихся к концу 1916 г. целыми-невредимыми, практически равнялось числу неизвестных по военной судьбе. То, что эта группа оказалась сравнительно маленькой по сравнению с выборкой кадровых офицеров (напомним, у них показатель «цел» получился на 15% выше), объяснить сравнительно несложно. Выучка и боевой опыт офицеров военного времени, конечно, были хуже, чем у тех, кто прошел полноценную офицерскую подготовку.

Как мы отмечали ранее, процент погибших и умерших кадровых офицеров равнялся 13%. У «вновь испеченных» офицеров этот показатель оказался на два пункта выше. Пленных среди офицеров военного времени мы насчитали на 1% меньше, чем у кадровых офицеров.

Таблица 17. Динамика званий офицеров военного времени

Звание	1-е	2-е	3-е
Прапорщик	679	-	-
Корнет	10	41	-
Подпоручик	-	282	-
Поручик	-	1	55
Штабс-капитан	-	-	8
Нет нового звания	-	271	492
Неизвестно	-	94	134

Составлено по: РГВИА. Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб – и обер-офицеров. Коллекция; Ф. Печатные издания. Высочайшие приказы о чинах военных. Приказы армии и флоту. Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Таблица показывает, что среди офицеров военного времени оказались не только те, кто «ограничился» получением чина прапорщика. Выявились факты продвижения за годы войны к более высоким званиям.

Для понимания реальной конкретики картины мы указали в таблице в качестве первого звания не только прапорщиков, но и десяток корнетов.

Обстоятельства военного времени всегда способствовали относительно быстрому продвижению офицеров в получении званий. В данной выборке только применительно к 39% офицеров можно сказать, что они не

продвинулись в чинах за годы войны. С другой стороны, 47% получили 2-е звание подпоручика или корнета, а 9% – даже 3-е звание. 8 человек смогли получить чины штабс-капитана или штабс-ротмистра.

В первую очередь среди них были боевые пехотные офицеры: 4 офицера 27-го Витебского полка, 1 офицер Томского пехотного полка, а также 3 кавалерийских офицера. Двое из кавалеристов оказались во время войны во фронтовых пехотных полках. Один всю войну провел в тылу. Этим тыловиком оказался С.А. Оболенский, который в 1915 г. окончил Елизаветградское кавалерийское училище, в звании прапорщика прибыл в 3-й запасной кавалерийский полк, прослужил там до конца 1916 г., получил звания корнета, а затем штабс-ротмистра[1].

В этой малой группе были люди разные по возрасту (от 20 до 35 лет на момент получения офицерского звания), по происхождению (3 дворянина, 3 крестьянина, 1 мещанин, 1 сын чиновника), по гражданскому образованию (2 с домашним, 5 – со средним, 1 – со средним специальным). Почти всех «вновь испеченных» штабс-капитанов объединяли признаки боевой отваги: 7 офицеров были ранены, получили по 2-3 награды. «Нетипичным» оказался С.А. Оболенский, у которого в графе награды было просто пустое место.

Показателем отваги и героизма офицеров из тамбовской крестьянской среды стало награждения многих из них различными наградами.

Таблица 18. Распределение офицеров военного времени из частей Тамбовской губернии по числу наград, заслуженных в 1914-1916 гг.

Число наград одного офицера	Количество награжденных
1	208
2	83
3	46
4	20
5	18
6	12

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3142. Л. 41 об.-42; «Дворянские роды Российской империи». Том 3. Князья / Под ред. С. В. Думина. Москва: «Ликоминвест», 1996. С. 248.

7	2
Нет	184
Неизвестно	116

Составлено по: РГВИА. Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб – и обер-офицеров. Коллекция; Ф. Печатные издания. Высочайшие приказы о чинах военных. Приказы армии и флоту. Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Материалы базы данных, включенные в таблицу, показали, что четверть офицеров нашей выборки наград в годы войны не получила. Если добавить к ним всех неизвестных по факту награждения, то этот показатель вырастет до 44%. Но мы можем твердо заявлять, что более половины изученной нами группы офицеров получили награды. 57% от награжденных или 30% от всей выборки были награждены единожды.

Наиболее интересным оказалось то, что 23% от всей совокупности менее чем за два года (они становились офицерами уже после начала военных действий), какая-то часть за год заслужила по 2 и более боевых наград. Особенно выделим двух офицеров, которые заслужили по 7 орденов. Интересно, что оба они оказались поручиками 7-й артиллерийской бригады. Мещанин С.А. Яньков в довоенные годы окончил Козловское коммерческое училище, перед войной проходил действительную военную службу с июля 1913 г. Через год был произведен в прапорщики, в октябре 1915 г. заслужил чин подпоручика, а позже стал поручиком. Среди прочих наград был удостоен Георгиевского оружия[1].

24-летний дворянин Ю.К. Попов до войны был студентом юридического факультета Московского университета, после окончания которого в январе 1914 г. поступил на действительную военную службу, а в условиях начавшейся войны в декабре того же года был произведен в прапорщики. Синхронно со своим сослуживцем С.А. Яньковым стал подпоручиком. Первыми заслуженными в боях наградами стали Георгиевские кресты 4 и 3 степеней[2].

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3128. Л. 16 об.-17; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14844. Л. 618 об.; там же. Д. 14846. Л. 706; там же. Д. 14865. Л. 104.
[2] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3128. Л. 16 об.-17; там же. Д. 14846. Л. 706.

Особенно уникальной фигурой стал П.В. Обламский, который в 1915 г. в возрасте 41 года за боевые отличия получил звание прапорщика, а затем подпоручика. В годы мировой войны он сражался в 39-м пехотном Томском полку, получил 5 наград. Но еще три награды он заслужил в годы русско-японской войны. Все тогдашние награды были георгиевскими крестами. В годы Первой мировой войны он заслужил еще одного «Георгия» и стал полным кавалером этой самой высокой воинской награды. При этом в качестве офицера он заслужил ордена святой Анны 4-3 степеней и святого Станислава 3-2 степени[1]. Конечно, это был отчаянный героизм. Известно, что позже у подпоручика Обламского после тяжелого ранения была ампутирована нога[2].

Предполагаем, что отдельные яркие описания индивидуальных подвигов в сочетании с коллективными характеристиками позволяют понять социальную природу героизма офицеров военного времени.

Происходивший из мещан Козлова прапорщик 233-го Старобельского полка Николай Дмитриевич Осетров был награжден орденом св. Георгия 4-й ст. за то, что 29 декабря 1914 г. при атаке неприятельской укрепленной позиции у д. Гавдик бросился вперед, увлекая за собой нижних чинов своего взвода, первым ворвался в окоп и захватил его, причем был тяжело ранен[3].

Молодой прапорщик 27-го пехотного Витебского полка П.Е. Лебедев в бою 27 июля 1915 г. у д. Щепанково: «когда противник, обрушившись в превосходных силах на окопы, занятые ротами полка, занял их, то прапорщик Лебедев, стоя во главе полуроты, под убийственным пулеметным и ружейным огнем немцев, по совершенно открытой местности, потеряв более половины своих людей и являя высокий пример доблести и призрения к опасности, ворвался в захваченный немцами окоп, переколол немцев и утвердился во фланговой части его, стойко удерживаясь в нем, и отошел лишь тогда, когда получил об этом приказание и тем дал возможность устроиться и утвердиться

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11168. Л. 47 об.-48.
[2] Там же. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Ящик. 7389-О.
[3] Там же. Ф. Печатные Издания. Оп. Печатные издания. Д. 14808. Л. 341 об.

остальным частям полка на исходных позициях; на другой же день в атаке на деревню Миколайки, прапорщик Лебедев, идя во главе роты, показывая новый пример воинской доблести, был убит наповал». Посмертно Павел Евгеньевич был произведен в подпоручики и награжден орденом св. Георгия 4-й ст.[1]

Петр Илларионович Стефанский, только-только получивший звание прапорщика, заслужил Георгиевское оружие за героизм в бою 6 сентября 1915 г. у д. Сверчизна, когда он: «во главе вверенной ему роты, ударом в штыки ворвался в деревню, причем часть немцев была перебита, а часть взята в плен»[2].

Уже упоминавшийся офицер военного времени, поручик Сергей Алексеевич Яньков, был награжден Георгиевским оружием за то, что в бою со 2 по 10 марта 1916 г. (вспомогательные бои, накануне Нарочской операции) в районе населенных пунктов Занароч-Близники: «находясь на наблюдательном пункте в передовых пехотных окопах, под непрерывным артиллерийским и ружейным огнем противника, давал точные указания для корректирования стрельбы группы батарей. Благодаря его указаниям батареи были тщательно пристреляны и своим огнем разрушили окопы, блиндажи и проволочные заграждения немцев, чем дали возможность нашей пехоте прорвать три линии укрепленной неприятельской полосы, захватить более 1000 пленных, 18 пулеметов и обеспечить успех боя»[3].

Все эти, хотя и немногочисленные, конкретные и яркие факты не только насыщают новыми красками коллективный портрет офицеров военного времени, но и позволяют оценить некоторые спорные моменты историографии. Так, А.В. Попов в статье о подготовке офицеров военного времени, не приведя ни одного факта пишет, что у прапорщиков героизм компенсировал недостатки офицерской подготовки[4].

---

[1] РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14836. Л. 151.
[2] Там же. Л. 59.
[3] Там же. Л. 104.
[4] Попов А. В. Подготовка будущих офицеров в военно-учебных заведениях России во время Первой мировой войны // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-17. С. 3825-3829.

Выявленные нами конкретные факты говорят о том, что среди офицеров военного времени было немало способных командиров, которые не только героизмом, но и умением вели в бой своих подчиненных. Конечно, мы допускаем наличие неопытных молодых офицеров, обладавших не лучшими командными качествами. Однако это сложно доказать документировано, поскольку в официальных документах военного ведомства как правило не фиксировались факты «бездарного» руководства командиров. Во всяком случае, в массиве изученных разнообразных официальных источников военного ведомства, мы не встретили подобных фактов.

Таким образом, сравнительное изучение социально-профессионального облика и боевого пути кадровых офицеров и офицеров военного времени показало как общие, так и специфические черты двух изученных групп. «Вновь испеченные офицеры» в целом были моложе кадровых. Офицеры военного времени имели сравнительно высокий уровень общего образования, что позволило им ускоренно приобрести первичные офицерские навыки. Сословный состав нашей выборки новых офицеров, как и в целом по армии, оказался более демократичным в сравнении с группой кадровых офицеров с большой долей дворян по происхождению.

«Вновь испеченные» командиры в большей доле оказались на фронте. При этом уровень выживаемости к концу 1916 г. в обоих изученных группах оказался примерно одинаковым. По понятным причинам неопытные молодые командиры медленнее в сравнении с кадровыми офицерами двигались на фронте в чинах. Вместе с тем они демонстрировали немалый уровень героизма и в большей своей части заслужили боевые награды.

Выявленные нами факты говорят о единичных проявлениях какой-либо политизации до 1917 г. как среди кадровых офицеров, так и офицеров военного времени.

Изложенные в главе факты и наблюдения в очередной раз привлекли внимание к противоречиям в историографии вопроса о судьбах российских офицеров в годы Первой мировой войны.

Изучение первичного материала о кадровых и новых офицерах позволяет (без излишних общих рассуждений) сопоставить социально-профессиональный облик этих двух частей офицерского корпуса, сравнить свои наблюдения с общероссийскими данными.

По данным М.П. Аракеловой и М.В. Загоруйко, среди офицеров военного времени дворяне составляли менее 10%. Отдельно они говорят о том, что среди выпускников школ прапорщиков 1916-1917 гг. более 60% составили крестьяне[1]. В нашей выборке офицеров военного времени доля дворян заметно больше – почти 15%, а доля крестьян за период 1914-1916 гг. поменьше – около 40%. Это можно объяснить тем, что в 1914-1915 гг. оставалась сравнительно высокой доля дворян среди выпускников августа 1914 г., а также в первых наборах школ прапорщиков. Вследствие потерь в офицерском корпусе на начальном этапе войны, процесс замещения выбывших кадров компенсировался мобилизацией представителей разных социальных слоев российского общества, в значительной мере крестьян. О чем убедительно говорят собранные нами материалы.

Мы учли и представителей других сословий, особенно городских (купцов, почетных граждан, мещан), которые в классовом отношении можно назвать во многом буржуазными и мелкобуржуазными. Их сравнительно высокая доля – почти 25% – может говорить о том, что представители и этих слоев стремились попасть в состав офицерства или мобилизовывались в школы прапорщиков как обладатели общего и более высокого образования. Но все же эти данные опровергают тезис советской историографии о буржуазном облике большинства офицерства военного времени, а вот тезис о демократическом, в смысле преимущественно непривилегированном, составе нового пополнения офицерства нашими данными подтверждается.

[1] Аракелова М. П., Загоруйко М. В. Влияние событий Первой мировой войны и Февраля 1917 г. на формирование российского офицерского корпуса // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2011. № 2. С. 87-101.

В ходе исследования облика офицеров мы постоянно подчеркивали, что для начала XX в. нужно учитывать процесс «размывания» сословий и нарастания значения социально-профессиональных показателей. Наше изучение довоенных судеб крестьян, ставших офицерами военного времени, показало наличие среди них значительного количества людей с нехарактерным для крестьян средним и более высоким образованием, неземледельческими профессиями, требовавшими квалифицированного труда.

Конечно, трудно измерить, но можно предполагать, что многие представители крестьянства, как и других сословий, среди офицеров военного времени своим жизненным опытом были подготовлены к восприятию офицерской службы лучше, чем мальчишки, которые по подсказке родственников или романтическим настроениям поступали в военные училища до 1914 г.

Некоторые историки заявляют, что в военное время социальный состав офицерства стал соответствовать социальному составу населения России в целом. Такая постановка вопроса не совсем корректна, поскольку социальный состав населения страны начала XX в., накануне 1914 г., изучен мало. Обычно историки пользуются данными Всеобщей переписи 1897 г. Эти данные свидетельствуют о том, что крестьяне составляли – 84% населения Российской империи, мещане – 11%, дворяне – 1,5%[1]. В начале следующего века эти данные существенно не изменились. Сравнение их с сословным составом довоенного офицерства и офицерства военного времени говорит о том, что при всем снижении после 1914 г. 10-процентная доля дворян (а в нашей выборке и того больше) доля выходцев из дворянства оставалась в разы больше их доли в обществе. Доля мещан и представителей других городских сословий в нашей выборке офицеров военного времени получилась почти в два раза больше их общественного удельного веса. А удельный вес крестьян в офицерском

[1] Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.» СПб., 1905. Т. 1. С. 160-165.

корпусе военного времени был на десятки процентов ниже, чем в российском обществе в целом.

В итоге сравнения двух выборок по показателю военной судьбы получилось, что по известным данным и о кадровых офицерах, и об офицерах военного времени число погибших и умерших был сравнительно невысоким. Это в очередной раз говорит о завышении в исторической литературе данных о безвозвратных потерях офицеров русской армии в годы Первой мировой войны.

Так, М.П. Аракелова и М.В. Загоруйко заявляют, что почти все кадровые офицеры были выбиты в первый год войны. С.В. Константинов и М.В. Оськин приводят конкретные расчеты о смене во время войны офицеров пехоты в 3-5 раз, кавалерий и артиллерии на 15-40%, а всего офицерского корпуса к 1916 г. на 75%[1].

Наши данные говорят о меньших потерях кадровых пехотных офицеров. Удельный вес выбывших из строя офицеров изученных полков, которые участвовали во многих крупных сражениях войны, составил 83%, но только 13% были убиты или умерли от ран. Среди офицеров военного времени, служивших в пехотных полках, базировавшихся первоначально в Тамбовской губернии, соответствующие показатели составили 64% и 15%. Даже если учитывать немалую долю неизвестных по военной судьбе офицеров этой выборки, их потери получаются меньшими, чем среди кадровых офицеров пехотинцев. Возможно, это объясняется тем, что даже выпускники ускоренных курсов военных училищ и некоторых школ прапорщиков не попали в самые тяжелые сражения 1914 г.

Данные об общих потерях кадровых офицеров кавалерии нашей выборки – 25% – совпали с интервалом, рассчитанным С.В. Константиновым и М.В. Оськиным. Но особенность материалов изученных нами полков состоит в том, что большая их часть была запасными. В двух уланских полках,

[1] Аракелова М. П., Загоруйко М. В. Указ. соч. С. 89; Константинов С. В., Оськин М. В. Русские офицеры военного времени // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 107-111.

которые сражались на фронте, общие потери составили без малого 60%. Иначе говоря, офицеры этих полков в сравнении с кавалеристами в целом побывали в наиболее жарких боях. И все же безвозвратные потери убитыми и умершими от ран среди них оказались около 15%.

Из 103 офицеров-кавалеристов военного времени, направленных из училищ и школ первоначально в запасные части, 52 оказались на фронте в составе других воинских частей. 15% попали в разряд потерь. При этом ни один из таких офицеров не попал в число убитых или умерших от ран. Опять-таки показатели потерь ниже, чем у кадровых офицеров кавалерии. Возможно, это связано тем, что многие «вновь испеченные» офицеры оказались на фронте после того, как роль лихих атак кавалерийских полков резко снизилась.

В трех кадровых артиллерийских частях, попавших в нашу выборку (все находились на фронте), общие потери составили 48%, несколько больше, нежели в расчетах С.В. Константинова и М.В. Оськина. Безвозвратные потери в этих частях составили около 10%. Среди изученных офицеров военного времени оказалось всего 20 артиллеристов, все они были на фронте, по известным сведениям, никто из них не погиб, только трое попали в разряд общих потерь. Однако стоит оговориться, что данные о военной судьбе 8 офицеров этой группы не известны.

При изучении боевых потерь мы обратили внимание и на офицерский состав тыловых воинских учреждений, но часть офицеров, которых оказалась на фронте или около него. Поэтому даже среди бывших преподавателей Воронежского кадетского корпуса или интендантских офицеров имелись потери, в т.ч. убитыми и умершими.

Наши материалы показали и потери сугубо тыловых офицеров по причине смерти. Как мы указывали, причины таких трагических случаев были, скажем так, не фронтовые. Но вполне вероятно, что обстановка военного времени провоцировала усилении различных болезней.

Мы настаиваем на большей точности наших расчетов потерь, которые основаны на первичных данных о конкретных офицерах, а не вторичной

безликой официальной статистике самого военного времени, когда было просто невозможно в ходе текущих событий точно учесть потери.

В некоторых работах речь идет о том, что снижение социального уровня офицерского состава вело к упадку офицерского духа, уменьшению самоотверженности офицеров[1]. Конечно, такие явления, как боевой дух и самоотверженность измерить количественно практически невозможно. Но в какой-то мере показателями могут служить факты роста в чинах и получения наград в военное время.

Конечно, новые офицеры практически не могли совершать большие скачки в званиях (примерно 1% прапорщиков из нашей базы получил два новых звания). Тем не менее, как отмечалось, около половины офицеров военного времени смогли получить второе звание.

Выше уже говорилось о том, что 85% кадровых офицеров нашей выборки получили в годы Первой мировой войны различные награды. В когорте офицеров военного времени даже с учетом неизвестных по наличию наград аналогичный показатель не достиг 75%. Втрое меньшим у офицеров этой группы в сравнении с кадровыми «коллегами» было количество обладателей 5 и более наград.

Больший уровень награжденных кадровых офицеров был связан с их участием в войне с самого начала, в наиболее успешных операциях, в которых проявлялись высокие командные качества, и представлялись к нескольким наградам уже в 1914 г. С другой стороны, меньшие шансы на награждение имели офицеры военного времени в связи с относительно недолгим пребыванием на фронте в качестве командиров.

Особо заметим, что у нас нет никаких оснований утверждать об отсутствии у офицеров военного времени желания самоотверженно воевать по причине нелояльности к царскому режиму. При отсутствии фактов

[1] Аракелова М. П., Загоруйко М. П. Указ. соч. С.90; С. В. Волков. Выпуск офицеров из военных училищ и школ прапорщиков в годы Первой мировой войны (анализ количественных данных) // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. 2014. Вып. 5 (60). С. 34- 45.

нелояльности нельзя придумывать их «задним числом», как это было в ряде работ советского времени.

В своем романе «Белая гвардия» Михаил Булгаков привел яркий пример ненависти к большевистскому режиму со стороны различных слоев общества и, в частности офицерства: «…сотни прапорщиков и подпоручиков, бывших студентов, как Степанов – Карась, сбитых с винтов жизни войной и революцией, и поручики, тоже бывшие студенты, но конченные для университета навсегда, как Виктор Викторович Мышлаевский. Они, в серых потертых шинелях, с еще не зажившими ранами, с ободранными тенями погон на плечах, приезжали в Город и в своих семьях или в семьях чужих спали на стульях, укрывались шинелями, пили водку, бегали, хлопотали и злобно кипели. Вот эти последние ненавидели большевиков ненавистью горячей и прямой, той, которая может двинуть в драку»[1].

Вообще феномен неизвестных персональных данных оказался заметным в нашем исследовании. Мы уже отмечали это с источниковедческой точки зрения. Хотелось бы подчеркнуть его с чисто житейских позиций. Война была большая, и на ней было всякое. Люди исчезали из документов, точнее из их пластов, целенаправленно изученных нами, по самым разным причинам, которые установить исследователю даже в условиях современного информационного общества не всегда возможно. Но мы вновь подчеркиваем, что отсутствие фактов, это тоже факт.

При всем разнообразии изученных сотен судеб офицеров Великой войны нами был установлен лишь один факт самовольного оставления части подполковником 27-го Витебского полка И.Н. Зелинским, который за этот проступок был приговорен к расстрелу, но затем разжалован в рядовые[2]. Другими словами, все-таки существовали определенные рамки, за которые русские офицеры в основном старались не выходить.

---

[1] Булгаков М. А. Белая гвардия / М.А. Булгаков; изд. подгот. Е.А. Якблоков. М.: Ладомир, 2015. С. 51.
[2] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 10057. Л. 7 об.-8.

Глава 3. Выбор жизненной позиции кадровыми офицерами и офицерами военного времени в период Революции 1917 г. и Гражданской войны 1918-1922 гг.

Утвердившееся в историографии мнение о широком разнообразии реакции офицеров на события Революции 1917 г. и выбора позиции в годы Гражданской войны требует рассмотрения на сугубо конкретном материале.

Мы попытались разобраться в этом разнообразии, проследив судьбы в 1917-1922 гг. оставшихся в живых к этому времени представителей наших выборок кадровых офицеров и офицеров военного времени.

Временной отрезок 1917 – начала 1918 гг. был не только завершающим годом Первой мировой войны для России, но и годом Революции, которая постепенно перетекала в Гражданскую войну. Офицеры русской армии изначально были втянуты в эти бурные социально-политические процессы.

В данной главе мы поставили задачи определить и количественные показатели военно-профессионального облика бывших «царских» офицеров, и качественные характеристики их поведения в условиях Революции 1917 г. и Гражданской войны (активное участие в одной из противоборствующих сторон сил революции и контрреволюции, превращение в жертв Революции и Гражданской войны или простых обывателей).

Трудность обнаружения многих офицеров изученного нами круга в источниках 1917-1922 гг. мы объясняем известной научной формулой «отсутствие результатов – то же результат». Мы полагаем, что жизненный путь наиболее активных участников событий данного периода достаточно широко отразился в исторических источниках. Многолетний опыт нашей работы по сбору источников показал, что такие офицеры сразу «всплыли» в базовых документах этого периода. В ходе дальнейшего исследования новая информация выявлялась в отношении буквально единичных офицеров интересовавшего нас круга.

Офицеры, попавшие в разряд неизвестных, вероятнее всего, числились только в утраченных источниках смутного времени, быстро «сгинули в пучине Революции и Гражданской войны», не заняли какой-либо активной позиции, превратились в «мирных обывателей», уехали из России до окончания Гражданской войны, а то и вовсе поменяли имена и фамилии.

Мы убеждены в том, что при всей ограниченности выявленных нами данных, объем информации представляется достаточным для выявления разнообразия жизненных путей бывших офицеров Русской императорской армии в 1917-1922 гг.

3.1. Количественные характеристики служебного пути офицеров в 1917-1922 гг.

Прежде всего, отметим тот факт, что 168 человек из представителей первоначальной выборки кадровых офицеров погибли, умерли, оказались в плену или вышли в отставку к 1917 г. Поэтому в таблицах данных 1917 – начала 1918 гг. будут фигурировать 983 человека вместо 1151 офицера из первоначальной выборки. Другими словами, мы будем иметь дело с сокращенной естественной выборкой.

Некоторые историки «в запале» изучения революционных событий и поиска места в них офицеров забывают о том, что в течение 1917 – начале 1918 г. большинство офицеров оставалось в действующей армии. Как нам удалось установить, что из избранного круга офицеров, находившихся в войсках в конце 1916 г., в следующем году на фронте или в тылу точно продолжили служить как минимум 469 человек.

У большинства представителей нашей выборки кадровых офицеров характер участия в продолжавшейся в 1917 – начале 1918 г. войне неизвестен. Конечно, главной причиной недостатка информации является состояние источниковой базы революционного периода. Полковые списки по старшинству, дающие наиболее полные данные об офицерах изучаемых нами

частей, как правило, сохранились до января 1917 г., в редких случаях до лета 1917 г. В наградных документах преимущественно отразились данные зимы-весны 1917 г., за очень редким исключением встречаются документы лета 1917 г. Опубликованные списки по старшинству с разбивкой по званиям на 1917 г. не выявлены.

Даже в такой сложной информационной ситуации можно констатировать, что минимум 26% представителей сокращенной выборки в 1917 – начале 1918 г. весь или часть периода находились на фронте. Несколько меньше, – как минимум, 20% провели это время на службе в тыловых частях или организациях. Среди известных по службе, вне армии в течение года оказались 9 человек, которые ушли в отставку, попали в плен или оставались в нем.

Обнаружен единичный факт «смутной» биографии офицера 40-го пехотного Колыванского полка В.Ф. Карпова, который якобы погиб в 1916 г., при этом оставаясь в списках полка, а позже, в 1917 г., оказался его командиром[1].

Учет комбинаций в данных о характере службы показал, что обычные для периода 1914-1916 гг. факты отправки из тыла на фронт в 1917 г. стали уникальными. Установлены лишь пять таких случаев.

Так, капитан Н.А. Гончуков, который воевал в составе 27-го пехотного Витебского полка, в 1914 г. был ранен, а в июле 1916 г. был прикомандирован к артиллерии сухопутного фронта Морской крепости Императора Петра Великого[2], которая в 1917 г. оказалась в зоне Моонзундской операции.

Особую группу составили офицеры, переместившиеся из тыла на фронт после окончания военной академии.

---

[1] Канищев В. В. «Смутная биография» в «смутное время». боевой путь бывшего офицера русской императорской армии В.Ф. Карпова от мировой к гражданской войне // Гражданская война на Востоке России: взгляд сквозь документальное наследие. Материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной 130-й годовщине со дня рождения Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского и 100-летию событий антибольшевистского Якутского мятежа. Омск, 2023. С. 140-144.

[2] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 10057. Л. 17 об.-18.

Так, штабс-ротмистр Николай Людвигович Шукевич, окончивший академию в самом начале 1917 г., оказался на должности старшего адъютанта при штабе 178-й пехотной дивизии[1].

А.В. Луканов, который в конце 1916 г. являлся поручиком 28-го пехотного Полоцкого полка, находился в действующей армии, не имел ранений, а в конце 1916 г. был зачислен на ускоренные курсы Императорской Николаевской военной академии, по выпуску в 1917 г. оказался в чине штабс-капитана в 3-й Заамурской пехотной дивизии, располагавшейся на Юго-Западном фронте[2].

Самый необычный путь в 1917 – начале 1918 гг. прошел ранее воевавший в составе 173-го пехотного Каменецкого полка штабс-капитан А.Я. Яновский. Весной 1916 г. он был ранен, в сентябре того же года отравлен газами, а по излечении в октябре отправлен на учебу на ускоренные курсы Императорской Николаевской военной академии. Окончив ускоренные курсы, в апреле 1917 г. А.Я. Яновский был откомандирован на Северный фронт и назначен на должность старшего адъютанта штаба 44-й пехотной дивизии, затем штаба 21-го армейского корпуса. В октябре 1917 г. он получил звание капитана и должность старшего офицера 1-й роты 22-го пехотного запасного полка. В декабре 1917 г. А.Я. Яновский стал выборным начальником штаба, а в январе 1918 г. врио командира 21-го армейского корпуса[3].

Редкий для данного периода времени путь проделал штабс-капитан Н.Е. Варфоломеев. В 1914 г. он поступил в Императорскую Николаевскую военную академию, учебу в которой прервала начавшаяся война. И все-таки в 1917 г. из фронтовой 11-й бригады тяжелой артиллерии он попал на учебу в

[1] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Шукевич_Николай_Людвигович (дата обращения: 22.03.2025).
[2] Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917-1922 гг.: Справочные материалы. М.: Русский путь, 2009. С. 268.
[3] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php =Яновский_Александр_Яковлевич (дата обращения: 22.03.2025).

академию и, несмотря на революционные условия, завершил академическое образование в марте 1918 г.[1]

Таблица 19. Соотношение характера участия в мировой войне и боевой путь кадровых офицеров в 1917 – начале 1918 г.

Участие в войне /Боевой путь	**Фронт**	**Фронт-тыл**	**Тыл**	**Тыл-фронт**	**Другое**	**Неизвестно**	**Общий итог**
Цел	140	4	139	4	6	177	470
Убит	4	-	1	-	-	-	5
Умер	-	1	7	-	-	-	8
Ранен	14	2	-	-	-	-	16
Болен	13	6	4	-	-	1	24
Другое	4	1	6	-	-	4	15
Неизвестно	67	-	42	-	3	332	445
Общий итог	**242**	**14**	**199**	**4**	**9**	**514**	**983**

Составлено по: РГВИА. Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб – и обер-офицеров. Коллекция; Ф. 16196. Особое делопроизводство по сбору и регистрации сведений о выбывших за смертью или за ранами, а также пропавших без вести воинских чинах, действующих против неприятельских армий (1914-1918); Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат); Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Примечания: В колонке боевой путь в понятие другое включено: в отставке, уволен, служба на границе, комбинации тыл-фронт-запас, фронт-отставка-уволен, плен. В строке боевой путь в понятие другое включено: вернувшийся из плена, выбывшие из части по неизвестной причине, инвалид, покончивший с собой, пропавшие без вести.

Таблица 19 позволила установить боевой путь в 1917 – начале 1918 гг. большей части представителей сокращенной выборки кадровых офицеров. Таковых оказалось, как минимум 469 человек, немногим менее 50% от изучаемой совокупности 1917 г.

Значение «цел» в данной таблице означает, что примерно 477 офицеров не числились среди убитых, умерших, раненых или больных в период 1917 – начала 1918 г. Но нужно учесть, что почти 80 из этого числа офицеров – люди, чья боевая судьба в тот период времени точно неизвестна. Мы знаем о них

[1] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Варфоломеев_Николай_Ефимович (дата обращения: 22.03.2025).

только данные последующего периода. К началу 1918 г. они оставались в живых.

Небольшие цифры убитых, умерших, раненых, больных кадровых офицеров в период 1917 – начала 1918 г. можно истолковать двояко. Считаем, что главная причина связана с источниковой базой, отсутствием точных сведений о боевом пути многих из изученной группы офицеров в данный отрезок времени. Тем не менее, выявленные данные о группе офицеров подтверждают, что учет потерь солдат и офицеров в ходе войны продолжал вестись[1].

Вместе с тем мы вправе предполагать, что малочисленные цифры боевых потерь среди изученного круга офицеров в 1917 – начале 1918 г. объясняются также снижением интенсивности военных действий в это время.

Конечно, и в тылу, и даже на фронте воинские части и служившие в них офицеры были втянуты в революционные процессы. По имеющимся данным мы констатируем 2 факта убийства и самоубийства офицеров выборки в ходе революционных событий 1917 г. В последующих разделах работы мы конкретизируем эти факты.

Что касается сведений о новых воинских чинах кадровых офицеров сокращенной выборки в последний год мировой войны, можно точно говорить о том, что повышение в звании имели место и подтверждаются конкретными примерами.

Звание полковника в 1917 г. получил Е.М. Дейло (40-й пехотный Колыванский полк), который в полковом списке на январь 1917 г. фигурировал в чине подполковника, а в наградном листе, в связи с присвоением ордена св. Георгия 4-й степени от июля 1917 г. фигурировал в чине полковника[2].

[1] РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат).
[2] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 13863. Л. 67 об.-68; там же. Ф. 409. Д. 1744.

Произведенный летом 1916 г. в подполковники Г.У. Итриянц из 234-го пехотного Богучарского полка, в марте 1917 г. был повышен до полковника[1].

Путь от штабс-капитана до подполковника прошел бывший офицер 25-го Смоленского полка, а в 1917 г. офицер 497-го пехотного Белецкого полка В.М. Новиков. Это был, безусловно, отважный и талантливый офицер. В первые годы войны он был ранен, контужен, но оставался в строю и заслужил 4 награды. В 1917 г. стал кавалером ордена св. Георгия 4-й степени[2].

Бывший курский артиллерист, а с 1916 г. начальник 33-го корпусного авиационного отряда штабс-капитан С.А. Заборовский, в 1917 г. был дважды повышен в звании, получив чин капитана весной, а в сентябре стал подполковником[3].

При всех недостатках информации (огромной доле неизвестных по факту награждения) можно точно сказать, что более 130 офицеров сокращенной выборки в последний год войны получили хотя бы одну награду. 233 представителя нашей выборки точно не были награждены. Только 29 получили за год по две награды.

Наиболее героические офицеры в течение короткого отрезка последнего года войны сумели получить более двух наград. Капитаны 233-го пехотного Старобельского полка В.Д. Ловейко[4] и А.Е. Верди[5], а также штабс-капитан А.Ю. Лутц (помощник командира воздушного корабля «Илья Муромец-IV»)[6] получили в 1917 г. по три награды. Полковник 602-го пехотного Лащовского полка А.К. Мироновский за год был награжден четырежды. Примечателен

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Итриянц_Геворк_Уколобович (дата обращения: 22.03.2025).

[2] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Новиков_Вячеслав_Митрофанович (дата обращения: 22.03.2025).

[3] Ретро-План. // URL: https://retroplan.ru/encyclopaedia.html?sobi2Task=sobi2Details&catid=115&sobi2Id=402 (дата обращения: 22.03.2025).

[4] РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. 14847. Л. 240; там же. Д. 14862. Л. 388 об.; там же. 389 об.

[5] Там же. Д. 14847. Л. 159 об.; там же. Д. 14851. Л. 547 об.; там же. Д. 14856. Л. 212.

[6] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Лутц_Александр_Юльевич (дата обращения: 22.03.2025); РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14847. Л. 653; там же. Д. 14851. Л. 252 об.

факт того, что документы на две последние награды датированы 23 октября и 12 ноября 1917 г.[1]

Дополнительные к боевым биографиям кадровых офицеров нашей основной выборки факты судеб случайной выборки кадровых офицеров тамбовского происхождения (около 50 человек) в последний период мировой войны подтверждают представленные выше наблюдения.

Применительно к выявленным по участию в событиях 1917 – начала 1918 гг. представителям этой выборки мы точно установили более 30 прямых фактов пребывания офицеров данной группы на фронтах мировой войны в этот временной отрезок. При этом все они оставались живыми.

В этой группе выявились два факта пребывания офицеров в плену (капитан А.Н. Быстрин попал в плен в марте 1917 г.[2] Полковник Н.Н. Каверин, пробыв в плену почти три года, в июле 1917 г. был возвращен в Россию[3]).

Представляется необходимым отметить известный факт ареста и заключения под стражу в Петропавловскую крепость после февральского переворота, уже упоминавшегося коменданта Зимнего дворца, тамбовского дворянина В.Н. Воейкова[4].

Нами были выявлены факты награждения офицеров тамбовского происхождения, которые оставались и возвращались в строй в революционный период.

Полковник Владимир Дмитриевич Селиванов, по данным на апрель 1917 г., командовал 548-м пехотным Чугуевским полком, который действовал на Западном фронте. В апреле 1917 г. он был награжден орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом[5].

---

[1] РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14847. Л. 494; там же. Д. 14851. Л. 450; там же. Д. 14872. Л. 321; Д. 14879. Л. 110-110 об.

[2] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Ящик. 7435-Б.

[3] Там же. Ящик. 7583-Д.

[4] Князев М. А. Дворцовый комендант В. Н. Воейков и думско-военная оппозиция: противостояние в годы Первой мировой войны // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 2. С. 55-65.

[5] РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14859. Л. 53 об.

Безусловно, ярким мы посчитали боевой путь полковника Алексея Семеновича Булаткина, который неизменно находился на передовой и в марте 1917 г. получил отравление газами. Героическое фронтовое поведение этого офицера подтверждается фактами получения им в 1917 г. высоких наград. В феврале он был награжден орденом св. Георгия 4-й степени, а в июле был подписан документ о награждении Георгиевским оружием[1].

Героическим выглядел и боевой путь полковника, командира 21-го Туркестанского стрелкового полка Николая Мартыновича Цицерона, у которого весной 1917 г. было отмечено, что в марте он получил мечи и бант к ордену Владимира 4-й степени, а 6 апреля вернулся в действующую армию[2]. Нам неизвестна причина выбытия из строя данного офицера, но важен факт возвращения на фронт в условиях дестабилизации политической обстановки в стране.

Кроме того, известно, что подполковник Гергард Христофорович Флиггер в 1917 г. был награжден Георгиевским оружием[3]. Относительно капитана Виктора Константиновича Затеплинского[4] и штабс-капитана Леонида Ивановича Садовникова[5] известно лишь то, что в 1917 г. они получили ордена св. Станислава 2-й степени.

О некоторых офицерах сохранились факты пребывания на фронте в 1917 г. Уроженец Тамбова подполковник А.Н. Гришин (еще без добавки Алмазов), находился на фронте вплоть до событий октября 1917 г.[6] Другой уроженец Тамбовской губернии Д.И. Федичкин в 1917 г. со своим 13-м Туркестанским стрелковым полком продолжал воевать на Закавказском фронте, в последний год войны дослужился до полковника и командира полка[7].

---

[1] РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Ящик. 7434-Б; там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14851. Л. 173; там же. Д. 14867. Л. 232.
[2] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14856. Л. 350 об; там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Ящик. 7405-Х.
[3] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14865. Л. 102.
[4] Там же. Д. 14856. Л. 383 об.
[5] Там же. Д. 14847. Л. 14.
[6] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Гришин-Алмазов_Алексей_Николаевич (дата обращения: 22.03.2025).
[7] Там же. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Федичкин_Дмитрий_Иванович (дата обращения: 22.03.2025).

Некоторые офицеры тамбовской выборки в 1917 г. служили в прифронтовых штабах: генерал-майор Д.П. Кадомский до июля 1917 г. находился на должности начальника штаба 15-го армейского корпуса, позже некоторое время командовал 6-й пехотной дивизией, к концу года состоял в резерве чинов Киевского военного округа[1].

Если генерал Кадомский служил в штабах по причине своего опыта и возраста, то 28-летний штабс-капитан Николай Николаевич Розанов в 1917 г. стал старшим адъютантом штаба 18-го армейского корпуса по не совсем понятным причинам[2].

Весьма необычной стала должность полковника Б.Ф. Ушакова, который из штаб-офицера для поручений по авиации отдела генерал-квартирмейстера штаба Особой армии Западного фронта в 1917 г. был назначен начальником штаба 2-й дивизии Чехословацкого корпуса[3].

Среди офицеров тамбовского происхождения оказалось несколько человек, которые в 1917 г. после пребывания на фронте по ранению или болезни оказались в тылу. Так, полковник Алексей Михайлович Попов из 667-го пехотного Делатынского полка был ранен 11 июля 1917 г. в ходе боев в Карпатах[4].

Полковник Евгений Николаевич Коча(е)нов, воевавший в составе 12-го особого пехотного полка, с 17 августа 1917 г. числился больным и находился на излечении в 436-м полевом запасном госпитале[5].

Представитель знатного тамбовского рода генерал-майор Борис Михайлович Петрово-Соловово, состоявший во фронтовом лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку, в 1917 г. был «уволен от службы за

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Кадомский_Дмитрий_Петрович (дата обращения: (22.03.2025).

[2] Там же. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Розанов_Николай_Николаевич (дата обращения: 22.03.2025).

[3] Там же. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Ушаков_Борис_Федорович (дата обращения: 22.03.2025).

[4] РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Ящик. 7506-П; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Попов_Алексей_Михайлович (дата обращения: 22.03.2025).

[5] РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Ящик. 7373-К.

болезнью» с мундиром и пенсией. Конечно, генерал не находился на передовой, но сам факт пребывания на войне в течение трех лет 55-летнего человека, еще до ее начала, вышедшего в отставку, но вернувшегося в 1914 г. в строй, заслуживает уважения. Своей долгой службой на войне Б.М. Петрово-Солововo подтвердил лестную оценку, данную ему еще в довоенные годы А.А. Брусиловым[1].

Уже упоминавшийся новоиспеченный командир полка Д.И. Федичкин 29 октября 1917 г. был уволен в отпуск в Ижевский завод (там находилась семья). Дату мы называем специально. Вероятно, у Федичкина появилось осознание развала армии и опасение за семью «золотопогонника». Он «засиделся» в отпуске до апреля 1918 г., когда был вызван в Казань для оформления документов об увольнении со службы в связи с роспуском старой армии[2].

Выходец из тамбовских крестьян капитан Василий Павлович Фролов был контужен еще в 1914 г. После ранения причислен к 3-й категории 1-го разряда и прикомандирован к 28-му Сибирскому стрелковому запасному полку командиром хозяйственной части. Там он продолжал служить и в 1917 г.[3]

Некоторые офицеры тамбовского происхождения в 1917 г. просто числились больными. Так, штабс-капитан Николай Петрович Родионов, в 1916 г. переведенный в штаб Киевского коменданта, в ноябре 1917 г. по болезни пребывал в офицерском лазарете в Киеве[4].

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Петрово-Солововo_Борис_Михайлович (дата обращения: 22.03.2025); А. А. Брусилов. Мои воспоминания. Москва, Ленинград: Гос. изд-во. Отд. воен. литературы, 1929. С. 40.

[2] Ефимов А. Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918-1920 / сост. Л. Ю. Тремсиной, предисл. А. А. Петрова. М.: Айрис-пресс. 2008. 416 с.; Цветков В. Ж. Ижевско-Воткинское восстание. 1918. Москва: Посев. 2000. 116 с.

[3] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11169. Л. 15 об.-16.

[4] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат) Шкаф без номера Ящик 7394-Р. Л. 1188.

Штабс-капитан Петр Аркадьевич Богданов с 1912 г. состоял постоянным членом Казанской войсковой приемной комиссии. В мае 1917 г. он как больной находился в лазарете №1 Екатеринбурга[1].

Весьма драматически обернулась к 1917 г. судьба штабс-капитана 11-го гренадерского Фанагорийского полка Ильи Митрофановича Сушкова, который в 1916 г. ранил себя в голову, покушаясь на самоубийство, в марте 1917 г. поступил в госпиталь №1153 для нервнобольных в Москве[2].

Сравнительно немалой по числу оказалась группа офицеров тамбовского происхождения, находившихся в 1917 г. во вражеском плену. Относительно двоих из них мы точно знаем о пребывании в австрийском или германском плену. Поручик 21-го пехотного Муромского полка Вячеслав Павлович Моршанский, по точным сведениям, попал в германский плен еще в августе 1914 г. Время его возвращения неизвестно. Но нами было установлено, что он являлся участником белого движения[3]. Подполковник Аполлон Прокофьевич Петров, числившийся во время мировой войны пропавшим без вести, освободился из плена 5 июля 1918 г.[4]

Поручик Александр Тимофеевич Фролов попал в германский плен в ноябре 1914 г. По имеющимся данным мы не можем утверждать о его участии в белом движении. Однако известно, что в октябре 1922 г. он оказался в лагере Шейэн для русских беженцев[5]. Подпоручик Василий Михайлович Фаткин попал в плен в 1915 г., а по возвращению на родину в годы Гражданской войны воевал в рядах Вооруженных сил Юга России и Русской армии до эвакуации

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 14366. Л. 355 об.-356; там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат) Шкаф без номера Номер ящика 7357-А. Л. 563.

[2] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 16147а. Л. 8 об.-9; там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Ящик. 7525-С; там же. Ящик. 7400-С. Л. 974.

[3] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 9228. Л. 14; там же. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1188. Л. 135; Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква М (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_12-M.pdf. С. 679. (дата обращения: 24.07.2025).

[4] РГВИА. Ф.408. Оп. 1. Д. 16259. Л. 172; там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф без номера. Ящик 7503-П. Л.114.

[5] Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 16259. Л. 9; Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Ф (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_20-F.pdf. С. 197. (дата обращения: 24.07.2025).

из Крыма[1]. Поручик Л.С. Мещеряков попал в плен в конце мая 1915 г. После возвращения из плена в том же 1918 г. вступил в Красную Армию[2].

Табл. 20. Соотношение характера участия в мировой войне и боевых судеб офицеров военного времени частей Тамбовской губернии в 1917 – начале 1918 г.

Участие в войне /Боевой путь	Фронт	Фронт-тыл	Тыл	Тыл-фронт	Неизвестно	Общий итог
Цел	2	1	5	-	162	170
Убит	2	-	-	-	1	3
Умер	-	-	-	-	1	1
Болен	-	2	7	-	1	10
Ранен	27	13	1	1	-	42
Другое (плен, пропал без вести, убит солдатами)	5	-	-	-	-	5
Неизвестно	5	1	-	1	383	390
Общий итог	**41**	**17**	**13**	**1**	**548**	**621**

Составлено по: РГВИА. Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб – и обер-офицеров. Коллекция; Ф. 16196. Особое делопроизводство по сбору и регистрации сведений о выбывших за смертью или за ранами, а также пропавших без вести воинских чинах, действующих против неприятельских армий (1914-1918); Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат); Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Анализируя базу данных офицеров военного времени из полков Тамбовской губернии, мы установили, что из первоначального состава базы к началу 1917 г. выбыли 67 офицеров (10%). Как и в выборке кадровых офицеров, в сокращенную базу не попали офицеры, которые погибли или умерли до 1917 г.

Наибольшая проблема сокращенной выборки офицеров военного времени состоит в заметной доле неизвестных по военной судьбе периода 1917 – начала 1918 г. – 390 из 621 человека, включенных в новую выборку (62%).

[1] РГВИА. Ф. 16196. Оп. 3. Д. 260. Л. 27 об.-28; Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Ф (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_20-F.pdf. С. 18. (дата обращения: 24.07.2025).

[2] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 772. Л. 41 об.-42; там же. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1189. Л. 168; ЦАМО. Учётно-послужная картотека. Шкаф. 134. Ящик. 35.

Как указывалось в таблице 19, у кадровых офицеров этот показатель был меньше 50%. Понятно, что офицеры военного времени, в основном представленные обер-офицерами, в большей мере, чем кадровые офицеры в штаб-офицерских и генеральских чинах, «терялись» в обстоятельствах революционного времени.

И все-таки мы считаем относительно успешным результатом наших поисков выявление 231 офицера (более трети сокращенной выборки), которые точно были живы на начало 1918 г. Главным образом, это стало возможным благодаря информации последующего времени.

Большинство известных по характеру участия в войне офицеров военного времени – почти 60 человек – период 1917 – начала 1918 г. провели на фронте полностью или частично. Только 13 офицеров все это время служили в тылу. Резонно предположить, что реально в этой выборке их было больше. Однако документы о тыловых частях периода «разгула» революции сохранились в меньшей степени.

Удивительно, что некоторые молодые офицеры, которых готовили для фронта, и выпустили из военных училищ в 1914-1915 гг., каким-то образом в 1917 г. оказались в тылу.

При этом все семеро установленных молодых тыловиков служили в запасных кавалерийских полках. Конечно, офицеров-кавалеристов меньше отправляли на фронт. Но, с другой стороны, чему могли научить солдат-призывников совсем молодые командиры, которые «не нюхали» пороха.

Очень интересным моментом оказалось то, что шестеро из этих офицеров в 1917 г. проходили службу в 3-м запасном кавалерийском полку, стоявшем в городе Кирсанове Тамбовской губернии.

Обращают на себя внимание факты происхождения некоторых из них. Так, Кирилл Владимирович Горяинов, 1891 года рождения, был сыном помещика Кирсановского уезда Владимира Михайловича Горяинова[1]. Из

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3142. Л. 37 об.-38.

известного дворянского рода происходил Сергей Андреевич Оболенский, 1889 года рождения[1]. Прапорщик Евгений Николаевич Машкин, 1896 года рождения, был сыном подполковника[2]. Сыновьями чиновников были прапорщики Георгий Антонович Левицкий (1891 год рождения)[3] и Юрий Дмитриевич Золин (1892 год рождения)[4]. Из дворян происходил и прапорщик Евгений Николаевич Ремезов 1893 года рождения. Особенно интересен тот факт, что он был сыном уже упоминавшегося героического генерал-майора Николая Митрофановича Ремезова, который погиб на фронте в 1916 г., а молодой офицер служил в тылу[5].

На дворянско-чиновничьем фоне отметим, что в том же полку и в те же годы проходил службу Иван Иванович Молев (1889 год рождения), который происходил из крестьян и вряд ли имел какие-то особые связи[6].

Шестнадцать офицеров, военного времени в основном, раненые и заболевшие, вернулись в этот период с фронта в тыл.

Обращают на себя внимание факты возвращения с фронта в тыл офицеров военного времени, не получивших ранений. Среди таковых оказались корнет Константин Николаевич Розеншильд-Паулин, 1894 года рождения, в 1917 г. с фронта попал в 6-й запасной кавалерийский полк, возможно за пополнением, поскольку являлся временным командиром эскадрона молодых солдат 11-го гусарского Изюмского полка[7]; поручик Иван Артемьевич Крылов, 1890 года рождения, прибывший целым с фронта в тот же полк, возможно по той же причине, так как являлся начальником команды конных разведчиков 45-го Сибирского стрелкового полка[8].

Мы выявили двух человек, проходивших службу в начале 1917 г. в тыловых частях, затем все-таки оказавшихся на фронте мировой войны.

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3142. Л. 41 об.-42.
[2] Там же. Л. 33 об.-34.
[3] Там же. Л. 33 об.-34.
[4] Там же. Л. 42 об.-43.
[5] Там же. Л. 40 об.-41.
[6] Там же. Л. 43 об.-44.
[7] Там же. Д. 15207. Л. 132 об.-133.
[8] Там же. Л. 148 об.-149.

Подпоручик 39-го пехотного Томского полка Николай Николаевич Антоненко в 1917 г. вернулся на фронт после ранения[1]. Прапорщик того же полка Серапион Иванович Шадрин в 1917 г. вновь оказался на фронте после выбытия из своей части в 1916 г. по неизвестной причине[2].

К сожалению, оказалось невозможным с достаточной точностью подсчитать распределение службы этой группы офицеров в последний год войны на фронте и в тылу и особенно комбинации военной судьбы.

Для определения движения офицеров военного времени из частей Тамбовской губернии в званиях в 1917 г. мы решили сравнить данные о чинах представителей сокращенной базы данных на начало 1917 г. с данными, которые известны на последующие годы.

В первую очередь выяснилось, что большинство прапорщиков, не сумевших подняться в звании к концу 1916 г., не повысили свой чин и в последний год войны. Предположим, что первое офицерское звание было «потолком» для этих людей. Справедливости ради отметим, что у некоторых прапорщиков не было времени и возможностей проявить себя в 1917 г. Ведь как минимум 28 из этих прапорщиков только получили звание в том году. Некоторые не смогли проявить себя в полную силу в связи с прежними или новыми ранениями.

Так, прапорщик Н.П. Павлушко из 39-го пехотного Томского полка был ранен во второй половине 1916 г. и вряд ли восстановился полностью к 1917 г.[3] В июльских боях 1917 г. получил ранение переведенный из 40-го пехотного Колыванского полка в 604-й пехотный Вислинский полк прапорщик Н.Ф. Татура[4].

При всей ограниченности выборок сведений об офицерах военного времени и кадровых офицерах тамбовского происхождения в сравнении с

---

[1] РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф без номера. Ящик 7354-А. Л. 427.
[2] Там же. Ящик. 7541-Щ; там же. Ящик. 7404-Ч. Л. 349.
[3] Там же. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1191. Л. 85.
[4] Там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф без номера. Ящик. 7526-Т. Л. 801.

большой группой кадровых офицеров довоенных гарнизонов Воронежской, Курской, Тамбовской губерний все-таки можно достаточно уверенно говорить, что оставшиеся на виду в 1917 – начале 1918 г. офицеры всех изученных групп продолжали находиться в условиях военного времени. Большая часть выявленных по военным судьбам офицеров сражалась на фронтах, выбывала в тыл главным образом по ранению, при восстановлении возвращалась на фронт.

Даже сотни неизвестных, но уцелевших по данным 1917 г. офицеров наших выборок в документах 1918-1922 гг., выявились как комбатанты, сражавшиеся в разных войсках противоборствующих сторон в годы Гражданской войны.

В своих расчетах мы решили разделить количественные показатели офицерских судеб на отрезки 1917 – начала 1918 г. и 1918-1922 гг.

Во-первых, между этими отрезками была качественная разница. Все-таки главным фактором первого из них в жизни офицеров оставалась война с внешним врагом. На следующем отрезке шла уже братоубийственная война, от которой бывшие офицеры, не связанные прежней присягой и службой в «родных» частях, могли уклониться. Некоторые попутно выявленные нами факты офицерских биографий 1920-1930-х гг. говорят о том, что часть из них точно оказалась далека от военной службы.

Во-вторых, приходится учитывать существенные отличия в наборе источников отрезков 1917 и 1918-1922 гг. В последний год мировой войны сохранялись некоторые важные для нашего исследования виды военных делопроизводственных документов, особенно полковые журналы военных действий, в меньшей мере списки по старшинству. Документы разных армий периода Гражданской войны по определению не могли быть единообразными, иметь «устоявшиеся формы», а главное сгруппироваться в одном органе типа общероссийского военного министерства.

В начале подсчетов мы решили учесть, что к 1917 г. первоначальные выборки кадровых офицеров и офицеров военного времени сократились

вследствие боевых потерь, естественных смертей, а также попадания в плен и увольнения из армии.

Выборка периода 1918-1922 гг. несколько изменилась. Из нее выбыли 16 человек, погибших и умерших в последний год мировой войны и, так сказать, добавились 19 человек, которые возвратились из плена или вернулись на военную службу из отставки и активно включились в ряды комбатантов Гражданской войны. Различия между двумя выборками – 983 и 986 человек – явно не имеют принципиального значения. В любом случае можно точно сказать, что первоначальная выборка сократилась примерно на 15%.

Прежде всего было необходимо выяснить данные по конечному вопросу нашей темы, связанному с судьбой фигурантов созданных баз данных на конец Гражданской войны.

Таблица 21. Характер участия в Гражданской войне кадровых офицеров Воронежской, Курской, Тамбовской губерний

Характер участия	Количество	%
Фронт	264	26,8%
Фронт-тыл	9	0,9%
Тыл	78	7,9%
Тыл-фронт	8	0,8%
Прочие	1	0,1%
Неизвестно	626	63,5%
Всего	986	100%

РГВА. Ф. 37976. Коллекция послужных списков и личных дел командно-начальствующего состава РККА; Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org.; Список лиц с высшим военным образованием состоящих на службе в РККА. 1923; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Как и следовало ожидать, более 60% этой выборки попали в разряд неизвестных по характеру участия в Гражданской войне. И все-таки мы можем сказать, что около 40% известных на 1918 г. офицеров точно приняли участие в Гражданской войне в той или иной форме. Мы считаем показатель

выявленных судеб очень высоким для периода «смутного времени» со слабой сохранностью источников.

При этом явно большая часть изученного круга офицеров, известных по характеру участия в Гражданской войне – 281 человек из 360, оказалась прямыми участниками военных действий. Только 78 офицеров с большой долей вероятности всю Гражданскую войну прослужили на тыловых должностях в Белой, Красной армиях или национальных формированиях.

15 офицеров-тыловиков белых армий являлись служащими штабов и других органов военного управления или, находясь в генеральских званиях еще со времен мировой войны, вряд ли могли оказаться на передовой. В Красной Армии оказалось 35 бывших офицеров, находившихся на службе в тылу.

Заметная специфика тыловой службы представителей нашей выборки кадровых офицеров проявилась в преподавательской деятельности в Академии Генштаба РККА, в различных военных школах и на курсах. В белых армиях выявился только один факт такого рода: генерал-майор П.Н. Скалон в колчаковские времена оставался преподавателем в Иркутском кадетском корпусе, а с приходом красных он стал преподавателем Всевобуча в РККА[1].

В тыловых структурах Красной Армии мы установили такие необычные формы службы, как военный руководитель уезда, служащий охраны прифронтового участка железной дороги.

Мы сознательно оставили в таблице данные об оттенках военной судьбы, связки фронт-тыл, тыл-фронт. Эти данные оказались очень небольшими, что лишний раз подчеркивает редкость полутонов в Гражданской войне.

Переход из тыла на фронт мог носить условный характер, связанный с особенностями некоторых должностей. Так, полковник Н.А. Поляков,

[1] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Скалон_Павел_Николаевич (дата обращения: 27.07.2025); Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Составлен по данным к 1-му марта 1923 года. М.: Типография Р.К.К.А., 1923. С. 208.

ставший после Октябрьской революции начальником штаба обороны Оренбургского казачьего войска (казалось бы, тыловая должность), в 1918 г. командовал боевой 1-й Оренбургской казачьей дивизией[1].

Среди фактов, связанных с движение офицеров с фронта в тыл достаточно понятными являются отбытие на лечение по ранению белого поручика А.Ф. Гаевенко[2] или назначение слушателем Высших Академических курсов Высшего начсостава РККА боевого красного командира В.В. Тархова[3].

А вот бывший полковник Ф.Ф. Фешот занимал в Красной Армии должности, которые трудно разделить на фронтовые или тыловые: офицер для поручений при начальнике военных сообщений Южфронта, Начвоенсообщений 8-й армии, заведующий передвижениями войск 9-й армии, инспектор по управлению, затем начальник одного из управлений военными сообщениями штаба Кавказского фронта[4].

Сложные передвижения между фронтом и тылом, а также враждующими сторонами, проделал бывший штабс-капитан А.Я. Яновский. В феврале 1918 г. командовал одним из отрядов Западного участка РККА, затем был слушателем Военной академии в Екатеринбурге, занимая разные командные должности в частях Красной Армии, участвовал в боях на Южном фронте и на Дону. По некоторым данным в 1919 г., находясь по болезни в Курске, был мобилизован в Вооруженные силы Юга России, занявшие город. В последствии доказал свою непричастность к белому движению. В конце Гражданской войны занимал штабные и командные должности в Красной Армии[5].

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Поляков_Никита_Андреевич (дата обращения: 27.07.2025).

[2] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Г (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_04-G.pdf. С. 32. (дата обращения: 28.08.2025).

[3] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Тархов_Валентин_Валентинович (дата обращения: 28.07.2025).

[4] Там же. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Фешот_Фердинанд_Фердинандович (дата обращения: 28.07.2025).

[5] Там же. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Яновский_Александр_Яковлевич (дата обращения: 28.07.2025).

Таблица 22. Характер участия в Гражданской войне офицеров военного времени полков Тамбовской губерний

Характер участия	Количество	%
Фронт	96	15,7%
Фронт-тыл	6	1,0%
Тыл	5	0,8%
Неизвестно	505	82,5%
Всего	**612**	**100,0**

РГВА. Ф. 37976. Коллекция послужных списков и личных дел командно-начальствующего состава РККА; Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org.; Список лиц с высшим военным образованием состоящих на службе в РККА. 1923; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Применительно к офицерам военного времени выяснилось, что к началу 1918 г. за вычетом погибших и выбывших с военной службы из первоначальных 689 человек в соответствующей базе данных осталось 612 чел.

По понятным причинам большинство этой выборки офицеров оказалось неизвестными по факту участия в Гражданской войне – почти 83% от всех оставшихся на 1918 г. Эти цифры получились значительно выше, чем в выборке кадровых офицеров. Объяснение видится в том, что офицеры военного времени в сравнительно невысоких званиях были менее заметными активистами Гражданской войны. Многие офицеры «скороспелого» производства были сравнительно мало востребованы в красной, белой и других армиях периода 1918-1922 гг., значительно менее масштабных в сравнении с русской армией периода Первой мировой войны.

Среди всех известных по характеру участия в Гражданской войне 107 офицеров военного времени 96 человек всю войну провели на фронте. Мы выявили только 11 человек, которые весь этот период служили в тылу или вернулись в тыл с фронта.

В целом данные об офицерах военного времени подтвердили наблюдение, сделанное на выборке кадровых офицеров. В условиях

ожесточенной борьбы внутри общества невозможно было отсидеться в тылах воюющих сторон.

Таблица 23. Судьбы кадровых офицеров Воронежской, Курской и Тамбовской губерний в период Гражданской войны 1918-1922 гг.

Лагерь гражданской войны Названия строк	Убит, расстрел, умер	Эмиграция	Советская-Россия	Неизвестно	Общий итог
Белые	**41**	**137**	**39**	**24**	**241**
Национальные формирования	**1**	**13**	**2**	**16**	**32**
В т.ч. Украинские формирования	1	7	2	16	26
Войско польское	-	3	-	-	3
Латышские формирования	-	1	-	-	1
Эстонские формирования	-	2	-	-	2
Красные	**3**	**-**	**35**	**26**	**64**
Переходные группы	**4**	**11**	**13**	**4**	**32**
Белые-красные	-	-	4	-	4
Красные-белые	1	3	-	2	6
Красные-белые-красные	-	-	3	-	3
Красные-обыватель	-	-	1	-	1
Украинские формирования-белые	3	7	2	1	13
Украинские формирования-красные	-	-	1	-	1
Украинские формирования-белые-красные	-	-	1	-	1
Украинские формирования-обыватели	-	-	-	1	1
Обыватели-белые	-	1	1	-	2
Обыватели	**1**	**2**	**7**	**5**	**15**
Неизвестно	**7**	**7**	**44**	**544**	**602**
Общий итог	**57**	**170**	**140**	**619**	**986**

РГВА. Ф. 37976. Коллекция послужных списков и личных дел командно-начальствующего состава РККА; Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org.; Список лиц с высшим военным образованием состоящих на службе в РККА. 1923; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Общие результаты подсчетов показателей судеб по итогам боевых действий Гражданской войны известных по этому показателю офицеров свидетельствуют о том, что примерно две трети из них остались живы. При

этом число убитых в боях и умерших во время войны, т.е. те, кого можно отнести к боевым потерям, составило всего 22 человека. Из них 4 человека умерли уже в эмиграции в 1919-1922 гг.

Бывший офицер 28-го пехотного Полоцкого полка Д.М. Жихарев, скончался в январе 1920 г. в Ревеле[1]. В мае 1920 г. на острове Лемнос умер генерал-майор ВСЮР М.Н. Щеголев[2]. Кавалерист-улан С.Н. Толмачев, скончался в мае 1921 г. в Галлиполи[3]. Еще один бывший улан А.Н. Логвинов, ушел из жизни в сентябре 1921 г. в Константинополе[4].

31 бывший офицер известен по фактам их расстрела. Их можно также отнести к жертвам Гражданской войны.

В целом невеликие цифры погибших, умерших и расстрелянных в 1918-1922 гг. нашей выборки кадровых офицеров объяснимо состоянием источниковой базы периода Гражданской войны, когда многие офицеры, особенно из числа противников Советской власти, «безвестно» сгинули на полях сражений или в застенках ЧК.

Как видно из таблицы 23, известные по принадлежности к тому или иному лагерю Гражданской войны офицеры составили примерно треть от всей выборки кадровых офицеров периода 1918-1922 гг. Выявленные данные убедительно свидетельствуют о преобладании в этой группе противников Советской власти. Цифры говорят о примерном соотношении белых и красных офицеров как 4 к 1. Всего лишь 3% составили в нашей выборке офицеры, которые в период Гражданской войны сражались в рядах национальных армий.

---

[1] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Ж (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_07-Zh.pdf. С. 62. (дата обращения: 28.07.2025).

[2] Там же. Буква Щ (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_25-Stch.pdf. С. 7. (дата обращения: 28.07.2025).

[3] Там же. Буква Т (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_18-T.pdf. С. 210. (дата обращения: 28.07.2025).

[4] Там же. Буква Л (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_11-L.pdf. С. 306. (дата обращения: 28.07.2025).

Мы уже отмечали неустойчивость национальной мотивации офицеров нерусского происхождения. Из таблицы 23 видно, что они составили основную часть переходных групп.

Сравнительно редкими в изученном круге офицеров были факты переходов от белых к красным (4 случая) и от красных к белым (3 случая).

Особенно отметим уникальные сложные комбинации судеб: красные-белые-красные, украинец-белые-красные.

В качестве примеров мы можем привести «скитания» полковника И.Н. Рябчевского, перешедшего от красных к белым в сентябре 1919 г., а после пленения в январе 1920 г. в Одессе, вновь оказавшегося в РККА[1]. Показательным по сложности и противоречивости данных выглядит пример братьев Александра[2] и Петра Яновских[3], которые сначала состояли в рядах революционных сил, затем (по слухам) оказались включенными в состав Вооруженных сил Юга России, а позже вновь фигурировали как борцы за Советскую власть.

Не менее сложным оказался «транзит» бывшего командира 7-й пехотной дивизии Виктора Николаевича Яхонтова от вооруженных формирований украинской державы к Вооруженным силам Юга России, а позже на службу в Рабоче-крестьянскую Красную армию[4].

Итоговые цифры 1922 г., представленные в таблице 23, говорят о примерно равном распределении изученных групп кадровых офицеров, оказавшихся в конце Гражданской войны в эмиграции или оставшихся в Советской России. Такое соотношение полученных цифр можно объяснить тем, что значительная часть офицеров белых и национальных армий не покинули к 1922 г. Россию, а заметная часть неизвестных по участию в

---

[1] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Р (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_16-R.pdf. С. 348. (дата обращения: 28.07.2025).

[2] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Яновский_Александр_Яковлевич (дата обращения: 28.07.2025).

[3] Там же. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Яновский_Петр_Яковлевич (дата обращения: 28.07.2025).

[4] Там же. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Яхонтов_Виктор_Николаевич (дата обращения: 28.07.2025).

Гражданской войне бывших кадровых офицеров выявилась в российских документах послевоенного времени.

И все-таки число неизвестных по месту пребывания к концу 1922 г. в прошлом кадровых офицеров гарнизонов Воронежской, Курской, Тамбовской губерний оказалось явно преобладающим.

Еще раз подчеркнем, что дело было не только в недостатке источников эпохи Революции и Гражданской войны, но и в том, что многие бывшие офицеры безвестно погибли или «растворились» среди гражданского населения огромной России и широкого зарубежья.

Мы посчитали существенным показатель распределения офицеров наших выборок по фронтам Гражданской войны. Но отнеслись к этому показателю с определенными оговорками. Применительно к офицерам белых армий и национальных формирований он оказался немалым и достаточно четким. Отнести к определенным фронтам офицеров, оказавшихся в Красной Армии, было весьма проблематично, т.к. большинство их служило в тыловых учреждениях, которые трудно связать с конкретным фронтом.

Поэтому в табличном виде мы решили представить известные точные данные только о фронтах, на которых сражались офицеры антисоветских формирований.

Таблица 24. Распределение по фронтам Гражданской войны кадровых офицеров Воронежской, Курской и Тамбовской губерний, участников белых и национальных армий

Фронты	Число
Южный	216
Восточный	21
Западный	14
Южный-Восточный	2
Южный-Западный	2
Северный-Южный-Западный	1
Общий итог	**256**

РГВА. Ф. 37976. Коллекция послужных списков и личных дел командно-начальствующего состава РККА; Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org.; Список лиц с высшим военным образованием состоящих на службе в РККА. 1923; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Данные таблицы количественно подтвердили известный факт о преобладании бывших офицеров в составе антисоветских войск Южного фронта (к ним мы отнесли и офицеров украинских формирований, воевавших против Южного фронта Красной Армии).

Заметное число кадровых офицеров из довоенных гарнизонов Воронежской, Курской, Тамбовской губернии, как уже отмечалось, в силу различных ситуативных обстоятельств оказалось далеко от Центра России в белых армиях Восточного фронта.

Небольшую, весьма специфическую группу, составили офицеры из российской «глубинки», сражавшиеся в польской армии и прибалтийских военных формирований, которые мы отнесли к Западному фронту.

Фактически в нашей выборке не выявились офицеры, воевавшие на Северном фронте Гражданской войны. Уже упоминавшийся полковник Н.Н. Бреверн некоторое время в 1918 г. занимал должность, весьма формально относившую к Северному фронту (комендант Отдельного Псковского добровольческого корпуса Северной армии), но вскоре перебрался на Южный фронт, а после эвакуации Крыма оказался в Салониках, позже переехал в Эстонию, где поступил на службу в Народную армию[1].

Очень редкими были факты перехода белых офицеров с Южного фронта на Восточный или Западный фронты.

Опять-таки «оттенков» и в показателе «приверженности» определенным фронтам оказалось немного.

Мы уже приводили единичные факты участия в боях Красной Армии на разных фронтах Гражданской войны представителей изученной группы

[1] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Б (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_02-B.pdf. С. 661. (дата обращения: 28.07.2025); Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Бреверн_Николай_Николаевич (дата обращения: 28.07.2025).

кадровых офицеров. Дополнительно мы решили обратить внимание на офицеров тыла, которые по месту службы в период Гражданской войны находились вблизи фронтовой зоны. Некоторые из них по ситуативным причинам были непосредственно вовлечены в боевые действия.

Вполне объяснимым оказалось то обстоятельство, что заметная группа бывших кадровых офицеров гарнизонов Центрального Черноземья (около 20 человек) в 1918-1920 гг. проходили службу в тылу Южного фронта РККА – от Астрахани на юго-востоке до Киева на юго-западе. Особенно это проявилось в судьбах красноармейских офицеров-тыловиков городов Воронежской и Тамбовской губерний (Борисоглебск, Воронеж, Козлов, Моршанск, Острогожск, Павловск, Тамбов).

Мы посчитали необходимым особо рассмотреть сюжет о судьбах офицеров Генерального штаба, представленных в нашей выборке. В современной исторической литературе этот вопрос нередко обсуждается. Поэтому полезно было бы конкретизировать его на материалах на примерах провинциальных офицеров, приписанных в свое время к Генеральному штабу Российской императорской армии.

Деникинский политработник Я.М. Лисовой, проведя статистический анализ судеб офицеров Генерального штаба императорской армии по данным на 1 декабря 1918 г., утверждал, что в Добровольческую армию прибыло около 10% прежнего состава офицеров Генерального штаба. «Известный комплект офицеров Генерального штаба», по его словам, находился в Донской армии. Относительно других белых армий сведений Лисовой не приводил. Но, судя по его общим расчетам, у белых оказалось меньше Генштабистов, чем у красных[1].

Мы провели аналогичные расчеты применительно к своей выборке кадровых офицеров. Как выяснилось, к 1918 г. в живых оставалось около 50 кадровых офицеров гарнизонов Воронежской, Курской и Тамбовской

[1] Лисовой Я. М. Генеральный штаб (статистический очерк по данным к I декабря 1918 г.) // Донская волна (Ростов н/Д.). 1919. № 9 (37). С. 11-14.

губерний, которые учились в военных академиях. Точное количество этой группы офицеров выявить сложно (у некоторых не ясны факты окончания академий, в которых они учились).

Только 13 человек из этой группы (менее 25%) оказались неизвестными по факту участия в Гражданской войне. Этот факт, на наш взгляд, говорит об отсутствии у них заметной активности в гражданском противостоянии.

Среди «воинственных» офицеров Генштаба Императорской армии 16 человек сражались в рядах белых армий. При этом 10 из них сразу вступили в Добровольческую армию. В относительном выражении это составило почти четверть воевавших Генштабистов нашей выборки, т.е. вдвое больше доли их коллег в подсчетах Я.М. Лисового.

Еще семь офицеров Генерального штаба из числа изученного нами круга лиц отразили широкую палитру антисоветских сил: воевали в составе украинских, польских и сибирских армий. Как и в общей выборке, среди бывших генштабистов оказались колеблющиеся элементы: шестеро из них в разных комбинациях перемещались в годы Гражданской войны между белыми, красными и украинскими армиями.

Принципиально важными мы посчитали выявленные данные о числе офицеров Генерального штаба, вступивших в ряды Красной Армии – 10 человек из числа бывших офицеров Воронежской, Курской, Тамбовской губернии. Получилось число не на много меньше количества «белых» генштабистов. Как уже было отмечено выше, общее соотношение белых и красных в нашей выборке кадровых офицеров было совершенно иным.

Таким образом, было получено очередное подтверждение того, что генштабисты действовали более прагматично и ситуативно, выбирали наиболее «удобную» в конкретный момент сторону, нежели поддавались боевым настроениям.

Особенно это проявилось в подгруппе выпускников военных академий 1917-1918 гг. Среди офицеров этой подгруппы большая часть – 7 из 11 человек – сразу оказались в составе Красной Армии, из них только один сознательно

перешел к белым. К этому стоит добавить, что красный комдив В.В. Тархов окончил академию Генштаба РККА уже в годы Гражданской войны. Такое поведение представителей этой подгруппы офицеров мы объясняли разными прагматическими мотивами, в том числе политикой «привлечения» со стороны Советской власти.

Таблица 25. Судьбы офицеров военного времени полков из Тамбовской губернии в 1918-1922 гг.

Лагерь гражданской войны	Убит, расстрелян, умер	Эмиграция			Общий итог
		Да	Неизвестно	Нет	
Белые	**4**	**30**	**21**	**41**	**96**
Национальные армии	**-**	**2**	**-**	**2**	**4**
В т.ч. гетманцы	-	1	-	-	1
Армия УНР	-	1	-	1	2
Войско польское	-	-	-	1	1
Красные	**2**	**-**	**-**	**19**	**21**
Зеленые	**-**	**-**	**-**	**1**	**1**
Переходные группы (белые-красные)	**-**	**2**	**-**	**5**	**7**
Белые-красные	-	-	-	3	3
Красные-белые	-	1	-	-	1
УНР-Красные	-	-	-	1	1
Белые-обыватель	-	1	-	1	2
Неизвестно	**2**	**2**	**420**	**48**	**472**
Общий итог	**8**	**40**	**441**	**123**	**612**

РГВА. Ф. 37976. Коллекция послужных списков и личных дел командно-начальствующего состава РККА; Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org.; Список лиц с высшим военным образованием состоящих на службе в РККА. 1923; Офицеры РИА. // URL: https://www.ria1914.info.

Как и среди кадровых офицеров, в числе офицеров военного времени большинство оказалось неизвестными по итоговой судьбе к 1922 г. Точно можно говорить, что Гражданскую войну пережили около 25% представителей этой группы, известных на начало 1918 г.

При сравнении с таблицей 22 можно увидеть, что это число на 10 с лишним процентов больше показателя удельного веса сохранности сведений

о характере участия офицеров военного времени в Гражданской войне. Такая заметная разница появилась потому, что источники послевоенного времени (главным образом включенные в обширные интернет-ресурсы), позволили установить около 60 представителей базы данных офицеров военного времени, оставшихся в живых после 1922 г.

Как и в базе данных кадровых офицеров, в изученном круге офицеров военного времени невеликой (чуть более 1%) оказалась доля убитых, умерших или расстрелянных офицеров, что в очередной раз подчеркивает ограниченность тяжести боевых действий Гражданской войны в сравнении с Первой мировой войной.

Особенностью итоговой таблицы о судьбах офицеров военного времени является то, что среди них соотношение точно известных по фактам проживания в Советской России после 1922 г. и отъезда в эмиграцию сложилось в пользу первой группы: 18% против 6% во второй. Существенное отличие от аналогичного соотношения в выборке кадровых офицеров мы считаем проявлением больше «почвенности» офицеров военного времени, вышедших, как мы показали выше, из широких народных слоев российского общества начала XX в.

Вместе с тем соотношение офицеров военного времени, известных по службе в Белой и Красной армиях, оказалось даже большим, чем у кадровых офицеров – 4,5 к 1. В выборке офицеров военного времени выявились очень небольшие группы участников национальных формирований и переходных групп. В этой выборке совсем не оказалось людей, которых, по доступным сведениям, можно отнести к обывателям. Другими словами, установленные количественные параметры выборки офицеров военного времени еще раз подтвердили редкость полутонов в поведении бывших офицеров в период Гражданской войны.

В заключение параграфа отметим, что большая часть изученных групп офицеров, остававшихся в живых к концу 1916 г., в последний год мировой войны продолжала служить в армии. При этом не менее четверти

представителей когорты кадровых офицеров и более половины офицеров военного времени в 1917 – начале 1918 г. находились на фронте. Небольшие цифры потерь среди офицеров наших выборок объясняются как ограниченным кругов источников их учета, так и относительно невысокой интенсивностью боевых действий. Представители изученного круга продолжали самоотверженно воевать. Особенным показателем стало возращение в 1917 г. десятков раненых офицеров после излечения на фронт. Не менее 150 кадровых офицеров и офицеров военного времени в 1917 г. заслужили боевые награды. Десятки кадровых офицеров получили повышения в званиях. Вместе с тем редкими были факты движения в чинах среди офицеров военного времени. Звание прапорщика осталось для большинства из них «потолком» командирских способностей.

Количественные характеристики судеб офицеров в годы Гражданской войны 1918-1922 гг. оказались менее полными в сравнении с предыдущим периодом. Объясняя это, мы учитываем не только ограниченность источниковой базы данного отрезка истории, но и предполагаем немалую вероятность уклонения бывших офицеров от участия в братоубийственной войне.

Как удалось установить, около 40% оставшихся в живых к началу 1918 г. кадровых офицеров и около 20% офицеров военного времени приняли участие в Гражданской войне. Не менее двух третей известных по своим судьбам офицеров прямо участвовали в боевых действиях этого периода. Малые цифры потерь говорят о явно меньшей интенсивности боев Гражданской войны в сравнении с мировой войной. При этом в выявленных нами источниках оказалось много фактов расстрелов, нежели гибели в бою. Установлено более 30 жертв «красного террора» и только один факт расстрела белыми командира Красной Армии – бывшего офицера. При всем этом почти 80% офицеров известных нам по судьбе на конец 1922 г. пережили Гражданскую войну. Примерно равными оказались доли бывших кадровых офицеров, убывших в эмиграцию и оставшихся в Советской России. Среди

офицеров военного времени эти доли соотносились как 1 к 3. Лишнее подтверждение большей «почвенности» офицеров военного времени.

Результаты подсчетов данных о выборе политической позиции в период Гражданской показало четырехкратное преобладание офицеров белой и антисоветских национальных армий над красными командирами и спецами как среди бывших кадровых офицеров, так и среди офицеров военного времени.

Такое, казалось бы, необычное с точки зрения нынешней историографии соотношение цифр мы объясняем двумя взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, офицеры антисоветских войск в большей мере были активными участниками боевых действий и, соответственно, более полно отразились в источниках в сравнении с главным образом тыловыми военными специалистами Красной Армии. Во-вторых, в связи с большим вниманием к судьбам отдельных белых офицеров в эмигрантской и постсоветской российской исторической литературе их биографические факты широко систематизированы в доступных справочных изданиях. Даже советская историография уделяла внимание биографиям только крупных красных командиров и героев Гражданской войны. В современной российской историографии интерес к отдельным персоналиям красных военспецов вообще минимален.

Поиск биографических сведений этих людей требует сбора множества мелких фактов, распыленных в большом числе провинциальных архивов, а также на страницах десятков губернских и уездных газет. Такая работа под силу только коллективам историков. При этом, как мы убедились, она не всегда дает нужный результат. Большой коллектив создателей Воронежской Книги Памяти участников Первой мировой войны сумел выявить десятки биографий бывших офицеров, оказавшихся на службе в Красной Армии. Создатели курского сборника о красноармейцах – участниках Гражданской войны не представили ни одного факта об офицерах, служивших в гарнизонах губернии до 1914 г.

С точки зрения создания коллективного портрета мы не считаем ограниченность данных о службе бывших офицеров в Красной Армии недостатком. На таком портрете должны выделяться наиболее яркие краски.

3.2. Продолжение службы и изменения политических настроений офицеров фронта весной 1917 – зимой 1918 гг.

В отечественной исторической науке долгое время проблема состояния русской армии на фронте после февральских событий в Петрограде и до Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. вызывала у историков интерес главным образом с точки зрения участия солдат в революционном движение.

Только в эмигрантской литературе речь шла о продолжении исполнения офицерами российской армии служебного долга, в условиях продолжавшейся до начала 1918 г. мировой войны. Так, говоря о сохранении профессионализма русскими офицерами после Февральской революции, А.И. Деникин указывал на героизм многих офицеров в боях 1917 г.[1]

Только в последнее время стали появляться работы более широкой направленности (И.Н. Гребенкин, С.И. Никонова, В.Н. Суряев, А.Б. Крылов и др.), в которых учитываются и продолжение военных действий, и разные, не только политические, но и служебные взаимоотношения солдат и офицеров[2].

Поскольку одним из немногих полноценных источников, отражавших положение дел на фронте являлись полковые журналы военных действий, мы решили в первую очередь обратиться именно к ним.

Как и следовало ожидать, в выявленных записях журналов всех частей нашей выборки за январь 1917 г., нет намеков ни на какие революционные процессы, происходившие в тылу. В описываемых событиях преобладала

---

[1] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т.1. Вып. 2. С. 168.

[2] Гребенкин И. Н. Долг и выбор. Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914-1918 гг. М: АИРО-XXI, 2015. 527 с.; Крылов А. Б. Сибирские полки на германском фронте в годы Первой Мировой войны М.: Книжный мир, 2014. 113, [2] с.; Никонова С. И. 6 Финляндская стрелковая дивизия в зеркале событий Великой Российской революции 1917 года // Научный диалог. 2018. №11. С. 245-257; Суряев В. Н. Офицеры русской императорской армии. 1900-1917. М.: «Русское историческое общество», «Русская панорама», 2012. 272 с.

картина ежедневного рутинного состояния, которая сформировалась на большинстве участков фронтов к тому времени. «В штатном режиме», заполнялись журналы и в феврале месяце.

Особенно насыщены данными журналы боевых действий июня 1917 г., отразившие ход печально известного летнего наступления русской армии.

В связи с предстоящими операциями на Юго-Западном фронте 3 июня был получен приказ Главнокомандующего о формировании особых штурмовых батальонов. По этому поводу полковой комитет 27-го Витебского полка постановил устроить общее собрание 5 июня. На собрании при обсуждении вопроса о «батальонах смерти» было принято постановление, что «переходить в ряды этих батальонов нет надобности, а исполнять свой долг перед Родиной так, как его исполняли до сего времени». На следующий день, несколькими эшелонами, полк выступил на позиции[1].

Иногда проблемы создавали соседние воинские формирования, с которыми осуществлялось взаимодействие. Так, 11 июня в журнале 28-го полка появилась запись: «Согласно приказа по дивизии, полк должен был быть сменен 77-м пехотным Тенгинским полком, но так как 20 дивизия отказалась сменить 7 дивизию, то полк продолжал стоять на позициях»[2]. Смена всё-таки произошла через шесть суток, но до этого времени полк удерживал занимаемые позиции, не проявляя актов саботажа.

Похожую картину можно было наблюдать и на другом фронте. 11 июня временно командующий 173-м Каменецким полком В.М. Торчинский и поручик Никольский присутствовали на совещании в штабе 116-й дивизии. Ввиду отказа 462-го Старицкого полка выполнять боевую задачу было заявлено о готовности выполнить 173-м полком задачу, но отказано в принуждении к выполнению задачи 462-м полком: «ибо каменцы не жандармы»[3].

---

[1] РГВИА. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 162. Л. 1 об.
[2] Там же. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 170. Л. 2 об.
[3] Там же. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 42. Л. 12 об.-13.

В записях от 19 июня описывается ропот солдат из-за сильного переутомление во время выдвижения на позиции. Тем не менее, выступление продолжилось[1].

Интересно описаны события, происходившие 25 июня на заседании полкового комитета и ротных собраний в 27-м полку. Велись бурные дебаты по поводу отказа от участия в предстоящем наступлении и смене других частей на позициях, если окопы будут плохо подготовлены. В конце концов, полковой комитет постановил идти на смену утомленных частей, а относительно наступления определенного решения не было принято. Были выслушаны депутаты от остальных трех полков дивизии (имеются в виду 25-й Смоленский, 26-й Могилевский и 28-й Полоцкий). Настроение после этого значительно изменилось, так как выяснилось, что при дружном действии полков ни один не откажется идти в наступление. 27 июня в журнале было записано, что «полк выразил полную готовность идти, куда будет приказано»[2].

В тот же день в расположение 39-го Томского полка приезжал начальник 10-й дивизии и пожелал войскам, выступавшим на передовую, всего хорошего (7-я рота и разведчики), а с некоторыми поцеловался[3].

30 июня в журнале 28-го Полоцкого полка появилась запись о том, что «полк безропотно сменил смоленцев и залег в одиночных окопах без проволоки»[4]. А вот в 27-м Витебском полку в тот же день произошла заминка, имевшая серьезные последствия для командования. Приказ сменить 26-й пехотный Могилевский полк, стоявший в первой линии, оказался не выполненным, потому что «ссылаясь на сравнительно поздний час, трудности в следствии темноты и разбросанности в расположении быстро собрать роты и незнание позиции, солдаты просили отложить до завтра и приказ в силу необходимости был изменен». На следующий день с наступлением темноты полк побатальонно выступил на позиции, но уже 3 июля во временное

[1] РГВИА. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 162. Л. 2 об.
[2] Там же. Л. 3-3 об.
[3] Там же. Ф. 2653. Оп. 2. Д. 245. Л. 17 об.
[4] Там же. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 170. Л. 4 об.-5.

командование полком вступил полковник Щербаков, а полковник Ванин был отрешен от командования в связи с инцидентом, произошедшим 30 июня[1].

Среди подобных случаев можно отметить аналогичную ситуацию в 28-м Полоцком полку, произошедшую 5 июля, когда солдаты 1-го батальона попросили разъяснений «для чего нужна смена», но в ночь с 5 на 6 июля всё-таки выдвинулись на позиции. В тот же день в журнале появилась запись: «Это единственный случай неисполнения полком приказа, удручающе повлиял на командный состав полка»[2].

Самым серьезным испытанием оказалось сражение, развернувшееся с 6 по 11 июля, в котором наиболее ярким образом проявились и были зафиксированы сильные и слабые стороны офицерского состава наших полков. Они по-разному справились с поставленными задачами и возникшими в ходе боев трудностями. Речь идет о отдельном фрагменте боевых действий Юго-западного фронта, ставших последней попыткой крупной наступательной операции, известной как «Наступление Керенского».

Вечером 6 июля начальником штаба 7-й пехотной дивизии было передано приказание провести атаку после часовой артиллерийской подготовки. В журналах, рассматриваемых нами полков, были внесены диаметрально противоположные сведения о начале сражения и его дальнейшем развитии.

В журнале 27-го пехотного Витебского полка было записано: «Неожиданность такого распоряжения и полная неопределенность боевой обстановки, создали тревожное состояние среди солдат полка, увидевших в этом даже обман, к которому прибегают, чтобы заставить их идти в наступление, к чему они вообще не были склонны, и о чем они неоднократно открыто заявляли на ротных полковых комитетах. Солдат пришлось уговаривать, на что ушло много времени»[3].

---

[1] РГВИА. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 162. Л. 3 об.-4.
[2] Там же. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 172. Л. 2 об.-3.
[3] Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 163. Л. 1 об.-2.

Следующий день был описан таким образом: «…во время боя 7 и 8 роты медлили с выполнением приказа командира полка и наконец, совсем отказались от выполнения поставленной задачи»[1]. Очевидным предстает факт организационного бессилия офицеров отдельных подразделений полка при выполнении поставленной задачи. Однако позже мы постараемся разобраться в объективных причинах такого поведения.

Напротив, в записях 28-го Полоцкого полка с 6 по 8 июля звучали совсем другие нотки: «После получасовой артиллерийской подготовки с нашей стороны роты дружно поднялись и в порядке увлекаемые беззаветным мужеством офицерского состава, бросились на окопы противника. Особенно стройно двинулись 7-я и 8-я роты под командой поручиков Косолапова и Сысуненко. Поведение в атаке, как офицеров, так и солдат, заслуживает большой похвалы. Поставленные задачи выполнялись ими честно и самоотверженно и отсутствие положительных результатов их доблестных действий объясняется лишь несчастными обстоятельствами, складывавшимися вокруг не по их вине[2].

В бою 7 июля полковым адъютантом 26-го Могилевского полка было отмечено, что: «все офицеры полка были на своих местах показав себя с самой лучшей стороны и вполне заслуживают наград»[3]. На следующий день ситуация повторилась, о чем было записано так: «В бою 8 июля все офицеры вели себя самым доблестным образом, умело и спокойно отдавая нужные распоряжения, ободряя подчиненных»[4].

А вот в записях журнала 39-го Томского полка можно выделить фрагмент описания самого тяжелого дня боев 8 июля, который ставит по сомнение вышеизложенные данные Могилевского полка: «Начальник дивизии стал кричать, чтобы Могилевцы остановились. К этому времени к деревне стал подходить 3-й батальон. Начальник дивизии остановил 11-ю

[1] РГВИА. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 163. Л. 2.
[2] Там же. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 172. Л. 5-7.
[3] Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 149. Л. 2 а. об.
[4] Там же. Л. 3 об.

роту, приказав окапаться, а сам попытался остановить Могилевцев». Речь идет о действиях командира 10-й пехотной дивизии генерал-майора Дмитрия Николаевича Надежного, который личным примером мужества и стойкости, пытался восстановить порядок не только своих войск, но и частей соседней 7-й пехотной дивизии, к которой относились «Могилевцы»[1].

По итогам боя 11 июля в районе города Тернополь в журнале 26-го Могилевского полка была сделана следующая запись: «Все офицеры полка проявили свою доблесть в этом бою и некоторые из них, видя отступающих Витебцев, бросились к ним, повернули их лицом к врагу и заставили противника хоть на время удержаться от попыток продвинуться вперед»[2].

Эти данные подтверждаются записями из журнала 28-го Полоцкого полка, офицерам которого удавалось не только поддерживать боевой дух и воинскую дисциплину в своих подразделениях, но брать в свои руки управление другими отступающими частями. Ближе к вечеру 11 июля сложилась непростая оперативная обстановка, приведшая к прорыву противника на стыке соседнего 27-го Витебского полка с 10-й пехотной дивизией. Вот как были описаны последующие за этим действия: «Для исполнения этой задачи были посланы 1-й и 3-й батальоны под общим командованием подполковника Наумова. В лощине у высоты 349 были замечены наши отдельные группы солдат других частей, которые в беспорядке отступали. Отходившие партии удалось остановить, задержать и вновь, вместе с нами, двинуть вперед, на что они согласились беспрекословно, видя за собой поддержку. В ходе начавшегося боя, под руководством офицеров увлекаемые беззаветным мужеством командного состава, наши роты под пулеметным и оружейным огнем бросились на противника, который не выдержал стремительного удара»[3].

---

[1] РГВИА. Ф. 2653. Оп. 2. Д. 246. Л. 7-7 об.
[2] Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 149. Л. 5 а. об.
[3] Там же. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 172. Л. 13-15 об.

Итог сражения был подведен в полковом журнале следующими словами: «Полк аккуратно исполнял порученные ему задачи, но вся его боевая работа разбивалась о царившую вокруг дезорганизацию, упадок духа и неуверенность войск»[1].

На страницах журнала 40-го Колыванского полка мы не встретили фактов саботажа, трусости и дезертирства. Наиболее подробно описаны действия завершающей стадии сражения 11 июля, в которой ярким примером представлены действия отдельных офицеров полка: «После отбитой атаки, по собственному почину командир 1 батальона поручик Наседкин перешел в контратаку, чем заставил противника отступить до середины д. Мышковице. Благодаря этой контратаке были спасены 2 и 3 батальоны от обхода слева. Командир резервной роты, поручик Белкин, по собственной инициативе, ввиду создавшейся обстановки также перешел со своей ротой в атаку, с целью поддержки 1 батальона. Противник бежал»[2].

В тот же день, в журнале того де полка, описывались следующие обстоятельства хода боя: «Командир полка встретил построенный в колонну 12 полк, направляющийся в тыл без командира полка, так как последний был убит. Узнав, что названный полк без всякого приказания оставил свою позицию, командир полка с большим трудом заставил его занять позицию»[3]. Действия полковника Николая Ефимовича Пржевлоцкого, также демонстрируют профессионализм и верность долгу, свойственные настоящему офицеру.

После сражения части рассматриваемых нами полков были отведены в резерв, но это не означало окончания их боевого пути в мировой войне. Одними из последних записей в располагаемых нами материалах могут служить примеры, отмеченные в журнале 28-го Полоцкого полка от 21 июля: «Согласно приказа по дивизии, полк, сменив 25 Смоленский и две роты

[1] РГВИА. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 172. Л. 18 об.
[2] Там же. Ф. 2654. Оп. 2. Д. 167. Л. 6 об.
[3] Там же. Л. 7 об.

Могилевского полка, занял позицию»[1] и 25 августа: «Приказано сменить части 10 пехотной дивизии. В 18 часов полк выступил на смену»[2].

В журнале 173-го Каменецкого полка от 6 августа упоминалось о выдвижении на позиции, причем 1-м батальоном командовал штабс-капитан Шелетаев, а 2-м штабс-капитан Трубчанинов[3]. Оба принимали участие в войне с первых дней.

19 августа немцы попытались осуществить прорыв на участке 173-го полка, форсировав реку Двину. По приказу командира полка все роты и команды были приведены в полную боевую готовность. Несмотря на ураганный огонь противника и, применение химического оружия, приведшее к большим потерям солдат и офицеров, попытка переправы была сорвана[4].

27 августа боевую задачу получила 9-я рота 173-го полка под командой штабс-капитана Шустова, который в ходе боя неоднократно поднимал роты в атаку под пулеметным огнем[5].

По имеющимся данным, до конца августа 1917 г. 173-й Каменецкий полк вел упорные бои, а записи, сделанные в журнале, демонстрируют сплоченность и уверенность войск.

Осенние записи в полковых журналах были скудны на информацию или отсутствовали вовсе. Последняя запись в журнале 40-го Колыванского полка звучала так: «Согласно приказа 10 пехотной дивизии за № 354 наш полк в ночь с 30 на 31 октября сменил на позиции у деревни Колодзеювка 39 Томский полк»[6]. Заметим, что никакого влияния Октябрьского переворота в столице в этом полку не наблюдалось, он продолжал выполнять свои боевые задачи.

Таким образом, материалы журналов свидетельствуют о том, что изучаемые нами полки вплоть до осени 1917 г. сохраняли боеспособность и принимали активное участие в боевых действиях.

---

[1] РГВИА. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 172. Л. 19 об.
[2] Там же. Л. 21.
[3] Там же. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 43. Л. 10 об.-11.
[4] Там же. Л. 16 об.-20.
[5] Там же. Л. 27 об.-29 об.
[6] Там же. Ф. 2654. Оп. 2. Д. 171. Л. 5.

Тем не менее, мы убедились и в проявлениях деморализованного настроения войск, зафиксированного в некоторых журналах на разных участках фронтов. Подобные факты получили специальную оценку в книге одного из представителей нашей выборки, служившего до ранения в 1915 г. в 39-м пехотном Томском полку подполковника Н.С. Зайченко. В начале работы были отражены печальные моменты летнего наступления 1917 г., а затем дан подробный анализ главных причин неудач России в войне в целом[1].

Ценным дополнением к полковым журналам 1917 г., которые зачастую упоминали действия офицеров в целом, без указания отдельных персон, мы считаем являются наградные документы, которые ярко свидетельствуют о сохранении героизма значительно числа представителей изученных групп офицеров.

Мы сознательно выделили факты героизма в сражениях именно 1917 г., отделив их от фактов получения наград в 1917 г. за подвиги предыдущих лет.

Единственным обнаруженным примером может служить подвиг капитана 10-й артиллерийской бригады А.П. Колтынюка, который был награжден Георгиевским оружием за то, что «11 июля 1917 года в бою у д. Мышковице капитан Колтынюк, находясь во все время боя на своем наблюдательном пункте в передовых окопах под сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника, совершенно презирая личную опасность, спокойно и умело руководил огнем своей батареи, расстреливая немцев в то время, когда Колыванцы контратакой ворвались в немецкую часть д. Мышковице, а затем, в дальнейших своих действиях метким огнем громил наступающие густые цепи немцев, сдерживал их натиск и этим способствовал благополучному сравнительно отходу славных Колыванцев. Во время этих действий капитан Колтынюк под градом пуль и шрапнелей поднял пункт своего наблюдения, отходя вместе с последними цепями Колыванцев, батарею же свою снял с позиции лишь тогда, когда между

[1] Зайченко Н. С. Война и наша главная ошибка. М.: К.-П. Лиги, 1917. 32 с.

нею и немцами не оставалось почти ни одного русского солдата. Таким образом в результате своих блестящих действий капитан Колтынюк, находясь в течении всего боя в исключительной опасности в передовых цепях и с ними передвигаясь под действительным ружейным и пулеметным огнем, с редким спокойствием и большим искусством управлял огнем своей батареи, нанеся немцам большие потери и тем содействовал в высокой степени благополучному отходу славных Колыванцев в то время, когда их левый фланг был обнажен преждевременно отступившими Забайкальцами, содействовал контратакам Колыванцев в д. Мышковице и своим огнем прикрыл отход выдвинутой вперед 1-й батареи 10-й артиллерийской бригады, которой немцы угрожали обходом слева. Выполнив все эти задачи, капитан Колтынюк снял с позиции свою батарею, когда последний русские цепи прошли через нее»[1].

Конечно, революционные потрясения 1917 г. не могли оказаться незамеченными на фронте и не вызвать определенной реакции у тех, кто продолжал исполнять свой воинский долг.

В рапорте командующего 12-й армией Р.Д. Радко-Дмитриева командующему Северным фронтом Н.В. Рузскому 5 марта 1917 г. сообщалось: «…подавляющее большинство офицеров отнеслось к произошедшим переменам в нашем государственном строе весьма сочувственно, и поэтому нет надобности огорчать их сеянием вражды и взаимного недоверия. Офицеры исполнят честно свой долг перед свободной Россией»[2].

В своей статье В.Н. Суряев, приводит в пример воспоминания генерал-лейтенанта А.И. Деникина, о том, что сообщение о революции было ошеломляющим, но «войска отнеслись ко всем событиям совершенно спокойно»[3].

Возможно, такие настроения затронули и представителей нашей выборки, которые, по данным конца 1916 г., служили в 12-й армии: А.П.

[1] РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 2526. Л. 273 об.-274.
[2] Революционное движение в русской армии. С. 26.
[3] Суряев В. Н. «Войска отнеслись ко всем событиям совершенно спокойно»: отношение офицерства Русской императорской армии к Февральской революции 1917 г. // Военно-исторический журнал. 2015. № 7. С. 50-55.

Пауля, ротмистра армейского обоза, и В.Я. Фадеева, подполковника штаба армии.

Депутат Госдумы Н.И. Радзевич 25 марта 1917 г., докладывая о поездке в 175-й Батуринский полк, находившийся на Северном фронте, отмечал, что настроение офицеров неопределенное, но на встрече с депутатом представители офицеров заявили, что поддерживают новое правительство, «старый режим» им ненавистен[1]. В этом полку в конце 1916 г. и, вероятно, в начале 1917 г. служили четверо из изученной нами выборки кадровых офицеров: полковник Н.В. Жолнержевский, подполковник Е.Г. Звенигородский, подполковник В.В. Суходубовский и капитан В.Г. Суходубовский. Вряд ли эта группа офицеров (двое из них были командирами батальонов) могла не знать о настроениях в полку.

Один из фигурантов нашей базы данных кадровых офицеров командир 51-й пехотной дивизии В.О. Бенесскул в донесении от 27 марта 1917 г. браво сообщал: «Дух в частях отличный, порядок не нарушался. С наступательными операциями следовало бы выждать, пока не будут даны твердые основы, хотя бы на главнейшие стороны боевой жизни. Необходимо избавить армию от влияния Совета Солдатских и Рабочих депутатов. К оборонительным действиям дивизия вполне способна»[2].

Специальное внимание мы обратили на материалы майского съезда офицеров. Полностью согласны с В.Д. Поликарповым в том, что стенограмма заседаний этого съезда дает возможность для изучения политических позиций разных категорий офицеров и степени их расслоения[3]. Согласимся с В.Д. Поликарповым и в том, что время проведения офицерского Съезда характеризовалось уже улегшимися политическими страстями и достаточно определившимися политическими позициями[4].

---

[1] 1917. Разложение армии / Авт.-сост. В Л. Гончаров. М., 2010. С. 113.
[2] Там же. С. 85.
[3] Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция. С. 145.
[4] Там же. С. 146.

Конечно, нужно учитывать степень искренности участников съезда при голосовании, которые могли поверхностно заряжаться общими настроениями. Г.З. Иоффе привел слова участника съезда полковника С. Ряснянского о том, что многие делегаты говорили о лояльности Временному правительству, но «от души это не шло»[1].

Среди делегатов съезда оказалось три человека из нашей выборки кадровых офицеров: капитан Б.В. Барковский; ротмистр Н.Д. Филонов (Заамурский кавалерийский полк), поручик Н.А. Шеремецинский (540-й Сухиничский пехотный полк)[2]. Все они представляли фронтовые части.

Конечно, это была невеликая доля от общего числа делегатов (менее 0,5%), а по отношению ко всем членам нашей выборки – менее 0,3%. Но даже в этом случае можно делать определенные выводы. Во-первых, мы получили очередные подтверждения того, что избрали для анализа не случайных людей. Среди наших фигурантов, как и всех кадровых офицеров бывшей императорской армии, оказалась небольшая часть политически активных граждан. Во-вторых, три названных делегата, отражая состав всей выборки, представляли все основные рода сухопутных войск. В-третьих, даже среди столь небольшого числа оказались делегаты, поддержавшие разные резолюции съезда.

Б.В. Барковский был среди сторонников 1-й резолюции с общей поддержкой Временного правительства. Н.Д. Филонов и Н.А. Шеремецинский голосовали за более широкую резолюцию, которая призывала поддерживать не только Временное правительство, но и все типы Советов, а также Временный комитет Государственной Думы[3].

Можно предположить, что наши делегаты съезда отражали политические взгляды других офицеров, отправивших своих однополчан на всероссийский офицерский форум.

---

[1] Цит по: Иоффе Г. З. «Белое дело» и генерал Корнилов. С. 56.

[2] Всероссийский съезд офицерских депутатов армии и флота (1917; Петроград). Стенографический отчет заседаний Всероссийского съезда офицерских депутатов армии и флота в г. Петрограде: С 8 по 27 мая 1917 г. [Т. 1]. Петроград: тип. М-ва вн. дел, 1917. С. 490, 510, 511.

[3] Там же. С. 512-516.

Так, вместе с Б.В. Барковским в 31-й артбригаде служили полковники Н.К. Жандр, Ю.Н. Роппонет, А.С. Селиков, И.И. Соколовский, подполковники Д.Т. Миончинский и Б.Н. Румянцев, капитаны С.М. Мищенко, С.К. Плеханов и И.В. Хламов.

В одной воинской части с Н.Д. Филоновым в 1917 г. находился его бывший сослуживец по 6-му запасному кавалерийскому полку подполковник М.И. Пиотровский, а также, возможно, штаб-ротмистр Нечаев (числился в Заамурском кавалерийском полку в конце 1916 г.).

Однополчанами Н.А. Шеремецинского в 1917 г. были генерал-майор И.И. Селиванов и подполковник И.Ф. Окушко. Позволим себе предположить, что командир полка И.И. Селиванов вряд ли поддерживал позицию своего подчиненного революционного поручика. Вскоре после съезда, в июне 1917 г. генерал Селиванов был избит солдатами на митинге за контрреволюционные высказывания[1].

Немногочисленны свидетельства того, что на фронте потрясения в тылу воспринимались обостренно. Это, в частности, зафиксировано в уже не раз упомянутом дневнике В.М. Цейтлина, который побывал на фронте Первой мировой войны, а в начале 1917 г. служил в Петрограде в штабе 1-го армейского корпуса[2].

Мы выявили только один факт несогласия служить новому правительству фронтового командира, представителя нашей выборки кадровых офицеров.

По воспоминаниям сына Г.М. Лермонтова, который в начале 1917 г. служил командиром фронтового 16-го уланского Новоархангельского полка в апреле 1917 г., в полк пришёл приказ о доставке в Петроград штандарта для снятия вензеля Императора. В ответ на это Григорий Михайлович отказался от Георгиевского креста и производства в генералы. Мемуарист рассказывал:

---

[1] Революционное движение в русской армии. С. 170-171.

[2] Ганин А. В. «Теперешние события надо взвешивать в масштабе десятилетий, столетий…» Офицер в революции (по дневникам штабс-капитана Василия Цейтлина) // Родина. 2015. № 3. С. 110-115.

«Отец сказал, что его произвёл в полковники Император, и он не желает получать генеральский чин от Керенского. В то время Георгиевские офицерские кресты, белые эмалевые, заменили на солдатские, а чтобы их отличать, добавили на офицерский крест веточку. Офицеры дали им название «Георгиевский крест с розгами». Мой отец заявил, что не желает носить Георгиевский крест с розгами, и отказался». Лермонтов не стал присягать Временному правительству и оставил полк[1].

Ярким дополнением к этому факту являются сведения о подполковнике тамбовского происхождения Борисе Федоровиче Ушакове, который летом 1917 г. был назначен на должность начальника штаба 2-й дивизии Чехословацкого корпуса. Своими конкретными поступками он проявил очевидную контрреволюционную позицию: в августе 1917 года участвовал в прокорниловском Московском государственном совещании, специально посещал Быхов, где находились в заключении сторонники смещенного Л.Г. Корнилова, прилюдно высказывался о подлецах, «привезенных из-за границы в запломбированных или не запломбированных вагонах». В ноябре 1917 г. съезд солдат Особой армии даже требовал его расстрелять, а в январе 1918 его арестовали, хотя впоследствии освободили[2].

Революционные процессы продолжали сказываться на фронтовых воинских частях, в которых служили офицеры наших выборок, в течение всего периода 1917 – начала 1918 г.

Особенно жестокими были факты расправ на фронте солдат над офицерами. Интересно отметить, что применительно к кадровым офицерам бывших частей Воронежской, Курской, Тамбовской губернии мы не выявили ни одного факта убийства. Но все-таки несколько фактов выявилось относительно изученных нами групп офицеров военного времени и кадровых

[1] Livejournal. // URL: https://aselajn.livejournal.com/14866.html (дата обращения 28.07.2025).
[2] Ганин А. В., Новиков П. А., Хипхенов Г. И. «Я с броневиком иду в наступление…» Походные заметки русского офицера Чехословацкого корпуса подполковника Б. Ф. Ушакова. Январь - июнь 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 4 (23). С. 226-267.

офицеров тамбовского происхождения. При этом как минимум двое из них стали жертвами наиболее известных самосудов 1917 г.

Тамбовский дворянин Сергей Михайлович Сыробоярский, служивший в 112-м пехотном Уральском полку, который еще до мировой войны был командирован в распоряжении Главного Морского Штаба, в начале 1917 г. служил поручиком охраны водного района Свеаборгской крепости, наряду с группой других офицеров был убит матросами в марте 1917 г. в Гельсингфорсе[1].

В некоторых источниках упоминается факт убийства солдатами 1 августа 1917 г. офицера тамбовского происхождения капитана Лейб-гвардии Его Величества 1-го стрелкового полка Александра Сергеевича Колобова[2]. Хотя обстоятельства этой трагедии нечетко отразились в источниках того времени, она была типичным прискорбным явлением революционного 1917 г.

Известны случаи, когда офицеры отделывались «легким испугом» от жестких действий солдат. Генерал С.И. Богданович 20 мая 1917 г. как начальник 7-й Сибирской стрелковой дивизии вместе с другими офицерами был арестован солдатами в связи с требованиями объяснения причин, вызвавших смену частей на фронте, а также по обвинению в недостаточной заботе о частях. Арестованные вскоре были освобождены[3].

Одним из ярких примеров косвенного воздействия взрывоопасной (порой в прямом смысле) обстановки внутри армии стал факт того, что в зоне соседства 313-го и 672-го пехотных полков в октябре 1917 г., солдат одного из полков ранил подброшенной гранатой офицера соседнего полка. Мы не знаем фамилии этого офицера, но известно, что в 313-м полку к началу 1917 г. служили пять фигурантов нашей выборки[4].

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 17820. Л. 11; Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква С (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_17-S.pdf. Стр. 881. (дата обращения: 28.07.2025).

[2] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Колобов_Александр_Сергеевич (дата обращения: 28.07.2025).

[3] Революционное движение в русской армии. С. 112

[4] Разложение армии. С. 141.

Вместе с тем, сами офицеры выступали как контрреволюционная сила.

Командующий 38-м армейским корпусом Довбор-Мусницкий 9 июня 1917 г. докладывал командующему 10-й армией Н.М. Киселевскому о пропаганде большевиков среди солдат и требовал от имени офицеров решительной борьбы с ленинской пропагандой[1].

Штабс-ротмистр В.М. Загоскин в 1917 г. находился в составе 14-го гусарского Митавского полка, направленного с фронта на подавление июльского мятежа в Петрограде[2].

В следующем параграфе будет показано, что участие в подобных контрреволюционных акциях 1917 г. было «обычным делом» для офицеров тыловых частей русской армии.

Отметим редкие, но яркие факты, отразившие такое хорошо известное явление, как всплеск контрреволюционных настроений фронтового офицерства в период подготовки «корниловщины», стремление вернуть «старые порядки».

В частности, в протоколе заседания полкового комитета 27-го пехотного Витебского полка от 12 августа 1917 г. рассматривалась жалоба солдат на требования офицеров исполнять воинское приветствие по старому регламенту «Здравия желаю», а не «Здравствуйте», согласно декларации прав солдата-гражданина. Комитет отклонил эти требования и принял решение, что офицеры должны придерживаться новой декларации. Командир полка вынужден был подписать данный документ. На заседании от 18 августа обсуждался поступок капитана Бескадарова (кадровый офицер полка с довоенного времени), который ударил солдата. Комитет решил сообщить комиссару XI-й армии о происшедшем и принять меры по отношению к офицерам и к ограждению солдат от подобных действий[3].

---

[1] Революционное движение в русской армии. С. 128-129.

[2] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Загоскин_Владимир_Михайлович (дата обращения: 21.07.2025).

[3] РГВИА. Ф. 2148. Оп. 5. Д. 1. Л. 297-298.

Существенным изменением в жизни офицеров бывшей императорской армии в самые первые послефевральские дни стало введение выборности командиров.

При этом нужно учитывать, что радикальные революционеры призывали жестко контролировать этот процесс. В.И. Ленин в брошюре «Политические партии России и задачи пролетариата» (май 1917 г.) на вопрос: «Надо ли, чтобы офицеры выбирались солдатами?» дал ответ: «Не только надо выбирать, но каждый шаг офицера и генерала должны проверять особые выборные от солдат»[1].

В исторической литературе наиболее приемлемой считается точка зрения В.И. Миллера о том, что первоначально подлинно солдатские комитеты, потом офицерство, пользуясь низкой сознательностью солдатской массы, попыталось взять комитеты под свой контроль. Наконец, по мере развития революции низовые солдатские комитеты вытеснили офицеров из своего состава[2].

Были выявлены несколько случаев той или иной степени участия в выборном процессе людей изучаемого круга в течение 1917 г.

28 марта 1917 г. после отстранения комитетом офицерских и солдатских депутатов 2-й Кавказской гренадерской дивизии генерала Мехмандарова от командования 2-м Кавказским армейским корпусом новым командиром тем же комитетом был избран комдив В.О. Бенесскул, который, как отмечалось чуть выше, буквально накануне резко осуждал Советы. За такое непоследовательное поведении генерал Бенесскул жестоко поплатился. 31 марта по приказу командующего 10-й армией генерала от инфантерии В.Н. Горбатовского во 2-й Кавказский армейский корпус прибыл генерал для поручений при командарме С.Л. Марков. Встретившись с временно командующим корпусом Бенескулом, Марков резко обрушился на него за

[1] Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. т.12. С. 114.
[2] Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. Возникновение и начальный период деятельности. М.: Наука, 1971. 318 с.

некорректность принятия им корпуса из рук прапорщика Ремнева. 2 апреля Бенескул застрелился[1].

С другой стороны, выявился факт вполне успешной и поддержанной сверху комитетской деятельности командира дивизиона 7-й артиллерийской бригады полковника Владимира Матвеевича Малыхина. Командование Особой армии в апреле 1917 г. высоко отзывалось о деятельности возглавляемого им армейского комитета. Особо отмечалось, что комитет и лично Малыхин умело улаживал конфликты между солдатами и офицерами. При посещении делегацией Государственной Думы самого 2-го дивизиона 7-й артиллерийской бригады было отмечено образцовое оборудование позиций[2]. Так что «в умелых руках» комитетская деятельность способствовала качественному выполнению профессиональных командирских обязанностей.

При этом авторитет В.М. Малыхина держался долго. В октябре 1917 г. бригадный комитет специальным решением признал комитетскую деятельность этого офицера полезной[3].

По-своему интересными являются факты о послереволюционной позиции тамбовского по происхождению поручика В.И. Лунина, который в 1917 г. якобы был избран солдатами командиром эскадрона 5-го Горждинского пограничного полка Северного фронта. Один из участников интернет-форума о декабристах пишет: «Видимо, бунтарский и мятежный дух декабриста Лунина, передавшись по крови, способствовал тому, что потомственный дворянин …Владимир Иоасафович Лунин всем сердцем принял революцию 1917 года»[4].

В противоречивой ситуации оказался офицер тамбовского происхождения капитан Владимир Васильевич Шуваликов, который в 1917 г. сначала был избран от своей 3-й гренадерской артиллерийской бригады

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Бенескул_Владимир_Онуфриевич (дата обращения: 21.07.2025).
[2] 1917 год в документах и материалах. С. 50-52.
[3] РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 989. Ч.2. Л. 575.
[4] Web.archive. // URL: https://web.archive.org/web/20150924023333/http://www.grad-kirsanov.ru/article.php?id=lunin (дата обращения: 21.07.2025).

в дивизионный комитет, но затем не был избран на командную должность в декабре 1917 г. С января 1918 г. он находился в отпуске «по болезни»[1].

Среди выборных командиров оказался и представитель изученной нами группы прапорщиков В.П. Брынцов. Это был явно уважаемый однополчанами офицер. После ранения и возвращения в Витебский 27-й пехотный полк в 1917 г. он был избран командиром роты, а затем и батальона[2].

При изучении полковых журналов 1917 г. как источника для изучения политических событий этого времени мы выделили три проблемных блока.

Во-первых, необходимо понять, как воспринимались в войсках политические новости, приходившие из столицы, как они представлялись солдатам и какую реакцию вызывали у офицерского корпуса.

Во-вторых, интерес вызвала реакция командования на визиты в расположение войск представителей новой власти, депутатов и иных «агитаторов».

В-третьих, следовало оценить масштабы так называемого «разложения армии», выявив факты саботажа и дезертирства.

Первым проявлением надвигающихся перемен стала последняя запись в январско-февральском журнале военных действий 173-го пехотного Каменецкого полка от 28 февраля, где было записано, что вернувшиеся из отпуска офицеры сообщили о революции в Петрограде[3]. Примечательно, что первая запись следующего по хронологии журнала содержит неточность об отречении от престола Государя Императора 1 марта. Информацию предоставили офицеры, приехавшие из отпуска, а далее последовало получение Манифеста 3 марта и принесение новой присяги на верность службе 9 марта 1917 г.[4]

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Шуваликов_Владимир_Васильевич (дата обращения: 21.07.2025).
[2] Великая Отечественная. Комдивы: военный биографический словарь / [Д. А. Цапаев и др.; под общ. ред. В. П. Горемыкина]. М.: Кучково поле, 2014. Т. III. С. 335-337.
[3] РГВИА. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 40. Л. 26 об.
[4] Там же. Д. 41. Л. 1.

Интересно то, что в журнале 174-го пехотного Роменского полка (тоже из Курска) в марте-апреле 1917 г. отсутствуют какие-либо упоминания о политической обстановке в стране и поведении солдат и офицеров в подобных условиях. Журнал заполнялся исходя из боевой составляющей.

3 марта в журнале 25-го пехотного Смоленского полка появилась интересная запись, в которой о революции сообщали немцы (был выставлен плакат), а в полку никаких упоминаний не о революции, ни об отречении, ни о новой присяге речь не велась[1].

В записи журнала 39-го пехотного Томского полка, датированной 3 марта 1917 г., было отмечено: «Газеты не получили, настроение тревожное. Вечером получен приказ о новом правительстве и о назначении Николая Николаевича на должность Верховного главнокомандующего»[2].

На следующий день 4 марта в 27-м пехотном Витебском полку состоялось прочтение всем солдатам полученных манифестов об отречении императора Николая II от престола и об отказе от престола Великого князя Михаила Александровича, впредь до решения Учредительного Собрания[3], а полковой адъютант Томского полка в этот же день записал «Большую сенсацию произвел манифест об отречении Государя императора»[4]. При этом, в журналах 28-го и 40-го полков, подобного рода упоминания отсутствуют.

13 марта 1917 г. заведующий военно-исторической частью 27-го пехотного Витебского полка отмечал: «среди офицеров и солдат поддерживается живой интерес к вестям, идущим изнутри государства. В полку постоянно получаются обращения, разъяснения и разные приказы Временного правительства и его отдельных членов»[5].

Присяга новому строю в 26-м Могилевском полку была осуществлена только 17 марта, во время которой имел место интересный случай: «Некоторые команды явились с красными флагами, но по просьбе командира

[1] РГВИА. Ф. 2639. Оп. 1. Д. 286. Л. 2 об.
[2] Там же. Ф. 2653. Оп. 2. Д. 244. Л. 2 об.
[3] Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 161. Л. 1.
[4] Там же. Ф. 2653. Оп. 2. Д. 244. Л. 3.
[5] Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 161. Л. 1 об.-2.

полка, ввиду присутствия государственного знамени и торжественности момента, флаги были опущены»[1].

Как мы уже писали, наглядным проявлением изменений, произошедших в жизни государства и армии, стал процесс формирования офицерских и солдатских комитетов и других выборных организаций. Этот процесс отразился и в полковых журналах.

В записи от 27 марта 1917 г. в 27-м полку говорится «о повышенном внимании со стороны офицеров и солдат к организации ротных и командных собраний, а также полковых и дивизионных комитетов»[2].

29 марта в 40-м полку прошли выборы делегатов[3]. 4 июня у штаба 39-го Томского полка было собрание офицеров, по избранию выборщиков в полевой суд[4].

16 мая в 173-м Каменецком полку состоялся митинг солдат и офицеров, на котором обсуждался вопрос войны и мира и была составлена резолюция из 8 пунктов, конечной целью которой было: «предоставить право солдатскому и офицерскому комитетам выбрать делегатов для посылки к Военному Министру Керенскому в город Ригу для передачи настоящей резолюции»[5].

16 июня в 27-м Витебском полку состоялось собрание офицеров, на котором было принято решение создать особый офицерский комитет, которому, между прочим, было поручено разбирать дела, подведомственные суду чести мирного времени. 17 июня 1917 г. на общем офицерском собрании 27-го полка был заслушан новый приказ по Военному ведомству о преимуществах офицеров[6].

В 174-м Роменском полку в упоминаниях с 1 по 15 июля сообщалось, что в свободное время осуществляется чтение газет, митинги, собрания и всякого рода выборы в армейские организации: «Свобода и декларация прав

---

[1] РГВИА. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 147. Л. 11 об.
[2] Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 161. Л. 2 об.
[3] Там же. Ф. 2654. Оп. 2. Д. 165. Л. 8 об.
[4] Там же. Ф. 2653. Оп. 2. Д. 245. Л. 5 об.
[5] Там же. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 42. Л. 3-6.
[6] Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 162. Л. 2 об.

солдат породила массу всякого рода кривотолков и недоразумений, на улаживание каковых и была направлена работа полкового комитета и командного состава…»[1].

Особый интерес представляют документы периода так называемого «Корниловского мятежа». 29 августа 1917 г. в журнале 27-го полка было отмечено: «…получена телеграмма от комиссара XI армии Чикотило о неисполнении приказов бывшего Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова, как открыто восставшего против Временного Правительства». 31 августа в журнале того же полка записано «С нетерпением ожидаем развязки конфликта между бывшим Верховным Главнокомандующим и Временным Правительством, приходящие телеграммы от комиссара XI армии не дают определенных сведений»[2].

30 августа 1917 г. на страницах журнала 39-го Томского полка появилась запись о проведении офицерского собрания, на котором «Обсуждались вопросы о предстоящем полковом празднике и о представлении офицерам права к зачету выслугу эвакуации»[3].

Таким образом, по первому блоку проблем, реакция на революционные события, картина, которую иллюстрируют полковые журналы, выглядит неоднозначно. В документах 27-го и 173-го полка встречается достаточное количество фактов и упоминаний о новостях и отношении к ним. На страницах журналов 26-го, 39-го и 174-го полка содержится близкая по смыслу информация, но в более сухой интерпретации. Полковые журналы 25-го, 28-го и 40-го полков вообще не освещали данные проблемы.

Февральская революция «открыла дорогу» в войска для представителей различных политических взглядов и настроений. Проблема вмешательства гражданских лиц в военные дела всегда вызывала раздражение кадрового

[1] РГВИА. Ф. 2788. Оп. 1. Д. 62. Л. 1 об.
[2] Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 163. Л. 9.
[3] Там же. Ф. 2653. Оп. 2. Д. 246. Л. 45.

офицерства, но в революционных условиях действовать командному составу войск приходилось тонко.

В материалах полковых журналов нам встретилось заметное количество сведений о визитах делегаций всевозможного уровня в расположение войск и ни одного факта противодействия таковым.

В качестве типичного примера можно назвать визит в 7-ю дивизию прибывших от Временного Правительства членов Государственной Думы Маслянникова и Шмякова[1], отмеченный в журнале 27-го Витебского полка. Кстати, в журнале 28-го Полоцкого полка, входившего в ту же дивизию, данный факт не был отражен.

Журнал 39-го полка за 6 июня сообщал: «Приехали депутаты рабочих от Петроградского комитета. Прибыло 4 рабочих и одна работница. Встретили их музыкой и направились к месту собрания. К концу собрания приехал начальник дивизии и начальник штаба. В 8 часов вечера собрание было закончено и устроили митинг. После митинга с музыкой направились к штабу полка, где был устроен ужин»[2].

Как видно из этих фактов, и представители Временного Правительства, и сторонники Советов, стремились оказаться на фронте, с целью донесения до людей, продолжающих вести войну, новых идеалов и убеждений. Их могли воспринимать по-разному с точки зрения понимания политических программ, обещаний и просто личного отношения, но так или иначе, возможность общения с солдатами и офицерами, по данным наших источников, командованием не пресекалась.

Особое внимание занимает проблема развала в войсках, которая после издания Приказа №1, упраздняющего принцип единоначалия в армии, стала набирать обороты. Тем не менее, в материалах наших журналов, встречающиеся факты неподчинения, отчасти саботажа, не создают картину

[1] РГВИА. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 161. Л. 3 об.
[2] Там же. Ф. 2653. Оп. 2. Д. 245. Л. 7-7 об.

вселенской катастрофы, как некоторые современники, а за ними и отдельные историки ее представляли.

2 апреля на Пасху шло братание солдат 25-го Смоленского полка с австрийцами, а к вечеру, по приказанию начальника дивизии, было прекращено. На следующий день, попытки обеих сторон сойтись на нейтральной полосе были пресечены артиллерийским огнем, который был открыт по приказанию начальника дивизии[1].

Аналогичной можно считать данные записи, сделанной в журнале 28-го Полоцкого полка: «По случаю праздника Святого Христова Воскресенья австрийцы, и наши солдаты выходили за проволочные заграждения и мирно беседовали между собой»[2]. Стоит отметить, что в данном полку не упоминались действия со стороны командования в подобной ситуации.

О случаях массового дезертирства и противодействия оному со стороны офицерского корпуса в журналах информации не оказалось. Можно привести только единственный факт, отмеченный 9 сентября в 40-м Колыванском полку, о том, что один солдат самовольно отлучился[3].

В журнале 234-го пехотного Богучарского полка 2-го марта 1917-го года запечатлен был интересный момент, который сразу подпадает под несколько критериев, выделенных в работе. В этот день по случаю годовщины командования полком полковника Грейера офицерами полка был устроен общий обед в офицерском собрании. Речей и тостов, во исполнение желания командира полка, произнесено не было[4]. С чем это было связано доподлинно неизвестно, однако можно предположить, что в полку было известно, хотя бы на уровне слухов, о беспорядках в Петрограде.

В журнальной записи 236-го пехотного Борисоглебского полка от 5 марта 1917 г. отмечалось, что в этот день батальоны и команды были построены у полковой церкви, где командир полка прочел «великие акты»,

[1] РГВИА. Ф. 2639. Оп. 1. Д. 286. Л. 24-25 об.
[2] Там же. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 169. Л. 7 об.
[3] Там же. Ф. 2654. Оп. 2. Д. 168. Л. 3.
[4] Там же. Ф. 2847 Оп. 1. Д. 65. Л. 2.

объяснил их, призывая солдат и офицеров к спокойному отношению к происходящим событиям и сохранению дисциплины, как офицеры, так и солдаты выслушали акты спокойно и с полным осознанием. Заметную роль в данном мероприятии сыграли кадровые офицеры нашей выборки. Во втором батальоне «великие акты» были объявлены командиром батальона капитаном К.С. Заневским, в учебной команде – полковником Э.А. Сидоровичем, в обозе II-го разряда начальником хозяйственной части штабс-капитаном С.Я. Петровым[1].

Революционные мероприятия в полку продолжались и в последующие месяцы 1917 года. Так, 4 мая вновь был организован митинг в расположении 2-го батальона. Командир полка, открывая митинг, призывал солдат исполнить приказание, последующие ораторы, как офицеры, так и солдаты также призывали к немедленному выступлению, но никакие убеждения не подействовали. Тем не менее, общими усилиями командного состава всех уровней выступление началось 7 мая[2].

Журналы военных действий изученных нами полков 7-й, 10-й, 44-й, 59-й, 61-й и 79-й пехотных дивизий периода 1917 г. отразили не только революционные, но и обычные проявления небоевой жизни офицеров.

Особо хотелось бы сказать, что в этих источниках практически отсутствовали примеры «неподобающих» взаимоотношений солдат и офицеров, о которых много говорилось в других документах революционного времени. Напротив, в журналах описывалось традиционное проведение религиозных, а также досуговых мероприятий, таких как просмотр фильмов или постановка спектаклей.

В нескольких журналах было зафиксировано обычное, не измененное революционными событиями празднование Пасхи 1917 г. В журнале 26-го Могилевского полка сообщалось о праздновании Пасхи, по случаю праздника

[1] РГВИА. Ф. 2849. Оп. 1. Д. 69. Л. 1-1 об.
[2] Там же. Д. 70. Л. 2 об.

полк отдыхал[1]. Аналогичная запись имеется в журнале 174-го пехотного Роменского полка[2]. В документе 236-го полка было записано, что в полковой церкви полковым священником была отслужена пасхальная заутреня и литургия, по окончанию литургии командир полка поздравлял офицеров и солдат с Великим праздником[3]. В журнале 233-го пехотного полка от 2 апреля зафиксировано, что после утрени командир полка с полковым священником обходили землянки 4-го батальона и всех команд. В 10 часов были собраны фельдфебели и выборные полкового совета, а командир полка с ними христосовался. А в 14 часов на плацу у местной церкви было устроено народное гуляние, на котором принимали участие солдаты и офицеры[4].

Заметим, что фактов братания, подчеркивающих примеры разложения войск, в данных частях не отмечено.

В 173-м Каменецком полку в конце мая – начале июня 1917 года ежедневно проводились вечерние богослужения[5].

Полковой режим 173-го Каменецкого полка в мае-июне 1917 года подразумевал для каждой роты согласно графику после ежедневных упражнений и ужина с чаем – футбол и легкую атлетику в спортивных кружках. В отдельные дни проводились матчи между сборными командами, во время которых играл музыкальный оркестр[6].

С 23 июня в 173-м полку начались занятия по повышению грамотности личного состава и была открыта полковая школа, под руководством офицеров[7].

Летом 1917 года по окончании тяжелых боев 26-й Могилевский полк был переведен в резерв, после нескольких дней отдыха и приведения солдат

[1] РГВИА. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 147. Л. 14 об.
[2] Там же. Ф. 2788. Оп. 1. Д. 60. Л. 2.
[3] Там же. Ф. 2849. Оп. 1. Д. 69. Л. 4.
[4] Там же. Ф. 2846. Оп. 1. Д. 123. Л.4.
[5] Там же. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 42. Л. 9 об.-11 об.
[6] Там же. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 42. Л. 7, 9, 9 об., 11.
[7] Там же. Л. 14 об.-15.

себя в порядок, 6 августа, в подразделении были организованы игры, развлечения и состязания с призами[1].

В качестве примеров, можно привести запись, сделанную в 27-м полку от 20 августа: «Культурно-просветительной комиссией было устроено развлечение в виде «музыкально-вокально-драматического вечера» при участии солдат и офицеров полка»[2] или 27 августа в 39-м полку: «У кирпичного завода для солдат играет музыка»[3].

Судя по записям полковых журналов, в 1917 г. сохранялось нормальное стремление командиров к поддержанию бытового порядка. Так, в последнем из доступных журналов 233-го полка за 1917-й год, зафиксирована информация о том, как командир полка собрал всех командиров рот и батальонов, команд, приказал навести порядок, соблюдать чистоту в помещениях. Более того, участок полка был осмотрен санитарной комиссией, с целью поиска мест для прачечной и бани[4].

Из наиболее необычных, нечастых явлений важно отметить, что в списке 234-го полка в конце сентября 1917 г. полку была поставлена прививка против тифа, из-за которой некоторые люди находились в болезненном состоянии и были освобождены от работ на три дня[5].

Вместе с тем полковые журналы отразили и особые проявления небоевой повседневности полков, порожденные обстоятельствами революционного времени. В частности, эти проявления были связаны с решением проблемы обветшания солдатского обмундирования. В апреле 1917 г. командир 234-го Богучарского полка позволял себе объяснять ситуацию тем, что требование на новое обмундирование давно послано, но оно ещё не получено, т.к. «правительство старого режима своим неумелым

[1] РГВИА. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 149. Л. 14 об.
[2] Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 163. Л. 8, 8 об.
[3] Там же. Ф. 2653. Оп. 2. Д. 246. Л. 44.
[4] Там же. Ф. 2846. Оп. 1. Д. 125. Л. 5.
[5] Там же. Ф. 2847. Оп. 1. Д. 68. Л. 13-14.

хозяйничаньем довело страну до полной дезорганизации во всех отношениях, в том числе и в отношении снабжения армии»[1].

А вот в июле начальник хозяйственной части полка доносил командиру, что на соседней с полком железнодорожной станции большое число вещей полка было разграблено и сожжено, в том числе и все офицерские вещи[2]. Другими словами, офицеры полка стали жертвами разгула стихии смутного времени.

Небоевая жизнь фронтовых полков отразилась и в комитетских протоколах.

В частности, сохранился протокол заседания полкового комитета 27-го пехотного Витебского полка от 18 сентября 1917 г. с немалым перечнем вопросов хозяйственного значения. Этот документ подписал фигурант нашей базы данных полковник Щербаков[3].

Широкий спектр вопросов не только хозяйственного, но и политического характера отразился в протоколе заседания полковых комитетов 10-й пехотной дивизии от 25 сентября 1917 г. Особый интерес для нашей темы представляет выступление поручика 39-го Томского полка Осеева, который помимо хозяйственных вопросов (проблемы обмундирования, питания и жилья), затрагивал вопросы культурно-просветительской работы, чистки командного состава и возможного заключения мира. В протоколе также шла речь о сложных взаимоотношениях между солдатами и офицерами, среди которых наверняка были представители наших выборок[4].

Фронтовым офицерам приходилось решать вопросы, говоря современным языком, гуманитарного характера. Так, 12 августа 1917 г. на заседании полкового комитета 27-го Витебского пехотного полка рассматривалось обращение матери прапорщика Битюка (из нашей базы

[1] РГВИА. Ф. 2847. Оп. 1. Д. 65. Л. 11.
[2] Там же. Д. 67. Л. 7-8.
[3] Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 986 ч.1. Л. 385.
[4] Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 986. Л. 504 об.

данных), погибшего еще в 1916 г., об оказании ей единовременной помощи. Комитет постановил передать это прошение в общество офицеров. Мы не знаем, какое решение вынесло офицерское собрание, но отмечаем, что командир полка Щербаков не оставил вопрос без внимания и подписал указанное решение[1].

В фондах ряда изученных полков выявились документы о выборах в Учредительное Собрание. Они, во-первых, позволили установить факты продолжения службы офицерами наших выборок. Во-вторых, пусть и косвенно определить политические позиции представителей изученного круга лиц.

Так, в списках избирателей 234-го Богучарского полка упомянуты представители выборки кадровых офицеров штабс-капитан Зубакин и исполняющий обязанности командира полка подполковник В.И. Фесенко. При этом в составе полковой комиссии по выборам не оказалось ни одного офицера из этой выборки[2]. Фесенко, судя по всему, вынужден был подписать протокол комиссии.

12 октября 1917 г. фигурант нашей базы данных кадровых офицеров полковник Н.С. Беляев как командир дивизии утвердил протокол заседания полковых и дивизионного комитетов, которое отвергло резолюцию комитета 5-й армии с просьбой к ВЦИК перенести «съезд Советов раб., кр., сол. деп.» ко времени открытия Учредительного собрания. Собрание комитетов 70-й дивизии решило: «Вся власть в руки съезда до Учредительного собрания. Причем собрание комитетов выражает полную уверенность, что Всероссийский съезд своей первой основной задачей видит созыв Учредительного собрания и оградит его от посягательства с какой бы то ни было стороны»[3]. Видимо, на утверждение такого документа его вынудило общее состояние дел в дивизии в тот момент времени. Генерал-лейтенант А.П.

[1] РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 1. Л. 299.
[2] Там же. Ф. 2085. Оп. 6. Д. 312. Л. 2, 20 об.
[3] Революционное движение в русской армии. С. 487-488.

Будберг, командующий 14-м армейским корпусом в одной из записей своего дневника октября 1917 г. упомянул начальника 70-й дивизии Н.С. Беляева как командира, у которого создавалось безысходное и ничем непоправимое положение на Северном фронте[1].

В протоколе крестьянского совета 27-го пехотного Витебского полка от 5 ноября 1917 г. было поддержано решение о выборе делегатов на крестьянский съезд советов в Петроград, что означало поддержку Советской власти. Документ был утвержден подполковником В.А. Моисеенко[2]. Действия данного штаб-офицера могли носить вынужденный характер. Во всяком случае у нас нет данных, подтверждающих его несогласие с этим решением, равно как и других офицеров полка.

Сохранились отрывочные сведения о последних месяцах истории полков бывшей императорской армии, где предположительно продолжали служить офицеры изучаемых нами баз данных. Целый ряд фактов такого рода описал в своей истории Гражданской войны А.И. Анишев.

Так, он привел документ о том, что 15 января 1918 г. пехота и артиллерия 10-й армии ушли в тыл. Получается, что кавалерия осталась на позициях[3]. Во 2-м уланском Курляндском полку этой армии служил полковник Георгий Александрович фон-Крит.

Известен факт о том, что сопротивление германским войскам под Псковом в феврале 1918 г. оказали некоторые Сибирские части 12-й армии[4]. В 14-й Сибирской стрелковой дивизии как минимум до конца 1917 г. служил поручик Павел Иоасафович Феофилов.

В упоминаниях о последних боях 14-й пехотной дивизии сообщалось, что солдаты отказываются идти в заставы, идут только офицеры и комитетчики[5]. Об этих событиях не мог не знать, служивший в то время в штабе дивизии капитан Георгий Тимофеевич Командовский.

---

[1] Дневник Барона Алексея Будберга. 1917 год // АРР. Т. 12. С. 201-210.
[2] РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 989. Ч. 2. Л. 688.
[3] Анишев А. И. Очерки истории Гражданской войны 1917-1920. Л.: Гос. изд-во, 1925. С. 102.
[4] Там же. С. 109.
[5] Разложение армии... С. 365.

Наиболее интересными для нашей темы оказались факты последнего этапа истории 27-го Витебского пехотного полка, где продолжала служить часть довоенных кадровых офицеров. В декабре 1917 г. полк был направлен в Старо-Константинов для изгнания украинских отрядов, но был окружен ими. После переговоров личный состав полка постановил: в борьбу ни с кем не вступать, сдать оружие и своим эшелоном отправился в Тамбов[1].

В газетных сведениях о периоде 1-16 февраля 1918 г. сообщалось, что комиссар того же полка послал делегацию в штаб МВО в связи с расформированием полка. Был получен ответ о реорганизации полка на началах Красной Армии как крупной боевой единицы, имеющей славное боевое прошлое[2].

Отметим, что в 1917 г. в полку продолжало служить минимум 12 офицеров из довоенного кадра. По известным нам данным, никто из них не оказался в Красной Армии. Вопрос о причинах и мотивах выбора дальнейшего пути всех изученных нами групп офицеров мы специально рассмотрим в отдельном параграфе, а данный раздел завершим утверждением того, что значительная часть офицеров изученных нами групп в 1917 г. продолжала находится на фронте и исполнять профессиональные обязанности.

Материалы параграфа позволили конкретизировать представленные ранее количественные показатели фронтовой повседневности последнего года войны. Особо выделены специфические черты фронтовой обстановки 1917 г. (визиты на фронт различных делегаций, частые отказы солдат выполнять боевые приказы командиров, братания с врагом вопреки требованиям офицеров, отдельные случаи самосудов и издевательств солдат над командирами и даже изгнания некоторых командиров из армии). Их фронтовая жизнь, как и в предыдущие годы войны, продолжала требовать от них профессионализма и отваги. Выявленные многочисленные факты говорят

[1] Гражданская война: материалы по истории Красной Армии/ [РСФСР], Комис. по исслед. и использованию опыта Мировой и Гражданской войны. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. Т. 2. С. 140.
[2] Известия Тамбовского губ. Совета раб., солд. и кр. депутатов. 1918. 3 марта.

о грамотных и нередко героических действиях десятков известных нам офицеров. В 1917 г. повседневная жизнь офицеров фронта была наполнена участием не только в сражениях, но и в небоевых мероприятиях. Другое дело, что эти мероприятия несли на себе отпечатки революционного времени.

Выявленные факты говорят о широте формального признания фронтовыми частями и их офицерами Февральской революции и Временного правительства. Вместе с тем установлены немногочисленные факты участия офицеров фронта в общественно-политических организациях (комитетах), в революционных и контрреволюционных акциях.

Избрание нескольких офицеров командирами полков по решению солдатских комитетов было связано не столько с политикой, сколько с признанием солдатами достойных командирских качеств этих офицеров, а, главное, их уважительного отношения к солдатам.

3.3. Положение тылового офицерства в 1917 – начале 1918 гг.

Столь «нейтральное» название параграфа связано со стремлением уйти от описания службы и жизни офицеров тыла только в зависимости от бурных общественно-политических событий 1917 г., хотя понятно, что выделить офицерскую службу в тылу «в чистом виде» в таких исторических условиях практически невозможно.

Поэтому мы постарались в первую очередь обратить внимание на немногочисленные, даже косвенные, свидетельства о служебной деятельности офицеров изученных нами групп.

Как уже было отмечено, далеко не все офицеры тыла в 1917 – начале 1918 гг. оставались вдали от войны. Часть из них отправлялась на фронт и становилась комбатантами, другие возвращались с фронта в тыл. Да и продолжившие весь период службу в тылу занимались соответствующими военными делами, за успешное их выполнение получали новые чины и звания.

Даже многие раненые и больные офицеры продолжали числиться за своими воинскими частями.

Среди малочисленных описаний службы в тылу мы выявили воспоминания корнета Г.А. Римского-Корсакова, который в марте 1917 г. после отпуска в Петроград вернулся на службу в 6-й запасной кавалерийский полк, дислоцировавшийся в Борисоглебске. Нас особо заинтересовала фраза о том, что «тоскливая служба продолжалась своим чередом»[1].

В документах о Тамбове 1917 г. сохранились свидетельства о разгульном поведении офицеров тыловых частей, особенно так называемых «ударников», располагавшихся в городе.

Некоторые советские мемуаристы пытались представить «ударников» как обычных мародеров. С.В. Евгенов в своих воспоминаниях, в частности, сообщал о том, что «ударники» сбывали в офицерскую комиссионку (о ней речь дальше) вещи, прихваченные при защите помещичьего имущества[2]. О мародерстве «ударников» при выездах в охраняемые барские усадьбы писал и другой мемуарист-большевик Ф.А. Новоженов[3].

Возможно, советские деятели могли «приукрашивать» недостойные поступки бывших царских офицеров, но сохранились и свидетельства простых обывателей. Снимавшая квартиру в доме торговцев Фокиных С.М. Гинзбург в марте 1918 г. написала в судебно-следственную комиссию Тамбовского городского совета письмо, в котором жаловалась советским властям на грабеж и произвол офицеров-ударников по отношению к обитателям ее квартиры. Она сообщала городским властям: «Тамбовская Городская управа осенью 1917 г. заарендовала в моей квартире две комнаты для канцелярии стоявшего в Тамбове ударного батальона. Стояли у меня свыше 4-х месяцев. Первые две недели помещение действительно носило характер канцелярии …После двух-трех недель картина изменилась. Канцелярия обратилась в форменную

[1] «В Петрограде революция! Поздравляю, господа!..» Из воспоминаний Г.А.РИМСКОГО-КОРСАКОВА. // Россия 1917 года в эго-документах. Воспоминания / [авт.-сост.: Н. В. Суржикова (науч. ред.) и др.]. М.: РОССПЭН, 2015. С. 115-126.
[2] За власть Советов (Тамбов). С. 5.
[3] Государственный архив Тамбовской области (далее - ГАТО). Ф. Р-1809. Оп. 1. Д. 1769. Л. 20.

казарму, где сходилось до 50 и более ударников, производивших в пьяном виде шум и разрушавших квартиру и мое имущество. Дело доходило до того, что они шашками рубили двери, окна, столы, стулья, из озорства стреляли в стены, потолки, кафельные печи»[1].

Одним из источников о довоенных офицерах, находившихся в тылу в 1917 г., могут послужить списки избирателей в Учредительное Собрание. В частности, в таких списках по Тамбову числилось 14 оставшихся в городе офицеров предвоенного гарнизона. Но точно установить их службу в тылу или пребывание в отставке почти невозможно. Так, о Н.Н. Радецком, служившем в 1914 г. в Тамбове капитаном 7-й артиллерийской бригады, известно, что в начале 1917 г. он в чине полковника в составе 10-го мортирного артиллерийского дивизиона находился на фронте[2]. Судя по упоминанию в избирательных списках по городу Тамбову, в сентябре уже жил дома[3]. Но продолжал ли он служить неизвестно.

Непонятным образом в Тамбове осенью 1917 г. в числе избирателей оказался капитан И.И. Великопольский[4]. До мировой войны он служил в 25-м Смоленском полку в Воронеже. Туда же был эвакуирован в 1914 г. с фронта по болезни[5]. Поточнее можно сказать о штабс-капитане В.А. Прелове, который в 1917 г. числился в 60-м запасном пехотном полку. Судя по характеру ранения и определения врачебной комиссией, он мог продолжать службу в тылу[6].

М.Е. Пржелуцкий, служивший в Тамбове командиром 28-го пехотного Полоцкого полка, в годы мировой войны командовал своим полком на фронте. Затем он стал начальником 17-й пехотной запасной бригады, дислоцированной в Перми. Челябинский историк В.И. Романов назвал Пржелуцкого в числе первых арестованных в мартовские дни на Урале

[1] Мещеряков Ю. В. Указ. соч. С. 40.
[2] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Радецкий_Николай_Николаевич (дата обращения: 21.07.2025).
[3] ГАТО. Ф. 17. Оп. 45. Д. 547. Л. 142.
[4] Там же. Д. 540. Л. 25.
[5] РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Ящик. 4688-А.
[6] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11457. Л. 4 об.-5.

воинских начальников[1]. Но, видимо, генерал недолго побыл в роли «жертвы» Февральской революции. В апреле 1917 г. он был назначен в резерв чинов при штабе Казанского военного округа[2].

Среди фактов жизни тыловых офицеров в 1917 г., особо бросившихся в глаза, мы выделили заметное число свидетельств о прохождении службы в запасных полках представителей известных тамбовских родов.

В 1917 г. продолжал службу в 60-м запасном полку уже упомянутый ранее А.В. Давыдов, а его родной брат Ю.В. Давыдов в это время стал Тамбовским губернским комиссаром Временного правительства.

В Борисоглебске, вероятно, продолжали службу также упоминавшиеся «знатные дети» С.А. Долгов и П.И. Каверин[3].

Служивший в 1917 г. в 204-запасном полку в Тамбове прапорщик Н.С. Крупенников, вероятно, был сыном крупного купца и землевладельца Сергея Николаевича Крупенникова[4]. Прапорщику того же полка А.И. Озерову уже после революции советские власти припомнили то, что был сыном «знаменитого тамбовского черносотенца и палача»[5]. Судя по такой характеристике, отец был влиятельной фигурой и во время мировой войны мог «пристроить» сына на службу в тылу.

Среди офицеров 61-го запасного полка, стоявшего в Тамбове, мы обратили внимание на прапорщика С.И. Желтова. Судя по месту рождения в слободе Белая Поляна (часть торгово-промышленного села Рассказово Тамбовской губернии), он являлся представителем семьи крупных рассказовских фабрикантов Желтовых[6].

В 65-м запасном пехотном полку в Моршанске служили представители известных дворянских родов Писаревых и Лихаревых[7].

---

[1] Романов В. И. Армейские гарнизоны Урала в революционных событиях первой половины 1917 года // Вестник Челябинского университета. 2007. № 11. С.61.
[2] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php/Пржилуцкий_Митрофан_Емельянович (дата обращения: 21.07.2025).
[3] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1108. Л. 49 об.-50, 51 об.-52.
[4] Тамбовские губернские ведомости. 1910. 24 марта.
[5] Тамбовская правда. 1929. 6 ноября.
[6] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11458. Л. 11 об.-12.
[7] Там же. Д. 9474. Л. 1 об.-2, 26 об.-27.

В расположенном также в Моршанске 207-м запасном полку в 1917 г. проходил службу прапорщик Г.И. Придорогин, представитель известного рода крупных козловских торговцев[1].

Мы не ставили перед собой задачу изучать родословные большого числа офицеров, носивших известные фамилии. Полагаем, что приведенных фактов достаточно для подтверждения указанного ранее явления «отсиживания» некоторых офицеров в тылу и в 1917 г.

Интересным явлением тыловой жизни 1917 года мы посчитали присутствие среди действующих и находящихся в отставке офицеров лиц с немецкими фамилиями. Из представителей нашей базы данных кадровых офицеров в этой группе оказалось два человека: вышедших в годы мировой войны в отставку. Бывший штаб-офицер 7-й артиллерийской бригады Н.К. Шпейер[2] и подполковник 28-го пехотного Полоцкого полка М.А. Вэльке[3]. Кроме них в Тамбове осенью 1917 г. проживали еще семь офицеров с немецкими фамилиями.

Сам факт того, что на четвертом году войны с Германией и Австро-Венгрией и в период массовой травли «немецких шпионов», они оставались жить в типичном великорусском городе и даже служить в российской армии, говорит о толерантном отношении к ним и простых горожан, и официальных властей, и, скорее всего, большинства солдат.

На фоне скудных упоминаний о военной тыловой службе офицеров весьма обширным выглядит материал о влиянии на них революционных процессов в стране, от которых они не могли уклониться.

Практически все гарнизоны Воронежской, Курской и Тамбовской губерний в марте 1917 г. приняли участие в мероприятиях по случаю «праздника революции». Эти мероприятия просто не могли бы состояться без

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 9491. Л. 24 об.-25.
[2] ГАТО. Ф. 17. Оп. 45. Д. 547. Л. 190.
[3] Там же. Д. 543. Л. 180.

одобрения военного руководства. О безоговорочной поддержке Временному правительству объявляли офицерские собрания.

События в Тамбовском гарнизоне получили сравнительно широкое освещение в «Бюллетене Тамбовского городского исполнительного комитета о возникновении и деятельности комитета» № 1 от 14 марта 1917 г.[1] В документе сообщалось, что 3 марта в здание городской управы стали обращаться представители военного ведомства – одни от себя лично, другие в качестве представителей от отдельных войсковых частей, предлагали к услугам комитета находящиеся в их распоряжении воинские части. Вечером комитет пригласил весь офицерский состав местного гарнизона, в числе нескольких сот человек, в здание управы для совместного с комитетом выяснения отношения гарнизона к происходящим событиям. С большой степенью вероятности можно утверждать, что среди них были члены нашей когорты, которых на начало 1917 г. служило в Тамбове около 20 чел. Комитет предложил начальнику гарнизона генералу Рындину дать ответ на вопрос: «Признает ли он новое правительство и обязуется ли исполнять все его распоряжения?». Начальник гарнизона, видя явное и полное сочувствие всего офицерского состава новому правительству, ответил на поставленный ему комитетом вопрос в положительной форме, обязавшись издать о том немедленно приказ по гарнизону. Был составлен в письменной форме особый акт за подписью Рындина, начальников отдельных частей и членов комитета.

В тот же вечер, по сообщению командира по строевой части 7-го запасного кавалерийского полка Тамбовскому губернскому комиссару Временного правительства Ю.В. Давыдову, «до вверенного мне полка стали доходить глухие слухи о совершившемся в Петрограде великом перевороте». В целях выяснения отношения офицеров полка к текущим событиям им 4 марта было назначено экстренное общее собрание, на котором оказалось, что все офицеры без всякого колебания единогласно изъявили желание встать на

[1] Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (далее – ГАСПИТО). Фонд периодических изданий научно-справочной библиотеки. Листовки. 1917-1947 гг. Л. 1-1 об.

сторону народа и отдать себя в распоряжение Временного правительства[1]. К сожалению, подпись командира выглядит неразборчиво. Но можно предположить, что это был один из офицеров, продолжавших служить в полку с 1914 г. Таковых в конце 1916 г. на службе в Тамбове находилось как минимум 16 человек.

В Кирсанове Тамбовской губернии в 3-м запасном кавалерийском полку уже 4 марта «г.г. офицеры без всякого колебания единогласно изъявили желание встать на сторону народа и отдать себя в распоряжение Временного правительства»[2]. В это время в полку продолжало служить 10 офицеров довоенного кадра.

4 марта 1917 г. на заседание Лебедянской городской думы, принявшей резолюцию в поддержку Временного правительства, присутствовал командир 213-го запасного полка М.Е. Кибаленко (до войны служил в Тамбове в 27-м пехотном Витебском полку). Затруднительно судить, насколько искренне офицер поддержал это решение. Во всяком случае, он хотя бы пришёл на важное собрание общественности[3].

5 марта на Красной площади Курска прошел парад местных воинских частей, который возглавил начальник гарнизона генерал-майор М.Н. Щеголев (до 1914 г. был командиром 174-го пехотного Роменского полка)[4].

Курские газеты в начале марта 1917 г. сообщали, что начальник гарнизона вошел в состав местного общественного Временного исполкома. Он поддержал новую власть, способствуя устранению от управления в городе и губернии чинов полиции и одиозных деятелей старой местной администрации, поддержанию общественного порядка (организация патрулирования на улицах, установление караулов у общественных и правительственных учреждений)[5]. Судя по всему, Щеголев долгое время сохранял доверие со

[1] ГАСПИТО. Ф. П-382. Оп. 1. Д. 84. Л. 3, 4. Незаверенная машинописная копия.
[2] ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 21. Л. 8.
[3] См. Жизнь тамбовской провинции. С. 41-42.
[4] Борьба за установление Советской власти в Курской губернии. Сб. документов и материалов. Курск: Облиздат, 1957. С. 3-7.
[5] Известия исполнительного комитета Курской городской думы. 1917. 5 марта; Курский край. 1917. 8 марта.

стороны Временного революционного исполнительного комитета и оставался в должности начальника гарнизона до сентября 1917 г.[1]

5 марта в Боброве Воронежской губернии, где располагался 4-й запасной кавалерийский полк, ротмистр П.И. Снитко был вынужден, наряду с другими офицерами полка, по требованию солдат, освободить арестованных товарищей и объявить о произошедшем революционном перевороте. Другими словами, формально признать Февральскую революцию. В этот же день солдаты отстранили от должности командира полка Ф.И. Лена и избрали на его место популярного полковника В.А. Усова[2].

История в этом полку получила интересное продолжение, когда 4 апреля солдаты выразили доверие командиру бригады Врангелю за «сознательно индифферентное отношение к революционным событиям …выжидательное положение на случай возможного подавления восставших масс»[3]. Этот командир не входил в нашу базу данных. Но в этом полку в 1917 г. служили примерно 15 офицеров из изученного нами круга лиц. Вряд ли резолюция такого рода могла быть составлена без участия этих офицеров. По меньшей мере они о ней знали и, вероятнее всего, поддерживали её.

Эйфорические настроения солдат и офицеров весны 1917 г. отразились в протоколе собрания солдат Тамбовского гарнизона № 1 от 25 марта 1917 г. В протоколе собрания среди выступавших в числе первых отмечен прапорщик 60-го запасного пехотного полка А.И. Леонов. В тот момент он, занимая явно революционные позиции, доложил о московских военных организациях (ротных и полковых комитетах, Советах солдатских депутатов). Особо отметим строки протокола о том, что солдатами доклад «был внимательно выслушан и вызвал живой интерес»[4].

---

[1] Курская губерния в годы Первой мировой войны: Сборник документов и материалов [Текст] / ред. кол.: В.Л. Богданов (гл. ред.) [и др.]. Курск: ИП Афанасьева Е.А., 2018. С. 414.
[2] Лавыгин Б. М. 1917 год в Воронежской губернии. Воронеж: Истпартотдел Воронежского Губкома ВКП(б), 1928. С. 13.
[3] Лавыгин Б. М. Указ. соч. С. 24.
[4] ГАТО. Ф. Р-1. Оп.1. Д. 5. Л. 114.

Мы выявили только один факт рьяных контрреволюционных действий офицера из наших выборок во время солдатских волнений февраля-марта 1917 г. При дознании о действиях офицеров Волынского полка, принимавших участие в подавлении революционного восстания в Петрограде, выяснилась особая роль офицера тамбовского происхождения штабс-капитана, барона К.О. Тизенгаузена. По показаниям целого ряда свидетелей, этот офицер**,** командуя 2-й пулеметной командой и занимая выход с малого Невского проспекта на Знаменскую площадь, приказывал солдатам стрелять в толпу, затем сам выхватил винтовку у одного из солдат, стал стрелять и ранил барышню; выводя свою команду со двора, ударил встретившегося ему мальчика не обнажённой шашкой по голове и разбил в кровь голову этого мальчика, хотел застрелить проходившую мимо женщину, а также танцевавшего на улице мальчика[1].

Единственным свидетельством действенного выражения преданности семье монарха вплоть до конца 1917 г. в поведении изученного круга лиц являются воспоминания бывшего офицера царской гвардейской охраны, тамбовского дворянина по происхождению С.К. Дуплицкого, который (согласно упоминаниям внука) выразил готовность выполнить «последнее распоряжение императора, данное ему в Царском Селе» о доставке писем семьи Романовых их родственнику английскому королю[2].

С другой стороны, было выявлено немало фактов насильственных действий солдат против офицеров вне зависимости от их контрреволюционных высказываний и действий. Современный историк А.В. Шубин обращает внимание на то, что убийства солдатами офицеров в Петрограде в феврале 1917 г. были проявлениями сознательной мести по разным причинам ненавистным командирам[3]. Для нашей темы важно подчеркнуть, что по разным причинам мог попасть в число ненавистных

[1] 1917. Разложение армии/Авт.-сост. В Л. Гончаров. М.: Вече, 2010. 496 с. С. 53-56.
[2] Дуплицкий С. К. Охрана царской семьи и революция 17-го года: дневник русского офицера // Москва. 1997 № 3. С. 147-157.
[3] Шубин А. В. Указ. Соч. 141.

любой офицер. Поэтому считаем, что это обстоятельство с самого начала Революции 1917 г. было одним из главных факторов, определявших психологическое состояние российского офицерства.

Уже в первые дни Февральской революции получили широкое распространение различные формы издевательств солдат над офицерами. Наиболее распространенной публичной формой стало срывание погон, которое, в частности, имело место в городах Кирсанове и Борисоглебске Тамбовской губернии[1].

5 марта врио командира 3-го запасного кавалерийского полка, располагавшегося в Кирсанове, подполковник Д.И. Чуенко собрал полк, чтобы сообщить решение офицеров о поддержке Временного правительства. Утром этого дня, еще до собрания корнет Нуман «необдуманными словами возбудил негодование строевой команды» и едва не стал жертвой солдатского самосуда. После этого инцидента Чуенко не смог полностью поддерживать порядок в полку и помешать последовавшей расправе солдат над несколькими офицерами. Наиболее ненавистными для солдат офицерами назывались штабс-ротмистры Н.П. Ильченко и А.И. Мерро, подполковник М.С фон-Нольде-Старченко. Командир полка, опасаясь расправы, отправил этих офицеров под домашний арест[2].

В течение марта в изучаемых гарнизонах «прошла волна» отстранения командиров от должностей.

В Тамбове даже заявление о поддержке Временного правительства не помогло остаться командиром 60-го пехотного запасного полка генерал-майору Я.Л. Старчинскому. 18 марта по предложению городского исполнительного комитета он и начальник тамбовского гарнизона Рындин были отстранены от своих должностей[3].

---

[1] Жизнь тамбовской провинции в эпоху революций (февраль 1917 г. - февраль 1918 г.). Тамбов, 2018. С. 48-49, 63.
[2] Там же. С. 60-62.
[3] Крошицкий П., Соколов С. Указ. соч. С. 5.

В начале марта в Новохоперске Воронежской губернии жители и солдаты арестовали уездного воинского начальника[1]. Эту должность занимал фигурант нашей базы данных подполковник Я.П. Дрешер[2].

4 апреля 1917 г. в Фатеже Курской губернии несколько прибывших в отпуск солдат выступили с предложением арестовать местного воинского начальника подполковника Пилсудского «за грубое отношение к солдатам». Местным властям пришлось исполнить требование толпы, и подполковник отправился в тюрьму[3].

Данные факты дополняют приводившиеся ранее свидетельства о насильственных действиях солдат и горожан против воинских начальников, которые в условиях военного времени становились ненавистными персонами. Это обстоятельство в исторической литературе освещено значительно меньше, чем факты насилия революционных масс против полицейских и жандармов.

Летом-осенью 1917 г. тыловым офицерам гарнизонов Черноземного Центра постоянно приходилось испытывать напряженность, а то и прямую угрозу собственным жизням со стороны подчиненных нижних чинов.

Историки солдатского движения уже в целом дали оценку проявлений ненависти солдат к офицерам в 1917 г., имея в виду особенно драматичные события, которые проявились в гарнизонах Воронежской и Тамбовской губернии летом 1917 г. в связи с отправкой на фронт[4].

Источники позволяют конкретизировать эти проявления.

В первую очередь отметим, что в постоянном напряжении летом-осенью 1917 г. находились офицеры нескольких полков Тамбовского гарнизона, в которых служили десятки «фигурантов» наших баз данных.

---

[1] Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. С. 430.
[2] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1 Д. 8790. Л. 1 об.-2.
[3] Курский край в Гражданской войне 1917–1921 гг. (очерк военно-политической истории) / С. Н. Емельянов, А. В. Зорин, А. Г. Шпилев. Курск: Полстар, 2013. С. 40.
[4] Протасов Л. Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. 191 с.; Михайлов Н.В. Общественно-политические процессы в гарнизонах Воронежской и Тамбовской губерний (март-октябрь 2017 г.): автореф. дис. …канд. ист. наук. Воронеж, 1996. С. 22.

В начале июня солдатами был арестован ряд «реакционных» офицеров 60-го запасного пехотного полка. Через месяц произошли крупные волнения в 61-м и 204-м запасных пехотных полках[1].

При этом офицеры сами давали лишние поводы для солдатского негодования.

25 июля 1917 г. совершенно нетипичный для изучаемой офицерской среды, неясным образом оказавшийся в Тамбове военный юрист и активный левый деятель с весны 1917 г. подполковник Е. Кривцов в качестве председателя митинга 61-го запасного пехотного полка в Тамбове подписал резолюцию об отказе полка ехать на фронт. Он был арестован за измену Родине. Другие офицеры полка не поддержали Е. Кривцова потому, что он был для них «чуждым элементом». Свою чуждость тамбовской военной среде Кривцов подтвердил тем, что после освобождения осенью 1917 г. покинул город[2].

Еще большим раздражителем для солдат мог послужить факт того, что командир 204-го полка подполковник Виноградов обратился в Тамбовскую городскую думу с просьбой разрешить приобрести в частных магазинах 400 бутылок водки и вина для офицерского собрания по поводу отправки полка на фронт[3]. Обстоятельства вроде бы понятные, но «господа офицеры» забыли про солдат, которые также тяжело переживали условия сухого закона, да и, к тому же, явно не рвались на фронт. Может быть, именно в связи с такими и им подобными обстоятельствами отношения солдат и офицеров в связи с отправкой запасных частей на фронт в Тамбове, как и ряде других городов, в 1917 г. принимали крайне резкие формы.

Можно согласиться с В.П. Булдаковым, который оценил поиски офицерами-барами и офицерами-интеллигентами новых форм взаимоотношений с солдатами из народа как неудачные[4].

---

[1] Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М. 1987. С. 513.
[2] Жизнь Тамбовской провинции. С. 172-173.
[3] ГАТО. Ф.1058. Оп.1. Д. 43. Л. 74.
[4] Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: Росспэн, 1997. С. 121.

В середине июня стихийно-насильственные действия солдат против офицеров имели место в Кирсанове, где продолжал находиться 3-й запасной кавалерийский полк[1].

18 августа в Борисоглебске случились стихийные волнения недовольных укреплением дисциплины солдат, в ходе которых произошло самочинное снятие толпой солдат погон с полковника Никольского, избиение его и нескольких прапорщиков. По другим данным, был убит батальонный командир 268-го запасного полка и избито еще несколько офицеров. В сообщениях в столицу говорилось о том, что «офицеры происшествиями терроризированы».[2] С большой долей вероятности можно предполагать, что среди пострадавших было немало офицеров этого полка тамбовского происхождения. По данным начала 1917 г. их было не менее 30 человек[3]. В это время в находившемся в городе кавалерийском полку служило не менее 15 офицеров довоенного кадра, а также несколько прапорщиков военного времени[4].

Примерно в это же время в Коротояке Воронежской губернии произошел самосуд солдат над арестованным по требованию толпы горожан начальником милиции. При этом был избит офицер, пытавшийся остановить расправу[5]. Мы точно знаем, что в этом городе в 1917 г. разместился 20-й запасной пехотный полк, командиром которого в это время был Н.К. Горновский (до войны служил в 173-м Каменецком полку в Курске). В 1916 г. с ним в 20-м полку служило пять офицеров из нашей базы данных. Кто-то из них мог оставаться в этом полку в 1917 г. и потенциально стать очевидцем или даже жертвой стихийных волнений в Коротояке[6].

В сентябре 1917 г. произошел крупный погром винного склада в Острогожске Воронежской губернии, в котором, по воспоминаниям местного

---

[1] Государственный архив Российской Федерации (далее - ГА РФ). Ф. 1791. Оп. 2. Д. 145. Л. 54.
[2] ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 271. Л. 118; Д. 428. Л. 37а; 1917-1918. Хроника революционных событий. Составители Крошицкий П., Соколов С. Б.м.: «Пролетарский светоч», 1927. С. 19.
[3] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1108.
[4] Там же. Д. 15207.
[5] ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 271. Л. 112; Д. 428. Л. 31.
[6] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1 Д. 11339; Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 278.

жителя С.М. Кривошеина, участвовали солдаты[1]. В то время в городе продолжал располагаться запасной кавалерийский полк. В 1917 г. в полку несли службу 15 офицеров из довоенного кадра[2]. Понятно, что они не могли не знать о крупном происшествии городского масштаба, в котором участвовали подчиненные им нижние чины.

Неприятные оценки и резкие действия со стороны солдат пришлось выслушивать и испытывать офицерам из наших баз данных, служившим в тыловых воинских частях за пределами Центрального Черноземья. Так, в августе 1917 г. полковой комитет 1-го Уланского полка, находившегося в тылу Северного фронта, констатировал неискреннее отношение офицеров к солдатам, подчеркивал, что «интересы революционно-демократических солдат не сходятся с интересами бывшей опоры царского трона, ныне только приспособившихся к революции». О такой резолюции вполне мог знать недавний командир полка полковник П.Д. Крашенинников, который в августе служил в штабе Двинского военного округа, в сфере действий которого находился полк[3].

В октябре 1917 г. в 174-м Роменском полку, стоявшем в Боровичах Новгородской губернии, полковой комитет арестовал командира полка Буланова. В ходе дальнейших волнений он был самостийно застрелен солдатами[4]. В нашу базу данных этот офицер не попал. Для нас существенно то, что в это время в полку служили около 10 офицеров из курского довоенного кадра, на чьих глазах происходили эти трагические события.

Вполне понятно, что в условиях разгула насилия над офицерами и общего размаха массовых стихийных выступлений 1917 г. оказался востребован «контрреволюционный опыт» некоторых тамбовских офицеров, полученный в 1905-1907 гг.

---

[1] Кривошеин С.М. Сквозь бури (Воспоминания). Москва: Мол. гвардия, 1959. С. 29-32.
[2] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1 Д. 15207.
[3] Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 320.
[4] Разложение армии в 1917 году / Центрархив; Подгот. к печати Н. Е. Какуриным; С предисл. Я. А. Яковлева. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. С. 132.

Уже в марте 1917 г. офицеры 3-го запасного кавалерийского полка вынуждены были усмирять своих солдат, которые громили окрестные с городом Кирсанов помещичьи имения[1]. И дело было не только в ответственности командиров за своих подчинённых, но и в том, что среди офицеров полка были помещики Тамбовской губернии.

Одним из пострадавших мог быть персонаж нашей базы данных подполковник Николай Николаевич Мартынов, который в то время находился в действующей армии, но вполне мог знать о событиях в Тамбовской губернии. В марте 1917 г. в Кирсановском уезде крестьяне разграбили имение Д.Н. Мартынова. Мы не стали проверять связь этого помещика с офицером. Род Мартыновых был широким, но можно по меньшей мере предполагать общность «классовых интересов»[2].

С большой долей вероятности к числу пострадавших от погромов 1917 г. можно отнести тамбовского дворянина, штаб-ротмистра Л.Л. Языкова. Имения рода Языковых Тамбовской губернии не раз упоминались как объекты погромов[3].

Подобным образом к числу пострадавших можно отнести и кого-то из нескольких офицеров Ушаковых, тамбовских дворян.

Относительно умеренный контрреволюционный настрой проявил в июне 1917 г. командир 65-го запасного пехотного полка и Моршанского гарнизона полковник М.А. Лелюхин (до войны служил в Моршанске в 40-м пехотном полку). Он организовал специальное собрание солдатских комитетов с целью противодействия большевистскому влиянию в гарнизоне и в городе. Для «острастки» он пригласил представителя штаба Московского военного округа[4].

В 1917 г. в 7-м запасном кавалерийском полку, стоявшем в Тамбове, продолжали службу как минимум двое офицеров из эпохи Первой российской

---

[1] Крестьянское движение в Тамбовской губернии. С. 26, 28, 32.
[2] Жизнь Тамбовской провинции в эпоху революции. С. 70.
[3] Крестьянское движение. С.170, 288.
[4] Революционное движение в военных округах. Март 1917 г.-март 1918 г. М.: Наука, 1988. 490 с. С. 129.

революции. В 6-м кавалерийском полку в Борисоглебске было примерно пять офицером с таким же служебным путем. Готовность этих офицеров к контрреволюционным действиям на новом этапе аграрно-крестьянской революции была очевидной. Во всяком случае точно известно, что отдельные эскадроны 7-го кавалерийского полка с июля 1917 г. участвовали в подавлении крестьянских выступлений в разных частях Тамбовской губернии[1].

Более того, подразделения полка действовали с особым рвением. По словам губернского комиссара Временного правительства К.Н. Шатова, «В Тамбовском уезде в трёх местах проявилось брожение, захваченное местным комиссаром в зародыше (так в тексте - В.К.) благодаря близости Тамбова с его кавалерией»[2].

Ещё одним штрихом к коллективному портрету офицеров 7-го кавполка стала история попавшего в полк с фронта по болезни Г.Н. Боревого-Боровского. Осенью 1917 г. он в составе эскадрона полка был направлен в Елатомский уезд для подавления крестьянского движения. Позже, будучи советским работником, бывший кавалерист писал, что «эскадрон состоял прямо-таки из Николаевских жандармов», проводил расстрелы крестьян. Сам Боревой-Боровский встал на защиту крестьян, за что командованием эскадрона был объявлен «агентом Германии, шпионом и провокатором». Можно согласиться с Ю.В. Мещеряковым, который высказал сомнение в большевистском прошлом этого офицера чуть ли не с 1912 г. Но в любом случае он был чуждым в офицерской среде 7-го кавалерийского полка, имевшего богатый опыт подавления крестьянского движения[3].

Старый большевик П.П. Крюков писал о ситуации в городе Острогожск летом 1917 г. «В своих антинародных действиях контрреволюционеры опирались на 2-й запасной кавалерийский полк, который находился под влиянием реакционного офицерства»[4]. В конце 1916 г. в этом полку служило

---

[1] Крестьянское движение в Тамбовской губернии. С. 93, 104, 264, 266, 316 и др.; Жизнь Тамбовской провинции. С. 279.
[2] Жизнь Тамбовской провинции. С. 279.
[3] Мещеряков Ю. В. Указ. соч. С. 226.
[4] За власть советов. Воронеж. С. 99.

15 представителей из нашей базы кадровых офицеров. Вряд ли в 1917 г. число офицеров запасного кавалерийского полка могло существенно сократиться.

Пожалуй, наиболее известным контрреволюционером 1917 г. среди представителей изученных нами выборок стал А.В. Корвин-Круковский, в 1917 г. служил капитаном 26-го пехотного Могилевского полка в Воронеже, в 1917 г. являлся – начальником саратовской школы прапорщиков в чине полковника. В июле 1917 г. во главе карательного отряда был направлен на подавление волнений нескольких запасных полков Царицынского гарнизона против отправки на фронт. В течение месяца пребывания отряда город Царицын, по существу, находился на военном положении. Отряд А.В. Корвин-Круковского был отозван только 29 августа, когда выяснилась связь его руководителя с Л.Г. Корниловым[1].

Конечно, понятие контрреволюционная деятельность с позиций здравого смысла носит очень относительный характер, поскольку нередко это было нормальное наведение общественного порядка.

13 августа 1917 г. полковник А.В. Попов как представитель от управления по ремонтированию армии активно участвовал в Тамбовском губернском особом совещании коннозаводчиков. Речь шла в т.ч. и о защите конных заводов от реквизиций и погромов[2].

Печально знаменитые погромы в Тамбове 12-13 сентября 1917 г. начались на городском базаре, находившемся сравнительно близко к месту расположения 7-го запасного кавалерийского полка. Инициаторы погрома – были солдаты, вероятнее всего, из этого полка. Офицерам кавалеристам пришлось создавать «ударный отряд» для усмирения своих подчиненных и других погромщиков[3].

Отдельное внимание мы решили уделить редким для лета – осени 1917 г. не контрреволюционным позициям некоторых офицерам.

---

[1] Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 588; Генкина Э. Б. Борьба за Царицын в 1918 г. // Историк-марксист. 1935. № 7. С. 5-29.
[2] Крестьянское движение в Тамбовской губернии. 1917-1918. С. 152.
[3] Известия Тамбовского Совета. 1917. 16 сентября; Тамбовский земский вестник. 1917. 14 сентября.

Мы специально обратили внимание на высказывания Б.И. Колоницкого о появлении в 1917 г. особой общественной группы, которую он называет «комитетский класс». В эту группу входили активисты многочисленных советов и комитетов: сравнительно молодые, 20-30-летние общественно активные мужчины, в значительной мере милитаризованные, в том числе и молодые офицеры. Большинство представителей этого класса, по мнению Б.И. Колоницкого, политизировались в ходе революции, первоначально с негодованием отвергали пропаганду большевиков, интернационалистов и анархистов, но жизненная позиция делала их сторонниками советов и комитетов[1].

Как уже отмечалось, применительно к фронтовым офицерам наших выборок, удалость выявить только один факт успешного комитетчика полковника 7-й артиллерийской бригады В.М. Малыхина.

В тылу у офицеров были сравнительно широкие возможности участвовать в так называемом «комитетском классе». Здесь в 1917 г. помимо полковых комитетов они могли быть избраны в общественные исполнительные комитеты, Советы, Городские думы и другие общественные объединения. Поэтому среди изучаемого круга офицеров выявилось несколько комитетчиков.

Сразу хочется оговориться о том, что наши наблюдения подтверждают утверждения Б.И. Колоницкого лишь отчасти. Были действительно выявлены несколько активных молодых образованных офицеров «комитетского класса». Но почти все они в течение всего 1917 г. были защитниками Временного правительства и в итоге не заняли большевистских позиций.

Применительно к Тамбову ярким примером такого деятеля являлся 32-х летний Аркадий Трифонович Качоровский, выходец из семьи крупного чиновника и дворянки, присяжный поверенный по профессии, правый эсер с дореволюционным стажем, подпоручик военного времени, который в

[1] Колоницкий Б. И. 1917. Семнадцать очерков по истории российской революции. СПб.: Издательство ЕУ, 2017. С. 80-81.

послефевральский период служил в 61-м запасном пехотном полку, был избран членом Совета офицерских депутатов, Тамбовской городской управы, а затем товарищем городского головы. Его политическая позиция в тот период была явно революционной, в смысле направленной на закрепление завоеваний Февральской революции[1].

Не раз упоминавшийся корнет Г.А. Римский-Корсаков в своих воспоминаниях писал о прикомандированном к 6-му кавполку корнете Хосроеве, из адвокатов, 29 лет: «Это был хитрый и ловкий армянин, довольно ловко умевший примирять всякие разногласия». Автор воспоминаний предполагал, что благодаря этому Хосроев был избран председателем полкового комитета[2]. Мемуарист не указывал политическую позицию этого комитетчика. Она становится понятной с учетом сведений других воспоминаний. Советский деятель Н.А. Переведенцев в послереволюционный период писал: «Прибыл я в Борисоглебск в августе месяце 1917 года с германского фронта. По прибытии в г. Борисоглебск, я был прикомандирован к шестому запасному кавалерийскому полку и на третий день был избран в полковой комитет, в котором находились в большинстве офицерство из князей, баронов и помещиков. С таким составом работать невозможно. Неоднократно меня исключали из состава полкового комитета, но под давлением солдат я оставался опять в нём»[3]. Дальше в параграфе мы приведем и другие факты о контрреволюционных настроениях офицеров этого полка. Сейчас только отметим, что вплоть до 1918 г. в этой кавалерийской части служили 14 человек из довоенного кадра, часть из которых проявила свою контрреволюционность еще в 1905 г.

Еще одним ярким комитетчиком можно назвать штабс-капитана Д.Я. Гранатова (хотя был не совсем типичным по возрасту – 45 лет). О нем

---

[1] Канищев В. В., Мещеряков Ю.В. Анатомия одного мятежа. Тамбовское восстание 17-19 июня 1918 г. / В. В. Канищев, Ю. В. Мещеряков; ТГУ им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1995. С. 167-168; Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 50.

[2] Римский-Корсаков Г. А. Указ. соч. С. 120.

[3] Гражданская война в Тамбовской губернии в воспоминаниях её свидетелей и участников: сборник документов и материалов. Под общ. ред. В.Л. Дьячкова. Тамбов: Издательство Першина Р.В., 2020. С. 176-177.

известно, что в 1915 г. он служил командиром саперной ополченской полуроты 408-го пехотного Кузнецкого полка. Затем, по данным газеты «День», отбывал «при старом строе» 11-ти месячное заключение в Петропавловской крепости», а в июле 1917 г. был назначен начальником Тамбовского гарнизона[1], а также избран председателем Совета офицерских депутатов. Вскоре после избрания он председательствовал на собрании тамбовских офицеров, которое осудило волнения в Кронштадте и июльские действия ленинцев. При этом Д.Я. Гранатов оставался сторонником Временного правительства. Во время корниловского мятежа он был назначен «командующим войсками всей губернии», вошел в комитет спасения революции, объявив корниловщине непримиримую войну[2].

Близкой к комитетским кругам Воронежа фигурой летом 1917 г. стал полковник Владимир Дмитриевич Языков, до 1916 г. начальник Воронежского кадетского корпуса, а с июля 1917 г. командир 5-го пулеметного запасного полка, а также начальник Воронежского гарнизона. Во время корниловского мятежа он поддерживал его осуждение местными защитниками Временного правительства. В частности, он участвовал в заседании воронежского ревкома, в который вошли представители полковых и ротных комитетов и поддержал общий настрой собрания: «Красной нитью через речи всех выступавших проходит призыв во имя борьбы с выступившей контрреволюцией забыть личные счеты и партийные распри и сплотиться вокруг революционных органов»[3].

Последовательная верность Временном правительству привела этого офицера к активной антибольшевистской позиции, организации вооруженного сопротивления установлению Советской власти и гибели в ходе революционных событий в Воронеже в конце октября 1917 г. Необычен

[1] День. 1917. 18 июля.
[2] ГАСПИТО. Ф. П-382. Оп. 1. Д. 64. Л. 1-3.
[3] Путь жизни. 1917. 7 сентября.

комментарий по этому поводу: «Пал тот, кого на заре революции носили на руках рабочие и солдаты своего полка»[1].

Схожей оказалась судьба уже упоминавшегося защитника завоеваний Февральской революции, правого эсера прапорщика А.И. Леонова, который летом 1917 г. стал руководителем тамбовских «ударников» (по одним данным командиром, по другим – комиссаром), а к концу года превратился в «злейшего врага Советской власти»[2].

В интересной позиции оказался командир 184-го пехотного запасного полка, дислоцированного в Острогожске Воронежской губернии, полковник А.Т. Лубянский. В самом Острогожске он не мог быть долго членом гарнизонного Совета, который первоначально возглавили офицеры, но, по воспоминаниям старого большевика П.П. Крюкова, солдаты их оттуда «вышибли»[3]. Тем не менее полковник А.Т. Лубянский пытался проявлять свою общественно-политическую активность, участвуя в работе военной секции Воронежского Совета[4].

Случай с военной секцией Воронежского Совета, судя по всему, был не типичным для Центрально-Черноземного региона. Как отмечал Л.Г. Протасов, сами факты возникновения Советов офицерских депутатов и тем более долгого противостояниях их солдатским Советам, было редким явлением. Офицерские Советы не смогли стать крупной контрреволюционной силой[5]. С учетом этого контекста можно говорить, что типичным был Острогожский гарнизонный совет.

К числу ярких комитетчиков с большой долей вероятности можно отнести подполковника 174-го пехотного Роменского полка Петра Федоровича Баранова, который неоднократно упоминается в курских документах весны 1917 г. В частности, он первым подписал постановление

---

[1] РГВИА. Ф. 8027. Оп. 1. Д. 1. Л. 9; там же. Ф. 8004. Оп. 1. Д. 57. Л. 229 об.
[2] Канищев В. В., Мещеряков Ю. В. Указ. соч. С. 172.
[3] За власть Советов. Воронеж. С. 98.
[4] Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459. Л. 2.
[5] Протасов Л. Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. С. 50-52.

офицеров Курского гарнизона от 3 марта в поддержку нового строя, а также вместе с председателем общественного исполкома купцом Лоскутовым обращение к Родзянко[1]. Курские историки в числе членов солдатской секции местного совета называли полковника Баранова «политически активным офицером»[2]. При этом, к сожалению, имени отчества этого офицера они не указывают.

Среди изученного нами круга офицеров не оказалось ни одного «комитетчика» большевистской направленности. Это лишний раз подтверждает уникальность офицеров-большевиков с 1917 г. и более раннего времени.

Другое дело, некоторые факты 1917 г. говорят о формировании в этот период прагматизма в общественно-политическом поведении некоторых офицеров – будущих советских военспецов.

Пожалуй, единственным личностным источником, в котором кадровый офицер из нашей когорты, изложил свое восприятие событий 1917 г. являются «мудрые» дневники штабс-капитана В.М. Цейтлина, который в том году являлся слушателем Николаевской военной академии и находился в непосредственной близости от главных революционных событий. Он отрицательно относился к Временному правительству, считая его разрушительным для страны. Летом 1917 г. он осуждал большевиков. 6 июля 1917 В.М. Цейтлин записал в дневнике: «С большевиками шутить не приходится, а надо действовать очень энергично». Через пару дней, узнав о пломбированных вагонах, он сделал запись: «Это сообщение просто придавило своей тяжестью …нет сомнения, что в смысле агитации, даже самым идейным большевикам по одному пути с герман[ским] Ген. штабом. И тем и другим нужен хаос в тылу, кабак на фронте и свержение Временного правительства»[3].

---

[1] Известия Исполнительного Комитета Курской города Думы. 1917. 4 марта.
[2] Курский край в Гражданской войне 1917–1921 гг. … С. 9
[3] Ганин А. В. «Теперешние события надо взвешивать в масштабе десятилетий, столетий…» Офицер в революции (по дневникам штабс-капитана Василия Цейтлина) // Родина. 2015. № 3. С. 110-111.

В записях осени 1917 г. в дневнике встречаются упоминания о демократичности офицерства. По словам Цейтлина, многих заставила призадуматься русско-японская война, революция 1905 г., «распутинщина», поражения в ходе мировой войны, особенно отход 1915 года[1]. 24 октября В.М. Цейтлин записал в дневнике: «Разбирая вопрос со шкурной точки зрения, страшен не захват власти Лениным, Троцким и др. идейными культурными большевиками, а страшны произвол, грабежи и убийства разнузданной, пьяной солдатской массы, которые, очевидно, сегодня начнутся, а, может быть, и уже начались. Особенное озлобление, конечно, будет как всегда против нас». Далее он писал о том, что по улицам Петрограда ходить опасно. Он, как и другие офицеры, переоделся в штатское. Но, видимо, карьерные соображения были сильнее страха. Слушатели Николаевской академии решили не уезжать из Петрограда, но не вмешиваться в события[2].

В итоге к концу 1917 г. у В.М. Цейтлина произошла «трансформация взглядов». Стоявший прежде на резко антибольшевистских позициях офицер, по точному выражению А.В. Ганина, увидел в новой власти ту силу, которая способна прекратить хаос в стране[3].

Конкретное проявление подчинения части офицеров силе большевиков можно увидеть в революционных событиях в Воронеже в конце октября – начале ноября 1917 г. Несмотря на вооруженный конфликт с революционными солдатами офицеры гарнизона в дальнейшем пожелали продолжить службу и работать над сохранением порядка в полках. 8 ноября в Солдатском клубе офицеры мятежного 5-го пулеметного полка «совместно с полковым, ротными и командными комитетами» собирались для обсуждения вопросов: «регулярное посещение офицерами рот и команд», «вопросы внутренней жизни полка»[4].

---

[1] Там же. С. 111-112.
[2] Там же. С. 113.
[3] Там же. С. 114.
[4] РГВИА. Ф. 8004. Оп. 1. Д. 57. Л. 57 об.

Тамбовский комитет спасения революции планировал опереться на военных, в ноябре 1917 г., включив в свой состав офицеров от всех полков[1]. Но реально установлению Советской власти в Тамбове несколько месяцев препятствовал только отряд офицеров-«ударников», во главе с уже упомянутым прапорщиком А.И. Леоновым. Однако в конце января 1918 г. ударники (мягко скажем не очень боевые офицеры-тыловики) практически без единого выстрела были разоружены отрядом местной Красной Гвардии и группой революционных солдат[2].

В тыловых гарнизонах политические события в значительно большей мере определяли повседневную службу офицеров воинских частей и учреждений. Выявлены многочисленные факты участия конкретных офицеров весной 1917 г. в собраниях в поддержку Временного правительства, в организации различных комитетов и Советов. В последующие месяцы революционного года политическая активность изученных нами групп тыловых офицеров была невысокой. Даже акции в поддержку Временного правительства с участием офицеров тыла были редким явлением. Совсем не установлены факты участия офицеров наших выборок в пробольшевистских революционных организациях и акциях.

Вместе с тем в течение 1917 г. нарастал протест офицеров против революционной стихии, угрожавшей их личной безопасности. Факты говорят о заметном числе случаев расправ солдат над неугодными офицерами весной 1917 г., неподчинении солдат офицерским приказам об отправке запасных частей на фронт летом 1917 г., участии офицеров в усмирении солдатских, крестьянских, городских волнений летом-осенью 1917 г. «Контрреволюционные», по терминологии советской историографии, действия в реальности были просто акциями по наведению общественного порядка. Даже в октябре-ноябре 1917 г. офицеры гарнизонов Центрального Черноземья в большинстве своем активно не выступили против Октябрьского

[1] ГАТО. Ф. 949. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
[2] За власть Советов... Тамбов. С. 51.

переворота. Только в Воронеже группа офицеров приняла участие в вооруженном сопротивлении установлению Советской власти.

В целом мы согласны с утверждением известного исследователя тыловых гарнизонов периода революции 1917 г. Л.Г. Протасова о том, что в ходе во многом смутных событий большинство офицерства не имело в 1917 г. четких позиций и просто превратилось в заложников солдатского плебса[1].

3.4. Факторы и мотивы включения бывших офицеров Русской императорской армии в Гражданскую войну

Конечно, иерархию факторов и мотивов включения бывших офицеров Русской императорской армии в Гражданскую войну на той или иной стороне на основании конкретных исторических фактов выстроить крайне сложно.

Поскольку «классовый» фактор нельзя признать существенным в выборе офицерами изученных нами групп лагеря Гражданской войны, мы посчитали более убедительным представить факторы и мотивы такого выбора как сочетание неких убеждений, прагматизма и ситуативных обстоятельств.

Определяя мотивы выбора офицерами позиции в Гражданской войне, мы посчитали первоочередной задачей проверить приемлемость классового подхода к оценке предпосылок такого выбора. В наших базах данных было посчитано соотношение офицеров, известных по принадлежности к лагерям Гражданской войны с их сословным происхождением.

Поскольку выявленные данные в заметной мере оказались неполными (отсутствие у большинства персонажей баз данных сведений о лагере в Гражданской войне, частота переходов между лагерями, нечеткость указания сословий) мы посчитали некорректным представлять расчеты в виде таблиц и ограничиться простым перечислением относительных цифр (процентов).

---

[1] Протасов Л. Г. Парадоксы тамбовского Октября: взгляд через 80 лет // Октябрь 1917 года: разлом и связь времен. Мат-лы науч. конференции. Ред. Л.Г. Протасов. Тамбов: Компьютерный центр, 1998. С. 7-10.

Применительно к базе данных кадровых офицеров получилось следующее распределение сословного происхождения у белых и красных: дворянство – 66 и 61%, купечество и почетные граждане – 5 и 4%, духовенство – 2 и 4%, мещанство – 15 и 15%, крестьянство – 7 и 8%. Эти «удивительные» цифры при всей их примерности никак не позволяют говорить о «классовой» зависимости выбора кадровыми офицерами позиции в Гражданской войне.

Результаты анализа нашей выборки офицеров военного времени показали, что из 58 известных по сословию белых офицеров 42 (73%) составили крестьяне по происхождению. Дворян в этой группе оказалось менее 10%. Также «демократичным» по сословному происхождению оказался состав офицеров военного времени, вступивших в Красную Армию, 30 из 36 известных по сословию относились к мещанам и крестьянам. Дворяне опять-таки менее десятой части.

Первым объективным фактором и личностным мотивом мы решили назвать контрреволюционность офицеров. Имеется в виду не столько политическое непринятие многими офицерами революции, сколько житейское противостояние грозной разрушительной стихийной силе, опасной для их собственной жизни. Как уже отмечалось, десятки представителей наших выборок в 1917 г. стали жертвами или по меньшей мере свидетелями революционного насилия над «золотопогонниками», а также над землевладельцами, нередко родственниками офицеров.

Уже приводились факты самозащиты офицеров от солдатского насилия, а также усмирения крестьянских погромов помещичьих усадеб и других погромных выступлений.

Добавим только, что эти факты согласуются с известными словами А.И. Деникина, который писал о том, что в связи с расправами над офицерами у них в 1917 г. сильно развилось чувство самосохранения[1].

[1] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 2. С. 52.

Мы не намерены включаться в дискуссию о времени начала Гражданской войны. Но все-таки констатируем, что факты вооруженных столкновений между группами офицеров и солдат в изученных нами десятках фронтовых воинских частей и тыловых гарнизонах имели место уже в марте – октябре 1917 г. Согласимся с утверждениями М.Е. Разинькова и О.М. Морозовой о том, что разрушительные тенденции революции в 1917 – начала 1918 г. оказались значительно сильнее устремлений к общественному диалогу[1].

При этом неготовность к диалогу с Советской властью изначально проявили и сами офицеры. Выше приводились факты решительного сопротивления установлению Советской власти в Воронеже полковника В.Д. Языкова и его окружения, а также сопротивления тамбовских офицеров-«ударников» сторонникам власти Советов.

Недоверие к Советской власти в душах тамбовских офицеров сохранилось, и тот же А.И. Леонов стал одним из лидеров антисоветского восстания в Тамбове в июне 1918 г.

Относительный успех мятежников (они на два дня захватили власть в городе) во многом был связан с тем, что в него вступила немалая группа кадровых офицеров во главе с вернувшимся в Тамбов к семье бывшим командиром 27-го пехотного Витебского полка генерал-майором С.И. Богдановичем. Однако сил для полного свержения Советской власти у мятежников не хватило, они стали разбегаться из Тамбова. Страх перед возможными расправами советскими властями по подозрению в участии в «офицерском» мятеже у многих офицеров пересилил материальные соображения «тихого» проживания в Тамбове. В итоге они оказались по-своему правы. Сразу после мятежа произошли бессудные расправы советских войск как минимум над десятками бывших офицеров[2].

---

[1] Разиньков М. Е., Морозова О. М. Социально-политический диалог в России (1917–1918 гг.): тенденции, механизм, региональные особенности. М.: Квадрига, 2021. 712, [1] с.

[2] Канищев В. В., Мещеряков Ю. В. Указ. соч. С. 204-255.

На наш взгляд, наиболее точно смесь чувств тамбовских офицеров-мятежников выразил С.В. Вакар, который в воспоминаниях написал о своем состоянии: «нервно потрясенный, бездомный, но не сдавшийся врагу и не отказавшийся от продолжения борьбы за Родину». Вскоре он оказался в составе Добровольческой армии Деникина[1].

В Борисоглебске, судя по воспоминаниям Г.А. Римского-Корсакова, последние офицеры 6-го кавалерийского полка весной 1918 г. вынуждены были прятаться в лесу за городом, а затем и разъехаться, поскольку в уезд «приехала банда матросов-карателей уничтожать офицеров и буржуазию»[2].

Дополнительным «стимулом» бегства офицеров от власти большевиков стал систематический «красный террор». Осенью 1918 г. жертвами террора в Тамбове стали не менее четырех человек из наших баз данных офицеров[3]. В Моршанске Тамбовской губернии в это время прошли массовые аресты, не только представителей крупной буржуазии, но и «контрреволюционного» офицерства[4].

Не удалось уйти от «Красного террора» нескольким курским офицерам, перебравшимся, казалось бы, подальше от советского Центра, на юг Европейской части России. Среди расстрелянных в октябре 1918 г. в Пятигорске упомянут полковник Колосов (вероятно, бывший курский офицер), в Ставрополе – полковники Н.Д. Саратовкин (до мировой войны поручик 173-го пехотного Каменецкого полка в Курске) и Н.А. Шереметьев (в 1914 г. служил в 31-й артбригаде в Белгороде)[5].

Видимо, чувством самосохранения руководствовался полковник А.Д. Олиферов, участник Первой мировой войны в составе 17-го Новомиргородского уланского полка, ушедшего на фронт из Воронежа. Получив ранение, он в 1917 г. находился на излечении в одном из воронежских

---

[1] Вакар С. В. Указ. соч.
[2] «В Петрограде революция! Поздравляю, господа!..» Из воспоминаний Г. А. Римского-Корсакова. С. 124.
[3] Известия Тамб. губ. Совета РСКД. 1918. 4, 25 сентября.
[4] ГАСПИТО. Ф. 997. Оп. 1. Д. 6. Л. 64.
[5] Красный террор в годы Гражданской войны / Сост., вступ. ст. Ю.Г. Фельштинского, Г.И. Чернявского. 3-е изд., доп. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. 432 с.

лазаретов. Наверное, офицеру полка, который в 1905-1906 гг. участвовал в подавлении крестьянских выступлений, было «неуютно» находиться в революционном Воронеже. В городе постоянно возникали конфликты солдат с офицерами вплоть до физических расправ над «золотопогонниками» в процессе установления Советской власти[1].

В гуще революционных событий в Воронежской губернии в 1917 г. оказался ротмистр 4-го запасного кавалерийского полка А.Н. Потемкин, который исполнял обязанности коменданта Лискинского гарнизона и вынужден был вести переговоры с солдатами, нередко защищая офицеров от издевательств. Понятно, что такие напряженные условия службы в родных краях подтолкнули его к вступлению в ряды белых войск[2].

Заметим, что противниками разгула стихии и боязни стать ее жертвами были не только те, кто подался в белые армии, но и те, кто выражал надежду на наведение порядка большевиками, подобно записавшему такие настроения в дневнике штабс-капитану В.М. Цейтлину.

Другой мемуарист, в 1917 г. корнет 6-го кавполка в Борисоглебске Г.А. Римский-Корсаков вспоминал о знакомом местном жителе, который приходился родственником большевистскому командующему Московским военным округом Н.И. Муралову. В ответ на письмо племянника дядя якобы заявил, что «большевики не людоеды, и хотят справедливого устройства жизни». Г.А. Римский-Корсаков, в связи с этим написал, что он и его сослуживцы стали терпимо относиться к большевикам и понимать их[3].

Понятно, что такого рода свидетельств сохранилось немного. И мы не можем говорить о масштабах вступления офицеров в Красную Армию именно по этим соображениям.

---

[1] Лавыгин Б. М. 1917 год в Воронежской губернии. Воронеж. 1928. С. 124-125.
[2] Волков С. В. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2004. С. 427.
[3] «В Петрограде революция! Поздравляю, господа!..» Из воспоминаний Г.А. Римского-Корсакова. С. 125.

Антисоветский настрой офицеров более понятен по фактам их вступления в ряды противников Советской власти уже в первые дни и месяцы ее существования.

Среди фронтовых представителей наших выборок наиболее яркий образец являл бывший воронежский офицер, а в 1917 г. командующий 38-м армейским корпусом генерал-лейтенант И.Р. Довбор-Мусницкий, который уже 30 октября приказал частям 1-й Польской дивизии «принять энергичные меры, не останавливаясь перед применением оружия в защите Ставки и верховного главнокомандующего, если бы они оказались в опасности»[1].

В январе 1918 г. этот генерал одним из первых высших офицеров отказался подчиняться советской власти, заявил о состоянии войны с Советской Россией, фактически начал военные действия и был объявлен советским главковерхом Н.В. Крыленко врагом народа[2].

Мы также придаем существенное значение словам начальника штаба Польского корпуса В.П. Агапеева о том, что в 1917 г. Довбор-Мусницкий пытался силами корпуса защищать имения польских помещиков в Витебской, Минской, Могилевской губерниях от революционных крестьян[3].

Мы сознательно обратили особое внимание на образ действий И.Р. Довбор-Мусницкого в конце 1917 – начале 1918 гг., чтобы показать сложное сочетание контрреволюционных антибольшевистских мотивов, «классовых» чувств помещика и националистических польских настроений.

Особо ценными стоит признать редкие высказывания самих офицеров изученного круга и их современников, в которых переплетались антисоветские, монархистские и националистические настроения.

Среди таких высказываний весьма откровенными выглядят слова полковника Б.Ф. Ушакова: «Россию спасут только славяне, только славяне должны быть у власти. Никаких партий, никаких лиц, носящих нерусские

---

[1] Цит. по: Минц И.И. История Великого Октября. М., 1979. Т. 3. С. 144.
[2] ВОСР. Хроника Событий. 11 января-5 марта. М.: Наука, 1986. С.8, 346; Известия ВЦИК. 1918. 24 января.
[3] Агапеев В. П. Корпус ген. Довбор-Мусницкого //Белое дело. Сб. IV. Берлин: Медный всадник, 1928. С. 184-185.

фамилии не должно быть у власти. Никаких подлецов, привезенных из-за границы в запломбированных или не запломбированных вагонах, нельзя допускать на пушечный выстрел к власти, ибо их руки не чисты и их дела грязны. Россия много горя испытает, но она не погибнет, а в своем горе вспомнит мои слова и жестоко отомстит различным лениным, троцким, нахамкесам и Ко». По мнению современного историка А.В. Ганина, эти слова Ушакова говорят о том, что он был не просто противником большевиков, но и русским националистом, что и предопределило выбор Борисом Фёдоровичем стороны в предстоящей Гражданской войне.[1]

Своего рода контрреволюционным интернационализмом можно назвать высказывание начальника Политической канцелярии армии Деникина полковника Я.М. Лисового (до мировой войны штабс-капитана 173-го пехотного Каменецкого полка в Курске): «Если поступление в армии украинскую, грузинскую и т.п. может быть хоть отчасти оправдано национальными или иными какими-либо скрытыми стремлениями, то участие в организации советских армий, участие в кровопролитной борьбе против своих же не только не найдет себе никаких оправданий, но, наоборот, как бы ни была велика качеством и количеством, высокими чинами и громкими именами эта группа – из будущего корпуса офицеров Генерального штаба Русской армии она должна быть вычеркнута навсегда»[2].

Среди персоналий базы данных кадровых офицеров выявилась группа лиц, с большой долей вероятности вступивших в национальные антисоветские армии в связи со своим происхождением и националистическими настроениями.

В первую очередь мы обратили внимание на офицеров с украинскими фамилиями, которые в 1918 г. оказались в составе УНР или гетманской армии.

---

[1] Ганин А. В., Новиков П. А., Хипхенов Г. И. «Я с броневиком иду в наступление…». Походные заметки русского офицера Чехословацкого корпуса подполковника Б.Ф. Ушакова. Январь-июнь 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. №4 (23). С. 228-229.

[2] Гагкуев Р. Г. Белое движение на юге России: военное строительство, источники комплектования, социальный состав, 1917-1920 гг. М.: Содружество «Посев», 2012. С. 180.

Генерал-хорунжий Э.И. Башинский, генерал-майор Л.С. Островский, полковники М.И. Куделинский, А.В. Радченко, П.С. Трилицкий, А.А. Чайковский, подполковники Г.И. Кандыба и Е.И. Кардашевский были точно уроженцами украинских губерний. Башинский являлся еще и дворянином Харьковской губернии, Трилицкий – дворянином Херсонской, а Чайковский – дворянином Полтавской губернии. Полковник Ф.А. Пещанский был связан с Украиной и по фамилии, и фактом окончания Полтавского кадетского корпуса. Полковник В.В. Бродовский учился в Каменец-Подольской гимназии, а затем окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище. Полковник В.Г. Суходубовский, подполковники Б.В. Барковский и А.П. Якубовский могли быть украинцами, судя по фамилиям.

Сразу оговоримся, что значительная часть из перечисленных офицеров служили в частях из Курской губернии. Эти части входили в Киевский военный округ и в 1917 г. подверглись украинизации. Неизвестно, насколько предполагаемые офицеры-украинцы защищали идею национальной независимости. Во всяком случае у нас нет данных об их переходе в другие армии после 1918 г.

Особо отметим полковника В.О. Секержицкого, шляхтича по происхождению, который, сражаясь в рядах Украинской народной армии, в 1919 г. был взят в плен польскими войсками. В том же году вернулся из плена в армию УНР[1]. Другими словами, проявил стремление сражаться за независимую Украину и против поляков, и против Красной Армии.

Можно предполагать националистическое рвение полковника П.С. Трилицкого. В 1917 г. он в возрасте 56 лет был уволен от службы за болезнью, но в 1918 г. объявился как командир одного из полков армии Украинской Державы, в 1919 г. продолжил воевать за свою родину[2].

[1] Тинченко Я. Ю. Офицерский корпус армии Украинской Народной Республики. Киев: Tempora, 2007. С. 147.
[2] Там же. С. 162-163.

Среди офицеров военного времени был выявлен один украинец, подпоручик А.Х. Колесник, который в годы Гражданской войны служил только в УНР[1].

Помимо упомянутого ранее ярого контрреволюционера и националиста И.Р. Довбор-Мусницкого в базе кадровых офицеров выявилось три офицера с польскими корнями, оказавшихся в период Гражданской войны в Польской армии. При этом, бывшие генерал-майоры русской императорской армии Адам-Викентий-Фелициан Александрович Мокржецкий[2] и Павел Яковлевич Шимчук[3], воюя против Советской России стали генерал-поручиками Польской армии. Полковник Генрих Александрович Койшевский в конце Гражданской войны числился в 1-м Польском полку легионеров[4].

Однако далеко не все украинские и польские по происхождению офицеры сохранили верность своей национальной идее. В частности, мы обратили внимание на группу офицеров украинских армий в 1918 г., которые перешли в великорусские антисоветские армии.

В.С. Ковалевский, который служил уездным воинским начальником в Лебедине Харьковской губернии периода Гетманской власти на Украине, затем по ситуации перебрался в Вооруженные силы Юга России[5]. Видимо, также в силу ситуативных обстоятельств перешли из Украинской армии во ВСЮР полковники С.М. Мищенко[6] и С.И. Паевский[7] и даже войсковые

---

[1] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква К (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf. С. 598. (дата обращения: 28.07.2025).

[2] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Мокржецкий_Адам-Викентий-Фелициан_Александрович (дата обращения: 22.07.2025).

[3] Там же. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Шимчук_Павел_Яковлевич (дата обращения: 28.07.2025).

[4] Там же. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Койшевский_Генрих_Александрович (дата обращения: 28.07.2025).

[5] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква К (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf. С. 491. (дата обращения: 28.07.2025).

[6] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква М (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_12-M.pdf. С. 590. (дата обращения 28.07.2025); Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Мищенко_Сергей_Михайлович (дата обращения: 28.07.2025).

[7] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква П (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_15-P.pdf. С. 41. (дата обращения: 28.07.2025).

старшины (подполковники русской императорской армии) Н.К. Волчанский[1] и Ф.М. Каллантаевский[2].

В изученной группе офицеров военного времени единственным украинцем, служившим в гетманской армии, но и перешедшим во ВСЮР, являлся, казалось бы, истинный представитель своей нации, казак по происхождению, выпускник Черниговской гимназии и Киевской школы прапорщиков Б.Д. Столинец[3].

Если офицеры-украинцы, перешедшие на сторону белого движения, были, скажем так, непоследовательными борцами за украинскую идею, то переход оказавшихся ситуативно в украинских армиях в белые войска русских офицеров генерал-майора В.Н. Яхонтова[4] и подполковника Г.М. Лермонтова[5], выглядит как возможное стремление защиты великорусского национализма, лозунга «единой и неделимой России».

Видимо, таким же стремлением руководствовался и офицер с очень «неделимой» биографией, Николай Константинович Жандр, уроженец г. Белосток, православный по вере, из потомственных дворян Киевской губернии, выпускник Виленского реального училища, Киевского пехотного юнкерского училища и Николаевской военной академии. В 1917 г. он служил в штабе Двинского военного округа. В 1918 г. оказался в армии гетмана, но перешел оттуда во ВСЮР[6].

Самым интересным представляется то, что намного большим оказалось число офицеров «царской» армии с украинскими и польскими фамилиями, которые сразу вступили в великорусские антисоветские армии, главным

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Волчанский_Николай_Константинович (дата обращения: 28.07.2025).
[2] Там же. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Калантаевский_Федор_Матвеевич (дата обращения: 28.07.2025).
[3] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква С (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_17-S.pdf. С. 758. (дата обращения: 28.07.2025).
[4] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Яхонтов_Виктор_Николаевич (дата обращения: 28.07.2025).
[5] Там же. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Лермонтов_Григорий_Михайлович (дата обращения: 28.07.2025).
[6] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Жандр_Николай_Константинович (дата обращения: 22.07.2025).

образом в южные Добровольческую и Донскую армию, Вооруженные силы Юга России, в меньше мере в восточные, северные, западные белые армии.

Выше отмечалось, что в годы Первой мировой войны десятки офицеров-инородцев из наших выборок, в т.ч. с украинскими и польскими фамилиями, проявили преданность России. Нет оснований отрицать, что эти офицеры сохранили такую преданность и в последующие годы.

Мы не стремились к абсолютно точным подсчетам этой группы офицеров, учитывая сложность четкого определения их национальной принадлежности. Нам важно было показать соотношение последовательных борцов и за какую-либо национальную идею, и сторонников «единой и неделимой» вне зависимости от национальности. Примерные подсчеты показали, что среди них было около 40 генералов и штаб-офицеров и около 25 обер-офицеров. Понятно, что у старших офицеров был большой стаж службы в русской армии и соответственно приверженность «единой России».

Среди офицеров военного времени выявилось около 15 прапорщиков, подпоручиков, поручиков, штабс-капитанов с украинскими или польскими фамилиями, которые в период Гражданской войны изначально воевали в составе великорусских белых армий. Видимо, и они даже за короткую службу воспитали в себе преданность единой России.

Подтверждением второстепенности национального фактора в выборе бывшими офицерами русской армии позиции в Гражданской войне было вступление части из них в Красную Армию, которая боролась за «мировую революцию», а вовсе не за свободу отдельных народов Российской империи. Из числа изученных кадровых офицеров в Красной армии оказались бывшие полковники Н.И. Глембоцкий[1], А.П. Колтынюк[2], Д.Н. Спокойский-Францевич[3], ротмистр П.И. Снитко[4].

---

[1] Открытый список. // URL: https://ru.openlist.wiki/Глембоцкий_Николай_Иосифович_(1859) (дата обращения: 28.07.2025).
[2] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Колтынюк_Алексей_Петрович (дата обращения: 28.07.2025).
[3] Известия Борисоглебского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 1 декабря.
[4] Воронежский Красный листок. 1918. 10 октября.

Г.А. Римский-Корсаков в своих воспоминаниях писал о том, что весной 1918 г., узнав о существовании украинской армии, из 6-го запасного кавалерийского полка уехали офицеры-украинцы и поляки[1]. Автор воспоминаний не назвал ни одной украинской и польской фамилии. Среди офицеров постоянного состава этого полка носителей таких фамилий было не менее 15 человек. По выявленным нами данным, никто из них не оказался в украинских или польских национальных войсках.

Интереснее сведения о находившихся в 1917 г. 6-м кавалерийском полку прикомандированных офицерах военного времени с украинскими фамилиями. В военных биографиях нескольких из них выявились свидетельства участия в Гражданской войне на территории Украины. Так, штабс-капитан Б.М. Стройновский попал в плен к красным в Мариуполе[2]. Штаб-ротмистр А.Е. Иваницкий служил у белых в администрации Одесского военного порта[3]. Г.Ф. Колесницкий (уроженец г. Умань), воевал в рядах ВСЮР и Русской Армии, в 1920-е гг. состоял на особом учете в Киевском ГПУ[4].

В целом мы можем сказать о том, что отъезд данной группы из русского города Борисоглебска офицеров-украинцев и поляков означал только стремление на родину, но не был связан, скажем так, с решительным настроем всех их на борьбу с советской властью.

В целом среди кадровых офицеров и офицеров военного времени с украинскими и польскими корнями, попавших в наши базы данных, большую часть составили лица, неизвестные по факту участия в Гражданской войне. Конечно, отсутствие таких фактов главным образом связано с «бедной» источниковой базой того времени. Но все-таки можно заявить, что наиболее яркие офицеры национальных армий «засветились» в различных источниках.

---

[1] «В Петрограде революция! Поздравляю, господа!..» Из воспоминаний Г.А. Римского-Корсакова. С.124.

[2] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Стройновский_Борис_Михайлович (дата обращения: 28.07.2025).

[3] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква И (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_09-I.pdf. С. 7. (дата обращения: 28.07.2025).

[4] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква К (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf. С. 609. (дата обращения: 28.07.2025).

Выявленные нами источники не позволяют говорить о мотивах участия в Гражданской войне большинства выборки кадровых офицеров немецкого происхождения. Судьбы примерно 44 из 66 офицеров с немецкими фамилиями после Первой мировой войны неизвестны. Среди участников Гражданской войны мы установили 4 факта службы в Красной Армии и 18 фактов службы в белых армиях кадровых офицеров с немецкими корнями. Среди 16 офицеров военного времени предположительно немецкого происхождения выявился только один факт участия в Гражданской войне.

В поведении некоторых офицеров можно предположить участие в борьбе прибалтийских немцев за независимость от России. Так, капитан Федор Оттонович Брахман в годы Гражданской войны воевал в Русской Западной армии. Не исключено, что он мог оказаться в ней ввиду того, что еще в 1916 г. попал в германский плен[1]. Полковник Индрик-Генрихович Кюке-Криш, также побывавший в германском плену воевал в Курземской дивизии (в составе Латвийских формирований)[2].

Наиболее настойчиво, скажем так, тягу к историческим корням проявил обрусевший дворянин Эстляндской губернии, полковник Русской императорской армии Николай Николаевич Бреверн, родившийся в Нижегородской губернии, носивший русские имя и отчество, женатый на русской дворянке из Тамбовской губернии, служивший в разных краях России. В Гражданской войне он воевал на разных фронтах белого движения, но в 1920 г. вступил в Эстонскую народную армию[3].

Противоречивость тяги к остзейским немецким историческим корням проявилась в семье офицеров фон-Виренов из Эстляндской губернии. Отец,

---

[1] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Б (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_02-B.pdf. С. 660. (дата обращения: 28.07.2025).

[2] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Кюке_Криш-Индрик_Генрихович (дата обращения: 28.07.2025; Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква К (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf. С. 1362. (дата обращения: 28.07.2025).

[3] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Бреверн_Николай_Николаевич (дата обращения: 28.07.2025); Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Б (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_02-B.pdf. С. 661. (дата обращения: 28.07.2025).

Альфред Николаевич, сохранил лютеранское вероисповедание, прослужив в русской армии в самых различных местах Российской империи, в годы Гражданской войны оказался в Русской западной армии, воевавшей против Советской России в Прибалтике[1]. Его сын, Борис Альфредович, уже православный, в 1918 г. оказался в Красной Армии. Судя по всему, он действовал ситуативно. В 1917 г. служил под Москвой, согласился на «непонятную» должность начальника финотдела воинской части РККА. Самое печальное оказалось в том, что после Гражданской войны, оставшись в советской России, он сменил отчество на Иванович[2]. Отец же, стал единственным представителем немцев наших выборок, кто после Гражданской войны жил в Германии.

Приведенные факты об офицерах из немцев свидетельствуют, что национальная принадлежность не играла существенную роль в их поведении в годы Гражданской войны. Более того, отсутствие информации об их судьбах в этот период дает основание предполагать сознательное уклонение этих людей от русской гражданской войны.

В целом выявленные факты не говорят о «повальном» национализме изученных групп офицеров-инородцев. Скорее можно говорить о большинстве представителей этих групп как сторонниках наряду с русскими офицерами «единой и неделимой» России вне зависимости от национальности.

Великорусский национализм у военных сочетался с патриотизмом. В частности, патриотические антигерманские чувства определенной части офицеров вплоть до начала 1918 г. были столь сильны, что они были готовы отражать февральское наступление немецкий войск на стороне Советской власти. Капитан Б.И. Кузнецов был в этот период помощником главного

[1] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Вирен_Альфред_Николаевич (дата обращения: 28.07.2025); Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква В (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_03-V.pdf. С. 252. (дата обращения: 28.07.2025).

[2] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Вирен_Борис_Иванович (дата обращения: 28.07.2025).

руководителя обороны Петрограда и подступов к нему. Конечно, это участие в первых боях Красной Армии могло быть ситуативным. Он в тот момент находился на службе в столице и прежде всего выполнял служебный долг в еще не закончившейся войне с Германией. Неслучайность участия в защите советского Петрограда этот офицер доказал своей честной службой в Красной Армии в последующие годы Гражданской войны и в дальнейшее время[1].

А.Я. Яновский, находясь в должности начштаба 21-го армейского корпуса Западного фронта в феврале 1918 г., участвовал в формировании отряда добровольцев для отправки в Псков и на ст. Дно для отражения наступления немецких войск. Фактически эти отряды влились в Красную Гвардию, а Яновский вскоре поступил на службу в РККА[2].

Весной 1918 г. офицерский патриотизм особо проявился в связи с заключением Советской Россией мирного договора с Германией. Однако, казалось бы, хорошо известный феномен отрицательного отношения многих бывших офицеров к «похабному» Брестскому миру оказалось трудно оценить применительно к конкретным людям.

Одним из сторонников Брестского мира был не раз упоминавшийся В.М. Цейтлин, который именовал этот мирный договор не только похабным, но и «препохабным», позорным для страны, но считал необходимым выход России из войны, создание новой армии для отражения будущих внешних угроз. Неудивительно, что он поддержал идею создания Красной Армии[3].

Ниже приводятся факты вступления в Красную Армию ряда офицеров наших выборок в марте-апреле 1918 г. Мы только предполагаем мотивы этого вступления. Но ясно: на деле они Брестский мир не осудили.

С другой стороны, характерна запись в дневнике не раз упомянутого В.М. Цейтлина от 3 марта 1918 г. о своих сослуживцах по Николаевской академии, для которых ненависть к большевикам оказалась сильнее любви к

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Кузнецов_Борис_Иннокентьевич (дата обращения 28.07.2025).

[2] Стрекалов И. И. Строительство красной армии в войсках завесы (март - октябрь 1918 года): автореф. дис. …канд. ист. наук. Москва, 2004. С. 20-21.

[3] Ганин А. В. «Теперешние события надо взвешивать в масштабе десятилетий, столетий… С. 114.

родине: «Как слепы или, вернее, близоруки многие, благодаря озлоблению против большевиков – страшно желают прихода немцев. Какой толк, ведь только для того, чтобы ему, мне было лучше на время моей жизни и, пожалуй, это будет. Но ведь теперешние события надо взвешивать в масштабе десятилетий, столетий, для этого надо сосредоточиться спокойно без злобы уйти от всех ужасных подробностей. И у меня часто бывали мысли, пусть уж лучше немцы… Но теперь я все же пришел к заключению. Пусть лучше вся Россия будет советской республикой, лишь бы ее не рвали по частям, и не попала она под немецкое ярмо»[1].

И все-таки В.М. Цейтлин и ему подобные были в меньшинстве. Сравнительно многочисленные факты вступления офицеров наших выборок в белые армии в марте-апреле 1918 г. можно рассматривать как сочетание «антибрестских» и антисоветских мотивов.

Возможно, антигерманские настроения в связке с контрреволюционными в некоторых случаях оказались сильнее национальных чувств и косвенно проявились в уже указанных выше фактах перехода украинских офицеров из прогерманской гетманской армии в великорусские белые армии. Прямых высказываний на этот счет мы не обнаружили. Но вряд ли офицеры наших выборок не знали о настроениях большой группы офицеров, оказавшихся весной 1918 г. на Украине, которые очень ярко отразил М.А. Булгаков в своем романе «Белая Гвардия»[2].

Выяснились и случаи, когда антисоветские настроения оказались выше антигерманских. Мы уже говорили о вполне понятном вступлении в западные белые армии, созданные с участием Германии, офицеров с немецкими корнями. Но наряду с ними в таких армиях оказались и офицеры со славянскими фамилиями: ротмистр В.В. Милевский – в отряде князя Ливена[3], штабс-капитан М.Г. Осецкий – в 19-м пехотном Полтавском полку, созданном

[1] Там же. С. 114-115.
[2] Булгаков М. А. Белая гвардия / М.А. Булгаков; изд. подгот. Е.А. Яблоков. М.: Ладомир, 2015. 824 с.
[3] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква М (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_12-M.pdf. С. 454. (дата обращения: 28.07.2025).

на основе полка Ливена[1], штабс-ротмистр А.И. Колотенко – в конном гусарском гр. Келлера полку[2].

Конечно, в выборе этих офицеров могли сыграть роль ситуативные обстоятельства. Интересное объяснение подобного ситуативного выбора мы нашли в боевом пути Е.Н. Кочанова, который изначально оказался в гетманской армии П.П. Скоропадского, а после пленения петлюровскими войсками, был передан под охрану германских частей. Далее последовал переход в Северо-Западную Русскую армию[3].

П.Н. Милюков, говоря о настроениях офицеров добровольческой армии, писал: «В составе офицерства, собравшегося на юге, было 80% монархистов, и среди них немало сторонников старого режима»[4]. Трудно понять, как Милюков мог подсчитать приведенные им количественные данные. Но, конечно, нужно признать, что в целом он знал ситуацию и был близок к истине.

Подобный настрой проявляется в некоторых высказываниях провинциальных современников событий конца 1917 – начала 1918 г. В частности, вернувшийся в это время с фронта в Тамбов молодой офицер, будущий советский журналист С.В. Евгенов писал о том, что одни из офицеров - земляков возвращались к мирной жизни, а другие пользовались короткой передышкой, чтобы затем пробраться на юг к Корнилову или Каледину и дать волю своей ненависти к восставшему народу[5].

Примерно в таком же духе характеризовал контрреволюционные настроения осевших в Тамбове в конце 1917 – начале 1918 г. офицеров в своем

---

[1] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква О (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_14-O.pdf. С. 148. (дата обращения: 28.07.2025).

[2] Там же. Буква К (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf. С. 637. (дата обращения: 28.07.2025).

[3] Там же. Буква К (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf. С. 931. (дата обращения: 28.07.2025).

[4] Цит. по: Иоффе Г. З. «Белое дело» и генерал Корнилов. С. 232.

[5] За власть Советов. С. 64.

автобиографическом романе «Романтическая история» советский писатель Б. Дальний (в 1917 г. офицер Б.Д. Живоглядов). Воспроизводя атмосферу молодежных собраний в Тамбове первых послеоктябрьских месяцев, он приводил выкрики со стороны групп офицеров: «Чем больше анархии, тем скорее вернется монархия!», «Долой большевиков!» и т.п.[1]

Этот настрой вновь прорвался наружу в июне 1918 г., в ходе антисоветского мятежа в Тамбове, который современники называли офицерским. В качестве военных предводителей Тамбовского мятежа оказались генерал Богданович и уже упоминавшийся эсеровский деятель подпоручик Кочаровский. Конечно же, эсера, послефевральского «комитетчика» можно назвать контрреволюционером только в широком смысле слова. Его поведение было аналогичным с поведением упоминавшимися ранее сторонниками Временного правительства, умеренными революционерами. Только у них антибольшевистский настрой проявился уже в ходе борьбы за Советскую власть, а у Кочаровского летом 1918 г.[2]

Показателем долгого сохранения монархических настроений можно признать ностальгические нотки в воспоминаниях служившего до марта 1917 г. в охране царя штабс-капитана С.К. Дуплицкого о «прощальном» посещении Царского Села в августе 1917 г. и страдальческих высказываниях о семье Романовых.[3]

Среди мотивов и факторов выбора офицерами позиции в Гражданской войне трудно четко определить соотношение добровольности и мобилизации при вступлении в ту или иную армию.

Наиболее сложно это определить применительно к офицерам, оказавшимся в Красной Армии. Мы согласны с рассуждениями В.В. Каминского о том, что в отношении «лиц Генерального штаба» невозможно в

---

[1] Дальний Б. Романтическая история. Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1965. С. 4-7.
[2] Канищев В. В., Мещеряков Ю.В. Анатомия одного мятежа. Тамбовское восстание 17-19 июня 1918 г. / В. В. Канищев, Ю. В. Мещеряков; ТГУ им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1995. 294 с.
[3] Дуплицкий С. К. Указ. соч. С. 156.

принципе выяснить разделение на «добровольцев» и «по принуждению» в силу «смутности» периода их поступления на службу в Генштаб РККА, а также по причине нечеткости учета этой группы советских офицеров[1].

Отдельно обратим внимание на субъективный момент, связанный с тем, что многие красные командиры из бывших царских офицеров в документах 1920-1930-х гг. по политическим соображениям «задним» числом указывали на добровольность своего вступления в РККА в 1918 г.

Наиболее яркими примерами мы посчитали поведение Б.П. Ненашева, который в марте 1918 г., т.е. на самом начальном этапе формирования Красной Армии, стал первым командиром управления формирования зенитных батарей РККА в Калуге[2]. В чем-то схожим был путь в РККА штаб-ротмистра В.В. Тархова. В 1917 г. он также стал выборным командиром (263-й военный транспорт в Слуцке). В апреле 1918 г. по демобилизации поехал в Москву, где добровольно поступил во вновь формируемый штаб Орловского военного округа РККА[3].

Значительно проще определить добровольность вступления бывших офицеров императорской армии в белое движение. В наших выборках мы выявили как минимум 20 офицеров, про которых точно известны факты вступления в Добровольческую армию. Наверняка этих фактов было больше. В источниках «смутного» времени зачастую нечетко сообщается о вступление в белое движение вообще или участие в нем на Южном фронте.

В числе самых первых добровольцев, и, более того, организаторов вооруженной борьбы с советской властью, прежде всего назовем полковника А.В. Корвин-Круковского, который уже в декабре 1917 г. возглавил антисоветскую офицерскую организацию в Царицыне[4].

---

[1] Каминский В. В. Указ. соч. С. 109.

[2] Энциклопедия Руниверсалис. // URL: https://руни.рф/Ненашев,_Борис_Павлович (дата обращения 22.07.2025).

[3] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Тархов_Валентин_Валентинович (дата обращения: 28.07.2025).

[4] Пасманик Д. С. Революционные годы в Крыму. Париж: Société anonyme imprimerie de Navarre, 1926. С. 125.

По-особому добрую волю проявил полковник Г.М. Лермонтов, который с сентября 1918 года вступил в Белое движение. Его сын вспоминал: «Григорию Михайловичу, приехавшему в Новочеркасск, в Добровольческую армию, сказали, что места для него нет, так как полков недостаточно». «Я приехал не командовать, – ответил Лермонтов, – а драться против большевиков». «Отец поступил простым всадником в Уманский казачий полк, – рассказывал А.Г. Лермонтов. – А по ходу боёв стал командиром полка»[1].

Среди известных нам первых добровольцев, участников 1-го Кубанского похода, из офицеров тамбовского происхождения назовем полковника А.С. Булаткина[2], из офицеров военного времени, поручика, крестьянина по происхождению, П.Д. Шаренко[3].

Примером добровольчества стал факт записи в Пскове в Южную армию белых штабс-капитан Н.П. Мейера-Женовского с тамбовскими корнями[4].

С большой долей вероятности можно утверждать, что добровольцами была основная масса царских офицеров выборки, которые вступили в белые армии, формировавшиеся вдали от фронтов Первой мировой войны и Центрального Черноземья. Вряд ли офицеры массово отправляли туда по какой-либо мобилизации.

Полковник Н.А. Поляков служил в 1917 г. в Петрограде в Генеральном штабе, в 1918 г. оказался в белых войсках Восточного фронта, куда в столице его никто не мог мобилизовать[5]. Вряд ли по какому-либо принуждению с германского фронта Русской армии мог прилететь на Восточный фронт белых

---

[1] Телегина С. М. Он был любим Небом. (М.Ю. Лермонтов в оценке русских философов). М.: Эдитус, 2013.

[2] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Б (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_02-B.pdf. С. 744. (дата обращения: 28.07.2025).

[3] Там же. Буква Ш (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_24-Sh.pdf. С. 51. (дата обращения: 28.07.2025).

[4] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 878. Л. 26; Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква М (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_12-M.pdf. С. 328. (дата обращения: 28.07.2025).

[5] Офицеры РИА. // URL. https://ria1914.info/index.php?title=Поляков_Никита_Андреевич (дата обращения: 28.07.2025); Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква П (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_15-P.pdf. С. 471. (дата обращения: 28.07.2025).

офицер 17-го Корпусного Авиационного отряда, бывший белгородский артиллерист Н.Н. Плешков[1].

Ниже мы приведем факты вступления в белое движение на Востоке России целой группы офицеров по разным мотивам, но все они делали это добровольно.

Некоторые сомнения имеются только в отношения бывших офицеров Воронежского, а затем сибирских дисбатов Н.Ю. Буйновского[2], Г.Г. Мартынова[3], К.А. Соболева[4]. На момент начала Гражданской войны по военным меркам они были немолодыми людьми (все старше 45 лет). Но в условиях Гражданской войны они могли быть и мобилизованы в Белую армию.

Особенности источников сказались и на четкости информации о фактах мобилизации офицеров в одну из армий Гражданской войны. Насчет желания красных командиров указывать в анкетах добровольность вступления в РККА мы уже говорили.

Мы располагаем единичными фактами упоминаний недобровольного вступления офицеров наших выборок в белые армии. Поскольку они писали об этом в анкетах бывших офицеров для органов Советской власти, есть основания предполагать, что они лукавили. Приведем характерный пример.

Подполковник Е.В. Беренс в анкете для бывших офицеров белых армий в 1922 г. указывал, что до 1919 г. являлся врио коменданта в Острогожске, был «захвачен» казаками, отправлен в Новочеркасск, записан в резерв, состоял

---

[1] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква П (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_15-P.pdf. С. 347. (дата обращения: 28.07.2025).

[2] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Буйновский_Николай_Юлианович (дата обращения: 28.07.2025); Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Б (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_02-B.pdf. С. 733. (дата обращения: 28.07.2025).

[3] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква М (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_12-M.pdf. С. 226. (дата обращения: 28.07.2025).

[4] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква С (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_17-S.pdf. С. 532. (дата обращения: 28.07.2025).

завхозом полка в Армавире, в боях не участвовал, попал в плен Красной Армии при массовой сдаче в Сочи[1].

С другой стороны, можно поверить в искренность этого офицера. В Воронеже осенью 1919 г. оказалось мало добровольцев вступать в ряды белых и занявший город Шкуро издал приказ о мобилизации бывших офицеров[2].

Материальные факторы мы не поставили в число первейших причин включения офицеров в Гражданскую войну. Конечно, представители имущих классов, потерявшие в ходе революции собственность, стремились ее вернуть. Но ведь большая часть офицеров встала на путь борьбы с Советской властью еще до реального изъятия крестьянами помещичьей собственности в деревне и национализации промышленности и торговли в городах.

Наиболее «удивительное» состоит в том, что другая часть офицеров бывших имущих классов оказалась на стороне Советской власти, которая лишила их частной собственности.

Другими словами, материальные соображения не могли жестко предопределять выбор той или иной позиции в Гражданской войне даже у офицеров из «свергнутых классов». Конечно, таких соображений вовсе не было у офицеров из малоимущих слоев, которые, как мы показали ранее, составляли значительную часть кадрового офицерства и большую часть офицеров военного времени.

В целом, по нашему мнению, материальные факторы в начале Гражданской войны имели ситуативный характер и часто «перекрывались» субъективными настроениями.

Жалобы на нелегкое материальное положение появились у некоторых офицеров еще в 1917 г. В частности, личное свидетельство по этому поводу представил в своих дневниках не раз упомянутый нами В.М. Цейтлин. 9 октября он, будучи слушателем столичной военной академии, записал: «Живи,

---

[1] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Б (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_02-B.pdf. С. 361. (дата обращения: 28.07.2025).; Воронежская книга памяти великой войны 1914-1918 годов. С. 60.

[2] Борьба за Воронеж. С. 132.

как хочешь, сейчас каждый дворник получает гораздо больше меня, а жить ему легче и живет он, конечно, проще. Придется голодать…»[1].

Ряд выявленных фактов указывает на материальные затруднения бывших офицеров, проживавших в Тамбове в первые месяцы 1918 г.

Наиболее показателен факт, связанный с полковником А.И. Столбиным, который не входил в нашу выборку кадровых офицеров, но был окружен тамбовской офицерской средой начала 1918 г., когда с семьей проживал в Тамбове. В его биографических материалах упоминается ходатайство от 16 мая 1918 г. о назначении пенсии из Тамбовского губернского казначейства, в котором говорилось, что он «не имея средств, находится с семьей в крайне тяжелом положении». Вероятно, советские власти города ему не помогли, и И.А. Столбин отправился в деникинские войска[2].

Сербский подданный П.Н. Пашич, служивший в 1914 г. в 7-й артиллерийской бригаде в Тамбове, после фронта Первой мировой войны вновь оказался здесь в начале 1918 г. Он явно был настроен на мирную жизнь, о чем свидетельствует данное им вместе с другим офицером И.Д. Ахшарумовым объявление в местную газету о проведении курсов по математике. Вполне вероятно, что такое объявление было дано в надежде на заработок, необходимый в то время многим бывшим офицерам императорской армии, лишившимся должностей и средств к существованию[3].

Молодой офицер С.В. Вакар, вернувшись с фронта домой к матери и брату, в начале 1918 г. устроился на работу чертежником в Тамбовской городской управе[4].

В одном из предыдущих параграфов приводились слова офицера военного времени, будущего советского журналиста С.В. Евгенова, о спекулятивной офицерской комиссионке, возникшей в Тамбове в 1917 г. В 1918 г. это заведение, по словам мемуариста, зарабатывало средства для

---

[1] Ганин А. В. «Теперешние события надо взвешивать в масштабе десятилетий, столетий… С. 112.
[2] Офицеры РИА. // URL: http://ria1914.info/index.php?title=Столбин_Александр_Иванович (дата обращения: 22.07.2025).
[3] Известия. Тамбовского губернского Совета рабочих, солдатских, крестьянских депутатов. 1918. 8 марта.
[4] Вакар С. В. Наша генерация, рожденная в конце прошлого столетия. М.: [б. и.], 2000. С. 91.

офицеров, стремившихся податься в белые армии. При этом автор упоминает целый ряд офицерских артелей, столовых, комиссионок, кооперативов создававшиеся в «предпринимательских целях». В условиях свертывания товарно-денежных отношений, борьбы со спекуляцией, становления контроля советских органов над предпринимательской деятельностью такие заведения вряд ли могли приносить существенную прибыль. Они могли обеспечить только простейшее выживание в сложных социально-экономических условиях[1].

Скорее всего часть офицеров, оставшихся на территории Советской России по материальным или семейным причинам, при определенных обстоятельствах переходила на сторону белых армий или антисоветских мятежников.

Точно известны факты отъезда из Тамбова в армию Колчака поручика П.Н. Пашича[2], в Донскую Армию подполковника С.В. Крицкого[3] и ротмистра Л.А. Тучемского[4], в Вооруженные силы Юга России полковника И.Д. Ахшарумова[5] и ротмистра Д.В. Павлоградского[6].

Особенно ярким примером пренебрежения домашним уютом ради решительной борьбы с Советской властью мы считаем поступок не раз упоминавшего полковника Б.Ф. Ушакова. В марте 1918 г., заболев в пути с чехословацким корпусом на Восток, он пролежал неделю в Тамбове, но не остался в родных краях, а вновь примкнул к чехословакам[7].

---

[1] За власть Советов Тамбов, С. 64-65.

[2] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква П (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_15-P.pdf. С. 129. (дата обращения: 28.07.2025).

[3] Там же. Буква К (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf. С. 1066. (дата обращения: 28.07.2025).

[4] Там же. Буква Т (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_18-T.pdf. С. 358. (дата обращения: 28.07.2025).

[5] Там же. Буква А (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_01-A.pdf. С. 426. (дата обращения: 28.07.2025).

[6] Там же. Буква П (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_15-P.pdf. С. 129. (дата обращения: 28.07.2025).

[7] Ганин А. В., Новиков П. А., Хипхенов Г. И. Указ. соч. С. 252-253.

Примерно таким же было отношение к домашнему покою подполковника В.М. Новикова, который несколько раз возвращался домой на воронежский хутор, даже заявлял о желании «уйти в сторону от всякой политики», «продолжать жизнь частного человека», но вновь ввязывался в Гражданскую войну[1]. О широком спектре поведенческих мотивов и конкретном поведении этого офицера с явными авантюристическими наклонностями мы еще ни раз скажем далее.

Капитан В.Н. Ковалев, происходивший из крестьян Тамбовской губернии, в 1915 г., будучи на фронте, заболел, но был признан годным к службе в тыловых частях и зачислен в обоз 12-й Сибирской стрелковой дивизии Северо-Западного фронта. В начале 1918 г. дивизия, находясь, в Центральном Черноземье, была расформирована. Это происходило в родных краях В.Н. Ковалева. Однако он оказался в белых войсках в Сибири. Можно предположить, что его «увлекли» туда однополчане, служившие в дивизии до войны, в период ее дислокации в Иркутске[2].

В действиях некоторых офицеров наших выборок, вступивших в белое движение, выявился мотив мести Советской власти.

В дневнике генерала М.Г. Дроздовского в качестве примера мести и злобы упоминается некий офицер Кудряшев, который отправился к белым, узнав, что красногвардейцы вырезали всю его семью. Это мог быть «не наш» персонаж, полковник М.Э. Кудряшов, но мотив офицера из дневника был характерным для большого числа его соратников по белому движению[3].

Такие настроения запечатлены в воспоминаниях правнука подполковника Д.Ф. Тимофеева: «В августе 1918 года по территории Курска и губернии начался «красный террор», но убийства возвращавшихся с войны офицеров начались уже в феврале. Убийство «золотопогонника» в среде

---

[1] Ганин А. В. "Несколько раз ходил... в Советский Союз партизанить". Генерал Новиков между красными и белыми // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 3 (30). С. 76.

[2] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква К (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf. С. 478. (дата обращения: 28.07.2025).

[3] Дроздовский М. Г. Дневник. Берлин: Отто Кирхнер и Ко. 1923. С. 61.

революционного люда становилось поводом для гордости. В таких военных условиях бывшим офицерам русской армии, жившим в Курской губернии, пришлось делать срочный выбор: с кем и против кого воевать, ибо продолжать занимать нейтральную позицию становилось сродни предательству по отношению к России. Подполковники Д.Ф. Тимофеев и В.А. Андриевич свой выбор сделали, решив вступить в ряды Добровольческой армии России»[1].

Мотив мести Советской власти за расстрелянного брата можно предположить в действиях В.М. Новикова, который после этого факта в очередной раз перебежал к белым[2].

Близкими к мести были мотивы офицеров «старой» армии, которые вскоре после Октябрьской революции потеряли свои должности. Придя к власти, большевики сразу взяли под контроль вопрос о выборности армейских командиров. 29 октября 1917 г. В.И. Ленин заявил о необходимости ликвидации кастовых преимуществ офицеров. Фактически в развитие ленинской установки Н.В. Крыленко подготовил декларацию «К солдатам революционной армии», а для ее реализации 22 ноября 1917 г. издал приказ о выборности командного состава[3].

В нашем распоряжении оказалось несколько фактов, прямо говорящих об изгнании из армии или лишении должности представителей нашей выборки в конце 1917 – начале 1918 г., которые впоследствии вступили в ряды одной из белых армий и достигли там высокого положения.

Так, уроженец Тамбовской губернии Д.И. Федичкин в 1917 г. дослужился до полковника и получил должность командира полка. 29 октября 1917 г. был уволен в отпуск в Ижевский завод (там находилась семья), откуда он так и не вернулся в свою часть. Дату мы называем специально. Вероятно, именно тогда у Федичкина появилось осознание невозможности службы у большевиков и зарождался настрой бороться с ними. Полковник Д.И.

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Тимофеев_Дмитрий_Федорович (дата обращения: 28.07.2025).
[2] Ганин А. В. "Несколько раз ходил... в Советский Союз партизанить". Генерал Новиков между красными и белыми // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 3 (30). С. 48-115.
[3] Источниковедение истории Великого Октября. М.: «Наука»,1977. С. 181-182.

Федичкин даже после поражения Ижевско-Воткинского восстания в 1918-1922 гг. постоянно был востребован на различных командных должностях в белых Сибирских армиях[1].

Будущий командир белой Сибирской армии А.Н. Гришин (еще без добавки Алмазов) к 1917 г. стал подполковником. Но в ходе революционных событий был арестован солдатами за антибольшевизм и даже изгнан из армии[2]. Полковник Александр Федорович Галактионов в декабре 1917 г. «не допущен к вступлению в должность» комитетом 70-го пехотного запасного полка[3].

Самым ярким примером прямого признания высокого уровня профессионализма целым рядом авторитетных современников и сослуживцев мы посчитали оценки боевой деятельности подполковника артиллерии Д.Т. Миончинского. Генерал-лейтенант А.П. Богаевский писал о том, что в начале 1918 г. Л.Г. Корнилов возлагал большие надежды на батарею Миончинского в сдерживании Красных войск. Сам Богаевский называл его великолепным стрелком, дирижером артиллерийского боя[4]. А.И. Деникин и Р. Гуль с восхищением описывали действия Д.Т. Миончинского в бою Добровольческой армии против войск Кубанской советской республики 3 апреля 1918 г. у станции Медведовская, который белые сумели выиграть благодаря высокому мастерству и героизму командира артиллерии[5].

По воспоминаниям юнкера В.А. Ларионова, один из руководителей Добровольческой армии генерал С.Л. Марков чувствовал в Д.Т. Миончинском родственную душу: героя, рыцаря и солдата. Сам Ларионов назвал

---

[1] Ефимов А. Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918-1920 / сост. Л. Ю. Тремсиной, предисл. А. А. Петрова. М.: Айрис-пресс. 2008. 416 с; Цветков В. Ж. Ижевско-Воткинское восстание. 1918. Москва: Посев. 2000.

[2] Шишкин В. И. Командующий Сибирской армией генерал А. Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.): сб. науч. ст. Новосибирск. 2009. С. 126-195.

[3] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Галактионов_Александр_Федорович (дата обращения: 28.07.2025).

[4] Богаевский А. П. Воспоминания: 1918 год. "Ледяной поход". Нью-Йорк: Изд-во Музея белого движения, 1963. С. 40, 102.

[5] Деникин А. И. Указ. соч. С. 308-309; Гуль Р. Ледяной поход. М.: Воениздат, 1992. С. 132-134.

Миончинского «заслуженный командир Дивизиона с фронта», его батарею в Добровольской армии видел «в «блестящем порядке»[1].

Мы выявили трех подполковников и четырех полковников, которые в белом движении получили генеральские звания. Наиболее ярким стал пример бывшего преподавателя Воронежского кадетского корпуса подполковника Н.В. Черячукина, который в период Гражданской войны стал генерал-майором Донской армии, командовал фронтом, был представителем Донского казачьего войска при гетмане П.П. Скоропадском, участвовал в дипломатической миссии к императору Вильгельму II, позже возглавил Донской кадетский корпус[2].

Мы также насчитали четырех офицеров, которые в белых войсках шагнули из штабс-капитанов в полковники и 30 – из капитанов или ротмистров в полковники.

Ярким примером оказался еще один офицер Воронежского кадетского корпуса Михаил Андреевич Звягин, который за годы мировой войны продвинулся из штабс-капитанов в полковники, по должности стал командиром полка, а в белом движении дослужился до звания генерал-майора и должности начальника 6-й пехотной дивизии Русской армии[3].

Среди других образцов профессиональной востребованности у белых офицеров «среднего звена» стал боевой путь тамбовского дворянина В.Н. Сибилева, который в 1917 г. был еще капитаном, а в ходе службы в Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России получил звание полковника и должность начальника отряда из частей гвардии[4].

Специфическим проявлением профессиональной востребованности возрастных офицеров императорской армии было назначение на небоевые

---

[1] Ларионов В. А. Последние юнкера. Франкфурт н/М: Посев, 1984. С. 52, 60, 94.

[2] Хронос. // URL: https://hrono.ru/biograf/bio_ch/cheryachukinnivf.php (дата обращения 29.07.2025).

[3] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква З (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_08-Z.pdf. С. 151. (дата обращения: 29.07.2025).

[4] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Сибилев_Владимир_Николаевич (дата обращения: 29.07.2025); Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква С (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_17-S.pdf. С. 317. (дата обращения: 29.07.2025).

должности, требовавшие высокой профессиональной подготовки и особенно опыта и связей в офицерской среде.

Бывший воронежский офицер А.А. Агарков в 1917 г. был назначен командиром 37-го Сибирского стрелкового запасного полка, который находился в Омске. 13 октября 1917 г. он был уволен в отставку, получив звание генерал-майора. В 1918 г. он оказался востребованным в Сибирской армии. В силу возрастных причин Агарков уже не годился на фронт и потому занимал должности генерала для поручений при главном начальнике Западно-Сибирского военного округа, дежурного генерала штаба Омского военного округа, члена Омского военно-окружного суда, инспектора военно-спортивных обществ Омского военного округа[1].

Другой генерал-майор В.Г. Владимиров в 1917 г. воевал на Кавказском фронте, а в 1918 г. оказался у белых на Востоке, и был командирован из Сибирской армии к генералу В.Е. Флугу в Харбин. Это командировка могла быть не случайной, поскольку Владимиров и Флуг, возможно, были знакомы по службе на Дальнем Востоке в 1900-е гг. Вероятно, прежние связи в офицерской среде позволили В.Г. Владимирову занимать целый ряд ответственных военно-чиновничьих должностей в различных белых правительствах Сибири и Дальнего Востока[2].

Конечно, бывшие офицеры, вступившие в Красную Армию, были профессионально востребованы как военные специалисты (военспецы). Но, как мы увидим дальше, эта востребованность была не единственным и зачастую не определяющим фактором выбора советской стороны. Да и востребованность была ограниченной. Как показали данные наших выборок, это было использование главным образом на штабной, военно-преподавательской и военкоматовской работе, что являлось следствием

---

[1] Восточный фронт адмирала Колчака / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д.и.н. С.В. Волкова. М.: Центрполиграф. 2004. С. 304-305.

[2] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Владимиров_Владимир_Григорьевич (дата обращения: 29.07.2025); Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква В (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_03-V.pdf. С. 278. (дата обращения: 29.07.2025).

неполного доверия Советской власти к «золотопогонникам». Такое отношение побуждало бывших офицеров служить по прагматическим соображениям.

Мы уже упоминали прагматические рассуждения В.М. Цейтлина о приемлемости власти большевиков. Понятно, что осенью 1917 г. он не ожидал от этой власти какой-либо сиюминутной выгоды. Вероятно, просто думал о наступлении некой стабильности.

Материальные факторы в отношении офицеров, принявших Советскую власть, стали работать постепенно. Особенно это относилось к офицерам «старого» Генерального штаба, перешедшим в Генштаб Красной Армии.

Прямых фактов приобретения материального интереса к Красной Армии у бывших офицеров наших выборок мы почти не выявили. Но посчитали приемлемыми для нашей работы яркие свидетельства офицеров Генштаба РККА того же времени, коллег наших фигурантов. В частности, представленные в монографии В.В. Каминского. Наиболее откровенными мы посчитали слова генерал-майора Э.А. Верцинского, сказанные уже в начале 1918 г.: «Во второй половине марта 1918 г. мне было сделано предложение занять должность обер-квартирмейстера ГУГШ [Главное управление Генерального штаба -В.К.]. Это меня лично, главным образом, тем устраивало, что для меня разрешался квартирный вопрос. Мало-мальски подходящую частную квартиру я никак не мог себе найти, а без службы в военном ведомстве приходилось оставлять казенную»[1].

Более общую характеристику дал очевидец событий А.А. Борман: «… попав на службу и «устроившись», обыватель довольно быстро менялся и начинал опасаться как бы не было хуже в случае новых перемен …Эту психологию мне пришлось наблюдать как у штатских, так и у военных. Офицеры Генштаба старались выслужиться в погоне за прибавками. Рассуждение было самое примитивное – лучше пусть остается то, что есть, а

[1] Цит. по: Каминский В. В. Указ. соч. С. 95.

то и этого не будет. Продовольственные подачки действовали далеко не только на одних рабочих»[1].

По данным В.В. Каминского, «спецам Генштаба» были предоставлены самые высокие должностные денежные оклады, надбавки, командировочные, подъемные, суточные, очень высокие продовольственные пайки[2].

Для нашей работы наиболее важным представилось то обстоятельство, что «лица Генштаба» имели в РККА возможность занимать различные должности «по совместительству», особенно на различных курсах и в военных учебных заведениях. Таковые оказались среди представителей наших выборок.

Прежде мы писали о генерал-майоре Н.С. Беляеве, который в октябре 1917 г. осознавал признаки развала во вверенной ему 70-й пехотной дивизии. Далее были «удивительные» факты: во время Октябрьского восстания в Петрограде генерал по приказу ВРК был арестован, но вскоре отпущен, а в 1918 г. добровольно вступил в РККА, перебрался в Москву, где служил в управлении военно-учебных заведений Всероглавштаба, а также являлся преподавателем Военной академии РККА. Материальную выгоду мог приобрести после включения в списки Генштаба РККА в 1919 г.[3]

Более логичным выглядит прагматизм бывшего начальника Воронежского Михайловского кадетского корпуса, генерал-майора М.И. Бородина, который еще в 1917 г. перевелся на должность директора Александровского кадетского корпуса, в котором служил еще до Воронежа. В 1918 г. он остался на военно-педагогической работе, теперь уже в РККА, служил на различных военных курсах, а с 1920 г. преподавал в Военно-Инженерной Академии[4]. Логичность его выбора вполне объясняется

---

[1] Там же.
[2] Там же. С. 420-421.
[3] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Беляев_Николай_Семенович (дата обращения: 29.07.2025).
[4] Там же. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Бородин_Матвей_Илларионович (дата обращения: 29.07.2025).

продолжением военно-профессиональной деятельности, 55-летним возрастом и полным отсутствием боевого опыта.

В.А. Константинов, который в 1917 г. в чине генерал-майора командовал 13-й кавалерийской дивизией, после Октябрьской революции был уволен из армии по болезни. В 1918 г. он жил в Москве и даже оказался на службе в Реввоенсовете Красной Армии[1].

Полковник Н.Н. Мартынов состоял в распоряжении начальника Генерального штаба с 1918 г. В 1918 г. добровольно вступил в РККА и продолжил службу теперь уже в списке Генштаба РККА. Одновременно он преподавал на различных военных курсах[2].

В 1918 г. на службе в Красной Армии оказался подполковник Генерального штаба русской армии Б.И. Пересветов. Известно, что в годы Гражданской войны он занимал различные штабные должности, в 1919 и 1920 гг. был включен в списки Генштаба РККА[3].

Только «ловким» прагматизмом можно объяснить поведение полковника В.В. Ступина. В 1918 г. он оказался в РККА, занимал немалую должность старшего делопроизводителя Организационного управления Всероглавштаба. В 1919 г. он был арестован по подозрению в участии в антисоветском заговоре, но освобожден, вернулся на службу в РККА, стал преподавателем Московской военной школы штабной службы[4].

И.Г. Липин не оканчивал академию, но смог на тыловой службе в годы мировой войны получить чин полковника. До 1914 г. он служил в Воронеже в штабе 7-й пехотной дивизии, в 1916 г. находился на службе в интендантском управлении Минского военного округа. С учетом такого опыта понятно, что и в Красной армии он пригодился на небоевых должностях, являлся

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Константинов_Вячеслав_Александрович (дата обращения: 29.07.2025).
[2] Там же. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Мартынов_Николай_Николаевич_1 (дата обращения: 29.07.2025).
[3] Там же. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Пересветов_Борис_Иванович (дата обращения: 29.07.2025).
[4] Там же. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Ступин_Всеволод_Васильевич (дата обращения: 29.07.2025).

начальником отделения связи и заведующим автомастерской при штабе Южного фронта[1].

Внешне схожими с Липиным были мотивы вступления в Красную Армию капитана Н.А. Вановского, который в РККА остался на дореволюционной должности офицера для поручений Тамбовского вещевого склада. Его прагматизм объяснялся давним пребыванием в интендантах после ранения на русско-японской войне[2].

Примеры прагматизма мы выявили и среди офицеров тамбовского происхождения. Полковник В.К. Затеплинский добровольно вступил в РККА в 1918 г., занимал разные руководящие должности в учреждениях воинских перевозок. В 1919 г. даже был включен в список Генштаба РККА. «Убежав» в 1919 г. из Воронежа к белым, в 1920 г. снова оказался в Красной Армии и занял немалую должность в аппарате Начальника военных сообщений Туркестана[3].

Свидетельством сугубо материального отношения к службе бывших офицеров в советских учреждениях в провинции можно посчитать факт из воспоминаний М. Колосова, советского военкома Тамбовского уезда в 1918 г. О своем прибытии на службу в комиссариат он вспоминал: «В кабинете военкома был только один человек …толстая старая свинья, бывший подполковник …сидит и жрет бутерброды, прихлебывая их чаем. Зверский взгляд в мою сторону и крик: «Что надо? Не видишь, я занят?». Я было начал объясняться, но тот затопал завертелся на стуле проявив упорное желание не разговаривать»[4]. Хотя мы не можем установить факт принадлежности этого бывшего подполковника к одной из наших выборок. Можно с большой долей вероятности предполагать то, что он либо до революции служил в Тамбове, либо был человеком тамбовского происхождение. Главное в данном случае то,

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Липин_Иван_Герасимович (дата обращения: 29.07.2025).
[2] Там же. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Вановский_Николай_Алексеевич (дата обращения: 29.07.2025).
[3] Там же. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Затеплинский_Виктор_Константинович (дата обращения: 29.07.2025).
[4] Колосов М. Из воспоминаний о 18-ом годе // Путь борьбы. Вып.1. Тамбов: Коммунист, 1922. С. 35.

что названный офицер был типичным в смысле выбора спокойной службы в военкомате.

Интересную «связку» образовали капитан А.А. Дубровин и штабс-капитан Н.К. Захаров, которые на 1914 г. вместе служили в Воронеже в 25-м пехотном Смоленском полку, а в годы Гражданской войны воссоединились в Павловском уездном военкомате Воронежской губернии: первый был комиссаром, второй – начальником канцелярии военкомата[1].

Правда такая служба не всегда оказывалась спокойной. Бывший капитан П.А. Сухих в 1918 г. стал Астраханским губернским военным комиссаром. В 1919 г. был обвинен по подозрению в причастности к белогвардейскому заговору. Но по реабилитирующим основаниям из-под стражи освобожден[2].

Особую группу составили молодые прагматичные выпускники Академии Генштаба русской армии 1917 г., а также офицеры, устремившиеся уже в Академию Генштаба РККА и быстро получившие выгодные должности в штабах Красной Армии.

К ним мы прежде всего отнесли выпускников последнего года «старой» академии ротмистра А.К. Климовецкого[3] и капитана Б.И. Кузнецова[4]. Карьерное движение этих офицеров в Красной Армии мы рассмотрим позже. В данном разделе работы отметим их стремление сделать карьеру, попав в списки Генштаба РККА.

Капитан И.Н. Полковников из крестьян Тамбовской губернии в 1917 г. в возрасте 32 лет окончил ускоренный курс Николаевской военной академии и тогда же был причислен к Генштабу. В 1918 добровольно вступил в РККА. Проявил верность своему выбору тем, что летом 1918 г. перебрался из захваченной белыми Сибири в Советскую России. В Красной Армии занимал

---

[1] Воронежская Книга Памяти Великой войны 1914–1918 годов Том I. Преимущественно город Воронеж, Воронежский и Павловский уезды Воронежской губернии и Борисоглебский уезд Тамбовской губернии. Воронеж, 2014. С. 308-309, 324.

[2] Открытый список. // URL: https://ru.openlist.wiki/Сухих_Петр_Александрович_(1878) (дата обращения: 29.07.2025).

[3] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Климовецкий_Александр_Карлович (дата обращения: 29.07.2025).

[4] Там же. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Кузнецов_Борис_Иннокентьевич (дата обращения: 29.07.2025).

самые разные штабные, военкоматовские, командные и преподавательские должности. В 1919 и 1920 гг. включался в списки Генштаба РККА[1].

Редкий для данного периода времени путь проделал штабс-капитан Н.Е. Варфоломеев. В 1914 г. он поступил в Императорскую Николаевскую военную академию, учебу в которой прервала начавшаяся война. И все-таки в 1917 г. из фронтовой 11-й бригады тяжелой артиллерии он попал на учебу в академию и, несмотря на революционные условия, завершил академическое образование в марте 1918 г. После этого приказом Генерального штаба Красной Армии был назначен заведующим оперативной частью 3-й бригады 7-й пехотной дивизии. Включался в списки Генштаба РККА 1919 и 1920 гг. В конце Гражданской войны занимал должного 1-го помощника начальника штаба Западного фронта[2].

К этой группе примыкал штабс-капитан тамбовского происхождения Н.Н. Розанов, который в 1918 г. в 30-летнем возрасте окончил Академию Генштаба РККА и сразу стал занимать высокие штабные должности в Красной Армии, включался в списки Генштаба РККА 1919 и 1920 гг.[3]

Единственным выявленным примером того, что пребывание в составе Генштаба РККА не сделало из офицера сторонника Советской власти, стала судьба капитана И.Ф. Ромерова, который накануне мировой войны служил в 40-м пехотном Колыванском полку (Моршанск Тамбовской губернии), воевал до 1915 г., в самом начале 1917 г. окончил подготовительные курсы военного времени в Императорской Николаевской военной академии. В 1918 г., как и многие другие слушатели этой академии, оказался в составе Красной Армии. В том же году окончил полный курс теперь уже Всероссийской академии Генерального штаба. Но в феврале 1919 г. он оказался в составе белых войск

[1] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Полковников_Иван_Николаевич (дата обращения: 29.07.2025).
[2] Там же. URL: https://ria1914.info/index.php?title=Варфоломеев_Николай_Ефимович (дата обращения: 29.07.2025).
[3] Там же. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Розанов_Николай_Николаевич (дата обращения: 29.07.2025).

Восточного фронта вплоть до гибели в январе 1920 г.[1] Видимо, контрреволюционные настроения были сильнее неких «благ» красного Генштабиста.

Общеизвестно, что обстоятельства военно-революционного времени разрывали многие родственные связи. В годы Первой мировой войны, как уже отмечалось, около половины выявленных родственников-однополчан продолжали службу в одной воинской части, хотя существенной взаимной поддержки друг-другу они не оказали. Фактов совместной службы или проживания в одном месте офицеров-родственников после 1917 г. мы практически не нашли.

Выявился только один случай совместной службы в рядах ВСЮР и Русской армии, даже эвакуации из Севастополя на одном корабле полковника Сергея Николаевича Трубче(а)нинова и его сына капитана Николая Сергеевич Трубче(а)нинова[2].

В чем-то похожей, но все-таки не единой оказалась судьба в годы Гражданской войны бывших офицеров 173-го пехотного Каменецкого полка братьев Яновских. Оба побывали и у белых, и у красных. Но советская биография Александра Яковлевича Яновского оказалась вполне удачной. В 1921 г. он стал начальником стрелковой дивизии РККА, в 1922 г. был награжден орденом Красного Знамени[3]. Судьба Петра Яковлевича Яновского к концу Гражданской войны оказалась весьма «скромной». Известно, что в 1922 г. он служил в Курской милиции. Конец жизненного пути бывшего офицера в итоге вовсе стал трагическим. Он был расстрелян Советской властью в 1931 г.[4] Очевидно, что брат, героический командир Красной Армии, не смог помочь другому брату.

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Ромеров_Иван_Феофилович (дата обращения: 29.07.2025).

[2] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Т (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_18-T.pdf. С. 310. (дата обращения: 29.07.2025).

[3] Великая Отечественная. Комкоры. Военный биографический словарь. М.: Жуковский; Кучково поле, 2006. Т.1. С. 656-659.

[4] БД "Жертвы политического террора в СССР"; Книга памяти Курской области. Буква Я. С. 39.

Военная пора разделила отца и сына Синьковых. После 1917 г. их судьбы существенно разошлись. Насчёт старшего, Л.К. Синькова, из документов Курского губернского военкомата точно известно, что он не был ранен, в августе 1917 г. находился в Курске, весной 1919 г. заполнил карточку кандидата на службу в этом военкомате, при этом предоставил документы о нахождении в мае 1918 г. в Москве[1]. Другие документы о советской или иной службе Л.К. Синькова выявить не удалось. Про его сына В.Л. Синькова известно, что в годы Гражданской войны он был полковником ВСЮР и Русской армии. В декабре 1920 г., после эвакуации Крыма, находился в составе Марковского полка в Галлиполи[2].

Разошлись в годы Гражданской войны жизненные пути полковников Александра и Михаила Матвеевичей Анниных. Первый из них с 1918 г. состоял в Красной Армии, а с 1920 г. как гражданское лицо проживал в Воронеже[3], второй служил в Вооруженных силах Юга России, а затем оказался в эмиграции[4].

Неоднозначной, но не столь драматичной оказалась судьба двух других братских пар. Про Б.И. Пересветова известно, что в 1918 г. он вступил в Красную Армию[5]. Судьба его брата Всеволода Ивановича в период Гражданской войны неизвестна.

Валентин Александрович Лихарев до 1917 г. служил ротмистром 7-го запасного кавалерийского полка в Тамбове. О его судьбе в период Гражданской войны известно только то, что весной 1920 г. находился в

---

[1] Государственный архив Курской области (далее - ГАКО). Ф. Р. - 3301. Оп. 1. Д. 31. Л. 39.

[2] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква С (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_17-S.pdf. С. 376. (дата обращения: 29.07.2025).

[3] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Аннин_Александр_Матвеевич (дата обращения: 20.07.2025).

[4] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква А (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_01-A.pdf. С. 274. (дата обращения: 29.07.2025).

[5] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Пересветов_Борис_Иванович (дата обращения: 29.07.2025).

Тамбовском концлагере (у Волкова ошибочно Алексеевич)[1]. Судьба его брата Георгия Александровича после 1917 г. вообще неизвестна.

В целом можно сказать, что взаимовлияние родственных связей офицеров как мотива выбора позиции в годы Гражданской войны в изученных базах данных офицеров оказалось крайне малым.

Тамбовские источники предоставили уникальную возможность установить факты проживания в Тамбове семей офицеров довоенного гарнизона вплоть до осени 1917 г. На этой основе можно строить предположения о влиянии семейного фактора на выбор офицерами позиции в Гражданской войне.

Сопоставление адресов проживания офицеров, зафиксированных в Адрес-календаре Тамбовской губернии на 1914 г., с адресами проживания их родственников, главным образом жен, которые указаны в списках избирателей в Учредительное Собрание по городу Тамбову позволило выявить как минимум 31 факт нахождения офицерской родни в Тамбове осенью 1917 г.[2]

С учетом сложности обстановки в России в конце 1917 г., не располагавшей к отъезду из насиженных мест, тем более из сытого по тем временам Тамбова, мы предположили, что офицерские семьи оставались в городе и в начале 1918 г., вплоть до времени распада старой армии и возвращения домой демобилизованных офицеров.

Выше отмечалось, что осенью 1917 г. в Тамбове проживали 14 офицеров довоенного кадра. При этом 8 из них жили в семьях по прежним адресам и, скажем так, имели устоявшиеся сдерживающие узы. Только один офицер, поручик Е.В. Кологривов, по довоенному адресу жил без семьи. С одной стороны, отсутствие семьи и молодой возраст (26 лет) не препятствовали к отъезду из своего города. С другой стороны, проживание Кологривова в тылу было связано с двумя ранениями на фронте мировой войны и отправкой в

[1] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Л (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_11-L.pdf. С. 280. (дата обращения: 29.07.2025).

[2] Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии на 1914 г. Тамбов: Электрическая Типо-Литография Губернского Правления, 1914; ГАТО. Ф. 17. Оп. 45. Д. 540, 543, 547.

Тамбов по болезни еще в августе 1916 г.[1] И все же в годы Гражданской войны он оказался в рядах белых.

Среди восьми семейных офицеров, вроде бы прочно осевших в Тамбове не позже осени 1917 г., выявилось два человека, в годы Гражданской войны, воевавших в рядах белого движения и двое, вступивших в Красную Армии, один «мирный обыватель», а также трое неизвестных.

Готовность оставить семью в Тамбове и отправиться в белые войска полковника А.Ф. Высоцкого и подполковника А.И. Клиппеля по имеющимся данным установить почти невозможно. Можно только предположить, что у них контрреволюционную роль сыграло дворянское происхождение.

Бывший полковник Н.Н. Радецкий, который осенью 1917 г. после ранения проживал с семьей в Тамбове, но в период Гражданской войны в 1918 г. числился военспецом в 9-й армии красных[2], в конце Гражданской войны состоял преподавателем военной школы в Киеве.

Начальник Тамбовского интендантского вещевого склада, 60-летний отставной полковник Д.Л. Спокойский-Фронцевич, осенью 1918 г. состоял военным руководителем Борисоглебского уезда[3]. Видимо, также «заметал следы», но поближе к дому.

Особо отметим трагическую судьбу бывшего генерала В.В. Иванова, который до осени 1918 г. продолжал жить в Тамбове как простой обыватель, но в период «красного террора» был расстрелян[4].

Судьбы офицеров, не живших в Тамбове осенью 1917 г., но имевших там семьи, также распределились неравномерно: четверо вступили в Красную Армию, трое – в белые войска, двух можно отнести к разряду обывателей, 13 оказались неизвестными по судьбе в годы Гражданской войны.

---

[1] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква К (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf. С. 620. (дата обращения: 29.07.2025); РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1320. Л. 16 об.-17; там же. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Ящик. 7376-К.

[2] Красный террор глазами очевидцев / составл., предисл., примечания д. и. н, С. В. Волкова. М.: Айрис-пресс, 2010. С. 430.

[3] Известия Бор. СРККД. 1918. 1 декабря.

[4] Известия Тамб. губ. Совета РСКД. 1918. 4 сентября.

Двое семейных тамбовских офицеров после 1917 г. попытались закрепиться в городе, поступив на службу в Тамбовский губернский военкомат. По объявлениям в местной газете бывший подполковник С.И. Марин в 1918 г. числился кандидатом на должность помощника делопроизводителя Губвоенкомата, а бывший генерал П.Ф. Максимов – кандидатом на должность смотрителя оружия[1].

Возможно, семейный фактор помимо прочих повлиял на выбор Красной Армии штабс-капитаном В.М. Цейтлиным. В дневнике он почти ничего не писал о семье. Известно только, что в 1912 г. во время службы в Тамбове Цейтлин женился на местной уроженце Нине Александровне Вернер[2]. Судя по спискам избирателей в Учредительное Собрание, Нина Александровна Цейтлина, 25 лет, осенью 1917 г. проживала в Тамбове в семье своего отца, известного местного аптекаря А.А. Вернера. Видимо, не случайно в своем дневнике М.В. Цейтлин упомянул посещение весной 1918 г. Тамбова[3], где, вероятно, продолжала проживать его семья. Город находился под контролем Советской власти, и это, возможно, закрепило выбор бывшим «царским» офицером службы в Красной Армии.

Среди участников белого движения отметим 29-летнего штабс-капитана Б.М. Бушека, вступившего во ВСЮР[4]. Его не удержало проживание в Тамбове матери и сестры.

Самую заметную роль семейный фактор сыграл в судьбе штабс-капитана П.М. Грушинского. Он с дореволюционных времен был женат на сестре Михаила Дмитриевича Чичканова, который в 1918 г. стал председателем Тамбовского губисполкома. Сам бывший офицер, заработавший в годы Первой мировой войны неврастению и оказавшийся в

[1] Известия Тамб. губ. Совета РСКД. 1918. 1 ноября.
[2] Цейтлин В. М. Дневник штабс-капитана. 1914-1918. / под редакцией А. В. Ганина; подготовка текста, вступительная статья, комментарии, приложения А. В. Ганина. М.: Фонд «Связь Эпох»; Издательский центр «Воевода», 2021. С. 8.
[3] Там же. С. 330.
[4] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Б (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_02-B.pdf. С. 825. (дата обращения: 29.07.2025).

тылу, в годы Гражданской войны мог позволить себе спокойно служить в Тамбове бухгалтером[1].

Видимо, семья и немолодой возраст удержали в Тамбове бывшего полковника Е.П. Бирюкова, который в 1919 г. числился в Тамбовском уездном земельном отделе[2].

Завершая сюжет о тамбовских семейных офицерах, отметим, в ситуации, когда судьба большей их части в годы Гражданской войны неизвестна, делать категоричных выводов затруднительно. Предположительно можно говорить максимум о четырех из 30 с лишним офицеров, которые в конце этой войны оставались в Тамбове со своими семьями.

Удалось выявить несколько фактов того, что место довоенного проживания и нахождение там родственников повлияло на выбор конкретной позиции в Гражданской войне.

Выше говорилось о контрреволюционном настрое полковника Д.И. Федичкина. В 1918 г. он оказался в поселке Ижевского завода, поскольку там находилась его семья.

И.Д. Дик (в прошлом ротмистр 7-го кавалерийского полка в Тамбове), служивший в конце мировой войны в штабе 12-й армии Северного фронта, в 1917 г. демобилизовался в чине подполковника, а в 1918 г переехал в Торжок, где зажил с семьей в собственном доме[3].

Полковник В.М. Попов после революции вернулся к семье в Воронеж. В сентябре 1919 г. после занятия Воронежа корпусом Шкуро вступил во ВСЮР и покинул город[4].

Сын чиновника Тамбовской губернии, полковник Н.П. Цветаев до мировой войны служил в 195-м пехотном Оровайском полку,

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Грушинский_Пантелеймон_Михайлович (дата обращения: 29.07.2025).
[2] ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 251. Л. 481.
[3] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Дик_Иван_Дмитриевич (дата обращения: 29.07.2025); Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы. // URL: https://vgulage.name/authors/dik-ivan-dmitrievich/ (дата обращения: 29.07.2025).
[4] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Попов_Виктор_Митрофанович (дата обращения: 29.07.2025).

дислоцировавшемся в Екатеринбурге. Там он оказался в составе белых войск. Вероятно, здесь осталась семья или какие-то другие связи, которые тянули его больше, чем тамбовская родина. Известно, что почти все оставшиеся в живых к 1918 г. офицеры Оровайского полка участвовали в Белом движении. Видимо, могло сказаться полковое братство[1].

Некоторые офицеры, возвратившись в родные места, также оказались в рядах Белого движения.

В 1914 г. А.Н. Воскресенский, поручик 17-го уланского полка в Новохоперске Воронежской губернии, был переведен офицером-воспитателем в Симбирский кадетский корпус. В годы Гражданской войны он служил помощником дежурного штаб-офицера штаба 1-го Волжского армейского корпуса Белой армии. Поскольку штаб находился в Симбирске, это дает основание предполагать, что А.Н. Воскресенский до начала Гражданской войны оставался в городе и, вероятнее всего, добровольно вступил на службу в белые войска. Хотя этот сравнительно молодой офицер (1885 года рождения) мог попасть и под мобилизацию. Однако известно, что Волжский армейский корпус в большей части состоял из добровольцев[2]. А уклониться от мобилизации в то «смутное» время было несложно.

Не случайно оказался в Белой Западной армии Восточного фронта поручик М.А. Яковлев, уроженец Симбирска[3]. Эта армия формировалась в Поволжье.

---

[1] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Цветаев_Николай_Павлович_1 (дата обращения: 29.07.2025); Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Ц (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_22-C.pdf. С. 9 (дата обращения: 29.07.2025); Кручинин А. М. Российский полк с финским именем: Очерки истории Оровайского полка (1811-1920). Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2000. 199 с.

[2] Википедия. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/1-й_Волжский_армейский_корпус (дата обращения: 29.07.2025).

[3] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Яковлев_Михаил_Андреевич (дата обращения: 29.07.2025).

Штабс-капитан М.А. Бекман в Гражданскую войну мог попасть в 3-й Уральский корпус белых, поскольку являлся уроженцем Пермской губернии, куда, возможно, вернулся после мировой войны[1].

Сослуживец Бекмана по 23-му саперному батальону штабс-капитан С. С. Миневский имел, так сказать, два основания для попадания в белогвардейские части Восточного фронта. Он оказался там в составе 1-го Польского инженерного батальона по национальности (имя и отчество Станислав Станиславович, фамилия на -ский) и по специальности (окончил Николаевское инженерное училище)[2].

Отправившийся на фронт с 31-й артиллерийской бригадой из Белгорода поручик Н.А. Околович уже в сентябре 1914 г. был прикомандирован к Уральской казачьей батарее. Возможно, это было связано с тем, что он был уроженцем города Уральска. За время мировой войны Околович стал подъесаулом-капитаном. На Восточном фронте Гражданской войны воевал в качестве капитана белой Уральской армии. Вроде бы «закономерно»[3].

Поручик Е.А. Арон, хотя и воевал в Первую мировую на Юго-Западном фронте, явно не случайно оказался в белых войсках Восточного фронта, поскольку был потомственным почетным гражданином Иркутской губернии, выпускником Сибирского кадетского корпуса[4].

В целом, семейный фактор для большинства изученных нами офицеров не стал сдерживающим от включения в Гражданскую войну.

Наряду с глубинными факторами и мотивами выбора лагеря Гражданской войны действовали ситуативные обстоятельства, что особенно проявилось в выборе офицерами конкретных армий.

---

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 785. ЛЛ. 5 об.-6; Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Б (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_02-B.pdf. С. 239. (дата обращения: 29.07.2025).

[2] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Миневский_Станислав_Станиславович (дата обращения: 29.07.2025).

[3] Картагузов С. В. «Сформировать на время военных действий… Уральскую казачью батарею». Участие Уральской казачьей артиллерии в Первой мировой войне // Военно-исторический журнал. 2008. № 11. С.45-51.

[4] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Арон_Евгений_Александрович (дата обращения: 29.07.2025).

Самыми очевидными примерами ситуативного выбора 1918-1919 гг. белых армий юга России (Добрармии, Вооруженных сил Юга России, Донской армии) стал факт вступления в эти армии более 130 офицеров, служивших до мировой войны в гарнизонах Воронежской и Курской губерний. Из Тамбовской губернии, расположенной несколько дальше от Дона и Кубани, в Белое движение этих регионов влилось максимум 40 человек. Наиболее заметным было движение на «белый» Юг офицеров полков, которые в конце 1917 – начале 1918 г. вернулись в места дислокации и были там расформированы.

Многочисленные факты вступления офицеров наших выборок в Добровольческую и другие антисоветские армии в начале 1918 г., задолго до мятежа чехословацкого корпуса лишний раз говорят о том, что это событие не было главным «толчком» к Гражданской войне.

Единичные факты участия в восстании «белочехов» офицеров изучаемого нами круга выборки имели ситуативное происхождение. Помимо не раз упомянутого полковника Б.Ф. Ушакова, еще в 1917 г. назначенного в штаб чехословацкого корпуса, выявлен только один офицер, в силу обстоятельств, оказавшийся в годы Гражданской войны в рядах Чехословацкого корпуса. Дворянин Тамбовской губернии капитан лейб-гвардии, артиллерист Е.Н. Сумароков в 1917 г. воевал на Юго-Западном фронте, в мае 1918 г. оказался в Екатеринбурге, откуда прорвался к чехам[1]. Вряд ли обстоятельства его прибытия на Восточный фронт были как-то связаны с «любовью к белочехам».

Полковник И.О. Ванин с лета 1917 г. числился в резерве чинов при штабе Киевского Военного округа. В силу такого ситуационного положения в 1918 г. он поступил на службу в армию Украинской Державы, не отказавшись

[1] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква С (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_17-S.pdf. С. 832. (дата обращения: 29.07.2025).

от должности Овруцкого уездного воинского начальника, в тех условиях сравнительно тихой для 52-летнего офицера[1].

Во многом ситуативным было поведение в годы Гражданской войны полковника В.И. Абаза, который в 1918 г. вполне закономерно попал в армию Украинской державы (был помещиком Харьковской губернии). Затем, судя по всему, ситуативно, служил в армии гетмана. В 1919 г. попал в плен к полякам. Там записался добровольцем в «белую» армию и по ситуации оказался в наиболее близкой к Польше Северо-Западной армии генерала Юденича[2].

Нами установлены и очевидно ситуативные факты попадания бывших офицеров русской армии в РККА. Штабс-капитан П.П. Чевкин в 1916 г. был командирован из 7-й артиллерийской бригады в Константиновское военное училище на должность офицера-воспитателя. После Октябрьской революции остался в Петрограде и вступил в Красную Армию[3].

Схожей была ситуация у поручика Д.Ю. Донченко, который по болезни был списан с фронта в 1915 г., поступил в Москве на службу в кадетский корпус, а в Красной армии с 1918 г. преподавал на курсах «Выстрел»[4].

Для тыловых офицеров периода мировой войны и революции 1917 г., как уже отмечалось, нередкой была ситуация службы у красных поближе к дому. Дополнительно назовем обстоятельства службы Н.А. Доломанова, ротмистра 6-го запасного кавалерийского полка (Борисоглебск), который в 1918 г. стал командиром советской роты охраны недалеко проходившей ЮВЖД[5].

---

[1] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква В (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_03-V.pdf. С. 31. (дата обращения: 29.07.2025).

[2] Тинченко Я. Ю. Офицерский корпус армии Украинской Народной Республики. Киев: Tempora, 2007. С 3; Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква А (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_01-A.pdf. С. 2. (дата обращения: 29.07.2025); Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Абаза,_Виктор_Иванович (дата обращения: 29.07.2025).

[3] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 53008. Л. 2 об; ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1519. С. 117-123; Д. 1559. С. 9.

[4] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2754. Л. 20 об.-21; Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Донченко_Дмитрий_Юрьевич (дата обращения: 29.07.2025).

[5] Воронежский Красный. Листок. 1918. 10 октября.

Поручик А.К. Пичугин до войны служил в Моршанске в 23-м саперном батальоне. В 1918 г. он стал заведующим отделом формирования и обучения Моршанского военкомата[1].

Конечно, наши рассуждения о факторах и мотивах выбора конкретными офицерами позиции в Гражданской войне имеют главным образом предположительный характер. Источники не позволяют учесть все объективные и субъективные обстоятельства такого выбора в каждом отдельном случае. И все-таки выявленные материалы достаточно убедительно говорят о том, что степень осознанности выбора конкретными офицерами позиции в Гражданской войне определялась действенными поступками. Так, факты вступления в Красную Армию и личного участия в обороне Петрограда в феврале 1918 г. явно отразили сохранение в тот момент антигерманских настроений офицеров и фактическое восприятие ими Советской власти как защитницы России. С другой стороны, переезд сотен офицеров с территорий бывших западных и северных фронтов мировой войны, тыловых районов Центра России в Добровольческую армию Юга России, в меньшей мере в восточные армии Комуча и Колчака можно рассматривать как сознательный действенный выбор службы в антисоветских войсках. Осознанным и действенным мы признаем также выбор офицерами-инородцами службы в национальных антисоветских формированиях.

Наиболее распространенный в годы Гражданской войны ситуативный выбор бывшими офицерами жизненной позиции также был действенным, хотя и менее очевидным. Конечно, факты вступления в ряды красных или белых в родных местах или местах проживания семьи в ряде случаев были действиями по обстоятельствам. И все-таки мы выявили заметное число случаев, когда офицерам приходилось принимать действенное решение остаться дома и вступить в Красную Армию или, оставив домашний уют и преодолевая многие трудности, пробираться к белым однополчанам и единомышленникам.

[1] Борьба. Моршанск. 1918. 27 августа.

Труднее объяснить прагматический выбор «тихого места» в советских тыловых военных учреждениях и учебных заведениях с гарантированным пайком и профессиональным признанием.

Анализ сочетания в выборе позиций отдельными офицерами в Гражданской войне идейных убеждений и эмоционального состояния, с одной стороны, и действенных поступков, с другой стороны, дал возможность распределить этих людей по определенным типам поведения, свойственным эпохе.

3.5. Типы офицеров военно-революционного времени

Венцом просопографических исследований считается построение типологии персонажей отдельных групп коллективных портретов. Для построения типологии социально-психологического облика разных представителей несколько выборок офицеров 1917-1922 гг. мы решили апробировать предложенный еще в середине 1990-х гг. В.В. Журавлевым метод анализа социально-психологических типов революционной эпохи[1].

Собранные нами данные о биографиях сотен офицеров российской провинции во многих случаях оказались достаточными не только для количественных характеристик их социально-профессионального облика, но и отнесения этих людей к определенному типу человека революционного времени.

Конечно, предлагаемая нами типология в чем-то условна. Последовательные сторонники «красных» и «белых» в целом определяются точно. Но источники порой не позволяют выявить точные факты для отнесения конкретных офицеров к таким типам как оборотни, среднестатистические деятели, обыватели революционного времени. При определении таких типов приходилось делать некоторые оговорки.

[1] Журавлев В. В. Революция как способ реализации личного интереса (К постановке проблемы) //Революция и человек. Социально-психологический аспект [б. м.], 1996. С. 18-28.

Как показали количественные подсчеты путей офицеров наших выборок, при всей неполноте и нечеткости имеющихся данных, большинство офицеров оказалось в составе антисоветских сил. Почти всех мы относим к типу контрреволюционеров, которые вскоре после Октябрьской революции сознательно и решительно вступали в ряды борцов против Советской власти.

Упоминавшиеся ранее убеждённые монархисты и контрреволюционеры решительными действиями в борьбе против советской власти в годы Гражданской войны подтвердили свою идейно-политическую позицию в 1917 г.

О контрреволюционной борьбе против установившейся Советской власти генерала И.Р. Довбор-Мусницкого в конце 1917 – начале 1918 гг. мы уже писали. Сейчас добавим только, что он последовательно продолжал борьбу против Советской России уже в рядах польской армии до 1920 г.[1]

Упоминавшийся ранее «антибольшевик» подполковник А.Н. Гришин (будущий Алмазов), в начале 1918 г. вполне закономерно оказался в Добровольческой армии. Затем генерал М.В. Алексеев послал Гришина в Западную Сибирь для организации подпольных антисоветских групп офицеров. Заработанный «контрреволюционный» авторитет и прежние армейские связи способствовали его назначению летом 1918 г. командующим Сибирской армией[2].

Потеряв должность из-за недовольства социалистами Омского правительства его крайним монархизмом, Гришин-Алмазов на всех своих дальнейших должностях подтверждал решительную контрреволюционную позицию. Ее финальным проявлением стало самоубийство в связи с нежеланием попасть в плен Красной Армии[3].

---

[1] Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917-1922 гг.: Справочные материалы. М.: Русский путь, 2009. С. 211.

[2] Шишкин В. И. Командующий Сибирской армией генерал А. Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918-1919 гг.): сб. науч. ст. Новосибирск. 2009. С.126-195.; Шишкин В. И. Генерал А.Н. Гришин-Алмазов: крушение карьеры (конец августа-сентябрь 1918 г.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск. 2011. Т. 10. Вып. 1. С. 79-99.

[3] Ивлев М. Н. Диктатор Одессы. Зигзаги судьбы белого генерала. М.: Вече, 2013.

Не раз упомянутый решительный контрреволюционер А.В. Корвин-Круковский с января 1918 г. стал комендантом штаба Добровольческой армии, затем был участником 1-го Кубанского (“Ледяного”) похода, начальником обоза армии, командовал комендантской командой, которая приводила к исполнению расстрельные решения военно-полевого суда Добрармии. С осени 1918 г. он служил в Крыму, будучи назначенным А.И. Деникиным Командующим Добровольческими частями в Крыму, позже Начальником 4-й пехотной дивизии. Один из мемуаристов писал о нем: «По внешнему виду молодцеватый, генерал, боевой, но с недобрым взглядом и с сугубо резкостью в манерах». А.В. Корвин-Круковский сразу же организовал собрание местных офицеров в Симферополе и «бурбонским тоном» говорил о дисциплине в армии. Диктаторскими методами он не смог установить отношения с офицерством и серьезно испортил отношения Добровольческой Армии с Крымским правительством[1].

В конце 1919 – начале 1920 гг. он был комендантом Новороссийска. Бывший журналист Г. Виллиям, служивший в 1919 г. в деникинском «Осваге», в своих воспоминаниях писал: «…в Новороссийске свирепствовал генерал Корвин-Круковский, наделенный неограниченными полномочиями генералом Деникиным, беспросыпно пьяный, сквернословящий, он был страшен»[2].

В 1920 г. А.В. Корвин-Круковский вновь служил к Крыму в качестве заместителя председателя Корниловского союза донского атамана Богаевского. В это время даже у сурового контрреволюционера проявлялись пессимистические рассуждения. В период неудачного наступления Врангеля в Северной Таврии он говорил военному корреспонденту Г.Н. Раковскому: «Да и как мы могли быть оптимистами, когда идейных борцов осталось на фронте ничтожное количество. Казаки воюют, потому что они находятся в безысходном положении и стремятся пробиться на Дон. Добровольцы же

[1] Пасманик Д. С. Революционные годы в Крыму. Париж: Société anonyme imprimerie de Navarre, 1926. С. 125-131.
[2] Архив Русской Революции. Т. 7. М., 1991. С. 237.

дерутся по инерции как люди определенного ремесла, как хорошие профессионалы. Что им и делать, как не драться!». В связи с обесцениванием офицерского жалованья журналист приводил слова Корвин-Круковского из рапорта Врангелю о вопросе возможностей существования семей офицеров на такое жалованье: «Страшные и жестоки ответы жизни на поставленный вопрос». Корвин-Круковский приводил примеры самоубийств офицеров, не переживших голода и лишений, слов жён о необходимости «идти на улицу», и восклицал: «Под тяжестью этого ужаса и позора сломились стальные души героев»[1].

Упомянутый ранее как убежденный монархист полковник Г.М. Лермонтов прошёл Первый Ледяной поход, а также второй Кубанский походы. Перейдя в регулярную кавалерию, стал командиром Сводно-драгунского полка 3-й бригады 2-й Кавалерийской дивизии Войск Новороссии на юге Украины. После тяжелых кровопролитных и неравных боёв полк Лермонтова в составе Русской Армии генерала Врангеля эвакуировался в Югославию[2].

Полковник Д.Т. Миончинский, служивший до мировой войны в Белгороде, в самом начале 1918 г. оказался в Добровольческой армии и героически сражался в ее рядах вплоть до гибели.

Явным проявлением решительной контрреволюционности офицеров Добрармии стала судьба поручика военного времени П.Д. Шаренко (до войны сотрудника ростовской конторы Московского купеческого банка). Он после ранения в 1916 г. и контузии в 1917 г. в числе первых вступил в Добровольческую армию, был участником 1-го Кубанского ("Ледяного") похода, погиб в марте 1918 г. под Екатеринодаром[3].

Ценою жизни доказал преданность «белому делу» офицер тамбовского происхождения, полковник А.С. Булаткин, который был участником 1-го

---

[1] Раковский Г. Конец белых: От Днепра до Босфора. Прага: «Воля России», 1921. С. 67-68, 163.
[2] Телегин С. М. Он был любим Небом. (М.Ю. Лермонтов в оценке русских философов). М.: Эдитус, 2013.
[3] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Ш (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_24-Sh.pdf. С. 51. (дата обращения: 29.07.2025).

"Ледяного" похода, в 1918 г. воевал в Добровольческой армии и ВСЮР в 1-м Офицерском полку командиром роты, командиром батальона, помощником командира Марковского полка, затем командиром батальона. Р.Г. Гагкуев привел в пример удачные действия отряда Булаткина, который в январе 1919 г. в одном из боев взял в плен около тысячи красноармейцев. В марте 1919 г. А.С. Булаткин погиб в боях в Донбассе[1].

Особого внимания заслуживает личность полковника К.Л. Капнина, который служил в Добровольческой армии с августа 1918 г., был участником второго Кубанского похода, затем начальником штаба Корниловской дивизии. Уже летом 1918 г. находясь в звании капитана К.Л. Капнин стал весьма авторитетным офицером Добровольческой Армии. Он явился фактическим составителем так называемой Инструкции генерала Н.С. Тимановского, в которой был обобщен опыт боевых действий этой армии в первые месяцы Гражданской войны[2]. В марте 1920 г. отличился в боях за Одессу. Лично на броневике отважно ворвался в город. В конце Гражданской войны служил в Русской Армии вплоть до эвакуации ее из Крыма[3].

Для нашей работы особенно важным оказалось то, что Капнин оставил воспоминания с интересными оценками белого движения и своих эмоций как участника суровой борьбы. Как и многие его соратники, он наивно считал, что первоначально крестьяне были готовы воевать за белых против большевиков. Одной из главных причин неудачных действий Добровольческой армии под Орлом он называл отказ ее руководства от мобилизации местного населения, которая могла бы сократить гибель «драгоценного офицерского элемента». В итоге Капнин признал, что реквизиции продуктов, неясная земельная

---

[1] Гагкуев Р. Г. Белое движение на юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917-1920 гг. М.: Содружество «Посев», 2012. С. 276; Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Б (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL : https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_02-B.pdf. С. 744. (дата обращения: 29.07.2025).

[2] Гагкуев Р. Г., Шилова С. Г. «Инструкция» Белого генерала Н. С. Тимановского об особенностях ведения боевых действий в Гражданскую войну // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 4. С. 145.

[3] Поход на Москву / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии доктора исторических наук С. В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2004. С. 679-680; Трубецкой Г. Н. Годы смут и надежд. 1917-1919. Монреаль: Б.и., 1981. С. 220.

политика Деникина, хаотическое управление тылом во время похода на Москву привели к разочарованию населения Центральной России в белых[1].

Типичными представляются и поиски причин поражений в рядах самих белых: зависть перед первоначальными успехами Корниловского полка и торможение с мобилизацией в «высших штабах», плохая работа интендантов и т.д.[2]

Но и у «пламенных контрреволюционеров» из числа белых офицеров могли проявляться «нежные» эмоции. В частности, такие чувства отразились в воспоминаниях К.Л. Капнина о взятии Курска 30 сентября 1919 г.: «Незабываемые минуты. Тихий осенний вечер. Лучи восходящего солнца освещают толпы народа, встречающего нас цветами, словами благодарности, счастья освобождение от душащего все живое красного террора, а над землей расплывается непрерывный радостный Пасхальный Звон. Невозможно удержаться от слез. Так встречал нас простой люд окраин». По прошествии времени вспоминались и неприятные факты: молебен 1 октября в плохую походу, с запозданием священника; ощущения: «Всех нас пронизывает ледяная сырость и невольно в душу закрадывается мысль, что Богу не угодна наша жертва и что впереди нас ждут какие-то еще более тяжелые испытания»[3].

Ярким представителем идейных контрреволюционеров, своего рода пропагандистом «белого дела» был Я.М. Лисовой, который с осени 1917 г. в Добровольческой армии возглавлял Военно-Политический центр, занимавшийся вербовкой офицеров в эту армию[4].

«Контрреволюционный героизм» некоторых представителей наших выборок был отмечен в воспоминаниях их сослуживцев.

Кавалерийский офицер князь Н.В. Голицын вспоминал об отважном поведении командира дивизиона Новоархангельских улан полковника М.П.

---

[1] Капнин К. Л. Отрывок из воспоминаний о боях Добровольческой Армии под Орлом осенью 1919 года // Страницы истории Гражданской войны на Орловщине. Орёл, 2010. С. 94-95.
[2] Там же. С. 94-96.
[3] Там же. С. 98.
[4] Гагкуев Р. Г. Белое движение на юге России… С. 156.

Кадьяна в бою с красными в 1919 г. на Южном фронте, особенно о его беспощадности в отношении пленных красноармейцев-китайцев[1].

Деникинский офицер М.А. Критский вспоминал полковника Ю.Н. Роппонета, который в сентябре 1919 г. под Курском командовал объединенными дивизионами тяжелой и легкой артиллерии. Он был, по словам мемуариста, одним из тех артиллеристов, которым во время боя по уставу «некогда думать о себе». Мемуарист указывал, что полковник Роппонет успешно сосредоточил огонь по сильно укрепленной полосе красных[2].

В нескольких воспоминаниях бывших дроздовцев фигурирует командир 2-го батальона полковник В.П. Коньков, который доблестно сражался в боях в Крыму в 1920 г.[3].

К числу последовательных стойких контрреволюционеров мы решили отнести тех офицеров, которые оставались в рядах белых вплоть до окончания Гражданской войны на своем участке фронта, погибли или, попав в плен к Красной армии, были расстреляны.

Неожиданным оказалось то, что среди представителей наших выборок всего один офицер полковник Д.М. Брезгун погиб в боях за Крым[4]. Вместе с тем мы выявили не менее 30 фактов расстрелов офицеров Русской армии из изученного круга лиц в конце 1920 г. в разных городах Крыма. Наиболее известными крупными расправами над офицерами армии Врангеля в процессе «бега» из Крыма стали массовые расстрелы, во время которых были казнены многие офицеры наших выборок. В качестве примеров мы приведем жертв крымских расстрелов из числа кадровых офицеров частей Тамбовской губернии.

---

[1] Голицын Н. В. Конная атака Новоархангельских улан в октябре 1919 года // Возрождённые полки русской армии в Белой борьбе на Юге России. М.: Центрполиграф, 2002. С. 207.
[2] Критский М. А. Корниловский ударный полк / Сост. М. А. Критским. Париж: Б. и., 1936. С. 129-130.
[3] Кравченко В. Дроздовцы от Ясс до Галлилоля. Мюнхен, 1975. Т. 2. С. 119; Туркул А. В. Дроздовцы в огне. Л.: Ингрия, 1991. С. 250-252.
[4] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Б (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_02-B.pdf. С. 665. (дата обращения: 29.07.2025).

В один день 23 ноября 1920 г. в Симферополе были расстреляны однополчане «витебцы» подполковник М.А. Колбасенко[1] и поручик И.М. Радченко[2]. Бывший офицер управления 2-й бригады кавалерийского запаса Н.М. Ганский был расстрелян 4 декабря 1920 г. в Феодосии[3]. Вместе с ним был казнен М.П. Юрченко-Казаков[4], служивший до мировой войны в 40-м пехотном полку в Моршанске. 7 декабря, там же, был расстрелян бывший офицер 7-й артиллерийской бригады А.А. Новиков[5]. Его сослуживец Б.И. Горленко был подвержен высшей мере наказания в самом начале 1921 г. в Симферополе[6].

Дополнительные сведения мы получили при изучении данных об офицерах военного времени, а также кадровых офицерах тамбовского происхождения.

Среди тамбовцев, расстрелянных в ноябре 1920 г. в Симферополе, мы установили полковника Александра Антониновича Богачева[7] и капитана Тимофея Петровича Петрова[8]. Штабс-капитан Алексей Васильевич Сохранский и поручик военного времени Петр Андреевич Булыгин были расстреляны в Джанкое в декабре того же года[9]. Там и тогда же был расстрелян поручик военного времени Петр Адрианович Булыгин[10].

Выявлены единичные факты расстрелов офицеров белых армий в период Гражданской войны в других регионах. Помимо упомянутых ранее фактов расстрелов на начальном этапе Гражданской войны, имеются данные ее последующих периодов. В частности, поручик тамбовского происхождения Николай Владимирович Куприяновский, долго служивший адъютантом

---

[1] Тинченко Я. Ю. 12 тысяч. Крымские расстрелы, 20.11.1920-18.04.1921. // Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Книга десятая. Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 2021. С. 695.
[2] Там же. С. 864.
[3] Там же. С. 579.
[4] Там же. С. 1021.
[5] Там же. С. 808.
[6] Там же. С. 594.
[7] Там же. С. 532.
[8] Там же. С. 834.
[9] Там же. С. 920.
[10] Там же. С. 549.

Ставропольского уездного воинского начальника, был расстрелян летом 1920 г.[1]

По-особому готовность бороться с Советской властью до последней возможности продемонстрировало несколько офицеров, которые эвакуировались из Новороссийска за рубеж, а затем вернулись в Россию, вступив в ряды Русской Армии и сражаясь в ней до конца военных действий в Крыму. Среди них оказались полковник И.Д. Ахшарумов[2], подполковники В.А. Виноградов[3], Б.В. Мельников[4], капитан Н.К. Беньковский[5].

Часть решительных контрреволюционеров из изученного круга лиц проявилась на Восточном и других фронтах Гражданской войны.

В начале 1920 г. советскими войсками был казнен один из ближайших помощников Каппеля генерал-майор И.Ф. Ромеров[6].

Полковник Б.Ф. Ушаков, назначенный в 1917 г. начальником штаба 2-й дивизии Чехословацкого корпуса, свою готовность бороться с Советской властью проявил тем, что после распада Российской императорской армии остался служить в корпусе, двинулся с ним на Восток и прошел в рядах «белочехов» боевой путь вплоть до своей гибели в районе Байкала[7].

---

[1] Открытый список. // URL: https://ru.openlist.wiki/Куприяновский_Николай_Владимирович_(1880) (дата обращения: 29.08.2025).

[2] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква А (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_01-A.pdf. С. 426. (дата обращения: 29.07.2025).

[3] Там же. Буква В (на январь 2025) // Сайт Историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_03-V.pdf. С. 238. (дата обращения: 29.07.2025).

[4] Там же. Буква М (на январь 2025) // Сайт Историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_12-M.pdf. С. 381. (дата обращения: 29.07.2025).

[5] Там же. Буква Б (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_02-B.pdf. С. 339. (дата обращения: 29.07.2025).

[6] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Ромеров_Иван_Феофилович (дата обращения: 29.08.2025).

[7] Ганин А. В., Новиков П. А., Хипхенов Г. И. «Я с броневиком иду в наступление…» Походные заметки русского офицера Чехословацкого корпуса подполковника Б.Ф. Ушакова. Январь-июнь 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 4 (23). С. 252-253.

Полковник Д.И. Федичкин, о котором мы писали ранее, сражался в составе армии Колчака вплоть до ее разгрома в степях Забайкалья[1].

Мы уже предполагали «контрреволюционные» мотивы, по которым подполковник А.Д. Олиферов оказался в рядах белых. С августа 1918 г. он служил в 6-м Мариинском полку 2-й Сибирской стрелковой дивизии Сибирской армии. В апреле 1919 г. Олиферов в звании подполковника принял на себя командование этим полком. Но полк прекратил существование в декабре того же года в ходе боев с красными. После этого А.Д. Олиферов создал в Енисейской губернии крестьянский повстанческий отряд, который воевал против советской власти. Он руководил полком до своей гибели в начале 1921 г. В исторической литературе этого решительного контрреволюционера даже называли «Сибирским Корниловым»[2]. Ясно, он относился к тем кадровым офицерам императорской армии, которые отчаянно сражались против Советской власти до последней возможности.

Про последовательную контрреволюционность генерал-майора Н.А. Полякова мы говорим потому, что он сражался против Красной Армии в составе Дальневосточной Армии и погиб[3].

Капитан Е.И. Афанасьев, судя по всему, до конца Гражданской войны воевал в составе Северной армии белых. Он попал в плен Красной Армии и в апреле 1921 г. был расстрелян под Архангельском[4].

К убежденным контрреволюционерам мы отнесли нескольких офицеров, чье пребывание в мирной жизни или на службе в Красной Армии выглядели случайностью, а переход в войска противников Советской власти

---

[1] Ефимов А. Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918-1920 / сост. Л. Ю. Тремсиной, предисл. А. А. Петрова. М.: Айрис-пресс. 2008. 416 с.; Цветков В. Ж. Ижевско-Воткинское восстание. 1918. М.: Посев. 2000.

[2] Вожаки и лидеры Смуты 1918-1922 гг. Биографические материала/ Под ред. А.В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2017. С. 463-464; Горелов Ю. П. История борьбы с белым отрядом полковника Олиферова а Кузбассе// История белой Сибири. Тезисы III научной конференции 2-3 февраля 1999 г. Кемерово, 1999. С. 153; Ермолаев А. Н., Дубровская Е. Д. Рейд отряда Олиферова по территории Кузбасса зимой 1920-1921 гг.: причины неудач красны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 22(1). С. 13-19.

[3] Офицеры РИА. URL: https://ria1914.info/index.php?title=Поляков_Никита_Андреевич (дата обращения: 29.07.2025).

[4] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква А (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_01-A.pdf. С. 409. (дата обращения: 29.07.2025).

происходил по убеждениям. Одним из ярких примеров метаний офицеров между попытками поступить на советскую службу и готовностью с ней решительно бороться в первой половине 1918 г. стало поведение генерал-лейтенанта С.И. Богдановича, который в это время оказался в Тамбове, где перед мировой войной командовал 27-м Витебским полком. Вероятнее всего, он вернулся к семье[1].

По данным В.В. Каминского он, проживая в Тамбове, подал в военкомат прошение о назначении на должность Военрука Приуральского, Приволжского или Ярославского ВО «или же любого из других»[2].

Так получилось, что буквально за несколько дней до решения вопроса о его советской военной службе С.И. Богданович оказался видным деятелем антисоветского мятежа в Тамбове, вспыхнувшего 17 июня 1918 г. Тамбовские историки, авторы «анатомии» мятежа, пишут о том, что выдвижение восставшими на пост коменданта города боевого генерала С.И. Богдановича 18 июня произошло по инициативе офицеров[3]. Судя по контексту документов, это были кадровые офицеры российской императорской армии, вернувшиеся после мировой войны домой или осевшие в городе. Они были недовольны выдвижением в начале восстания на должность военного коменданта подпоручика военного времени, эсера А.Т. Кочаровского. Такие личности по определению не устраивали профессиональное офицерство. Тамбовские офицеры, намного опередив по времени «омских коллег», решили убрать от власти социалистов и привести к руководству городом боевого генерала.

Вступив в должность, генерал Богданович издал объявление с приказом ко всем честным гражданам явиться на запись добровольцами. При этом в приказе звучала наивная, на наш взгляд, фраза о том, что «будут формироваться полки добровольцев»[4]. Опытный, вроде бы, в военном деле человек не мог понять нереальности такой постановки задачи. Он должен был

---

[1] Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917-1922 гг.: Справочные материалы. М.: Русский путь, 2009. С. 170, 834.
[2] Каминский В. В. Указ. соч. С. 665.
[3] Канищев В. В., Мещеряков Ю. В. Указ. соч. С. 121.
[4] Там же. С. 151.

знать о том, что в первый день восстания в условиях эйфории от свержения советской власти его руководители смогли вооружить несколько сотен горожан. Большинство составили «обыватели», намеренные защищать только своё имущество и ни в какие полки вступать не собирались. Интересным представляется идеологическое заявление Богдановича, который в своём обращении к тамбовцам назвал советскую власть властью «насильников и грабителей, разоривших Россию и продавших ее в руки немцев»[1].

После такого заявления трудно понять человека, который всего несколько дней назад собирался служить этой власти. Скорее всего, Сергей Ильич просто запутался в сложном ходе событий политической жизни. Можно согласиться с авторами книги о Тамбовском мятеже, которые оценили его в этих событиях как свадебного генерала[2].

Из Тамбова С.И. Богданович исчез почти незаметно. С.В. Евгенов писал в своих воспоминаниях о посещении генерала делегацией Совета Труда, которая просила его освободить профсоюзного лидера Б.А. Васильева. Богданович уже покидал свой штаб и на ходу подписал прошение делегатов[3].

Дальнейший путь этого офицера опять-таки был «неровным», но в целом антисоветским. С августа 1918 г. он состоял в различных украинских формированиях. В начале 1919 г., в период наступления Украинской советской армии на Киев, эвакуировался на Волынь и там попал в плен к полякам. Как изъявивший желание воевать с большевиками в составе армии генерала Деникина, был освобождён из плена и переправлен через Румынию в Одессу. С осени 1919 по март 1920 г. числился в составе ВСЮР. С 1920 г. С.И. Богданович в эмиграции в Югославии[4].

---

[1] Там же. С. 152-153.
[2] Там же. С. 203
[3] Там же. С.159.
[4] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Богданович_Сергей_Ильич (дата обращения: 29.07.2025).

О дальнейшей судьбе упомянутого ранее С.В. Вакара, в частности, писал Р.Г. Гагкуев, отмечая, что преданный белому движению офицер тяжело переживал развал кубанского казачьего войска[1].

К числу решительных контрреволюционеров мы отнесли всех офицеров белых армий, кто оказался в эмиграции и не возвращался в Советскую Россию. Конечно, зачастую неизвестна степень их контрреволюционной убежденности. И все-таки своим пребыванием в эмиграции они доказали не признание Советской власти.

Мы практически не выявили в своих выборках ни одного убеждённого революционера (эсера или меньшевика до 1917 г., либо большевика до Октябрьской революции).

«С натяжкой» мы определили двух офицеров, идейно поддержавших большевиков. В первую очередь это был уже упоминавшийся поручик В.И. Лунин из тамбовских дворян, якобы воспылавший в 1917 г. революционными идеями. К сожалению, фактов его послереволюционной биографии и степени преданности Советскому государству в годы Гражданской войны выявить не удалось.

Зато В.М. Цейтлин, упоминавшийся как человек поверивший в силу большевиков в период Октябрьской революции, доказал преданность Советской власти службой в Красной Армии и в послереволюционные годы. Уже в марте 1918 г. он стал начальником оперативного отдела штаба Рязанского отряда Красной Армии. В годы Гражданской войны занимал различные руководящие должности в штабах, воинских соединениях, военных управлениях, начал преподавать в Военной Академии РККА[2].

Особый подтип представляли офицеры, которые не вступили в большевистскую партию до Великого Октября, но заслужили доверие

---

[1] Гагкуев Р. Г. Белое движение на юге России…С. 449.

[2] Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1-му марта 1923 года: Военная Типография Штаба Р.-К. К.А., 1923. С. 242; Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917-1920 гг. М.: Наука, 1988. С. 185.

революционных солдат, а затем своей службой в Красной Армии доказали верность советскому государству.

Уже упоминавшийся выборный командир 263-го военного транспорта штабс-ротмистр В.В. Тархов в апреле 1918 г. по демобилизации приехал в Москву, где добровольно поступил во вновь формируемый штаб Орловского военного округа РККА. В ходе дальнейшей службы в Красной Армии он был направлен из Москвы командиром кавалерийского дивизиона в Минск, в июне назначен командиром 3-го кавалерийского полка на южном фланге Восточного фронта, осенью 1920 г. стал командиром Отдельной Кавалерийской бригады при 2-й стрелковой дивизии, участвовал в боях с армянскими дашнакскими отрядами, летом 1921 г. исполнял должность командира кавалерийской дивизии в Харькове. О его роли прежде всего как военного специалиста, а не идейного красного командира говорят слова официального рапорта, который В.В. Тархов написал 11 января 1939 г.: «С революционными подпольными организациями связи не имел и революционную работу не вёл. Преследованиям со стороны царского правительства не подвергался. В белой армии и армиях интервентов не служил. В плену у белых не был и на территории белых не проживал ни я, ни моя семья. Беспартийный. В партии ВКП(б) не состоял и членом каких-либо политических группировок не был и не состою. Ясно и четко представляю себе задачи Советской Власти и никаких колебаний не имел и не имею. Под судом не был и административным взысканиям не подвергался. Доцент кафедры «Тактики» комбриг В.В. Тархов»[1].

Последовательное движение в Красную Армию совершил Б.П. Ненашев, который в 1914 г. служил в Белгороде поручиком 10-го мортирного артиллерийского дивизиона и к концу мировой войны оказался в отдельной батарее воздушной охраны Императорской резиденции в чине капитана. В октябре 1917 г. он был избран личным составом командиром батареи. Видимо,

[1] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Тархов_Валентин_Валентинович (дата обращения: 29.07.2025).

в это время получил звание подполковника. В марте 1918 г., т.е. на самом начальном этапе формирования Красной Армии, стал первым командиром управления формирования зенитных батарей РККА в Калуге. В 1919-1920 гг. Ненашев командовал артиллерийским дивизионом на Восточном фронте Красной Армии. В такой биографии видится нередкая в ту эпоху удачная военная карьера молодого офицера, ускоренная в революционном 1917 г.[1]

Некоторые бывшие царские офицеры отдали жизнь за Советскую власть. Героически сражался в рядах РККА бывший штабс-ротмистр Николай Павлович Захаров. Случайно получить орден Красного Знамени было невозможно. Молодому комбригу Н.П. Захарову в 1918 г. было 26 лет нужно было проявить не только личную отвагу, но и правильно организовать действия рядовых красноармейцев. В советской литературе гибель этого офицера подавалась канонически как стойкость командира, не выдавшего при пленении «военной тайны»[2]. Протокол допроса не известен, попавший в плен вместе с ним комиссар бригады Юдин также погиб (другими словами, свидетелей не было). Но предположить то, что дело было не в «военной тайне», а в жестоком отношении белых к офицеру, который с их точки зрения был предателем, вполне реалистично. Но в любом случае гибель Н.П. Захарова нужно представлять как яркое свидетельство трагизма Гражданской войны.

Признание получило успешное и грамотное руководство боевыми действиями отдельных частей красной армии офицерами из наших выборок. Так, полковник В.Ф. Карпов в 1918 г. был мобилизован в Красную Армию, а вскоре назначен командиром 1-й бригады 5-й стрелковой дивизии, формировавшейся на Восточном фронте. Своей службой доказал преданность Советской власти, умело и решительно командуя бригадой, а затем всей дивизией, заслужив орден Красного Знамени[3].

---

[1] РУВИКИ. // URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Ненашев,_Борис_Павлович (дата обращения: 29.07.2025).
[2] Шушарин М. И. Александр Юдин: биографически очерк. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во. 1971. 103 с.
[3] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Карпов_Владимир_Федорович_1 (дата обращения: 29.07.2025).

Широкую известность получила боевая деятельность начальника артиллерии 9-й дивизии Красной Армии А.Д. Давыдова (в 1914 г. поручика 7-й артбригады в Тамбове, а в 1917 г штабс-капитана 59-й артиллерийской бригады). В 1919 г. в бою между тремя советскими и тремя белыми бронепоездами у станции Солнцево Курской губернии поезда под его командованием удачно обстреляли и заставили отступить белых, при этом повредил тяжёлый бронепоезд противника «Иоанн Калита»[1].

К отдельному подтипу мы отнесли бывших царских офицеров, которые стали советскими военными специалистами, готовыми заниматься своим делом независимо от изменений политического строя («Есть такая профессия Родину защищать»). Они доказали всей своей службой в годы Гражданской войны преданность Советской власти и достигли заметных повышений в должностях.

Типичным представителем этого «подтипа» можно назвать Ю.М. Шейдемана, который накануне мировой войны был полковником, командиром 21-го мортирного артдивизиона в Курске, в январе 1917 г. получил звание генерал-лейтенанта, а в 1918 г. вступил в РККА. В том же году был арестован ЧК. Но после вмешательства Л.Д. Троцкого возвращен на службу. К 1921 г. он дослужился до начальника артиллерии Красной Армии. Вряд ли человек, не стремившийся честно служить советскому правительству, смог занять столь высокий военный пост[2].

Из офицеров тамбовского происхождения в качестве примеров востребованных военспецов в первую очередь можно отнести Ивана Федоровича Бучина[3], Леонида Степановича Мещерякова[4] и Владимира Васильевича Шуваликова[5], вступивших в Красную Армию в 1918 г.

---

[1] Власов А. А. О бронепоездах Добровольческой армии // Поход на Москву. М.: Центрполиграф, 2004. С. 455.
[2] Гражданская война и военная интервенция в СССР. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 662; Каминский В. В. Указ. соч. С. 179.
[3] Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА, 1937-1941. Комбриги и им равные. М.: Кучково поле, 2014. С. 36-37.
[4] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Мещеряков_Леонид_Степанович (дата обращения: 27.08.2025).
[5] Там же. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Шуваликов_Владимир_Васильевич (дата обращения: 27.08.2025); РГВА. Ф. 25883. Оп. 4. Д. 1426. Л. 376.

Пример осознанного пути в Красную Армию можно признать карьеру выходца из крестьян Тамбовской губернии бывшего капитана Ивана Николаевича Полковникова, добровольно вступившего в РККА весной 1918 г. Находясь в то время в Сибири, он быстро пошел «вверх». С апреля 1918 г. был членом Сибирской военной комиссии, с мая 1918 г. иркутским военкомом. Каким-то образом И.Н. Полковников выбрался на советскую территорию (явно сознательно). В Красной армии прошел путь от военрука Брянского уездного военкомата до начальника моботдела командного управления Штаба РККА, а затем начальника 2-й части командного отдела штаба РККА[1].

Среди тамбовчан также выделялся штабс-капитан Николай Николаевич Розанов, который в составе Красной Армии в годы Гражданской войны прошел путь от помначштаба Карельского участка до начальника штаба нескольких стрелковых дивизий, был включен в списки Генштаба РККА. В 1921 г. состоял Помначоперупра ЗВО[2].

Мы выяснили также, что среди офицеров тамбовского происхождения красными командирами стали Н.Ф. Патутин, В.И. Алехин и П.М. Преклонский. Последний из них был даже командиром полка Красной армии[3].

Крайне редким явлением были публичные откровенные призывы бывших «царских» офицеров к своим прежним коллегам вступать в Красную Армию. Мы выявили только один такой персонифицированный факт. В июле 1918 г. курская газета «Красная армия» опубликовала статью бывшего офицера Е. Кривцова с призывом вступать в ряды РККА для защиты Советской республики по аналогии с защитой французской революционной

---

[1] Кавтарадзе А. Г. «Скорее пополнить действующую армию офицерами, ознакомленными со службой Генерального штаба…» // Военно-исторический журнал. 2002. №1. С.48-55; Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1-му марта 1923 года: Военная Типография Штаба Р.-К. К.А. С. 176; Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917-1920 гг. М.: Наука, 1988. С. 182; Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Полковников_Иван_Николаевич (дата обращения: 27.08.2025).

[2] Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1-му марта 1923 года: Военная Типография Штаба Р.-К. К.А. С. 187; Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917-1920 гг. М.: Наука, 1988. С. 182; Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Розанов_Николай_Николаевич (дата обращения: 27.08.2025).

[3] Рахманов П. С. Указ. Соч. С. 135, 136.

республикой конца XVIII в.[1] Возможно, автором был Евгений Гурьевич Кривцов, один из трех братьев-офицеров, курян по происхождению, служивших в Курске до Первой мировой войны. По другим данным, этот офицер в Гражданскую войну воевал в составе ВСЮР и Русской Армии[2].

В таком случае мы можем иметь дело с фактом «оборотничества», явлением, как мы покажем далее, распространенным в годы Гражданской войны.

Но даже, если на страницах курской газеты выступил другой офицер, мы вправе констатировать редкость агитационной поддержки Красной Армии провинциальным офицерством.

Тип «оборотня революционных эпох» мы считает малоприменимым в прямом смысле к периоду Гражданской войны. И все-таки постоянные повороты судьбы некоторых изученных офицеров дают основания относить их именно к этому типу.

Явным «оборотнем революционного времени» в самом широком смысле слова человеком, который всю жизнь «крутился», можно назвать уже упоминавшегося не раз В.М. Новикова, который в итоге Гражданской войны стал генералом врангелевского производства. Его можно назвать и авантюристом в смысле искателя приключений с явными признаками беспринципности. В социологическом научном смысле мы оцениваем В.М. Новикова как классического маргинала, как человека, находящегося в активном переходном состоянии.

Его биография и боевой путь подробно описаны в публикации А.В. Ганина[3]. Мы решили обратить особое внимание на принципиальные моменты этого пути, которые подтверждают его характеристику как маргинала, авантюриста, «оборотня революционного времени». Можно сказать, что его

---

[1] Красная армия (Курск). 1918. 25 июля.

[2] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква К (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf. С. 1053. (дата обращения: 27.08.2025).

[3] Ганин А. В. "Несколько раз ходил... в Советский Союз партизанить". Генерал Новиков между красными и белыми // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 3 (30). С. 48-115.

маргинальность проявилась уже в момент рождения. Отец был редким представителем мещанства, проживавшим в сельской местности (впоследствии явно в авантюрном духе Новиков называл себя дворянином). Необычно было и сочетание редчайшего для сельской среды новомодного имени и совершенно традиционного общества. Явно не типичной была ранняя армейская биография В.М. Новикова. Боевой настрой (а, возможно, первый признак авантюризма) проявился уже в том, что он поступил в армию уже в 18 лет. Служил в Воронеже. «Умудрился» в мирное время получить звание прапорщика. Военное училище было потом, далеко на Востоке (чем не авантюра – из Воронежа в Иркутск)[1]. Выпустившись подпоручиком, был направлен на другой край империи – в Варшаву[2].

Без сомнения, В.М. Новиков был талантливым и доблестным офицером. За годы мировой войны он сделал очень успешную карьеру, пройдя путь от поручика до подполковника, был дважды ранен, получив при этом 4 награды. С учетом этого не выглядит случайным получение генеральского звания, но все-таки с элементом авантюрности (П.Н. Врангель подписал приказ о присвоении звания «на коленке»).

А.В. Ганин подробно описал боевой путь В.М. Новикова в годы Гражданской войны и в послевоенное десятилетие, точно охарактеризовал деятельность Новикова как партизанскую. Для нас это синоним термина авантюризм. А.В. Ганин привел массу примеров противоречий в словах и делах В.М. Новикова в Гражданскую войну и последующие годы. На наш взгляд, они закономерны для маргинала и авантюриста. Такие люди сами не знают чего хотят, действуют по ситуации, импровизируют. Думается, В.М. Новиков искренне тянулся в родные края, по возможности направлялся в Воронежскую губернию, но авантюрная судьба вновь поворачивала его на

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1019. Л. 32 об.-33.
[2] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Иркутское_военное_училище (дата обращения: 27.08.2025).

Варшаву. В своих различных показаниях он не раз заявлял о стремлении к частной жизни, «бегстве от политики», но постоянно втягивался в нее.

Закономерным итогом судьбы авантюриста, не прибившегося ни к одному берегу, стало проживание под чужой фамилией, непризнание его искренности ни белыми, ни красными[1].

Весьма «оборотистой» оказалась в период Гражданской войны судьба генерал-майора В.Н. Яхонтова. Его вступление в армию УНР в 1918 г. можно связать с тем, что штаб 7-й пехотной дивизии, которой он командовал в 1917 г., находился в Полтаве. До сентября 1918 г. В.Н. Яхонтов был командиром 1-й Украинской казацко-стрелецкой дивизией «серожупанников», служил в армии гетмана Скоропадского, в 1918 г. был уволен в отставку по болезни. Но в начале 1919 г. оказался в Одессе при белогвардейском губернаторе Гришине-Алмазове. После взятия города в апреле 1919 г. крестьянскими отрядами атамана Григорьева генерал В.Н. Яхонтов бежал на Дон. В качестве начальника штаба дивизии с боями прошел от Ростова до Одессы. В ноябре 1919 г. приказом А.П. Деникина был назначен командующим Украинской Галицийской армией. Пытаясь завоевать авторитет среди галичан, изучал украинский язык. По некоторым данным, русский генерал мечтал стать новым гетманом Украины, даже отыскал среди своих предков шляхтича Сокиру и стал называться «Сокира-Яхонтов». В конце 1919 г. части Галицийской армии были направлены в Одессу, участвовали в обороне города от Красной армии. Генерал Сокира-Яхонтов получил «диктаторскую» власть в Одессе, однако вступил в переговоры с «красными» и даже предложил совместный поход на «буржуазную» Польшу. Сдал город Красной Армии без боя, а сам вступил в РККА, стал командиром бригады («Червона УГА»).

Затем В.Н. Яхонтов преподавал на различных курсах красных комиссаров, руководил штабом дивизии в ходе советско-польской войны. В конце 1920 г. выехал в Варшаву. Там был арестован польской контрразведкой

[1] Ганин А. В. «Несколько раз ходил… в Советский Союз партизанить». Генерал Новиков между красными и белыми // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 3 (30). С. 48-115.

как «шпион советской России». После обмена на польского агента вернулся в СССР. С января 1921 г. стал инспектором ВУЗов Киевского военного округа, а затем завучем объединенной школы им. С.С. Каменева в Киеве. Отметим и то, что с 1924 г., выйдя в отставку нашел теплое место проживания в Геленджике[1].

«Оборотничеством» обратного рода было поведение героя романа тамбовского писателя Б. Дальнего (сам получил офицерский чин в годы мировой войны) некоего прапорщика Макарова вроде бы последовательного контрреволюционера. Уже в начале 1918 г. он участвовал в создании подпольных антисоветских «троек», вполне закономерно для себя поддержал июньский контрреволюционный мятеж в Тамбове. Но в итоге испытал разочарование в действиях мятежников. Б. Дальний писал об изменении настроений Макарова уже в первый день мятежа: «…он все больше мрачнел. Весь этот день, который он ждал, который представлялся ему героическим, оказался позорным днем расстрелов, грабежей и погромов, днем убийств и зверских избиений захваченных советских активистов, большевиков и сочувствующих им. Убийство Василия Шепелева его также потрясло. Шепелев – большевик. Но он хороший человек, думал Иван [Макаров]». Он придерживался крайних политических убеждений, но, по мнению Макарова, был порядочным человеком[2]. Конечно, чувства вложил в голову офицера советский писатель. Но из монографии об «анатомии» тамбовского мятежа можно узнать немало фактов раскаяния бывших офицеров, его участников, оставшихся жить в Тамбове и убедивших органы Советской власти в своей лояльности.

Очень «оборотливым» оказался служебный путь бывшего командира 2-го запасного полка в Острогожске подполковника Е.В. Беренса, о лукавом объяснении своей судьбы которого мы уже писали[3].

---

[1] Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование. Москва, Харьков: АСТ, Фолио, 2000. С. 204-211.

[2] Дальний Б. Д. Романтическая история: Повесть. Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1965. С. 65-66.

[3] Известия Исполкома Острогожского Совета р. и к.д. 1918 27 сентября; Воронежская Книга Памяти Великой войны 1914-1918 годов Приложение к I тому. Составитель А.И. Григоров. Воронеж: 2012-2014. С. 60.

Судьба полковника Д.Н. Спокойского-Фронцевича начала набирать «обороты» еще в 1914 г. По одним данным он числился в отставке, по другим состоял в должности начальника Тамбовского управления интендантского вещевого склада. В начале Первой мировой войны был назначен на генеральскую должность в Государственное ополчение с переименованием в зауряд-генерал-майоры. Однако в мае 1917 г. почему-то был снят с должности с переименованием в полковники. Осенью 1917 г. проживал в Тамбове. Но в 1918 г. в возрасте 60 лет совершил еще один непонятный поворот и оказался военным руководителем Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, который находился вблизи зоны боев с Донской армией П.Н. Краснова[1].

Некоторые бывшие офицеры пристроились в советские учреждения, сохранив в душе антисоветский настрой. Известный советский писатель, а в 1917-1918 гг. тамбовский житель Н.Е. Вирта писал о сидевших в советских учреждениях Тамбова царских офицерах, «среди которых было немало открытых контриков»[2]. В это утверждение можно поверить с учетом того, что во время «офицерского» мятежа июня 1918 г. такие «контрики» присоединились к антисоветскому восстанию.

Белые мемуаристы подчеркивали, что среди красных военспецов оказались запуганные Советской властью старые офицеры. Так, известный деятель белого движения (начальника штаба Вооруженных сил Юга России), уроженец Тамбова П.С. Махров вспоминал, что во время Гражданской войны получил известие от брата Николая, который сообщал, что вступил в ряды РККА по принуждению. Николай объяснял брату Петру, что у большевиков в заложниках находится его семья[3]. Конечно, проверить искренность таких

[1] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Спокойский-Францевич_Донат_Леонович (дата обращения: 29.08.2025); Известия Борисоглебского СРККД. 1918. 1 декабря.
[2] Вирта Н. Е. Собрание сочинений. В 4-х томах. М.: Худож. лит., 1980-1982. Т. 2. Одиночество: Роман. 1981. С. 18.
[3] Махров П. С. В Белой армии генерала Деникина: Записки нач. штаба Главнокомандующего Вооруж. Силами Юга России / П. С. Махров; [Вступ. ст., биогр. справ. Н. Рутыча]. СПб.: Logos, 1994. С. 88-89; Рутыч Николай. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. Материалы к истории Белого движения. М.: Regnum: Российский архив, 1997. 295 с.

воспоминаний и показаний сложно. Но поверить в них, зная социально-психологическую атмосферу в Советской России 1918-1921 гг., можно.

Среди изученных нами офицеров оказалось немного «обывателей революционной поры». Мы выявили небольшую группу людей, которые в 1917-1920 гг. отошли от военных дел, поступили на госслужбу или занялись другой мирной деятельностью, были нацелены на сохранение своих семей. Максимально к этому типу можно отнести 10 человек.

Из имеющихся источников не очень ясно, когда эти люди ушли из армии и стали «обывателями». Конец жизни большей их части пришелся на репрессии 1930-х гг. К этому времени они были явно гражданскими лицами, но советские власти припомнили им офицерское прошлое. По выявленной на данный момент информации непонятно: то ли это было преследование за золотые погоны вообще, то ли за участие в Гражданской войне на стороне врагов Советской власти.

Наиболее «спокойной» после революции оказалась жизнь генерала А.Г. Вачнадзе, который перед Первой мировой войной служил в Курске, а в начале 1917 г. был последним военным комендантом города Петергофа. После Февральской революции он избежал ареста, вышел в отставку, переехал в Тифлис и прожил там много лет. Скончался в феврале 1941 г. своей смертью на 88-м году жизни. Репрессии сталинского времени обошли старого генерала. Возможно, это произошло потому, что его дочь Софья была замужем за Сергеем Кавтарадзе, другом юности И.В. Сталина[1].

К числу офицеров, которые в годы Гражданской войны были, так сказать, чистыми обывателями с неопределенным статусом можно отнести поручика Л.В. Лидерса, который был ранен еще в 1914 г., признан годным к нестроевой службе и продолжил ее в 23-м инженерном полку в Моршанске Тамбовской губернии. По данным местной советской газеты, в 1918 г. проходил свидетелем по делу о «шкурном» восстании солдат

[1] Абасалиев Р. А. Военные коменданты Петергофа // Нева. 2007. № 4. С. 262-268.

социалистического полка[1]. Известно, что исключен из списка полка 13 апреля 1918 г. Затем, вероятно, находился в Тамбове, где жили в тот период его мать и сестры, жена была тамбовской уроженкой (умерла в Тамбове в 1944 г.)[2].

Выявились и факты службы бывших офицеров в гражданских советских учреждениях.

Подполковник В.Ф. Миткевич-Далецкий, в период Первой мировой войны вернулся в Тамбов по ранению, был переведен на штабную службу. В 1919 г., числился в Тамбовском уездном земельном отделе[3]. Полковник Г.В. Сорокин, служивший до Первой мировой войны в Козлове, получивший на фронте ранение, в документах 1919 г. упоминается как служащий Козловского уездного СНХ[4].

Наиболее разнообразным по оттенкам судеб к концу Гражданской войны оказался тип «среднеактивного» субъекта революционного процесса», представители которого выбирали советскую, обывательскую, или контрреволюционную позицию ситуативно, не проявляя политически осознанного выбора.

Уже упоминалась группа прагматиков, решивших сделать карьеру в Красной Армии. Их поведение соответствует известному из истории революций стремлению использовать выгодные обстоятельства для повышения социального статуса или просто выживания в смутное время.

А.К. Климовецкий уже в марте 1918 г. был причислен к Генштабу РККА, первоначально занимал оперативные должности. В 1919 г. дослужился до начальника штаба бригады 7-й стрелкой дивизии. Одновременно был преподавателем Тверских кавалерийских курсов[5].

Другой выпускник «старой» Академии Генштаба Б.И. Кузнецов стремительную карьеру в Красной Армии начал в феврале 1918 г. в качестве

---

[1] Борьба. Моршанск. 1918. 30 августа.
[2] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Лидерс_Леонид_Владимирович (дата обращения: 29.08.2025).
[3] ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 251. Л. 481.
[4] Там же. Л. 326 об.
[5] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Климовецкий_Александр_Карлович (дата обращения: 29.08.2025).

консультанта оперативного одела Московского окружного комиссариата по военным делам и консультанта оперативного отделения Наркомвоена, затем начальника оперативного штаба при председателе Реввоенсовета Республики. Б.И. Кузнецов, как и многие «царские» офицеры, вступившие в Красную Армию, пережил эпизод недоверия, но был защищен Л.Д. Троцким. До конца Гражданской войны проявлял преданность Советской власти. В 1922 г. участвовал в установлении Советской власти в Закавказье, получил должность заместителя народного комиссара по военным и морским делам Грузинской ССР[1].

Заметной была группа военных профессионалов, к которой можно примерить условный термин «казус Брусилова», имея в виду обстоятельства проживания на момент начала Гражданской войны на советской территории и невозможность в силу возраста и здоровья переместиться на подконтрольные белым территории и имея желание продолжить в доступной для них форме военно-профессиональную деятельность.

Мы уже высказывали предположение, что командующий 1-й армией времен мировой войны генерал от кавалерии А.И. Литвинов был уволен с должности весной 1917 г. по причине преклонного возраста. Однако возраст не повлиял на то, что в 1918 г. бывший царский генерал состоял на службе в РККА. По генеалогическим данным, он принимать присягу отказался, в советское время жил на маленькую пенсию и переводы с французского[2]. В это трудно поверить. Скорее, можно поверить в то, что в советское время он занимался работой в Военно-историческом архиве[3]. Факты публикации им ряда военно-исторических работ, включая книгу общеизвестны. Вряд ли советские власти могли разрешить бывшему царскому генералу, не присягнувшему Красной Армии, публиковать такие работы и выделять на это

[1] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Кузнецов_Борис_Иннокентьевич (дата обращения: 29.08.2025); Каминский В. В. Указ. соч. С. 180-181.
[2] GENi. // URL: https://www.geni.com/people/Александр-Литвинов/6000000017925308645 (дата обращения: 29.08.2025).
[3] Исторический проект одного недоисторика. // URL: http://istoriya-kg.ru/index.php?option=content&view=article&Itemi (дата обращения: 29.08.2025).

государственные средства (ведь не на скромную пенсию А.И. Литвинов издал книгу почти в 100 стр., да еще с профессионально выполненными картами)[1].

Мы уже упоминали о службе немолодого генерал-майора Н.С. Беляева в управлении военно-учебных заведений Всероглавштаба. Проявлением доверия его профессионализму со стороны руководства Красной Армией можно считать поручение, данное в сентябре 1918 г. И.И. Вацетисом «составить проект открытия Академии Генерального штаба РККА в Москве» и право «привлечь к этой работе сотрудников и профессоров, список коих представить главкому»[2].

К этому подтипу можно отнести генерала-майора Сергея Николаевича Бутыркина из дворян Тамбовской губернии, который был последним начальником Константиновского артиллерийского училища. По воспоминаниям одного из последних юнкеров училища В. Ларионова Константиновское училище не принимало участия в вооружённой борьбе юнкеров против большевиков в Петрограде в октябре 1917 г. Начальник училища Бутыркин явно оберегал юнкеров-константиновцев от вооружённых выступлений против Красной гвардии и дезертиров, пытался сохранить Константиновское училище от разгрома в тот момент, когда в столице повсюду избивали юнкеров, сбрасывали их с мостов в зловонные каналы[3].

После революции 43-летний бывший царский генерал в отличие от многих своих воспитанников-юнкеров не бежал на юг к белым, а остался в Петрограде, заведовал 2-ми советскими артиллерийскими курсами, т.е. продолжил военно-педагогическую деятельность. Вероятно, он все-таки не заслужил доверия советской власти и вскоре после Гражданской войны был расстрелян в Петрограде[4].

---

[1] Литвинов А. И. Майский прорыв IX армии в 1916 году. Петроград: Воениздат Пг. Воен. округа, 1923.
[2] Кавтрадзе А. Г. Указ. соч. С.60; ЦГАСА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 238.
[3] Ларионов В. Последние юнкера. Франкфурт-н/М: Посев. 1984; 1917 год в эго-документах. Воспоминания. С. 25.
[4] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Бутыркин_Сергей_Николаевич (дата обращения: 29.08.2025).

Генерал Д.П. Кадомский, также тамбовский по происхождению, с марта по ноябрь 1918 г. находился на службе на Украине, но, видимо, в конце того же года, добровольно вступил в РККА. В возрасте 50 лет занимал различные должности в столичных и провинциальных штабных учреждениях и военных учебных заведениях, в 1919 г. был включен в список Генштаба РККА[1].

Подполковник И.И. Чуенко прошел последовательный путь в Красную Армию, просто оставаясь на одном месте службы. Еще в 1917 г. он был назначен заведующим хозяйственной частью 2-го запасного кавалерийского полка в Острогожске. Оставался в должности и в 1918 г. По сообщению местной советской газеты, обвинялся в хищениях: «Отобрано 7 фунтов чая, 40 пуговиц казенных, 5 стульев казенных, 8 бутылок вина, бутылка коньяка, ½ бутылки водки. Каз. Грамофон (так в тексте – В.К.). 28 руб. серебром, казенные щетки, голенища, мыло, 20 фунтов сахара, подклейки, карандаши бумага»[2]. И.И. Чуенко подал в суд на газету в защиту своего имени, суд удовлетворил заявление, признал, что журналист многое перепутал[3].

В мае 1918 г. после расформирования полка И.И. Чуенко был назначен помощником начальника снабжения Острогожского Военного Комиссариата. В октябре 1918 г. был мобилизован в Красную Армию на должность заведующего хозяйством полка, но возвращен домой по болезни. В 1920 г. служил в Острогожских организациях по закупке и учету лошадей[4].

Видимо, при сходных с судьбой И.И. Чуенко «среднестатистических» обстоятельствах на должностях близких к военной службе в Красной Армии в 1918-1919 гг. оказалось еще несколько офицеров наших выборок.

Поручик В.И. Селезнев, по одним данным, в 1919 г. состоял на советской службе в Лебедяни Тамбовской губернии[5], по другим данным, в том же году находился на службе в отделе Всеобуча Землянского уезда Воронежской

---

[1] Офицеры РИА. URL: https://ria1914.info/index.php?title=Кадомский_Дмитрий_Петрович (дата обращения: 29.08.2025).
[2] Известия Острогожского Совета р. и к.д. 1918. 1 апреля.
[3] Там же. 5 октября.
[4] Воронежская Книга Памяти Великой войны 1914-1918 годов Приложение к I тому. Составитель А.И. Григоров. Воронеж: 2012-2014. С. 162.
[5] ГА РФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 251. Л. 332 об.

губернии, т.е. сохранял определенную связь с военным делом. Вторая версия представляется более убедительной, поскольку до Первой мировой войны офицер служил в Воронеже, имел отношение именно к Воронежской губернии[1].

Подполковник В.Н. Филатов, который в 1917 г. после ранения был направлен в Тамбов, в 1918 г. упоминался военным инструктором Титовской волости Козловского уезда[2].

Капитан Н.Н. Агафонов в 1918 г. упоминался кандидатом на должность инструктора Козловского Военкомата. Это выглядит вполне логично, поскольку он происходил из города Козлова[3].

На должностях близких к военной службе в документах 1918-1919 гг. упоминается поручик А.Н. Китаев. Он был кандидатом на нестроевую должность в Тамбовском губернском военкомате, секретарем Тамбовского военного совета соединенных отрядов по борьбе с контрреволюцией, сотрудником Тамбовской уездной комиссии пленных и беженцев[4].

Военной службой по профессии в тылу Красной Армии можно признать пребывание в 1919-1920 гг. бывшего штабс-ротмистра 4-го запасного кавалерийского полка В.В. Протопопова в Воронежском Губконзапасе в качестве помощника командира по стрелковой части[5].

В охране ЮВЖД в Воронеже в 1918 г. служил бывший преподаватель кадетского корпуса подполковник Н.Н. Шереметьевский[6]. В качестве инспектора по поручениям охраны ЮВЖД упоминался бывший ротмистр 4-го кавалерийского полка П.И. Снитко[7].

---

[1] Воронежская Книга Памяти Великой войны 1914-1918 годов Приложение к I тому. Составитель А.И. Григоров. Воронеж: 2012-2014. С .68.
[2] Известия Козловского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 7 октября.
[3] Там же. 29 сентября.
[4] Изв. Тамбов. Губ. Совета раб., красн., кр. Деп. 1918. 27 нояб.; ГАСПИТО. Ф. П-842. Оп. 1. Д. 8. Л. 3-4; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 251. Л. 481.
[5] Воронежская Книга Памяти Великой войны 1914-1918 годов. Т.1. Воронеж, 2012-2014. С. 98.
[6] Воронежский Красный листок. 1918. 10 октября.
[7] Там же.

К среднему типу можно отнести некоторых офицеров, служивших в тыловых структурах Красной Армии, при неясных обстоятельствах перешедших к белым, но затем вновь оказавшихся в Советской России.

В управлении охраны ЮВЖД в октябре 1918 г. числился конторщиком штабс-капитан Б.Ф. Рейхарт[1]. Вместе с тем он упоминается в базе данных С.В. Волкова как офицер ВСЮР[2].

Наиболее ярким примером из группы офицеров тамбовского происхождения со среднестатистической биографией стал полковник В.К. Затеплинский, который в 1918 г. вступил в РККА, занимал начальственные должности в управлении воинских перевозок Южного фронта и других военных железнодорожных организациях. Осенью 1920 г. он не возвратился из Воронежа после занятия его белыми. С ноября 1920 г. снова числился в РККА, в 1921 г. в органах военных сообщений Приуральского военного округа и Туркестана[3].

Особым случаем выглядят аресты, но сохранение Советской властью жизни некоторых бывших белых офицеров на момент окончания Гражданской войны. Некоторые из них после ареста или плена даже служили в Красной Армии и советских учреждениях.

Ротмистр 4-го запасного кавалерийского полка А.Н. Потемкин по не ясным причинам в начале Гражданской войны оказался на Востоке России. О его службе у белых почти ничего неизвестно. Выяснилось, что он попал в плен, но в 1920-1922 гг. служил в РККА[4]. В принципе такие повороты в судьбах кадровых офицеров не редко имели место в период Гражданской войны.

---

[1] Там же. 16 октября.

[2] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Р (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_16-R.pdf. С. 101. (дата обращения: 29.08.2025).

[3] Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Затеплинский_Виктор_Константинович (дата обращения: 29.08.2025).

[4] Офицеры РИА. URL: https://ria1914.info/index.php?title=Потемкин_Анатолий_Николаевич (дата обращения: 29.08.2025); Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква П (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_15-P.pdf. С. 619. (дата обращения: 29.08.2025).

К.А. Соболев, до мировой войны капитан Воронежского, а затем Анучинского дисбата на Дальнем Востоке, стал участником Белого движения. О нем известно, что он попал в плен к красным и с 1922 г. состоял на особом учете в Воронежском Городском военкомате (вероятно, после плена вернулся к довоенному месту проживания). Несмотря на особый учет, он был «передан» на службу в Воронежский уездный военкомат на должность начальника участка Всеобуча[1].

Полковник Ф.Ф. Блюм, также служивший до Первой мировой войны в Воронеже, в период Гражданской войны оказался по мобилизации в армии А.И. Деникина. Однако сумел уволиться как польский подданный. В 1921 г. Блюм служил в Воронежском Продовольственном Комитете, контролером контрольно-кооперативного отделения[2].

По интересному совпадению, именно воронежский историк М.Е. Разиньков обратил внимание на хорошо известные факты о том, что сдавшиеся в плен интегрировались в армию бывшего противника[3].

Среди тамбовских офицеров показателен случай с подпоручиком В.А. Алехиным, который в период Гражданской войны находился в белых войсках Восточного фронта, где и был взят в плен. По данным на октябрь 1920 г., он числился в резерве чинов МВО Красной Армии[4].

В 1918 г. в Шацке был арестован штабс-капитан А.В. Троицкий, работавший контролером бывшего имения А.Н. Нарышкиной. Его обвиняли в саботаже и антисоветской деятельности, но отпустили на свободу за

---

[1] Воронежская Книга Памяти Великой войны 1914-1918 годов. Приложения к 1-му тому. Воронеж, 2014. С. 46, 185; Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква С (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_17-S.pdf. 532. (дата обращения: 29.08.2025).

[2] Воронежская Книга Памяти Великой войны 1914-1918 годов. Приложения к 1-му тому. Воронеж, 2014. С. 26, 52; Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Б (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_02-B.pdf. С. 433. (дата обращения: 29.08.2025).

[3] Разиньков М. Е. Причины военного коллаборационизма рядового и младшего офицерского состава в регулярных формированиях РККА и антибольшевистских сил 1918-1920 гг. // Трагедия войны. Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века. М.: Издательский дом «Российское военно-историческое общество», Яуза-каталог, 2021. С. 66.

[4] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква А (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_01-A.pdf. С. 170. (дата обращения: 29.08.2025).

недоказанностью обвинений. Бывший офицер дал расписку о своем намерении сотрудничать с советской властью, вероятно, желая обезопасить себя от дальнейших арестов.[1]

К среднестатистическому типу мы также отнесли белых офицеров, которые в годы Гражданской войны попали в плен к Красной Армии, затем продолжали жить в России, но оставались под подозрением у советских властей. Так, подполковник А.И. Клиппель попал в плен в Крыму 1920 г. и состоял на особом учете в Севастопольской ЧК, а с 1921 г. на особом учете в Киевском военном округе[2].

На особом учете в этом же округе в том же году состоял поручик Д.И. Бабчинский[3] и поручик тамбовского происхождения Л.Г. Жебунев[4].

Леонид Иванович Садовников в чине капитана служил в Вооруженных силах Юга России. Был взят в плен и в ноябре-декабре 1920 г. состоял на особом учете в КВО[5].

На такой же форме учета в Московском военном округе в конце Гражданской войны состояли бывшие кадровые офицеры, подполковник В.П.

---

[1] Рахманов П. С. Указ. Соч. С. 99.

[2] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква К (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf. С. 432. (дата обращения: 29.08.2025).

[3] Там же. Буква Б (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_ Belogo_ dvizhenia_v_Rossii_02-B.pdf. С. 23. (дата обращения: 29.08.2025).

[4] Там же. Буква Ж (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_07-Zh.pdf. С. 19. (дата обращения: 29.08.2025).

[5] Там же. Буква С (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_17-S.pdf. С. 48. (дата обращения: 29.08.2025).

Лапшин[1], капитаны Е.В. Кологривов[2] и С.И. Куницын[3], штабс-капитан Г.И. Кандыба[4].

Бывшему белому офицеру М.В. Кудинову первоначально отказали в ходатайстве проживать на территории Тамбовской губернии. Однако впоследствии с учетом состояние здоровья, ему разрешили проживать в Козлове и состоять на учете в Козловском уездном военкомате.[5]

Более сложным был путь в резерв МВО поручика из тамбовцев К.В. Минина. Он попал в плен как офицер Вооруженных сил Юга России и провел определенное время в советском концлагере[6].

Часть бывших белых офицеров после плена находились на учете в ЧК (или ГПУ). К таковым относились подполковник В.С. Ковалевский[7], штабс-капитаны В.М. Кудрявцев[8], М.Н. Шершевицкий[9] и И.В. Янушковский[10].

Подполковник, Н.Г. Ковтунович был на учете в Казанской ЧК с 1919 г.[11]

---

[1] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Л (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_11-L.pdf. С. 70. (дата обращения: 29.08.2025).

[2] Там же. Буква К (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf. С. 620. (дата обращения: 29.08.2025).

[3] Там же. Буква К (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf. С. 1273. (дата обращения: 29.08.2025).

[4] Там же. Буква К (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_ dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf. С. 129. (дата обращения: 29.08.2025).

[5] Рахманов П.С. Указ. Соч. С. 39.

[6] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква М (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_ dvizhenia_v_Rossii_12-M.pdf. С. 484. (дата обращения: 29.08.2025).

[7] Там же. Буква К (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_ dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf. С. 491. (дата обращения: 29.08.2025).

[8] Там же. Буква К (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf. С. 1153. (дата обращения: 29.08.2025).

[9] Там же. Буква Ш (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_24-Sh.pdf. С. 152. (дата обращения: 29.08.2025).

[10] Там же. Буква Я (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_28-Ia.pdf. С. 78. (дата обращения: 29.08.2025).

[11] Там же. Буква К (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf. С. 525. (дата обращения: 29.08.2025).

Тамбовский офицер Иванов Петр Захарович, штабс-капитан 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка. Служил в Вооруженных силах Юга России и был взят в плен. 12 июля 1920 г. доставлен из Одессы в Особый отдел ВЧК[1].

Некоторые бывшие белые офицеры, попавшие в плен Красной Армии, в 1922 г. состояли на учете в советских военных комиссариатах: капитан П.П. Воронин в Екатеринбургском ГВК[2], полковник А.Г. Тибилов в Горском ОВК[3].

Особую группу составили плененные белые офицеры, которые в конце Гражданской войны находились в советских концлагерях: капитан А.Е. Лайков[4], ротмистр М.Ф. Нечаев[5], капитан В.А. Озерецковский[6], подпоручик Ю.В. Рихтер (Рязанский концлагерь)[7], ротмистр В.А. Лихарев (Тамбовский концлагерь)[8].

Офицер тамбовского происхождения Николай Петрович Арапов, полковник Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка в конце 1922 г. был осужден на 3 года ссылки в Печерском крае[9].

---

[1] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква И (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_09-I.pdf. С. 71. (дата обращения: 29.08.2025).

[2] Там же. Буква В (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_03-V.pdf. С. 410. (дата обращения: 29.08.2025).

[3] Там же. Буква Т (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_18-T.pdf. С. 118. (дата обращения: 29.08.2025).

[4] Там же. Буква Л (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_11-L.pdf. С. 41. (дата обращения: 29.08.2025).

[5] Там же. Буква Н (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_13-N.pdf. С. 159. (дата обращения: 29.08.2025).

[6] Там же. Буква О (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_ dvizhenia_v_Rossii_14-O.pdf. С. 55. (дата обращения: 29.08.2025).

[7] Там же. Буква Р (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_16-R.pdf. С. 141. (дата обращения: 29.08.2025).

[8] Там же. Буква Л (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_11-L.pdf. С. 280. (дата обращения: 29.08.2025).

[9] Там же. Буква А (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_01-A.pdf. С. 323. (дата обращения: 29.08.2025).

Еще один офицер тамбовского происхождения, капитан Н.М. Хорошилов, который, попав в плен, содержался в Рязанском концлагере, а затем в 1922 г. оказался на советском трудовом фронте, был направлен в Рязгубрабсилу[1].

Подпоручик ВСЮР Виноградов В.И. на 1921 г. числился в отдельной трудовой бригаде Орловского военного округа[2].

Особый статус в конце Гражданской войны был отмечен у подполковника Г.Г. Мартынова: в 1922 г. «зарегистрирован для высылки с Дальнего Востока»[3].

Штабс-капитан А.Д. Востриков служил в Вооруженных Силах Юга России и тоже был взят в плен. С 1921 г. состоял на особом учете на Украине[4].

Репрессии коснулись и родственников офицеров. По тамбовским материалам известно, что в 1919 г. в Тамбове «за укрывательство сына-белогвардейца» был расстрелян П.И. Сатин, а одна из его дочерей была взята в заложницы за сбежавшего к белогвардейцам брата. Под этим белогвардейцем имелся в виду бывший поручик Петр Петровича Сатин[5].

Печальным проявлением среднестатистической судьбы стали факты репрессии Советской власти против офицеров, которые перешли к ней на службу. Через недоверие и краткосрочные аресты прошли и офицеры, изначально занявшие в Красной Армии высокие должности. В итоге их судьба, в Красной Армии к концу Гражданской войны, как уже отмечалось, оказалось успешной.

---

[1] Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Буква Х (на январь 2016) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_21-H.pdf. С. 107. (дата обращения: 29.08.2025).

[2] Там же. Буква В (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_03-V.pdf. С. 238. (дата обращения: 29.08.2025).

[3] Там же. Буква М (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_12-M.pdf. С. 226. (дата обращения: 29.08.2025).

[4] Там же. Буква В (на январь 2025) // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_03-V.pdf. С. 437. (дата обращения: 29.08.2025).

[5] Рахманов П. С. Указ. Соч. С. 78.

Но были и трагические исходы. Так, подполковник Н.И. Глембоцкий, получив ранение в годы Первой мировой войны, не принял активного участия в Гражданской войне. Осев в Казани, он стал заведующим Высшей военной школой РККА, но в августе 1920 г. был арестован, а уже в октябре 1920 г. осужден Московской ЧК. Хотя по некоторым данным дело было прекращено за недостатком улик, 61-летний офицер умер, не пережив душевного волнения[1].

Мы специально не затрагиваем факты репрессий 1920-1930-х гг. над бывшими офицерами, перешедшими на советскую службу. Это отдельная тема. Отметим только, что в процессе сбора материала о биографиях представителей выборок встретились десятки фактов их преследования в послереволюционные годы.

Завершая сюжет о типологии офицеров, отметим, что выявленные описательные факты решительного контрреволюционного поведения бывших офицеров оказались не только более частыми, но и более яркими и убедительными в сравнении с редкими упоминаниями героизма красных командиров на фронтах или «сухими» свидетельствами о службе в штабах, военкоматах, учебных и других учреждениях РККА.

Явных представителей типа «оборотней революционных эпох», сознательно менявших лагери Гражданской войны, установить почти не удалось. Колебания в поведении офицеров этого периода зачастую носили ситуативных характер, предопределенный бурным водоворотом событий. Мы полностью согласны с взвешенной оценкой А.В. Ганина, который написал о перешедших к белым командармам Красной Армии: «Все высокопоставленные изменники были незаурядными и сложными историческими личностями, противоречивыми, не всегда последовательными, порой менявшими свои взгляды. Изучение всей полноты сохранившихся и

[1] Открытый список. // URL: https://ru.openlist.wiki/Глембоцкий_Николай_Иосифович_(1859) (дата обращени: 29.08.2025); Офицеры РИА. // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Глембоцкий_Николай_Иосифович (дата обращения: 29.08.2025).

доступных источников показывает, что поведение изменников было отнюдь не исключительно подлым, как его пытались представить советские историки»[1].

Почти всех колеблющихся и «несознательных» в своем выборе офицеров наших выборок мы отнесли к «среднестатистическому типу» военно-революционного времени. Наши наблюдения этой не очень определенной по своей деятельности широкой группы подтвердили известные в исторической литературе высказывания П.Н. Милюкова о «средних людях» и И.Н. Гребенкина о «сером» фоне эпохи войн и революций.

Конечно, можно предположить, что «средних» офицеров в наших выборках было больше. Но все-таки мы считаем, что к конкретным типам можно относить только «задокументированных» активных людей.

То же самое можно сказать и применительно к обывателям военного времени из офицерской среды. Другое дело, что они могли не попасть в наше поле зрения из-за крайней сложности учета – помимо изученных источников – огромного массива документов «гражданского» характера.

Ясно, что огромная часть офицеров не может быть отнесена к определенному типу. Но, относясь к группе неизвестных по судьбе в итоге Гражданской войны, эта часть офицеров как бы составила «темную часть» коллективного портрета.

Мы решили подробнее остановиться на объяснении причины неизвестности военных судеб фигурантов выборок на конец Гражданской войны.

Прежде всего отметим, что из 618 бывших кадровых офицеров гарнизонов Воронежской, Курской, Тамбовской губерний, судьбы которых не выявились на конец 1922 г., 430 человек числились в нашей базе данных неизвестными уже на начало 1918 г., т.е. с большой долей вероятности,

[1] Ганин А. В. Измена командармов. Представители высшего состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917-1922 гг. М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2020 С. 783.

физически не могли участвовать в Гражданской войне. Предположительные причины этого факта определить сравнительно несложно.

Примерно 60 человек числись неизвестными уже в конце 1916 г. Другими словами, выбыли из поля зрения военного учета в императорской армии.

Как минимум 250 человек из неизвестных по конечной военной судьбе на конец 1916 г. зафиксированы в числе раненых, больных, оставленных на поле боя (убитых или раненых).

Около 50 офицеров до 1917 г. выбыли из армии по неизвестным причинам или в результате попадания в плен.

В 1917 г. более 100 офицеров, учтенных как выбывшие, вернулись в строй. При этом около 20 человек вновь выбыли из армейских рядов по причинам ранения, болезни, пропажи без вести или попадания в плен.

В целом число неизвестных по итоговым показателям базы данных кадровых офицеров, которые выбыли из армии, скажем так, по уважительным причинам, к началу 1918 г. составило 280 чел. или 2/3 всех неизвестных к концу Первой мировой войны. Если к этому числу добавить несколько человек, которые, как удалось идентифицировать, выбыли из военных рядов по причинам ранения, болезни, пропажи без вести в годы Гражданской войны, можно с большой вероятностью утверждать, что около половины данной выборки офицеров к концу 1922 г. были людьми, неспособными сражаться.

Среди офицеров военного времени, чью судьбу на конец Гражданской войны не удалось точно определить, доля вероятно выбывших из армейских рядов уже до начала этой войны оказалась очень большой: примерно 400 из 455 неизвестных по конечной военной судьбе на конец 1922 г. На конец 1916 г. в этой группе в базе данных числились неизвестными около 150 человек. Примерно 260 офицеров к этому времени оказались ранеными, больными, оставленными на поле боя, выбывшими по неизвестным причинам. Выяснилось, что около 90 человек из этой подгруппы в 1917 г. вернулись в

строй. Но более 40 из них вновь были ранены или выбыли из армии по другим «уважительным» причинам.

Суммируя всю численность офицеров военного времени, выбывших из армии в годы Первой мировой войны, можно утверждать, что значительно более 200 человек (точно более половины неизвестных на тот момент) с большой долей вероятности были неспособны к военной деятельности.

В сравнении с указанной вышей долей кадровых офицеров, ставшими на конец Первой мировой войны неизвестными по «уважительным причинам», в группе офицеров военного времени этот показатель получился намного меньше. Другими словами, удельный вес неизвестных по неясным причинам оказался сравнительно большим. Подтверждается уже высказанное ранее предположение о том, что «скороспелые» младшие офицеры в большей мере терялись в источниках военно-революционного времени.

Дополнительным подтверждением этого наблюдения может служить то обстоятельство, что выявились единицы бывших офицеров военного времени, которые в годы Гражданской войны выбыли из армейских рядов по ранению и другим уважительным причинам.

Специально обратим внимание на то, что многие неизвестные по конечной судьбе персонажи наших выборок с высокой долей вероятности могли находится в состоянии маргинализации. Мы имеем ввиду не столько тех, кто в смутное время оказался на «дне» общества, сколько тех, кто находился в военно-революционные годы в активном переходном состоянии, проще говоря, искал новое место в жизни и, соответственно, трудно уловим в характерных для нашей темы источниках.

Заключение

Использование в предлагаемом исследовании просопографического подхода показало большие возможности и некоторые недостатки этого метода.

Важно отметить, что по мере сбора материала число неизвестных по биографиям офицеров постепенно сокращалось. И дело было не столько в поисковых усилиях автора, сколько в расширении объема фактов, собранных сообществом любителей истории российского офицерства и размещения их в Интернете. Этим оказывается существенная помощь профессиональным историкам, которые физически не могут собрать такой обширный материал, разбросанный по разным архивным, библиотечным, музейным хранилищам и коллекциям.

Выявленные опубликованные и архивные источники позволили определить практически все необходимые социально-профессиональные признаки выбранных групп провинциальных офицеров накануне Первой мировой войны, их развитие на протяжении сложного военно-революционного периода 1914-1922 гг.

Сравнение результатов анализа выборки кадровых офицеров с аналогичными признаками облика офицеров всей российской армии показало типичность группы офицеров, служивших в гарнизонах Воронежской, Курской и Тамбовской губернии в 1914 г.

Показатель возрастного состава избранного круга офицеров был обычным для офицерской среды в целом. Преобладание возрастной группы 30 – 50 лет среди кадровых офицеров осталось характерным в периоды Первой мировой и Гражданской войн. Мы выявили немало фактов участия в боевых действиях великовозрастных офицеров, в том числе вернувшихся в строй из отставки. Вместе с тем выяснилось, что в тылу оставалось заметное количество «живых-здоровых» офицеров дееспособных возрастов.

Изучение сословного происхождения избранного круга офицеров показало характерное для всего офицерского корпуса начала XX в. движение в сторону «демократизации» социального состава кадровых офицеров. Выходцы из дворянства составили чуть менее половины офицеров, заметными оказались доли выходцев из низших сословий – мещан и крестьян. В составе изученной группы офицеров военного времени представители этих сословий преобладали уже явно. Наши данные не подтверждают тезис советской историографии о буржуазном (в прямом смысле слова) облике большинства офицерства военного времени. Выходцы из «буржуазных» сословий купцов и потомственных граждан составляли единичные проценты.

В целом наши наблюдения совпадают с распространенным в современной историографии мнением о том, что уже в 1917 г. офицерство в большинстве своем представляло профессиональное сообщество, нежели «собрание сословий».

Определенные сомнения может вызвать отнесение офицеров выборок к национально-религиозным группам по косвенным признакам и, соответственно, предположение об их особом поведении в армии. Но эти сомнения развеяли факты биографии предполагаемых «инородцев» и «иноверцев». Практически все они в годы Первой мировой войны проявили преданность русской армии.

И все-таки учет национально-религиозного признака оказался важным для понимания карьерного продвижения и особенно поведения отдельных «инородцев» и «иноверцев» в послереволюционных условиях, когда «отпала» присяга русскому царю и встал вопрос о национальном самоопределении.

Наши данные подтвердили мнение тех коллег, которые пишут о завышении в исторической литературе сведений о безвозвратных потерях офицеров русской армии в годы Первой мировой войны. Даже в изученных пехотных полках, большая часть которых воевала с самого начала, доля убитых и умерших от ран кадровых офицеров составила 13%, а среди офицеров военного времени 15%. Микроанализ конкретных судеб показал и

данные о смертях тыловых офицеров по причинам, прямо не связанным с военной службой.

Показателями самоотверженности офицеров мы посчитали факты роста в чинах и получения наград в военное время. Большинство кадровых офицеров и около половины офицеров военного времени в 1914-1917 гг. смогли получить второе звание. У кадровых офицеров доля награжденных в годы войны составила более 80%, у «новых» офицеров – значительно меньше, но более половины. Микроанализ позволил установить во всех изученных группах уникальные случаи награждения в эти годы пятью и более орденами.

Документы, связанные с присвоением офицерам наших выборок чинов и наград, дали не только статистическую информацию, но и представили яркие факты героизма конкретных офицеров.

Полковые журналы боевых действие отразили не только собственно военную обстановку, но и небоевую повседневность, особенно факты постоянного нормального общения офицеров и солдат в решении бытовых задач, в проведении официальных и праздничных мероприятий.

Прямые факты нелояльности к царскому режиму среди офицеров изученных групп до 1917 г. не выявлены.

При изучении последнего года войны, пришедшегося на революционное время 1917 – начала 1918 г., мы стремились подчеркнуть, что большинство известных на тот момент офицеров наших выборок стремилось сохранить верность профессии, проявляло отвагу на фронте, нормальное для военных людей стремление к получению чинов и наград.

В качестве «нелинейного эффекта» отмечены единичные случаи готовности некоторых офицеров получить командные должности от солдатских комитетов.

Выявленные факты говорят о том, что офицеры наших выборок в очень малой степени были втянуты в революционные события 1917 г. В условиях эйфории послефевральских дней большинство из них внешне выразили лояльность новым властям. Но в последующие месяцы только единицы вошли

в состав «комитетского класса» (членов общественных и войсковых комитетов, депутатов Советов и др.).

С другой стороны, бурные события, связанные с подавлением по приказу солдатских и народных волнений, втягивали офицеров в контрреволюционную деятельность. Вместе с тем даже в период «корниловщины» и установления Советской власти на местах весьма редкими были прямые факты участия офицеров наших выборок в сопротивлении революционным силам.

Вовсе не выявились факты откровенной поддержки власти большевиков со стороны известного нам круга офицеров. Однако следует признать, что несколько офицеров ситуативно оказались в первых отрядах Красной Армии, участвуя в обороне Петрограда от наступления германских войск.

Большая часть офицеров выборок, известных по своей судьбе в годы Гражданской войны, стала активно занимать определенные позиции в этой борьбе только весной-осенью 1918 г.

В годы Гражданской войны обычные карьерные устремления офицеров практически утратили значение. В Красной Армии прежняя лестница чинов была ликвидирована. В белых армиях дореволюционная система наград и чинов формально сохранялась. Но она не могла нормально функционировать в условиях нестабильности командного состава армий и военных аппаратов белых правительств.

Изучение разнообразия мотивов выбора офицерами позиции в годы Гражданской войны показало преобладание ситуативного прагматизма у военспецов Красной Армии.

Возможностью повышения в должностях в Красной Армии воспользовались единичные представители наших выборок. Несколько большей была группа советских военспецов, для которой «за счастье» было сохранить хоть какие-то должности в РККА, пережив недоверие со стороны Советской власти. Наибольшая часть офицеров, оказавшихся на советской

службе, довольствовалась мелкими должностями в местном военном аппарате, дабы сохранить профессию и пережить «смутное время».

Изучение конкретных биографий белых офицеров показало контрреволюционность в широком смысле, не столько идейного стремления к реставрации монархии и спасения Великой России, сколько стремления к противодействию грозному революционному террору ради спасения собственной жизни.

Особо отметим, что в количественном соотношении белых и красных среди офицеров баз данных первых оказалось почти в четыре раза больше. Предположительно это объясняемо их более «яркой» активностью, в отличие от служащих мелких советских военных учреждений, трудно уловимых в источниках.

Изучение мотивов участия бывших офицеров в Гражданской войне и построение типологии офицерских групп военно-революционного времени позволило дополнить количественные характеристики коллективного портрета качественными описаниями.

Выявленные описательные факты показали заметное преобладание очевидного контрреволюционного поведения бывших офицеров в сравнении с менее выразительными фактами службы военспецов в РККА.

По понятным причинам выявилось немало офицеров «среднестатистического типа», которых бурный водоворот событий «прибивал» к тому или иному берегу помимо их собственной воли.

Еще более ясно малое число установленных фактов пребывания бывших офицеров в числе обывателей военного времени из офицерской среды. Много их просто крайне сложно найти в самых разных источниках невоенного характера. При этом нужно учитывать маргинализацию многих офицеров (активное переходное состояние), постоянный поиск мест в гражданской жизни.

Анализ судеб офицеров, оказавшихся в числе неизвестных на конец Гражданской войны, показал, что явно большая часть кадровых офицеров и не

менее трети офицеров военного времени, выбыли из армии, так сказать, по уважительным причинам (были ранены, больны, оказались в плену или пропали без вести в годы мировой войны). Другими словами, значительные доли офицеров наших выборок к концу 1922 г. были людьми, вероятно, неспособными сражаться.

Предполагаем, что возможность нахождения маргиналов в дальнейших исследованиях невелика. Самое главное, состоит в том, что вряд ли мы сможем добавить новые яркие краски к коллективным портретам изученных групп офицеров.

Если образно, в «красках», представить коллективные портреты изученных групп кадровых офицеров и офицеров военного времени на конец Гражданской войны, то получится композиция с преобладанием в центре белого цвета над красным, окружающими их мелким красно-белыми или бело-красными крапинками, широко окружающим центр серым цветом как бы средним тоном полотна картины и заметным темным фоном по краям картины. Закономерно, что на коллективном портрете офицеров военного времени темных красок оказалось побольше.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1. Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

1. Ф. 1791. Главное управление по делам милиции и обеспечению личной и имущественной безопасности граждан Министерства внутренних дел (Главмилиция). Оп. 2. ДД. 145, 149, 211, 226, 233, 247; Оп. 6. ДД. 44, 45, 271, 272, 273, 294, 334, 424, 425, 428, 439.

2. Ф. Р-393. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (НКВД РСФСР). г. Москва. 1917-1930. Оп. 1. Д. 251; Оп. 11. ДД. 48-51.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

3. Ф. 400. Главный штаб военного министерства. Оп. 12. ДД. 181, 530, 2198, 2221, 2526, 26746, 26947, 26970, 26988, 26994, 26996, 27033, 27058, 27248, 27365, 27373, 27374, 27380, 27429, 27436.

4. Ф. 408. Списки по старшинству в чинах генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чиновников русской армии (коллекция). Оп. 1. ДД. 153, 223, 225, 246, 253, 264, 270, 274, 275, 277, 290, 354, 364, 413, 471, 525, 561, 698, 724, 762, 785, 787, 878., 879, 880, 900, 910, 916, 945, 879, 986, 988, 1019, 1108, 1189, 1190, 1192, 1193, 1194, 1197, 1351, 1428, 1434, 1440, 1448, 1515, 1651, 1673, 2086, 2190, 2205, 2221, 2668, 2754, 3024, 3025,3026, 3031, 3051, 3116, 3128, 3132, 3258, 3310, 3401, 3514, 6395, 8724, 8790, 9220, 9412, 9416, 9264, 9474, 9491, 9790, 9938, 10057, 10450, 10482, 10658, 10807, 10885, 11044, 11167, 11168, 11169, 11339, 11363, 11457, 11458, 11915, 11975, 11943, 11944, . 11947, 11951, 11958, 11972, 11978, 11979, 12707, 12993, 13042, 13050, 13205, 13256, 13304, 13327, 14221, 14271, 14304, 14308, 14360, 14442, 14444, 14844, 15126,

15158, 15159, 15207, 15289, 15396, 15880, 16196, 16259, 16249, 16515, 17820, 17828,17835, 18322, 27436, 47608, 48161, 50961, 51087, 51910, 52157.

5. Ф. 409. Послужные списки, аттестации и наградные листы офицеров русской армии. Оп. 1. ДД. 1119, 1744, 2823, 8288, 47608, 48161, 49998, 50961, 50963, 51087, 51910, 51922, 52157, 52664, 52754, 52990. Д. 53008, 57063, 65862.

6. Ф. 2003. Штаб верховного главнокомандующего (Ставка), г. Могилев. Оп. 2. Управление дежурного генерала. ДД. 1007.

7. Ф. 2085. Штаб помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта. Оп. 6. Д. 312.

8. Ф. 2148. Штаб 11-й армии. Оп. 5. ДД. 1. 986 Ч. 1, 989. Ч.1-2.

9. Ф. 2639. 25-й пехотный Смоленский полк. Оп. 1. ДД. 271, 273, 286.

10. Ф. 2640. 26-й пехотный Могилевский полк. Оп. 1. ДД. 131, 134, 135, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 145, 147, 149.

11. Ф. 2641. 27-й пехотный Витебский полк. Оп. 2. ДД. 145, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 157, 159, 161, 162, 163.

12. Ф. 2642. 28-й Полоцкий пехотный полк. Оп. 1. ДД. 131, 134, 135, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 145, 147, 149.

13. Ф. 2653. 39-й пехотный Томский полк. Оп. 2. ДД. 231, 233, 234, 235, 236, 237, 241, 244, 245, 246.

14. Ф. 2654. 40-й пехотный Колыванский полк. Оп. 2. ДД. 144, 145, 152, 156, 162, 165, 167, 168, 171.

15. Ф. 2787. 173-й пехотный Каменецкий полк. Оп. 1. Д. 32, 34, 35, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 43.

16. Ф. 2788. 174-й пехотный Роменский полк. Оп.1. ДД. 52, 60, 62.

17. Ф. 2846. 233-й Старобельский пехотный полк. Оп. 1 ДД. 6, 33, 122, 123, 125.

18. Ф. 2847. 234-й пехотный Богучарский полк. Оп. 1 Д. 13, 17, 42, 43, 44, 65, 67, 68.

19. Ф.2848. 235-й пехотный Белебеевский полк. Оп. 2 Д. 62.

20. Ф. 3589. 16-й уланский Новоархангельский полк. Оп. 1. ДД. 19, 23, 24, 25, 30.

21. Ф. 16196. Особое делопроизводство по сбору и регистрации сведений о выбывших за смертью или за ранами, а также пропавших без вести воинских чинах, действующих против неприятельских армий, г. Петроград. Оп. 1. ДД. 336, 1188, 1189, 1190, 1191, 1192, 1198, 1320, 1535. Оп. 3. Д. 260.

22. Фонд. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф без номера. Ящик 234-Б, 3781-Ч, 4598-Л, 4688-А, 7354-А, 7357-А, 7359-В,7360-В, 7368-Е, 7373-К, 7376-К, 7389-О, 7390-П, 7394-Р, 7397-С, 7400-С, 7404-Ч, 7405-Х, 7417-Л, 7419-С, 7429-Б, 7430-Б, 7434-Б, 7435-Б, 7438-В, 7440-В, 7441-В, 7443-Г, 7448-Д, 7449-Д, 7452-Д, 7455-Ж, 7456-Ж, 7464-Д,7464-К, 7465-К, 7466-К, 7469-К, 7470-К, 7473-К, 7475-К, 7485-М, 7488-М, 7489-М, 7492-М, 7494-М, 7495-М, 7498-О, 7499-О, 7503-П, 7506-П, 7507-П, 7510-Р, 7511-Р, 7516-Р, 7517-Р, 7521-С, 7524-С, 7525-С, 7526-Т, 7527-Т, 7528-Т, 7529-Т, 7532-Ф, 7536-Х, 7541-Щ, 7542-Ш, 7542-Щ, 7543-Ш, 7544-Щ, 7547-Ю, 7549-Я, 7583-Д.

23. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. ДД. 10057, 11457, 14794, 14805, 14806, 14807, 14808, 14809, 14810, 14811, 14812, 14827, 14828, 14829, 14830, 14831, 14832, 14833, 14834, 14835, 14836, 14839, 14844, 14846, 14847, 14851, 14856, 14865, 14872.

Российский государственный военный архив (РГВА)

24. Ф. 25883. Управление Московского военного округа. г. Москва. Оп. 4. Д. 1426.

25. Ф. 37976. Коллекция послужных списков и личных дел командно-начальствующего состава РККА. Оп. 1. ДД. 249, 268, 418, 426, 486, 615; Оп. 10. ДД. 1777, 2325-2328, 2342, 3756.

Государственный архив Курской области (ГАКО)

26. Ф. 143. Курское губернское податное присутствие и податные инспектора. Оп. 1. ДД. 190, 218, 243, 259, 292, 294.

27. Ф. 144. Присутствия по налогам Курской казенной палаты. Оп. 1. ДД. 146, 147, 162, 175.

28. Ф. Р. – 3301. Курский уездный комиссариат по военным делам. Оп. 1. Д. 31.

Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. (ГАОПИ ВО)

29. Ф. 5. Отдел истории партии Воронежского обкома ВКП(б). 1920-1939 гг. Оп. 1. Д. 459.

Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО)

30. Ф. П-382. Оп. 1. Отдел губернского комитета ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). ДД. 8, 64, 84.

31. Ф. П. - 997. Тамбовского партархива. Оп. 1. Д. 6.

32. Фонд периодических изданий научно-справочной библиотеки. Листовки. 1917-1947 гг. Л. 1 - 1 об.

Государственный архив Тамбовской области (ГАТО)

33. Ф. 17. Тамбовская городская управа. Оп. 45. ДД. 540, 543, 547.

34. Ф. 949. Тамбовский губернский комитет спасения революции. Оп. 1. Д. 1.

35. Ф. 1058. Канцелярия Тамбовского губернского и Тамбовского,

Кирсановского, Моршанского уездных комиссаров Временного правительства. Оп. 1. ДД. 21, 43.

36. Ф. Р-1. Исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Тамбовской губернии. Оп. 1. ДД. 5, 37.

37. Ф. Р-6. Тамбовский городской Совет депутатов и его исполком. Оп.1. Д. 7.

38. Ф. Р-394. Отдел управления исполнительного комитета Тамбовского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. ДД. 29, 45, 142, 190, 199, 418, 478, 650.

39. Ф. Р-1803. Тамбовская городская комиссия по делам бывших красногвардейцев и красных партизан. Оп. 1. Д. 1769.

40. Ф. Р-1832. Военный комиссариат исполнительного комитета Тамбовского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. ДД. 21, 1413, 1503.

2. Опубликованные документы и материалы

41. Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции: [Сборник] / Сост. Н. Д. Болдырева, Т. С. Дмитренко и А. А. Муравьев; Под ред. канд. воен.-мор. наук Р. Н. Мордвинова. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 437 с.

42. Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии (1917-1918 годы) Сборник документов / [Предисл. канд. ист. наук В.С. Александрова, с. 3-21]. – Тамбов: [б. и.], 1957. – 292 с.

43. Борьба за Советскую власть на Белгородщине. Март 1917 г. — март 1919 г.: (сборник документов и материалов) / сост.: Ю. И. Гончаренко, Н. Н. Брежнев. – Белгород: [Архивный отд. исполкома Белгор. обл. Совета депутатов трудящихся], 1967. – 379 с.

44. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. Сборник документов и материалов / [Ред. коллегия: канд. ист. наук А. Н. Литвиненко (пред.) и др.] – Курск: Кн. изд-во, 1957. – 511 с.

45. Варшавско-Ивангородская операция. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914-1917 гг.). – М.: Изд. и 1 тип. Воениздата, 1938. – 512 с.

46. Великая Октябрьская социалистическая революция Хроника событий. [40 лет. 1917-1957]: в 4 т. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957-1961.

47. Великая Октябрьская социалистическая революция: хроника событий, 11 янв. – 5 марта 1918 г. [составители К. М. Первухина и др.]; отв. ред. В. Д. Поликарпов. – М.: Наука, 1986. – 510, [2].

48. Воронежская книга памяти Великой войны 1914–1918 годов / сост. А. И. Григоров. Преимущественно город Воронеж, Воронежский и Павловский уезды Воронежской губернии, Борисоглебский уезд Тамбовской губернии: вернулись с великой войны / сост. А. И. Григоров. – М.: Московский Изд. Дом, 2014. – 562 с.

49. Восточный фронт адмирала Колчака / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д.и.н. С. В. Волкова. – М.: Центрполиграф, 2004. – 651 с.

50. Всероссийский съезд офицерских депутатов армии и флота (1917; Петроград). Стенографический отчет заседаний Всероссийского съезда офицерских депутатов армии и флота в г. Петрограде: С 8 по 27 мая 1917 г. [Т. 1]-. [Т. 1] / 24. – Петроград: тип. М-ва вн. дел, 1917, 1917. – 528 с.

51. Гражданская война: материалы по истории Красной Армии/ [РСФСР], Комис. по исслед. и использованию опыта Мировой и Гражданской войны. – М.: Высший военный редакционный совет, 1923. – Т. 2: [События на юге России после Октябрьской революции]. – 226 с.

52. Директивы Главного командования Красной Армии (1917-1920). Сб. док. – М.: Воениздат, 1969. – 884 с.

53. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.). Сб. док. в 4-х тт. Т. 1. – М.: Воениздат, 1971. – 788 с.

54. Дни грозовые. Воронежская организация КПСС в годы гражданской войны (I9I8-I920 гг.). Документы и материалы. – Воронеж: Воронежское книжное изд-во, 1960. – 276 с.

55. Зарождение добровольческой армии / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д.и.н. С. В. Волкова. – М.: Центрполиграф, 2001. – 638 с.

56. Из истории гражданской войны в СССР. Сб. документов и материалов. Тт. 1-З. – М.: Сов. Россия, 1960-1961. – 832+896+876 с.

57. Исход Русской Армии генерала Врангеля из Крыма / [Сост., науч. ред., предисл. и коммент. д.и.н. С.В. Волкова]. – М.: Центрполиграф, 2003. – 702 [1] с.

58. Красная книга ВЧК: в 2 т. – М.: Политиздат, 1990. – 416+541 с.

59. Красный террор в годы Гражданской войны / Сост., вступ. ст. Ю.Г. Фельштинского, Г.И. Чернявского – 3-е изд., доп. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. – 432 с.

60. Красный террор глазами очевидцев / составл., предисл., примечания д. и. н, С. В. Волкова. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 448 с.

61. Курск в революции: Сборник материалов по истории Октябрьской революции в Курском крае – Курск: [б. и.], 1927. – 127 с.

62. Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1967. – 359 с.

63. Курская губерния в годы Первой мировой войны: Сборник документов и материалов / ред. кол.: В.Л. Богданов (гл. ред.) [и др.]. – Курск: ИП Афанасьева Е.А., 2018. – 520 с.

64. Лавыгин, Б. М. 1917 год в Воронежской губернии / Б.М. Лавыгин. – Воронеж: Истпартотд. Воронежск. губкома ВКП(б), 1928. – XVI, 178 с.

65. Летопись революционной борьбы в Курской губернии: материалы Курского истпарта. – Курск: Книгоиздательское товарищество при Курском губкоме РКП(б), 1923. – 38 с.

66. Лисовой, Я. М. Генеральный штаб (статистический очерк по данным к 1 декабря 1918 г.) / Я.М. Лисовой // Донская волна. – Ростов н/Д., – 1919. – № 9 (37). – С. 11-14.

67. Лисовой, Я. М. Памятка Музея «Современных Событий в России» // Белый Архив: Сб. материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, белого движения и т. п. / Под ред. Я. М. Лисового. Кн. I. –Париж: [б. и.], 1926.

68. Лодзинская операция. Сборник документов. – М.-Л.: Воениздат, 1936. – 505 с.

69. Материалы для истории Корниловского ударного полка / [отв. сост. М.Н. Левитов; сост., науч. ред., предисл. и коммент Р. Г. Гагкуева]. – М.: Посев, 2015. – 871 с.

70. Московский областной съезд Советов рабочих и солдатских 28-31 мая 1917 г. – М.: Обл. бюро С.Р. и С.Д., 1917. – 32 с.

71. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. - март 1918 г.: Сб. док. Отв. сост. Е.П. Воронин. – М.: Наука, 1973. – 458 с.

72. От Орла до Новороссийска. / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. д.и.н. С.В. Волкова. – М.: Центрполиграф, 2004. – 622 с.

73. Первый кубанский («Ледяной») поход / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. д.и.н. С.В. Волкова. – М.: Центрполиграф, 2001. – 944 с.

74. Пионтковский С. Гражданская война в России (1918-1921): Хрестоматия / С. Пионтковский. – М.: Изд-во Коммунистического ун-та им. Я.М. Свердлова, 1925. – 708 с.

75. Поход на Москву / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии доктора исторических наук С. В. Волкова. – М.: Центрполиграф, 2004. – 735 с.

76. Приказы Вооруженным силам Юга России о чинах военных и гражданских (январь–август 1920 г.). Т. 1-2. / составители: А. В. Ефимов, А. П. Сенин. – М.: Институт Наследия, 2025. – 574+580 с.

77. Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 г.: Сборник документов / Под ред. д-ра ист. наук Л. С. Гапоненко. – М.: Наука, 1968. – 621 с.

78. Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. 1914 – февраль 1917. Сборник документов / Под ред. д-ра ист. наук проф. А. Л. Сидорова; сост.: Г. В. Богданов, Л. Б. Леонидов, Т. С. Федорова. – М.: Наука, 1966. – 467 с.

79. Русская армия в изгнании / [Предисл. и коммент. д. ист. н. С.В. Волкова]. – М.: Центрполиграф, 2003. – 509, [2] с.

80. Русские в Галлиполи, [1920-1921]: сборник статей, посвященный пребыванию 1-го Армейскаго корпуса Русской армии в Галлиполи / В. Ф. Баумгартен [и др.]; ред. комисс.: Г. Ф. Волошин [и др.]; заставки и виньетки: В. П. Антипов [и др.]. – Берлин: EAG Druck, 1923. – 490, [6] с.

81. 1917. Разложение армии / Авт.-сост. В Л. Гончаров. – М.: Вече, 2010. – 496 с.

82. 1917-1957: Статьи, воспоминания, очерки / [Ред. коллегия: Т. И. Архипова (отв. ред.) и др.]. – Курск: Кн. изд-во, 1957. – 439 с.

83. Хроника революционных событий Тамбовской губернии. 1917-18 гг. Составили П. Крошицкий и С. Соколов. – Тамбов: Б. м.: Тип. «Пролетарский светоч», 1927. – 72 с.

3. Справочно-биографические материалы

84. Авиаторы - кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914-1918 годов: Биографический справочник / Сост. М.С. Нешкин, В.М. Шабанов. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 360 с., ил.

85. Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии на 1914 год. – Тамбов: Электрическая Типо-Литография Губернского Правления, 1914. [1], IX, LXIII, – 727, 67, 62, 46 с.

86. Альбом кавалеров ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия и георгиевского оружия. – [Факс. изд.]. – Белград: О-во кавалеров ордена св. Георгия и георгиевского оружия, 1935. – 198,[1] с.: ил., портр.

87. Бугров, Ю. А., Лагутич, М. С. Курская книга памяти РККА. Гражданская война 1917-1922 гг. / Ю.А. Бугров, М.С. Лагутич. – Курск, 2013. – 52 с.

88. Военное Министерство. Военный сборник, издаваемый по Высочайшему повелению. Год тридцать второй. Том 190. № 11-й (ноябрь). – СПб.: Департамент Уделов., 1889. – 318 с.

89. Военные орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769-1920. Библиографический справочник. Отв. Сост. В.М. Шабанов. Федеральное архивное агентство. РГВИА. – М.: Русскій міръ, 2004. – 928 с.

90. Волков, С. В. Белое движение в России: организационная структура: (материалы для справочника) / С.В. Волков. – М.: [б. и.], 2000. – 368 с.

91. Волков, С. В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны / С.В. Волков – М.: Нева, ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 671 с.

92. Волков, С. В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога: в 2-х т. / С.В. Волков. – М.: ФИВ, 2012. – 732+724 с.

93. Волков, Е. В., Егоров, Н. Д., Купцов, И. В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник / Е.В. Волков, Н.Д. Егоров, И.В. Купцов. – М.: Русский путь, 2003. – 240 с.

94. Ганин, А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917-1922 гг. Справочные материалы / А.В. Ганин. – М.: Русский путь, 2009. – 895 с.

95. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / Гл. ред. С. С. Хромов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 704 с.

96. Залесский, К. А. Кто был кто в Первой мировой войне / К.А. Залесский. – М.: Астрель, АСТ, 2003. – 891, [2] с.

97. Каминский, В. В. Офицеры Русской Императорской Армии в корпусе «красного» Генерального Штаба. Персональный состав, служебная занятость, специфика личных судеб (1918-1945 гг.): биографический справочник / В.В. Каминский. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2018. Т.1. – 800 с.

98. Клавинг, В. В. Гражданская война в России: Белые армии / Клавинг В.В.. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 637 с.

99. Клепов, М. Ю. Офицеры - Георгиевские кавалеры Первой мировой войны. Мартиролог / М.Ю. Клепов. – М.: Минувшее, 2015. – 790, [2] с.

100. Купцов, И. В., Буяков, А. М., Юшко, В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник / И.В. Купцов, А.М. Буяков, В.Л. Юшко. – М.: Военная книга, 2011. – 672 с.

101. Курский адрес-календарь. 1914-й год. – Курск: Электрическая Типо-Литография Губернского Правления. 1914. – [1], 11, 490 с.

102. Незабытые могилы: российское зарубежье: некрологи 1917-1997 / сост. В. Н. Чуваков. – М.: Пашков дом, Т. V. 2004. – 638 с.

103. Памятная книжка Воронежской губернии... на 1914 г. – Воронеж: Изд. Воронежского Губернского Статистического Комитета. 1914. – 704 с.

104. Рутыч, Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: материалы к истории Белого движения / Н.Н. Рутыч. – М.; [Париж]: Рос. арх., Regnum, 1997. – 295 с.

105. Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Составлен по данным к 1-му марта 1923. – М.: Военная Типография Штаба Р.-К. К.А., 1923. – 260 с.

106. Список Генералам по старшинству. Составлен по 1-е января 1891 года. – СПб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1891. – XXIV, 913, [1] с.

107. Список Генералам по старшинству. Составлен по 6-е января 1907 года. – СПб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1907. – XXVIII, 1039 с.

108. Список генералам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е июля 1908 г. – СПб.: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1908. – XXX, 111 с.

109. Список генералам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е января 1913 г. – СПб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1913. – XXXII, 88 с.

110. Список генералам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е июля 1913 г. – СПб.: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. – XXXII, 86 с.

111. Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 г. – Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. – XXX, 980 с.

112. Список генералам по старшинству. Составлен по 10-е июля 1916 г. – Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1916. – XXVIII, 189 с.

113. Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е июня 1914 года: (с приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). – С.-Петербург: Военная тип., 1852-1917 – Петроград: Военная тип. Императрицы Екатерины Великой, 1914. – XX, 779 с.

114. Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е января 1916 года. – Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1916. – 100 с.

115. Список Генерального штаба. Исправлен по 3-е января 1917 года: (с приложением изменений по 8 февраля 1917 г. – Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой, 1917. – XXX, 164 с.

116. Список капитана по старшинству. Часть первая. Составлен по 1 января 1905 г. – СПб.: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1905. – LX, 999 с.

117. Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Составлен по 1-е июня 1909 г. – СПб.: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1909. – LXXXVIII, 1776 с.

118. Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Составлен по 1-е ноября 1912 г. – СПб.: Военная Типография (в здании Главного Штаба). 1913. – LXXXVII, 1524 с.

119. Список подполковникам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1906 г. – СПб.: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1906. – XCIV, 2048 с.

120. Список подполковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е марта 1909 г. – СПб.: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1909. – LXXIV, 208 с.

121. Список подполковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 15-е мая 1913 г. – СПб.: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. – LXIX, 183 с.

122. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е мая 1890 г. – СПб.: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1890. – XL, 763 с.

123. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1899 г. – СПб.: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1899. – XLII, 908 с.

124. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1900 г. – СПб.: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1900. – XLII, 924 с.

125. Список полковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е ноября 1907 г. – СПб.: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1907. – L, 118 с.

126. Список полковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е марта 1913 г. – СПб.: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. – LXVIII, 108 с.

127. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1914 г. – СПб.: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. – LXVII, 1439 с.

128. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е августа 1916. – Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1916. – LIX, 460 с.

129. Список ротмистрам армейской кавалерии по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1913 г. – СПб.: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. – XX, 284 с.

130. Список старшим войсковым начальникам, начальникам штабов: округов, корпусов и дивизий и командирам отдельных строевых частей по старшинству в чинах .... Исправлен по 15-е мая 1913 г. – СПб.: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой, 1913. – 48 с.

131. Шмаглит, Р. Г. Белое движение, 900 биографий крупнейших представителей русского военного зарубежья [энцикл. биограф. справ.] / Р.Г. Шмаглит. – М.: Зебра Е, 2006. – 346, [1] с.

4. Периодические издания

132. Борисоглебское эхо. – 1914-1917.

133. Борьба. Моршанск. – 1918. – Июль – декабрь.

134. Воронежские епархиальные ведомости. – 1914-1917.

135. Воронежский Красный листок. – 1918. – Июль – декабрь.

136. Известия Бобровского Совета Крестьянских и Рабочих Депутатов – 1918. – Апрель – ноябрь.

137. Известия Бобровского Уездного Исполнительного Комитета – 1919. – Май.

138. Известия Борисоглебского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов. – 1918. – Июль – ноябрь.

139. Известия исполкома Воронежск. губ. сов. р.и кр. Депутатов. – Июнь 1918 – сентябрь 1919.

140. Известия Исполнительного Комитета Курской Городской Думы. – 1917. – Март.

141. Известия Кирсановского Уездного Совета Крестьянских и Рабочих Депутатов. – Март 1918-1920.

142. Известия Козловского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов. – 1918-1919.

143. Известия Московского областного Совета. – 1917. – Декабрь.

144. Известия Острогожского совета рабочих, и крестьянских депутатов. – 1918. – Апрель – август.

145. Известия Острогожского уездного исполнительного комитета советов рабочих и крестьянских депутатов – 1918. – Август – ноябрь.

146. Известия офицеров …армии. Б. м. – 1917. – № 1. – Апрель-май.

147. Известия Совета офицерских депутатов ... армии. – Рига: Издание Исполнительного комитета XII армии. – 1917, – № 2. – 22 апреля.

148. Известия Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г[орода] Курска и губ[ернии], – 1917. – Июнь. – 1918. – Май.

149. Известия Тамбовского Губернского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. – 1918-1922 гг.

150. Искры. Иллюстрированный журнал. – 1916.

151. Коммуна. Воронеж. – 1919-1922.

152. Красная Армия. Курск. – 1918. – Май – июль.

153. Курская беднота / Курск. – 1918. – Сентябрь – декабрь.

5. Воспоминания, дневники, письма, художественная литература

154. Авалов, П. Р. В борьбе с большевизмом / П.Р. Авалов. – Гамбург: Глюкштадт: И.И. Августин. 1925. – 540 с.

155. Альмендингер, В. Симферопольский офицерский полк, 1918 1920 / В. Альмендингер. – Лос-Анджелес: Изд-во автора, 1962. – 43 с.

156. Арамалиев, В. В. В дыму войны (1914-1917) / В.В. Арамалиев. – Л.: Молодая гвардия, 1930. – 340 с.

157. Белые армии, черные генералы: Мемуары белогвардейцев / [Сост., вступ. ст. и примеч. В. П. Федюка]. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1991. – 285,[2] с.

158. Белый десант на Кубани. Август 1920 / Сост. Д. И. Степанченко. – Краснодар: Советская Кубань, 2000. – 64 с.

159. Богаевский, А. П. Воспоминания: 1918 год. "Ледяной поход" / А.П. Богаевский. – Нью-Йорк: Изд-во Музея белого движения, 1963. – 150 с.

160. Борисов, П. А. Черным летом / П.А. Борисов. – М.: Политиздат, 1965. – 80 с.

161. Брусилов, А. А. Мои воспоминания / А.А. Брусилов. – М.; Л.: Гос. изд-во. Отд. воен. литературы, 1929. – 249 с.

162. Бугураев, М. Михайловское артиллерийское училище. 150-летие основания / М. Бугураев. – Б. м.: О-во Михайловцев-артиллеристов в США, 1971. – 47 с.

163. «В Петрограде революция! Поздравляю, господа!..». Из воспоминаний Г.А. Римского-Корсакова // Россия 1917 года в эго-документах. Воспоминания / [авт.-сост.: Н. В. Суржикова (науч. ред.) и др.]. – М.: РОССПЭН, 2015. – С. 115-126.

164. Булгаков, М. А. Белая гвардия / М.А. Булгаков; изд. подгот. Е.А. Якблоков. – М.: Ладомир, 2015. – 824 с.

165. Вакар, С. В. Наша генерация, рожденная в конце прошлого столетия / С.В. Вакар. – М.: [б. и.], 2000. – 196 с.

166. Валь, Э. Г. фон. К истории белого движения: Деятельность генерал-адъютанта Щербачева / Э.Г. фон Вальц. – Таллин: Изд-во автора, 1935. – 157 с.

167. Венус, Г. Война и люди: Семнадцать месяцев с дроздовцами / Г. Венус. – 4-е изд. – М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1931. – 235 с.

168. Виллиам, Г. Побежденные / Г. Виллиам // Архив Русской Революции. Т. 7. – М.: Русский архив, 1991. – С. 203-245.

169. Вирта, Н. Е. Избранные произведения в двух томах. Т.2. Одиночество. Закономерность. Романы / Н.Е. Вирта. – М.: «Худож. лит.», 1973. – 752 с.

170. Герасимов, М. Н. Пробуждение / М.Н. Герасимов. – М.: Воениздат, 1965. – 270 с.

171. Голицын, Н. В. Конная атака Новоархангельских улан в октябре 1919 года / Н.В. Голицын // Возрождённые полки русской армии в Белой борьбе на Юге России. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. – С. 407-408.

172. Гоштовт, Г. А. Дневник кавалерийского офицера / Г.А. Гоштовт. – Париж: Imprim. «Pascal», 1931. – 193 с.

173. Дневник Барона Алексея Будберга. 1917 год // Архив русской революции. Т.12. – М.: Русский архив, 1991. – С. 197-290.

174. Гражданская война в Тамбовской губернии в воспоминаниях её свидетелей и участников: сборник документов и материалов / под общ. ред. В.Л. Дьячкова. – Тамбов: Издательство Першина Р. В., 2020. – 608 с.

175. Гуль, Р. Б. Ледяной поход / Р.Б. Гуль. – М.: Воениздат, 1991. – 346 [2] с.

176. Дальний, Б. Д. Романтическая история: Повесть / Б.Д. Дальний. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1965. – 175 с.

177. Долгоруков, П. Д. Великая разруха П.Д. Долгоруков. – Мадрид: [б. и.], 1964. – 460 с.

178. Достовалов, Е. И. За что и как мы боролись / Е.И. Достовалов // Источник. – 1994. –№ 3. – С. 41-56.

179. Дрейер, В. Н. фон. Крестный путь во имя Родины: двухлетняя война красного Севера с белым Югом, 1918-1920 года / В.Н. фон Дрейер. – Берлин; Шарлоттенбург: Тип. «Нейе Цейт», 1921. – 154.

180. Дроздовский, М. Г. Дневник / М.Г. Дроздовский. – Берлин: Отто Кирхнер и Ко, 1923. – 185 с.

181. За власть Советов. Сборник воспоминаний участников революционных событий в Воронежской губернии в 1917-1918 гг. Под ред. И. Г. Воронкова и Т. М. Севастьяновой. – Воронеж: Кн. изд-во, 1957. – 142 с.

182. За власть Советов. (Сборник воспоминаний участников борьбы за установление Советской власти на Тамбовщине). – Тамбов: Изд-во «Тамбовская правда», 1957. – 84 с.

183. За власть Советов: Статьи, очерки, воспоминания, посвящ. 40-летию Советской власти в Белгор. обл. / [Отв. ред. Н. М. Быстров]. – Курск: Кн. изд-во, 1957. – 234 с.

184. Игнатьев, А. А. Пятьдесят лет в строю / А.А. Игнатьев. – М.: Воениздат, 1986. –752 с.

185. Ищеев, П. П., князь. Осколки прошлого: Воспоминания, 1889-1959 / П.П. князь Ищеев. – Нью-Йорк: [б. и.], 1960. – 160 с.

186. Калинин, И. Русская Вандея / И. Калинин. – М.; Л.: ГИЗ, 1926. – 360 с.

187. Капнин, К. Л. Отрывок из воспоминаний о боях Добровольческой Армии под Орлом осенью 1919 года / К.Л. Капнин // Страницы истории Гражданской войны на Орловщине / Под ред. А. В. Тихомирова. – Орёл: Православное молодёжное братство во имя Св. Великомученика и Победоносца Георгия, 2010. – С. 93-104.

188. Колосов, М. Из воспоминаний о 18-ом годе / М. Колосов // Путь борьбы. Вып. 1. – Тамбов: Коммунист, 1922. – С. 31-39.

189. Кравков, В. П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача / В.П. Кравков. – М.: Вече, 2014. – 414 с.

190. Кравченко, В. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи / В. Кравченко. – Мюнхен: [б. и.], 1973. Т. I. 362 с.; 1975. Т. 2. – 389 с.

191. Критский, М. А. Корниловский ударный полк / М.А. Критский. – Париж: [б. и.], 1936. – 232 с.

192. Лодыженский, А. А. Воспоминания / А.А. Лодыженский. – Париж: [б. и.], 1984. – 146 с.

193. Марков, А. Л. Кадеты и юнкера: русские кадеты и юнкера в мирное время и на войне / А.Л. Марков. – Буэнос-Айрес: Изд. обще-кадетского об-ния в Сан Франциско, 1961. – 302 с.

194. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917 1920 годов. – Париж: [б. и], 1962. Т. I. – 397 с.

195. Махров, П. С. В Белой армии генерала Деникина / П.С. Махров / Под ред. Н. Н. Рутыча и К.В. Махрова. – СПб.: Logos, 1994. – 300 [1] с.

196. Михайловцы. Сборник воспоминаний о Михайловских артиллерийских училище и академии и их питомцах. Выпуск 1-й. – Белград: Комис. Михайловцев, 1936. – 114 с.

197. Падучев, В. Записки нижнего чина. 1916 год / В. Падучев. – М.: Моск. т-во писателей, 1931. – 173 с.

198. Пасманик, Д. С. Революционные годы в Крыму / Д.С. Пасманик. – Paris: Société anonyme imprimerie de Navarre, 1926. – 212 [1] с.

199. Первая мировая война в оценке современников: власть и общество. Под ред. В.В. Журавлева: в 4-х т. – М.: РОССПЭН, 2014.

200. Половцов, Л. В. Рыцари тернового венца: воспоминания члена Госуд. Думы Л.В. Половцова о 1-ом Кубанском (ледяном) походе ген. М.В. Алексеева, Л.Г. Корнилова, и А.И. Деникина / Л.В. Половцов. – Прага: Тип. Грюнхут и К°, 1927. – 219 с.

201. Поручик В.П. Зверев. В дни войны. Вестник Воронежских организаций военного времени. – Воронеж, 1916. – С. 3-13.

202. Раковский, Г. Конец белых: От Днепра до Босфора / Г. Раковский. – Прага: «Воля России», 1921. – 276 с.

203. Ряснянский, С. Н. Первые начавшие / С.Н. Ряснянский. – New York: Russ. printing & publ. house, 1958. – 112 с.

204. Самойло, А. Л. Две жизни / А.Л. Самойло. – М.: Воениздат, 1958. – 276 с.

205. Сборник воспоминаний бывших питомцев корпуса, изданный Объединением бывших воспитанников Полтавского кадетского корпуса, – Париж: [б. и.], 1965. – 226 с.

206. Свечин, М. А. Записки старого генерала о былом; патриархальная жизнь при императоре Александре III, служение в мире и на войне при императоре Николае II, на умирающем фронте при Временно правительстве, борьбе за Родину против коммунистов и уходе за рубеж / М.А. Свечин. – Ницца: [б. и.], 1964. – 205 с.

207. Скитания русского офицера: дневник Иосифа Ильина, 1914-1922 / [подготовка текста, вступительная статья Вероники Жубер]. – М.: Книжица; Русский путь, 2016. – 477 с.

208. Слащов, Я. А. Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний / Я.А. Слащов / С предисл. Дм. Фурманова. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1924. – 148 с.

209. Смоленский, С. Крымская катастрофа: Записки строевого офицера / С. Смоленский. – София: Придвор. тип., 1921. – 16 с.

210. Солженицын, А. И. Эго (Рассказ) / А.И. Солженицын // Новый мир. – 1995. – № 5. – С. 12-27.

211. Софронов, Г. П. Неподвластное времени / Г.П. Софронов. – М.: Воениздат, 1976. – 376 с.

212. Трубецкой, В. С. Записки кирасира / В.С. Трубецкой. – М.: Россия, 1991. – 218 с.

213. Трубецкой, Г. Н. Годы смут и надежд. 1917-1919 / Г.Н. Трубецкой. – Монреаль: [б. и.], 1981. – 263 с.

214. Туркул, А. В. Дроздовцы в огне / А.В. Туркул. – Л.: Ингрия, 1991. – 288 с.

215. Цейтлин, В. М. Дневник штабс-капитана. 1914-1918 / В.М. Цейтлин / под редакцией А. В. Ганина; подготовка текста, вступительная статья, комментарии, приложения А. В. Ганина. – М.: Фонд «Связь Эпох»; Издательский центр «Воевода», 2021. – 352 с.

216. Шкловский, В. Сентиментальное путешествие / В. Шкловский. – М.: Новости, 1990. – 368 с.

217. Штейфон, Б. Кризис добровольчества / Б. Штейфон. – Белград: [б. и.], 1928. – 131 с.

218. Этапы большого пути. Воспоминания о гражданской войне. [Ред.-сост. канд. ист. наук подполк. В. Д. Поликарпов]; [Предисл. проф. д-ра ист. наук С. Ф. Найда]. – М.: Воениздат, 1962. – 528 с.

II. Исследования

1. Монографии и сборники статей

219. Агалаков, В. Т. Советы Сибири (1917-1918 гг.) / В.Т. Агалаков. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. – 255 с.

220. Анишев, А. И. Очерки истории гражданской войны. 1917-1920 гг. / А.И. Анишев – Л.: Гос. изд-во, 1925. – 288 с.

221. Алексеев, В. Н. Октябрь и гражданская война в центральной черноземной области / В.Н. Алексеев. – Воронеж: изд. и тип. кн-ва "Коммуна", 1932. – 107 с.

222. Андреев, В., Кулаев, Г. Октябрьская революция и Гражданская война в Тамбовской губернии / В. Андреев, Г. Кулаев. – Тамбов: [б. и.], 1927. – 48 с.

223. Быстрянский, В. А. Армия империализма и армия революции: Война империалистическая и война революционная / В.А. Быстрянский. – Петроград: Петрогр. сов. рабочих и красноарм. депутатов, 1919. – 40 с.

224. Армия, общество, человек в Первой мировой войне: материалы Всероссийской науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Брусиловского

прорыва. Курск, 17 июня 2016 г. / под ред. В.Л. Богданова. – Курск: [б. и.], 2016. – 140 с.

225. Асташов, А. Б. Русский фронт в 1914 - начале 1917 года: военный опыт и современность / А.Б. Асташов. – М.: Новый хронограф, 2014. – 740 с.

226. Ахун, М. И., Петров, П. В. Царская армия в годы Империалистической войны М.И. Ахун, П.В. Петров. – М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, 1929. – 124 с.

227. Беркевич, А. Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. / А.Б. Беркевич. – М., 1947. Т. 23. – 41 с.

228. Бескровный, Л. Г. Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала / Л.Г. Бескровный. – М.: Наука, 1986. – 238 с.

229. Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и сред. гор. слои / [Булдаков В.П., Иванов А.Е., Иванова Н.А., Шелохаев В.В.]. – М.: Мысль, 1981. – 304 с.

230. Бордюгов, Г. А. Белое дело: идеология, основы, режимы власти: Историограф. очерки / Г.А. Бордюгов, А.И. Ушаков, В.Ю. Чураков. – М.: Рус. мир, 1998. – 319 с.

231. Бугаев, А. В. Очерки истории гражданской войны на Дону (февраль 1917 г. – февраль 1918 г.) / А.В. Бугаев. – Ростов н/Д.: [б. и.], 2010. – 400 с.

232. Буйский, А. А. Борьба за Крым и разгром Врангеля / А.А. Буйский. – М.; Л.: Гос. изд-во. Отд. Воен. литературы, 1928. – 96 с.

233. Булдаков, В. П. Красная смута Природа и последствия революционного насилия / В.П. Буладков. – М.: Росспэн, 1997. – 373 с.

234. Булдаков, В. П., Леонтьева, Т. Г. 1917 год. Элиты и толпы. Культурные ландшафты русской революции / В.П. Булдаков, Т.Г. Леонтьева. – М.: Издательство «ИстЛит», 2017. – 624 с.

235. Буравченков, А. А. В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции / А.А. Буравченко. – Киев: Выща шк., 1988 – 141 с.

236. Великая война. Сто лет: издание подготовлено к съезду Российского военно-исторического общества 19 апреля 2014 г. / Российское военно-ист. о-во; [под ред. М. Ю. Мягкова, К. А. Пахалюка]. – М.; СПб.: Нестор-История, 2014. – 322 с.

237. Великий Октябрь и защита его завоеваний. Т.1. – М.: Наука, 1987. – 478 с.

238. Венков, А. В. Антибольшевистское движение на юге России на начальном этапе гражданской войны / А.В. Венков. – Ростов - н/Д.: 1995. – 128 с.

239. Волин, В. В. Дон и Добровольческая армия: Очерки недавнего прошлого / В.В. Волин. – Ростов н/Д.: Б.А. Суворин, 1919. – 143 с.

240. Волков, Е. В. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период гражданской войны. Монография / Е.В. Волков. – Иркутск: Изд. дом «Сарма», 2005. – 300 с.

241. Волков, С. В. Русский офицерский корпус / С.В. Волков. – М.: Воениздат, 1993. – 367 с.

242. Волкогонов, Д. А. Феномен героизма. О героях и героическом / Д.А. Волкогонов. – М.: Политиздат, 1985. – 263 с.

243. Война и революция: социальные процессы и катастрофы: Материалы Всероссийской научной конференции; г. Москва, 19 – 20 мая 2016 г. [Электронное издание] / Под ред. А.Б. Ананченко; Московский педагогический государственный университет. Институт истории и политики. – М.: МПГУ, 2016. – 349 с.

244. Воронков, И. Г. Большевики Воронежа в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции / И.Г. Воронков. – Воронеж: Кн. изд-во, 1957. – 95 с.

245. Гагкуев, Р. Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917-1920 гг. / Р.Г. Гагкуев. – М.: Содружество «Посев», 2012. – 704 с.

246. Гакаев, Ж. Ж. Большевики в борьбе за солдатские гарнизоны в Октябрьской революции / Ж.Ж. Гакаев. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1987. – 204 с.

247. Ганин, А. В. Измена командармов. Представители высшего состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917-1922 гг. / А.В. Ганин. – М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2020. – 830 с.

248. Ганин, А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы / А.В. Ганин. – М.: Русский путь, 2013. – 880 с.

249. Гаркавенко, Д. А. Партия, армия, флот / Д.А. Гаркавенко. – Л.: [б. и.], 1972. – 311 с.

250. Глебов, Л. Д. Борьба большевиков за установление и упрочение советской власти в Курской губернии (март 1917 г. – декабрь 1918 г.) / Л.Д. Глебов. –Курск: Областное книгоиздательство, 1952. – 175 с.

251. Голдин, В. И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы: монография / В.И. Голдин. – Мурманск: МГГУ, 2012. – 333 с.

252. Голдин, В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на русском Севере В.И. Голдин. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 200 с.

253. Голдин, В. И., Журавлев, П. С., Соколова, Ф. Х. Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны / В.И. Голдин, П.С. Журавлев, Ф.Х. Соколова. – Архангельск: Солти, 2005. – 350 с.

254. Головин, Н. Н. Военные усилия России в мировой войне: в 2 т. / Н.Н. Головин. – Париж: Т-во объединённых издателей, 1939. – Т. 1. 211 с., – Т. 2. 246 с.

255. Головин, Н. Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч. I-V. / Н.Н. Головин. – Париж: [б. и.], 1937.

256. Городецкий, Е. Н. Рождение советского государства. 2-е изд., испр. и доп. / Е.Н. Городецкий – М.: Наука, 1987. – 349 с.

257. Городское средние слои в Октябрьской революции и Гражданской войне. Межвузовский сборник научных трудов. – М.; Тамбов: ТГПИ, 1985. – 235 с.

258. Гражданская война в России: перекресток мнений. Сборник] / Рос. АН, Ин-т рос. истории; [Отв. ред. Ю. А. Поляков, Ю. И. Игрицкий]. – М.: Наука, 1994. – 376.

259. Гребенкин, И. Н. Долг и выбор: Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914-1918 гг. / И.Н. Гребенкин. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 528 с.

260. Гребенкин, И. Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914-1918 гг. / И.Н. Гребенкин. – Рязань: Ред.-изд. центр РГУ им. С. А. Есенина, 2010. – 398 с.

261. Гришанин, П. И., Зимина, В. Д. «Падения» и «взлеты» Белого движения в отечественной историографии / П.И. Гришанин, В.Д. Зимина. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2008. – 179 с.

262. Гусев, С. И. Гражданская война и Красная армия: сборник военно-теоретических и военно-политических статей (1918-1924) / С.И. Гусев. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. – 220 с.

263. Гусев, С. И. Уроки гражданской войны. – 2-е изд., перераб. и доп. / С.И. Гусев. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 46 с.

264. Демократический фронт накануне Великого Октября / [В.П. Филатов, Г.П. Пожидаев, А.Г. Егорова и др.; редкол.: В.П. Филатов (отв. ред.) и др.]. – М.: Мысль, 1982. – 223 с.

265. Деникин, А. И. Очерки русской смуты: [В 5-ти т.] / А.И. Деникин. – Париж; Берлин: J. Povolozky & C°; Слово; Медный всадник, 1921-1926.

266. Егоров, А. И. Разгром Деникина (1919 г.) А.И. Егоров. – М.: Гос. военное изд-во, 1931. – 282 с.

267. Емельянов, С. Н. Курский край в Гражданской войне 1917-1921 гг. [Текст]: (очерк военно-политической истории) / С. Н. Емельянов, А. В. Зорин,

А. Г. Шпилев; Ком. по культуре адм. Курской обл., Курский гос. обл. музей археологии. – Курск: Полстар, 2013. – 528 с.

268. Ефимов, А. Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918-1920 / А.Г. Ефимов / сост. Л. Ю. Тремсиной, предисл. А. А. Петрова. – М.: Айрис-пресс. 2008. – 416 с.

269. Зайончковский, А. М. Первая мировая война. 1914-1918 / А.М. Зайончковский. М.: Огиз – Гос. воен. изд-во, 1931. 455 с.

270. Зайончковский, П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX – XX столетий, 1881-1903 / П.А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1973. – 371 с.

271. Зайцов, А. А. 1918 год: Очерки по истории русской Гражданской войны / А.А. Зайцов. – [Б. м.]: [б. и.], 1934. – 278 с.

272. Зайцов, А. А. Семеновцы в 1914 году / А.А. Зайцов. – Гельсингфорс: тип. акц. о-во Литера, 1936. – VI, 114 с.

273. Зайченко, Н. С. Война и наша главная ошибка / Н.С. Зайченко. – М.: К.-П. Лиги, 1917. – 32 с.

274. Залесский, П. И. Возмездие (Причины русской катастрофы) / П.И. Залесский. – Берлин: «PRESSE», 1925. – 280 с.

275. Заславский, Д. О., Конторович, В. А. Хроника февральской революции. Т.1. / Д.О. Заславский, В.А. Конторович. – Петроград: Былое, 1924. – 312 с.

276. Иванов, А. И. Первая мировая война в русской литературе 1914-1918 гг.: Монография / А.И. Иванов. – Тамбов: Изд. ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – 484 с.

277. Иванов, А. П. Установление Советской власти на Тамбовщине / А.П. Иванов. –Тамбов: Тамб. правда, 1958. – 61 с.

278. Ивлев, М. Н. Диктатор Одессы. Зигзаги судьбы белого генерала / М.Н. Ивлев. –М.: Вече, 2013. – 316 с.

279. Ижевско-Воткинское восстание. 1918 / под ред. В.Ж. Цветкова. – М.: Посев, 2000. – 116 с.

280. Иовлев, А. М. Деятельность КПСС по подготовке военных кадров / А.М. Иовлев. – М.: Воениздат, 1976. – 238 с.

281. Ионин, А. М. Деятельность КПСС по подготовке военных кадров / А.М. Ионин. – М.: Воениздат, 1976. – 238 с.

282. Иоффе, Г. З. «Белое дело» и генерал Корнилов / Г.З. Иоффе. – М.: Наука, 1989. – 291 с.

283. Иоффе, Г. З. Великий Октябрь и эпилог царизма / Г.З. Иоффе. – М.: Наука, 1987. – 366 с.

284. Иоффе, Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах / Г.З. Иоффе. – М.: Мысль, 1983. – С. 223.

285. Иоффе, Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов / Г.З. Иоффе. – М.: Наука, 1995. – 236 с.

286. Исторический опыт трех российских революций. Т.3. / под ред. П.А. Голуба. – М.: Политиздат, 1987. – 655 с.

287. История гражданской войны в СССР: [т. 1-5] / под ред. М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, А. Бубнова, Я. Гамарника, И. Сталина. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1935-1960.

288. История России: в 20 томах. ТТ. 11-12. – М.: Наука, 2024.

289. Источниковедение истории Великого Октября. Сб. статей. – М.: Наука, 1977. – 288 с.

290. Кавтарадзе, А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917-1920 гг. / А.Г. Кавтарадзе. – М.: Наука, 1988. – 276 с.

291. Какурин, Н. Е. Как сражалась революция. Т. 1. / Н.Е. Какурин. – М.: Политиздат, 1990. – 271 с.

292. Канищев, В. В., Мещеряков, Ю. В. Анатомия одного мятежа / тамбовское восстание 17-19 июня 1918 г. / В.В. Канищев, Ю.В. Мещеряков. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 1995. – 295 с.

293. Карелин, А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация / А.П. Карелин. – М.: Наука, 1979. – 304 с.

294. Катков, Г. М. Февральская революция / Г.М. Катков. – М.: Центрполиграф, 2006. – 477 с.

295. Кенез, П. Полная история Белого движения / П. Кенез. – М.: Родина, 2021. – 650, [1] с.

296. Керсновский, А. А. История русской армии. [В 4-х т.] / А.А. Керсновский. – М.: Голос, 1992-1994.

297. Клавинг, В. В. Гражданская война в России: Белые армии / В.В. Клавинг. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 637 с.

298. Ключевые проблемы Русской революции в историографии сегодняшнего дня: сборник материалов конференции / отв. ред. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. – 311 с.

299. Кляцкин, С. М. На защите Октября; Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917-1920 / С.М. Кляцкин. – М.: Наука, 1965. – 475 с.

300. Кожевин, В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв: монография / В.Л. Кожевин. – Омск: Изд-во Ом. гос. унта, 2011. – 260 с.

301. Колоницкий, Б. И. 1917. Семнадцать очерков по истории российской революции / Б.И. Колоницкий. – СПб.: Издательство Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. – 141 с.

302. Контрреволюция на Востоке Росси в период гражданской войны (1918-1919 гг.): сборник научных статей / науч. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. – 195, [3] с.

303. Крушанов, А. И. Победа Советской власти на Дальнем Востоке и в Забайкалье (1917 – апрель 1918 г.) / А.И. Крушанов. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1983. – 231 с.

304. Крылов, А. Б. Сибирские полки на германском фронте в годы Первой Мировой войны / А.Б. Крылов. – М.: Книжный мир, 2014. – 113, [2] с.

305. Кубань в эпоху великих потрясений. 1917-1920 гг. // Фелицынские чтения - XIX. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Краснодар: Вика-Принт 2017. – 172 с.

306. Кузнецов, Ю. С. Вовлечение интеллигенции в социалистическое строительство (1917-1925 гг.) На материалах парт. орг. Белоруссии / Ю.С. Кузнецов. – Минск: Беларусь, 1982. – 174 с.

307. Кузьмина, Т. Ф. Революционное движение солдатских масс накануне Октября. По материалам Моск. воен. окр. / Т.Ф. Кузьмина. – М.: Наука, 1978. – 310 с.

308. Ладоха, Г. Очерки гражданской борьбы на Кубани / Г. Ладоха. – Краснодар: Буревестник, 1923. – 122 с.

309. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. ТТ. 31, 34, 39, 40 / В.И. Леини. – М.: Госполитиздат, 1969-1974.

310. Литвинов, А. И. Майский прорыв IX армии в 1916 году / А.И. Литвинов. – Петроград: Воениздат. Пг. Воен. округа, 1923. – 88 с.

311. Лушников, А. М. Армия, государство и общество: система военного образования в социально-политической истории России (1701-1917гг.) / А.М. Лушников. – Ярославль: Яросл. гос. техн. ун-т, 1996. – 151 с.

312. Лютик, Д. В. Неизвестная крепость Российской империи. Историческая реконструкция событий: [монография] / Д.В. Лютик, С.А. Пивоварчик, А.Р. Семенчук; науч. ред. В.И. Калинин. – Гродно: ЮрСаПринт, 2014. – 248 с.

313. Мещеряков, Ю. В. Тамбовская губерния в начальный период советской власти. Октябрь 1917 – август 1918 г. / Ю.В. Мещеряков. – Тамбов: [б. и.], 2012. – 423 с.

314. Миллер, В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. Возникновение и начальный период деятельности / В.И. Миллер. – М.: Наука, 1974. – 318 с.,

315. Милюков, П. Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып.1-3 / П.Н. Милюков. – София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921. – 248+292+308 с.

316. Милюков, П. Н. Россия на переломе: Большевистский период русской революции. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры / П.Н. Милюков. – Париж: [б. и.], 1927. – 400 с.

317. Минц, И. И. Год 1918-й / И.И. Минц. – М.: Наука, 1982. – 576 с.

318. Минц, И. И. История Великого Октября: в 3 т. / И.И. Минц. – М.: Наука, 1967-1973.

319. Минюшев, Ф. И. Социальная антропология / Ф.И. Минюшев. – М.: Междунар. ун-т бизнеса и упр., Братья Карич, 1997. – 188 с.

320. Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн.1: Первая мировая война: Исторический очерк / Б. М. Туполев, В. Н. Виноградов, Т. М. Исламов [и др.]; сост. и авт. ст. В. Л. Мальков, Ю. А. Поляков; ред. Г. Д. Шкундин. – М.: Наука, 2002. – 686 с.

321. Молодцыгин, М. А. Красная Армия: Рождение и становление, 1917-1920 гг. / М.А. Молодцыгин. – М.: ИРИ, 1997. – 231 с.

322. Морозов, В. Ф. Борьба большевистской партии за установление Советской власти в губерниях Центральной России (Октябрь 1917 г. – марта 1918 г. / В.Ф. Морозов. – Саратов; Пенза: Приволж. кн. изд-во, 1967. 531 с.

323. Незабываемое прошлое Славной Южной Школы. 1865-1965. Исторический очерк Елисаветградского кавалерийского училища с воспоминаниями питомцев Школы к столетию со дня основания училища / под ред. Генерального штаба полковника С.Н. Ряснянского. – Нью-Йорк.: Издание Объединения бывших юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища, 1965. – 239 с.

324. Нелипович, С. Г. Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. 1914. – 2-е изд., испр. / С.Г. Нелипович. – М.: Квадрига, 2019. – 282 с.

325. Новиков, П. А. Гражданская война в Восточной Сибири / П.А. Новиков. – М.: Центрполиграф, 2005. – 414 с.

326. Овсянкин Е.И. Архангельск: годы революции и военной интервенции. 1917—1920 / Е.И. Овсянкин. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1987. – 239 с.

327. Павлова, И. В. Красная Гвардия в Сибири / И.В. Павлова. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1983. – 145 с.

328. Победа Великого Октября в Сибири. Т.1. / под ред. И. М. Разгона. – Томск: Издательство Томского университета, 1987. – 256 с.

329. Познанский, В. С. Очерки истории вооруженной борьбы советов Сибири с контрреволюцией в 1917-1918 гг. / В.С. Познанский. – Новосибирск: Наука, 1973. – 307 с.

330. Поликарпов, В. Д. Военная контрреволюция в России. 1905-1917 / В.Д. Поликарпов. –М.: Наука, 1990. – 389 с.

331. Поликарпов, В. Д. Пролог гражданской войны в России (октябрь 1917 - февраль 1918) / В.Д. Поликарпов. – М.: Наука, 1976. – 415 с.

332. Протасов, Л. Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов / Л.Г. Протасов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. – 191 с.

333. Разиньков, М. Е., Морозова, О. М. Социально-политический диалог в России (1917–1918 гг.): Тенденции, механизм, региональные особенности / М.Е. Разиньков, О.М. Морозова. – М.: Квадрига, 2021. – 714 с.

334. Революция и человек. Социально-психологический аспект: Революция и человек. Социально-психологический аспект // [Материалы конф., 28-30 нояб. 1994 г. / Редкол.: П. В. Волобуев (отв. ред.) и др.]. – М.: Изд. центр ИРИ, 1996. – 223 с.

335. Режепо, П. А. Офицерский вопрос / П.А. Режепо. – СПб.: Русская скоропечатня, 1909. – 35 с.

336. Режепо, П. А. Статистика генералов / П.А. Режепо. – СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1903. – 124 с.

337. Режепо, П. А. Статистика полковников / П.А. Режепо. – СПб.: «Столичная типография» С.Х. Золотухина, 1905. – 128 с.

338. Русские в Галлиполи, [1920-1921] сборник статей, посвященный пребыванию 1-го Армейскаго корпуса Русской армии в Галлиполи / В.Ф. Баумгартен [и др.]; ред. комисс.: Г.Ф. Волошин [и др.]. – Берлин: EAG Druck, 1923. – 490 с.

339. Савченко, В. А. Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование / В.А. Савченко. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 365 с.

340. Сенявская, Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки / Е.С. Сенявская. – М.: Институт российской истории РАН, 1997. – 232 с.

341. Сенявская, Е. С., Сенявский, А. С., Жукова, Л. В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии / Е.С. Сенявская, А.С. Сенявский, Л.В. Жукова. – М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 422 с.

342. Сергеев, Е. Ю. «Иная земля, иное небо…». Запад и военная элита России. 1900-1914 гг. / Е.Ю. Сергеев. – М.: ИВИ, 2001. – 282 с.

343. Серебрянников, В. В. Социология войны / В.В. Серебрянников. – М.: Науч. мир, 1997. – 397 с.

344. Симашенков, П. Д. Деятельность органов власти по укреплению морального духа офицеров русской армии в межвоенное десятилетие (1905-1914 гг.) / П.Д. Симашенков. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 181 с.

345. Симонов, Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году: монография / Д.Г. Симонов. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2010. – 610 с.

346. Соболев, Г. Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября / Г.Л. Соболев. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. – 311 с.

347. Соболев, П. Н. Подготовка к социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской области / П.Н. Соболев. – Воронеж: Кн. изд-во, 1955. – 151 с.

348. Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции / А. И. Алаторцева, В. И. Бовыкин, Е. Г. Гимпельсон и др.; Отв. ред. В. П. Наумов. – М.: Наука, 1981. – 293 с.

349. Соколов, Б. В. Котовский / Б.В. Соколов. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 443 с.

350. Солнцева, С. А. Без царя в голове. Социальная модернизация русской армии в период войны и революции (февраль – ноябрь 1917 г.): монография / С.А. Солнцева. – М.: Издательский дом «Российское военно-историческое общество»; Пятый Рим, 2020. – 158 с.

351. Спирин, Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917-1920 гг.) / Л.М. Спирин. – М.: Мысль, 1968. – 438 с.

352. Спирин, Л. М. Разгром армии Колчака / Л.М. Спирин. – М.: Госполитиздат, 1957. – 296 с.

353. Спирин, Л. М. Россия в 1917 г. / Л.М. Спирин – М.: Мысль, 1987. – 333,[2] с.

354. Суворин, А. А. Поход Корнилова. – 2-е изд. / А.А. Суворин. – Ростов н/Д.: Новый человек, 1918. – 192 с.

355. Суряев, В. Н. Офицеры русской императорской армии. 1900-1917 / В.Н. Суряев. – М.: «Русское историческое общество»; «Русская панорама», 2012. – 272 с.

356. Телегина, С. М. Он был любим Небом. (М.Ю. Лермонтов в оценке русских мыслителей) к 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова / С.М. Телегина. – М.: Эдитус, 2013. – 266 с.

357. Тинченко, Я. Ю. Офицерский корпус армии Украинской Народной Республики / Я.Ю. Тинченко. – Киев: Tempora, 2007. – 536 с.

358. Тинченко, Я. Ю. 12 тысяч. Крымские расстрелы, 20.11.1920-18.04.1921. // Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Книга десятая / Я.Ю. Тинченко. – Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 2021. – 1050 с.

359. Ушаков, А. В. Демократическая интеллигенция периода трех российских революций / А.В. Ушаков. – М.: Просвещение, 1985. – 159 с.

360. Ушаков, А. И., Федюк, В. П. Белый Юг. Ноябрь 1919 – ноябрь 1920 / А.И. Ушаков, В.П. Федюк. – М.: АИРО-XX, 1997. – 100 с.

361. Урланис, Б. Ц. Войны и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII-XX вв.: (Ист.-стат. исследование) / Б.Ц. Урланис. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 567 с.

362. Федюк, В. П. Белые. Антибольшевистское движение на юге России 1917-1918 гг. / В.П. Федюк. – М.: АИРО-XX, 1996. – 153 с.

363. Федюкин, С. А. Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма / С.А. Федюкин. – М.: Наука, 1972. – 471 с.

364. Цветков, В. Ж. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России) / В.Ж. Цветков. – М.: Посев, 2009. – 635 с.

365. Цветков, В. Ж. Белые армии Юга России. 1917-1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии. Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). Кн. 1 / В.Ж. Цветков. – М.: Посев, 2000. – 167 с.

366. Цветков, В. Ж. Белое дело в России: 1920-1922 гг. – 2-е изд., испр. и доп. / В.Ж. Цветков. – М.: Яуза; Якорь, 2019. – 1052 с.

367. Цыпкина, Р. Г. Военно-революционные комитеты в Октябрьской революции: (По материалам губерний Центр. пром. р-на Урала и Поволжья) / Р.Г. Цыпкина. – М.: Наука, 1980. – 320 с.

368. Шатагин, Н. И. Организация и строительство Советской армии в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918-1920 гг.) / Н.И. Шатагин. – М.: Воениздат, 1954. – 248 с.

369. Шерман, И. Л. Советская историография гражданской войны в СССР (1920-1931 гг.) / И.Л. Шерман. – Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1964. – 340 с.

370. Шубин, А. В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 г. / А.В. Шубин. – М.: Родина медиа, 2014. – 451 с.

371. Шушарин, М. И. Александр Юдин: биографически очерк / М.И. Шушарин. –Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во. 1971. – 103 с.

372. Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии / отв. ред. проф. В. В. Калашников; под ред. канд. ист. наук Д.Н. Меньшикова. – СПб.: Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2019. – 432 с.

373. Юмашева, Ю. Ю. Высший командный состава Советских Вооруженных Сил в годы Великой Отечественной войны (опыт коллективной биографии) / Ю.Ю. Юмашева. – М.: [б. и.], 1996. – 39 с.

374. Юмашева Ю. Ю. Очерки просопографии: История. Теория. Исследования: монография / Ю.Ю. Юмашева. – М.: Директ-Медиа, 2026. – 456 с.

375. Яковлев, Н. Н. 1 августа 1914 / Н.Н. Яковлев. – М.: Молодая гвардия, 1974. – 239 с.

376. Kenez, P. Civil War in South Russia, 1918. The first year of the Volunteer Army / P. Kenez. – Berkeley: University of California Press, 1971. – 351 p.

377. Mayzel, M. Generals and revolutionaries. The Russian Generals Staff During the Revolution: A Study of the Transformation of Military Elite / M. Mayzel. –Osnabruck: Biblio, 1979. – 322 p.

378. Rosenberg, W. A. Denikin and the Antibolshevik Movement in South Russia / W.A. Rosenberg. – Amherst Mass: Amherst College Press, 1961. – 80 p.

379. Wildman, Allan K. The End of the Russian Imperial army. The road to Soviet power and peace / A.K. Wildman. – Princeton (N. J.): Princeton univ. press, Cop. 1987. – XV, 443 p.

2. Статьи

380. Абасалиев, Р. А. Военные коменданты Петергофа / Р.А. Абасалиев // Нева. – 2007. – № 4. – С. 262-268.

381. Абинякин, Р. М. Бывшие офицеры на воинском учете РККА в 1920-е гг. / Р.М. Абинякин // Ученые записки Орловского государственного университета. –2023. – № 4 (101). – С. 7-12.

382. Абинякин, Р. М. Настроения бывших белых офицеров в советском плену (по материалам Орловского концентрационного лагеря в 1920 г.) / Р.М. Абинякин // Славянский сборник. Материалы XV Всероссийских (с международным участием) Славянских чтений. – Орел: Изд. А. В. Воробьев, 2024. – С. 95-105

383. Абинякин, Р. М. Освобождение бывших офицеров из советских концентрационных лагерей в 1920-1922 гг. / Р.М. Абинякин // Вопросы истории. – 2017. – № 3. – С. 139-146.

384. Агапеев, В. П. Корпус генерала Довбор-Мусницкого / В.П. Агапеев // Белое дело. Сб. – Берлин: Медный всадник, 1928. Т. IV. – С. 184-185.

385. Альмендингер, В. Чугуевское военное училище / В. Альмендингер // Военная Быль. – 1971. – № 108. – С. 3-7.

386. Аракелова, М. П., Загоруйко, М. В. Влияние событий Первой мировой войны и Февральской революции 1917 г. на формирование офицерского корпуса / М.П. Аракелова, М.В. Загоруйко // Вестник Московского университета. Сер. 21 (государство и общество). – 2011. – № 2. – С. 87-101.

387. Бондаренко, Г. В., Шийчук, В. А. К вопросу о роли и участии промежуточных городских слоёв в Октябрьской революции и гражданской войне на Украине / Г.В. Бондаренко, В.А. Шийчук // Городское средние слои в Октябрьской революции и Гражданской войне. Межвузовский сборник научных трудов. – М.; Тамбов: ТГПИ, 1984. – С. 139-145.

388. Борьба за Воронеж. Статьи и очерки к 20-летию освобождения Воронежа от белых банд / под ред. комиссии обкома ВКП(б). – Воронеж: Воронежское областное книгоиздательство, 1939. – 220 с.

389. Булдаков, В. П. Об эволюции политического сознания средних городских слоев в ходе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую / В.П. Булдаков // Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. Межвузовский сборник научных трудов. – М.; Тамбов: ТГПИ, 1984. – С. 32-45.

390. Войнов, В. М. Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918-1920 гг.) / В.М. Войнов // Отечественная история. – 1994. – № 6. – С. 51-64.

391. Волков, С. В. Выпуск офицеров из военных училищ и школ прапорщиков в годы Первой мировой войны (анализ количественных данных) / С.В. Волков // Вестник ПСТГУ. – 2014. – Вып. 5. – С. 34-45.

392. Гагкуев, Р. Г. «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону…» / Р.Г. Гагкуев // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. – 2024. – Т. 9. – № 1. – С.6-12.

393. Гагкуев, Р. Г., Шилова, С. Г. Инструкция Белого генерала Н. С. Тимановского об особенностях ведения боевых действий в Гражданскую войну. / Р.Г. Гагкуев, С.Г. Шилова // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2017. – № 4. – С. 144-160.

394. Ганин, А. В. "Несколько раз ходил... в Советский Союз партизанить". Генерал Новиков между красными и белыми / А.В. Ганин // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2022. – № 3 (30). – С. 48-115.

395. Ганин, А. В. «Теперешние события надо взвешивать в масштабе десятилетий, столетий…». Офицер в революции (по дневникам штабс-капитана Василия Цейтлина) / А.В. Ганин // Родина. – 2015. – № 3. – С. 110-115.

396. Ганин, А. В., Новиков, П. А., Хипхенов, Г. И. «Я с броневиком иду в наступление…». Походные заметки русского офицера Чехословацкого корпуса подполковника Б.Ф. Ушакова. Январь-июнь 1918 г. / А.В. Ганин, П.А. Новиков, Г.И. Хипхенов // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – №4 (23). –2020. – С. 226-267.

397. Генкина, Э. Б. Борьба за Царицын в 1918 г. / Э.Б. Генкина // Историк-марксист. –1935. – № 7. – С. 5-29.

398. Голиков, Г. Н. Об изучении истории Октябрьской революции / Г.Н. Голиков // Коммунист. – 1960. – № 10. – С. 89-103.

399. Горелов, Ю. П. История борьбы с белым отрядом полковника Олиферова а Кузбассе / Ю.П. Горелов // История белой Сибири. Тезисы III научной конференции 2-3 февраля 1999 г. – Кемерово, 1999. – С. 152-155.

400. Еремеева, А. Н. «Дабы сохранить воспоминания о переживаемых событиях»: у истоков формирования музейных и архивных коллекций по истории революции и гражданской войны / А.Н. Еремеева // Кубань в эпоху великих потрясений. 1917-1920 гг. // Фелицынские чтения - XIX. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Краснодар: Вика-Принт 2017. – С. 45-48.

401. Ермолаев, А. Н., Дубровская, Е. Д. Рейд отряда Олиферова по территории Кузбасса зимой 1920-1921 гг.: причины неудач красны / А.Н. Ермолаев, Е.Д. Дубровская // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – № 22(1). – С. 13-19.

402. Жарский, А. П., Михайлов, А. А., Шептура, В. Н. Первая мировая война в неопубликованных воспоминаниях В.М. Цейтлина, офицера Российской императорской и Красной армий / А.П. Жарский, А.А. Михайлов, В.Н. Шептура // Вестник архивиста. – 2014. – № 3. – С. 92-110.

403. Журавлев, В. В. Революция как способ реализации личного интереса (К постановке проблемы) / В.В. Журавлев // Революция и человек. Социально-психологический аспект: Материалы конф., 28-30 нояб. 1994 г. /

Редкол.: П. В. Волобуев (отв. ред.) и др. – Москва: Изд. центр ИРИ, 1996. – С. 18-28.

404. Журавлев, В. В. Революционные эпохи в контексте личного интереса. К столетию великой российской революции 1917 года / В.В. Журавлев // Россия XXI век. – 2017. – № 3. – С. 126-145.

405. Зайончковский, П. А. Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной / П.А. Зайончковский // Вопросы истории. – 1981. – № 4. – С. 21-29.

406. Кавтарадзе, А. Г. «Скорее пополнить действующую армию офицерами, ознакомленными со службой Генерального штаба…» / А.Г. Кавтарадзе // Военно-исторический журнал. – 2002. – №1. – С. 48-55.

407. Каминский, В. В. Александр Яковлевич Яновский: 41 год в боевом строю / В.В. Каминский // Новейшая история России. – 2015. – №2. – С. 66-77.

408. Картагузов, С. В. «Сформировать на время военных действий… Уральскую казачью батарею». Участие Уральской казачьей артиллерии в Первой мировой войне / С.В. Картагузов // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 11. – С. 45-51.

409. Князев, М. А. Дворцовый комендант В. Н. Воейков и думско-военная оппозиция: противостояние в годы Первой мировой войны / М.А. Князев // Омский научный вестник. Серия. Общество. История. Современность. – 2020. – Т. 5. – № 2. – С. 55-65.

410. Константинов, С. И. Офицерский корпус белых армий Урала и Сибири в Гражданской войне / С.И. Константинов // Россия и Урал в годы войны и мира. XX век: Офицерский корпус белых армий Урала и Сибири в Гражданской войне. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета (УрГУ), 2006. – С. 208-227.

411. Константинов, С. И. Трагедия офицерского корпуса Белых армий на Востоке страны / С.И. Константинов // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный Альманах. Екатеринбург. – 1996. – №1. – С. 17-30.

412. Константинов, С. В., Оськин, М. В. Русские офицеры военного времени. 1914-1917 гг. / С.В. Константинов, М.В. Оськин // Вопросы истории. – 2009. – № 8. – С. 107-111.

413. Кораблев, Ю. И. Троцкий Лев Давидович / Ю.И. Кораблев // Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 - 28 августа 1923 г.) / под ред. доктора исторических наук Д. П. Ненарокова. – М.: Политиздат, 1991. – С. 19-56.

414. Коровин, В. В. Куряне на Юго-Западном фронте (лето – осень 1914 года) / В.В. Коровин // Армия, общество, человек в Первой мировой войне: материалы Всероссийской науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Брусиловского прорыва. Курск, 17 июня 2016 г. / под ред. В.Л. Богданова. – Курск, 2016. – С. 9-16.

415. Коровин, В. В. 173-й Каменецкий и 174-й Роменский пехотные полки в первый год Великой войны / В.В. Коровин // Русин. – 2014. – № 3(37). – С. 75-84.

416. Курдюк, А. А. О порядке назначения должности генералов и офицеров русской армии в начале XX века / А.А. Курдюк // Вестник Военного университета. – 2007. – Май. – С. 81-86.

417. Левин, М. Гражданская война: динамика и наследие / М. Левин // Гражданская война в России: перекресток мнений. – М.: Наука, 1994. – С. 252-277.

418. Лившиц, И. И. О роли кадровых офицеров в гражданской войне / И.И. Лившиц // Вопросы истории. – 1993. – № 6. С. – 188-189.

419. Лисовой, Я. М. Генеральный штаб (статистический очерк по данным к I декабря 1918 г.) / Я.М. Лисовой // Донская волна. – 1919. – № 9 (37). – С. 11-14.

420. Литвин, А. Л. Средние городские слои Поволжья в годы гражданской войны / А.Л. Литвин // Городские средние слои в Октябрьской революции и Гражданской войне. – М.; Тамбов, 1984. – С. 113-121.

421. Литовский, А. Н. Личности повстанческих командиров среднего и низшего звена: особенности изучения / А.Н. Литовский // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6. – Ч.2. – С.7-10; С. 50-59.

422. Литвинова, В. П., Шейков, В. Н. Привлечение буржуазных специалистов к обороне и хозяйственному строительству в УССР / В.П. Литвинова, В.Н. Шейков // Вопросы истории СССР: Респ. междувед. науч. сб. / Харьк. гос. ун-т им. А.М. Горького; [Редкол.: А.Е. Кучер (отв. ред.) и др.]. – Харьков: Вища шк., 1983. – Вып. 28. – С. 16-17.

423. Марченко, Г. В. Российское офицерство в годы революционных потрясений и Гражданской войны: моральный и политический выбор / Г.В. Марченко // Управленческое консультирование. – 2017. – № 11. – С. 141-147.

424. Медведев, В. Г. Белое движение как феномен российской истории / В.Г. Медведев // История и современность. – 2018. – № 1. – 27-49.

425. Миллер, В. И., Протасов, Л. Г. Революционное движение в армии / В.И. Миллер, Л.Г. Протасов // Советская историография социалистической революции. – М.: Наука, 1981. – С. 147-176.

426. Михайлов, А. А., Филюк, С. О. Реформы российских военно-учебных заведений в 1860-е годы. Альтернативные проекты и итоги / А.А. Михайлов, С.О. Филюк // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 6. – С. 27-35.

427. Назаренко, К. Б. Вооруженные силы и становление Советского государства / К.Б. Назаренко // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. – СПб.: Ист. фак. СПб. гос. ун-та, 2013. Т. 15. – С. 146-163.

428. Никонова, С. И. 6-я Финляндская стрелковая дивизия в зеркале событий Великой Российской революции 1917 года / С.И. Никонова // Научный диалог. –2018. – №11. – С. 245-257.

429. Новиков, П. А. Борис Федорович Ушаков: штрихи к портрету / П.А. Новиков // Белая Армия. Белое дело. – 1999. – № 6. – С. 73-75.

430. Олейников, А. В. Две газовые атаки. 1916 г. / А.В. Олейников // Война и революция: социальные процессы и катастрофы: Материалы Всероссийской научной конференции; г. Москва, 19–20 мая 2016 г. [Электронное издание] / Под ред. А.Б. Ананченко; Московский педагогический государственный университет. Институт истории и политики. – М.: МПГУ, 2016. – С. 324-328.

431. Пахалюк, К. А. Отражение героизма русских солдат и офицеров Первой мировой войны в мемуарной литературе советского периода / К.А. Пахалюк // Великая война. Сто лет /под ред. М.Ю. Мягкова, К. А. Пахалюка. – М; СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 206-236.

432. Петин, Д. И. Феномен офицера в революции сквозь призму истории эмоций: к осмыслению советской автобиографии бывшего колчаковца А. Е. Бурдукова / Д.И. Петин // Новейшая история России. – 2025. – Т. 15. – № 3. – С. 770-784.

433. Поляков, Ю. А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация / Ю.А. Поляков // Отечественная история. – 1992. – № 6. – С. 32-41.

434. Поляков, Ю. А. Гражданская война в России (поиски нового видения) / Ю.А. Поляков // История СССР. – 1990. – № 2. – С. 98-117.

435. Попов, А. В. Подготовка будущих офицеров в военно-учебных заведениях России во время Первой мировой войны / А.В. Попов // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2 (часть 17). – С. 3825-3829.

436. Порошин, А. А. Из истории аттестования офицеров в Русской армии / А.А. Порошин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. История. Международные отношения. – 2011. – Т. 11. – Вып. 1. – С. 46-49.

437. Протасов, Л. Г. Войска в центральной России в 1917 году (численность, состав, комплектование, наложение) / Л.Г. Протасов // Источниковедческие работы. Выпуск 4. / Отв. ред. Г.А. Протасов. – Тамбов: Пролетарский светоч, 1975. – С. 41-67.

438. Протасов, Л. Г. К истории борьбы эсеров за армию в 1917 г. / Л.Г. Протасов // Непролетарские партии России в трёх революциях. Сб. статей. отв. ред. К.В. Гусев. – М.: Наука, 1989. – С. 167-172.

439. Протасов, Л. Г. Парадоксы тамбовского Октября: взгляд через 80 лет / Л.Г. Протасов // Октябрь 1917 года: разлом и связь времен. Мат-лы науч. конф. / ред. Л.Г. Протасов. – Тамбов: Компьютерный центр, 1998. – С. 7-10.

440. Разиньков, М. Е. Причины военного коллаборационизма рядового и младшего офицерского состава в регулярных формированиях РККА и антибольшевистских сил 1918–1920 гг. / М.Е. Разиньков // Трагедия войны. Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века / отв. ред. К. А. Пахалюк. – М.: Издательский дом «Российское военно-историческое общество», Яуза-каталог, 2021. – С. 66-78.

441. Рахманов, А. Б. Социальная мобильность в царстве Марса: Российская императорская армия в 1912 году / А.Б. Рахманов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. –2019. – № 50. – С. 162-186.

442. Розенберг, У. Г. Революция и контрреволюция: синдром насилия в Гражданской войне в России, 1918-1920 / У.Г. Розенберг // Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии / отв. ред. проф. В.В. Калашников; под ред. канд. ист. наук Д.Н. Меньшикова. – СПб.: Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2019. – С. 73-94.

443. Романов, В. И. Армейские гарнизоны Урала в революционных событиях первой половины 1917 года / В.И. Романов // Вестник Челябинского университета. – 2007. – № 11. – С. 59-64.

444. Саблин, А. Ю. Коллективный портрет начальника Омской школы подготовки прапорщиков армейской пехоты / А.Ю. Саблин // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. – 2021. – Т. 6. – № 1. – С. 22-29.

445. Свиридов, А. И. Восстание 7-го запасного кавалерийского полка в Тамбове / А.И. Свиридов // Вопросы исторического краеведения Тамбовской области. – Тамбов: [б. и.], 1986. – С. 14-15.

446. Симонов, Д. Г. Социальная мобильность офицерского корпуса Русской армии во время Первой мировой войны / Д.Г. Симонов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2015. – № 3. – С. 103-117.

447. Спирин, Л. В.И. Ленин и создание советских командных кадров / Л. Спирин // Военно-исторический журнал. – 1965. – № 4. – С. 3-16.

448. Суряев, В. Н. «...Не дворянское звание делало офицером, а офицерское звание делало дворянином». Сословное происхождение русского офицерства в начале XX века / В.Н. Суряев // Военно-исторический журнал. – 2017. – №4. – С. 4-10.

449. Суряев, В. Н. Структура русского офицерского корпуса накануне Первой мировой войны / В.Н. Суряев // Российская история. – 2017. – № 6. – С. 114-128.

450. Уайлдман, А. К. Армия и вопрос о законности власти в России / А.К. Уайлдман // Отечественная история. – 1994. – № 2. – С. 19-30.

451. Фицпатрик, Ш. Гражданская война в советской истории: западная историография и интерпретация / Ш. Фицпатрик // Гражданская война в России: перекресток мнений. – М.: Наука, 1994. – С. 344-363.

452. Чувардин, Г. С. «Немецко – шведское» дворянство в офицерском корпусе российской императорской гвардии в начале XX века / Г.С. Чувардин // Диалог со временем. – 2009. – Вып. 30. – С. 337 - 351.

453. Шатохин, И. Т. Военная интеллигенция в Курской губернии в конце XIX - начале XX вв. / И.Т. Шатохин // Белогорье. Краеведческий альманах. – Вып.1. – Белгород: Изд-во БелГУ, 1999. – С. 30-35.

454. Шестопалова, А. С. Образ офицера в сознании российской общественности после свержения самодержавия / А.С. Шестопалов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 52. – С. 29-32.

455. Шишкин, В. И. Генерал А.Н. Гришин-Алмазов: крушение карьеры (конец августа – сентябрь 1918 г.) / В.И. Шишкин // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск. – 2011. – Т. 10. – Вып. 1. – С. 79-99.

456. Шишкин, В. И. Командующий Сибирской армией генерал А. Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету / В.И. Шишкин // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.): сб. науч. ст. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. – С. 126-195.

457. Эдельман, Дж. Историческое значение русской Гражданской войны / Дж. Эдельман // Гражданская война в России; Перекресток мнений. – М.: Наука, 1994. – С. 362 - 373.

458. Bushnell, John S. The Tsarist Officer Corps, 1881-1914: Customs, Duties, Inefficiency / J.S. Bushnell // American Historical Review. – 1981. – № 4. V. 86. – Pp. 753-780.

459. Gentles, I. The New Model Officer Corps in 1647: a Collective Portrait / I. Gentles // Social History. – 1997. – May. – Vol. 22. – Pp. 127-144.

3. Диссертации и авторефераты

460. Абинякин, Р. М. Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение 1917-1920 гг.: автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Абинякин Роман Михайлович. – Орел, 2000. – 23 с.

461. Агапов, В. Л. Дальневосточная пресса и Первая мировая война: автореф. дис. ... д-ра исторических наук: 5.6.1. / Агапов Вадим Львович. – Владивосток, 2021. – 42 с.

462. Беляев, С. А. Дислокация воинских частей и их участие в революционных событиях на территории Центрального Черноземья в начале XX столетия: 1900 – октябрь 1917 гг.: автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Беляев Сергей Александрович. – Курск, 2003. – 26 с.

463. Базанов, С. Н. Борьба за власть в российской армии на фронтах Первой мировой войны (октябрь 1917 г. – февраль 1918 г.): автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Базанов Сергей Николаевич. – М., 2004. – 36 с.

464. Быков, П. А. Деятельность Коммунистической партии по привлечению старых военных специалистов к строительству Вооруженных Сил Советского государства. (Ноябрь 1917 - 1920 гг.): автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Быков Павел Александрович. – М., 1978. – 20 с.

465. Варзаков, И. В. Комплектование командного состава отечественных вооруженных сил в 1861-1920 гг. (сухопутные войска): автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Варзаков Игорь Валерьевич. – Ижевск 2012. – 32 с.

466. Венков, А. В. Антибольшевистское движение на юге России (1917-1920 гг.). автореф. дис. …д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Венков Андрей Вадимович. – Ростов - н/Д., 1996. – 34 с.

467. Виноградов, П. В. Военно-техническое сотрудничество России с союзниками в годы Первой мировой войны: дальневосточное направление: автореф. дис. …д-ра. ист. наук: 5.6.1. / Виноградов Павел Валентинович – Владивосток, 2023. – 40 с.

468. Войтиков, С. С. Строительство центрального военного аппарата Советской России (1918 г.): автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Войтиков Сергей Сергеевич. – М., 2011. – 24 с.

469. Гайворонская, А. В. Социокультурный облик офицеров Кубанского казачьего войска (1860-1914 гг.): автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Гайворонская Александра Владимировна. – Краснодар, 2013. – 26 с.

470. Гребенкин, И. Н. Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914-1918 гг.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Гребенкин Игорь Николаевич. – Рязань, 2011. – 48 с.

471. Кузнецов, Д. А. Офицерский корпус России (февраль - август 1917 г.): автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Кузнецов Дмитрий Алексеевич. – Воронеж, 2000. – 20 с.

472. Кулаков, В. В. История Военного и государственного строительства белых властей Юга России. 1917-1920 гг. автореф. дис. …д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Кулаков Владимир Владимирович. – М., 2005. – 47 с.

473. Курицын, С. В. Феномен братания на Юго-Западном фронте в 1917 г. (по материалам российских архивов): дис. …канд. ист. наук: 5.6.1. / Курицын Сергей Владимирович. – М., 2021. – 468 с.

474. Кушер, Ю. Л. Вооруженные формирования Белого движения на Юге России: история строительства: 1917-1920 гг.: автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Кушер Юрий Леонидович. – М., 2005. – 27 с.

475. Култышев, П. Г. Русская армия в Первой мировой войне: историко-антропологический аспект: автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Култышев Павел Геннадьевич. – Ростов н/Д, 2010. – 31 с.

476. Лапшин, Ф. А. Армия и революционный процесс в провинции в 1917 – начале 1918 гг.: автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Лапшин Федор Анатольевич. – Кострома, 2001. – 35 с.

477. Лобанов, В. Б. Добровольческая армия на Северном Кавказе, ноябрь 1917 – май 1919 гг. (ноябрь 1917 – май 1919): автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Лобанов Владимир Борисович. – СПб. 2003. – 20 с.

478. Лужбин, А. В. Кавалерия Юго-Западного фронта Первой мировой войны: автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Лужбин Андрей Викторович. – СПб., 2004. – 20 с.

479. Мартиросян, Д. Г. Российско-турецкий фронт Первой мировой войны: автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Мартиросян Давид Георгиевич. – Саратов, 2006. – 31 с.

480. Михайленок, О. М. Российская государственность и вооруженные силы в 1861-1914 гг.: историко-политологический аспект: дис. …канд. полит. Наук: 23.00.01 / Михайленок Олег Михайлович. – 1997. – 216 с.

481. Михайлов, Н. В. Общественно-политические процессы в гарнизонах Воронежской и Тамбовской губерний (март-октябрь 2017 г.):

автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Михайлов Николай Владимирович. – Воронеж, 1996. – 24 с.

482. Морозова, О. М. Человек в условиях гражданской войны: антропология российского вооруженного конфликта. 1917-1920 гг.: автореф. дис. …д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Морозова Ольга Михайловна. – Ростов н/Д., 2012. – 65 с.

483. Постникова, О. А. Деятельность властных структур по нравственному воспитанию офицеров Добровольческой армии и вооруженных сил Юга России (ноябрь 1917 - март 1920 гг.): автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Постникова Ольга Анатольевна. – Самара, 2010. – 20 с.

484. Пученков, А. С. Антибольшевистское движение на Юге и Юго-Западе России (ноябрь 1917 – январь 1919 гг.): идеология, политика, основы режима власти: автореф. дис. …д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Пученков Александр Сергеевич. – СПб., 2014. – 41 с.

485. Романишина, В. Н. Социальный состав и идеология Белого движения в годы гражданской войны в России, 1917-1920 гг.: автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Романишина Вероника Николаевна. – М., 2001. – 23 с.

486. Савченко, О. И. Исторический выбор и судьбы офицеров-артиллеристов Русской Императорской армии: 1917-1941 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Савченко Олег Иванович. – СПб., 2005. – 25 с.

487. Самойлов, А. Ф. Воспитание офицеров белых армий Юга России в духе любви к Отечеству: историческое исследование (ноябрь 1917 – ноябрь 1920 гг.): автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Самойлов Алексей Федорович – М., 2004. – 24 с.

488. Самусенко, В. Н. Исторический опыт деятельности военно-учебных заведений России второй половины XIX - начала XX века по формированию морально-боевых качеств офицерских кадров: автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Самусенко Владимир Николаевич. – СПб., 2005. – 21 с.

489. Стрекалов, И. И. Строительство Красной армии в войсках завесы (март - октябрь 1918 года): автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Стрекалов Игорь Игоревич – М., 2004. – 20 с.

490. Фоменко, М. В. Центральные органы управления Вооруженными Силами Советского государства в октябре 1917 – августе 1923 гг.: автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Фоменко Максим Викторович – М., 2008. – 27 с.

491. Фомин, А.Ю. Российское офицерство и публичная политика политические взгляды военнослужащих в отражении военной печати: 1906-1914 гг.: автореф. дис. …канд. ист. наук: 5.6.1. / Фомин Антон Юрьевич – СПб., 2022. – 33 с.

492. Цаканян, Г. Н. Белая власть Юга России и антибольшевистские политические партии и организации в 1918-1920 гг.: автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Цаканян Гаянэ Николаевна. – Пятигорск, 2004. – 26 с.

493. Чувардин, Г. С. Офицерский корпус российской императорской гвардии в системе военной и военно-политической элиты Российской империи 1881-1914 гг.: автореф. дис. …д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Чувардин Герман Сергеевич. – Брянск, 2017. – 42 с.

494. Шувалов, А. А. Командный состав Красной Армии и Белого движения в годы Гражданской войны (октябрь 1917 – конец 1920 года): дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Шувалов Александр Анатольевич. – Брянск, 2007. – 320 с.

495. Шумаков, М. Д. Оборона Царицына в период Гражданской войны в России в 1918 г.: военно-стратегическое, политическое и историко-культурное измерения: дис. …канд. ист. наук: 5.6.1. / Шумаков Михаил Дмитриевич. – СПб., 2024. – 348 с.

496. Яковлев, А. Н. Деятельность администрации Приамурского края в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.): автореф. дис. ...канд. ист. наук: 5.6.1. / Яковлев Александр Николаевич. – Владивосток, 2025. – 26 с.

III. Электронные ресурсы

497. Бессмертный барак. Единая база данных жертв репрессий в СССР. // URL: https://bessmertnybarak.ru/books/.

498.ВикипедиЯ. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Заглавная_страница?ysclid=mprupuorrl450971414.

499. ВикиЧтение. // URL: https://history.wikireading.ru/?ysclid=mpr8vzly6t305080237.

500. Всероссийское генеалогическое древо. // URL: https://vgd.ru/.

501. Генералитет Российской империи (армия, флот и военизированные корпуса). // URL: http://rusgeneral.ru/.

502. ГИС и БД «Бунтарские события в городах России в феврале 1917 – августе 1918 годов». // URL. https://ineternum.ru/bunt/.

503. Исторический форум. // URL: http://forum.istorichka.ru/cgi-bin/yabb2/YaBB.pl.

504. Открытый список. // URL: https://ru.openlist.wiki/.

505. Офицеры РИА 1914. // URL: http://ria1914.info.

506. Проект Союза Возрождения Родословных Традиций (СВРТ). // URL: https://1914.svrt.ru/.

507. Русская армия в Первой мировой войне. // URL: http://www.grwar.ru/.

508. Русская Императорская армия. // URL: https://regiment.ru/index.htm.

509. Сайт историка и генеалога Григорова. // URL: https://genealog-grigorov.ru/.

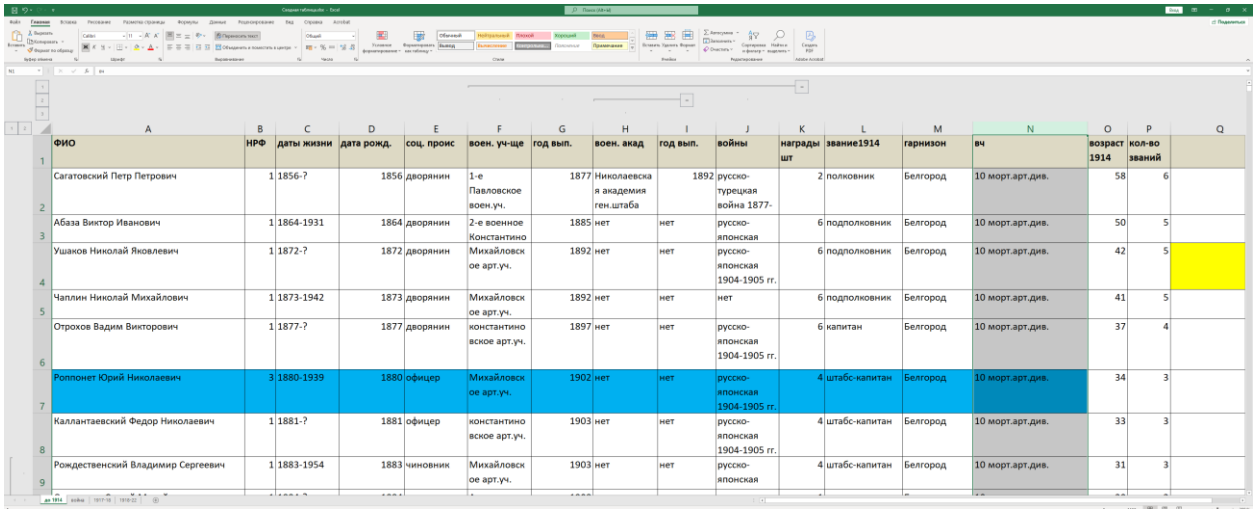
510. Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. // URL: https://swolkov.org/.

511. Энциклопедия РУНИВЕРСАЛИС. // URL: https://руни.рф/.

512. GENi. // URL: https://www.geni.com/.

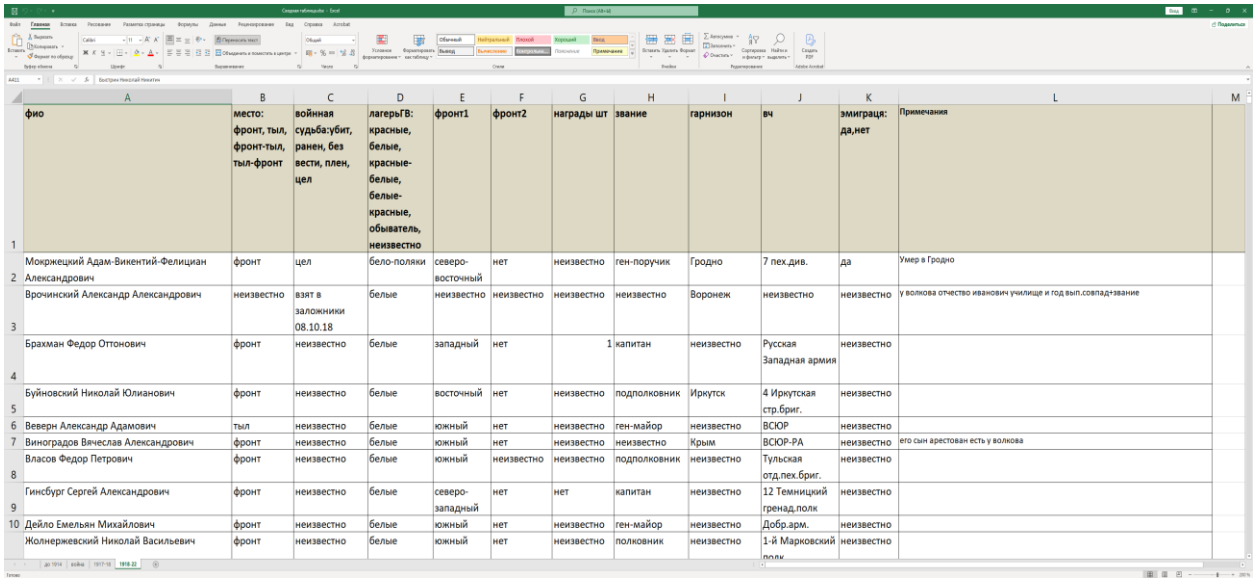
Приложения

Приложение 1. Сводная база данных кадровых офицеров провинциальных гарнизонов Воронежской, Курской и Тамбовской губерний: Лист 1.



	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q
1	ФИО	НРФ	даты жизни	дата рожд.	соц. проис	воен. уч-ще	год вып.	воен. акад	год вып.	войны	награды шт	звание1914	гарнизон	вч	возраст 1914	кол-во званий	
2	Сагатовский Петр Петрович	1	1856-?	1856	дворянин	1-е Павловское воен.уч.	1877	Николаевская академия ген.штаба	1892	русско-турецкая война 1877-	2	полковник	Белгород	10 морт.арт.див.	58	6	
3	Абаза Виктор Иванович	1	1864-1931	1864	дворянин	2-е военное Константино	1885	нет	нет	русско-японская	6	подполковник	Белгород	10 морт.арт.див.	50	5	
4	Ушаков Николай Яковлевич	1	1872-?	1872	дворянин	Михайловское арт.уч.	1892	нет	нет	русско-японская 1904-1905 гг.	6	подполковник	Белгород	10 морт.арт.див.	42	5	
5	Чаплин Николай Михайлович	1	1873-1942	1873	дворянин	Михайловское арт.уч.	1892	нет	нет	нет	6	подполковник	Белгород	10 морт.арт.див.	41	5	
6	Отрохов Вадим Викторович	1	1877-?	1877	дворянин	константиновское арт.уч.	1897	нет	нет	русско-японская 1904-1905 гг.	6	капитан	Белгород	10 морт.арт.див.	37	4	
7	Роппонет Юрий Николаевич	3	1880-1939	1880	офицер	Михайловское арт.уч.	1902	нет	нет	русско-японская 1904-1905 гг.	4	штабс-капитан	Белгород	10 морт.арт.див.	34	3	
8	Каллантаевский Федор Николаевич	1	1881-?	1881	офицер	константиновское арт.уч.	1903	нет	нет	русско-японская 1904-1905 гг.	4	штабс-капитан	Белгород	10 морт.арт.див.	33	3	
9	Рождественский Владимир Сергеевич	1	1883-1954	1883	чиновник	Михайловское арт.уч.	1903	нет	нет	русско-японская	4	штабс-капитан	Белгород	10 морт.арт.див.	31	3	

Приложение 2. Сводная база данных кадровых офицеров провинциальных гарнизонов Воронежской, Курской и Тамбовской губерний: Лист 4.



	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M
1	фио	место: фронт, тыл, фронт-тыл, тыл-фронт	войная судьба:убит, ранен, без вести, плен, цел	лагерьГВ: красные, белые, красные-белые, белые-красные, обыватель, неизвестно	фронт1	фронт2	награды шт	звание	гарнизон	вч	эмиграця: да,нет	Примечания	
2	Мокржецкий Адам-Викентий-Фелициан Александрович	фронт	цел	бело-поляки	северо-восточный	нет	неизвестно	ген-поручик	Гродно	7 пех.див.	да	Умер в Гродно	
3	Врочинский Александр Александрович	неизвестно	взят в заложники 08.10.18	белые	неизвестно	неизвестно	неизвестно	неизвестно	Воронеж	неизвестно	неизвестно	у волкова отчество иванович училище и год вып.совпад+звание	
4	Брахман Федор Оттонович	фронт	неизвестно	белые	западный	нет	1	капитан	неизвестно	Русская Западная армия	неизвестно		
5	Буйновский Николай Юлианович	фронт	неизвестно	белые	восточный	нет	неизвестно	подполковник	Иркутск	4 Иркутская стр.бриг.	неизвестно		
6	Веверн Александр Адамович	тыл	неизвестно	белые	южный	нет	неизвестно	ген-майор	неизвестно	ВСЮР	неизвестно		
7	Виноградов Вячеслав Александрович	фронт	неизвестно	белые	южный	нет	неизвестно	неизвестно	Крым	ВСЮР-РА	неизвестно	его сын арестован есть у волкова	
8	Власов Федор Петрович	фронт	неизвестно	белые	южный	неизвестно	неизвестно	подполковник	неизвестно	Тульская отд.пех.бриг.	неизвестно		
9	Гинсбург Сергей Александрович	фронт	неизвестно	белые	северо-западный	нет	нет	капитан	неизвестно	12 Темницкий гренад.полк	неизвестно		
10	Дейло Емельян Михайлович	фронт	неизвестно	белые	южный	нет	неизвестно	ген-майор	неизвестно	Добр.арм.	неизвестно		
	Жолнержевский Николай Васильевич	фронт	неизвестно	белые	южный	нет	неизвестно	полковник	неизвестно	1-й Марковский полк	неизвестно		